

Виктор Кельнер

ЩИТЪ

М. М. Винавер и еврейский вопрос
в России в конце XIX — начале XX века

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Виктор Кельнер

ШИТЪ

М. М. Винавер и еврейский вопрос
в России в конце XIX — начале XX века

Санкт-Петербург, 2018

УДК 329.7(47)
ББК 66.3(2Рос)
К 34

Утверждено к печати Ученым советом
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Кельнер, В. Е.

к 34 Щит. М. М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX века / Виктор Кельнер. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 510 с. + 12 с. ил.
ISBN 978-5-94380-265-2

Книга посвящена истории *еврейского вопроса* в России, еврейского правозащитного и политического движения, роли еврейских партий и организаций в политической и общественной жизни России и их деятельности по защите и продвижению национальных интересов своего народа. В центре этой деятельности стоял известный политик, юрист, член ЦК Партии народной свободы (Конституционно-демократической партии), депутат I Государственной думы М. М. Винавер.

В 1905 году была основана первая еврейская легальная общественно-политическая организация в России — «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России», которым М. М. Винавер фактически руководил. В работе Союза приняли активное участие представители практически всех, за исключением социалистических, направлений еврейской политической жизни: сионисты, автономисты, либералы, народники. В дальнейшем идеи Союза нашли свое воплощение в деятельности таких еврейских национальных общественных и политических структур, как Еврейская народная группа, Еврейская демократическая группа, «Фолкспартей», сионистское движение.

В книге делается попытка проанализировать роль еврейского вопроса в эволюции общероссийской общественной жизни второй половины XIX — начала XX века, в том числе накануне и в период Первой мировой войны, революционных событий 1917 года, Гражданской войны и эмиграции. Значительное место в работе отведено исследованию воздействия еврейского либерального движения на механизм принятия решений по еврейскому вопросу российскими политическими и государственными структурами. Книга написана на основе документов из архивохранилищ России, США и Израиля.

УДК 329.7(47)
ББК 66.3(2Рос)

В оформлении обложки использовано изображение печати
Русского общества изучения еврейской жизни (1915)

На фронтисписе: Э. Браз. Портрет М. М. Винавера. 1890-е. Частное собрание
(Источник: Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2017)

© В. Е. Кельнер, 2018
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2018

ISBN 978-5-94380-265-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Предисловие	8
Глава 1. Истоки	29
Глава 2. «Новые петербуржцы»	53
Глава 3. «Бюро защиты»	85
Глава 4. Трибуна	117
Глава 5. Апикойрес, или Муж Совета	148
Глава 6. Два полюса, или Винавер vs Жаботинский	172
Глава 7. Разброд и шатание	194
Глава 8. Тщетные усилия, или «Ковенский транзит»	214
Глава 9. Превратности любви	256
Глава 10. Поле после битвы	284
Глава 11. На излете империи	306
Глава 12. Русское общество между лоббизмом и юдофилией ...	347
Глава 13. Упущенная выгода	367
Глава 14. Последний лоббист	394
След в ночи (Вместо заключения)	437
Основные источники и литература	451
Сокращения	495
Термины	496
Указатель имен	497

ОТ АВТОРА

Сейчас мне кажется, что я писал эту книгу с того момента, как стал систематически заниматься историей российского еврейства. С именем Максима Моисеевича Винавера я впервые столкнулся в начале 1970-х годов, когда, работая в Российской национальной библиотеке, приступил к созданию библиографии «Литература о евреях на русском языке». Делал я это, естественно, в ту пору для себя, так сказать, «в стол». Тогдашние мои научные интересы, носившие весьма прагматичный характер, постепенно сосредоточились на истории книжного дела в России и русского либерализма. Но особенности развития российской общественной и политической жизни конца XIX — начала XX века заключались в ее неразрывной связи с историей российского еврейства. Поэтому я в своих исследованиях отечественного книжного дела вполне мог совместить эти два направления.

В конце 1980-х годов я уже легализовал свой интерес к истории евреев в России. При этом выяснилось, что ближайшие коллеги по библиотеке прекрасно знали о моих «тайных» увлечениях. Кардинальные изменения в стране и обстановка в библиотеке позволили мне превратить свое «хобби» в плановую научную работу. Постепенно практически вся моя научная деятельность, как в стенах библиотеки, так и позднее в Европейском университете сосредоточилась исключительно на истории российского еврейства. Более всего я интересовался историей еврейского народа до 1917 года и неразрывно связанными с ней русско-еврейскими отношениями, с пресловутым *еврейским вопросом*. В 1997 году, во время моей трехмесячной стажировки в США Institute for Jewish Research «выбрал» меня для работы в своем архиве. Руководитель архива этого института Марек Вебб поручил мне описать ряд фондов. Среди них оказалась и коллекция документов и материалов М. М. Винавера.

Однако на протяжении последующего десятилетия я в основном исследовал практически все, что было связано не с ним, а с жизнью и деятельностью ученого и политика С. М. Дубнова,

чья могучая фигура заслонила для меня весь еврейский ландшафт того времени. Но при этом я фиксировал и документы о М. М. Винавере, благо их жизненные пути постоянно пересекались. Все это позволило сразу же по окончании работы над биографией Дубнова приступить к регулярному и систематическому сбору информации о моем новом герое. Для этого я вновь побывал в США и в Израиле, обратился к архивам Санкт-Петербурга и Москвы. С этой же темой оказались тесно связаны мои исследования жизни и деятельности таких ярких личностей той эпохи, как А. И. Браудо и С. В. Познер — людей, на протяжении десятилетий сотрудничавших с Винавером.

Идею написать эту книгу о М. М. Винавере как о главном еврейском политическом лоббисте, фигуре, связавшей воедино русский и еврейский политический мир той эпохи, мне подали друзья и коллеги: О. В. Будницкий и Б. И. Колоницкий. По их мнению, она является логичным продолжением моих работ по истории еврейских политических движений и организаций и их связи с историей русского освободительного движения.

Постепенно я все больше и больше проникался мыслью об исследовании деятельности Винавера исключительно как еврейского национального лидера и правозащитника. При этом я ни в коей мере не претендую на создание его полной политической биографии. Жизнь и деятельность Винавера как российского политика и юриста в данном случае дается мною как некий необходимый фон, тот общественно-политический контекст, от которого он был неотделим на протяжении двадцати пяти лет.

Работая над этой книгой, я неизменно пользовался советами и поддержкой друзей и коллег, с которыми делился мыслями по поводу биографии своего героя. В первую очередь я благодарю О. В. Будницкого, который на протяжении всего периода моей работы не просто ограничивался советами, а направлял мои устремления в нужное, ограниченное целесообразностью, русло. В этой работе я опирался на благожелательное отношение Б. Натанса (США), Г. Эстрайха (США–Великобритания), М. Сороки-Воробьевой (Канада). Очень важным было для меня доброе отношение друзей и коллег по «Петербургской иудаике» и Европейскому университету: А. Соколовой, А. Иванова, В. Дымшица, Н. Вахтина и так рано покинувшей нас Полины

Вахтиной. Нельзя не отметить и значение интеллектуальной атмосферы на факультете истории Европейского университета. Немалую роль в работе сыграла возможность «оттачивать» некоторые положения данной темы на регулярных конференциях центра «Сэфер».

Мои изыскания в архивах были бы бесплодны без профессиональной помощи коллег и друзей: В. Лукина (Центральный архив истории еврейского народа, Иерусалим, Израиль), Л. Шолоховой и М. Вебба (YIVO — Институт еврейских научных исследований, США), М. Гончарка (Центральный сионистский архив, Иерусалим, Израиль); В. Каплан, которая обеспечила мою работу в «Архиве В. (З.) Жаботинского» (Дом Жаботинского) в Тель-Авиве, А. Вальдмана (Центральная библиотека Еврейского национального университета, Иерусалим, Израиль), Т. Чеботаревой (Бахметьевский архив русской и восточноевропейской культуры, Департамент редких книг и рукописей, Колумбийский университет, Нью-Йорк, США), В. Хазана (Еврейский национальный университет, Иерусалим, Израиль), А. Хаеша, благодаря безмерной любезности которого я получил копии необходимых документов из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, и А. Некрасовой, обеспечившей меня копиями писем Винавера из архива Российской Академии наук. Отдельную благодарность за материальную поддержку моего исследования мне хотелось бы выразить руководству Пенсильванского университета (Филадельфия, США).

«Кров и хлеб» в годы работы я постоянно находил в Иерусалиме в домах А. и С. Бадю и В. и Н. Лукиных. В Тель-Авиве и в Бат-Яме я всегда знал, что могу «преклонить голову» в домах В. Каплан и Н. Щербань (Ширбан), в США — в квартирах Б. и Л. (В.) Кельнеров в Нью-Йорке и М. и А. Глантс в Бостоне, в Великобритании, в Лондоне — в доме четы Макмиллан.

В поисках и в снабжении американской исторической литературой, освещающей историю российского еврейства, большую помощь мне оказали Б. Натанс и В. Щедрин (США–Канада). Все эти годы, пока я занимался изучением биографии М. М. Винавера, я находился под твердым и принципиальным надзором старых друзей, тех, кто уже много лет делит со мной трудности и радости жизни: О. Новиковой, А. Бадю, В. Сажина,

От автора

М. Никитиной (Мельниченко), Л. и Ю. Тарасовых, О. Ярлыковой (Кириловой), Т. Флори и семьи Добужских.

Моральную и «техническую» поддержку мне постоянно оказывала Н. Кузнецова. Предварительную редакторскую работу с рукописью провела Ю. Рец.

Думаю, что эта работа вряд ли могла бы осуществиться без участия моего сына — Станислава Кельнера.

Санкт–Петербург, декабрь 2017 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Душевных наших мук не стоит
мир, оставим заблужденья!

А. С. Пушкин

Еврейский вопрос в России изначально имел инфернальный характер. Первоначально в его религиозном, антииудейском значении он был унаследован от Византии еще задолго до появления на Руси самих евреев. В своем социальном смысле еврейский вопрос в коллективном сознании возник в конце XVIII века, когда несколько сотен тысяч евреев Речи Посполитой в одночасье стали российскими подданными. Отношение к еврейству в стране претерпевало эволюцию по мере перехода народа от своего «польско-литовского прошлого» к российскому настоящему и постепенному его вхождению в русскую социальную и общественную жизнь. В 1860-е годы проблемы, связанные с поисками путей решения еврейского вопроса, заняли важное место в массовом сознании, он стал неотъемлемой частью общественного и политического дискурса. На протяжении десятилетий о нем с разной степенью интенсивности рассуждали многие участники политической жизни страны: от декабристов до революционных народников, от славянофилов до западников — кажется, все были озабочены местом и ролью евреев в России¹.

В политическом значении еврейский вопрос, наряду с польским и финляндским, стал доминировать на рубеже XIX–XX веков. Характеризуя этот период, историк и публицист Самуил Вермель отмечал: «Еврейский вопрос стал стержнем русской

¹ Колинчук С. Павел Аксельрод, Лев Дейч и другие: Евреи-народники и погромы 80-х гг. XIX в. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1998. № 2 (18). С. 4–62; Антисемитизм и русское народничество: письмо Б. Николаевского — С. Дубнову / публ. Ст. Кельнера // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1995. № 3 (10). С. 212–215; Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000; Klier J. D. Imperial Russia's Jewish Question: 1855–1881. Cambridge, 1995; Löwe H.-D. The Tsars and the Jews: Reform, Reaction, and Antisemitism in Imperial Russia, 1772–1917. London, 1993; Schedrin V. Jewish Souls, Bureaucratic Minds: Jewish Bureaucratic and Policy-making in Late Imperial Russia, 1850–1917. Detroit, 2016.

жизни. От городского до министра, от полицейского участка до Сената и Государственного Совета, все поглощены были еврейским вопросом»².

Евреи традиционно внимательно следили за метаморфозами отношения к своему народу, как на государственном, так и на общественном уровне. Государственная политика по отношению к миллионному еврейскому населению, выражавшаяся в огромном количестве всевозможных запретительных законов, а с начала 1880-х годов и физический террор постоянно вызывали противодействие со стороны еврейского сообщества. Первоначально это сопротивление ограничивалось использованием традиционной системы *штадланута* — персональными и коллективными петициями, адресованными высшему руководству страны, использованием личных связей. Неким ответом на законодательный террор стало и увеличение эмиграционного потока. Изменение форм и методов воздействия на государственные структуры и общественное мнение в решении еврейского вопроса происходило по мере трансформации всего российского общества.

С начала XX века еврейский вопрос стал заложником русской политической реальности, противостояния различных направлений в общественной жизни. Практически параллельно менялся и весь строй самой еврейской жизни. На арену борьбы за национальные права вышли новые силы. Еврейская община делегировала отстаивание своих прав русско-еврейской интеллигенции и политическим партиям.

Еврейская правозащитная деятельность с конца XIX века — это часть или, скорее, форма еврейского национального движения, его либерального направления. Ее содержание менялось в зависимости от трансформаций в политическом и духовном ландшафте страны. В России, с ее особенностями общественного и политического развития, защита и продвижение интересов еврейского населения уже в начале XX века оказались теснейшим образом связанными с рождением политических партий, с созданием и работой Государственной думы. Рубеж веков — это эпоха бурного роста политизированности евреев. Это время появления на национальной арене *сионизма*, собственных

² Вермель С. С. В. Г. Короленко и евреи: воспоминания, письма. М., 1924. С. 5.

социалистических и народнических партий и организаций, ассимиляционных тенденций и ухода многих евреев в общероссийскую духовную и политическую жизнь. Активная защита национальных прав и интересов предполагала тесное взаимодействие с русскими политическими и общественными силами и одновременно поиск контактов с представителями государственной бюрократической системы. По сути это было новое явление, которое можно определить термином *лоббирование*³. К этому времени часть еврейской общественной элиты уже входила в состав элиты общероссийской. Многие ее представители оказались в двойственном положении: они были вынуждены одновременно выступать и в роли национальных деятелей, и как члены общероссийских партий и организаций. Чаще всего речь шла о партиях прогрессивных, либеральных и демократических, поэтому их стратегические интересы совпадали. Но тактически дело отстаивания «еврейских» интересов далеко не всегда казалось «уместным» в тот или иной политический момент. Главными лоббистами стали евреи-либералы, которые неустанно искали консенсус с самыми разными группами русского общества и отдельными представителями властных структур. Эффективность лоббирования во многом зависела от морального состояния всего общества, от состояния его гуманитарной среды. Наибольший успех сопутствовал защитникам прав евреев в начале 1900-х годов, когда чаяния либеральной еврейской интеллигенции нашли поддержку у значительной части отечественной либеральной и демократической элиты. Эту группу интеллигенции в то время действительно волновали проблемы *антисемитизма*, *антиеврейского законодательства* и их составляющие: черта еврейской оседлости, процентная

³ Я в данном случае сознательно применяю этот термин, хотя в России он получил хождение не ранее конца 1940-х годов. При этом он имел, а для части общества имеет и по сей день (неправомерно, с моей точки зрения), негативную коннотацию. На самом же деле лоббизм — это совершенно естественное явление, исходящее из политических реалий как в России, так и в других странах. Я считаю, что именно данный термин в известной степени отражает уровень модернизации еврейской общественной жизни, ее переход от штабланута к политической форме воздействия. Нельзя забывать и о том, что в тот период в России имелись и иные лоббистские группы: польское коло, объединение мусульман-депутатов Думы, защитники интересов казачества, промышленников и др.

норма, погромы и разнузданная пропаганда националистической печати. Все это к началу XX века превратилось в символ ненавистного самодержавия. Еврейство казалось тогда многим русским политикам чуть ли не поголовно радикально настроенным и политически сверхактивным, а значит, его можно было использовать в качестве союзников. Для значительной части русской интеллигенции требовать еврейского равноправия стало модным поветрием. Но, как всякая мода, эта тенденция оказалась преходящим явлением. Поражение в революции 1905–1907 годов привело в лучшем случае к разочарованию и асемитизму, а в худшем — к возвращению старых и появлению новых антиеврейских фобий⁴.

С 1906 года защита интересов еврейского населения являлась частью тактики ряда партий в Государственной думе. Более того, еврейский вопрос стал заложником хитросплетений в политической игре. Особенно ярко это проявилось в период Первой мировой войны.

В своем стремлении к расширению общественного и политического поля лоббисты из либерального лагеря столкнулись с сопротивлением со стороны как значительной части сионистского движения, так и со стороны еврейских социалистических партий и организаций. Наиболее четко эти противоречия проявились в период 1905–1907 годов. Это отразилось в дискуссиях о выборе национального пути на съездах «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России», в ходе споров на Сессии еврейских общественных деятелей в Ковно в 1909 году и в работе Политического бюро при евреях-депутатах Государственной думы⁵.

⁴ Кельнер В. Е. Русская интеллигенция и еврейский вопрос в начале XX в.: Антисемитизм. Юдофилия. Асемитизм // Параллели: русско-еврейский историко-литерат. и библиогр. альманах (Москва). 2004. №. 4–5. С. 73–86. Для понимания генезиса и эволюции восприятия еврейского вопроса русским обществом важнейшей работой является статья О. В. Будницкого «В. А. Маклаков и еврейский вопрос: Из истории русского либерализма» (Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1999. № 1 (19). С. 42–94).

⁵ Кельнер В. Е. «Их цели могут быть высоки, но они — не наши цели»: (М. М. Винавер — антисемит) // *Judaica Petropolitana*. Иерусалим; СПб., 2013. № 1. С. 114–132; Кельнер В. Е. Российское еврейство в поисках идентификации: От религиозной общины к национальному сообществу: (Ковенское совещание

Отдельную страницу в истории перехода от штатдланута к политическому лоббированию представляет апеллирование ведущих представителей российского еврейства к еврейству США и стран Европы. Традиции в деле поддержки российского еврейства иностранными общинами восходят еще к первой половине XIX века. Тогда это главным образом было связано с деятельностью британского филантропа М. Монтефиоре⁶. В дальнейшем давление со стороны зарубежной общественности становилось все решительнее и зачастую переходило из сферы критики со стороны отдельных представителей западного и американского финансового истеблишмента к использованию еврейского вопроса в межгосударственных отношениях⁷. Отдельный интерес представляет история поддержки еврейского национального движения европейской и американской диаспорами⁸.

С конца XIX века и вплоть до 1917 года ведущей политической фигурой, «главным еврейским защитником» той эпохи являлся политический и общественный деятель, депутат I Государственной думы в России, член Центрального комитета Партии конституционных демократов М. М. Винавер. Эта книга

еврейских религиозных и общественных деятелей, 1909 г.) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 3. Т. 2: Философия. С. 153–164.

⁶ *Lederhendler E. The Road to Modern Jewish Polite: Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community of Tsarist Russia.* New York; Oxford, 1989; *Green A. Moses Montefiore: Jewish Liberator, Imperial Hero.* Cambridge, 2010; *Levene M. War, Jews and the New Europe: The Diplomacy of Lucien Wolf: 1914–1919.* Oxford, 1992; *Rubenstein W. D., Rubenstein H. Philosemitism: Admiration and Support in the English-Speaking World for Jews, 1840–1939.* London, 1999.

⁷ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время.* СПб., 1999. С. 192–195; *Журавлева В. И. Понимание России в США: Образы и мифы (1881–1914).* М., 2012; *Энгель В. В. «Еврейский вопрос в русско-американских отношениях: (На примере «паспортного» вопроса, 1864–1913).* М., 1998; *Мундлин А. Б. Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX в. // Вестник Еврейского ун-та (Москва).* 1996. № 2 (12). С. 81–103; *Best G. D. Free a People: American Jewish Leaders and the Jewish Problem in Eastern Europe, 1900–1914.* Westport; London, 1982; *Cohen N. W. Jacob H. Schiff: A Study in American Jewish Leadership.* Hanover, New England, 1999; *Levene M. War, Jews and the New Europe.*

⁸ *Szajkowski Z. Paul Nathan, Lucien Wolf, Jacob Schiff and the Jewish Revolutionary Movement in Eastern Europe, 1903–1917 // Jewish Social Studies.* 1967. N 29 (Apr.). P. 3–26; *Johnson S. Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europe's Jewish Question, 1867–1925.* London, 2013.

не является биографическим исследованием. Я практически не затрагиваю деятельность Винавера как юриста. Лишь в необходимых масштабах я говорю о его роли в жизни Партии конституционных демократов. Цель исследования — показать значение Винавера в еврейском национальном движении той эпохи.

М. М. Винавер и его семья бежали из Петрограда, спасаясь от ареста, в начале декабря 1917 года⁹. Им пришлось оставить дома архив и обширную библиотеку, дальнейшую судьбу которых до конца мне так и не удалось проследить¹⁰.

Личные фонды Винавера в Institute for Jewish Research (YIVO), в Государственном архиве Российской Федерации в Москве (ГАРФ) и в Бахметьевском архиве в Колумбийском университете в Нью-Йорке отражают в основном его политическую, в том числе партийную работу в период после свержения самодержавия, в годы Гражданской войны в России, в период исполнения обязанностей министра внешних сношений в Крымском краевом правительстве в конце 1918 — начале 1919 года. В этих собраниях больше всего документов и материалов, посвященных истории эмигрантского этапа его деятельности¹¹.

⁹ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной Думы Максима Моисеевича Винавера / вступ. ст., подготовка к печати и коммент. В. Е. Кельнера и О. А. Коростелева // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2012. Т. 7. С. 82.

¹⁰ В мае 1922 года С. М. Дубнов, будучи еще формально руководителем Еврейского историко-этнографического общества, сообщал Винаверу: «Готовясь уехать из Петербурга, я постарался собрать сведения о Вашей библиотеке и архиве, оставленных в квартире на Захарьевской, и получил успокоительную справку: все цело и охраняется жильцами. Я рад сообщить Вам об этом редком в Совдепии случае» (В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером / публ., предисл. и коммент. В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 2000. № 3 (21). С. 271). Сообщение Я. Бердичевского о том, что якобы библиотека Винавера позднее попала в фонды Научной библиотеки МГУ, не находит подтверждения (*Бердичевский Я.* Народ Книги: К истории еврейского библиофильства в России: 2 изд., доп. Киев, 2005. С. 117). Можно предположить, что книжное собрание Винавера, как и книги из некоторых других личных библиотек, были проданы за рубеж в середине 1920-х годов.

¹¹ Institute for Jewish Research (YIVO). New York, USA. Vinaver's Papers. RG. 87; 88; Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library. Columbia University, New York, USA (BAR). Maksim Moiseevich Vinaver. Papers. N 59.

Письма Винавера к ряду политических деятелей, посвященные полемике по национальному вопросу в 1909–1911 годах, и его переписка в годы Первой мировой войны находятся в «Доме Плеханова» в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (РНБ)¹². Весьма ценными для понимания сути еврейского национального политического лоббирования являются документы, хранящиеся в фонде С. Л. Каменецкого в Рукописном отделе РНБ¹³. Значительные, но разрозненные документы, связанные с различными периодами его жизни, находятся в ряде архивохранилищ России и США, в персональных фондах многих российских политических деятелей, современников Винавера¹⁴.

Сам М. М. Винавер не оставил мемуаров в принятом понимании этого жанра. Практически всем своим воспоминаниям он придавал форму некрологов, посвященных памяти коллег и друзей, в том числе и соратников по еврейскому национальному движению¹⁵. Единственными материалами, которые можно действительно охарактеризовать как «чистые мемуары» — это его речь на учредительном собрании Еврейского историко-этнографического общества, опубликованная в 1909 году, воспоминания о встречах с С. Ю. Витте, статья «Еврейский

¹² Российская национальная библиотека. Дом Плеханова (РНБ ДП). Ф. 753 (Струве П. Б.).

¹³ Российская национальная библиотека. Рукописный отдел (РНБ РО). Ф. 332 (Каменецкий С. Л.). Д. 73.

¹⁴ См., например: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5818 (Винавер М. М.); Ф. 5839 (Петрункевич И. И.). Оп. 1. Д. 45; Ф. 579 (Милуков П. Н.); Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1565 (Союз для достижения полноправия еврейского народа в России); РНБ РО. Ф. 211 (Горнфельд А. Г.); Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2049 (Шефтель М. И.). Оп. 1; Central Archives History Jewish People. Jerusalem, Israel (САНJP) — Центральный архив истории еврейского народа. Иерусалим, Израиль (ЦАИЕНИ). Ф. НМЗ (Союз для достижения полноправия еврейского народа в России). Собранные в этом фонде документы являются копиями фонда того же общества, которое находится в Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (Ф. 1565).

¹⁵ Винавер М. Недавнее: воспоминания и характеристики. 2 изд. Париж, 1926. Позднее он, придерживаясь данного формата, неоднократно публиковал свои воспоминания об отдельных соратниках в издаваемом им в Париже в 1919–1924 годах журнале «Еврейская трибуна» и на страницах газеты «Последние новости».

вопрос в I Государственной думе», опубликованная в 1907 году, так сказать, по горячим следам¹⁶, очерк в специальном сборнике, посвященном десятилетию I Государственной думы¹⁷, и книга, освещающая работу Крымского краевого правительства¹⁸. Многие говорят об эволюции взглядов Винавера на дело борьбы за равноправие его переписка с С. М. Дубновым¹⁹. Из неопубликованных мемуарных материалов Винавера следует указать на фрагменты воспоминаний, находящиеся среди его бумаг в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в США²⁰, и на черновые наброски, посвященные памяти коллеги по Государственной думе М. Я. Острогорского²¹. С известной степенью допущения к подобному же жанру можно отнести и его брошюру «Кадеты и еврейский вопрос»²². В этой работе он отстаивал правильность своей национальной тактики в рядах ведущей тогда политической силы в Государственной думе — Партии кадетов.

С наибольшей полнотой жизненный путь Винавера прослеживается в мемуарах его жены — Розы Георгиевны Винавер (Хишиной)²³. В них Винавер предстает не столько в качестве еврейского национального деятеля, сколько как фигура все-российского масштаба. В глазах жены он — признанный лидер общероссийской политической оппозиции²⁴.

¹⁶ Винавер М. Еврейский вопрос в Первой Государственной думе // Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 1–5; № 3. С. 2–6.

¹⁷ Винавер М. Как мы занимались историей // Еврейская старина. 1909. Т. 1, вып. 1. С. 41–54; Винавер М. В ожидании роспуска и после роспуска: отрывки из воспоминаний // К десятилетию Первой Государственной думы 27 апреля 1906 г. — 27 апреля 1916 г. Пг., 1916. Сб. 1. С. 95–113; Винавер М. Беседы с графом Витте // Новый восход. 1915. № 9. Стб. 6–9.

¹⁸ Винавер М. Недавнее.

¹⁹ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером.

²⁰ Bakhmeteff Archives of the Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library. Maxim Moiseevich Vinaver. Papers.

²¹ ГАРФ. Ф. 5818 (Винавер М. М.). Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

²² Винавер М. Кадеты и еврейский вопрос. СПб., 1907.

²³ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера.

²⁴ Здесь мы должны отметить, что в мемуаристке сложилось превратное представление об Р. Г. Винавер как о женщине, «полностью растворившейся» в своем муже. Знакомство с ее эпистолярным наследием показывает, что она,

Годы спустя после его кончины (1926), в 1937 году в Париже Обществом русско-еврейской интеллигенции²⁵ был издан специальный сборник «М. М. Винавер и русская общественность начала XX века». В нем были представлены воспоминания ведущих деятелей эмиграции, тех, кто некогда работал с Винавером в стенах Государственной думы и в рядах Партии кадетов. Среди них самыми информативными для раскрытия данной темы являются воспоминания С. В. Познера — политического и общественно-го деятеля, юриста, публициста, историка и издателя. Именно в этих мемуарах дается наиболее полное освещение работы Винавера в качестве организатора еврейского национального лоббизма²⁶.

Деятельность Винавера как еврейского политика, его вклад в дело защиты прав российского еврейства отмечается во многих мемуарах политических и национальных деятелей той эпохи. Ценность этих произведений состоит в их зачастую критическом настрое, в том, что их авторы далеко не всегда и не во всем солидаризировались с Винавером. Но, сохраняя оппозиционность к его идеям и политической тактике, они в большинстве случаев стремились сохранять объективность и отдавали должное его уму и энергии, организаторским талантам²⁷. Фактически ни

оказывая полную поддержку мужу в его работе, была человеком вполне самостоятельно мыслящим и хорошо ориентировалась в политических хитросплетениях своего времени. См., например, ее переписку с А. С. Петрункевич («Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг. / публ., вступ. ст. и коммент. В. Е. Кельнера // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2016. Т. 8. С. 244–247).

²⁵ Одним из создателей и руководителей этого объединения был давний соратник Винавера С. В. Познер. Он сотрудничал с Винавером с 1890-х годов, участвовал практически во всех его политических и общественных начинаниях как в России, так и позднее во Франции.

²⁶ Познер С. В. Борьба за равноправие // М. М. Винавер и русская общественность начала XX века: сб. статей. Париж, 1937. С. 165–186.

²⁷ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления: материалы для истории моего времени / предисл. и коммент. В. Е. Кельнера. Иерусалим; М., 2004; Кроль М. А. Страницы моей жизни / подг. к изданию, предисл. и прим. Н. Л. Жуковской. М.; Иерусалим, 2008; Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея: в 3 т. Париж, 1933.; Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства // Книга о русском еврействе: От 1860-х гг. до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 54–115; Перельман А. Ф. Воспоминания / подг. текста Е. Голлербаха; коммент. Е. Голлербаха, О. Минкиной, Х. Фирина. СПб.,

один сколь-нибудь значимый политический деятель той эпохи не прошел мимо характеристики или даже просто упоминания М. М. Винавера. Как общественный деятель, политик, юрист, публицист, депутат Государственной думы и, наконец, лоббист он никого не оставлял равнодушным. У многих он вызывал раздражение, у иных восхищение, но все, как сторонники, так и противники, отдавали дань этому незаурядному человеку²⁸.

Рассматривая источниковую составляющую истории еврейского лоббизма в России, следует отметить, что основной корпус материалов для раскрытия данной темы — это мемуары и переписка политических деятелей той эпохи. Природа особенности такого положения в «интимности» этой стороны русско-еврейских отношений. Сведения об этом явлении разбросаны по многим мемуарам и отмечены в переписке значительного числа как еврейских, так и русских политических и общественных деятелей. В особенности меня привлекали свидетельства тех политиков, которые в силу различных, как идейных, так и личных причин критически подходили к освещению такой деликатной и в то же самое время острой темы, как политическое лоббирование национальных интересов российского еврейства. Особенно неоднозначно оценивалась роль в нем Винавера²⁹. Эти

2009; *Шагал М.* Избранник народа: Памяти М. М. Винавера // Рассвет (Париж). 1926. 24 окт. С. 15; *Litvak A. Vinaver* // *Litvak A. Geklibere Shriftn.* Amherst; Boston, 1945. P. 31–32 [пер. с идиша Ю. Рец].

²⁸ *Гольденвейзер А. А.* В защиту права: статьи и речи. Нью-Йорк, 1952; *Гесен И. В.* В двух веках: жизненный отчет. Берлин, 1937. (Архив русской революции; Т. 22). [репринт. изд.: М., 1993]; *Тейтель Я. Л.* Из моей жизни: За сорок лет. Париж, 1925; *Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. М., 2007; *Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: дневники, письма* / сост. Н. И. Канищев. М., 2012; *Маклаков В. А.* Первая Государственная дума: воспоминания современника: 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006; *Милюков П. Н.* Воспоминания: 1859–1917. М., 1991; *Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988; *Родичев Ф. И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме. Ньютонвил, Масс., 1983; *Жаботинский В. (З.)* Повесть моих дней. Тель-Авив, 1985; *Levin Sh.* Forward from Exile. Philadelphia, 1967. Даже такая «лукавая женщина», как З. Н. Гиппиус, после кончины Винавера оставила о нем несколько уважительных статей. См., например: *Гиппиус З. Н.* Его вчерашние слова: (М. М. Винавер) // Гиппиус З. Н. Чего не было и что было: неизвестная проза: (1926–1930). СПб., 2002. С. 163–174; *Она же.* Лик человеческий и лик времени («Недавнее») // Там же. С. 154–160.

²⁹ *Дубнов С. М.* Книга жизни: воспоминания и размышления; *Кроль М. А.* Страницы моей жизни; *Слюзберг Г. Б.* Дела минувших дней: записки русского

мемуары демонстрируют политическое и идейное разномыслие как в еврейском, так и в российском обществе. Ведь для значительной части еврейства Винавер был *апикойресом* (отступником, еретиком), ассимилянтом, а для многих представителей русской политической элиты — раздражающим элементом, неким эталонным «нахальным евреем».

Первым делом, обосновавшись в Петербурге, Винавер принялся совершенствоваться в юриспруденции и получать профессиональный опыт. Так же буквально с первых дней в столице он включился в местную еврейскую национальную жизнь. Винавер начал активно работать в Обществе для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), а затем возглавил Еврейское историко-этнографическое общество (ЕИЭО). Его работа в этих объединениях, в том числе и в интересующем нас направлении, отразилась в документах и материалах ОПЕ и ЕИЭО.

Совершенствование личности Винавера, становление его как российского интеллигента шло безостановочно. Он

еврея; Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства; Перельман А. Ф. Воспоминания.; Познер С. В. Борьба за равноправие; Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать....: из мемуарного и эпистолярного наследия: в 2 т. / пер. с идиша М. Лестера; вступ. ст. и коммент. В. Хазана. Иерусалим, 2011; Гольденвейзер А. А. В защиту права; Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет; Тейтель Я. Л. Из моей жизни: За сорок лет; Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой; Маклаков В. А. Первая Государственная Дума: воспоминания современника; Милюков П. Н. Воспоминания; Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники; Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме; «Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг.; Жаботинский В. (З.) Повесть моих дней; Жаботинский В. Письма русским писателям // Вестник Еврейского ун-та (Москва) // публ. и коммент. Х. Фирина и А. Калгановой. 1992. № 1. С. 200–221; Александр Исаевич Браудо: 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937; Вермель С. С. В. Г. Короленко и евреи; Бикерман И. М. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1951. № 18. С. 37–38; № 19. С. 24–25; 1964. № 153. С. 41–44, № 154. С. 16–19; Кугель А. Р. Литературные воспоминания: (1882–1896 гг.). Пг.; М., 1923; Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. М., 1960. Т. 3.; Из архива С. Ю. Витте: воспоминания: в 2 т. СПб., 2003. Т. 2.; Толстой И. И. Дневник: в 2 т. / сост. и коммент. Б. В. Ананич. СПб., 2010; Ковалевский М. М. Моя жизнь: воспоминания. М., 2005; П. Н. Милюков: сб. материалов по чествованию его 70-летия: 1859–1929. Париж, б. г.; Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994; Коковцов В. Н. Из моего прошлого: воспоминания: 1903–1919 гг.: в 2 кн. М., 1992. Кн. 1; Гурко В. Й. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / подг. текста и коммент. Н. П. Соколова. М., 2000.

пристально следил за развитием российского искусства и литературы. Он, отдавая предпочтение русской классической литературе, русскому реалистическому искусству, в то же время был человеком широких взглядов во всем, в том числе и в искусстве. М. Шагал в 1926 году вспоминал, что именно Винавер первым разглядел в нем талант. Более того, поселил его в находившейся по соседству со своей квартирой редакции журнала «Восход», устроил первую выставку его работ, первым приобрел две его картины, а затем финансировал его поездку во Францию³⁰. Участвуя в жизни российской интеллигенции, он постепенно приобретал связи и авторитет в самых разнообразных кругах столичного общества.

Для освещения темы еврейского политического лоббирования особое значение имеют документы и материалы «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России». В 1905–1907 годах в нем сосредоточились все нити в деле защиты и продвижения интересов российского еврейства. Основной корпус документов, относящихся к работе этой организации, находится в Российском государственном историческом архиве³¹. Часть документов и материалов «Союза полноправия» была издана еще в период его существования³².

С 1906 года многое в жизни российского еврейства связано с еврейской активностью в Российской Государственной думе, с работой евреев-депутатов и с выступлениями тех политиков, которые поддерживали идеи равноправия евреев в России.

³⁰ Шагал М. Избранник народа: Памяти М. М. Винавера. Собранные М. М. Винавером картины (среди них, кроме работ М. Шагала, были и две работы И. Левитана), видимо, пропали в 1920-х годах, так же, как и его библиотека.

³¹ РГИА. Ф. 1565. Некоторые жизненные и профессиональные обстоятельства вынудили меня работать с документами и материалами «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» из российских архивов, сконцентрированных в копиях в Central Archives for the History of the Jewish People (Центральный архив истории еврейского народа) в Иерусалиме (Израиль).

³² Союз для достижения полноправия еврейского народа в России: протоколы. СПб., 1906; Съезд еврейских общественных деятелей. Вильна, 1905; Союз для достижения полноправия еврейского народа в России: съезд 2. СПб., 1905; Протоколы Третьего делегатского съезда Союза для достижения полноправия еврейского народа в России. СПб., 1906.

Огромный материал на эту тему находится в думских стенографических отчетах и многочисленных материалах³³.

Собственное понимание проблемы защиты еврейских интересов имело сионистское движение. Особенно ярко это проявилось в работе Третьего всероссийского съезда этого движения в России³⁴.

В период между двумя русскими революциями, в 1908–1917 годах, еврейский политический лоббизм в разных формах был частью деятельности лидеров общины, еврейских национальных либеральных и демократических партий и организаций: Еврейской народной партии («Фолкспартей»), Еврейской народной группы, Еврейской демократической группы, сионистского движения, Ковенского совещания еврейских общественных деятелей и лидеров общин в 1909 году³⁵. Все они в той или иной степени пытались воздействовать на русское общество. С наибольшей силой защита еврейских национальных интересов актуализировалась в годы Первой мировой войны. Особое место в этом деле занимало Политическое бюро при евреях-депутатах Государственной думы. Бóльшая часть документов этого объединения находится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга³⁶. Важным источником по истории российского еврейства в годы войны являются материалы, опубликованные в специальном сборнике «Из недавнего прошлого» и последующих изданиях³⁷. На протяжении всей войны

³³ Наиболее полный обзор этих документов и частичная их публикация составляют основной корпус работы А. Б. Миндлина «Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос» (СПб., 2015).

³⁴ Третий Всероссийский съезд сионистов в Гельсингфорсе: подробный отчет / под ред. и с предисл. И. Н. Гринбаума. Пг., 1917.

³⁵ [Дубнов С. М.] *Volkspartei*. Еврейская народная партия: программа. СПб., 1907; Резолюции областных совещаний по вопросам, связанным с предстоящей избирательной кампанией. СПб., 1907; [Винавер М. М.]. Еврейская народная группа: программные положения; резолюции съезда; доклад о задачах русского еврейства. СПб., 1907; САНДР (ЦАИЕНИ). НМФ/85. О всероссийском съезде еврейских делегатов, представителей от наиболее либеральных и революционных групп. 1909 г.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2049 (Шефтель М. М.). Оп. 1. Д. 102; Ф. 2129 (Еврейское историко-этнографическое общество). № 68. Материалы совещания еврейских общественных деятелей в Петрограде. 1914–1916 гг.

³⁷ Из недавнего прошлого: речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны / вступ. ст. А. Д. Идельсона. Пг., 1917; Из «черной книги»

соответствующие документы, освещавшие работу еврейских политиков и общественных деятелей в защиту своего народа, собирались журналистом, педагогом и общественным деятелем И. Х. Яшунским. Позднее его труд оказался в YIVO в Нью-Йорке³⁸. Были опубликованы также записи встреч и бесед еврейских представителей с русскими министрами, происходившими в тот же период³⁹.

М. М. Винавер выступал в качестве координатора деятельности еврейских политических сил и общественности с собственно русской оппозицией. Особое значение он придавал своей работе в рядах Партии кадетов. Именно он готовил специальный доклад по еврейскому вопросу для съездов и совещаний партии и демаршей в защиту еврейского населения, с которыми выступали его товарищи по партии в Государственной думе⁴⁰. Тема «Винавер и Партия кадетов» отражена в фундаментальной публикации документов и материалов этой партии⁴¹.

Значительный фактический материал по истории еврейского правозащитного и политического движения находится на страницах еврейских периодических изданий. Об этом многократно писали как сионистские газеты и журналы («Еврейская жизнь», «Еврейский народ», «Рассвет», «Хроника еврейской жизни»), так и органы, отражавшие взгляды и деятельность еврейских либералов и демократов («Восход», «Свобода и равенство», «Еврейский избиратель», «Дер Фрайнд»).

русского еврейства: материалы для истории войны 1914–1916 гг. // Еврейская старина. 1918. Т. X. С. 195–296.

³⁸ Яшунский И. Российское еврейство и мировая война / публ. и коммент. В. Е. Кельнера. М., 1999.

³⁹ Война. Россия. Евреи: стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 г. / пер. с англ. Ст. В. Кельнера; публ., предисл. и коммент. В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 2001. № 5 (23). С. 265–284.

⁴⁰ Доклад по еврейскому вопросу Центрального Комитета Партии народной свободы конференции делегатов партии и членов фракции, состоявшейся 6–8 июня 1915 г.: машинописный экз. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.

⁴¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: в 3 т. / сост., ред. и авт. примеч. О. Н. Лежнева; отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2000; ЦГИА СПб. Ф. 2129 (Еврейское историко-этнографическое общество). № 68. Материалы совещания еврейских общественных деятелей в Петрограде. 1914–1916 гг.

В концентрированном виде тема еврейского политического лоббирования в России в современном понимании этого термина до сих пор серьезно не изучалась. Чаще всего исследователи ограничивались исключительно описанием деятельности, направленной против погромов и антисемитской агитации. На самом же деле это была совокупность усилий, целый комплекс мероприятий, призванных поставить еврейский вопрос в центр общественной и политической жизни страны. Более других освещен предыдущий, «неполитический» период деятельности по защите евреев в России. Современный полноценный анализ раннего этапа истории регулирования отношений между еврейским населением и властью сделан О. Ю. Минкиной. Она фактически первой на основе огромного комплекса документов представила картину деятельности «еврейских депутатов» в Российской империи в 1772–1825 годах⁴². Начальный этап существования еврейского представительства в России и его воздействие на «еврейскую политику» администрации рассмотрен в монографии американского историка Д. Фишмана⁴³. За последнее десятилетие московский историк и архивист Д. З. Фельдман опубликовал несколько работ на эту тему⁴⁴. К начальному, так сказать, «наивному» этапу — неполитическому лоббизму — можно отнести деятельность в этом направлении таких представителей движения маскилов, как А. Б. Лебензон, В. Мандельштам, М. Лилиенталь, И. Б. Левинзон и некоторых других приверженцев *Гаскалы*.

Большое значение для понимания истории еврейского лоббизма имеет исследование В. Щедрина, посвященное становлению так называемой еврейской бюрократии (казенных раввинов и ученых евреев) и ее роли во взаимоотношениях с властью как некоего связующего звена, при посредничестве которого

⁴² Минкина О. Ю. «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи: 1772–1825. М., 2011; ; Гилель Маркевич и его проект еврейской реформы / публ. О. Ю. Минкиной // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2005. Т. 2. С. 331–370.

⁴³ Fishman D. E. *Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov*. New York; London, 1995.

⁴⁴ См., например: Фельдман Д. З. Первые российские штادلаны: Витебский купец Цалка Файбишович // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2004. Т. 1. С. 75–88

правительство пыталось регулировать еврейскую национальную жизнь⁴⁵.

Работы на интересующую нас тему в основном связаны с историей штатланута, с деятельностью представителей семьи барона Гинцбурга и его окружения. Наибольший научный вклад в разработку данной темы внесли Дж. Д. Клиер и Б. Натанс⁴⁶.

Некоторые современные авторы во многом унаследовали прежнее, свойственное историографии первых десятилетий XX века критическое отношение к штатлануту. Рассматривая деятельность лидеров российского еврейства по лоббированию интересов своего народа «вне истории», вне российского контекста той эпохи, они обвиняли их в том, что все их действия якобы были направлены сугубо на удовлетворение собственных интересов и носили исключительно «точечный» характер⁴⁷.

Как часть общественной и политической жизни еврейства лоббирование стало проявляться лишь на рубеже столетий. Это естественным образом связано с созданием в России еврейских политических партий и организаций. При этом следует отметить и все возрастающее значение в этот период проблем, связанных с поиском решения еврейского вопроса как русским обществом, так и государственными структурами.

Тема лоббирования рассматривается нами по большей части в контексте истории еврейского либерального движения. На начальном этапе она исследуется на примере истории первой еврейской правозащитной организации в России — «Бюро

⁴⁵ *Schedrin V. Jewish Souls, Bureaucratic Minds: Jewish Bureaucratic and Policy-making in Late Imperial Russia.*

⁴⁶ *Слюзберг Г. Б.* Барон Г. О. Гинцбург: Его жизнь и деятельность: К столетию со дня его рождения. Париж, 1933; *Klier J. D. Imperial Russia's Jewish Question: 1855–1881; Klier J. D. Russians, Jewish, and the Pogroms of 1881–1882.* Cambridge, 2011; *Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia.* Berkely, 2002. [Перев.: *Натанс Б.* За чертой: Евреи встречаются с позднимперской Россией / пер. с англ. А. Локшина. М., 2007.]

⁴⁷ *Нахманович В.* Прорыв за Черту: История принятия закона о праве повсеместного жительства евреев — купцов 1-й гильдии // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1997. № 1 (14). С. 16–40; *Розенталь И.* Москва начала XX века: Евреи, власть, общество // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1999. № 1 (19). С. 95–119; *Энгель В. В.* Либеральные тенденции в «еврейской политике» самодержавия конца XIX — начала XX в. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1994. № 3 (7). С. 49–63.

защиты»⁴⁸. Ключевым моментом в истории еврейского национального движения и его связи с движением либеральным стало создание и деятельность первого легального еврейского национально-политического объединения — «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России»⁴⁹. Самое непосредственное участие в работе этого либерально-демократического союза приняли многие ведущие политические и общественные деятели российского еврейства. Некоторым из них, в частности С. М. Дубнову и М. Я. Острогорскому, были посвящены специальные исследования⁵⁰.

Как известно, еврейская история в России в 1908–1914 годах претерпевала те же метаморфозы, что и все российское общественное движение. Не стал исключением и еврейский политический лоббизм. Легальная деятельность по отстаиванию национальных интересов (а в иных формах лоббизм немислим) сосредоточилась в работе нескольких политических групп, в создании ряда культурных обществ, издательств и органов периодической печати⁵¹. Наиболее важным явлением того периода стал созыв в 1909 году в Ковно еврейского национального совещания, ознаменовавшего начало нового этапа в истории еврейского лоббизма⁵².

⁴⁸ Кельнер В. Е. «Бюро защиты»: Первая еврейская правозащитная организация в России // Российская история. 2015. № 4. С. 35–51.

⁴⁹ Кельнер С. В. «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России» и его лидеры: (1905–1907) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 7. С. 3–14; Кельнер В. Е. «Ткань Пенелопы или труд Сизифа»: (М. М. Винавер и «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России») // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 60–78; Лавринович Д. С. Деятельность «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» в Северо-Западном крае: (1905–1907) // Труды по иудаике: История и этнография. СПб., 2012. Вып. 6: История еврейской диаспоры в Восточной Европе. С. 130–134.

⁵⁰ Кельнер В. Е. С. М. Дубнов и «Союз для достижения полноправия евреев в России» // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2004. Т. 1. С. 150–168; Андреев И. В. М. Я. Острогорский: Жизнь и труды основоположника современной партологии. М., 2017.

⁵¹ Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003; Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. СПб., 2008. С. 400–455; Перельман А. Ф. Воспоминания.

⁵² Кельнер В. Е. Российское еврейство в поисках идентификации: От религиозной общины к национальному сообществу. С. 153–164.

Последующий этап его истории, выпавший на годы Первой мировой войны, частично освещен в работах Р. Ш. Ганелина и автора этой книги⁵³.

Естественно, что в зарубежной историографии данная тематика исследовалась намного раньше, чем в России. Здесь пальму первенства следует отдать таким специалистам, как Й. Френкель, В. Левин, К. Гассеншмидт, А. Орбах, Б. Натанс⁵⁴. В их работах в той или иной степени рассматривается история создания и деятельности различных еврейских общественных и политических организаций того периода, работа евреев-депутатов Государственной думы. Среди последних исследований, близких по тематике, следует назвать монографию С. Рабиновича "Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia". С моей точки зрения, в этом бесспорно ценном исследовании автор, чрезмерно увлекшись идеями автономизма, придает этому направлению еврейской национальной мысли слишком всеобъемлющее для того момента значение⁵⁵. Собственно фигуре М. М. Винавера в российской историографии до сих пор не посвящено ни одного объемного научного исследования. Многочисленные энциклопедические справки и очерки грешат большим количеством фактических и смысловых ошибок⁵⁶. Исключение составляет лишь очерк

⁵³ Ганелин Р. Ш. Государственная Дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1995. № 3 (10). С. 4–37; Кельнер В. Е. Политическое Бюро при евреях-депутатах IV Государственной думы в годы войны 1914–1917 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. №1. С. 68–95; Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1997. № 1 (14). С. 66–93.

⁵⁴ Френкель Й. Пророчество и политика: Социализм, национализм и русское еврейство: 1862–1917. Иерусалим; М., 2008; Frankel J. Crisis, Revolution, and Russian Jews. Cambridge, 2009; Левин В. Русские евреи и выборы в Государственную думу // Jewish and Slaves. 2000. Vol. 7. P. 234–235; Gassenschmidt Ch. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia: 1900–1914: The Modernization of Russian Jewry. New York, 1995; Orbach A. The Jewish People's Group and Jewish Politics in Tsarist Russia: 1906–1914 // Modern Judaism. 1990. Vol. 10, N 1. P. 1–15; Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia.

⁵⁵ Rabinovitch S. Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia. Stanford, California, 2014.

⁵⁶ См., например: Канутайкин Э. Максим Винавер // Евреи в культуре Русского зарубежья: сб. ст., публ., мемуаров и эссе: 1919–1939 / изд. и сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1993. Вып. II. С. 511–519.

А. Д. Степанского «Максим Моисеевич Винавер: “Ни свобода, ни порядок немислимы, доколе нет в стране гражданского равенства...”»⁵⁷.

Советская историография, по известным причинам, если и упоминала Винавера, то исключительно для того, чтобы «разоблачить контрреволюционную сущность либерализма». Он был практически исключен из истории российского освободительного движения начала XX века. Лишь в 1980-е годы в исследованиях Н. Г. Думовой, естественно, созданных «в рамках дозволенного», но основанных на большом числе архивных материалов, фигура Винавера заняла заметное место⁵⁸. Мнение о том, что Винавер после роспуска I Государственной думы и лишения права баллотироваться в нее утратил свой былой авторитет в партии, во многом опровергает Ф. А. Гайда⁵⁹.

Но это и понятно, так как научная разработка истории российского еврейства в России началась лишь на рубеже 1980–1990-х годов, на первом этапе возрождения историографии российского еврейства⁶⁰. До сих пор единственным полноценным исследованием в этой области, основанным на огромном количестве архивных документов, остается монография О. В. Будницкого «Российские евреи между красными и белыми» (М., 2005). В ней объективному освещению деятельности Винавера в период революций 1917 года и Гражданской войны уделено значительное внимание. Подчеркну, что в этой работе впервые дается история деятельности Винавера не только и не столько как русского политика, но в первую очередь как политика еврейского.

⁵⁷ Российский либерализм: Идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 583–588.

⁵⁸ Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром: (Октябрь 1917–1920). М., 1982; Думова Н. Г. Либерал в России: Трагедия несовместимости: исторический портрет П. Н. Милюкова: в 3 ч. М., 1993.

⁵⁹ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти: (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.

⁶⁰ Гринбаум А. Иудаика в СССР: 1950–1990 // Евреи в России: историографические очерки: 2 пол. XIX в. — XX в. М.; Иерусалим, 1994. С. 9–169; Ганелин Р. Ш., Кельнер В. Е. Проблемы историографии евреев в России: 2 половина XIX — 1 четверть XX в. // Евреи в России: историографические очерки: 2 половина XIX в. — XX в. М.; Иерусалим, 1994. С. 183–246.

По мере все возрастающей роли М. М. Винавера на общероссийской политической сцене он все более и более воспринимался российской общественностью как «полномочный представитель» российского еврейства. Постепенно он и сам стал ощущать себя таковым. Неизменный участник всех еврейских общественных и культурных начинаний, депутат I Государственной думы, издатель и редактор основных еврейских русскоязычных периодических изданий, М. М. Винавер в то же время — член ЦК Партии Конституционных демократов (Партии народной свободы), ведущей партии, представлявшей интересы либеральной интеллигенции. Документы этой партии содержат многочисленные следы его активности как российско-го политика и еврейского национального деятеля⁶¹. Винавер неустанно требовал от руководства своей партии учитывать и защищать интересы еврейства. В свою очередь он и сам стремился доказывать, что в условиях российского и еврейского политического разномыслия тактика и идеи кадетов более всего отвечают национальным чаяниям евреев. Как публицист он отметился специальной работой, в которой разъяснял эту мысль⁶².

По сути, напрямую о своей «еврейской работе» в Государственной думе Винавер писал лишь однажды в специальной статье, посвященной заседаниям Комиссии по реформированию национального и вероисповедального законодательства⁶³.

Вообще-то в качестве публициста он очень редко высказывался по еврейскому вопросу, несмотря на то что фактически был издателем и редактором многих политических периодических изданий. Его выступления в Государственной думе, в том числе и на эту тему, собраны в специальном сборнике⁶⁴. Ряд аспектов данной проблемы освещался им в воспоминаниях о некоторых соратниках⁶⁵.

⁶¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.

⁶² Винавер М. Кадеты и еврейский вопрос.

⁶³ Еврейский вопрос в Государственной думе // Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 1–5; № 3. С. 2–6.

⁶⁴ Винавер М. Речи. СПб., 1907.

⁶⁵ Винавер М. Памяти Александра Соломоновича Гольденвейзера. Пг., 1915; Он же. Александр Яковлевич Пассовер. СПб., 1913; Памяти Григория Яковлевича

В 1907 году он фактически возглавил небольшую Еврейскую народную группу. Как в опубликованных, так и в находящихся в архивах документах и материалах содержится множество данных о его роли в этой организации⁶⁶.

В начале XX века М. М. Винавер — само воплощение еврейского либерализма. Он был человеком, который видел своим высшим долгом дело защиты прав российского еврейства и неуклонно рассматривал его в теснейшей связи с победой российской демократии.

Я попытался последовательно представить усилия М. М. Винавера и всего либерального движения в еврействе по лоббированию интересов своего народа в отечественном политическом пространстве.

Брука // Еврейская трибуна. 1922. № 129. С. 1–2; Памяти Григория Абрамовича Гольдберга // Еврейская трибуна. 1922. № 146. С. 1–2.

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2049 (Шефтель М. И.). Оп. 1. Д. 102.

Глава 1

ИСТОКИ

Если я не стою за себя, то кто
встанет за меня?

Если не сейчас, то когда?

Талмуд

Силою исторических обстоятельств еврейский народ, находясь в Галуте, вынужден был чутко следить за всеми нюансами политики и откликаться на происходящие изменения в странах его проживания. В разных государствах и при разных обстоятельствах лидеры еврейства пытались влиять на те аспекты внутренней политики, которые непосредственно касались еврейского населения. Стремясь оградить свой народ от гонений, лидеры евреев Испании, Австро-Венгрии, Речи Посполитой, германских государств с помощью своих представителей и зачастую людей, близких к трону, пытались предотвращать всевозможные ограничения в правах, выселения, погромы. Уже в средние века *штадлан* — представитель еврейской общины — стал заметной фигурой в истории многих европейских стран. В качестве официальных представителей руководства общин, а то и неофициальных просителей они находились при дворах императоров, появлялись в окружении сильных мира сего в самые ответственные моменты еврейской истории¹.

¹ См., например: Дубнов С. М. Краткая история евреев. М., 2008. В. Жаботинский, некогда один из самых непримиримых критиков *штадланута*, десятилетия спустя, в 1933 году писал о том, что «если употреблять термин “штадлонус” не как бранное слово, а добросовестно, то он имеет свое строго определенное значение и содержание. Оно совсем не в том, что действовать приходилось за кулисами, без помощи парламентов, митингов и народных манифестаций. Разница между “штадлонством” и “борьбой” другая. Задача “штадлона” — вызвать перемену настроения в самом властью имущем, склонить его лично в пользу данного требования; все равно, пущены ли в ход ради этой цели доводы или просьбы, или протекции, или “подкуп”. Задачи политической “борьбы” — собрать, сосредоточить и выявить пред властью имущим такие факторы давления, которые вынудили бы его сдаться, совершенно независимо от того, изменилось ли к лучшему его собственное отношение или осталось по-прежнему враждебным... Было время, когда

Еврейские усилия по защите своих национальных прав в России имеют свою историю, начало которой восходит к концу XVIII — началу XIX века². Уже с XVI века евреи настойчиво «стучались в двери России». Проживая на протяжении нескольких веков в Польско-Литовском государстве и составляя в нем некую особую торгово-ремесленную касту, они не могли не стремиться к освоению новых перспективных рынков, тем более что движение на Восток находилось в русле внешней политики Речи Посполитой. До первого раздела Речи Посполитой (1772 год) экономические интересы польского еврейства в России представляли польские посольства. Видимо, этот процесс носил постоянный характер, так как настойчивые просьбы допустить еврейских купцов в пределы России «заслужили» известный гневный отпор со стороны Ивана Грозного³. Теперь же, превратившись в подданных России, евреи должны были сами взять в свои руки многотрудное дело национального представительства. С конца XVIII и до середины XIX века еврейское общество неоднократно отправляло своих представителей во властные структуры империи⁴. Они участвовали в работе всевозможных еврейских комиссий, пытались воздействовать на власть, в том числе и на персональном уровне⁵.

Сравнительных успехов эта политика достигла в период конца 1850-х — начала 1860-х годов⁶. Представители еврейства

«штадлонство» являлось единственным возможным для нас институтом политической самообороны» (Жаботинский В. Вступительная статья // Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 1. С. XI–XII). Здесь Жаботинский употребляет термин *штадлан* в одном из принятых вариантов написания.

² Klier J. D. The Concept of “Jewish Emancipation” in a Russian Context // Civil Rights in Imperial Russia / ed. by O. Crips, L. Edmondson. Oxford, 1989. P. 121–144.

³ Гессен Ю. История евреев в России. СПб., 1914. С. 6–10.

⁴ Минкина О. Ю. «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи.

⁵ Дубнов С. М. Новейшая история еврейского народа: 1789–1881. М.; Иерусалим, 2002; Гессен Ю. Попытка эмансипации евреев в России // Пережитое. СПб., 1910. Т. 1; Klier J. D. Imperial Russia’s Jewish Question: 1855–1881; *Idem*. Russians, Jewish, and the Pogroms of 1881–1882. Cambridge, 2011.

⁶ Нахманович В. Прорыв за Черту: История принятия закона о праве повсеместного жительства евреев — купцов 1-й гильдии; Слиозберг Г. Б. Барон Г. О. Гинцбург: Его жизнь и деятельность; Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia.

постоянно сотрудничали с руководителями и членами многочисленных еврейских комитетов и комиссий. Особенно ярко это явление отразилось в деятельности представителей семьи Гинцбургов. Два поколения этой семьи, занимая важные позиции в финансовой жизни страны, с конца 1850-х и по крайней мере до конца века считались неформальными лидерами российского еврейства, имевшими «прямой доступ» к виднейшим государственным деятелям⁷. На протяжении нескольких десятилетий в России в деле защиты еврейских интересов они использовали осященную вековым опытом систему *штадланута*⁸. В качестве штадланов в 1870–1880-е годы выступали и представители семьи Поляковых — финансистов и строителей железных дорог⁹.

В 1870-е годы и в самом начале 1880-х годов попытки «достучаться» до русского общества делали многие еврейские общественные деятели и публицисты. Так, петербургский домовладелец, крещеный еврей, публицист, переводчик и издатель И. В. Соркин попытался организовать целую общественную кампанию в защиту евреев¹⁰. В разгар погромов 1881–1882 годов за сочувствием некоторые еврейские деятели обращались к И. С. Тургеневу¹¹. Известны попытки апеллировать

⁷ Слиозберг Г. Б. Барон Г. О. Гинцбург: Его жизнь и деятельность; Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3; Klier J. D. Imperial Russia's Jewish Question: 1855–1881.

⁸ Klier J. D. Imperial Russians Jewish Question: 1855–1881; Клиер Дж. Д. Крут Гинцбургов и политика штадланута в имперской России // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1995. № 3 (10). С. 38–55. Штадлан — неформальный ходатай, в средние века и в новое время — представитель еврейской общины перед лицом государства. В России в XIX веке таким неформальным представителем интересов евреев считались члены семьи барона Гинцбурга.

⁹ Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства. М., 2006; Фоменко С. Поляковы: Финансовая империя российских Ротшильдов. М., 2011.

¹⁰ Кауфман А. Е. За кулисами печати: из воспоминаний старого журналиста / сост., вступ. ст. и коммент. В. Е. Кельнера. СПб., 2011. С. 24–26.

¹¹ Вальдман Б. Русско-еврейская журналистика: (1860–1914): литература и литературная критика. Рига, 2008. С. 216; Гланц М. «Юпитер и еврей»: Марк Антокольский и Иван Тургенев: (Из истории русско-еврейских отношений 1880 гг.) // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 2006. № 11 (29). С. 113–130; Витенберг М. В. «Еврейский вопрос» и российское общественное мнение в 80-е гг. XIX в.: по материалам периодической печати. СПб., 2001. // Источник. История. Историк: сб. научн. работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 347–368.

к находившимся в разных политических лагерях «духовным отцам» русской интеллигенции того времени: М. Е. Салтыкову-Щедрину, М. Н. Каткову, К. Д. Кавелину, Н. С. Лескову¹². Некоторые из подобных обращений частично даже были успешными и вызывали отклик в «широкой русской душе»¹³. В 1870-е годы начала свою деятельность педагог, издатель и публицист, корреспондент Л. Н. Толстого А. М. Калмыкова. Сначала в выходившей в Харькове газете «Южный край», а затем отдельными изданиями в 1881 и 1882 годах она опубликовала свои работы по еврейскому вопросу¹⁴. Но гораздо больше среди «знатоков» еврейского вопроса в ту пору было антисемитствующих публицистов¹⁵. В острый момент еврейско-русской истории, в период погромов 1880-х годов, писал об этом и фактически первый русский исследователь еврейского законодательства в России Ф. И. Леонтович. Он просто предложил евреям «отказаться от своей своеобразной национальной культуры»¹⁶.

Но прошли времена коллективных протестов русской интеллигенции против антисемитских выхонок в печати¹⁷. В самой

¹² Klier J. D. Russian, Jews, and the Pogroms of 1881–1882. P. 135.

¹³ Кавелин К. Наши инородцы и иноверцы // Порядок. 1881. № 133. С. 2; Филиппов М. М. Русско-еврейский вопрос. Одесса, 1882; Салтыков-Щедрин М. Е. Июльское веяние // Отечественные записки. 1882. № 8, отд. II. С. 248–258. Интересно, что подобные же просьбы о «голосе в защиту евреев» поступили и Г. В. Плеханову от его ближайших соратников-евреев Л. Дейча и П. Аксельрода. Но у «отца русской социал-демократии», как, впрочем, и у многих других вождей революционного народничества имелся собственный взгляд на эту проблему (см.: Колинчук С. Павел Аксельрод, Лев Дейч и другие: Евреи-народники и погромы 80-х гг. XIX в.; Антисемитизм и русское народничество: письмо Б. Николаевского С. Дубнову). Сам Л. Дейч в разгар погромов делился с П. Аксельродом своими соображениями о возможности и необходимости им — евреям-социалистам — выступить в защиту своего народа: «Не думай, чтобы меня, например, это не огорчило, не смущало, но все же останусь всегда членом русской революционной партии... (Дейч Л. Г. Приписка к письму П. Л. Лаврова к П. Б. Аксельроду // Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1924. С. 31).

¹⁴ Калмыкова А. М. Еврейский вопрос. Харьков, 1881 (2 изд. — 1882).

¹⁵ Особое место среди них занимал И. С. Аксаков. Его работы на эту тему многократно переиздавались и позднее, уже в начале нового века, как, по мнению издателей, не теряющие своей актуальности.

¹⁶ Леонтович Ф. И. Что нам делать с еврейским вопросом? СПб., 1882.

¹⁷ Равич Л. Скандальное происшествие с Владимиром Зотовым: (Эпизод из истории еврейского вопроса в России) // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1993. № 4. С. 99–118.

русской прессе в отношении к еврейскому вопросу не действовали принятые законы. В этом случае она не делилась на демократическую, либеральную и консервативную. По крайней мере, так было во второй половине XIX века. В демократических газетах и журналах, даже в подпольных органах революционных народников, в либеральной периодической печати можно было встретить антисемитские публикации. И наоборот, в консервативной печати попадались статьи, в которых высказывались если не юдофильские, то вполне здравые и благоприятные по отношению к евреям суждения¹⁸. Лишь на страницах сходящей на годы в небытие еврейской печати на русском языке еще пытались «огрызаться» отдельные публицисты¹⁹. В рядах русских публицистов — идеалистов и юдофилов — в то время не было ни таких яростных, блестящих авторов, как Иван Аксаков, ни писателей калибра Ф. М. Достоевского. Еврейско-русская публицистика, появлявшаяся на страницах соответствующих периодических изданиях, читалась практически исключительно только самими евреями да теми, кому это было положено по должности, то есть сотрудниками цензурных комитетов.

Для штабланов, выполнявших в основном оборонительные функции, были важны все формы и все аспекты защиты. Ведь время от времени в стране возникал «кровавый навет», то есть обвинение евреев в использовании в ритуальных целях христианской крови. В таких случаях руководителям общины приходилось напрягать все силы и изыскивать любые возможности для противодействия этому опасному явлению. Во второй половине XIX века известны две попытки организовать ритуальный процесс: 1852–1856 годы — «Саратовское дело», а спустя годы, уже в несколько иную эпоху, «Кутаисское дело». Если в «Саратовском деле» евреям в конце концов стали инкриминировать просто

¹⁸ Витенберг М. В. «Еврейский вопрос» и русское общественное мнение в 80-е гг. XIX в.; Клиер Дж. Д. Еврейский вопрос в славянофильской прессе 1862–1886 гг.: И. С. Аксаков и его издания // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1998. № 1 (17). С. 41–60.

¹⁹ Лишь дозволенный, но скованный цензурой «Восход» и его еженедельник «Недельная хроника «Восхода»» проявляли определенную смелость и время от времени артикулировали «еврейскую проблему» (Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. С. 66–185).

участие в убийстве и несколько человек были осуждены как простые уголовники, то по «Кутаисскому делу» все подозреваемые были оправданы. В обоих этих процессах активное участие принимал востоковед, гебраист, профессор Петербургского университета и Духовной академии Д. А. Хвольсон. Человек, который ради научной карьеры в молодости перешел из иудаизма в православие, он не столько оставался преданным своему народу, сколько был борцом за истину. В 1861 году по итогам «Саратовского дела» он опубликовал специальное исследование²⁰. В 1878 году, в самом начале нового дела по обвинению группы грузинских евреев в убийстве христианского ребенка все с теми же ритуальными целями штадланут понял всю опасность нового навета. Глава ОПЕ и неформальный лидер российского еврейства Г. Гинцбург обратился за помощью к Д. А. Хвольсону. На средства Гинцбурга Хвольсон издал книгу «О некоторых средневековых обвинениях против евреев». Взяв с собой часть тиража, Хвольсон отправился на Кавказ. Там он распространял ее среди местной администрации, чиновничества и интеллигенции. Он встретился с наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем. В то же время Гинцбург привлек к процессу видных адвокатов П. А. Александрова и Л. А. Куперника. С их помощью была полностью доказана невиновность подозреваемых²¹.

По свидетельству весьма информированного человека, многолетнего сотрудника ряда ведущих газет и журналов А. Е. Кауфмана, существовала группа лиц — евреев, некогда по разным причинам принявших православие, которые оказывали помощь своим соплеменникам. Помимо Е. А. Перетца и Д. А. Хвольсона он назвал имя В. Н. Никитина — крупного чиновника Министерства земледелия и государственного имущества, публициста

²⁰ Первое издание вышло в свет под названием «О некоторых средневековых обвинениях против евреев» (СПб., 1861). Второе издание было озаглавлено «Употребляют ли евреи христианскую кровь?» (СПб., 1879).

²¹ Внимательно следивший за этим делом Ф. М. Достоевский, человек, буруемый юдофобскими комплексами, писал по поводу оправдания подозреваемых по «Кутаисскому делу»: «Как отвратительно, что кутаисских жидов оправдали. Тут, несомненно, они виноваты» (*Достоевский Ф. М. Письмо О. А. Новиковой от 28 марта 1879 г. // Достоевский Ф. М. Сочинения. Л., 1972. Т. 30, кн. 1: Письма. С. 58–59*).

и писателя. К ним он отнес и Н. В. Зусмана, цензора Главного управления по делам печати, человека из круга министра просвещения И. Д. Делянова²². Правда, здесь же Кауфман приводит внушительный перечень выкрестов, которые в печати специализировались на антисемитизме.

Погромы 1881–1882 годов привели к подъему эмиграционного движения. Как в еврейском обществе, так и в высших эшелонах русской правящей бюрократии по отношению к этому явлению единого мнения не существовало. Поэтому в момент проведения в Петербурге в апреле 1882 года специального Съезда представителей еврейских общин, призванного решить эту проблему, его руководители постоянно консультировались с министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым²³. В государственном аппарате не без участия К. П. Победоносцева, А. С. Суворина, В. П. Мещерского, генерала Е. В. Богдановича была проведена определенная «расовая» чистка. Своих должностей под благовидными предлогами лишались чиновники, имевшие еврейское происхождение, и даже те, кто происходил из семей,

²² Кауфман А. Е. За кулисами печати: из воспоминаний старого журналиста. С. 149.

²³ Кельнер В. Е. Между Нью-Йорком и Яффо: (Дискуссия о путях эмиграции и судьбе еврейства в 1881–1883 гг.) // Еврейская эмиграция из России 1881–2005 / отв. ред. О. В. Будницкий; сост. О. В. Белова. М., 2008. С. 37–39. Цинизм тогдашнего министра внутренних дел Н. П. Игнатьева, кажется, не имел границ. В разгар «съезда еврейских нотаблей» в Петербурге в апреле 1882 года он постоянно контактировал с людьми из окружения барона Гинцбурга. Игнатьев инициировал и передал царю специальную записку Г. О. Гинцбурга по еврейскому вопросу, при этом снабдив ее своими негативными комментариями («На штык можно опереться, но на него нельзя сесть...»: Еврейский вопрос во время Александра III / публ. В. Степанова // Источник. 1993. № 3. С. 54–71). Он одновременно формировал мнение властей об экономической и социальной «вредности евреев» и в то же время, чутко улавливая «мнение Двора», говорил в специальном интервью И. Г. Оршанскому о том, что выезду евреев из страны власти препятствий чинить не будут. Он даже, не без издевки, предлагал предоставить этому народу для заселения только недавно захваченные районы Средней Азии (Кельнер В. Е. Между Нью-Йорком и Яффо: (Дискуссия о путях эмиграции и судьбе еврейства в 1881–1883 гг.). С. 37). Интересно, что накануне еврейского погрома в Балте Н. П. Игнатьев попросил известного банкира А. Зака закупить для него в Англии ценные бумаги. Он был уверен в том, что после очередного погрома русские бумаги упадут в цене, а британские подорожают» (Department of Manuscripts in the Jerusalem Jewish University. F. 4. 1281. A 11/3 (S. Ginzburg); Collection. Ф. 4. 761 (Ахад-Гаам)).

давным-давно принявших христианство²⁴. Так, среди отстраненных от власти оказался государственный секретарь Е. А. Перетц, потомок одного из первых евреев, приехавших в Петербург еще в конце XVIII века — Абрама Перетца²⁵.

Следует отметить, что в правящих кругах страны были государственные деятели, которые, даже зная настроения императора и его ближайших советников, понимали пагубность подобной политики²⁶. При обсуждении предложенных министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым репрессивных мер в отношении еврейского населения с возражениями выступили бывший в тот момент председателем Комитета министров М. Х. Рейтерн, министр финансов Н. Х. Бунге²⁷ и государственный контролер Д. М. Сольский. Последний сказал: «Евреи — такие же русские подданные, как и все остальные, и власти правительственные обязаны охранять их от преступных посягательств на их жизнь и собственность»²⁸. Но, как известно, они так и не сумели воспрепятствовать принятию этих репрессивных законов.

Последним «успехом» штадланута в России, по нашему мнению, стало то, что в 1880-е годы он сыграл роль в работе так называемой «Паленской комиссии». Эта комиссия, возглавляемая бывшим министром юстиции графом К. И. Паленом, была призвана выработать некие рекомендации по отношению

²⁴ Фирсов С. Л. Константин Победоносцев: Интеллектуал во власти. СПб., 2016. С. 167–178.

²⁵ Fishman D. E. Russia's First Modern Jews.

²⁶ Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles, 1986. P. 56–112.

²⁷ Отметим, что Н. Х. Бунге имел давние и прочные связи с крупным специалистом в области финансов и активным лоббистом А. И. Заком, в салоне которого встречались многие крупные государственные деятели того времени. Одновременно Зак был активным деятелем петербургской еврейской общины, входил в руководство ОПЕ.

²⁸ Цит. по: Перетц Е. А. Дневник Государственного секретаря. М.; Л., 1927. С. 130–131. Сам Перетц, имея в виду последствия погромов 1881–1882 годов, тогда же записал в своем дневнике: «Действительно, правительственные власти бездействуют при виде явной травли евреев. Этого нельзя допускать. Нужно защищать всякого от всяких незаконных посягательств. Сегодня травят и грабят евреев. Завтра перейдут к так называемым кулакам, которые нравственно суть те же евреи, только христианского православного вероисповедания, — потом может очередь дойдет до купцов и помещиков» (с. 133).

к еврейскому населению²⁹. Еще в самом начале ее работы писавший на русском языке Г. И. Богров был приглашен к главе комиссии К. И. Палену. Об этой встрече он сообщал своему корреспонденту, известному еврейскому общественному деятелю, а тогда еще скромному судебному следователю из Самары Я. Л. Тейтелю: «Граф Пален пригласил меня и долго беседовал со мною по злосчастному вопросу. Это честный человек. В конце концов, он сознался мне этими словами: “Страсти так разыгрались, что теперь ничего не сделаешь”»³⁰.

Проработав с 1883 по 1887 год, комиссия в итоге пришла к довольно благожелательным выводам о необходимости ослабления Временных правил и облегчения направленного против еврейского населения законодательства³¹. Для того чтобы оказать давление на комиссию, через штадланут была мобилизована целая группа авторов. Написанные ими работы предназначались исключительно для ее членов и печатались в государственной типографии тиражами до 50 экземпляров. В качестве авторов привлекались Н. С. Лесков, М. А. Антонович, П. Демидов (кн. Сан-Донато)³², В. А. Бильбасов³³.

Первоначально в систему штадланута входили и некоторые еврейские благотворительные общества, тем более что их организаторами, руководителями и основными спонсорами были все те же лица: Гинцбурги и Поляковы. В 1863 году начало свое официальное существование Общество для распространения

²⁹ Витенберг М. В. Власть и евреи: «Паленская комиссия» и ее предшественники: Общество и бюрократия на путях решения «еврейского вопроса» в России в 1880-е гг. // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2006. Т. 3. С. 205–230.

³⁰ Department of Manuscripts in the Jerusalem Jewish University. F. 4. 1281. A 13/3. Думается, что визит Богрова к Палену не был «случайным выбором». Дело в том, что писатель и публицист Г. И. Богров долгое время служил в Петербургском учетном и ссудном банке, руководителем которого являлся видный деятель еврейской общины города А. И. Зак. По своему влиянию и связям в высшем русском обществе он тогда, вероятно, уступал лишь барону Гинцбургу.

³¹ Там же.

³² В то же время он направил «во власть» специальную записку: «Репрессивные меры бессильны»: записка князя П. П. Демидова Сан-Донато, представленная в Правительственный комитет по еврейскому вопросу в апреле 1883 г. / публ. и коммент. В. Степанова // Источник. 1993. № 5/6. С. 119–122.

³³ Кауфман А. Е. За кулисами печати: из воспоминаний старого журналиста. С. 194; Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 675.

просвещения между евреями в России (ОПЕ). Оно вело широкую издательскую деятельность, материально поддерживало сотни еврейских ученых и учащуюся молодежь. Школы ОПЕ существовали по всей черте оседлости. В 1880 году, осознавая рост люмпенизации еврейского населения в черте оседлости, ряд еврейских общественных деятелей, сохранявших еще некую связь с «нестоличным» еврейством, учредили Общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (ОРТ). В 1893 году в России основали филиал уже год как существовавшего в Лондоне Еврейского колонизационного общества (ЕКО). Если ОРТ должен был готовить еврейскую молодежь к работе «на земле» в пределах России, то формально конечной целью ЕКО декларировалась подготовка евреев к переселению из России в специально созданные земледельческие колонии в Аргентине и в других странах. До 1905 года эти организации концентрировались лишь на заявленной деятельности. Ни о каких политических акциях речь не шла. Но отметим, что в недрах этих благотворительных национальных организаций прошли воспитание практически все будущие политические деятели российского еврейства начала XX века. Руководители ОПЕ, ОРТ, ЕКО в силу самой сущности бюрократической системы государства вынуждены были постоянно держать связь с властями, как в Петербурге, так и на местах³⁴.

В начале 1880-х годов для многих еврейских общественных деятелей стало ясно, что политика штатланута себя исчерпала. Несмотря на многочисленные попытки и ухищрения лидерам российского еврейства не удалось оградить еврейское население от изменений, ухудшивших его юридическое и социальное положение³⁵. Например, принятые в 1882 году Временные пра-

³⁴ Horowitz B. *Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th- Century Russia*. Bloomington, 2009; Horowitz B. *Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late-Tsarist Russia*. Seattle, 2009.

³⁵ Некоторые историки эпохи штатланута цитируют описание эффективной сцены, приведенной журналистом Л. Клячко в своих мемуарах «Повести прошлого». В этом фрагменте, призванном иллюстрировать методы еврейского лоббирования, рассказывается, как в начале 1880-х годов в отдельном кабинете ресторана «Данон» тогдашний лидер российского еврейства барон Гинцбург и видный

вила и вскоре последовавшие дополнения и разъяснения к ним представляли собой усовершенствованную систему запретов для евреев на получение образования, проживание, профессии...³⁶ Не смог штадланут предотвратить и изгнание тысяч евреев из Москвы в 1891–1892 годах³⁷.

И все же что-то медленно, но менялось даже в тяжелой атмосфере тех лет. Так, в 1890 году смелое выступление молодого публициста и историка С. М. Дубнова в еженедельнике «Недельная хроника “Восхода”» позволило оградить от репрессий со стороны местной администрации еврейскую общину Мстиславля³⁸.

На наш взгляд, в отличие от некоторых других периодических изданий, еврейская печать на русском языке не имела влияния на общественное мнение страны и тем более на власть.

деятель еврейской общины Петербурга Д. Ф. Файнберг передают взятку министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву, пытаясь таким образом смягчить ужесточение планировавшегося антиеврейского законодательства. Л. Клячко — талантливый репортер, который славился способностью проникать в самые охраняемые и запретные для журналистов места. Однако как мемуарист он представлял собой некую смесь Хлестакова с героем Шолом-Алейхеа Менахем-Менделем. Поэтому многое из того, что он рассказывает в своих воспоминаниях «как свидетель», по нашему мнению, не более, чем фантазии (*Клячко (Львов) Л. Повести прошлого: 2 изд. Л., 1930. С. 130–134*). Тем более, что сам мемуарист и «свидетель» родился в 1873 году и о событиях 1880-х годов в Петербурге мог знать лишь из «вторых рук». При этом нельзя отрицать и того факта, что традиция «ресторанных» встреч политиков, представлявших разные направления, все же существовала. Так, уже годы спустя, в 1906 году, в момент, когда правительство пыталось наладить некое сотрудничество с Партией кадетов, лидеры этой партии встречались в неформальной обстановке с ключевыми министрами (*Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 230*). Даже такой пристрастный мемуарист, как И. В. Гессен, отмечал позднее, что Л. М. Клячко чуть ли не гипнотизировал многих представителей власти, искренне полагающих, что он действительно имеет некую неофициальную власть и связи в «высших сферах». Гессен указывал и на то, что Клячко неоднократно использовал свое «влияние и связи для того, чтобы содействовать евреям, жившим под угрозой выселения» (*Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 272–275*).

³⁶ *Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia; Натанс Б. За чертой: Евреи встречаются с позднимперской Россией. С. 362–374, 384–410.*

³⁷ Москва еврейская: сб. ст. и материалов / ред.-сост. М. Лобовская. М.; Иерусалим, 2003.

³⁸ *Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. С. 181–183.*

В какой-то степени она беспокоила лишь цензуру. Слишком узок был еще круг еврейских читателей, тем более тех, кто читал еврейские издания, выходившие на русском языке³⁹.

В 1880-е годы разительно менялось отношение к еврейскому вопросу и в самом русском обществе. Ряд еще недавно вполне лояльных государственных и общественных деятелей — министров, крупных чиновников, журналистов и литераторов — под влиянием обстоятельств как карьерного, так и идейного свойства⁴⁰ принял активное участие в обосновании, разработке и в практическом осуществлении нового репрессивного законодательства⁴¹. Так, при оформлении ограничений приема евреев в систему адвокатуры за их принятие высказались почти все ведущие русские адвокаты той эпохи⁴². В тот же период некоторые представители властных структур, в том числе и обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев стали проявлять новую для России разновидность антисемитизма — антисемитизм расовый⁴³.

В самых широких общественных и придворных кругах было хорошо известно об антисемитских воззрениях Александра III. В мемуарах С. Ю. Витте вспоминал о событиях 1893 года: «...в первые годы моего министерства при Императоре Александре III, Государь как-то раз меня спросил: “Правда ли, что вы стоите за евреев?” Я сказал Его Величеству, что мне трудно ответить на этот вопрос, и просил позволения Государя задать Ему вопрос в ответ на этот. Получив разрешение, я спросил Государя, может ли Он потопить всех русских евреев в Черном море? Если может, то я понимаю такое решение вопроса, если же не может, то единственное решение еврейского вопроса заключается в том,

³⁹ Цинберг С. Л. История еврейской печати в России в связи с общественными течениями. Пг., 1916; Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003.

⁴⁰ Думается, что известную роль в деле отставки в 1891 году с поста московского генерал-губернатора В. А. Долгорукова сыграло и его либеральное отношение к еврейскому населению города.

⁴¹ Миндлин А. Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев: 1762–1917. СПб., 2007.

⁴² Кучеров С. Л. Евреи в русской адвокатуре // Книга о русском еврействе: От 1860-х гг. до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 406–410.

⁴³ Фирсов С. Л. Константин Победоносцев: Интеллектуал во власти. С. 167–178.

чтобы дать им возможность жить, а это возможно лишь при постепенном уничтожении специальных законов, созданных для евреев, так как, в конце концов, не существует другого решения еврейского вопроса, как предоставление евреям равноправия с другими подданными Государя»⁴⁴.

В общественных кругах достаточную известность имело и отношение к еврейскому вопросу со стороны обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева. Его нетерпимое отношение к евреям распространилось и на тех, кто давно уже перешел в христианские конфессии, в том числе и на православных евреев⁴⁵. В 1880–1890-е годы он, бесспорно, являлся одним из идеологов правления Александра III⁴⁶. Иллюстрируя его антисемитизм, по сей день воспроизводят его «рецепт» решения еврейского вопроса, якобы предложенный царю, — он советовал «еврейскую политику» проводить таким образом, чтобы в ее результате сложилась обстановка, при которой «одна треть евреев эмигрирует, одна треть переменит веру, и одна треть погибнет»⁴⁷. Примерно с середины 1880-х годов постоянным рефреном в переговорах между крупными государственными чиновниками и представителями еврейства звучат требования «употребить свое влияние на революционное подполье». В сферу подобной конспирологии они включали даже барона Гинцбурга. Государственный секретарь А. А. Половцов в дневнике отметил, что бывший в 1892 году министром внутренних дел И. Н. Дурново говорил об опасности еврейского влияния, иллюстрируя это утверждение словами: «...за последние годы всякий раз, когда начинались беспорядки

⁴⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 210; Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 76; Ананьич Б. В. С. Ю. Витте и еврейский вопрос // Проблемы всемирной истории: сб. статей в честь А. А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 160–183. Как убедительно показал А. Б. Миндлин в работе «Государственные, политические и общественные деятели в судьбах евреев» (С. 76–95)», С. Ю. Витте всегда был в своей политике прагматиком и карьеристом. Тем более нельзя с полным доверием относиться к его мемуарам, написанным уже в годы отставки.

⁴⁵ Фирсов С. Л. Константин Победоносцев: Интеллектуал во власти. С. 168–170.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См.: Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 118. Но никто из тех, кто приводит эту цитату, не делает ссылок на источник. Это говорит о том, что это высказывание не более чем фантом, но фантом, вполне объяснимый знанием современниками общей тенденции отношения к этому вопросу самого К. П. Победоносцева.

в университете, Гинцбургу была сообщаемая угроза высылки, и беспорядки тотчас прекращались»⁴⁸.

Анализируя состояние еврейской элиты в России того периода, Б. Натанс отметил: «...правительство отказалось сделать своей союзницей или даже просто поддерживать ту еврейскую элиту, которая была наиболее расположена к нему, и тем самым непреднамеренно создало почву для возникновения новых идей и новых движений, предлагавших значительно более радикальные решения по облегчению положения евреев»⁴⁹. Хотя, конечно, в недрах ряда министерств всегда было несколько «умных евреев». Некоторые из них находились даже на довольно значительных технических постах. Особенно в этом отношении отличалось министерство финансов, в котором в конце XIX — начале XX веков служили и пользовались известным влиянием такие специалисты, как Б. Ф. Брандт, Г. А. Виленкин, А. Г. Рафалович. В принципе не все министры в тот период проявляли особое рвение в деле преследования евреев⁵⁰.

Вековое отсутствие в России нормальной политической жизни и традиционных политических структур: партий, союзов, обществ, — привело к тому, что политика сосредоточилась в салонах и в редакциях журналов и газет. В истории русской литературы известны «партии» «Отечественных записок» и «Вестника Европы», «Нового времени» и «Русского богатства»... К середине 1890-х годов приток евреев в журналистику если не смягчил, но все же сделал более сдержанной и корректной политику ряда органов печати. Хотя по-прежнему нельзя было открыто осуждать политику властей в этой области, но можно было просто «промолчать», не публиковать явно антисемитских статей. Неким казусом, послужившим лакмусовой бумажкой, определившей отношение к еврейскому вопросу,

⁴⁸ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М., 1966. Т. 2. С. 432–433.

⁴⁹ Натанс Б. За чертой: Евреи встречаются с позднейимперской Россией. С. 227.

⁵⁰ Энгель В. В. Либеральные тенденции в «еврейской политике» самодержавия конца XIX — начала XX в.; Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998; Миндлин А. Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. С. 68–69.

явилось дело Дрейфуса. В России оно обсуждалось чуть ли не столь же пылко, как и в самой Франции. Судьба еврея-офицера вызвала небывалый интерес в стране. Как и во Франции, общественность разделилась на «дрейфусаров» и «антидрейфусаров». Это определение сторонников и противников антисемитизма во Франции превратилось в России в эвфемизм⁵¹.

Другим показательным примером для характеристики атмосферы в стране и отношения к еврейскому вопросу стала история с «Письмом русской интеллигенции», в котором выражался протест против ужесточения антиеврейской политики и антисемитской травли в печати. Созданное философом и поэтом В. С. Соловьевым, подписанное многими видными деятелями русской литературы и культуры, оно так и не было опубликовано в России и ходило «в списках»⁵². Думая, что таким образом он спасает свое дело, практически не обращался к еврейской теме и редактор «Новостей», одной из немногих либеральных

⁵¹ Интересно, как в этой дискуссии проявили себя такие публицисты, как будущий борец с антисемитизмом, а тогда антидрейфусар А. В. Амфитеатов и дрейфусар М. О. Меншиков, спустя несколько лет ставший одним из ведущих антисемитствующих публицистов. Столь же показательным стало так называемое дело И. П. Закревского. Известный юрист и сенатор И. П. Закревский был отправлен в отставку только за то, что посмел выразить свое мнение об этом деле. Он опубликовал ряд статей на данную тему, в которых говорил и об антисемитских настроениях во Франции. Книга, состоявшая из собранных вместе статей на эту тему, была запрещена цензурой, а ее тираж уничтожен (Панова Г., Белоненко А. Дело Игнатия Закревского // Наше наследие. 2013. № 105. С. 60–71).

⁵² Гершензон М. О. Письма к брату: избранные места. М., 1927. С. 50. Бесспорно, это письмо было «пролоббировано» близким тогда к В. С. Соловьеву философом, педагогом и публицистом Ф. Б. Гецем. На протяжении ряда лет он вел переписку по еврейскому вопросу с Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко, Б. Н. Чичериным. Он и сам опубликовал книгу «Слово подсудимому! О еврейском вопросе» (СПб., 1891), в которую включил эту переписку. Книга была запрещена Петербургским цензурным комитетом. По словам В. Г. Короленко, «в то время, когда это заявление попало ко мне, под ним подписались уже следующие лица: Л. Н. Толстой, профессор Герье, проф. Виноградов, проф. Тимирязев, проф. Янжуль, проф. А. Н. Веселовский, В. А. Гольцев, Безобразов, профессор Ф. Фортунатов, С. Фортунатов, В. С. Соловьев, проф. Всев. Миллер, проф. А. И. Чупров, П. Н. Милюков, Сизов, Гамбаров, Е. Н. Щепкин, Г. А. Джаншиев, Р. Р. Минилов, С. А. Муромцев, проф. Столетов, профессор гр. Комаровский, проф. Грот. Я охотно присоединил свою подпись и поблагодарил Соловьева за память обо мне в этом деле» (Короленко В. Г. «Декларация» В. С. Соловьева: К истории еврейского вопроса в русской печати // Короленко В. Г. Собр. соч.: в 5 т. Л., 1990. Т. 3. С. 258).

газет Петербурга конца XIX века, О. К. Нотович⁵³. Но вот прошли годы, и он, сын раввина, давно уже принявший православие, человек, «отколовшийся со всей своей семьей от еврейства, в душе не изменил своему народу. Под влиянием усилившихся ограничений и преследований евреев редактор “Новостей” прервал свое продолжительное молчание по еврейскому вопросу. Он написал горячую статью, где указал, что, избегая в течение многих лет касаться этого проклятого вопроса, приобрел тем самым право не быть заподозренным в пристрастии, но больше молчать не может»⁵⁴. Нотович опубликовал в своей газете статью «Поговоримте. Существует ли еще еврейский вопрос?»⁵⁵ и с тех пор, по словам его многолетнего сотрудника А. Е. Кауфмана, «...осмелел и заговорил о евреях, не пугаясь инсинуаций и злословия “нововременцев”. Оборонительная война приняла наступательный характер»⁵⁶.

Следует отметить и некую отечественную «традицию», когда ради карьеры или в результате «идеологических сдвигов» некоторые государственные и общественные деятели меняли свое отношение к проблемам, связанным с еврейским вопросом и поисками путей его решения. Так, журналист-«дрейфусар» М. О. Меншиков стал ведущим антисемитствующим автором «Нового времени». Примерно в тот же период И. Г. Щегловитов, видный юрист и судебный деятель, в начале своей судебной карьеры выступавший в защиту евреев, назначенный одним из руководителей министерства юстиции, превратился в покровителя Союза русского народа и «конструктора» дела Бейлиса.

⁵³ Сони́на Е. С. Взлеты и падения петербургского издателя: О. К. Нотович и газета «Новости» // Известия Уральск. гос. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2009. Вып. 4. С. 85–94. Тем более что одно из цензурных предостережений газета получила как раз за публикацию статьи по еврейскому вопросу (Там же. С. 90).

⁵⁴ Кауфман А. Е. За кулисами печати: из воспоминаний старого журналиста. С. 158.

⁵⁵ Новости. 1899. № 340. Ответом на это стала статья Е. Орловского в известном антисемитском журнале «Наблюдатель». В ней «смелость» еврейской газеты напрямую связывалась с «разгулом» либерализма в отечественной печати (Орловский Е. Еврейство и либерализм. СПб., 1901).

⁵⁶ Там же.

Спустя годы, уже с начала нового века, резко возросла роль печати в деле защиты еврейского населения. Либеральная и демократическая печать активно стремилась использовать еврейский вопрос для критики самодержавия и его аппарата. В ряду газет и журналов, боровшихся с властным антисемитизмом, своим авторитетом выделялась петербургская газета «Речь». Главный орган Партии кадетов, «Речь» в 1906–1917 годах регулярно публиковала материалы по еврейскому вопросу. Она не проходила мимо фактов законодательного преследования евреев, разоблачала истинных виновников погромов. В газете публиковались статьи с требованиями ликвидации законов, направленных против еврейского населения. Особенно бдительно руководители газеты следили за деятельностью крупных представителей царской администрации, среди которых были такие одиозные деятели, как губернаторы Н. П. Муратов (Тамбов), Н. А. Думбадзе (Ялта), А. Н. Хвостов (Нижний Новгород), И. Н. Толмачев (Одесса). Фактический редактор газеты «Речь» И. В. Гессен решительно отрицал и, на наш взгляд, вполне правомерное обвинение в адрес газеты в том, что «это еврейский орган». Вопрос в том, что вкладывали в это определение представители «черной сотни». Естественно, в их глазах «еврейскость» «Речи», да и некоторых других органов печати определялась их отношением к еврейскому вопросу и количеством евреев-сотрудников и авторов. Ведь это был орган либеральной оппозиции, которая в силу сложившегося положения вещей использовала еврейский вопрос в борьбе с самодержавием⁵⁷.

⁵⁷ В то же время нельзя не отметить, что иным этот орган печати быть и не мог, так как частично субсидировался богатым предпринимателем и петербургским домовладельцем инженером Ю. Б. Баком, а главными журналистскими силами и администраторами в ней были Б. О. Харитон, А. С. Изгоев, М. И. Ганфман, А. С. Фейгельсон, Л. М. Клячко, В. А. Азов. Во властных структурах страны довольно нервно реагировали на материалы этой газеты. И. В. Гессен вспоминал, как, видимо, в период между 1910 и 1912 годами к нему в редакцию зашел один из самых активных лоббистов того периода А. И. Браудо и рассказал о том, что к нему пришел приехавший из Нижнего Новгорода раввин и поведал о тяжелом положении местной общины, которая подвергалась преследованиям тогдашнего губернатора А. Н. Хвостова. Губернатор вызвал раввина и заявил, что «...если Речь не перестанет о нем писать, то за каждую корреспонденцию из города выслана будет еврейская семья». Раввин уверял, что никого в редакции не знает и бессилен

Падение роли штадланута и кардинальные изменения экономической и политической роли евреев к концу XIX века привели к тому, что в условиях политизации и радикализации всего русского общества евреи, вольно или невольно, должны были встать на путь политической борьбы. Постепенно лоббирование интересов еврейского населения становилось не «уделом одиночек», а делом политических партий и общественных объединений. Активная массовая деятельность в интересах своего народа охватила в первую очередь образованные круги еврейства, живущего вне черты оседлости.

В 1897 году в России была создана первая еврейская политическая партия — Бунд (Всеобщий рабочий еврейский союз в Литве, Польше и в России). Естественно, она действовала исключительно в еврейской массе и как лоббистская организация никакого значения не имела. Но это не относится к такой альтернативной еврейской организации, как Независимая еврейская рабочая партия. С 1901 по 1903 год ее руководители имели постоянные контакты с проводником идей «полицейского социализма», начальником Московского охранного отделения, а затем Особого отделения Департамента полиции С. В. Зубатовым⁵⁸. Неизвестно, кто кого больше использовал: министерство внутренних дел с помощью «независимовцев» стремились уменьшить влияние Бунда, в свою очередь, руководители этой партии пытались с помощью легальных методов добиться некоторых изменений в отношении еврейского населения⁵⁹. Как известно,

повлиять на нее, но Хвостов был непреклонен — «если поищите, найдете нужную связь» (Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 297).

⁵⁸ С. В. Зубатов еще в годы молодости, будучи владельцем большой библиотеки в Москве в 1880-х годах, был лично знаком и даже сотрудничал с группой евреев-народовольцев, будущих лидеров Партии социалистов-революционеров: А. Р. Гоцем, И. И. Фондаминским, О. С. Минором. Однако, попав в разработку полиции, предал их и вскоре стал штатным сотрудником Охранного отделения (Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 1880-х гг. и С. В. Зубатов. М., 1928).

⁵⁹ Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928; «Хмурый полицейский»: Карьера С. В. Зубатова / публ. Ю. Ф. Овченко // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 3–17; № 5. С. 3–23; № 6. С. 6–26; № 7. С. 3–30; *Schneiderman J. Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia*. New York, 1976.

«роман с евреями» закончился для С. В. Зубатов трагически⁶⁰, а партия самоликвидировалась в 1903 году, после Кишиневского погрома⁶¹.

В XIX в. главными защитниками еврейских интересов в мире, в том числе и в России, были банкиры и филантропы М. Монтефиоре, И. А. Кремье и М. Гирш. В новых условиях XX века поддержка из-за границы носила уже не столь персонафицированный характер. Хотя в то же время пресловутые Ротшильды стали в определенных кругах уже именем нарицательным⁶².

Еврейский вопрос постепенно становился важной темой в межгосударственных отношениях. Как часть политического дискурса, еврейская проблема занимала умы некоторых российских государственных деятелей и видных чинов Министерства внутренних дел⁶³. В начале нового века, когда шел процесс становления и развития еврейских политических структур, их представители искали «подходы» к различным элементам государственного аппарата. В этом деле активными были как либералы, так и сионисты. Ярким проявлением этой активности стал приезд в Россию летом 1903 года лидера мирового сионистского движения Т. Герцля. Состоявшаяся после Кишиневского погрома 1903 года, эта поездка была отчаянной попыткой не столько оказать помощь российским сионистам, сколько договориться с руководством страны об облегчении положения евреев. При посредничестве ряда русских либералов Герцль встретился с министром внутренних дел В. К. Плеве

⁶⁰ Отправленный в отставку лично В. К. Плеве, он пытался «оправдаться» перед историей — писал воспоминания. В 1917 году, узнав о победе Февральской революции, покончил с собой.

⁶¹ Члены этой партии в основном примкнули к Бунду. Часть руководства, в том числе и М. Вильбушевич (Шохат), отправилась в Палестину, где они фактически стали основателями местного профсоюзного движения, активными участниками создания военизированных отрядов самообороны, основателями целого ряда кибуцев (Лазарис В. Три женщины. Тель-Авив, 2003). Вплоть до 1916 года Вильбушевич (Шохат) состояла в переписке с С. В. Зубатовым.

⁶² Так же, впрочем, как и в современной правой националистической исторической публицистике, к Ротшильдам добавили еще и Дж. Г. Шиффа.

⁶³ Лопухин А. А. Сионизм: Исторический очерк его развития: записка, составленная в Департаменте полиции. СПб., 1903.

и министром финансов С. Ю. Витте⁶⁴. Будучи людьми умными и информированными, эти государственные деятели и сами искали пути к «снятию с России бремени еврейского вопроса»⁶⁵. Плеве был особенно обеспокоен политической активностью еврейства и массовым приходом в российские революционные партии и организации еврейской молодежи⁶⁶. Еще за год до приезда Герцля, в июле 1902 года В. К. Плеве созвал совещание, которое было призвано найти возможность пересмотреть пресловутые Временные правила 1882 года. К этой работе он привлек нескольких крупных чиновников своего министерства, в том числе А. А. Лопухина и С. Д. Урусова⁶⁷. В итоге некоторый прогресс все же был достигнут, и евреи по указу от 10 мая 1903 года получили возможность проживать еще в 101 населенном пункте. В декабре того же года этот указ был дополнен рядом пунктов. Примерно в том же ключе в октябре 1903 года прошла встреча Плеве с видным деятелем

⁶⁴ Вся переписка Т. Герцля с российскими корреспондентами уже давно тщательно перлюстрировалась, и копии писем предоставлялись В. К. Плеве (ГАРФ. Ф. 518 (В. К. Плеве). Оп. 1. Ед. хр. 317. Копии: САНЛР (ЦАИЕНИ). НМФ/500.

⁶⁵ Сам приезд Т. Герцля в Россию и тем более организация его встреч с высокопоставленными представителями власти были делом непростым. Известно, что в Петербурге ему содействовала имевшая собственный великосветский салон соратница Б. фон Зутнер, австро-венгерский деятель феминистского движения и борец за мир П. Корвин-Пиотровская. Среди тех, с кем Герцль встречался в России, помимо В. К. Плеве и С. Ю. Витте, был и брат известного в Великобритании публициста и русского «агента влияния», завсегдагата дипломатических приемов О. А. Новиковой, философ, публицист и славянофил, человек, близкий ко двору, генерал А. А. Киреев. Он встретился с Герцлем и имел с ним продолжительную беседу. Можно предположить, что содействовала организации этой встречи О. А. Новикова (Киреева) в силу того, что она долгие годы состояла в переписке с ближайшим соратником Герцля — М. Нордай (*Stanislawski M. Zionism and the Fin de Siècle: Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky*. Berkeley; Los Angeles; London, 2001. P. 36–73). Правда, М. Станиславский утверждает, что отношения между ним и О. А. Новиковой завершились еще в 1902 году. Определенную роль в деле организации контактов Герцля с представителями петербургской элиты играл служивший тогда в Министерстве внутренних дел известный либеральный деятель Е. Д. Максимов (*Герцль Т. Избранное*. Тель-Авив, 1990. С. 215).

⁶⁶ Рахманова Н. Еврейский вопрос в политике В. К. Плеве // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1995. № 1 (8). С. 83–103.

⁶⁷ Миндлин А. Б. «Чужие среди своих»: А. А. Лопухин и С. Д. Урусов против государственного антисемитизма. М., 1995.

британского еврейства, журналистом Л. Вольфом. Собственно, ему он сказал примерно то же, что и Герцлю. Но при этом были допущены и некоторые «географические» отклонения. Так, он «доверительно» заявил Вольфу, что «...как министр, не либерал и не консерватор: он только верный исполнитель приказаний Его Величества и страж государственной безопасности. Если его политика кажется суровою, то лишь потому, что в государстве имеются элементы, против которых необходимо действовать быстро и строго». Плеве указал на активность еврейской молодежи в революционном движении. Он же, «...ведя борьбу с этими печальными тенденциями, исполнял только свой долг». В изложении Вольфа «...господину фон Плеве небезызвестно, что для облегчения постоянной нужды, в которой находятся евреи, необходима политика созидательная. Он хочет, прежде всего, сделать все возможное, чтобы облегчить ассимиляцию культурных евреев, т. е. верхних слоев этого народа, с прочими русскими гражданами и патриотами. Эту цель достигнуть нетрудно, но это значит только слегка коснуться вопроса. Гораздо труднее разрешить его, когда речь идет о низших классах, принимая во внимание громадную численность и бедность необразованных евреев, не поддающихся русскому воспитанию. Помочь этой нужде — задача самая настоящая». По мнению британца, Плеве сознавал, что «прежде, чем решить вопрос о воспитании, нужно изыскать для этих евреев способ заработать себе на кусок хлеба. Для этой цели предполагается расширить район оседлости в областях, уже открытых для евреев. В этих видах недавно появился декрет, разрешающий жительство евреям в некоторых селениях, где им ранее запрещалось жить, и уже готов еще декрет, который скоро поступит в совет министров и который еще более расширит черту оседлости. До сих пор эмиграция запрещалась, но он полагает, что необходимо изменить закон в смысле облегчения эмиграции. Может быть, удастся провести и другие реформы»⁶⁸.

⁶⁸ Беседа В. К. Плеве с Л. Вольфом (1903) // Еврейская старина (Петроград). 1916. Т. IX, вып. I: Январь-март. С. 121–126; См. об этом также: Рахманова Н. А. Еврейский вопрос в политике В. К. Плеве; Миндлин А. Б. Параллели: русско-еврейский историко-литерат. и библиогр. альманах (Москва) М., 2003. Вып. 3. С. 79–96.

При этом Плеве продемонстрировал свою неосведомленность, когда, не зная того, что Л. Вольф является противником сионизма, заговорил с ним об этом движении. В изложении Вольфа это звучало следующим образом: «г. фон Плеве сказал мне, что русское правительство было бы довольно, если бы Оттоманское правительство разрешило евреям выезд в Палестину. Г. Плеве не противник чистого сионизма, но у него возникают опасения, что политический сионизм окажется химерой. Тем не менее, он не будет препятствовать поощрению сионистских идей, лишь бы они содействовали эмиграции. Затем внутри России сионистские идеи, может быть, будут успешно соперничать с идеями социализма». Далее он стал объясняться с Вольфом по поводу предложенных из-за рубежа модных, разрабатываемых территориалистами проектов. Одним из таких наивных планов, предлагаемых еврейскими деятелями в Европе и в США, было допущение правительством массового переселения евреев в Сибирь⁶⁹.

В то же время Плеве пытался установить контакты и с американским банкиром и меценатом, одним из лидеров американского еврейства Джейкобом (Яковым) Шиффом. Возможно, он и не знал, что Шифф, как и Л. Вольф, был антисиионистом⁷⁰. Думается, что в данном случае, в отличие от прочих, Плеве был сам заинтересован в этой встрече, так как Россия постоянно испытывала потребность в зарубежных займах. Но Шифф обусловил свой приезд требованием снятия визовых ограничений на въезд

⁶⁹ Миндлин А. Б. Параллели: русско-еврейский историко-литерат. и библиогр. альманах (Москва) М., 2003. Вып. 3. С. 79–96. Л. Вольф сообщил, что «касаясь вопроса о допущении евреев в восточную Сибирь, г. Плеве сказал, что ему говорили о проекте колонизации евреев в Манчжурии, и что он намерен переговорить об этом с адмиралом Алексеевым при ближайшем посещении им Петербурга. Г. Плеве также обещал мне поговорить с адмиралом по поводу проекта, который я ему представил, относительно устройства еврейских колоний в южной Сибири с целью создать там преграду, — если не из русских людей, то из русских подданных — которая бы сдерживала все возрастающее вторжение китайцев в этот край».

⁷⁰ Адлер С. Джейкоб Генри Шифф: Гений финансового мира и главный спонсор русских революций. М., 2017. С. 424–425. Желая создать панегирик своему герою, С. Адлер не обратил внимания на то, что содержание «русской» части его книги фактически опровергает миф о демонической роли Шиффа в истории русского революционного движения.

в Россию всех евреев из-за рубежа. А это для Плеве было невозможно, ибо тогда он должен был «поступиться принципами»⁷¹. И все же Плеве действительно через министра иностранных дел указывал русскому послу в Турции содействовать сионистам в их усилиях по расширению возможностей переселения в Палестину и приобретения там земли⁷².

Миф о «всемирном еврейском правительстве» был частью не только антисемитской, но и общей идеологии, исповедовавшейся русской элитой. Осознанно или неосознанно, но вождем мирового сионизма воспринимался в некоторых властных кабинетах как представитель этого «правительства». К тому же мысли об отношении к этому движению уже несколько лет занимали как умы чиновников министерства внутренних дел, так и мысли некоторых русских публицистов⁷³. Этот визит, внешне практи-

⁷¹ Там же. С. 425.

⁷² «Проект секретного письма Российскому Императорскому послу в Константинополе. Вашему высокопревосходительству по всей вероятности не безызвестно, что в последнее время, среди русско-подданных евреев нашли себе значительное распространение идеи сионизма. Лица, стоящие во главе этого движения, имеют в виду ныне организовать фактическое переселение евреев в Палестину. Они желали бы, чтобы переселенцам было предоставлено образовать в обетованной земле, конечно, за исключением собственно Св. мест, особую под верховной властью Султана, колонию, которая выплачивала бы Турецкому Правительству ежегодно, в заранее условленном размере, подать, распределяемую между колонистами, учрежденным для устройства колонии обществом.

Императорское Правительство отнеслось к означенным предположениям с полным сочувствием, и Министр Внутренних дел счел нужным по этому поводу адресовать письмо Д-ру Герцлю, которым оно, с согласия Министра, было передано гласности.

Сообщая о сем Вашему Высокопревосходительству и препроводя с нее, в копиях, как упомянутое письмо Статс-секретаря Плеве, так и письмо Г. Герцля по настоящему вопросу, долгом считаю покорнейше просить Вас, не признаете ли Вы возможным со своей стороны оказать поддержку пред Оттоманскою Портою вышеозначенным домогательствам сионистов, разъяснив при этом Турецким Министрам, что Императорское Правительство не только не усмотрело бы каких-либо для себя неудобств в согласии Порты на удовлетворении ходатайства сионистов, но отнеслось бы, напротив, к этому (с признательностью), как к свидетельству существующих между обеими империями дружественных соседских отношений...» (ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Ед. хр. 317. Копия: АНЖР НМФ/ 500).

⁷³ Локшин А. Е. Формирование политики: (Царская администрация и сионизм в России в конце XIX — начале XX в.) // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1992. № 1 С. 42–56; Локшин А. Е. Споры о сионизме в России начала XX в. // Ле-хаим. 2010. № 10. С. 30–35.

чески не принесший успеха, все же показал еврейской политической элите в России, что в стране имеются возможности для энергичной защиты интересов их народа⁷⁴.

Процесс становления еврейского политического лоббирования постепенно набирал силу. Это соответствовало общим изменениям в стране в целом и в еврейском национальном движении в частности. На начальном этапе своей истории политический лоббизм еще придерживался традиций штадланута. Проводники его идей продолжали действовать через либеральную бюрократию. Недаром такой хитроумный и осторожный человек, как С. Ю. Витте, так бдительно следил за умонастроениями в этой среде. 1 января 1902 года военный министр А. Н. Куропаткин записал в дневнике: «Сегодня на выходе во дворце долго разговаривал с Витте. Он мрачно смотрит на настроение общества. Мы ходили по зале, где были собраны члены Государственного Совета, министры, сенаторы. Там же стояли офицеры Кавалергардского полка. Показывая на толпу эту рукой, Витте сказал: “Уверяю Вас, что все они, за исключением кроме офицеров, думают о конституции в России”»⁷⁵.

Таковы были метаморфозы еврейского лоббизма на самом рубеже XIX–XX веков.

⁷⁴ На банкетах, сопровождавших пребывание Т. Герцля в Петербурге, он встречался не только с руководителями сионистской организации, но и с некоторыми представителями либерального движения.

⁷⁵ Цит. по: *Соловьев К.* Бюрократия versus бюрократия: Парадоксы государственной службы в России в конце XIX — начале XX века // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 22.

Глава 2

«НОВЫЕ ПЕТЕРБУРЖЦЫ»

Пойдемте и будемте работать. Работа наша будет происходить на почве прошедшего, но жатва ее всецело будет принадлежать настоящему и будущему... покажем, что мы, русские евреи, не только ветвь «наиболее исторического» народа, но что мы сами имеем богатое прошлое и умеем ценить его... Будем делать наше народное дело смело и честно, не охорашиваясь ни перед кем, не справляясь, что скажут на это, как перетолкуют наши благие намерения озлобленные враги еврейства.

*С. М. Дубнов*¹

Мое сердце говорит мне, что со временем русские полюбят нас. Мы заставим их полюбить нас. Как? Своей любовью.

*Л. Леванда*²

Во второй половине XIX века столица империи медленно, но верно наполнялась новым, в том числе и еврейским населением. Постепенно на смену обитателям Сенного рынка и близлежащих улиц пришли выпускники университетов. Петербург притягивал не только как город больших возможностей, но и как место, где, несмотря ни на что, ни на какие ограничения и запреты, проявлялась и ширилась национальная жизнь³. В городе находилось

¹ Дубнов С. М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества. СПб., 1891.

² Эти слова Л. Леванда вложил в уста героя романа «Горячее время» Сарина, по сути своего alter ego в эпоху 1860-х годов.

³ Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX — начало XX в.: статистический анализ. Л., 1984. С. 207–214.

руководство основных еврейских общественных организаций: Общества для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ); Общества распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (ОРТ). Выходило в свет несколько еврейских периодических изданий, в том числе и на русском языке. Евреи энергично внедрялись в экономическую и социальную жизнь города. Евреи — выпускники высших учебных заведений Петербурга — в основном оставались работать в столице. Сюда же стремилась еврейская интеллигенция и коммерческая элита со всех концов империи. Среди них был и молодой юрист из Варшавы М. М. Винавер, человеку, которому суждено было сыграть огромную роль в деле становления и развития еврейского национального лоббирования в России.

Род Винаверов поселился в Варшаве в середине XVIII века. По некоторым данным, прибыла эта семья из Люблина⁴. Происхождение фамилии довольно туманно. Есть вариант, что она идет от слова «Вена». Из австрийской столицы евреи выселялись регулярно, вплоть до XVIII века, и одним из основных направлений их переселения была Польша. Тем более что фамилии евреям в приказном порядке как раз и начали давать (зачастую по географическому принципу) только во второй половине того же века. Но скорее всего эта фамилия все же связана с основным родом занятий семьи — изготовлением и продажей спиртных напитков. Собственно фамилиями польские евреи, в частности, и евреи Варшавы по приказу властей стали обзаводиться только на рубеже XVIII–XIX веков. Семья Винаверов была многочисленной, состоятельной и традиционной. Наиболее известным представителем этого клана с конца XVIII века становится предприниматель и арендатор Якоб-Израиль, а затем его сын Абрахам Винавер⁵. По крайней мере он был первым в семье *маскилом* — сторонником просвещения⁶. Он вместе с такими

⁴ Семейная легенда гласит, что родовое имя Винаверы получили от предместья Люблина — местечка Виенява (Winaver's Saga / Ed. by H. V. Winaver. London, 1994. P. 19).

⁵ Наиболее полную родословную Винаверов привел в своей статье один из их потомков — наших современников, С. М. Винавер (*Винавер С. М. Потомки Я.-И. Винавера // Из глубины времен: в 13 вып. СПб., 1996. Вып. 7. С. 180–189*).

⁶ Polonsky A. The Jews in Poland and Russia: vol. I–III. Boston, 2009. Vol. I.

общественными деятелями того времени, как М. Берсон и М. Розен, переписывался с известным филантропом и правозащитником из Великобритании М. Монтефиоре. Винавер в составе специальной делегации от варшавского еврейства встречался с ним, когда тот посещал Варшаву⁷. Как активный член Божничьего дозора он находился в эпицентре еврейской общественной жизни и имел постоянные связи с местной польской администрацией. Он скончался в 1857 году, и его «место» в Божничьем дозоре заняли сыновья Натан и Габриэль. Торговыми делами семьи занимался и другой сын Абрахама — Шимон. Только его известность в стране и даже в Европе имела иной смысл. Шимон Винавер и сегодня считается уникальным шахматистом, победителем на самых престижных турнирах того времени⁸. Семья владела в городе несколькими домами. В период Польского восстания симпатии членов семьи, как, впрочем, и всего польского еврейства, разделились. Некоторые сыновья Абрахама Винавера поддержали это восстание⁹.

Мордехай Винавер родился 19 ноября 1862 года. Его отец — Мозес — был одним из 12 сыновей Абрахама Винавера. Он владел несколькими магазинами по продаже винных изделий, бакалейными магазинами и гостиницами. Мать — Броха — происходила из раввинской семьи, жившей в предместье Варшавы — Праге¹⁰. Мозес был сторонником просвещения, знал

⁷ Winaver's Saga. P. 19.

⁸ Лисовский Т., Богданович Г. Шимон Винавер: Гений-самоучка и его Шахматы. М., 2016.

⁹ Winaver's Saga. P. 22–25.

¹⁰ В истории польского еврейства предместье Варшавы — Прага, долгое время имевшее самостоятельное значение как город, занимает значительное место. Да и в русско-польских отношениях, как и в русско-еврейских, это густо заселенное евреями поселение имеет свою историю. Штурм Праги войсками А. В. Суворова в 1794 г. запечатлен А. С. Пушкиным в стихотворении «Графу Олизару». В нем есть и такие строки: «И вы, бывало, пировали Кремля позор и плен, И мы о камни падших стен Младенцев Праги избивали, Когда в кровавый прах топтали Красу Костюшкиных знамен». Пушкин мог и не знать, «чьих младенцев избивали» доблестные суворовские «чудо-богатыри», но это, видимо, хорошо знал император Павел I, который 25 мая 1797 года распорядился: «Медалей за Прагский штурм бывшим на нем отпущено не будет, понеже Я его не почитаю действием военным, а единственно закланием жидов» (цит. по: Кибовский А. Дризен? Кнорринг? Буксенден! // Дилетант. 2016. № 8. С. 60). Но уже к середине XIX века Прага вновь была густо населена евреями.

необходимые для торговых операций иностранные языки. Но, как и остальные члены этой семьи, он был противником набиравшей силы тенденции к ассимиляции. В свою очередь его жена — Броха — придерживалась строгих религиозных традиций. Мордехай был четвертым ребенком в этой семье. Всего же было шесть детей: Хава (Ева), Роза, Абрахам (Эдвард), Мордехай (Максим), Регина (Гина), Аарон (Артур). Броха Винавер скончалась в возрасте 27 лет, и большую роль в воспитании Мордехая стала играть его старшая сестра Хава. Именно она и привела брата, когда ему исполнилось 5 лет, в хедер. Здесь он учился до 10-летнего возраста. После этого в 1872 году он сумел поступить в довольно престижную тогда 3-ю гимназию.

Годы учебы Мордехая в гимназии совпали с тяжелым для всей Польши процессом русификации, последовавшим после подавлении восстания¹¹. Насильственная русификация отразилась на всех народах этого края, в том числе и на еврейском населении. Юный Мордехай Винавер был настроен романтично и пропольски. Он не только читал «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, но и знал это произведение наизусть. Конечно, образ цимбалиста Янкеля и идеи польского романтизма о польско-еврейской гармонии не могли не отразиться на его самосознании. Но с годами куда ближе ему стали идеи польского реализма, произведения Б. Пруста, Ю. Крашевского, К. Юноши, М. Балуцкого, М. Конопницкой, и, конечно, Э. Ожешко с ее филосемитизмом.

Правда, не эти авторы и их идеи по-настоящему были востребованы польским обществом. Постепенно и некоторые бывшие филосемиты, подобно А. Свентоховскому, меняли свои позиции в еврейском вопросе и утверждались в убеждении о «невозможности национальной гармонии в стране». В свою очередь, часть польского еврейства, особенно образованные слои, с надеждой воспринимали призывы к ассимиляции, к полному

¹¹ Наиболее полно и многоаспектно эти процессы рассмотрены современными отечественными историками А. И. Миллером и М. Д. Долбиловым. См.: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М., 2010; Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. Значительный материал об этом осмыслен и в сборнике: Западные окраины Российской империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006.

сближению с поляками. Они становились так называемыми поляками Моисеева закона¹².

В работе, специально посвященной генеалогии семьи Винаверов, об этом периоде в жизни Мордехая довольно глухо сказано, что он «подвергался в гимназии прессингу со стороны соучеников и преподавателей»¹³. Хотя вдова Винавера Роза годы спустя писала о том, что он, еще учась в гимназии, участвовал в протестах учеников против запрета властей на использование в стенах учебных заведений польского языка¹⁴.

Еще в гимназии М. Винавер демонстрировал блестящие способности, в том числе к языкам. По окончании этого учебного заведения он поступил на юридический факультет Варшавского университета, основанный при Александре I, в сентябре 1817 года. Но после польского восстания 1830 года университет был закрыт на долгие годы.

Возродился университет только в 1869 году при Александре II. Но и он, как и прочие учебные заведения, должен был служить делу русификации Польши¹⁵. М. Винавер начал обучаться на юридическом факультете на возглавляемой профессором Ф. Ф. Зигелем кафедре истории славянских законодательств. Уже в списках студентов первого курса он значился как Макс-Гиль Винавер. Подавляющее число студентов, обучавшихся в этом университете, естественно, исповедовало католичество. Евреи по традиции и здесь, как и в собственно российских высших учебных заведениях, стремились поступать на юридический и медицинский факультеты. Ведь это в будущем гарантировало им «занятость». В то время, когда М. Винавер начал свою студенческую жизнь, на юридическом факультете училось всего 150 человек. Из них евреев, точнее, лиц иудейского вероисповедания, было 20. Отметим, что среди учащихся было четверо евреев-выпускников

¹² *Weeks Th. R.* From Assimilation to Antisemitism: The "Jewish Question" in Poland, 1850–1914. DeKalb, 2006.

¹³ Winaver's Saga. P. 27.

¹⁴ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 27.

¹⁵ *Иванов А. Е.* Русский университет в Царстве Польском: Из истории университетской политики самодержавия: Национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С. 23–33.

3-й Варшавской гимназии¹⁶. В ту пору в этот университет направлялись преподаватели из университетов со всей России. В годы учебы Мордехай Винавер мог контактировать и с историком Н. И. Кареевым, и с юристом А. Л. Блоком. С Кареевым Винавер многие годы спустя вполне мог делиться воспоминаниями об университете в период их совместного пребывания в нем. В 1906 году оба они стали депутатами Первой Государственной думы и членами фракции Партии кадетов.

В университете Винавер полностью сосредоточился на учебе. Входил он и в студенческие научные общества¹⁷. Но атмосфера в университете в тот период была довольно гнетущей. Внутри университета сохранялось национальное противостояние между призванными содействовать русификаторской политике преподавателями и студентами-поляками. Не менее сложными были и межнациональные отношения в студенческой среде. Ведь студенческий контингент состоял из поляков, русских (или, скорее, православных) молодых людей и немногочисленных евреев¹⁸. В это время некогда богатое семейство Винаверов, видимо, весьма обеднело. Этим, возможно, и объясняется то, что он стал зарабатывать на жизнь репетиторством в богатых еврейских домах.

В университете он сосредоточился на исследовании польского средневекового права. Жил он дома, где строго соблюдались религиозные традиции: отмечалась суббота, праздники и соблюдался кашрут. Темой его выпускного сочинения в 1887 году стало «Исследование памятников польского обычного права». Работу на русском языке опубликовали в 1887–1888 годах в «Известиях Варшавского университета»¹⁹. Эта работа получила высокую

¹⁶ Списки студентов Императорского Варшавского университета на 1883–1884 гг. Варшава, 1885.

¹⁷ Сведения Р. Винавер о том, что в пору студенчества М. Винавер входил в некие нелегальные кружки, кажутся мне сомнительными (Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 27).

¹⁸ См., например: Списки студентов Императорского Варшавского университета на 1883–1884 гг. Варшава, 1885; То же: На 1886–1887 гг. Варшава, 1887.

¹⁹ Винавер М. Исследование памятника польского обычного права XIII в., написанного на немецком языке: Вопрос о происхождении и систематическое изложение содержания. Варшава, 1888 [Оттиск из: Варшавские унив. известия. 1887. № 5–9; 1888. № 1–5.].

оценку, и ее автор был выпущен из университета с золотой медалью. Это позволило ему претендовать на то, чтобы быть оставленным для работы на кафедре. Единственным препятствием для этого являлась его принадлежность к иудейской религии. Как и для многих евреев-юристов, выпускников русских университетов, перед ним стояла дилемма: крещение и научная, а то и административная карьера, или переход на скромные и непостоянные «адвокатские хлеба»²⁰. К этому времени Винавер уже давно был «вне религии», но, как и многие его «товарищи по несчастью», он «не мог поступиться принципами». Этого не позволяла ему сделать национальная и человеческая гордость²¹.

Винавер никогда не писал о том, почему он покинул Польшу. Отметим, что в дальнейшем он эту страну практически не упоминал ни в своих работах, ни в выступлениях²². Он также не писал о польском еврействе, к которому еще недавно принадлежал. В Варшаву он, кажется, после переселения в Петербург приехал чуть ли не единственный раз и то только для того, чтобы познакомить молодую жену с родственниками. Мы можем лишь предполагать, что явилось причиной, которая привела его к желанию предать забвению свою «польскую» молодость. Человек более чем честолюбивый, он, скорее всего, не видел своего будущего в этой стране. Ведь еврей-адвокат мог иметь тогда в Польше весьма малое применение. Оставаясь иудеем, он также не видел себя здесь в общественной и политической жизни. Польша — страна, где антисемитизм являлся частью национальной идеи. Сами поляки, в том числе и представители интеллектуальных католических кругов, лишённые независимости, могли в качестве психологической компенсации сублимировать свое неприятие на отношение к евреям — народу, рядом с которым они прожили уже много веков. Большое развитие получил так называемый асемитизм. В интеллигентских кругах

²⁰ *Avrutin E. M. Jews and the Imperial Staite: Identification Politics in Tsarits Russia. Ithaca; London, 2010.*

²¹ Тот же самый путь прошли и многие будущие соратники Винавера по политическим баталиям XX века: Г. Б. Слиозберг, О. О. Грузенберг, М. И. Кулишер, Л. М. Айзенберг, М. И. Шефтель.

²² Лишь в конце жизни, уже в 1920-е годы он написал несколько статей, в которых анализировал послевоенную политическую жизнь Польши.

вместе с эпохой модернизации это явление пришло на смену антииудаизму.

Рост антисемитских настроений в 1880-х годах²³, по мнению польского исследователя Ш. Рудницкого, «воспринимался известной частью польского общества как естественное явление, корнящееся в существующей религиозно-бытовой обособленности, а также обусловленное отождествлением механизмов капиталистической экономики с распространенным стереотипом мнений об особых чертах еврейского характера»²⁴. В отличие от откровенных антисемитов теоретики асемитизма вместо прямого насилия выдвигали идею «естественного» вытеснения евреев из экономической, а также общественной и светской жизни. Целый ряд известных польских интеллектуалов предлагал встать на путь «игнорирования евреев», на путь полного экономического и общественного бойкота. Одновременно они выступали против ассимиляции евреев²⁵. Несколько забегаю вперед, скажу, что, не желая мириться с этим явлением, Винавер перебрался в Россию, но и здесь спустя несколько десятилетий столкнулся с теми же самыми умонастроениями.

Похоже, что Варшаву и Польшу Винавер покидал без сожаления. Мордехай сменил Варшаву на Петербург для того, чтобы стать Максимом. Покидая город, он мог так же, как и немного позднее А. Блок в «Возмездии», при прощании с Варшавой сказать:

Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые, —
И вот — в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь все, что было, все, что есть,
Надуто мстительной химерой...²⁶

²³ Это при том, что сам термин *антисемитизм* появился только в 1870-е годы в Германии, но быстро был воспринят европейской общественностью. См.: Поляков Л. История антисемитизма. М.; Иерусалим, 1997. Т. 2.: Эпоха знания.

²⁴ Рудницкий Ш. Асемитизм // Ксенофобия: сб. статей. М., 2003. С. 50.

²⁵ Там же.

²⁶ Блок А. Возмездие // Блок А. Стихотворения. Поэмы. Театр. М., 1968. С. 619–620.

В Петербург Винавер приехал в конце 1887 года. Он, видимо, имел рекомендательное письмо к широко известному не только в России, но и в Польше адвокату и общественному деятелю В. Д. Спасовичу от сенатора К. А. Заборовского.

Время, в которое Винавер начал свою карьеру в Петербурге, было более чем неудачным. Эпоха правления Александра III даже на общем фоне еврейской истории в России выделяется концентрированной юдофобией, «разлитой» как в обществе, так и на государственном уровне. С 1882 года погромы физические сменились «тихими», «легальными» погромами: сокращением черты оседлости, введением процентной нормы, выселением евреев из давно обжитых мест, запретами на профессиональную деятельность. В течение нескольких лет с начала 1880-х годов были вынуждены закрыться практически все еврейские периодические издания, выходившие на русском языке. Остались только журнал «Восход» и его приложение «Недельная хроника «Восхода»», на протяжении десятилетий судорожно бившиеся в руках цензуры²⁷.

Стоило Винаверу приехать в Петербург и начать работать, как ограничения коснулись и его лично. В 1888 году министр юстиции Н. А. Манасеин, в развитие активно проводившейся в стране практики по ограничению прав евреев, обратил внимание Спасовича как главы Совета присяжных поверенных на «недопустимый, по его мнению, удельный вес евреев-адвокатов». В ответ на это Спасович сказал, что проблема легко решается: «...допускайте евреев свободно к приему на государственные должности, тогда они не будут в таком большом числе поступать в присяжную адвокатуру»²⁸.

В ноябре 1889 года министр юстиции Н. А. Манасеин получил одобрение своей идеи об ограничении доступа в адвокатуру «лицам нехристианских вероисповеданий». Отныне еврей-адвокаты могли рассчитывать лишь на статус помощников

²⁷ Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. С. 221–222; Кельнер В. Е. Журнал «Восход» и его издатель-редактор А. Е. Ландау // «Восход» — «Книжки Восхода»: роспись содержания 1881–1906 гг. / сост. А. Р. Румянцев; предисл. В. Е. Кельнера. СПб., 2001. С. 24–35.

²⁸ Цит. по: Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 1. С. 210.

присяжных поверенных, да и количество последних всячески ограничивалось. Власть была убеждена в том, что «евреи оказывают вредное влияние на нравственность своих христианских коллег»²⁹. Нельзя не отметить, что ряд адвокатов восприняли это новое положение с одобрением — ведь евреи на тот момент составляли, например, в Петербурге до 15% адвокатуры. Но не все коллеги-христиане руководствовались лишь банальным страхом конкуренции. «Король русской адвокатуры» Ф. Н. Плевако стоял на более «принципиальных позициях», чем большинство его коллег. Он считал, что в адвокатуру нельзя допускать даже тех евреев, которые приняли христианское вероисповедание. Еврей по определению не мог быть, с его точки зрения, «носителем русской нравственности»³⁰.

В самом Петербурге против еврейского населения самые энергичные меры принимал градоначальник П. А. Грессер³¹. И так не особенно юдофильски настроенное общественное мнение столицы стало еще более радикально бороться с «излишним» еврейским присутствием в городе. Один за другим вынуждены были выехать из Петербурга многие евреи, годами жившие и работавшие в нем. В Одессу переехал историк и публицист С. М. Дубнов, покинул город и поэт С. Г. Фруг.

Атмосфера в стране и в городе постоянно нагнеталась не только указами властей. Напряжение в значительной степени создавалось печатью. Самая по тем временам популярная газета «Новое время» буквально специализировалась на еврейском вопросе. Не отставала от нее и бульварная, желтая пресса. Таких органов печати было немало, но опасность «Нового времени» состояла в том, что она создавалась способными людьми, мастерами своего дела. Еврейская тема в виде «юмористических сценок из еврейского быта» не сходила и с театральных подмостков. Нельзя сказать, что общество было едино в своем юдофобском порыве. Иногда в защиту своих еврейских сограждан

²⁹ Кучеров С. Л. Евреи в русской адвокатуры. С. 408.

³⁰ Там же. С. 409.

³¹ Дубнов С. М. Евреи в России и в Западной Европе в эпоху антисемитской реакции: в 2 кн. Пг., 1919. Кн. 2: Евреи в России в царствование Александра III: (1881–1894). С. 66–67.

выступали некоторые представители мира литературы и науки. Но даже весьма скромные протесты с их стороны заглушались цензурой и властными окриками. Так, в 1890 году письмо в защиту евреев от все новых и новых ограничительных законов и постановлений, подписанное, среди прочих, В. С. Соловьевым, Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко, могло быть опубликовано только за границей³².

Адвокат и публицист В. Д. Спасович был фигурой замечательной и в своем роде оригинальной. Православный по вероисповеданию, сын католички, человек, воспитанный в Белоруссии, он любил повторять: «Я антицерковник, антинационалист, антигосударственник»³³. Блестящий юрист, он был вынужден в начале 1860-х годов оставить профессорскую кафедру в Петербургском университете в знак протеста против репрессий в отношении студентов. Проведенная в стране судебная реформа дала ему уникальную возможность проявить все свои таланты в качестве адвоката. Свою адвокатскую работу он совмещал с литературной и театральной критикой, переводческой деятельностью, изданием и редактурой газеты «Край», выходившей в Петербурге на польском языке.

Принимая в конце 1880-х годов молодого варшавянина к себе на работу, Спасович предупреждал его и других молодых коллег: «До вас доходят слухи, что нас, адвокатов, поднимут, облагодетельствуют, что будем мы точно в раю, обещанном судебными уставами. Не верьте: будут последние горше первых. Нас в нашем самоуправлении так обрежут, так низко кланяться заставят за каждую подачку, что, право, лучше оставаться при старом...»³⁴ И в целом он был прав. Противостоящая административной машине адвокатура, в которую входили материально независимые и высокообразованные люди, оказалась в тот период чуть ли не единственным свободным институтом в империи. Часто выступления адвокатов в суде, которые по закону печатались, не подвергаясь цензуре, становились проявлением подлинного свободомыслия. Их речи являлись куда более

³² Там же. С. 68—69.

³³ Спасович В. Д. Сочинения. СПб., 1902. Т. 9. С. 270.

³⁴ Винавер М. Адвокатура и правовое государство. СПб., 1905. С. 4.

действенными и популярными для общественного мнения, чем подпольная и подцензурная литература.

В столице империи Винавер мог жить свободно. Ведь он был защищен дипломом о высшем образовании. Правда, поначалу он был весьма ограничен в средствах. По крайней мере, в первый год он, по свидетельству Розы Винавер, как и прежде в Варшаве, подрабатывал репетиторством в богатых еврейских домах³⁵. Первоначально он поселился на Владимирском проспекте, в доме 2, на углу с главной улицей города — Невским проспектом. В этом доме уже тогда была гостиница «Москва», однако во дворах еще сохранялись квартиры. Затем, женившись, он перебрался в доходный дом Вернера (дом 27), расположенный на Литейном проспекте. В самом конце века Винавер переехал на считавшуюся тогда чуть ли не аристократической Сергиевскую улицу, в дом 41. Это, несомненно, свидетельствует о том, как значительно изменилось его материальное положение. И уже с 1906 года он постоянно, до конца 1917 года, жил на Захарьевской улице в доме 25³⁶. Не так далеко, по петербургским меркам, в начале

³⁵ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 27.

³⁶ Мне думается, что выбор этого адреса был проявлением чувства самосохранения. Дом этот соседствовал с казармами Кавалергардского полка и Михайловской артиллерийской академией, и в нем проживало значительное число высших офицеров. Позднее, в 1905 году, в разгар антисемитского и антилиберального террора, командующий одного из гвардейских корпусов генерал Н. П. Ашеберг перевел семью Винаверов жить в казарму своего подразделения. По воспоминаниям Р. Г. Винавер, генерал сам приехал на квартиру к Винаверу, чтобы организовать их переезд: «Я до сих пор помню его фигуру, как он стоял, повернувшись к окну, со слезами на глазах. Видно, обидно ему было за нас и стыдно за ту власть, которой он служил». Генерал Ашеберг даже приказал подчиненным ему офицерам перевозить в эту казарму знакомых им евреев. Спустя две недели М. М. Винавер перевез семью в Финляндию, а сам вернулся в свою квартиру в «военном» доме на Захарьевской улице. В то же самое время живший в этом же доме и старый знакомый Винаверов Б. Ф. Брандт, бывший в ту пору сотрудником С. Ю. Витте, ходил к своему «шефу» с вопросом о том, не следует ли ему переехать, «так как в этом же доме живет Винавер» (Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 43–44).

В этом же доме, этажом ниже, тогда находилась и редакция руководимого Винавером еженедельника «Рассвет». Здесь же он поселил и юного провинциального художника Марка Шагала: «В 1907 году я, девятнадцатилетний, розовый и курчавый, уехал навсегда из дома, чтобы стать художником... Я уехал

нового века поселились его брат — врач Артур Винавер (Кузнечный, а затем Поварской переулок) и Л. Сев (Басков переулок).

В Петербурге в университете на юридическом факультете в это время обучался другой варшавянин — Семен Лурье. Он закончил в Варшаве 2-ю гимназию с золотой медалью и сразу же отправился в Петербург. Нет данных, что они были знакомы еще в Варшаве, все же между ними была значительная разница в возрасте — 5 лет. Но Варшава — «город маленький», и еврейская интеллигенция тогда еще была более сплоченной. По крайней мере, «представительные» семьи были знакомы друг с другом. Когда Винавер приехал в Петербург, Лурье еще только недавно начал учиться в университете. Но, скорее всего, они могли встретиться на докладах в Юридическом обществе. После окончания университета Лурье переехал в Москву, где жили родственники. Он начал работать в редакции, может быть, самого либерального тогда «толстого» журнала — «Русская мысль». Именно в этом журнале его редактор, уволенный некогда из Московского университета профессор В. А. Гольцев пытался в 1890 году опубликовать известное «Письмо интеллигенции»,

в Петербург. Ни права жительства, ни угла, ни койки... Капитал на исходе. В это время я был представлен Винаверу. Он меня поселил около себя, на Захарьевской, в помещении редакции журнала «Восход». Винавер вместе с Н. Г. Сыркиным и Л. А. Севом думали: может быть, я стану вторым Антокольским. Каждый день, на лестнице, мне улыбался Максим Моисеевич и спрашивал: «ну, как?» Комната редакции была переполнена моими картинами, рисунками. Это была не редакция, а мое ателье. Мысли мои об искусстве сливались с голосами заседавших в редакции Слиозберга, Сева, Гольдберга, Познера и др. По окончании заседания многие проходили через мое ателье, и я прятался за горы журналов «Восхода», занимавшие полкомнаты. У Винавера была небольшая коллекция картин. У него висели, между прочим, две картины Левитана. Он первый в моей жизни приобрел мои две картины — голову еврея и свадьбу. Знаменитый адвокат, депутат, и все же любит он бедных евреев, спускающихся с невестой, женихом и музыкантами с горки на картину моей.

Однажды, запыхавшись, прибежал ко мне в редакцию-ателье и говорит: «Соберите скорее ваши лучшие работы и поднимитесь ко мне наверх. Коллекционер Коровин, увидев у меня ваши работы, заинтересовался вами». Я от волнения, что сам Винавер прибежал ко мне, ничего «лучшего» собрать не мог... В день Пасхи к ужину, однажды, я был приглашен. Отражение горящих свечей и пар, блистала темная охра с рефlekсами — цвет Винавера. Роза Георгиевна, улыбаясь и расправляясь, казалось, сходила с какой-то стенной росписи Веронеза... В 1910 году Винавер отправил меня в Париж, назначив мне стипендию» (*Шагал М. Избранник народа: Памяти М. М. Винавера*).

направленное против травли евреев³⁷. Одновременно С. В. Лурье печатал в «Историческом обозрении» статьи по еврейской истории и философии. Семен Лурье стал близким другом Винавера, и эта дружба, скрепленная общими общественными и духовными интересами, продлилась годы.

Другим близким ему человеком стал и Леопольд Сев. Он родился на Волыни, получил положенное религиозное образование. С ранних лет все окружающие отмечали его исключительные способности. Впоследствии он закончил юридический факультет Петербургского университета, но главным его страстием была философия. Сев отправился совершенствовать свои знания в Берлин, где, помимо университета, поступил еще и в Высшую школу иудаики. Нет сомнения, что в этой области Сев был намного более сведущ, чем сам Винавер. С начала 1890-х годов Сев стал для Винавера на многие годы самым близким другом, а затем и родственником³⁸. Тем более, что Сев нуждался в покровительстве: человек, которого многие считали гениальным, он был совершенно не приспособлен к реальной жизни. Дело дошло до того, что некоторое время он просто жил в одной с Винавером квартире даже после того, как тот женился. По воспоминаниям Р. Г. Винавер, это сожительство было весьма не простым: «Эта близкая жизнь иногда была мучительна, ибо он требовал от своих друзей большого интеллектуального и морального подъема. Но мы все это переносили, ибо знали, что благодаря его присутствию ничто суетное нас не коснется»³⁹.

В 1892 году молодой помощник присяжного поверенного М. М. Винавер приехал в гости в Москву к своему другу С. В. Лурье. В одном из еврейских домов, а именно в доме местного фабриканта и члена правления общины Генделя Хишина, он познакомился с его дочерью — Розой⁴⁰. Роза была двоюродной

³⁷ Гец Ф. Б. Слово подсудимому!: О еврейском вопросе. СПб., 1891.

³⁸ Он женился на сестре Р. Г. Винавер Марии.

³⁹ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 37.

⁴⁰ В воспоминаниях Розы Винавер об этом периоде имеется явная неточность. Она писала о том, что познакомилась со своим будущим мужем в 1892 году, «еще будучи ребенком», и он был на 10 лет ее старше, вышла за него замуж в 1894 году. Но Роза Хишина 1872 года рождения, и в 1892 году ей, соответственно,

сестрой С. Лурье. Это весьма облегчало посещение этого дома и общение с девушкой. Роза как раз в то время, окончив гимназию, поступила на Коллективные женские курсы, возникшие в ответ на закрытие властями в 1886 году Высших женских курсов. Для этого ей пришлось преодолеть сопротивление семьи, соблюдавшей традицию. На курсах она стремилась получить естественнонаучное образование. Курсы поддерживались московской интеллигенцией, и потому на них читали лекции лучшие профессора университета: И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев, К. Э. Линдеман. Среди ее однокурсниц была и дочь Льва Толстого Марья. Роза Хишина, видимо, понравилась молодому адвокату своей живостью и жадой знаний. В итоге он предложил юной москвичке свое руководство в выборе книг для чтения и расширения кругозора. Это было в ту пору в интеллигентных семьях довольно распространенным явлением. Подобным интеллектуальным патронажем занимались многие молодые столичные интеллигенты. Правда, в данном случае дело осложнялось тем, что семья Хишиной особо блюла иудейские ценности. Даже получение разрешения от матери и брата на поступление девушки на женские курсы было более чем непростым делом⁴¹.

Спустя год Винавер пригласил ее посетить Петербург. Естественно, мать отпустила Розу в столицу на Рождество лишь под присмотром ее кузена С. В. Лурье и его молодой жены. Город потряс молодую москвичку. На всю жизнь она запомнила день первого посещения Эрмитажа. Переписка продолжилась. Винавер требовал от нее «отчета о прочитанных книгах». Летом они встретились в Швейцарии, где отдыхали и путешествовали с друзьями. В итоге в 1894 году Винавер сделал ей предложение. Это было для девушки из традиционной еврейской семьи в известном смысле делом скандальным. Получалось, что она сама выбрала себе мужа, да к тому же человека, не соблюдающего религиозные традиции. Еще одним потрясением для семьи стало то, что избранник Розы Хишиной не пожелал бросить адвокатуру и стать компаньоном в семейной фирме Хишиных. Далеко не

уже было 20 лет. Но, возможно, М. Винавер бывал в Москве и несколькими годами раньше, в 1888–1890 годах, вместе с С. В. Лурье, ездившим домой на каникулы.

⁴¹ Там же. С. 24.

в восторге от этого брака была и варшавская родня Винавера. Ведь он женился на «москальке»⁴².

В 1895 году у них родился первенец — Валентина. Затем последовали Евгений (1899), София (1904), Михаил (1906). Но рождение детей не изменило стиль их жизни. Значительную ее часть составляло посещение театров, а главное — освоение русской литературы. Следующее десятилетие было полностью посвящено «накоплению» М. М. Винавером профессионального и духовного капитала.

Как юрист Винавер специализировался в области цивилистики. Он практически никогда не участвовал в защите по уголовным делам. Свою деятельность он сосредоточил в основном в Сенате. Он выступал главным образом по делам, связанным с имущественными спорами и корпоративными тяжбами. В. Д. Спасович доверял ему защиту своих клиентов по многим самым запутанным делам⁴³. Дело адвокатуры стало смыслом его жизни. Он придерживался максимы М. Робеспьера, некогда сказавшего: «Только в этой профессии сохранилось мужество истины; только она была школою гражданских добродетелей, где таланты и доблесть научались выступать в защиту интересов народа перед законодателем»⁴⁴.

Впоследствии Винавер собрал многие свои доклады по различным делам и статьи на темы юриспруденции, ранее помещенные в таких специальных изданиях, как «Вестник гражданского права», «Вестник права», «Гражданская хроника», «Журнал Министерства юстиции», «Право», в отдельные издания⁴⁵.

⁴² Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 32. В известном смысле это демонстрирует то, в какой степени польское еврейство было солидарно со своими соотечественниками в их неприятии всего того, что исходило из России.

⁴³ Например: В Санкт-Петербургскую Судебную палату по Второму Департаменту Поверенного дворян: Антона-Витольда, Ивана, Станислава и Иосифа Антоновых Коревицких — помощника присяжного поверенного М. М. Винавера, жительствоющего в Санкт-Петербурге по Литейному проспекту в д. № 27. Объяснения. Частные жалобы по делу об утверждении в правах наследования имущества Виктории Чернецкой. СПб., 1896.

⁴⁴ Робеспьер М. Революционная законность и правосудие: статьи и речи / пер. с фр.; под ред. и с предисл. А. Гершензона. М., 1959. С. 105.

⁴⁵ Винавер М. Очерки об адвокатуре. СПб., 1902; Винавер М. Из области цивилистики. СПб., 1908.

Несомненно, М. М. Винавер имел большие научные способности. Но по условиям того времени официальная научная карьера для него была закрыта. Поэтому он, как многие ему подобные, старался реализовать свой потенциал в неформальных научных и профессиональных объединениях. Как ученый и практик в области юриспруденции он прошел профессиональную школу, участвуя в семинаре А. Я. Пассовера. Уже в первые годы жизни в Петербурге Винавер присоединился к так называемой Конференции помощников присяжных поверенных. В это неформальное объединение входили еврей-помощники адвокатов, обреченные властью на судьбу подмастерий. Это объединение возглавлял А. Я. Пассовер — человек, которому многие коллеги, даже те, кто относился к нему не вполне благожелательно, посвятили немало строк в своих воспоминаниях. Как писал Винавер, у него «не было друзей, а были собеседники, — и этих собеседников не он искал: его искали»⁴⁶.

Пассовер родился в Умани, в семье военного врача. После блестящего окончания Московского университета он продолжал обучение в ряде лучших университетов Германии. Затем Пассовер поступил на службу в судебное ведомство. Однако антиеврейские законы и общая антисемитская направленность внутренней политики в государстве не позволяли ему как нехристианину ни официально продвигаться по служебной лестнице, ни исполнить мечту всей жизни — стать ученым, преподавателем университета. Как неоднократно говорил он друзьям и ученикам: «За необращением в православие — обращен в адвокатуру»⁴⁷. В то же время многолетняя связь с женщиной из православной семьи поставила его в сложное положение в обществе. Став формально членом адвокатского сообщества в Одессе, Пассовер вскоре перебрался в Петербург. Здесь он в течение нескольких лет проявил такие способности в деле защиты в самых сложных делах частного гражданского права, что приобрел непререкаемый авторитет как в профессиональном сообществе, так и в государственных судебных инстанциях. Винавер вспоминал о том, что в основе авторитета Пассовера

⁴⁶ Винавер М. Недавнее. С. 86.

⁴⁷ Там же. С. 95.

лежала «убийственная сила аргументов... сознание своей силы». По его мнению, «преклонение перед этой силою и авторитетом было какое-то, я бы сказал, паническое; я не видал человека, который бы в его присутствии чувствовал себя выше его, и не видел никого, — мало того: я не могу мыслить никого, — перед кем он, Пассовер, согнулся бы»⁴⁸. В 1889 году, когда власти, не без поддержки части профессионального сообщества, резко ограничили прием евреев в адвокатуру, А. Я. Пассовер демонстративно вышел из Совета присяжных поверенных. Как искусный адвокат Пассовер время от времени брался и за разрешение тех или иных проблем, возникавших перед еврейской общиной столицы. Практически все мемуаристы отмечали и одну известную им страсть Пассовера — библиофилию. Он был страстный собиратель книг и непревзойденный знаток русской и западноевропейской книги.

Постепенно Винавер стал ключевой фигурой этих семинаров. Он не только выступал в доме Пассовера с докладами по избранному юридическим проблемам, но и не раз брал на себя роль ведущего. Это, бесспорно, говорит о растущем авторитете молодого адвоката в глазах его коллег, в том числе и самого Пассовера. Хотя Н. П. Карабчевский и приводит несколько иронически-шутливую характеристику Винавера, данную Пассовером: он называл его «хитроумным гомункулусом»⁴⁹.

Проходя «юридические университеты» у А. Я. Пассовера, Винавер, не ограничиваясь этим, вошел в среду юристов, группировавшихся вокруг Юридического общества при Петербургском университете и издаваемого им «Журнала гражданского и уголовного права». Руководителем этого издания был один из членов семинара Пассовера, тогда уже известный адвокат, юридический советник семьи Гинцбургов Г. Б. Слиозберг. Ему поручили единоличное редактирование этого журнала. По

⁴⁸ Винавер М. Недавнее. С. 95. Недаром В. Д. Спасович говорил, обращаясь к Пассоверу: «Вы, Александр Яковлевич, совершенно не умеете, я не говорю уже гнуться, сгибаться, нет — даже слегка наклоняться под влиянием внешних требований» (цит. по: Карабчевский Н. П. Около правосудия. Тула, 2001. С. 648). Думается, что на мировосприятие А. Я. Пассовера огромное влияние оказала его любовь к русской женщине и невозможность законно соединиться с ней.

⁴⁹ Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. С. 13.

воспоминаниям Слиозберга, это явилось причиной его разногласий с Винавером, а затем и охлаждения их отношений. Думается, что в конфликте вокруг руководства этим журналом проявилась одна из черт его характера⁵⁰. Он, несомненно, «знал себе цену» и был весьма честолюбив.

В один из приездов в Москву через С. Лурье Винавер познакомился с часто приезжавшим из Киева философом Л. И. Шестовым (Шварцманом). Это знакомство продолжилось и тогда, когда Шестов посещал Петербург. Они встречались в домах публициста Д. А. Левина и переводчика З. А. Венгеровой. Вскоре среди новых друзей появился молодой критик и литературовед, сотрудник ряда крупных литературно-общественных журналов А. Г. Горнфельд⁵¹. В 1897–1898 годах в Петербурге постоянно жил уже имевший тогда имя философ и поэт В. Соловьев. В традициях той эпохи все еще оставались, наряду с редакциями журналов и газет, салоны как места встреч единомышленников, людей профессионально или духовно близких.

Молодая семья Винаверов тогда чаще всего посещала демократический салон В. Г. Никольской. По свидетельству Розы Винавер, Варвара Гавриловна Никольская происходила из рода известных писателей, публицистов и деятелей еврейского просвещения Тугенгольдов. Сама она окончила Высшие Бестужевские женские курсы в Петербурге. Рано оставшись вдовой, она жила доходами, получаемыми от работы в частной библиотеке Е. В. Гутман, и на небольшую пенсию на ребенка. Салон, как правило, собирался в помещении библиотеки Гутман. Среди посетителей бывали профессор, историк литературы Н. А. Котляревский, переводчик, библиотечарь Бестужевских курсов Е. В. Балабанова, библиограф и публицист Н. А. Рубакин. В салон В. Г. Никольской В. С. Соловьева, видимо, привел бывший его страстным поклонником Л. А. Сев. Можно лишь представить, как воспринималась воспитанным на строгой и логичной, юридически обоснованной доказательности Винавером особенная манера изложения Соловьевым тех или иных своих идей. Так,

⁵⁰ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 13.

⁵¹ Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: по переписке и воспоминаниям современников: в 2 т. Париж, 1983. Т. 1. С. 41.

писатель и публицист А. Амфитеатров вспоминал: «Удивил нас Соловьев... Разговорился вчера. Ума — палата. Блеск невероятный. Сам — апостол апостолом. Лицо вдохновенное, глаза сияют. Очаровал нас всех... Но... доказывал он, положим, что дважды два четыре. Доказал. Поверили в него, как в бога. И вдруг — словно что-то его защелкнуло. Стал угрюмый, насмешливый, глаза унылые, злые, — А, знаете ли, — говорит, ведь — дважды два не четыре, а пять? — Бог с вами, Владимир Сергеевич! Да вы же сами нам сейчас доказали... — Мало ли что — “доказал”. Вот послушайте-ка... — И опять пошел говорить. Режет contra, как только что резал pro, пожалуй, еще талантливее»⁵².

Характеризуя свое время, известный адвокат Н. П. Карабчевский, человек, которого менее всего можно было бы заподозрить в юдофилии⁵³, писал о состоянии еврейского вопроса в конце 1880 — начале 1890-х годов: «В сфере общественности, именно юридическое неравноправие евреев, вело к выработке лишь двух крайних, лишенных вдумчивости и беспристрастия, отношений к “еврейскому вопросу”. Известные общественные элементы являлись поголовно непримиримыми юдофобами, нетерпящими самого духа еврейской нации, одобрявшие и погромы, и самые нелепые репрессии; лучшие сознательно являлись юдофилами, в самом широком значении этого слова, безглаголю, опасаясь, даже критикой отдельных отрицательных черт и личностей, унизиться до нанесения удара лежащему»⁵⁴.

Хорошо известно отношение к еврейскому вопросу В. С. Соловьева. Уже в начале 1880-х годов он выступил с рядом лекций и статей по философским проблемам взаимоотношения иудаизма и христианства⁵⁵. В Петербурге Соловьев был желанным

⁵² Амфитеатров А. В. Литературный альбом. СПб., 1904. С. 256.

⁵³ Н. П. Карабчевский многократно выступал в судах в защиту евреев. Он участвовал в деле Бейлиса, в деле защиты пострадавших от погромов в Кишиневе. Однако в 1910-е годы, и особенно после 1917 года, уже в эмиграции, он практически стал юдофобом, хотя и выступал за ликвидацию юридического неравноправия евреев (Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. С. 8–10).

⁵⁴ Там же. С. 9.

⁵⁵ Соловьев В. С. Еврейство и христианский вопрос. М., 1884. В письме Ф. Гецу он писал: «Вы знаете, что единственным справедливым решением вопроса я считаю полную равноправность. Но так как справедливость осуществится, может быть, только завтра, считая дни по Божьему счету, то есть через тысячу лет, то этим

гостем в доме Г. О. Гинцбурга, человека, возглавлявшего ОПЕ⁵⁶. Он часто посещал редакцию либерального журнала «Вестник Европы», бывал и в салоне старого приверженца либеральных идей, юриста и публициста К. К. Арсеньева.

Можно сказать, что салон Гинцбургов в Петербурге был, наряду с домом банкира А. И. Зака, одним из первых подобных мест, где в разное время встречались представители русской и русско-еврейской интеллигенции: И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, братья Утины, В. В. Стасов, М. М. Стасюлевич, К. Д. Кавелин, В. С. Соловьев, Г. Б. Слиозберг, А. Ф. Кони⁵⁷.

Возможно, и при посредничестве М. М. Винавера и Л. А. Сева Соловьев принял участие в сборниках, подготовленных ОПЕ: «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» (СПб., 1901) и «Сборник в пользу начальных еврейских школ» (СПб., 1896). В то же время они все встречались и на заседаниях ОПЕ. В качестве почетного члена Владимир Соловьев участвовал в его работе.

Участников этих встреч объединяла любовь к литературе и театру. По существу все они имели отношение к литературному процессу в России. Ими обсуждались все более или менее значимые новинки, появлявшиеся в журналах. Именно тогда участие в русском литературном процессе, в основном в качестве организатора тех или иных литературно-художественных объединений и периодических изданий, стало частью общественной жизни Винавера.

не устраняется необходимость хотя бы временного и паллиативного облегчения для наиболее страждущей части еврейства» (Гец Ф. Об отношении В. С. Соловьева к еврейскому вопросу // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 1 (56). С. 159–198). Его лекция в Петербургском университете «О всемирно-историческом значении еврейства», прочитанная в 1882 году, то есть в разгар еврейских погромов в южных губерниях, привлекла внимание и русско-еврейской печати. Одним из авторов отклика на эту лекцию был тогда еще увлекавшийся идеями палестинофильства молодой студент Х. Флексер — будущий философ и искусствовед Аким Волинский (Х. Ф. Лекция проф. Вл. Соловьева // Рассвет. 1882. № 9. С. 33–44). См.: Гец Ф. Об отношении В. С. Соловьева к еврейскому вопросу. СПб., 1906.

⁵⁶ Слиозберг Г. Б. Барон Г. О. Гинцбург: Его жизнь и деятельность. С. 64; Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 1. С. 107.

⁵⁷ Слиозберг Г. Б. Барон Г. О. Гинцбург: Его жизнь и деятельность. С. 60–68.

Большую роль на этих вечерах в салоне играл и молодой еще критик, сотрудник одного из самых популярных тогда демократических журналов — «Русское богатство» — А. Г. Горнфельд. Больной, частично парализованный еврейский мальчик из Севастополя, он сумел одновременно закончить юридический и филологический факультеты Харьковского университета, затем учился на философском факультете Берлинского университета. Блестящий знаток мировой и русской литературы, он уже в конце 1890-х годов стал одним из авторитетнейших литературных критиков, возглавил отдел критики и беллетристики руководимого В. Г. Короленко журнала⁵⁸. Одновременно он перевел и многие произведения лучших представителей мировой литературы.

В этой группе блестящих интеллектуалов выделялся своими разнообразными талантами и человеческим опытом М. И. Кулишер. Он родился на Волыни в 1847 году. В детстве получил национальное образование, затем учился в раввинском училище в Житомире. Служба по религиозной части явно не привлекала его, и он, получив аттестат гимназии в Каменец-Подольске, поступил на юридический факультет Киевского университета. Дальнейшая жизнь заставила его сменить еще несколько университетов, и наконец он получил диплом Санкт-Петербургского университета. Уже в юности Кулишер пристрастился к публицистике. Человек широких либеральных взглядов, он печатал свои статьи и очерки в 1860–1890-е годы в газетах «День», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новости», «Слово», «Русская мысль», «Вестник

⁵⁸ Некоторые «неблагодарные потомки» не оценили ни его творчество, ни масштаб личности. Ряд представителей «новой волны» русской литературы оставили о нем несправедливые и часто скороспелые впечатления. Так, годы спустя особенно обиженный на него соперник по «цеху переводчиков» О. Э. Мандельштам, ничуть не стесняясь, «обыгрывая» тяжелый недуг Горнфельда, писал: «К числу убийц русских поэтов или кандидатов в эти убийцы прибавилось тусклое имя Горнфельда. Этот паралитический Дантес, этот дядя Моня с Бассейной, проповедующий нравственность и государственность, выполнил заказ совершенно чуждого ему режима, который он воспринимает приблизительно как несварение желудка...» (Мандельштам О. Э. Четвертая проза // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1993. Т. 3. С. 173). В. Шкловский, также человек из другого литературного лагеря, обидевшись на А. Горнфельда за его некролог на смерть В. Хлебникова, назвал его «пыльным человеком» (Шкловский В. ZOO, или письма не о любви. Л., 1929. С. 25).

Европы»⁵⁹. Его привлекала и русско-еврейская периодическая печать. Он участвовал в издании журналов «Рассвет» и «Восход». В 1880–1886 годах Кулишер выпускал в Киеве газету «Заря», которая имела всероссийскую известность. С 1887 года он жил в Петербурге и, несмотря на свой возраст и авторитет, был, как и Винавер, всего лишь помощником присяжного поверенного. Можно сказать, что он был одним из первых в стране этнологов и культурологов. В 1887 году в Петербурге вышла в свет его монография «Очерки сравнительной этнографии и культуры»⁶⁰.

Среди людей того круга выделялся скромный руководитель одного из отделов Императорской Публичной библиотеки, выпускник историко-филологического факультета Дерптского университета А. И. Браудо. После приезда в Петербург он работал в газете «Новости», а в 1889 году поступил на службу в библиотеку⁶¹. Этот человек являлся неким связующим звеном между различными направлениями как русского освободительного движения, так и еврейскими активистами. Лидер либерального движения в России, впоследствии один из создателей и руководителей Конституционно-демократической партии П. Н. Милюков, который тесно контактировал с Браудо в решении многих организационных и «технических» проблем русского освободительного движения, вспоминал: «...он был русским [выделено в тексте. — В. К.] евреем того поколения, когда различие национальностей не только принципиально отрицалось в нашем политическом кругу, но просто не замечалось и в бытовом, и в культурном отношении. Мы сообща делали русское политическое дело, одинаково нам близкое и одинаково нужное для достижения общих целей. Все это тем более сближало, что окружала нас враждебная атмосфера старого режима и, лицом к ней, мы были естественными союзниками. Вот почему было бы

⁵⁹ Думается, что «прививку» от левых взглядов М. И. Кулишер получил еще в 1870-е годы в Киеве, когда спасал 12-летнего Льва Шварцмана (будущего философа Шестова) из рук похитителей — группы социалистов, требовавших за него выкуп (Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. 1. С. 3).

⁶⁰ Тольц М. Забытый энциклопедист: М. И. Кулишер (1847–1919) // Диаспоры. 2014. № 2. С. 140–176.

⁶¹ Кельнер В. Александр Браудо и борьба с антисемитизмом в России в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1993. № 2. С. 104–105.

просто невозможно отделить, что в то время делалось для специально еврейских и общерусских задач»⁶². Судя по воспоминаниям современников, А. И. Браудо был гениальным организатором. Он, как и М. Винавер, сумел соединить невидимыми нитями еврейское национальное движение со стремительно поднимавшейся волной общероссийского освободительного движения. Браудо входил в руководящие структуры ОПЕ, ОРТ и ЕКО, тесно сотрудничал с редакцией журнала «Восход», имел дружеские личные отношения практически со всеми руководителями еврейских организаций и групп. Одновременно он был близок к руководству Вольно-экономического общества и Комитета грамотности. Он был своим человеком в редакциях ряда петербургских газет и издательств. Бесспорно, Браудо сыграл определенную роль в создании за границей либерального органа печати — журнала «Освобождение». Человек более чем информированный, состоявший в «особых» отношениях с рядом крупных представителей высшей бюрократии, он снабжал конфиденциальными сведениями и только что созданный «Союз освобождения», и его журнал⁶³. В то же время соответствующая информация доставлялась им и еврейским политическим деятелям.

Примерно в 1900–1901 годах на заседаниях еврейских организаций стал появляться и чиновник Министерства финансов Б. Ф. Брандт — человек из круга, приближенного к министру, а затем премьер-министру С. Ю. Витте. По свидетельству его земляка, знакомого еще по юности в Полтаве Г. Б. Слиозберга, Б. Ф. Брандт, занимая видное место в министерстве финансов, в то же время был не просто человеком национально ориентированным, а сохранял прочные связи с молодым еще тогда сионистским движением⁶⁴.

В 1898 году в столице появился и Г. А. Белковский. Выпускник юридического факультета Новороссийского университета,

⁶² Миллюков П. Н. Воспоминания. С. 410.

⁶³ Видимо, информаторами Браудо были член Государственного Совета Д. Ф., тогдашний директор Императорской Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко и крупный чиновник Министерства народного просвещения, член-корреспондент АН, философ и переводчик Э. Л. Радлов.

⁶⁴ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 1. С. 307–308.

рано примкнувший к сионистскому движению, он несколько лет работал в Болгарии, в Софийском университете. К тому времени он уже входил в состав Исполнительного комитета Всемирной сионистской организации. На первых порах в Петербурге он, по его словам, «устроился работать библиотекарем у одного библиомана»⁶⁵ и только год спустя получил статус помощника присяжного поверенного.

Примерно в то же время и в той же среде существовал и салон экономиста, юриста и историка, чиновника министерства финансов, приват-доцента Петербургского университета М. И. Туган-Барановского. В этом доме в основном собирались люди круга журнала «Мир Божий». Сам Туган-Барановский, прошедший детство и юность в своем поместье в Полтавской губернии, интересовался еврейским вопросом, особенно ролью евреев в экономической жизни черты оседлости. В 1904 году он даже опубликовал в Англии специальную работу на тему особенностей антисемитизма в России⁶⁶.

Обращает на себя внимание «пересечение» в мире петербургской интеллигенции ряда салонов, родственных как по общественной направленности, так и по составу. Приехав из Сибири в Петербург в 1896 году, народник М. А. Кроль, долгие годы проведенный в ссылке, стал посещать дом известного уже тогда экономиста В. П. Воронцова. Согласно мемуарам Кроля, в этот либеральный салон его ввела знакомая с юности еще по жизни в Житомире жена Воронцова М. П. Гоберман⁶⁷. В этом

⁶⁵ Возможно, этим «библиоманом» был А. Я. Пассовер, обладавший уникальной и обширной библиотекой, состоящей из редких изданий на разных европейских языках (Иллюстрированный сионистский альманах: 1902–1903. Киев, 1902. С. 359–360). Интересно отметить, что малую осведомленность властей о сущности сионизма демонстрирует то, что в сентябре 1902 года Г. А. Белковского арестовали. При обыске у него изъяли переписку и библиотеку. Только через 50 дней он был выпущен на свободу, после того как полиция удостоверилась в том, что Исполком Всемирной сионистской организации не имеет отношения к русскому революционному движению (Там же).

⁶⁶ Мондей К. М. И. Туган-Барановский об антисемитизме // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 2004. № 9 (27). С. 345–358. На эту статью откликнулся даже М. О. Меншиков, вступивший в полемику с Туган-Барановским на страницах того же журнала (*Menshikoff M. O. The Jewish Peril // The Monthly Review. 1904. N 44, Feb. P. 91–94*).

⁶⁷ Кроль М. А. Страницы моей жизни. С. 283.

доме встречались такие объединенные либеральными взглядами люди, как крупный чиновник Министерства земледелия и государственных имуществ А. А. Кауфман, юрист и публицист Д. А. Левин, приезжавшие из Москвы профессор университета И. И. Янжул и Л. Шестов, юристы Винавер и О. О. Грузенберг, А. И. Браудо, критик А. Г. Горнфельд, экономист В. В. Водовозов, авторы и сотрудники журналов «Мир Божий», «Русское богатство», «Вестник Европы». На рубеже веков многие из них уже были связаны с эмигрантским журналом «Освобождение», тем более что его редактора П. Б. Струве они знали еще по его петербургским годам. Годы спустя М. А. Кроль так характеризовал политические настроения этой среды: «...в те годы стал замечаться в прогрессивных кругах Петербурга поворот от пессимизма, господствовавшего в 80-е годах, к вере в лучшее будущее. Недовольство режимом было в этих кругах всеобщее. Об активной же борьбе с царизмом в то время еще не думали»⁶⁸. Еврейский вопрос на этих встречах, где присутствовало немалое число евреев, поднимался регулярно. Так создавалась среда, в которой вскоре еврейский политический лоббизм нашел понимание и опору.

Начав работать в Петербурге, Винавер тут же вошел в Юридическое общество при Петербургском университете. Только в нем он мог реализовать свой научный потенциал. В работе этого общества участвовали практически все видные юристы того времени. По существу это общество являлось некой научной лабораторией, в которой изучались проблемы юриспруденции. В стенах общества встречались люди самых разнообразных политических воззрений. Здесь не раз сходились в дискуссиях И. Я. Фойницкий, Ю. Э. Янсон, Н. И. Стояновский, А. Ф. Кони. Убежденный монархист и националист Б. В. Никольский соседствовал в этом обществе с демократом и либералом В. Д. Набоковым, выдающимся ученым Н. С. Таганцевым и недавним выходцем из черты еврейской оседлости А. И. Каминкой. Здесь были и профессора университета, и сенаторы, и допущенные лишь до звания помощников присяжных поверенных адвокаты-евреи. Все они, в том числе и Винавер, выступали с докладами,

⁶⁸ Кроль М. А. Страницы моей жизни. С. 286.

участвовали в обсуждениях и дискуссиях. Винавер был активным участником заседаний этого общества⁶⁹. Десятилетия спустя, в 1943 году, выступая в Кружке русских юристов в Нью-Йорке, младший современник Винавера А. А. Гольденвейзер вспоминал: «В больших процессах, которые он вел, Винавер обычно выступал не один, а в качестве лидера группы товарищей и сотрудников. Волевой динамизм, ясное сознание своей цели и врожденная практическая цепкость делали из него превосходного организатора. Всякое коллективное начинание, которым он руководил, — а руководил он всем, в чем участвовал, — спорилось, шло на лад, подвигалось вперед, преодолевая все препятствия. Наблюдая Винавера за адвокатской работой, мне иногда казалось, что предо мною гигантское маховое колесо, которое своим мощным, неудержимым вращением передает по каким-то невидимым ремням избыток своей энергии его сотрудникам и заставляет их напрягать все душевные силы для общей задачи»⁷⁰.

Вот в этой-то среде и формировалось политическое, общественное сознание М. М. Винавера. Именно в этот период он стал «русским евреем». Собственно русский язык как единственный и обязательный язык обучения стал для него родным еще в гимназии и университете. Выдающиеся лингвистические способности сделали этот язык его безукоризненным профессиональным инструментом. Даже его противники никогда не отмечали наличия у него хоть какого-нибудь акцента. В языковую среду Винавер вошел через увлечение русской классической литературой и театром⁷¹.

В общественном смысле узкий круг близких к Винаверу людей долгие годы составляли Л. А. Сев, Д. А. Левин,

⁶⁹ Присутствовавший на одном из выступлений М. М. Винавера в обществе будущий лидер русского националистического движения Б. В. Никольский отметил в своем дневнике в 1899 году: «Убийственно скучно, хотя ... не дурно». Побывав вскоре и на докладе приехавшего из Одессы адвоката О. Я. Пергамента, он отметил, что «...жиды в полном сборе: Гессен, Каминка, Винавер, Слиозберг, — все “наши”» (*Никольский Б. В. Дневник 1896–1918: в 2 т. / изд. подг. Д. Н. Шилов и Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. С. 293, 306*).

⁷⁰ Гольденвейзер А. А. В защиту права. С. 221.

⁷¹ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 40.

А. Г. Горнфельд, М. Г. Сыркин, М. И. Кулишер. Этих людей сближала общность не только национальная, но и идейная. Все они жили в атмосфере высочайшего духовного напряжения. Выпускники университетов, блестящие специалисты в избранных ими областях знаний, все они, в силу своего еврейского происхождения, вынуждены были жить «двойной» жизнью. С одной стороны — русские интеллигенты, люди, влюбленные в литературу и искусство, либералы и демократы, с другой стороны они оставались евреями не только по происхождению — еврейство было их Судьбой. Практически все они принимали участие в работе ОПЕ. Созданное в 1863 году ОПЕ призвано было аккумулировать все усилия еврейской интеллигенции в России в деле развития еврейской культуры в стране. Руководители общества стремились совместить культуру национальную с новыми веяниями в деле культурного строительства в Европе и в самой России. По мысли лидеров ОПЕ, приобщение евреев к русской культуре должно было облегчить постепенное завоевание евреями равноправия. Для этого ОПЕ осуществляло широкую реформу системы национального образования, материально стимулировало модернизацию еврейских школ, вело собственную издательскую деятельность⁷². В основании идеологии лидеров ОПЕ лежала идея организации освоения еврейскими массами русского языка как государственного, что, по их убеждению, открывало путь для народа к полному слиянию с окружающими народами и давало им надежду на равноправие. Отделения общества в течение нескольких лет после его основания возникли во многих городах страны. Внешне деятели ОПЕ подчеркивали свою аполитичность. Однако во главе общества, как в Петербурге, так и в провинции стояли люди, известные своей общественной активностью и, как правило, представлявшие экономически успешную и интеллектуально состоявшуюся часть еврейского населения и еврейскую интеллигенцию. Это неизбежно делало ОПЕ неким неформальным национальным центром в глазах как еврейского, так и русского общества, представителями всего народа. Активность Винавера в ОПЕ пришлась на годы, когда

⁷² Horowitz B. *Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th- Century Russia*. P. 116–138.

кардинальные изменения еврейской жизни в России, переход традиционной еврейской религиозной общины к общине национальной привели к перестройке не только экономической и социальной жизни, но и всей общественной идеологии народа.

Оказавшиеся в Петербурге молодые еврейские интеллектуалы были национально и религиозно образованы. Многие из них были выходцами из сугубо традиционных семей, не только окончили хедер, но и обучались в иешивах и раввинских училищах. Теперь же они быстрыми темпами прошли путь аккультурации и не только стали Максимами, Леопольдами, Михаилами, Борисами, но и практически перестали жить религиозной жизнью⁷³. Стержнем их духовной жизни стала наука, литература и искусство. Огромное значение приобрела для них общероссийская общественная жизнь⁷⁴.

Молодые евреи-петербуржцы, группировавшиеся вокруг ОПЕ и семинара Пассовера в поисках новой, объединяющей идеологии, обратились к истории своего народа. Знание и изучение своей национальной истории призвано было сыграть ту роль, какую в веках играла религия и ее институты, значение которых во второй половине XIX века нивелировалось в условиях модернизации общества. В середине ноября 1908 года М. М. Винавер вспоминал, как в 1891 году, в ходе очередного собрания семинара, один из его участников, В. Л. Берман⁷⁵ «...добыл из кармана, только что появившуюся в свет, тонкую, кирпичного цвета, книжку, озаглавленную: “Об изучении истории русских

⁷³ Например, вот в какой форме Р. Г. Винавер приглашала А. Г. Горнфельда к участию в Пасхальном Седере: «Многоуважаемый Аркадий Георгиевич, спешу напомнить Вам, что Вы, как верный, праведный еврей, призываетесь исполнить свой долг, который мы постараемся сделать по возможности приятным. Все это произойдет 21 марта, в 9 часов вечера, причем предупреждаю, что Вы сей день только слегка обедаете (я уверена, что “слегка” придется рассматривать в микроскопе...)» (РНБ ОР. Ф. 211. Оп. 1. Ед. хр. 410. Л. 11).

⁷⁴ Первым на эти процессы обратил внимание современный американский исследователь Б. Натанс в работе «За Чертой: Евреи встречаются с позднимперской Россией».

⁷⁵ Отмечу, что, в отличие от большинства остальных членов этого собрания, Зеев-Вольф (Василий) Берман к тому моменту уже был приверженцем определенной, набравшей силу в еврейском обществе идеологии — палестинофильства (см.: Шолом-Алейхем вспоминает / публ., подг. текста и прим. В. Е. Кельнера // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2004. Т. 1. С. 7–12).

евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества»». В этой работе их привлек призыв сделать изучение истории первоочередной национальной задачей. Автор этого призыва, историк и публицист С. М. Дубнов писал: «Пойдемте и будемте работать. Работа наша будет происходить на почве прошедшего, но жатва ее всецело будет принадлежать настоящему и будущему... покажем, что мы, русские евреи, не только ветвь «наиболее исторического» народа, но что мы сами имеем богатое прошлое и умеем ценить его... Будем делать наше народное дело смело и честно, не охорашиваясь ни перед кем, не справляясь, что скажут на это, как перетолкуют наши благие намерения озлобленные враги еврейства»⁷⁶. И это было уже настоящим «еврейским делом»⁷⁷. Делу создания «новой еврейской истории» Винавер посвятил много времени и сил. Все это дало право С. М. Дубнову охарактеризовать своего многолетнего идейного противника и в то же время соратника по борьбе за российское еврейство как человека, в котором, без сомнения, «...русско-еврейский элемент был химически неразложим и «рука Якова держалась за пятку Исава»»⁷⁸.

В этой группе был только один профессиональный историк — сотрудник Археологического института С. М. Гольдштейн. Но на том этапе, в силу специфики еврейского существования в России, еврейская история изучалась практически только дилетантами: юристами, врачами, служащими, учителями⁷⁹. В новом объединении решили придать своим работам «академический» характер. При этом они совершенно верно решили: начинать следует со сбора и публикации источников, но для начала положили библиографическую базу: создали незаменимый по сей день по своей ценности справочник «Систематический указатель

⁷⁶ Дубнов С. М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества.

⁷⁷ Годы спустя, уже находясь в эмиграции, Винавер в частном письме Дубнову, рецензируя его книгу «Евреи в царствование Николая II», писал: «Вы недооцениваете влияние Вашей книжки об изучении русско-еврейской истории, мысли которой сыграли роль магнита, притянувшего к одному центру мятущуюся в поисках новых путей русско-еврейскую интеллигенцию» (цит. по: В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 285).

⁷⁸ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 255.

⁷⁹ Ганелин Р. Ш., Кельнер В. Е. Проблемы историографии евреев в России.

литературы о евреях на русском языке со времени гражданского шрифта (1708 г.) по декабрь 1889 г.» (СПб., 1892).

Сбор и систематизация материалов для этого указателя стали настоящей школой для большого числа еврейской молодежи, обучавшейся в ту пору в учебных заведениях столицы. Р. Г. Винавер вспоминала: «Трогательно было видеть, с каким рвением эти занятые люди сидели по вечерам в Публичной Библиотеке и точно описывали или давали извлечения (регесты) из того, что находили. Собирались еженедельно, и каждый приносил свой вклад в историю евреев»⁸⁰. Венцом этих работ стало продолжение издания сборника «Русско-еврейский архив: Документы и материалы для истории польских и литовских евреев (1364–1569)» (СПб., 1893). Издания этой группы выходили в свет под эгидой ОПЕ. Они были продолжением трудов С. А. Бершадского.

В конечном же итоге практически все участники этой работы стали вскоре деятелями еврейского национального и российского освободительного движения. А многие из этой плеяды продолжали сотрудничать с Винавером и быть с ним в тесных личных и общественных отношениях практически на всем протяжении его жизни.

Постепенно, согласно духу времени, национально-просветительская деятельность этой группы стала все больше и больше политизироваться. Наглядно это проявилось в конце 1890-х годов в работе редакции журнала «Восход». На протяжении десятилетий этим журналом руководил А. Е. Ландау. Под его руководством журнал пережил сложные 1880–1890-е годы⁸¹. По словам многолетнего сотрудника журнала С. М. Дубнова, «“Восход” был центральным органом, на котором воспитывалось целое поколение интеллигенции»⁸². Несколько лет правой рукой Ландау в «Восходе» был публицист С. О. Грузенберг. В последние годы деятельное участие в делах журнала принимали сын

⁸⁰ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 34.

⁸¹ Кельнер В. Е. Адольф Ландау — издатель, редактор, публицист: (Из истории русско-еврейского издательского дела во второй половине XIX в.) // Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003. С. 54–96.

⁸² Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 97.

А. Е. Ландау Григорий и историк С. М. Гинзбург⁸³. Постепенно в журнале усилились позиции молодых авторов. Изменение вектора истории российского еврейства требовало адекватной реакции и от национальной печати. Летом 1899 года М. М. Винавер фактически возглавил «техническую» сторону перехода «Восхода» в руки участников Конференции помощников присяжных заседателей и руководителей Историко-этнографической комиссии⁸⁴. Редактором журнала стал М. Г. Сыркин, Ю. Д. Бруцкус занял пост секретаря редакции. За короткий период состав редакции несколько раз менялся. По идеологическим причинам из нее вышли Л. М. Брамсон и Ю. Д. Бруцкус. Можно говорить о том, что с 1901 года все дело по изданию журнала взяли в свои руки М. М. Винавер и те политики либерального толка, которые стремились «вписать еврейское национальное движение, борьбу за равные права в общероссийский антимонархический поток»⁸⁵.

Постепенно национальная форма общественной деятельности М. М. Винавера и его окружения стала принимать все более правозащитный характер. Ведь все они прекрасно были знакомы с известной формулой немецкого юриста Р. фон Иеринга: «Когда произвол и беззаконие осмеливаются дерзко поднимать голову, то это верный признак того, что призванные к защите закона не исполняют своей обязанности»⁸⁶. В большинстве своем евреи и профессиональные юристы, именно эти обязанности они поставили своей задачей.

⁸³ Гинзбург С. «Восход» и его издатель / пер. с идиша и коммент. А. Френкеля // Народ Книги в мире книг. 2006. № 63. С. 1–8.

⁸⁴ Во многом в дальнейшем это предопределило личную многолетнюю неприязнь по отношению к М. М. Винаверу со стороны С. О. Грузенберга, Г. А. Ландау, Л. М. Брамсона, С. М. Гинзбурга.

⁸⁵ РГАЛИ Ф. 155 (Горнфельд А. Г.). Оп. 1. Ед. хр. 587 (Договор об образовании Товарищества по изданию журналов «Восход» и «Книжки Восхода»); Кельнер В. Е. Адольф Ландау — издатель, редактор, публицист. С. 86. Этот «маневр» привел к тому, что удаленный от дел С. О. Грузенберг резко перешел на сионистские позиции и начал выпускать собственное периодическое издание — еженедельник «Будущность» (1899–1904).

⁸⁶ Иеринг Р. фон. Борьба за право / пер. с нем. М., 1874. С. 7.

Глава 3

«БЮРО ЗАЩИТЫ»

Вы — пессимист, Александр Исаевич.
Нет, я — еврей...

*Из воспоминаний Е. Д. Кусковой
об А. И. Браудо¹*

Вспоминая о поездке в Гомель летом 1901 года, С. М. Дубнов писал: «Здесь и в дальнейшем пути я заметил, как изменилась за последние годы тихая еврейская провинция. Она вся встрепенулась, услышав звуки мессианской трубы из сионистских конгрессов и отголоски их в прессе. Местечковые евреи глубокомысленно обсуждали вопросы, что выйдет из последней поездки Герцля в Константинополь и его аудиенции у турецкого султана, что шепнул Герцлю император Вильгельм при встрече в Палестине, каковы виды на “чартер”. Молодежь препиралась: вот “Гамелиц” так пишет, а “Гацефира” совсем иначе, а “Восход” отрицает и то, и другое...»²

За последнее двадцатилетие XIX века в массовой психологии российского еврейства произошли кардинальные изменения. Особенно это коснулось нового поколения. С 1890-х годов по местечкам и городам черты оседлости бродили уже не *йешивебохеры*³ в поисках учителя-ребе, а экстерны, надеющиеся подыскать место домашнего учителя в богатом доме. Для того

¹ Кускова Е. Д. Человек того времени: (Памяти А. И. Браудо) // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924. С. 35.

² Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 246. То же самое заметил и М. А. Кроль. Юрист, бывший народоволец, отбывший сибирскую ссылку, в 1899 году, после многолетнего перерыва, побывал в черте оседлости и позднее вспоминал: «Я был поражен возбуждением, царившим среди тамошней молодежи. Святой дух обновления витал тогда над чертой еврейской оседлости и будил в юных поколениях силы, которые бродили в еврейском народе целые века. Поток идей наводнил еврейские города и местечки. Это была настоящая духовная революция. Еврейская молодежь рвалась из своего душного гетто на свежий воздух, и ее лозунгом были: «Светское просвещение и духовная независимость» (Кроль М. А. Страницы моей жизни. С. 260–261).

³ Учащиеся иешивы — еврейского религиозного учебного заведения.

чтобы во что бы то ни стало преодолеть черту оседлости, многие из них шли на всевозможные ухищрения, вплоть до прямого нарушения закона и использования «еврейского паспорта», то есть взятки соответствующему блюстителю закона. Очень часто еще у себя на родине они приобретали свидетельства об обладании теми специальностями, которые на рубеже 1850–1860-х годов были признаны «редкими и ценными». Так, столица наполнилась молодыми провизорами, фотографами, типографскими наборщиками. Рвущаяся к образованию молодежь не имела ни малейших иллюзий в отношении к власти и государству. Оскорбленное поколение априори было оппозиционно самодержавию. Обретя вожденный диплом, молодые люди вливались в общины больших городов, но и там не забывали о том, как добивались элементарных человеческих прав. Естественный ход истории делал их близкими общероссийским и еврейским либеральным и демократическим кругам. Но многие из этих молодых людей, отравленные социальными иллюзиями, пополняли ряды общероссийских и еврейских левых партий и организаций.

Следует отметить, что в России, в тех кругах, которые были далеки от еврейских проблем, но относились к российскому еврейству в целом благожелательно, с его действительным экономическим и юридическим положением не были знакомы. В. Д. Набоков, профессиональный юрист, в будущем один из руководителей Партии кадетов, публицист, выразивший в 1903 году один из самых ярких протестов против Кишиневского погрома, однажды высказал удивление тем фактом, что среди петербургских журналистов-евреев так много обладателей звания провизора. Редактор газеты «Речь» И. В. Гессен, присутствовавший при этом разговоре, вспоминал: «Набоков однажды, за редакционным обедом, заметил: никак не пойму, почему столько помощников провизора? — А вы понимаете, Владимир Дмитриевич, огрызнулся известный журналист Л. М. Клячко, что такое “право жительства”? Не понимаете? Ну, в том-то и дело!»⁴

⁴ Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 273. С темой «фармацевтов» связан еще один из анекдотичных случаев, ярко отражающих еврейскую составляющую этой профессии. Молодой драматург О. Дымов (Перельман), тогда

И журналист Л. М. Клячко, сам не имевший права жить в Петербурге, объяснил профессиональному и потомственному юристу Набокову, что наличие свидетельства о звании провизора давало евреям право проживать вне черты оседлости.

В первое десятилетие нового века среди русской интеллигенции существовала почва для лоббизма еврейских национальных интересов. В некоторых кругах был даже некий «комплекс» по отношению к евреям. Антисемитом тогда слыть было если «не стыдно», то по крайней мере «неудобно»⁵.

В этих условиях на рубеже веков постепенно становилось заметной общественной силой еврейское либеральное движение.

В начале нового века М. М. Винавер все активнее стал входить в еврейскую общественную жизнь. Он совместно с группой молодых еврейских активистов организовал переход старейшего русско-еврейского журнала «Восход» на новые идеологические позиции, превратил его в боевой национальный публицистический орган⁶.

Новое поколение еврейско-русской интеллигенции не могло не оказывать сопротивления усилению государственного антисемитизма. Одной из форм подобного противостояния и демонстрации своих национальных чувств стало создание фактически первой еврейской правозащитной организации в России — «Бюро защиты». В него вошли евреи-адвокаты: М. М. Винавер,

еще студент Санкт-Петербургской Лесной академии, вспоминал: «В 1905 г. шла революция и всюду митинги. Мы с Чуковским целые дни слонялись по городу. В Технологическом институте, где шли собрания и митинги, студент у двери, взглянув на нас, уверенно сказал: “Фармацевты — в девятой аудитории”. Чуковский долго пищал: “Почему фармацевты, чем я похож?”» (цит. по: Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... Т. 1: То, что я помню. С. 712). Думается, что «бдительный» студент, взглянув на О. Дымова и К. Чуковского, просто четко определил их еврейское происхождение.

⁵ Доходило до смешного: И. В. Гессен вспоминал, как однажды, зная фило-семитизм П. Н. Милюкова и некоторых других представителей интеллигенции, «неугомонный остряк Анненский за столом предложил всей компанией отправиться в оперный театр. “А что дают?” Скользнув лукавым взглядом по присутствовавшему тут С. Елпатьевскому, при котором опасно было произносить слово “жид”, Анненский запнулся, и смущенно сказал: “дают оперу “Еврейка”» (Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 260). Отметим, что после 1917 г. эта опера, нечасто появлявшаяся на сценах отечественных театров, носила название «Иудейка».

⁶ Кельнер В. Е. Журнал «Восход» и его издатель-редактор А. Е. Ландау. С. 37–38.

Г. Б. Слиозберг, М. А. Кроль, С. Е. Вейсенберг, Л. М. Айзенберг. Совместная работа дала возможность впоследствии Г. Б. Слиозбергу так охарактеризовать своего тогдашнего коллегу и бесспорного лидера этого объединения М. М. Винавера. По его словам, он «...обладал огромным талантом организаторского свойства. Он умел привлекать и организовывать людей на общие работы и умело руководить ими в качестве председателя... Он обладал удивительной способностью направлять в той среде, в которой он председательствовал, прения в определенное русло. Он редко высказывал свое личное отношение к тому или другому вопросу, но зато, с большой гибкостью и умно, умел отмечать разномыслия, сглаживал их и предлагал формулу, которая всегда была компромиссной...»⁷

Большую роль среди этих «новых петербуржцев» играл М. И. Кулишер. Как журналист он сотрудничал в ряде русских и русско-еврейских периодических изданий. В Петербурге он мог найти работу лишь в качестве помощника присяжного поверенного⁸. Одновременно он, не ограничиваясь юридической и общественной работой, приступил к исследованию ряда тем по истории евреев и по социологии. Подобно всем другим членам этого сообщества, Кулишер отказался от перехода в христианство. В своих политических воззрениях он, похоже, полностью сходил с М. М. Винавером. Винавер писал, что Кулишер «ставил своею задачею работу на благо еврейского народа в России и страстно при всяком случае оспаривал мысль о возможности разрешения еврейской проблемы вне России»⁹.

Вокруг участников этих групп концентрировалось значительное число еврейской интеллигенции. Среди них были и те, кто уже работал вместе с Винавером в Исторической комиссии ОПЕ: критик, литературовед и переводчик А. Г. Горнфельд, юрист Л. О. Зайденман, литературовед и историк еврейской литературы С. Л. Цинберг¹⁰. Сам Винавер характеризовал этот

⁷ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 134.

⁸ Тольц М. Вклад семьи Кулишеров в мировую миграциологию // Демоскоп Weekly. 2014. Вып. 603–604, 16 июня. — 31 июля. С. 1–5.

⁹ Винавер М. Недавнее. С. 262.

¹⁰ Элиасберг Г. А. «...Один из прежнего Петербурга»: С. Л. Цинберг — историк еврейской литературы, критик и публицист. М., 2005.

семинар как «кружок очень интеллигентных, интересовавшихся наукою, молодых людей». Он же отмечал, что конференции помощников присяжных поверенных проводились «с оттенком общности»¹¹.

Интенсификация антиеврейской политики и, соответственно, антиеврейского законодательства вынуждали Гинцбургов иметь нескольких адвокатов, специализировавшихся на этих проблемах¹². На протяжении многих лет юридическим советником семьи Гинцбург был Г. Б. Слиозберг. В Петербурге он имел собственное адвокатское бюро, тесно связанное с «Домом Гинцбургов». Юридическое бюро Г. Б. Слиозберга в новых общественных условиях во многом было провозвестником создания «Бюро защиты»¹³. Через участие в делах этого юридического предприятия прошли многие из тех молодых юристов, которые вскоре заняли свое место в «Бюро защиты». Немного позднее некоторые из них стали видными деятелями еврейского национального движения¹⁴. Главным направлением в их деятельности на том этапе была борьба с незаконными запретами для евреев проживания вне черты оседлости.

Среди петербургских адвокатов, отдавших свой юридический талант делу защиты российского еврейства, выделялся Л. М. Айзенберг¹⁵. Осенью 1898 года Г. Б. Слиозберг предложил ему занять пост секретаря редакции журнала «Вестник права». Одновременно он стал сотрудником в адвокатской

¹¹ Винавер М. Недавнее. С. 114.

¹² Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея.

¹³ Хоровиц Б. Генрих Слиозберг: Штрихи к политическому портрету // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1997. № 2 (15). С. 186–205.

¹⁴ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 124–130.

¹⁵ Отметим в его биографии один эпизод, который, возможно, и определил его последующую практическую работу по защите прав евреев. В 1890 году он, приехав в Петербург для подготовки к поступлению в университет, был выслан из столицы как еврей (Айзенберг Л. М. «Виды правительства» в еврейском вопросе: В. К. Плеве и еврейские труженики // Еврейская летопись: в 4 сб. Пг.; М., 1923. Сб. 1. С. 37–51). Позднее Айзенберг, в отличие от большинства своих товарищей, не «ушел в политику», а остался юристом и сосредоточился исключительно на защите прав еврейского населения. В то же время он продолжал сотрудничать с еврейской печатью, публикуя свои юридические консультации по правоприменению в области защиты евреев.

конторе Слиозберга. Там же работал и другой молодой адвокат — Л. О. Зайденман¹⁶. К этой же группе присоединился юрист и этнограф, недавно вернувшийся из сибирской ссылки, народник М. А. Кроль. Годы спустя он вспоминал: «Однажды он [Айзенберг. — В. К.] обратился ко мне с таким предложением: “Ко мне поступают десятки писем из разных мест черты оседлости, и в этих письмах гонимые и разоренные распоряжениями местных властей евреи, большею частью бедняки, просят меня взять на себя защиту их интересов в министерстве или Сенате. Я один физически не в состоянии справиться с таким множеством дел, и я хочу Вас попросить взять на себя часть этой работы. Нельзя же оставить этих несчастных без юридической помощи”». В ответ Кроль предложил ему с этой целью создать специальную группу адвокатов. Главным образом они сосредоточились на защите евреев, подвергавшихся административному преследованию¹⁷. Первоначально в это объединение входили М. И. Бомзе, Г. А. Белковский, С. Е. Вейсенберг. Отметим, что, в отличие от Кроля, который на протяжении всей жизни исповедовал идеи русского народничества, Белковский и Вейсенберг к тому времени уже были видными деятелями палестинофильства, а позднее стали активными участниками сионистского движения. Согласно мемуарам М. А. Кроля, «в начале тон этой работе задавал Айзенберг. Он нами руководил, намечал план продвижения жалоб, давал очень полезные практические указания». Далее Кроль писал, что постепенно кружок расширялся, и его работа «...вылилась также в другие формы и в сравнительно короткое время выросла в крупный общественный фактор, который сыграл очень важную роль в жизни русского еврейства»¹⁸.

¹⁶ Как публицист Л. О. Зайденман был известен под псевдонимом «Унус». В самом начале 1905 года он выпустил в свет книгу, подготовленную по материалам «Бюро защиты» — «Правовое положение евреев в России» (СПб., 1905).

¹⁷ Айзенберг Л. М. Очерки административного правосудия // Новый Восход. 1915. № 6. Стб. 27–30; № 10–11. Стб. 71–74; Он же. «Виды правительства» в еврейском вопросе: В. К. Плеве и еврейские труженики; Он же. Плеве и еврейские бестужевки // Еврейская летопись: в 4 сб. Пг.; М., 1923. Сб. 2. С. 53–71.

¹⁸ Кроль М. А. Страницы моей жизни. С. 314–315.

Одновременно практически все те, кто работал в этих группах, принимали активное участие в деятельности основных еврейских общественных и просвещенческих организаций той эпохи: ОПЕ, ЕКО и ОРТ. Сам М. М. Винавер сосредоточил свои усилия на реформировании ОПЕ. Он стремился приблизить эту старейшую национальную организацию к современности. Возглавляемая им Историко-этнографическая комиссия была частью структуры ОПЕ, что давало Винаверу возможность действовать как бы изнутри этого объединения. Под воздействием Винавера и других представителей молодежи ОПЕ к концу века значительно политизировалось¹⁹. Постепенно М. М. Винавер в мире русско-еврейской интеллигенции становился фигурой общероссийского масштаба. Хорошо знавший Винавера С. В. Познер так описывал его национальные взгляды: «еврейство было для него культурно-историческим явлением... своеобразный облик которого сложился под влиянием ее исторических судеб, ее духовное содержание и идейные устремления явились следствием как значительного воздействия религиозного момента, так и влияния окружающей, нееврейской среды. Оберегая свою национально-культурную независимость, еврейство должно принимать участие в государственной жизни народов, где данная часть его проживает. Страна, где они живут, — их родина, они в ней — такие же полноправные граждане, как остальные жители ее»²⁰. В то же время многие мемуаристы отмечали стремление Винавера к роли теневого лидера. Видимо, это в большей степени отвечало его амбициям. Энергичная «работа

¹⁹ Horowitz B. *Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th- Century Russia*. P. 116–138. См.: Gassenschmidt Ch. *Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia*; Veidlinger J. *Public Culture in the Late Russian Empire*. Bloomington; Indianapolis, 2009. P. 229–244. Б. Хоровиц считает, что в целом политизация ОПЕ произошла только в 1905 году. (Horowitz B. *Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th- Century Russia*. P. 135). Однако, на мой взгляд, сам состав Историко-этнографической комиссии говорит о том, что она еще в 1890-е годы превратилась в неофициальную дискуссионную площадку для обсуждения текущих событий национальной жизни. Хотя формально Б. Хоровиц и прав, так как самое яркое и известное политическое официальное обращение членов ОПЕ к его руководству с требованием включиться в борьбу за «уравнение евреев с коренным населением в правах» прозвучало только в феврале 1905 года в так называемом «Письме 77» (Восход. 1905. № 2. С. 2–3).

²⁰ Познер С. В. *Борьба за равноправие*. С. 168.

за кулисами» привела к тому, что у Винавера было немало недоброжелателей²¹.

Практически на протяжении всей своей политической деятельности М. М. Винавер пронес убеждение в том, что еврейский народ в России может добиться полноправия только в тесном союзе и при поддержке либеральных и демократических сил страны. Исходя из этого убеждения он и строил свою политическую стратегию. Ее краеугольным камнем были два постулата: во-первых, единство самой еврейской общественности в деле борьбы за национальное и гражданское равноправие и, во-вторых, всемерное участие и поддержка русского освободительного движения, направленного на полное реформирование государственной системы.

Общественная работа 1890-х годов многому научила и самого М. М. Винавера. Главным приобретением тех лет стал для него опыт сотрудничества с людьми противоположных политических взглядов. Делая важное национальное дело, он, оставаясь на позициях либерализма, стремился направлять в одно русло усилия таких разных людей, как сионисты братья Бруцкусы, С. Е. Вейсенберг и В. Л. Берман, народники и сторонники социалистических, народнических теорий М. А. Кроль и Л. М. Брамсон, либералы С. В. Познер и А. Г. Горнфельд. Пройдут годы, и под влиянием российской действительности идейные пути многих деятелей той эпохи разойдутся, но тогда, на рубеже веков, они дружно работали на ниве еврейского просвещения и защиты своего народа.

Консолидация и радикализация еврейского национально-го движения проходила на фоне и в тесной связи с подъемом общероссийского антимонархического движения. Неприятие политики царской бюрократии в экономической, социальной и идеологической сферах привело в 1890-е годы к усилению не только социалистических группировок, но и к созданию

²¹ То же самое положение сложилось и в среде общероссийского политического движения. Если в еврейской среде он постоянно подвергался критике со стороны О. О. Грузенберга, Г. А. Ландау, Л. М. Брамсона, С. М. Гинзбурга, лидеров российского сионизма, то даже в близкой ему кадетской элите он часто не находил общего языка с такими деятелями, как И. В. Гессен, Е. Д. Кускова, Е. Н. Трубецкая, В. А. Маклаков, А. В. Тыркова-Вильямс.

ряда либеральных и демократических организаций²². Истоки некоторых из них находились в петербургских салонах, где либеральная интеллигенция и часть, так сказать, «просвещенной бюрократии» обсуждали положение в стране и искали выход из сложившейся ситуации. Антисемитизм являлся отличительной чертой русского консерватизма и монархизма. Поэтому неприятие гонений на евреев постепенно стало проявляться и среди русской либеральной интеллигенции. Ряд видных представителей российского еврейства уже давно был интегрирован в эту среду. Постепенно этот союз принимал осязаемые формы в виде коллективных протестов и выступлений в периодической печати.

Во второй половине XIX — начале XX века в России сформировался уникальный комплекс законов, направленный на регулирование всех сторон жизни и деятельности российского еврейства. С принятием новых законов, постановлений и всевозможных подзаконных актов это «еврейское» законодательство превратилось в клубок сложнейших юридических противоречий. Не раз предпринимались попытки его кодифицировать, но постоянный поток властного законотворчества делал эту задачу более чем затруднительной²³. К тому же подчас местная администрация по-своему трактовала эти законы. Постепенно появилась целая группа юристов, специализировавшихся на трактовке этих законов. М. А. Кроль вспоминал о том, что первоначально юридический кружок вокруг Л. М. Айзенберга и группа Винавера существовали как бы параллельно²⁴. Их практическое слияние произошло в 1901 году и получило позднее в литературе название «Бюро защиты». Объединение означало, что эта правозащитная организация постепенно становилась полноценным политическим союзом. Его ядро составили Г. Б. Слиозберг, М. М. Винавер, Л. О. Зайденман, М. И. Кулишер, Л. М. Брамсон,

²² См. об этом: *Gassenschmidt Ch. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia.*

²³ *Мыш М. И. Руководство к русским законам о евреях*: 1 изд. СПб., 1892; 2 изд. СПб., 1898; 3 изд. СПб., 1904; 4 изд. СПб., 1914.; *Слиозберг Г. Б. Законы о евреях и практика их применения.* СПб., 1907; *Гессен И. В., Фридштейн В. З. Сборник законов о евреях с разъяснениями по определению Правительствующего Сената и циркулярами.* СПб., 1904.

²⁴ *Кроль М. А. Страницы моей жизни.* С. 341.

Б. Ф. Брандт, А. И. Браудо, М. А. Кроль. Как писал Кроль, «Бюро» ставило перед собой задачу «вести решительную борьбу с правительственным антисемитизмом, защищать интересы евреев во всех случаях, когда темные силы царской России старались им вредить, знакомить русское и заграничное общественное мнение с истинным положением евреев в России; осведомлять общественные круги о всяком гнусном посягательстве сановных антисемитов на права и благополучие русских евреев»²⁵. На первом этапе своего существования эта организация занималась защитой от административного преследования и проявления полицейского произвола над евреями. Вскоре оно вышло за рамки только правозащитной деятельности. Руководители «Бюро» начали формулировать общенациональные задачи, обрели международные и внутриполитические связи.

На рубеже веков в среде еврейской интеллигенции в Петербурге появился и только что окончивший гимназию в Ковно Я. Г. Фрумкин. Поступив на юридический факультет университета, он уже осенью 1897 года присоединился к студенческому еврейскому кружку. Его товарищами по кружку стали сын издателя «Восхода» А. Е. Ландау Григорий, сын экономиста и публициста М. И. Кулишера Иосиф. Таким образом, Фрумкин оказался в самом центре еврейской общественной работы. Двумя годами позднее, в 1904 году они объединились в Еврейскую демократическую группу. К этой группе немного позднее присоединился и А. И. Браудо. Лидером ее стал Л. М. Брамсон. В их идеологии отражались либерально-народнические тенденции. Позднее, характеризуя личность А. И. Браудо, П. Н. Милюков, человек, вообще-то не склонный к особым сантиментам, вспоминал: «По доброжелательному характеру Александра Исаевича, по сходству наших политических взглядов и по одинаковому направлению нашей общественной деятельности эти сношения только и могли быть самыми дружественными. В свою национально-еврейскую работу, носившую частью конспиративный характер, Александр Исаевич ни тогда, ни потом меня не посвящал; но он был русским [выделено в тексте. — В. К.] евреем того поколения, когда различие национальностей не только принципиально

²⁵ Кроль М. А. Страницы моей жизни. С. 342.

отрицалось в нашем политическом кругу, но просто не замечалось и в бытовом, и в культурном отношении. Мы сообща делали наше русское политическое дело, одинаково нам близкое и одинаково нужное для достижения общих целей. Все это тем более сближало, что окружала нас враждебная атмосфера старого режима и, лицом к ней, мы были естественными союзниками. Вот почему было бы просто невозможно отделить, что в то время делалось для специально еврейских и общерусских задач. Мы работали с Александром Исаевичем плечом к плечу, и объединяла нас в тогдашнем довольно тесном литературно-политическом кругу Петербурга атмосфера полного и безусловного взаимного доверия»²⁶. Велика была и роль Браудо в деле издания и распространения печатавшегося за рубежом и нелегально доставляемого в Россию журнала «Освобождение» и подобной же литературы. Это подчеркивала Е. Д. Кускова. Она вспоминала: «Если не удавалось найти квартиру под нелегальное собрание или под новый транспорт литературы, мы шли к Александру Исаевичу. “Плохо работаете! — шутил он, — да я вам найду место под склад у любого министра: очень это либеральный народ стал... Того и гляди без нашей помощи введут конституцию...”»²⁷

Браудо был человеком более чем осведомленным в политических метаморфозах тех лет. Известно, что одним из его информаторов был крупный государственный чиновник, на тот момент директор Императорской Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко²⁸.

Фигура Д. Ф. Кобеко в деле лоббирования еврейских интересов довольно значительна. Многолетний видный чиновник Министерства финансов, затем директор Императорской

²⁶ Миллюков П. Н. Мои сношения с А. И. Браудо // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924. С. 23–26. Обращает на себя внимание то, что П. Н. Миллюков употребил термин «русский еврей». Таким образом, как это было присуще значительному числу либеральных деятелей, он делал определенные различия, как бы подразделял российских евреев на «наших» и «не наших». Роль А. И. Браудо не была секретом и от полиции. Так, в 1901 году начальник Особого отдела Департамента полиции Л. А. Ратаев характеризовал его как «главаря еврейского синдиката» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. ДП ОО. 1901. Ед. хр. 229).

²⁷ Кускова Е. Д. Человек того времени: (Памяти А. И. Браудо) // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924. С. 39.

²⁸ Гессен И. В. Подвижник // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924. С. 55.

Публичной библиотеки, член Государственного Совета, действительный тайный советник, в 1905 году — председатель особого совещания по разработке нового устава печати, он был вхож не только в салоны высшего света, но и бывал на приемах у императрицы. С Браудо, сотрудником библиотеки, его связывали личные доверительные отношения. А. Ф. Перельман вспоминал, как Браудо пересказал ему со слов Кобеко разговор о еврейском вопросе с императрицей. Кобеко, думая, что царица, получившая воспитание в Англии, узнав с его слов о том, что в этой стране евреи пользуются всеми гражданскими правами, станет более лояльна к идеям еврейского равноправия, услышал в ответ: «Ну, а результаты, — парировала августейшая собеседница, — получились весьма печальные. Ведь они пролезли не только в нижнюю, но и в верхнюю Палату»²⁹.

В 1902 году за участие в студенческих беспорядках Фрумкина исключили из университета, и он, выполняя поручения «Бюро защиты», невольно стал «профессиональным» политиком. Впоследствии в своих воспоминаниях он уделил немало внимания истории этой организации. Согласно его свидетельству, между молодым поколением активистов и старым окружением барона Гинцбурга «сложились очень странные отношения»: «Он, конечно, не участвовал в Бюро защиты. Но Бюро защиты для осуществления своих предположений часто нуждалось в содействии Г. О. Гинцбурга. В таких случаях более близкие к нему деятели Слиозберг, Браудо, Брамсон, а иногда и я, как бы случайно у него встречались и совместно убеждали его сделать то, что Бюро считало желательным. Обычно это удавалось. Иногда, по более важным вопросам, он предлагал созвать у него совещание, на которое приглашались по его указанию разные лица дополнительно. Часто он приглашал М. А. Варшавского и М. И. Шефтеля³⁰. В беседах с бароном Гинцбургом о Бюро Защиты никогда не упоминалось; он, вероятно, догадывался об его существовании, но вряд ли знал точно его состав»³¹.

²⁹ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 63.

³⁰ Интересно отметить появление в кругу барона Гинцбурга недавнего участника революционного народного движения, а теперь успешного предпринимателя — М. И. Шефтеля.

³¹ Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 66–67.

Первым делом, в котором Фрумкин принял участие, была выработка специальной записки на имя председателя правительства С. Ю. Витте о равноправии евреев. Проект составил М. И. Кулишер. Его обсудили на специальном заседании «Бюро». Для того чтобы ознакомить с ним еврейских общественных деятелей на местах и собрать подписи в его поддержку, Фрумкин объездил города черты оседлости и побывал в Польше³².

В этот же период стараниями А. И. Браудо «Бюро защиты» установило контакты с зарубежными еврейскими организациями. Группа проживавших тогда в странах Европы евреев из России (С. В. Познер, Г. Б. Иоллос, Л. Е. Моцкин, Р. М. Бланк) по заданию Браудо, лично знакомого со многими руководителями европейского еврейства, вошли с ними в непосредственный контакт. Они первоначально снабжали информацией о положении евреев в России местные органы печати, а затем создали и собственную сеть информационных бюллетеней в Германии, Франции и Великобритании³³. Особой активностью отличался живший в Германии эмигрант из России, молодой химик, участник народнического движения Р. М. Бланк. В Германии он занимался организацией протестов и помощью жертвам Кишиневского погрома, входил в редколлегию информационного органа «Бюро защиты» *Russische Korrespondenz*, публиковался в журнале «Освобождение»³⁴.

Следует заметить, что свои международные связи «Бюро» во многом унаследовало от прежней эпохи — «эпохи штадланута». Г. Б. Слиозберг вспоминал, что он продолжил начавшиеся еще в 1880-е годы тесные контакты с различными еврейскими общественными организациями европейских стран и их лидерами: Ц. Каном (Франция), Дж. Симоном и П. Натаном (Германия), Л. Вольфом (Великобритания)³⁵.

³² Там же. С. 68.

³³ Бланк Р. Сеятель добра // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924. С. 57–68; Познер С. В. Страницы прошлого: (Из воспоминаний об А. И. Браудо) // Там же. С. 77–92.

³⁴ Позднее, вернувшись в конце 1905 года в Россию, Бланк стал сотрудником редакции, а затем и редактором газет «Наша жизнь» и «Товарищ» в Санкт-Петербурге, а в 1909–1912 годах — еженедельника «Запросы жизни».

³⁵ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 143–152. См. также: Szajkowski Z. Paul Natan, Lucien Wolf, Jacob Schiff and the Jewish Revolution Movements in Eastern Europe // *Jewish Social Studies*. 1967. N 29. P. 3–26.

Фактической частью «Бюро защиты» стало и созданное А. И. Браудо «Бюро прессы»³⁶. Думается, что это объединение ускорило процесс становления «Бюро» как организации политической. Целью этого подразделения была антидиффамационная работа в печати. К деятельности «Бюро прессы» привлекались все владевшие пером и имевшие связи в мире столичной журналистики участники этой организации. «Бюро прессы» стремилось использовать свои возможности и связи для ведения в печати постоянной кампании в защиту русского еврейства.

Ряд русских газет и журналов печатали подготовленные или инспирированные членами «Бюро» статьи и материалы по самым различным проблемам еврейства³⁷. Так, М. А. Кроль вспоминал, что А. И. Браудо обратил на себя внимание после того, как написал опровержение на расистскую статью некоего Беренса «Арийцы и евреи». Статья Беренса появилась в 1902 году в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Особенно Кроля возмутило тогда то, что эта статья была напечатана в газете, считавшейся вполне приличной, с которой он сам сотрудничал. «Санкт-Петербургские ведомости» отказались опубликовать его опровержение. Тогда он поместил свой ответ в другой петербургской газете — «Северном курьере»³⁸. Данная газета издавалась литератором князем В. В. Барятинским, а редактировалась филологом и историком литературы К. И. Арабажиным. В доме Барятинских в то время также существовал салон, в котором встречались либерально настроенные театральные деятели, литераторы и чиновники³⁹. На статью обратили внимание руководители создаваемого «Бюро печати». Вообще на рубеже веков еврейская тема и еврейский вопрос были популярны на страницах ряда

³⁶ Кроль М. А. Страницы моей жизни. С. 331.

³⁷ Так, в период обостренной дискуссии вокруг дела Дрейфуса в печати, несмотря на общеизвестную официальную точку зрения, публиковались статьи в его защиту. Различным сторонам еврейского вопроса регулярно уделялось внимание на страницах журналов «Русское богатство» и «Мир Божий», газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Право».

³⁸ В данном случае у автора произошла аберрация памяти. Газета «Северный курьер» выходила в свет с 1 января 1899 года по 22 декабря 1900 года.

³⁹ Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... Т. 1. С. 659; Черниченко Л. Князь В. В. Барятинский: Биография писателя в России и в эмиграции. М., 2006.

либеральных и демократических изданий. Различные проблемы еврейской общественной и политической жизни, а также статьи с выражением неприятия антисемитизма стали регулярно появляться в «Вестнике Европы», «Русском богатстве», «Мире Божьем», «Русской мысли», «Жизни». В ряде случаев их авторами являлись члены «Бюро защиты» или люди, входившие в их окружение⁴⁰. Скорее всего, именно через Браудо «Бюро защиты» имело связь с издававшимся в Германии журналом «Освобождение», неоднократно затрагивавшим на своих страницах еврейский вопрос⁴¹. В свою очередь, члены и активисты «Бюро» распространяли этот журнал. Среди «потребителей» подобной литературы были не только люди, настроенные оппозиционно, но даже крупные сотрудники министерств⁴².

Я. Г. Фрумкин в своих мемуарах свидетельствовал о том, что, будучи членом «Бюро защиты», он передавал специально подготовленные Г. Б. Слиозбергом и М. Г. Айзенбергом материалы по еврейскому вопросу бывшему губернатору Ковенской губернии Э. А. Ватаци. В начале 1904 года Ватаци стал членом специальной комиссии, призванной подготовить закон о пересмотре законодательства о евреях⁴³.

⁴⁰ Особенно их интересовала тогда полемика вокруг молодого сионистского движения, распространение которого весьма беспокоило представителей еврейских и русских либеральных кругов. См., например: Южаков С. Н. О еврейском вопросе // Русское богатство. 1896. № 8. С. 111–120; Южаков С. Н. Сионистское движение среди евреев // Там же. 1897. № 12. С. 161–180; *Еврей*. По поводу статьи С. Н. Южакова о сионизме // Там же. 1898. № 1. С. 203–204; Бикерман И. М. О сионизме и по поводу сионизма // Там же. 1902. № 7. С. 221–232; Водовозов В. В. Антисемитизм в Германии // Там же. 1898. № 2. С. 127–130; Арэнд Б. Сионистское движение // Мир Божий. 1901. № 1. С. 29–35; Изгоев А. С. Двадцативековая трагедия // Образование. 1903. № 11. С. 76–80; Goldstein J. The Attitude of the Jewish and Russian Intelligentsia to Zionism in the Initial Period (1897–1904) // Slavonic and East European Review. 1986. N 64. P. 546–556.

⁴¹ Как правило, еврейский вопрос на страницах этого журнала освещался, так сказать, по факту. Это был не более чем «информационный повод» для критики самодержавия.

⁴² Я. Г. Фрумкин, тогда еще студент университета и активист еврейского национального движения, снабжал этим изданием даже Э. А. Ватаци, бывшего губернатора Ковенской, Харьковской и Сувалкской губерний, а в тот момент — в конце 1904 года — директора департамента общих дел Министерства внутренних дел (Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 59.)

⁴³ Там же. С. 59.

Ярким показателем изменения отношения общества к анти-еврейской внутренней политике властей стал инцидент с обструкцией, устроенной 23 ноября 1900 года зрителями, пришедшими на премьеру пьесы С. К. Эфрона (Литвина) и В. А. Крылова «Контрабандисты» («Сыны Израиля»). Эту пьесу поставили в Петербурге в Малом театре, принадлежавшем А. С. Суворину⁴⁴. Среди протестовавших тогда в зале театра было и немало членов «Бюро».

Характеризуя эту организацию в целом, Г. Б. Слиозберг писал: «Программа ее не включала в практическую работу интересов отдельных лиц и по борьбе с антисемитизмом, насколько он проявлялся в отдельных выступлениях административной власти против евреев. Ее задачей было главным образом бороться против антисемитской литературы и распространять надлежащие сведения о правовом положении евреев, с целью, главным образом, влиять на общественное мнение русских либеральных кругов»⁴⁵. В данном случае Слиозберг явно занижает роль и значение деятельности «Бюро защиты». «Влиять на общественное мнение» — это лишь одна из задач этого объединения. Его мнение полностью опровергается воспоминаниями других членов «Бюро»: Л. М. Айзенберга, С. В. Познера, М. А. Кроля и некоторых других.

По мере того как «Бюро защиты» становилось политической организацией, в ней возрастала роль М. М. Винавера. Первый биограф Винавера С. В. Познер датирует его выход на политическую арену 1900 годом и связывает это с делом Д. А. Блондеса⁴⁶. Житель Вильно, парикмахер Блондес был обвинен в покушении на убийство с ритуальными целями. Для еврейской общественности опровержение подобного обвинения было вопросом принципиальным. Винавер привлек к защите В. Д. Спасовича, адвоката, чьим помощником он и числился на протяжении многих лет. Это был безошибочный ход. Спасович — поляк, знаменитый

⁴⁴ История этого яркого и значимого события нашла отражение в многочисленных мемуарах участников. См.: Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... Т. 1. С. 108–110.

⁴⁵ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 132.

⁴⁶ Познер С. В. Страницы прошлого: (Из воспоминаний об А. И. Браудо) // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 69.

юрист и публицист, издатель, выпускавший в Петербурге газеты на польском языке, был чрезвычайно популярен среди католического населения Вильно. Защитниками на этом процессе были и другие петербургские адвокаты: П. Г. Миронов и О. О. Грузенберг. В конечном итоге Д. А. Блондес был оправдан.

В начале апреля 1903 года в Кишиневе произошел еврейский погром, ставший точкой отсчета в истории российского еврейства и в деле противостояния власти и общества в еврейском вопросе. Впервые еврейский погром вызвал столь резкую и массовую реакцию не только среди еврейского населения страны, но и у русской интеллигенции⁴⁷. Журнал «Восход», ставший к этому времени под фактическим руководством М. М. Винавера органом «Бюро защиты», значительно усилил публицистическую направленность своего содержания. Значительное место он уделял материалам, посвященным этому погрому. В нем попытались опубликовать даже призыв к созданию отрядов еврейской самообороны. Автором его был член «Бюро» Ю. Д. Бруцкус. Этот номер журнала цензура запретила, однако призыв был размножен на пишущей машинке и распространен по еврейским общинам страны нелегально⁴⁸.

Пожалуй, с этого момента Винавер приступил к резкой интенсификации своей правозащитной деятельности. Он перевел ее в область собственно русской политики. В журнале «Право» с резкой статьей «Кишиневская кровавая баня» выступил хорошо знакомый Винаверу по совместной работе в юридической печати и юридических обществах тогда еще профессор училища правоведения В. Д. Набоков⁴⁹. Неожиданно, возможно даже для себя, «сожаление об этом прискорбном событии» выразили даже такие крупнейшие церковные деятели, как Иоанн Кронштадский и Антоний Храповицкий⁵⁰. В свет вышла их книга

⁴⁷ Сказание о погроме: Кишинев, 1903 год: повествование в документах / сост., вступ. ст. и коммент. М. Золотоносова и В. Кельнера // Дружба народов. 1993. № 5. С. 67–80.

⁴⁸ Кроль М. А. Страницы моей жизни. С. 343.

⁴⁹ Набоков В. Кишиневская кровавая баня // Право. 1903. № 18. С. 1283–1285.

⁵⁰ Слово епископа Антония и о. Иоанна Кронштадского по поводу насилья христиан над евреями в г. Кишиневе: Призыв к христианам, совершившим

«Слово епископа Антония и о. Иоанна Кронштадского по поводу насилий христиан над евреями в г. Кишиневе»⁵¹.

Главной задачей «Бюро защиты» в тот момент стала организация юридической поддержки жертвам погрома и разоблачение его подлинных виновников и вдохновителей. Бюро направило в Кишинев будущего министра юстиции Временного правительства в 1917 г. адвоката А. С. Зарудного⁵². В процессе участвовал и член «Бюро» С. Е. Калманович. Когда дело перешло на рассмотрение в Сенат, то в нем с большой речью выступил М. М. Винавер. В своем выступлении он блестяще вскрыл механизм подготовки к этому погрому и указал на подлинных его виновников⁵³. Основной пафос его речи был направлен на

массовое убийство в дни православной Пасхи, покаяться. СПб., 1903. Слова: «Русский народ! Братья наши! Что же вы делаете? Зачем вы сделали варварами, громилами и разбойниками людей, живущих в одном с вами отечестве, под сенью и властью одного Русского Царя и поставленных от него правителей? Зачем допустили пагубное самоуправство и кровавую, разбойническую расправу с подобными вам людьми? (С. 9–12). Но тут же на них обрушилась яростная критика со стороны правой, антисемитской печати, и Иоанн Кронштадский не выдержал. Спустя две недели он выпустил новое «Слово», в котором «попросил прощение за излишнюю резкость», допущенную в своей первой работе (Сказание о Погроме: Кишинев, 1903 год. С. 205).

⁵¹ Как пишет американский историк Н. Киценко в книге «Святой нашего времени отец Иоанн Кронштадский и русский народ», «По иронии судьбы, однажды чересчур «либеральная» позиция о. Иоанна вызвала шквал негодования в его адрес со стороны «правых». Сразу после кишиневского погрома 1903 г. о. Иоанн и епископ Антоний (Храповицкий) безоговорочно осудили страшные события в своих проповедях и публикациях в журнале «Миссионерское обозрение». Их публичное осуждение погрома имело такой резонанс, что один издатели из Одессы просил разрешения опубликовать проповеди отдельной брошюрой. Издание распространялось еврейской общиной с таким рвением, что архиепископ Кишинева предупреждал обер-прокурора об обратном эффекте». По мнению исследователя, резкое изменение взглядов этого авторитетного священнослужителя было вызвано жесткой критикой справа и кровавыми событиями осени 1905 года (URL: <https://profilib.net/chtenie/154634/nadezhda-kitsenko-svyatoy-nashego-vremeni-otets-ioann-kronshtadtskiy-i-russkiy-narod-63.php>). (Благодарю Н. Киценко и М. Корочу-Воробьеву за любезно сделанные уточнения. — В. К.) См. также: Kizenko N. Metropolitan Antonii (Khrapovitskii) and the Jewish Question // Metropolitan Antonii (Khrapovitskii): Archpastor of the Russian Diaspora /ed. by V. Tsurikov. Jordanville, 2014. P. 195–206.

⁵² Там же. С. 343; Варфоломеев Ю. В. Зарудный: юрист и общественный деятель. Саратов, 2002.

⁵³ Речи по погромным делам / предисл. И. В. Лучицкого. Киев, 1908. С. 49–64.

обвинение местной власти в преступной бездеятельности⁵⁴. Специально подготовленный комплекс документов и материалов, освещавших это событие, был переправлен в Штутгарт. Его опубликовали в типографии журнала «Освобождение»⁵⁵. «Бюро» информировало о погроме и о ходе судебного разбирательства еврейскую общественность за рубежом. В Германии, Великобритании, Франции и в США прошли митинги протестов и осуществлена публикация большого количества разоблачительных материалов о связях власти с погромщиками⁵⁶.

Спустя несколько месяцев, в конце августа — начале сентября 1903 года не менее жестокий погром разразился в Гомеле. Но этот погром имел свои особенности: отряд еврейской самообороны попытался дать погромщикам отпор. В ходе погрома и столкновений погибло 10 евреев и 8 христиан — участников событий. После прекращения беспорядков на повестку дня встал не только вопрос о наказании виновников погрома. Власть решила примерно наказать и участников самообороны, поставив их как бы на одну доску с погромщиками. «Бюро защиты» направило на этот процесс группу своих юристов: М. М. Винавера, Г. Б. Слиозберга, С. Е. Калмановича, М. А. Кроля, М. Б. Ратнера, М. И. Ганфмана, А. Д. Марголина. В работе защиты участвовал и ветеран адвокатуры Л. А. Куперник. Большую роль на процессе играл и Н. Д. Соколов. Работа на этом процессе оказалась намного сложнее, чем на предыдущем суде по делу о погроме в Кишиневе. Во-первых, власти с тех пор уже пришли в себя. Теперь они уже не собирались оправдываться. Да и реакция общественности оказалась менее острой, чем в случае с погромом в Кишиневе. Причин тому было несколько: во-первых, уже началась определенная моральная подготовка к войне с Японией, сопровождавшаяся организацией некоего «национального подъема». Был

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Кишиневский погром: сб. мат. и док. / предисл. П. Б. Струве. Штутгарт, 1903.

⁵⁶ The Voice of America on Kishineff / ed. by C. Adler. Philadelphia, 1904; Davitt M. Within the Pale: The True Story of Anti-semitic Persecutions in Russia. New York, 1903; Errera L. Les Massacres de Kichinev. Brussels, 1903; Henri B. A. Les Massacres de Kichinev. Paris, 1903; Prato R. I massacre di Kiscineff. Rome, 1903; Singer I. Russia at the Bar of the American people: A Memorial of Kishinef. New York, 1904 etc.

и еще один фактор: по моему мнению, как это ни странно звучит, сопротивление евреев несколько смутило русское общество. Информация о том, что несколько десятков вооруженных евреев посмели оказать сопротивление, сначала привела «публику» в недоумение, а затем вызвала возмущение. Ведь это разрушало стереотипы, которые в отношении евреев имела даже либерально настроенная интеллигенция. В этот набор стереотипов никак не укладывался образ еврея вооруженного. Обычное сочувствие или равнодушие сменились раздражением и неприятием.

Это значительно усложнило ход процесса и его освещение в печати⁵⁷. Перед судом предстали, наряду с 44 погромщиками, и 36 евреев, оказавших им сопротивление. Организация их защиты и стала главным делом посланцев «Бюро». Ведущие процесс судьи и прокуроры делали все для того, чтобы превратить его в судилище над жертвами погрома и их защитниками. В их интерпретации это был уже не еврейский, а «русский» погром, некая месть со стороны евреев «за Кишинев». Защитнику погромщиков А. С. Шмакову, человеку, который уже давно специализировался на призывах к погромам, было позволено на процессе практически все. Он одним из первых в русском суде сформулировал и огласил концепцию о тотальной и априорной виновности еврейства. Опираясь на вымышленные или произвольно трактуемые факты из всемирной истории евреев, Шмаков, не стесняясь прямых оскорблений в адрес оппонентов, обрушил на головы слушателей поток средневековых инсинуаций в адрес иудейской религии и всего еврейства. Попытки адвокатов со стороны подсудимых и жертв погрома ввести ход судебного заседания в процессуальные рамки законности жестко подавлялись судьями и прокурором. И тут среди защитников произошел концептуальный раскол. Адвокаты «старой школы» Г. Б. Слиозберг и Л. А. Куперник собирались сосредоточиться на строго юридической стороне этого уголовного дела. В свою очередь, большинство других защитников и в особенности уже тогда связанный с левыми политическими партиями Н. Д. Соколов стремились превратить этот процесс из уголовного в политический. Г. Б. Слиозберг и Л. А. Куперник боялись таким образом

⁵⁷ Гомельский процесс: подробный отчет / сост. Б. А. Кревер. СПб., 1907.

навредить своим подзащитным. Так на практике столкнулись две линии — прагматическая, традиционная, соответствующая понятиям XIX века, и новая, отражающая все те изменения, которые произошли в общественном сознании в начале нового века. При этом, похоже, всякой политической линии на процессе противился и председательствующий на нем Н. А. Котляревский.

Одного за другим адвокатов прерывали и лишали слова, как только они начинали задавать подсудимым и свидетелям вопросы, раскрывающие политическую подоплеку в организации погрома и в деле создания еврейской самообороны. В то же время фактически с политическими обвинениями открыто выступал Шмаков. Все это привело к тому, что Винаверу и его товарищам ничего не оставалось, как пойти на беспрецедентный шаг — защита в знак протеста покинула зал судебного заседания⁵⁸. В опубликованном в журнале «Право» заявлении по этому поводу они объяснили свой демарш тем, что им «запрещалось исследовать общие причины погрома... касаться вопроса бездействия войск и полиции, воспрещалось исследование всего, что происходило за чертой г. Гомеля, хотя бы оно вело к раскрытию предварительной организации погрома и подстрекательства к нему... воспрещалось исследовать вопрос о прокламациях, призывающих к погрому...»⁵⁹. Все попытки в ходе судебного заседания выяснить истинные пружины произошедших событий и назвать настоящих виновников погрома резко и в самой грубой форме прерывались председателем суда. Демарш адвокатов вызвал определенную реакцию. Суд прервали на две недели.

⁵⁸ Письмо в редакцию журнала «Право» // Право. 1904. № 52. С. 3 (цит. по: Речи по погромным делам. С. 81–85). Слиозберг вспоминал, что это решение далось им с большим трудом. Категорически против такого шага выступали и сам Слиозберг, и Л. А. Куперник. Ответственность за принятие подобного решения он возлагал на Винавера, «...который, в течение всего процесса, играл роль лидера, и которому подчинялись защитники политической группы. Я уверен — писал он — если бы Винавер искренне поддержал бы Куперника и меня, то мы довели бы благополучно процесс до конца. Но, как это часто с ним бывало, в критические моменты Винавер не считал для себя возможным пойти против левизны и поэтому, если и не прямо поддерживал левых, то, во всяком случае, не поддерживал и нас, т. е. меня и Куперника — правых» (Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 86–87).

⁵⁹ Там же. С. 81.

Все же скандал не входил в расчеты администрации. Думается, что именно этим и были вызваны последовавшие сравнительно незначительные сроки наказания. Из всего числа представших перед судом евреев осуждены были на 5 месяцев заключения 13 человек, остальные получили еще меньшие наказания. Точно такие же сроки получили и сами погромщики.

Тем временем в стране неудержимо шел процесс общественного подъема. Оппозиция приобретала новые, в том числе и организованные формы. Практически впервые частью требований общероссийской оппозиции стало и требование решения еврейского вопроса. Бесспорно, что в постоянном звучании еврейских требований свою роль играла и активная работа «Бюро защиты». Ее представители в той или иной мере присутствовали на начавшихся с 1904 года многочисленных общественных мероприятиях. Сам Винавер до 1904 года в работе российской оппозиции участия не принимал, хотя и был знаком с публикациями журнала «Освобождение». Обстановка в стране была такой, что практически все новые выступления общественности носили в большей или меньшей степени оппозиционный характер. В начале 1904 года в Петербурге прошел съезд по техническому образованию. В его работе приняло участие 3 тысячи делегатов. Симптоматично, что в резолюцию этого съезда собравшиеся включили и требование об отмене всех религиозных и национальных ограничений⁶⁰.

В ноябре того же 1904 года на Втором съезде земских деятелей, на который съехались представители более чем 30 губерний, известный земец, будущий депутат Государственной думы и лидер Партии конституционных демократов Ф. И. Родичев внес в резолюцию съезда все то же требование отмены ограничений по национальному и вероисповедальному признаку⁶¹. Общественное «брожение» не могло не найти отклика и во властных кругах. Часть высшей бюрократии понимала, что страна стоит на пороге перемен⁶². В итоге все это привело к тому, что

⁶⁰ Айзенберг Л. М. На словах и на деле: (По поводу мемуаров С. Ю. Витте и А. А. Лопухина) // Еврейская летопись: в 4 сб. Л.; М., 1924. Сб. 3. С. 32.

⁶¹ Частное совещание земских деятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 года в Санкт-Петербурге. М., 1905. С. 26, 38, 143.

⁶² Нельзя не отметить, что необходимость изменений в «еврейской политике» стала очевидной и для ряда высших чинов Министерства внутренних дел.

12 декабря 1904 года в свет вышел Указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В нем существовала и такая неопределенная формула, как «...произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев»⁶³. Но этот указ уже явно запоздал. В еврейской среде он вызвал только раздражение. Винавер вспоминал: «В декабре 1904 года отношение к правительству приняло уже такой характер, что общество, сознавая себя силою, стало покидать путь непосредственных обращений к власти. Все старые способы воздействия на власть путем ходатайств и записок были дискредитированы; новые еще не народились. Между тем, отношение Указа 12 декабря к еврейскому вопросу требовало немедленной реакции...»⁶⁴

Российское еврейство требовало уже более решительных законодательных мер, обеспечивающих его полноправие⁶⁵. В обществе ходили слухи о том, что автором «Указа 12 декабря» являлся сам С. Ю. Витте. В поисках союзников «Бюро защиты» обратилось к «Союзу освобождения». Согласно убеждениям Винавера и многих близких ему членов «Бюро», борьба за достижение равноправия еврейского народа могла увенчаться успехом только тогда, когда она станет частью общероссийской борьбы против самодержавия, за полное преобразование государственной жизни в стране. Винавер позднее писал, что это было «...первое, если не ошибаюсь, официальное совещание представителей еврейства, как целого, с русской политической группой»⁶⁶. К этому времени М. М. Винавер уже хорошо был знаком со многими лидерами «Союза освобождения»: И. И. Петрункевичем, В. В. Водовозовым, Ф. И. Родичевым. В ходе так называемой банкетной кампании он встречался практически со

В августе 1903 года глава Департамента полиции А. А. Лопухин писал начальнику Особого отдела этого департамента С. В. Зубатову: «Здесь на досуге я кое-что прочел по истории еврейства и в результате весьма мрачными глазами смотрю в будущее: от еврейства нечего ждать, и мы ему вряд ли что-нибудь дадим, а дать нужно...» (цит. по: Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. С. 39).

⁶³ Полное Собрание законов Российской империи. 1904. Т. XXIV. № 25495.

⁶⁴ Винавер М. Беседы с графом Витте.

⁶⁵ Айзенберг Л. М. На словах и на деле: (По поводу мемуаров С. Ю. Витте и А. А. Лопухина). С. 33.

⁶⁶ Винавер М. Беседы с графом Витте. Стб. 6.

всеми деятелями «Союза»⁶⁷. Конечно, еврейский вопрос не был главным в повестке дня «Союза освобождения», но в то же время стараниями Винавера и других членов «Бюро защиты» требования о предоставлении евреям полноправия звучали настойчиво и постоянно.

Русское и еврейское общества оказались как бы «на встречном движении». Именно в этот момент на российскую политическую арену выдвинулись и еврейские активисты. Они начали лоббировать еврейские национальные интересы во всех сферах тогдашней общественной и политической жизни.

6–9 ноября 1904 года на Съезде земских деятелей в Петербурге было открыто заявлено требование о предоставлении «личных гражданских и политических прав всем гражданам России, свободы совести и вероисповеданий»⁶⁸. На этом съезде присутствовали будущие создатели и руководители Конституционно-демократической партии: И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, В. Д. Набоков, Ф. Ф. Кокошкин. Политическое состояние общества к тому времени было уже таково, что в мероприятиях подобного «нееврейского» и, казалось бы, сугубо специфического сообщества, каким считалось земство, уже участвовали и многие далекие от этой структуры люди. К тому времени земство превратилось в один из центров общероссийского оппозиционного движения⁶⁹. В кулуарах этого съезда состоялось знакомство Винавера с лидером русского либерализма И. И. Петрункевичем⁷⁰. Еще до этого практически тех же «свобод» требовали участники съезда Русского технического общества, съезд Общества русских врачей памяти Н. И. Пирогова. Широкая российская общественность была раздражена нежеланием властей идти даже на мало-мальские реформы. В то же время

⁶⁷ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991; Шацилло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985; Пайпс Р. Русская революция: в 2 т. М., 2005. Т. 1.

⁶⁸ На Съезде земских деятелей // Былое. 1907. № 3 (15). С. 90.

⁶⁹ Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986; Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977.

⁷⁰ «Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг. Т. 8; Кельнер В. Е. «Бюро защиты»: Первая еврейская правозащитная организация в России.

законодательные ограничения в отношении российского еврейства, погромы 1903 года в Кишиневе и Гомеле превратили еврейский вопрос в одну из самых насущных проблем того времени. Российское еврейство все громче заявляло о своих требованиях⁷¹. На судебных процессах по поводу этих погромов впервые ярко и настойчиво прозвучали голоса специально направленных на них адвокатов-евреев. Несмотря на все противодействие со стороны Министерств юстиции и внутренних дел, эти процессы получили политическую окраску⁷².

А между тем общественное напряжение в стране нарастало. В начале 1904 года страна вступила в войну с Японией. Как это было уже не раз, армия оказалась не готова к войне, и страна несла огромные потери. Престиж власти стремительно падал. В обществе царило раздражение, нарастали антимонархические тенденции. В этих условиях, как всегда в переломные моменты истории, с фатальной неизбежностью на авансцене общественной жизни страны появилась давно глухо проявлявшая себя в недрах общества проблема русско-еврейских взаимоотношений. В стране все настойчиво требовали широких конституционных реформ. Дискуссия по еврейскому вопросу стала частью общего контекста выступлений либеральной и демократической общественности.

Еврейский вопрос все больше беспокоил и либеральные круги, крупных государственных чиновников и близких к ним литераторов. Так, например, весной того же 1905 года в Петербурге был создан «Кружок равноправия и братства». Его идеологом и главной организующей силой был крупный государственный деятель И. И. Толстой⁷³. Среди проблем, беспокоивших его, был и еврейский вопрос. Как фактический глава Академии художеств И. И. Толстой еще в 1892 году, в период массовых выселений

⁷¹ В. В. Розанов с раздражением писал тогда: «Теперь все дела русские, все отношения русские осложнились "евреем". Нет вопроса *русской жизни*, где запятой не стоял бы вопрос: как справиться с евреем, куда его девать, как бы не обиделся?» (Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1992. С. 523).

⁷² Речи по погромным делам; Кишиневский процесс. Б. м., 1904; Гомельский процесс: подробный отчет.

⁷³ Ананьич Б. В. И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 1907.

евреев из Москвы, противодействовал выселению И. И. Левитана⁷⁴. У себя в Академии художеств он практически не выполнял «прописанную в законе» процентную норму⁷⁵. Либеральные, в том числе и юдофильские настроения в то время уже достаточно вошли в моду даже среди представителей высших слоев общества. Позднее, став в 1905 году министром народного просвещения, Толстой объединил вокруг себя людей, «...сочувствующих идее равноправия народностей и использования их умственных и культурных сил на пользу общества»⁷⁶. Достаточно сказать, что в собраниях этого кружка принимали участие тогдашний товарищ министра финансов, а затем обер-прокурор Синода А. Д. Оболенский, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» Э. Э. Ухтомский, товарищ министра народного просвещения П. П. Извольский, известный философ, редактор Журнала Министерства народного просвещения Э. Л. Радлов⁷⁷.

Политические процессы в русском освободительном движении и в российском еврействе, которые до поры до времени шли как бы параллельно, в обстановке 1905 года неизбежно должны были не только сблизиться, но и в ряде аспектов слиться воедино. И это совпало на тот момент в главном — единой стратегии «давления на власть».

В 1915 году Винавер провел три встречи с уже давно находившимся в отставке С. Ю. Витте — человеком, бывшим в начале века ключевой фигурой царской администрации. Рассказывая об этих встречах, Винавер, по сути, и сам «пустился» в воспоминания. Он писал о падении авторитета тогдашнего правительства⁷⁸.

⁷⁴ Ананьич Б. В. И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 1907. С. 288.

⁷⁵ Кац Б. А. Один из немногих: (воспоминания о гр. И. И. Толстом) // Еврейская жизнь. 1916. 28 авг. С. 13–15.

⁷⁶ Толстой И. И. Мемуары. М., 2002. С. 69–70.

⁷⁷ Толстой И. И. Дневник: 1906–1916. С. 70.

⁷⁸ Винавер М. Беседы с графом Витте. Стб. 6. Имелся в виду принятый 12 декабря 1904 года указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В. В. Чепарухин указывает, что в составлении в том числе и «еврейской» части этого указа самое активное участие принимал близкий к Витте крупный чиновник П. П. Менделеев (см.: С. Ю. Витте и «еврейский вопрос» в преддверии революции 1905 г. / вступ. ст., публ. и прим. В. В. Чепарухина // Архив еврейской истории: в 9 т. Т. 1. М., 2004. С. 243). Я же позволю себе

Дело в том, что в этом указе, неожиданно для общественности, ничего не было сказано о положении еврейского народа. А было, конечно, известно, что Витте имел свое собственное мнение. Но на том этапе развития событий он, как опытный царедворец, видимо, не стал рисковать карьерой, тем более что он хорошо знал расклад сил в верхах⁷⁹. К этому моменту уже установились связи с оппозиционными общероссийскими силами. Некий символический смысл приобретает решение ведущих еврейских национальных деятелей той эпохи прежде, чем направится к Витте, провести совещание с русскими общественными деятелями, руководством «Союза освобождения»⁸⁰. Думается, что это было сделано не без давления со стороны Винавера. «Первое, если не ошибаюсь, официальное совещание представителей еврейства как целого с русской политической группой, — вспоминал Винавер, — состоялось у меня на квартире в 20-х числах декабря. 3 представителя Союза [освобождения] и три от Бюро [защиты]»⁸¹.

На этом совещании после дискуссии, в которой приняли участие лидеры «Бюро защиты» и «Союза освобождения», решили, что «...ввиду исключительности еврейского вопроса возможно обращение к Витте, как к тому деятелю администрации, которому и была поручена реализация Указа от 12 декабря 1904 года»⁸². Первая такая встреча состоялась 5 января 1905 года. К этому времени в воздухе России уже не просто «пахло грозой», а видны были все приметы надвигающихся потрясений. Именно тогда Витте сказал о том, что в еврейском вопросе «...меня нечего убеждать. Я знаю, что интересы России требуют уравнивания евреев»⁸³. По словам Витте, проведению этой

высказать предположение, что в этом участвовал и другой чиновник министерства финансов, давно уже сотрудничавший с Витте — Б. Ф. Брандт.

⁷⁹ В воспоминаниях он признавался: «Я был бессилен заставить пересмотреть все существующие законы против евреев, из которых многие крайне несправедливы, а вообще эти законы принципиально вредны для русских, для России, т. к. я всегда смотрю на еврейский вопрос не с точки зрения, что приятно для евреев, а с точки зрения, что полезно для русских и Российской империи» (цит. по: С. Ю. Витте и «еврейский вопрос» в преддверии революции 1905 г. С. 240).

⁸⁰ Винавер М. Беседы с графом Витте. Стб. 6.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. Стб. 6–7.

⁸³ Там же.

реформы противодействовал Государственный Совет⁸⁴. Но все же опытный и осторожный царедворец Витте, прекрасно зная и учитывая «расклад сил» при дворе, фактически ушел от определенного ответа. Правда, он все же посоветовал организовать еще более настойчивое общественное давление на власть⁸⁵. Думается, что обращение к С. Ю. Витте было не в последнюю очередь обусловлено и тем, что на протяжении ряда лет в его ближайшее профессиональное окружение входил Б. Ф. Брандт. Финансист и публицист, он был «подобран» Витте еще в годы работы в Киеве. Затем, по мере развития карьеры, Витте переводил Брандта за собой из министерства в министерство. В 1904 году он сделал его членом ученого комитета Министерства финансов. Еще в юности Брандт увлекся идеями палестинофильства, а затем сионизма. В Петербурге он возобновил отношения с членами «Бюро защиты»: другом детства Г. Б. Слиозбергом и М. И. Кулишером, в киевской газете «Заря» которого Брандт некогда публиковался⁸⁶. В 1904 году он, по поручению тогдашнего министра финансов В. Н. Коковцова, подготовил специальную «записку» о влиянии антиеврейских законов на экономическое положение в России. Этот документ создавался при ближайшем сотрудничестве с Г. Б. Слиозбергом⁸⁷ и лег в основу указа от 9 августа 1904 года. Этот указ оказался первым документом, в котором, после долгих лет дискриминации, еврейское население получило ряд положений, облегчавших его юридическое положение⁸⁸.

Посланцы «Бюро защиты», во многом используя провинциальные структуры ОПЕ, в кратчайшие сроки собрали 6000 подписей под требованием не ограничиваться «улучшением положения», а добиваться полного уравнивания в правах. Это «Заявление»

⁸⁴ Айзенберг Л. М. На словах и на деле: (По поводу мемуаров С. Ю. Витте и А. А. Лопухина). С. 34.

⁸⁵ Там же. См. также: Миндлин А. Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. С. 83–84.

⁸⁶ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 1. С. 83–85. М. А. Кроль называет Брандта даже в числе организаторов «Бюро защиты» (Кроль М. А. Страницы моей жизни. С. 342). Вообще, на мой взгляд, роль Б. Ф. Брандта в политической жизни еврейства того времени еще не выяснена и требует дальнейшего исследования.

⁸⁷ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 1. С. 85.

⁸⁸ Там же. Т. 3. С. 102.

6 марта 1905 года опубликовала газета «Право»⁸⁹. Важным моментом в борьбе «Бюро защиты» на том этапе стало участие его представителей в съезде Союза журналистов в апреле 1905 года. На этом съезде присутствовали многие представители «Бюро». Один из них, Л. А. Сев, ближайший друг и соратник Винавера, выступил со специальным докладом «Отношение русского общества и русской печати к еврейскому вопросу»⁹⁰. После доклада на съезде приняли специальную резолюцию с требованием еврейского равноправия. К этому моменту «Бюро защиты» уже могло опираться на такие легальные периодические издания, как «Право» и «Восход». Именно в «Праве» в мае 1905 года появилась статья М. Б. Ратнера «Еврейский вопрос». Ратнер — юрист, член «Бюро» — входил в состав защиты на Кишиневском процессе. В этой статье он огласил основные требования еврейской общественности к государственной власти, выработанные в рядах «Бюро»⁹¹.

Сам Винавер, согласно его убеждениям о неразделимости национальной борьбы с освободительной борьбой всей либеральной и демократической России, принял участие в консолидации российского либерального движения, которое вылилось в создание Партии конституционных демократов. В 1905 году он, со своим талантом руководителя, стал активным участником встреч и собраний, на которых в конце концов и была создана эта партия. Винавера избрали в ЦК, он принимал деятельное участие в выработке учредительных документов партии, в формировании ее идеологии и организационных структур. Годы спустя практически все его соратники в своих мемуарах отмечали роль Винавера в жизни и создании идеологии партии.

⁸⁹ Право. 1905. № 9, 6 март. Стб. 32. В том же номере было опубликовано заявление проходившего в те же дни в Петербурге общего собрания ОПЕ. В нем было высказано требование об уравнивании в правах еврейского народа в России (Право. 1905. № 9, 6 март. Стб. 663–664). В руководство этой газеты входили люди, бывшие в близких политических и профессиональных отношениях со многими членами «Бюро защиты»: В. М. Гессен, И. В. Гессен, В. Д. Набоков, И. И. Петрункевич и др.

⁹⁰ Право. 1905. № 15, 15 апр. Стб. 1221–1227.

⁹¹ Там же. 1905. № 17, 1 мая. Стб. 1358–1376. Спустя короткое время М. Б. Ратнер стал одним из самых активных проводников идей автономизма и социалистических теорий в еврейском национальном движении.

Лидер партии П. Н. Милюков вспоминал: «Мне легко говорить о том вкладе, который сделан Винавером в нашу политическую работу, легко потому, что на всем протяжении политической деятельности его мы стояли не только в одних рядах, но и рядом, плечо к плечу, и делали одно и то же дело... Он был знаменит своим умением придавать политической мысли блестящую, резко отточенную форму и защищать свою формулу строго логической, тонкой аргументацией. Бороться с ним на этой почве было невозможно: даже не убеждая, он покорял соперника и проводил свое решение в многоголовом колеблющемся собрании...»⁹²

К началу 1905 года в недрах «Бюро защиты» сложилось и другое объединение — Еврейская демократическая группа (Г. А. Ландау, Л. М. Брамсон, С. Л. Каменецкий, А. И. Браудо, Р. М. Бланк, Я. Г. Фрумкин, М. А. Кроль и некоторые другие)⁹³. Фрумкин пишет о том, что эта группа была не согласна с, как казалось им, наметившейся зависимостью «Бюро» от общероссийской организации — «Союза освобождения». Их уже не только не устраивала старая тактика по использованию системы штадланута. Они стали прямо высказывать опасения, что еврейскому национальному движению из тактических соображений придется чем-то поступиться в деле единства в ходе всероссийской борьбы с самодержавием. К тому же ряд лидеров «Бюро» казался им «слишком буржуазными», оторванными от чаяний широких еврейских народных масс. Эта группа составила свое заявление, отличавшееся от общего тем, что содержало более радикальные требования⁹⁴. Это уже наглядно продемонстрировало то, что «Бюро» окончательно превратилось в полноценную

⁹² М. М. Винавер и русская общественность начала XX века: сб. статей. Париж, 1937. С. 168.

⁹³ Среди членов этой группы был и активный антисиионист, публицист И. М. Бикерман. В группу его привлек Г. А. Ландау. Их духовное единение продолжится и далее, уже в эмиграции, в Германии, где они в 1920-е годы вошли в так называемое «Отечественное объединение русских евреев за границей» и участвовали в сборнике «Россия и евреи» (Сб. 1. Берлин, 1924). В статьях, включенных в этот сборник, содержался призыв к российскому еврейству «признать свою коллективную вину» за произошедшую революционную катастрофу» (Бикерман И. М. Воспоминания).

⁹⁴ Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 68.

политическую организацию, и в лице Демократической группы имело свое левое, народническое крыло⁹⁵.

Весной 1905 года общественное движение в стране развивалось такими темпами, что, стремясь соответствовать требованиям момента, «Бюро защиты» в марте предложило созвать в Вильно общероссийское совещание еврейских деятелей, представлявших российское еврейство. Этому Совещанию предстояло открыть новую страницу в истории еврейского политического представительства. М. М. Винавер к тому моменту уже пришел к пониманию того, что российскому еврейству для дальнейшего продвижения в деле борьбы за свои гражданские права требуется всемерная поддержка всего российского либерального и демократического движения. В свою очередь он четко осознавал тот факт, что для того, чтобы стать для русской демократии желанным союзником, российскому еврейству следует опираться на собственную национальную политическую организацию.

Стремительно, в течение нескольких лет, «Бюро защиты» прошло путь от правозащитной организации к политическому объединению. Это показало неразрывную связь еврейского общественного движения с процессом становления и развития русского гражданского общества. «Бюро защиты» вобрало в себя целую плеяду представителей русско-еврейской интеллигенции. В рядах «Бюро» прошли школу политического воспитания практически все будущие руководители самых разнообразных еврейских политических движений и партий⁹⁶. Это были люди, определившие на ближайшие несколько десятилетий лицо российского еврейства.

⁹⁵ Впоследствии Л. М. Брамсон в I Государственной думе входил в Трудовую фракцию, а Г. А. Ландау и Р. М. Бланк отличались самой активной антисеионистской позицией. Старый народник М. А. Кроль сохранял прочные связи со своими товарищами из Партии социалистов-революционеров. В то же время думается, что позиция некоторых членов этой группы определялась и личной неприязнью к М. М. Винаверу. Особенно это касалось Г. А. Ландау, который никогда не мог простить Винаверу «захвата» его сторонниками журнала «Восход», некогда много лет принадлежавшего его отцу, А. Е. Ландау (Кельнер В. Е. Адольф Ландау — издатель, редактор, публицист).

⁹⁶ Френкель Й. Пророчество и политика: Социализм, национализм и русское еврейство; *Gassenschmidt Ch. Jewish Liberal Holitics in Tsarist Russia.*

Теперь налицо были все элементы, определяющие такое явление, как самостоятельная политическая организация: идеологическая основа, признанные другими политическими силами представительские функции и существование оппозиции в собственных рядах.

Именно «Бюро защиты» в 1905 году, в период бурных общественных перемен в стране стало ядром создания нового общественно-политического объединения — «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России», с созданием которого деятельность «Бюро защиты» была исчерпана.

Глава 4

ТРИБУНА

Мы не партия, мы ставим своей задачей национальное объединение.

М. М. Винавер

События первых лет XX века показали: российское еврейство превращается в организованную общественную силу. На место просвещенческих и благотворительных обществ пришли организации, выдвигавшие политические требования. И широкая российская общественность к тому моменту была уже готова пойти на союз с еврейским общественным движением.

Истоки создания «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» следует искать в деятельности «Бюро защиты» — первой еврейской правозащитной организации, действовавшей в России на рубеже XIX–XX веков¹. Большую роль в этом играл и перешедший под руководство группы Винавера и реформированный русско-еврейский еженедельник «Восход», фактически ставший его печатным органом. Прежний «беспартийный» «Восход», руководимый А. Е. Ландау, в новой обстановке уже не устраивал новое поколение². Одновременно часть еврейской либеральной оппозиции все больше переходила на нелегальные методы работы. Это, среди прочего, выразилось в создании в 1903 году за пределами России информационных бюллетеней *Les correspondences russes* и *Russische Korrespondenz*. В их руководство входили практически все инициаторы создания «Бюро защиты» и его активные деятели: М. М. Винавер, Л. М. Брамсон, Ю. Д. Бруцкус, Л. А. Сев. Это было новое поколение еврейских общественных деятелей. В отличие от

¹ Кельнер В. Е. «Бюро защиты»: первая еврейская правозащитная организация в России. На это прямо указывал современник и участник событий тех лет Л. М. Айзенберг: На словах и на деле: (По поводу мемуаров С. Ю. Витте и А. А. Лопухина). С. 33.

² Кельнер В. Е. Адольф Ландау — издатель, редактор, публицист.

прошлых еврейских активистов, сконцентрировавшихся на просвещенческой и благотворительной работе, они уже занимались прямой национально-политической деятельностью, связывая ее с непосредственной борьбой за полное равноправие еврейского народа в России. Среди них были представители как либерального направления, так и сторонники народнических тенденций, широко распространившихся в еврейском обществе. Было представлено и стремительно набиравшее тогда силу сионистское движение. Процесс создания еврейской оппозиционной организации был сложен и проходил на протяжении нескольких лет. Историк и общественный деятель С. М. Дубнов вспоминал, как он, после многих лет отсутствия приехав в Петербург, застал в нем уже новое поколение еврейских общественных деятелей. «Здесь передо мною, человеком 80-х годов, предстало “племя молодое, незнакомое”, появившееся на общественном поприще в 90-х годах...» Дубнов писал о том, что в то время в «еврейской» политике «царили сотрудники обновленного “Восхода”, вскоре после перехода журнала к группе Винавера-Сева»³. Описывая одну из встреч этой группы в составе М. М. Винавера, Л. А. Сева, М. Л. Тривуса и А. И. Браудо, он отмечал: «...велась оживленная беседа о вопросах дня: о еврейском национальном движении и о позиции “Восхода” между националистами и ассимиляторами. Горячились Сев, Тривус-Шми, спокойнее говорили другие “восходовцы”»⁴.

А между тем общественное напряжение в стране нарастало. Престиж власти стремительно падал, в обществе царило раздражение. В этих условиях с фатальной неизбежностью на авансцене общественной жизни страны появилась давно глухо проявлявшая себя в недрах общества проблема русско-еврейских взаимоотношений⁵.

³ Дубнов С. М. Встречи с А. И. Браудо // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924. С. 45–46.

⁴ Там же.

⁵ В феврале 1904 года Плеве вызвал к себе Д. И. Шаховского и, среди прочего, укорял его за то, что тот «вместе с еврейской либеральной шайкой совершает неприличные выходки». Имелись в виду, видимо, земские собрания и публикации в газетах. Он пригрозил выслать его из столицы (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 61).

Во главе еврейского либерального движения фактически стоял М. М. Винавер. Для создававшейся в тот период Партии кадетов Винавер явился как бы негласным представителем российского еврейства. Во главе этой партии находились люди, в большинстве своем отвергавшие национализм как таковой, особенно национализм имперский, олицетворявший в их глазах самодержавие. Антисемитизм, открыто исповедовавшийся и использовавшийся правящим режимом, был для них явлением неприемлемым. Они были убеждены в том, что конституционные преобразования России, ликвидировав государственный антисемитизм, решат еврейский вопрос и тем самым предопределят будущее российского еврейства в рамках единого российского демократического государства. Поддержка борьбы евреев за равноправие носила со стороны русских либералов и некий утилитарный характер. Они понимали, что евреи с их традиционной общественной активностью могут быть деятельными союзниками в борьбе с самодержавием. К тому же многим из них не были чужды обычные рассуждения о некой «еврейской сплоченности», что, по их мнению, было важно в преддверии выборов в Государственную думу.

«Еврейская работа» М. М. Винавера органично вписывалась в его партийную деятельность. Он постоянно вносил национальные требования евреев в общеполитическую повестку только что созданной Конституционно-демократической партии. Винавер теоретически обосновал союз общероссийского освободительного и еврейского национальных движений на известной встрече еврейской делегации с недавно возглавившим правительство С. Ю. Витте, состоявшейся в 1905 году. Тогда на сентенцию премьера, обращенную к лидерам еврейской общины по поводу политической активности евреев «это не ваше дело, предоставьте это русским по крови и по гражданскому положению, не ваше дело нас учить, заботьтесь о себе...», Винавер заявил: «... теперь настал момент, когда Россия добудет все свободы и полное равноправие для всех подданных, и потому евреи должны всеми силами поддерживать русских, которые этого добиваются и за это воюют с властью»⁶. Винавер как деятель Партии кадетов

⁶ *Vumme С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 328–329; Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 495–496. Следует отметить, что фигура М. М. Винавера была в то время

и в самой партии, и вне ее неизменно ассоциировался с борьбой евреев за свои права. Да он и сам чувствовал себя «полномочным представителем» своего народа. Он неустанно напоминал своим соратникам о существовании еврейской проблемы⁷.

18 февраля 1905 года под давлением разнообразных политических сил был издан рескрипт о создании в стране некоего «народного представительства» с совещательными функциями. Для осуществления этого плана под руководством министра внутренних дел А. Г. Булыгина было учреждено Особое совещание⁸. Это было подобие закона о выборах, в котором первоначально заложили такое количество ограничений, что даже его законосовещательный характер вызывал общественное возмущение. Среди потока протестов были и послания различных еврейских общин, ведь первоначально «Булыгинский проект» не предполагал предоставления евреям избирательных прав. Лидеры российского еврейства — Г. О. Гинцбург, М. И. Кулишер и Г. Б. Слиозберг — добились аудиенций у министра финансов В. Н. Коковцова и ряда других представителей высшей государственной бюрократии в стране⁹. В итоге под давлением общественности, исходя из обстоятельств, связанных с международной обстановкой, власти были вынуждены допустить евреев к участию в выборах в Государственную думу наравне со всеми другими участниками выборного процесса.

значительно демонизирована. В сатирических журналах ему было посвящено немало карикатур. Один из его противников, известный националист и монархист В. В. Шульгин позднее вспоминал: «...очень неприятен был мне, как политический противник, Винавер. Однажды в Житомире был созван съезд по поводу первой Государственной Думы. И я на этом съезде сказал: Господа! Скажите же, пожалуйста, кто у нас правит страной — Николай II или Винавер?» (*Шульгин В. В. Что нам в них не нравится...: Постскрипtum. Париж, 1929. С. 320*).

⁷ Видимо, это раздражало некоторых политиков, не желавших ставить партийную политику в зависимость от такого опасного вопроса, как еврейский. И. В. Гессен вспоминал, как однажды более чем толерантный в этом отношении П. Н. Милюков <...уколол восклицанием: «ох, уже мне эти евреи», когда на каком-то съезде, по настоянию Винавера, я передал ему просьбу специально отметить в резолюции тяжелое положение еврейства» (*Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 279*).

⁸ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. С. 60–84.

⁹ Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. С. 24–26.

Одной из основных задач, стоящих перед создателями «Союза», стало участие в борьбе за демократизацию политической и общественной жизни в стране. Они боролись за корректировку таких судьбоносных документов, как «Положение о выборах в Государственную Думу», принятого 6 августа 1905 года, а затем и самого «Манифеста 17 октября 1905 года». Постепенные уступки со стороны властей стали результатом многочисленных петиций, решений крестьянских, земских и профессиональных съездов, так называемой «Банкетной кампании», деятельности «Союза союзов»¹⁰. В те бурные месяцы представители «Союза полноправия» участвовали в общероссийской общественной деятельности: в многочисленных съездах, собраниях и в составлении петиций. В стране шел процесс как создания политических партий и объединений, так и фактической легализации уже существующих левых организаций. Евреи были членами, а то и руководителями многих из них¹¹. Как известно, многие либеральные и демократические организации объединились под флагом «Союза союзов». От только что формирующегося «Союза полноправия» в «Союз союзов» были направлены два его активных члена: М. А. Кроль и Л. М. Брамсон. Отметим, что оба они были приверженцами левых, народнических взглядов, а Кроль, несмотря на участие в работе «Союза полноправия», к выборам в Думу относился отрицательно и только позднее изменил свои взгляды по этому вопросу. Несмотря на бойкотистские настроения, он стал автором инспирированной «Союзом полноправия» брошюры «Что такое правильное народное представительство?» Это показывает, что «Союз» задумывался и первоначально воспринимался как общенародное, внепартийное национальное объединение, призванное не только мобилизовать еврейское население для участия в выборах, но и превратить его в определенный фактор общероссийской политической жизни.

Закон о выборах в Думу не устраивал значительную часть левого спектра российского общества. Закон от 6 августа

¹⁰ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. С. 192–218.

¹¹ Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми: (1917–1920). М., 2005. С. 52–54.

1905 года делал выборы сословными и многоступенчатыми. Все выборщики распределялись по четырем куриям, неравным по своим избирательным возможностям. В то время все левые социалистические партии и организации требовали введения прямых всеобщих и тайных выборов. В ожидании нарастания в стране демократического и революционного движения они рекомендовали своим сторонникам прибегнуть к тактике бойкота в отношении этих выборов. Евреи по новому положению могли в основном входить в городскую и рабочую курии. Однако первоначально в законе от 6 августа для избирателей был декларирован ряд имущественных и социальных ограничений. Особенно болезненно это отразилось бы на евреях черты оседлости, ведь по антиеврейскому законодательству они были весьма ограничены в статусе собственников недвижимого имущества. После яростной борьбы был принят новый закон о Государственной думе, а корректировавший его основополагающий манифест огласили 11 декабря. В его «продавливании» участвовали и руководители «Союза полноправия». На всех партийных и общественных мероприятиях и на встречах с представителями государственной власти они настойчиво предлагали внести изменения в затрагивающие еврейское население статьи закона. Закон от 11 декабря 1905 года позволил всем собственникам недвижимого имущества в городах и городских поселениях, независимо от оценки имущества, стать участниками избирательной кампании. Это значительно расширило возможности жителей еврейской черты оседлости и резко усилило авторитет этой организации и ее лидеров.

Бесспорно, в деле предоставления избирательных прав российским евреям немалое значение имело и давление со стороны американского еврейства. Значительную роль в этом сыграл Г. А. Виленкин. Выходец из богатой петербургской еврейской семьи, он в 1895 году стал финансовым агентом Министерства финансов, сначала в Великобритании, а затем в США. С. Ю. Витте сразу же оценил его способности. К тому же, будучи женатым на девушке из банкирского клана Зелигманов, он вошел и в круг другого их родственника, банкира Я. Шиффа — непримиримого борца за права евреев. Таким образом, Виленкин получил возможность посредничества между Витте и еврейскими кругами

США в деле заключения мирного договора с Японией и получения Россией займов. Во время визита С. Ю. Витте в США именно Виленкин, будучи переводчиком русской делегации, устроил встречу Витте с американскими банкирами еврейского происхождения. На этой встрече ими были предъявлены требования по уравниванию прав российских евреев в готовившихся конституционных изменениях в стране. Через несколько дней Виленкин сообщил им, что Витте просил его поставить в известность банкиров о том, что евреи получают право избирать и быть избранными в Государственную думу, это решение уже утверждено царем¹².

Процесс создания «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» охватил практически весь 1905 год. Первоначально он задумывался как некий механизм по мобилизации еврейского населения для участия в выборах в Государственную думу. Однако для М. М. Винавера и части руководителей «Союза» эта организация была призвана объединить и возглавить большинство еврейского населения страны, стать выразителем его чаяний и политическим представителем на арене общественной борьбы. Параллельно с «петербуржцами» в создании организации принял участие и только что сформировавшийся в Москве «Союз еврейской интеллигенции»¹³.

Новый закон, появившийся на свет 6 августа, уже не предполагал для евреев особых ограничений. Дальнейшие события в стране и небывалый подъем общественного антимонархического движения привели к принятию 17 октября 1905 года манифеста, который фактически устанавливал в стране некое подобие конституционного строя, провозглашал свободу совести, слова, собраний и союзов. Правда, как известно, «ответом улицы» стали массовые еврейские погромы¹⁴.

Роль евреев в событиях 1905–1907 годов весьма преувеличена и все же бесспорно значительна¹⁵. Принято считать, что

¹² Финкельштейн К. И. Императорская Николаевская Царскосельская гимназия. СПб., 2009. С. 10–15.

¹³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. 1905. Ед. хр. 999. Часть 12. Л. 17.

¹⁴ Будницкий О. В. Евреи и революция 1905 г. в России: Встреча с народом // Неприкосновенный запас. 2005. № 6 (44). С. 102–106.

¹⁵ В этом повинна как антисемитская, так и «еврейская» историография. Если антисемитской историографии, а более всего псевдоисторической публицистике

чем левее была партия, тем больше в ней состояло евреев¹⁶. Но на самом деле в политических сражениях той эпохи столь же активно участвовали и представители еврейского национального движения, и представители либерального лагеря. Непосредственно во всех политических перипетиях 1905–1907 годов задействованы были евреи-социалисты, члены Бунда и Серпа (Еврейская социалистическая рабочая партия) и сторонники сионистского движения во всех его, в том числе и социалистических, отклонениях (Поалей-Цион и Сионистско-социалистическая рабочая партия)¹⁷. Евреи входили во многие русские политические партии левого толка. Среди них были большевики, меньшевики, социалисты-революционеры, анархисты. Единственной массовой и влиятельной партией либерально-демократического направления, привлекавшей в свои ряды еврейскую интеллигенцию, была Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы). Однако, по свидетельству одного из ее создателей А. В. Тырковой, человека, весьма далекого от юдофильства, евреи изначально примыкали к этой партии, но «не на первых ролях»¹⁸.

В короткий период, прошедший с момента провозглашения конституционных реформ, в стране стремительно начался процесс формирования легальных русских политических партий¹⁹. М. М. Винавер принял самое деятельное участие в создании Конституционно-демократической партии. А. А. Кизеветтер вспоминал, как на первом, учредительном съезде партии в Москве, на

во все времена было необходимо подчеркнуть антирусский, антипатриотический характер освободительного движения, то советская историография 1920-х — начала 1930-х годов, напротив, с особым рвением выделяла роль евреев в победившем русском революционном движении.

¹⁶ Евреи и русская революция: материалы и исследования / ред.-сост. О. В. Будницкий. М.: Иерусалим, 1999; *Schapiro L. The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement // The Slavonic and East European Review. 1961. Vol. XV, N 94. P. 148–167.*

¹⁷ *Френкель Й. Пророчество и политика: Социализм, национализм и русское еврейство; Frankel J. Crisis, Revolution, and Russian Jews; Shtakser I. The Making of Jewish Revolutionaries the Pale of Settlement: Community and Identity during the Russian Revolution and its Immediate Aftermath: 1905–1907. London, 2014.*

¹⁸ *Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. М., 2007. С. 279–284.*

¹⁹ *Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, 1983.*

одном из его заседаний председательствовал Винавер: «Он вел заседание превосходно. Никому не давал “растекаться мыслью по древу” и отлично формулировал прения... В самом начале любопытнейший инцидент вышел с полицейским приставом. Пристав вдруг явился в зал и начал было что-то говорить. Винавер его прервал и внушительно заявил, что даст ему слово в очередь. К общему удивлению, пристав подчинился. Долго пришлось ему дожидаться “очереди”, и когда она, наконец, наступила, приставу оставалось только выразить возмущение тем, что ему не дали возможность исполнить его обязанности... Заседания съезда подходили к концу, и вот 17 октября, уже совсем к вечеру, в заседание явился из редакции “Русских ведомостей” сотрудник этой газеты Петровский. С крайне взволнованным видом, он устремился к председателю и подал ему листок с газетной гранкой. Винавер взглянул на листок, побледнел, как полотно, немедленно прервал говорящего оратора, встал, и прочел нам... манифест 17 октября»²⁰.

В этой ситуации еврейский вопрос стал неотъемлемой частью их политического дискурса.

Ядро создателей и руководителей «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» составили представители так называемой русско-еврейской интеллигенции²¹. Эти «новые» люди во многом политизировали работу легальных общественных организаций.

Первоначально, еще в январе 1905 года инициированное «Бюро защиты» совещание еврейских общественных деятелей было решено созвать в Брюсселе; затем политические реалии сделали возможным его проведение в самой России. Такое совещание состоялось в Петербурге в январе 1905 года. К этому моменту многим еврейским общественным деятелям стало ясно, что с организацией национальных сил следует поторопиться. В еврейском обществе уже было известно о том, что Совет министров готовит некое кулуарное обсуждение возможной

²⁰ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 391.

²¹ Кельнер В. Е. Русско-еврейская интеллигенция: Генезис и проблемы национальной идентификации // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1996. № 3 (13). С. 4–20.

корректировки еврейского законодательства. И все же политическая ситуация еще не позволяла провести такое совещание в столице. Первоначально предлагали Минск, но в конце концов выбрали Вильно как город, находящийся в самом центре еврейского мира России. Да и ряд возможных его участников не имел официального разрешения на проживание в Петербурге. Лидеры петербургского еврейства, руководители «Бюро защиты» в марте разослали известным им провинциальным соратникам по отстаиванию прав российского еврейства, руководителям общественных организаций и общинных структур и в редакции немногочисленных тогда еврейских периодических изданий письмо. В нем говорилось: «...необходимость столкнуться о назревших вопросах еврейской жизни чувствуется теперь еще в большей степени, чем когда-либо, и ввиду этого возникла мысль устроить такое совещание частным образом вне столицы — в одном из крупных провинциальных еврейских центров, вероятнее всего в Вильно»²². В июле прошла встреча инициативной группы в Выборге²³.

Совещание, предварявшее создание «Союза», прошло 25–27 марта 1905 года в Вильно. На нем присутствовало 67 представителей из 32 городов. Избрали Центральное бюро. От Санкт-Петербурга в него вошло 11 человек, и 11 активистов представляли провинциальные города. В марте 1905 года в Министерство юстиции подали устав на утверждение. За все время существования этой организации было проведено четыре съезда:

Первый съезд — май 1905 года

Второй съезд — 22–25 ноября 1905 года

Третий — 10–13 февраля 1906 года

Четвертый — 9–11 мая 1906 года

В марте 1907 года созвали специальное совещание, на котором приняли формальное решение о сохранении «Союза» в виде Федерации самостоятельных организаций. Это стало по существу финальным актом истории этого объединения. Хотя общение секретаря «Союза» Ю. И. Гессена с бывшим министром

²² САНЖР (ЦАИЕНИ). Р. 1/10 (Дубнов С.).

²³ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. Оп. 233. 1905. Ед. хр. 999. Часть 12. Л. 80.

народного просвещения И. И. Толстым в 1907 году и выдвижение последнего позднее в претенденты в депутаты очередной Думы говорит о том, что все же это объединение еще пыталось сохранять некоторые свои организационные структуры²⁴.

На всем протяжении истории «Союза» им фактически руководил М. М. Винавер, а генеральным секретарем был историк Ю. И. Гессен²⁵. Ранее он как общественный деятель не отличался особой активностью, но как личность чрезвычайно энергичная и к тому же обладавшая широкими связями не только в еврейских, но и в русских общественных кругах, Гессен оказался человеком, способным координировать организационную работу «Союза»²⁶. Он уже некоторое время был знаком с И. И. Толстым²⁷. В конце августа 1907 года Гессен направил Толстому письмо с предложением написать книгу, «беспристрастно повествующую о жизни евреев в России»²⁸. Толстой уже знал такие работы Гессена, как «Евреи в России: Очерк общественной, правовой и экономической жизни русских евреев» и подготовленную по заказу «Союза полноправия» книгу «О жизни евреев в России: Записка в Государственную думу». Если свою книгу Ю. И. Гессен адресовал депутатам I Государственной думы, но не успел ее напечатать до того, как Думу разогнали, и книгу распространяли уже позднее среди депутатов II Думы, то теперь планировалось новое издание книги уже для работы с депутатами III Думы. В этом просматривался «почерк» Винавера, всегда стремившегося в первую очередь воздействовать на общественность печатным словом. Этим он и его соратники тех дней раз за разом будировали в широких массах отечественной общественности полемику по еврейскому вопросу. За два года активной жизни «Союз» издал немало собственной агитационной и публицистической литературы, выпускал ряд периодических изданий. Среди них в первую

²⁴ Толстой И. И. Дневник: 1906–1916. С. 149–150.

²⁵ Кельнер С. В. Союз для достижения полноправия еврейского народа в России и его лидеры.

²⁶ Гессен В. Ю. Историк Юлий Гессен и его близкие. СПб., 2004.

²⁷ Ананьич Б. В. И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. С. 91.

²⁸ Гессен В. Ю. Историк Юлий Гессен и его близкие. С. 90.

очередь отметим газету «Еврейский избиратель». Она открыто декларировала себя в качестве органа «Союза полноправия». Ею руководили М. М. Винавер и Ю. И. Гессен. Газета выходила с начала декабря 1906 года до начала февраля 1907 года, то есть в разгар подготовки к выборам во II Государственную думу. До конца июня 1906 года под контролем Винавера и под редакцией М. Г. Сыркина продолжал издаваться еженедельник «Восход». Но не следует забывать и того, что им противостояла разветвленная сеть изданий Бунда и других левых и социалистических органов печати.

Организация не имела собственной издательской базы. Как и многие другие представители демократических сил, она опиралась на известное петербургское издательство «Общественная польза». В правление этого предприятия в то время входил ряд деятелей «Союза» и близких к нему людей: М. М. Винавер, А. И. Браудо, Ю. И. Гессен. Бесспорно, к изданиям «Союза» следует отнести специальную работу секретаря «Союза» историка Ю. И. Гессена «О жизни евреев в России: Записка в Государственную думу» (СПб., 1906). Теперь же, накануне выборов в новую Думу, часть «Союза полноправия», еще оставшаяся преданной старым традициям, решила подкрепить свои действия авторитетом такого государственного деятеля, как бывший министр народного просвещения И. И. Толстой. В ускоренном режиме был подготовлен и выпущен в свет сборник, составленный из работ Ю. И. Гессена и И. И. Толстого «Евреи в России: Факты и мысли» (СПб., 1907). В него вошла как известная уже книга Гессена «О жизни евреев в России», так и переработанные статьи И. И. Толстого, печатавшиеся ранее в газете «Страна» и посвященные еврейскому вопросу.

Сотрудничество с И. И. Толстым рассматривалось многими руководителями «Союза полноправия» как чрезвычайно перспективное.

Одним из самых активных публицистов, авторов работ на эту тему был участник создания «Союза» М. А. Кроль. Им были опубликованы такие брошюры, как «Что такое правильное народное представительство?» (СПб., 1906), «Как прошли выборы в Государственную думу» (СПб., 1906) и «Уроки прошлой выборной кампании» (СПб., 1907).

Другой значимой фигурой в работе «Союза» продолжал оставаться А. И. Браудо. Скромный сотрудник Императорской Публичной библиотеки, он, как всегда, предпочитал находиться в тени. Но еще со времен деятельности «Бюро защиты» Браудо вел огромную повседневную работу как в еврейском национальном, так и в общероссийском освободительном движении²⁹. С. М. Дубнов вспоминал о стиле работы Браудо на съездах «Союза»: «...он редко вмешивался в прения, даже редко сидел в рядах делегатов, а больше ходил между рядами и вел переговоры в кулуарах с единомышленниками или противниками. А между тем он принимал деятельное участие в исполнении решений «Союза», особенно в комиссии по расследованию октябрьских погромов и в сношениях с заграничными друзьями в деле информирования Запада о том, что происходило с евреями в России»³⁰.

С первого момента организации «Союза» его Центральное бюро начало рассылать в адрес активных еврейских общественных деятелей разработанное Винавером послание: «Милостивый Государь, зная, что Вы являетесь энергичным общественным деятелем в Вашем городе, мы позволяем себе обратиться к Вам с просьбой принять на себя заботу об организации нашего «Союза». Мы препровождаем Вам под бандеролью материал, из которого Вы ознакомитесь с организационной деятельностью «Союза». Наше учреждение в настоящее время уже легализовано, а потому Вы можете действовать открыто. Надеюсь, что Вы пойдете навстречу нашему желанию видеть Вас среди деятелей Союза»³¹.

Особую активность сторонники этого объединения развили на территориях наиболее массового проживания евреев — в черте еврейской оседлости³².

²⁹ Александр Исаевич Браудо: 1864–1924; Кельнер В. Александр Браудо и борьба с антисемитизмом в России в конце XIX — начале XX вв.

³⁰ Александр Исаевич Браудо: 1864–1924. С. 46.

³¹ САНЖР (ЦАИЕНИ). НМ2/7948. Л. 40. Думается, что адреса и имена местных общественных активистов заимствовались из списка провинциальных отделений Общества просвещения среди евреев России. Деятельными членами этого общества были многие будущие руководители Союза полноправия, в том числе и М. М. Винавер.

³² Лавринович Д. С. Деятельность Союза для достижения полноправия еврейского народа в России в Северо-Западном крае.

На съездах «Союза», на совещаниях его Центрального бюро и на страницах его периодических изданий проходили ожесточенные дискуссии о путях политического развития российского еврейства, о тактике депутатов-евреев в стенах Государственной думы. Главным достижением «Союза» стало то, что в 1906 году ему удалось провести в I Государственную думу 12 своих членов и содействовать избранию в нее ряда прогрессивных депутатов. Проблемой организации защиты еврейских национальных интересов как прежде, так и тогда оставалось политическое противостояние различных частей общества, противостояние социальное, идеологическое и даже личностное³³.

Выдвижение кандидатов и сами выборы проходили в ожесточенной политической борьбе среди российского еврейства. I Думу, да и сам «Союз» активно критиковали представители социалистических партий и народнических организаций, в первую очередь Бунда³⁴. Левые силы, в том числе и часть социал-демократов, переоценив свои возможности и готовность «народа» к «полной свободе и демократии», требовали добиваться принятия еще более радикального избирательного закона. Социалистические иллюзии, охватившие еврейское население еще в конце XIX века, привели к тому, что среди значительной его части³⁵ на тот момент господствовали по существу антидемократические, антилиберальные сектантские тенденции. При этом многие верили в социалистическую доктрину, согласно которой еврейский вопрос будет разрешен раз и навсегда только в ходе победоносной, всеобъемлющей социальной революции. А для этого, как полагали многие их лидеры, даже временный союз с «буржуазией» только вреден³⁶.

³³ *Rabinovitch S. Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia. P. 97–119.*

³⁴ См., например: *Александров С. Еврейский вопрос в Думе и «достигатели» // Наше слово (Вильно). 1906. Июль. С. 4–8.*

³⁵ Тем более что значительная масса евреев, проживавших в черте оседлости, была лишена возможности участвовать в избирательном процессе.

³⁶ *Медем В. Д. Из моей жизни. М., 2015. С. 336; Tobias H. J. The Jewish Bund in Russia: From Its Origins to 1905. Stanford, 1972; Mendelsohn E. Class Struggle in the Pale: The Formative Years of the Jewish Workers Movement in Tsarist Russia. Cambridge, 1970.*

В ответ на призывы левого лагеря к бойкоту выборов категорически не согласный с этим М. М. Винавер заявлял: «Как бы Дума ни собралась, какова бы она ни была, мы должны в нее пойти, памятуя, что мы, угнетенная национальность, будем составлять живительный фермент среди всех тех разлагающихся слоев, которые в нее войдут»³⁷.

Полемика на съезде «Союза» по вопросу об участии или неучастии евреев в выборах в Государственную думу завершилась принятием специальной резолюции. В ней подчеркивалось, что, несмотря на повсеместный террор и административный произвол, царящий в стране, «съезд признал национальным долгом русских евреев принимать самое деятельное участие в избирательной кампании». Цель участия в выборах определялась Винавером и его сторонниками необходимостью для евреев «стоять на страже гражданских и национальных интересов и заботиться о том, чтобы они не остались без защиты в будущем собрании народных представителей». Одновременно голосами еврейских депутатов надеялись «усилить состав прогрессивных элементов в Государственной думе». Непосредственно перед выборами Центральное бюро «Союза» выпустило специальное обращение, в котором говорилось: «... наша задача в ближайшем будущем: бороться одновременно за устранение и общих и специальных наших страданий. Благо государства и благо нашего народа — вот двоякая цель предстоящей нам политической деятельности... наши политические идеалы здесь вполне совпадают с нашими национальными интересами. Еврей-избиратель или член Государственной Думы не может работать иначе, как в полном согласии с прогрессивными силами страны». И в то же время документ гласил: «Мы, евреи, должны активно бороться и непосредственно отстаивать свое равноправие и полноправие». Здесь же выдвигалось требование о необходимости достижения «единения всех активных сил еврейского общества... все партии, если им одинаково дороги интересы нашего народа, должны теперь объединиться для совместной дружной деятельности. Равенство всех перед законом, свобода передвижения, промыслов,

³⁷ Протоколы Третьего делегатского съезда Союза для достижения полноправия еврейского народа в России. С. 6.

школьного обучения, общинная и духовная автономия — все это одинаково необходимо для всех классов и групп еврейского народа... Когда эта общенародная цель будет достигнута, наступит время для дробления деятелей на экономические и национально-культурные фракции. Теперь же всякое дробление сил, вместо их сосредоточения, губительно для общенародного дела. И тяжкую ответственность пред обездоленной нацией возьмут на себя те, которые принесут в жертву ближайшие насущные нужды народа ради своих партийный и групповых стремлений»³⁸.

Винавер старался тщательно готовить каждый съезд «Союза». В апреле 1906 он писал сионисту и кадету Г. Я. Бруку в Витебск о том, что приезд «...хорошего представительства из числа евреев-кадетов на съезд... полезно было бы устроить накануне совещание всех евреев, участвующих в партийном съезде, чтобы выступления на съезде по нашим вопросам не было случайным»³⁹.

Наиболее острая полемика происходила во время дебатов по тактическим проблемам думской политики и по требованиям части членов «Союза» создать в Думе собственную национальную фракцию. Большинство депутатов-евреев (9 человек) во главе с М. М. Винавером в Думе присоединилось к представительству Партии кадетов⁴⁰. Противниками подобного решения были сторонники сионистского движения и С. М. Дубнов⁴¹. Особенно возмущался Винавер требованиями сионистов об обязательной дисциплине в еврейской фракции.

Делегаты, выступающие на съезде «Союза» против создания в Думе национальной фракции, к тому времени в основном сами уже состояли в каких-либо политических объединениях, как национальных, так и общероссийских. Винавер даже

³⁸ Department of Manuscripts in the Jerusalem Jewish University. F. 4. 461. № 1190. P. 1.4.

³⁹ Цит. по: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 14–15.

⁴⁰ Позднее М. М. Винавер, оправдывая свою тактику по приданию еврейскому представительству в Думе «кадетской ориентации», написал об этом специальную работу: «Кадеты и еврейский вопрос» (1907).

⁴¹ Кельнер В. Е. «Их цели могут быть высоки, но они — не наши цели». С. 114–132; Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. С. 371–375.

находил в этом «политическом разнообразии» некоторые преимущества. Он говорил: «Я горячий поклонник того, чтобы мы внутри действовали совместно. Но я считаю, что мы не только вправе, но и обязаны в каждой группе и в каждой партии выступать и организовывать общественное мнение. Мы хотим рассыпаться по всем этим группам, повсюду заявлять о нуждах еврейства и там, где нужно, идти не только сомкнутым строем, но и врассыпную»⁴².

Представители «Союза» активно участвовали в работе I Думы, неоднократно пытались поднимать на ее заседаниях вопросы о еврейском равноправии и о противодействии погромам⁴³.

В начале февраля 1906 года в Петербурге прошел Третий съезд «Союза». Он был призван закрепить руководящую роль этой организации на «еврейской улице». Открывая съезд, Винавер еще раз подчеркнул: «Нужно помнить, что наш союз является единственной еврейской организацией, которой приходится взять на себя громадную задачу объединения и сосредоточения сил русского еврейства для использования современной политической конъюнктуры». Далее он говорил, что «в области общего отношения к политическому положению страны нам, после декабрьской реакции, необходимо укрепиться в оппозиционном настроении и конкретизировать его в своих проявлениях»⁴⁴.

Тем не менее, «Союз» проводил свою предвыборную деятельность решительно и настойчиво⁴⁵. Скепсис по отношению

⁴² См. об этом: *Левин В.* Русские евреи и выборы в Государственную думу. Р. 234–235; *Кельнер В. Е.* «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова; Протоколы съезда еврейских общественных деятелей: Союз для достижения полноправия еврейского народа в России. Вильна, 1906; Протоколы второго съезда еврейских общественных деятелей: Союз для достижения полноправия еврейского народа в России. СПб., 1905; Протоколы Третьего делегатского съезда Союза за достижение полноправия еврейского народа в России.

⁴³ *Кельнер В. М. М.* Винавер и еврейский вопрос в Первой Государственной думе // Иудаизм эпохи Второго Храма, ранее христианство и античность: Взаимодействие в истории, литературе и культуре и отражение этого периода в культурной памяти Средних веков и Нового времени. СПб., 2013. С. 176–189.

⁴⁴ Протоколы Третьего делегатского съезда Союза для достижения полноправия еврейского народа в России. С. 2.

⁴⁵ *Гессен Ю.* Предвыборная деятельность в черте оседлости // *Восход*. 1906. № 7. С. 2–5.

к «Союзу» постоянно высказывали и сионисты. Так, еще в феврале 1906 года близкий как к социалистическим, так и к сионистским кругам экономист Бер Бруцкус⁴⁶ писал: «...слабой стороной Союза является его состав. Главной опорой его в провинции является не столько интеллигенция, сколько крупная буржуазия. Присутствие в Союзе, с одной стороны, крупной буржуазии, заражающей его неизлечимым оппортунизмом и с другой — интеллигенции довольно разнообразных, иногда даже радикальных оттенков, создает Союзу крайне неопределенную физиономию. Не отрицая заслуг этого Союза, мы полагаем, что при преобладании в нем крупной буржуазии, левым элементам его, может быть, и не удастся превратить его в демократический союз еврейского народа»⁴⁷.

Пожалуй, на протяжении всей истории деятельности «Союза полноправия» соперничество с сионистами стало одним из главных факторов, определивших конечный результат в работе этой организации. Хотя все это время отношения между либералами и сионистами не были однозначно отрицательными: так, сионисты безусловно поддерживали группу Винавера только в борьбе за участие в избирательной кампании в Думу⁴⁸.

Споры о роли и месте евреев в русском политическом процессе обострились именно в период подготовки к выборам в I Государственную думу. В тот период остро встал вопрос об отношениях между либеральным крылом еврейского национального движения и молодым, набиравшим силу сионистским движением. Тогда явственно проявились и расхождения между либералами и сионистами в вопросах тактики и стратегии еврейского

⁴⁶ Его родной брат Юлий Бруцкус был одним из лидеров российского сионизма тех лет.

⁴⁷ Бруцкус Б. К вопросу о политической организации русского еврейства // Восход. 1906. № 7. С. 6.

⁴⁸ Следует отметить тот факт, что М. М. Винавер, несомненно, был хорошо осведомлен о сионистской идеологии. Среди его первых соратников еще по работе в Исторической комиссии при ОПЕ был палестинофил В. (З.) Берман и один из будущих лидеров российского сионизма Ю. Бруцкус. Сам же Винавер много лет спустя вспоминал, как в 1899 году побывал в качестве наблюдателя на Третьем Всемирном сионистском конгрессе в Базеле и слушал выступление Т. Герцля (Винавер М. Голос не-сиониста // Сверхение: русские сионистские сб. / под ред. М. Ф. Гиндеса. Берлин, 1924. Сб. 1. С. 102).

национального движения на русской политической арене. В основе разногласий между группой Винавера и сионистами было то, что, по его мнению, сионисты «...разрушают веру в спасение здесь [здесь и далее выделено в тексте. — В. К.], ради единственно возможного спасения там. И нигде не чувствовалась так ясно и так сильно, как у нас в России, вся пагубность этого метода»⁴⁹.

Основные положения тактики сионистов в надвигавшихся событиях еще в апреле 1905 года, в противовес либеральным трактовкам, высказал один из лидеров движения — Б. Гольдберг — в статье «Представительство русской земли и интересы еврейского народа»⁵⁰. Он писал: «Краеугольным камнем еврейской самостоятельности станет образование в будущем государственном собрании России самостоятельной *еврейской фракции* [выделено в тексте. — В. К.], которая прямо и открыто, с достоинством и знанием дела боролась бы за приложение интересов еврейской народности тех же принципов права, справедливости и равноподчиненности общим законам страны, к которым стремится весь народ обширной России...»⁵¹ Но уже тогда, весной 1905 года, еще только при обсуждении контуров возможного будущего конституционного порядка в стране, Гольдберг обозначил и главные параметры расхождений с либералами. В той же статье он не без сарказма вспоминал, как на одном из совещаний по выработке еврейской национальной позиции «...один из посевших в защите еврейских дел адвокатов в горячей патетической речи нарисовал нам роскошную картину золотой эры еврейства в России, когда хозяевами страны вместо теперешних бюрократов будут российские либеральные элементы. С большим воодушевлением оратор констатировал отсутствие еврейского вопроса в России — говоря: есть только русский вопрос в еврействе». По словам Гольдберга, этот оратор призвал «сконцентрировать все силы на содействии либерализму и совершенно выкинуть из головы всякого рода еретические помыслы о каком-то еврейском представительстве»⁵².

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Хроника еврейской жизни. 1905. № 8. С. 2–3; № 12. С. 2–4; № 15. С. 2–4.

⁵¹ Там же. № 15. С. 1.

⁵² Там же. № 16. С. 5–6. Возможно, Б. Гольдберг имел в виду Л. А. Куперника, в 1904 году опубликовавшего вызвавшую большой резонанс работу «Еврейское царство» (Киев, 1904).

Сионистское движение в России всей своей идеологией и практикой разрушало эту идиллию. В целом поддерживая демократические и либеральные веяния, сионисты в лице таких его ярких представителей, как В. Жаботинский, Д. Пасманик, А. Идельсон, М. Усышкин, А. Зайденман, Б. Гольдберг в своих выступлениях постоянно подчеркивали тот непреложный для них факт, что формальное достижение полноправия, ликвидация дискриминационного законодательства не только не решат еврейский вопрос, но и не уберегут еврейское население от проявлений массового антисемитизма.

Правда, в то же время социалистические теории успешно разъедали и традиционный сионизм, проявляясь в форме по-алей-сионизма⁵³. Поэтому на этом этапе борьбы у сионистов и либералов был один противник в лице еврейских социалистических партий и организаций.

М. М. Винавер тогда и впоследствии оставался последовательным противником сионизма. В 1924 году он писал о своем отношении к этому направлению еврейской национальной жизни: «Мы переживали годы, когда пробуждающееся к жизни русское еврейство должно было напрягать все силы в борьбе с окружавшим нас мраком и унижением. Такую борьбу можно вести только с чувством искренней любви к родине, с верою в ее внутренние силы, с надеждою в светлое будущее. Отчаяние подсекает в корне правду самой борьбы»⁵⁴. Оценивая ситуацию первого десятилетия XX века и роль сионизма, он подчеркивал, что сионисты «...не ограничивались проповедью Палестины для тех, кого гонят туда внешние условия или кто не может душевно вместить сложного ощущения еврея-гражданина нееврейской страны». По его мнению, «русские сионисты стремились искусственно создавать это настроение, принося в жертву, ради агитационной цели, политические интересы огромного большинства еврейского народа. Они отшатывались сами и отвлекали население от тех политических течений, от которых можно было ждать близкого освобождения. Здесь не было политического принципа,

⁵³ Жаботинский В. Критикам сионизма. Одесса, 1905; Борохов Б. М. Классовые моменты национального вопроса. Одесса, 1906.

⁵⁴ Винавер М. Голос не-сиониста. С. 102.

а лишь стремление ослабить силу тех, от которых можно было ждать спасения, здесь, в диаспоре в России»⁵⁵.

Винавер председательствовал на всех съездах «Союза полноправия». Он умело продвигал свои идеи, отстаивал точку зрения либералов. Главной целью для себя он считал достижение единства еврейского национального движения перед лицом русского общества. В ноябре 1905 года, в дни погромов, выступая на общем собрании ОПЕ, Винавер в качестве председательствовавшего резко изменил ход заседания этой, бывшей до того чисто просвещенческой, благотворительной организации⁵⁶. Он намеренно политизировал ее работу. В ответ на выступления ораторов, предлагавших различные выходы из сложившихся обстоятельств, он заявил: «Всякий хватается за то, что кажется ему наиболее подходящим: одни говорят о революции, другие о сионизме и так далее. Лозунгом всех должно быть равноправие евреев, его необходимо добиваться немедленно, до Государственной думы. Говорят, это может вызвать погромы. Нелепая отговорка! Мы не должны считаться ни с чем. Наше равноправие — первый этапный пункт для дальнейшей работы в деле разрешения еврейского вопроса»⁵⁷.

Российские сионисты никогда не скрывали того, что будут, по возможности, проводить собственную партийную политику. Этот вопрос не сходил со страниц партийной печати с начала 1905 года. Особенно настойчиво заговорили руководители российского сионизма о собственной, самостоятельной национальной политике в преддверии 7-го Сионистского конгресса. Как всегда, перед началом конгресса созывалась специальная «русская конференция», на которой вырабатывалась совместная политическая линия. В июле 1905 года, накануне

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Horowitz B. The Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late Tsarist Russia. P. 181–185.

⁵⁷ Свобода и равенство. 1905. № 47/48. Стб. 37–38. Подробнее о полемике в Обществе просвещения см.: Horowitz B. Victory from Defeat: 1905 and the Society for the Promotion of Enlightenment among the Jews of Russia // The Revolution of 1905 and Russia's Jews / ed. by S. Hoffman, E. Mendelsohn. Philadelphia, 2008. P. 79–95; Horowitz B. Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late-Tsarist Russia; Horowitz B. Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th and Early 20th- Century Russia. Bloomington, 2009.

такой конференции, В. Жаботинский опубликовал специальное письмо, в котором сформулировал свою позицию, которую затем неизменно отстаивал на протяжении всего этапа своей «русской» деятельности. Он предлагал выработать несколько принципов, которые, по его мнению, следовало бы положить в основу всей работы в России. Он считал необходимым полностью использовать всенародную борьбу за полноправие и при этом сосредоточиться исключительно на работе среди еврейства⁵⁸. Цель всей политики сионистов он формулировал как «независимое политическое самоопределение еврейства»⁵⁹.

Но подобная позиция не устраивала представителей либеральных кругов. Антисионистский настрой был особенно силен в петербургском еврействе. На еврейском митинге 22 ноября 1905 года, состоявшемся уже после массовых еврейских погромов, пик которых пришелся на октябрь, зал, где преобладали представители либерального спектра еврейского национального движения, попытался устроить обструкцию известному сионистскому деятелю М. Усышкину. Свистом и улюлюканьем встретили они его слова: «Еврейский народ не должен и не может доверять свои судьбы никому, кроме себя, ни либералам, ни радикалам, ни даже российской социал-демократии»⁶⁰.

Следующее подобное собрание, созванное «Союзом Союзов» в Соляном городке, состоялось 6 ноября 1905 года. Согласно отчету полицейского агента, председательствовавший на нем М. Винавер «останавливал прямые антиправительственные речи». Но тут же «шел сбор средств на вооруженное восстание, и распространялась нелегальная, подрывная литература»⁶¹.

Постоянным камнем преткновения в отношениях между либералами и сионистами был вопрос о создании в будущей Думе национальной фракции⁶². Первоначально в этом вопросе

⁵⁸ Хроника еврейской жизни. 1905. № 25. С. 10.

⁵⁹ Там же. С. 45.

⁶⁰ Там же. № 46. С. 8–10.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции. Особый Отдел. Оп. 233. 1905. Ед. хр. 999. Часть 13. Л. 78–79.

⁶² Кельнер Ст. Союз для достижения полноправия еврейского народа в России и еврейское национальное представительство в Государственной думе // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1997. № 3 (16). С. 27–50.

все же удалось достигнуть некоего консенсуса, но в дальнейшем эта проблема стала тем яблоком раздора, которое разрушило их хрупкое единство⁶³.

В ноябре 1905 года на Втором съезде «Союза полноправия», в момент, когда российское еврейство переживало невиданный до того времени размах погромов, охвативших всю страну, В. Жаботинский, обращаясь к господствующим на этом собрании либералам, говорил: «Поймите безвыходность нашего положения и бросьте надежду на то, что вам кто-нибудь поможет. Вблизи нас тысячи людей, но когда мы заговорим о своих нуждах, они оглохнут, промолчат, они нас не услышат и не поймут. Только одна группа нас услышит — это еврейский народ»⁶⁴.

Выборы в I и во II Государственную думу проходили не только в условиях погромов, нетерпимости и антисемитской агитации, но и при прямом вмешательстве со стороны местной администрации⁶⁵. Особенно отчетливо это проявилось в городах и местечках черты еврейской оседлости. Здесь столкнулись интересы евреев с коренным русским, украинским, белорусским

⁶³ Жаботинский В. К вопросу о нашей политической платформе // Еврейская жизнь. 1905. № 11. С. 1–5. Вопрос об отдельной фракции возник еще на Первом съезде Союза. Он был поставлен Б. Гольдбергом. По воспоминаниям М. Кроля, «большинство съезда отбросило это предложение» (Кроль М. А. Страницы моей жизни. С. 394). Окончательное размежевание по этому вопросу произошло в мае 1906 года на Четвертом съезде Союза. Сионисты потребовали создания такой фракции и победили с 57 голосами против 44. Группа делегатов во главе с московским адвокатом В. О. Гаркави была категорически против этого решения и грозила выходом из Союза. Полемика приобрела такой характер, что Винавер даже отказался быть председателем на этом заседании. В итоге сторонники фракции предложили компромиссную резолюцию: «Съезд находит нужным, чтобы все еврейские депутаты в Думе основали одну группу, которая будет действовать солидарно по всем вопросам еврейского равноправия... Члены группы не связаны ни дисциплиной, ни какими-либо обязательствами. В полном сознании своего национального единства, они вырабатывают принципы, в соответствии с которыми будут координировать свою деятельность» (Там же. С. 412–413).

⁶⁴ Цит. по: Так говорил Жаботинский: Из протоколов съезда Союза за достижение полноправия еврейского народа в России / публ. и коммент. Х. Фирина // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1993. № 4. С. 187.

⁶⁵ Лавринович Д. С. Деятельность Союза для достижения полноправия еврейского народа в России в Северо-Западном крае.

и польским населением, интересы крестьян, ремесленников, торговцев и помещиков⁶⁶.

В I Думе избранные в нее евреи разошлись по разным фракциям⁶⁷. Большинство евреев-депутатов под руководством Винавера присоединилось к кадетам⁶⁸. Представители этой фракции и стали главными действующими лицами в специальной комиссии, призванной, среди других национальных вопросов, обсудить и еврейскую проблему⁶⁹. Сам Винавер, участвуя во всех ее заседаниях, выступал с обоснованием исторического права евреев пользоваться всеми благами коренных россиян. 13 мая 1906 года, выступая с думской трибуны, он, подчеркивая единение евреев со всем населением страны, сказал: «Господа, Россия дорога всем национальностям, ее населяющим. Они знают, что, оросив ее поля своею кровью, обогрив ею все пути освободительного движения, они вправе считать себя ее сынами, и я не сомневаюсь, что настанет час, когда они, сплотившись все вместе, связанные узами любви, будут отстаивать общие интересы единого отечества...»⁷⁰

Главными докладчиками и ораторами, выступающими по этому вопросу в думской комиссии, были русские по национальной принадлежности члены Партии кадетов⁷¹. Отсутствие собственной национальной фракции привело к тому, что еврейский вопрос в Думе постоянно тонул в череде иных вопросов. Конечно, перед депутатами стояли такие глобальные проблемы, как аграрная и рабочая. Необходимо было в условиях охвативших страну восстаний срочно добиться запрета на смертную казнь. Но при всем при этом симптоматично, что даже дебаты

⁶⁶ Наиболее подробно см. об этом: *Слиозберг Г. Б.* Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 180–199; *Андреев И. В.* М. Я. Острогорский: жизнь и труды основоположника современной партологии. С. 120–134; С. 163–184.

⁶⁷ *Gassenschmidt Ch.* Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia. P. 19–37.

⁶⁸ *Horowitz B.* Maxim Vinaver and the First Russian State Duma: (the article in print). [Любезно предоставлено автором, профессором Tulane University (USA) Б. Хоровицем.]

⁶⁹ *Кельнер В. М. М.* Винавер и еврейский вопрос в Первой Государственной думе. С. 176–189.

⁷⁰ Государственная дума: полный стенографический отчет. Созыв I. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. С. 339.

⁷¹ Там же.

по Белостокскому погрому неоднократно прерывались и откладывались. Значительная часть лояльно настроенных депутатов внутренне не была готова к обсуждению проблем еврейского полноправия. Казалось, что это может внести разлад в хрупкое межфракционное равновесие, тем более что это был вопрос, пользовавшийся «особым» отношением со стороны властей. Как подозревал сам М. М. Винавер, недаром роспуск Думы состоялся как раз накануне очередного специального заседания с участием П. А. Столыпина, на котором ожидалось выступление депутатов, вернувшихся из поездки в Белосток⁷². В итоге Винавер сосредоточился на работе в специальной комиссии, призванной выработать новое законодательство, в котором решались бы проблемы национального и вероисповедального равноправия. Накануне начала работы этой комиссии, состоявшей из 33 человек, Винавер, как обычно, провел предварительную работу. Он в индивидуальном и во фракционном порядке встретился с членами комиссии, представлявшими разные политические направления. В ходе этих встреч были разработаны предложения к законам, касавшимся гражданского равенства⁷³. Комиссия о равенстве представляла собою в миниатюре всю Государственную думу. Главное ядро ее составляли, по словам самого Винавера, «лучшие силы партии народной свободы (Петрункевич, Набоков, Родичев, Кокошкин, Котляревский, Новгородцев, Петражицкий и др.)»⁷⁴, затем шли трудовики. От правых вошли в комиссию октябристы: гр. П. А. Гейден, М. А. Стахович, Н. Ф. Румянцев. Кроме того, в составе комиссии были и руководители Партии демократических реформ: М. М. Ковалевский и кн. С. Д. Урусов. Национальные группы в Думе представляли в комиссии поляки, евреи, мусульмане, украинцы, литовцы, латыши, грузины. Во главе комиссии стоял председатель думской фракции кадетов И. И. Петрункевич; товарищем председателя был избран кн. С. Д. Урусов⁷⁵, заменивший вскоре Петрункевича.

⁷² Винавер М. Конфликты в Первой Думе. СПб., 1907. С. 182.

⁷³ Там же. С. 6–7.

⁷⁴ Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 1.

⁷⁵ Урусов С. Д. Три года государственной службы. М., 2009. С. 618.

На специальных заседаниях они рассмотрели законы, ограничивавшие права россиян по национальному и религиозному признакам. Никаких прений не возникло при обсуждении требований ликвидации антипольских статей законодательства. 1 июля 1906 года прошло заседание, на котором началось обсуждение еврейского вопроса. Со специальным докладом выступил считавшийся формально беспартийным депутат от Гродненской губернии юрист М. Я. Острогорский. Он дал анализ законов, определявших право жительства евреев⁷⁶.

Винавер принял самое активное участие в обсуждении всей проблематики, касающейся гражданского равенства. При этом он зорко следил за тем, чтобы еврейский вопрос оставался в центре дебатов. Именно он оппонировал главному противнику немедленного решения Думой еврейского вопроса графу П. А. Гейдену. Гейден — авторитетный «октябрист», тесно связанный с праволиберальными кругами как в обществе, так и в правящей верхушке, стремился отложить даже само обсуждение еврейского вопроса. Он считал этот вопрос «слишком сложным и жгучим». В ответ Винавер сказал: «Еврейский вопрос, говорите Вы, жгучий, но жгучий, вероятно, более всего для нас, для тех, кто страдает, и он становится все более жгучим по мере того, как, под предлогом сложности, его Вы отсрочиваете»⁷⁷. Помимо Винавера в комиссии также активно выступали и такие депутаты-евреи, как либерал М. Я. Острогорский, сионисты Ш. Левин и С. Я. Розенбаум. Но в то же время, согласно некоему внутрипартийному тактическому «договору», основными ораторами по этому вопросу были русские депутаты Ф. Ф. Кокошкин, Ф. И. Родичев, И. И. Петрункевич, М. М. Ковалевский и другие представители прогрессивных либеральных и демократических сил.

Для еврейского вопроса черед наступил 7 июля. Первое заседание решили посвятить краткому историческому введению и изложению вопроса о праве жительства. Винавер вспоминал о том, что введение в историю вопроса было сделано именно им:

⁷⁶ Деятельность М. Я. Острогорского в Первой Государственной думе. СПб., 1907; Андреев И. В. М. Я. Острогорский: Жизнь и труды основоположника современной партологии. С. 157–158.

⁷⁷ Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 2.

«Помню, как с первых же слов этого введения, когда я сказал, что евреи уже в первом веке по Р. Х., т. е. за восемь веков до пришествия варягов, заселяли Россию, — депутат Стахович, бросивши перо, которым он что-то записывал, приподнялся с места и, с изумлением глядя на меня, переспросил, не ослышался ли он, а гр. Гейден, положив очки на стол, попросил не отказать в любезности сообщить, где и как сие могло случиться»⁷⁸. В ответ Винавер отослал их к известным уже тогда многочисленным археологическим находкам, сделанным в Причерноморье, и к некоторым экспонатам, хранящимся в Эрмитаже.

В целом комиссия сформулировала свои рекомендации. В них еврейский вопрос должен был быть разрешен в общем потоке реформирования российского законодательства наравне с другими идентичными проблемами: сословным и женским равноправием, польским вопросом и так далее. Винавер в специальной статье о работе этой комиссии говорил, что «еврейский вопрос не выдвигался в ней на первый план специально. Он обсуждался и решался наряду с другими проблемами равноправия, в очередь с польским, женским, сословным и прочими вопросами». Винавер оправдывал эту тактику еврейских представителей следующим образом: «...еврейские депутаты, отвечали именно с точки зрения еврейского вопроса, — но, во исполнение общего соглашения, держались строго в возможно тесных пределах спора, как он формулирован самим гр. Гейденом. Каждую минуту спор грозил выйти из первоначального русла, разрушая, таким образом, весь план, направленный к ускорению дела и к сосредоточению внимания на решительном моменте. Но после трех, сравнительно кратких заседаний, мы проплыли, — как нам казалось, счастливо, — между Сциллой и Харибдой и 8 июня сдали проект в Комиссию»⁷⁹.

На этих заседаниях проявилось и еще одно расхождение между сионистами и либералами. Если либералы в лице Винавера полностью следовали линии Партии кадетов и готовы были рассматривать еврейский вопрос в едином «пакете» с другими проблемами равенства всех национальностей империи, то

⁷⁸ Там же. С. 5.

⁷⁹ Свобода и равенство. 1907. № 3. С. 5.

сионисты настаивали на особом характере еврейского равноправия и требовали его первоочередного разрешения⁸⁰.

Комиссия так и не завершила своей работы. Государственная дума первого созыва, в которой на тот момент прогрессивные, реформаторские силы имели конституционное большинство, в течение нескольких месяцев не могла приступить к дебатам по этим проблемам. Обсуждение еврейского вопроса в Думе осложнилось проходившими практически параллельно с работой комиссии дебатами по Белостокскому погрому. Особенностью этого погрома было то, что участие в нем приняли солдаты местного гарнизона⁸¹.

На заседаниях самой Государственной думы Винавер лишь однажды публично высказался по еврейскому вопросу. На знаменитом заседании в ходе обсуждения отчета Думской комиссии по расследованию событий, связанных с еврейским погромом в Белостоке, он огласил основную концепцию еврейских либеральных кругов в отношении судеб своего народа в России. Не выходя за рамки строго ограниченной партийной тактики, он заявил: «Мы глубоко убеждены, что не русский народ нам враждебен, а эта клика, которая для своих целей желает восстановить против нас народ. Преступно слепые, они не замечают, что подтачивают не только нас, но здоровое тело огромной массы русского населения, подтачивают весь государственный организм... Нас очень мало, но у нас есть один союзник — это исполненный истинной человечности весь русский народ»⁸².

Обвинения местных властей и армии в организации и участии в погроме, звучавшие со стороны еврейских и некоторых русских депутатов, не могли способствовать нормальному ходу парламентских слушаний⁸³. Депутат от Гродненской губернии

⁸⁰ Винавер М. Кадеты и еврейский вопрос. С. 5–6.

⁸¹ Дело о погроме в Белостоке 1–3 июня 1906: обвинительный акт, судебное следствие и речи поверенных гражданских истцов, присяжных поверенных В. П. Вейсмана, Г. Д. Скарятин и А. И. Гиллерсона. СПб., 1909.

⁸² Там же. С. 5.

⁸³ Государственная дума. Созыв I. Сессия I. Т. 2. Стб. 1630–1640. Ведь для значительной части депутатов «честь русской армии» имела сакральное значение. И потому, когда В. Р. Якубсон в своем выступлении в ответ на заявления о том, что армия открыла огонь по еврейской самообороне только в ответ на стрельбу с ее стороны, не без сарказма предположил, что «русско-японская война оказала

и член «Союза полноправия», чиновник Министерства юстиции М. Я. Острогорский даже побывал по этому поводу на приеме у тогдашнего министра внутренних дел П. А. Столыпина⁸⁴. Министр, как водится, отделался лишь заявлением о своих «добрых намерениях». К тому времени еврейские лоббистские перспективы уже значительно сузились.

Таким образом, рассмотрение сути предложенного комиссией реформирования законодательства затягивалось. Но, как известно, история не отпустила русской демократии времени, необходимого для решения этого вопроса. Просуществовав 72 дня, Дума была насильственно распущена 8 июля 1906 года.

Сам Винавер накануне открытия уже II Думы, согласно своим идейным установкам, писал об итогах дебатов по еврейскому вопросу: «Еврейского вопроса» собственно не было в первой Государственной Думе. Был вопрос о выпрямлении того уродливого государственного организма, порождением которого явился «еврейский» вопрос на фоне русской жизни. Как интегральная часть задачи обновления гражданского строя, он сразу стал краеугольным камнем всей основной работы Думы. Многих это, может быть, не удовлетворило; многим казалось приятнее получить равноправие попросту, под рубрикою закона, отменяющего конкретные ограничения прав евреев. Другие склонны были видеть в таком плане работы только результат некоей мелкотканной дипломатии, к которой можно относиться, смотря по темпераменту, или с похвалой, или с осуждением. На самом деле задача была так поставлена, и — что главное — в такой постановке принята Думою, потому, что в таком величавом и стройном виде она соответствовала тому масштабу государственного строительства, по которому работала Первая Государственная Дума»⁸⁵.

скверную услугу нашим войскам, научив их бояться выстрелов», реакция не только правой части Думы, но и многих нейтральных депутатов оказалась предельно негативной (Там же).

⁸⁴ Описывая этот прием, М. Я. Острогорский не скрывал своего отрицательного мнения о П. А. Столыпине. Он сказал: «Я видел перед собой министра, горизонт которого ограничен материально и нравственно....» (Государственная дума. Созыв I. Сессия I. Т. 2. Стб. 1784–1786).

⁸⁵ Там же.

Винавер, судя по всему, имел завышенные ожидания относительно возможностей Государственной думы. Хотя к этому моменту уже было ясно, что «ответ улицы» на обретение «свободы» позволил самодержавию в кратчайший срок «прийти в себя», реорганизовать свои силы и практически нейтрализовать реформистов, представленных в Государственной думе⁸⁶.

Винавер, как известно, подписал «Выборгское воззвание» и был лишен в дальнейшем права избираться в Государственную думу. Во всех последующих Думах евреи были представлены не более чем 2–3 депутатами. Кадеты и представители иных антимонархических сил уже не имели былого численного превосходства. В еврейском вопросе, как и во многих других, они были вынуждены занимать оборонительные позиции, отражая яростные нападки правых, консервативных сил. В итоге все разговоры о еврейском равноправии становились «несвоевременными» и не соответствующими тактике «бережения Думы».

Изначально отметим дуализм Винавера. Он на протяжении десятилетий пытался совместить работу в качестве национального лидера с участием в руководстве Партией кадетов. В условиях российской действительности начала XX века это не могло не привести его к тяжелым моральным потерям. Подобная политическая тактика вольно или невольно сделала еврейский вопрос заложником различных тактических построений.

Во многом прав оказался выходец из богатой московской еврейской семьи, видный деятель Партии социалистов-революционеров И. Фондаминский, когда в 1916 году, оценивая события 1905–1907 годов, резюмировал: «Трагедия русского освободительного движения состояла в том, что никогда это движение не было движением общенародным, никогда оно не могло выставить действительно общенародного лозунга, никогда не могло объединить в общем порыве все живые силы страны. Всегда внутренние антагонизмы классов и групп, принимавших участие в освободительном движении, оказывались сильнее

⁸⁶ Недаром один из лидеров монархистов В. В. Шульгин позднее, уже в эмиграции, якобы заявил: «Еврейскими погромами мы остановили первую революцию» (цит. по: Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 219).

тех объединительных тенденций, к которым влекла совместная борьба со старым режимом; всегда борьба с общим врагом сталкивалась и в значительной мере парализовалась борьбой внутри самого освободительного движения»⁸⁷.

⁸⁷ Цит. по: Черняев В. Ю. Как старый подпольщик встретил своего Христа: И. И. Бунаков (Фондаминский) в России и в эмиграции // Политическая истории России XX в.: К 80-летию проф. В. И. Старцева: сб. науч. статей. СПб., 2011. С. 394.

Глава 5

АПИКОЙРЕС, ИЛИ МУЖ СОВЕТА

Как мне нести одному вашу тягость, ваше бремя и ваш раздор! РаШи: Ваше бремя — учит, что [евреи] были апикойресами: если Моше рано выходил (из шатра), они говорили: «С чего это сын Амрама вышел? Наверное, что-то неладно у него дома!» Поздно вышел, — они говорили: «С чего это сын Амрама не выходит, как вы думаете? — Сидит и затевает против вас недоброе и задумывает что-то».

РаШи

Комментарий к Торе. «Дварим»

1:12

Российское еврейство в 1906 году сумело направить в I Государственную думу 12 депутатов-евреев. Еще два депутата-еврея — М. Я. Герценштейн и З. Г. Фрумкин — будучи православными, по действующим законам империи евреями не числились. Большинство из них, даже сионисты, присоединились к кадетской фракции. Три депутата — Л. М. Брамсон, М. Р. Червоненкис и В. Р. Якубсон — вступили во фракцию трудовиков. Известный ученый, специалист в области государственного права М. Я. Острогорский остался внефракционным депутатом. Сам М. М. Винавер избирался от Санкт-Петербурга при поддержке Конституционно-демократической партии и «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России». Хотя «Союз полноправия» и предлагал ему выдвигаться от Вильно, он, став уже в тот момент одним из руководителей Партии кадетов, предпочел стать не «еврейским депутатом», а представителем российской политической партии, которой прочили большое будущее¹.

¹ Издатель, режиссер, критик и политический журналист А. Р. Кугель, бывший еще с молодых лет многолетним приятелем правого, антисемитствующего

В то же время по настоянию Винавера «Союз полноправия» был призван аккумулировать все национальные силы для того, чтобы провести в Думу не только как можно больше евреев, но и содействовать избранию в нее представителей прогрессивных общероссийских партий, тех, кто открыто декларировал свою поддержку еврейским национальным требованиям. Можно сказать, что «идеей фикс» Винавера было убеждение в том, что еврейское равноправие может быть достигнуто только при условии органичного включения еврейских национальных требований в общий контекст политической линии прогрессивной общественности в борьбе за всеобщее гражданское равноправие. Это, в свою очередь, требовало отказа или значительного добровольного ограничения на проведение самостоятельной «еврейской политики». Среди прочего наиболее остро дебатировалось в «Союзе» категорическое требование Винавера и его сторонников отказаться от создания в Думе собственной национальной фракции². В итоге дело борьбы за равноправие евреев

публициста, литератора и правительственного чиновника, выкреста И. Я. Гурлянда, вспоминал, как на рубеже 1905–1906 годов тот пришел к нему в панике со словами, что, по слухам, Винавер скоро будет министром юстиции, и тогда «нас всех погонят». Видимо, это было в тот момент, когда действительно шли негласные переговоры об участии в правительстве представителей Партии кадетов (Кугель А. Р. Литературные воспоминания. С. 106.).

Драматург О. Дымов писал о настроениях части русско-еврейской интеллигенции в тот период: «Вспоминаю разговор, произошедший между ним [Кугелем]: “Россия, — говорил Кугель, — напоминает мне большой караван хлеба. Сверху на хлеб намазан тонкий слой масла, которое еле-еле можно увидеть. Это мы, интеллигенция. Когда этот кусок хлеба упадет, естественно, маслом вниз, что с нами станет? Мы будем первые, кого сотрут в порошок”. “Верно”, — ответил Гурлянд, — “так не трогайте хлеб. Пусть он себе лежит в избе, не лезьте к нему”» (цит. по: Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... Т. 1. С. 281).

Слухи эти были столь стойкими, что в те месяцы на Винавера в печати появилось множество карикатур (Милюков П. Н. Воспоминания. С. 218–219).

² Левин В. Русские евреи и выборы в Государственную думу; Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова; Протоколы съезда еврейских общественных деятелей: Союз для достижения полноправия еврейского народа в России; Протоколы второго съезда еврейских общественных деятелей: Союз для достижения полноправия еврейского народа в России; Протоколы Третьего делегатского съезда Союза за достижение полноправия еврейского народа в России. Сионисты хоть и присоединились к фракции кадетов, все же оставались этим фактом недовольны. Так, один из лидеров этой фракции И. И. Петрункевич вспоминал, как сионист Г. Брук «обвинял нас в Государственной Думе в том, что

оказалось в руках достойных и благожелательно настроенных депутатов от прогрессивных партий — кадетов и трудовиков, тем более что ряд течений радикального русского и еврейского социалистического крыла выборы в Думу бойкотировал. Они продолжали настаивать на том, что избирательный закон не является демократическим, то есть выборы не были ни прямыми, ни тайными, ни всеобщими. Это вольно или невольно сделало еврейский вопрос в Государственной думе заложником различных тактических построений. В то же время нельзя забывать, что все эти события проходили на фоне массовых еврейских погромов³. Годы спустя сам Винавер характеризовал это следующим образом: «Неразумие власти сопровождалось и неразумием общества. В те самые дни, когда по 100 городам России прокатились инициированные правительством и черной сотней погромы, дрогнула только что сомкнувшаяся рать общественных деятелей: произошел печальный откол от только что образованной партии — первый предвестник печального раздвоения, загубившего в следующем году первую Думу»⁴.

Винавер к тому моменту уже выдвинулся в число руководителей Конституционно-демократической партии. Он принимал самое активное участие в разработке тактики партии и ее основополагающих документов, выступал на съездах и конференциях, создавал партийную печать. От имени партии он не раз вел переговоры с возможными союзниками, представителями

мы превратили их в депутатов “третьего сорта и лишили их возможности выступать”» («Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг. Т. 8. С. 204).

Острогорский Моисей Яковлевич (1854–1921) — юрист, социолог, историк. Избирался в I Государственную думу при поддержке Союза за полноправие евреев в России. В Думе не входил ни в одну из фракций, хотя и был более всего близок к кадетам. Впоследствии в Думу не избирался (см.: *Андреев И. В. М. Я. Острогорский: Жизнь и труды основоположника современной партологии*).

³ Известный правый политик и публицист, депутат II–IV Государственной думы В. В. Шульгин спустя много лет признался: «Еврейскими погромами мы остановили революцию» (цит. по: *Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет*. С. 219). Отмечу попутно, что ту же мысль, но гораздо раньше, еще в 1906 году высказал В. Жаботинский в статье «Еврейская крамола» (Фельетоны Вл. Жаботинского. СПб., 1913. С. 40).

⁴ Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library. Maksim Moiseevich Vinaver. Papers. Box 1. F. 59.

других партий и организаций. Именно ему партия поручила написать проект думского адреса для предоставления его царю. Член ЦК Партии кадетов Тыркова-Вильямс писала позднее: «По поводу адреса вспоминается еще одна черточка, характерная для царившего между властью и обществом непонимания. В кадетской фракции проект адреса докладывал М. М. Винавер. Его текст принимался почти без прений. Считалось несомненным, что надо указать, что Дума созвана по плохому избирательному закону, повторить в адресе всю либеральную программу. Надо скорее, скорее провести адрес через Думу и поручить Муромцеву представить его царю. Надо все делать быстрее, скорее. Народ не ждет. Винавер читал с адвокатским пафосом и подчеркиваниями. Меня удивил неестественный, напыщенный стиль адреса.

Я спросила:

— Почему это написано таким славянским слогом? Поелику, потолику, поныне. Зачем это. Кто это писал?

Винавер, подавляя самодовольную улыбку, пояснил:

— Это я писал. Я это нарочно. Так царю будет понятнее.

Он привык к такому слогу.

Я пробовала возражать, но моя щепетильность словесницы разбилась о высокий юридический авторитет Винавера. А я, глядя на него, с недоумением соображала, как этот человек, вероятно, выросший в небольшом польском городке, может знать привычки и вкусы русского царя? Да и кто среди нас знал привычки и мысли Николая II? Начались заседания. Вся Россия услышала»⁵.

Товарищ Винавера по партии В. А. Оболенский так описывал личность Винавера на тот момент, как он предстал в Государственной думе перед российской общественностью: «Наружность у него была невзрачная: маленький, щупленький, с неопределенными чертами бледно-желтого лица и с неопределенного цвета седеющей бородкой. Он обращал на себя внимание лишь непропорционально большой головой. В этой голове с огромным

⁵ Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. С. 255–256. Отметим, что А. В. Тыркова-Вильямс была столь «внимательна» к Винаверу, что даже десятилетия спустя не знала о том, что он закончил Варшавский университет и к тому времени жил в Санкт-Петербурге уже около 25 лет.

шишковатым лбом было что-то сократовское. А из-под нависших надбровных дуг смотрели на вас умные, серые, пронизательные глаза... Это был один из умнейших людей, каких я встречал в своей жизни. Ум его обладал чрезвычайной ясностью. Не отвлеченный ум, обычно питающийся априорными абстракциями, а конкретно логический, который к тому же изощрился в юридических тонкостях гражданских процессов. Никто лучше Винавера не мог логически доказать наименее доказуемое. Речи его были блестящи по форме и насыщены содержанием. Все в них было четко, выпукло и убедительно. Он с необыкновенной легкостью умел затушевывать в них слабые стороны защищаемого им положения и направлять мысль слушателей на сильные его стороны. Чрезвычайно обходительный в личных отношениях, умевший, если нужно, незаметно польстить своему собеседнику и поиграть на слабых струнах его души, Винавер был незаменим в переговорах с другими политическими группами, в особенности с левыми. Своей тонкой диалектикой он добивался совершенно удивительных результатов, заставляя своих противников сдавать позицию за позицией и при этом, внушая им, что не они ему, а он им уступил...»⁶

Еврейские национальные чаяния в Думе стали частью общих требований по реформированию русского репрессивного законодательства в отношении представителей всех народов и вероисповедальных групп как части закона о гражданском равенстве⁷. Впервые в Думе эти требования открыто прозвучали в «Ответе на тронную речь». М. М. Винавер, будучи одним из авторов этого документа, постарался предельно радикализировать

⁶ Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. С. 365–367. Совсем иной портрет Винавера рисует М. Шагал, который юным, начинающим художником почти год жил в его доме в Петербурге: «Всматривались ли вы в его переливчатые глаза, его ресницы, ритмично опускавшиеся и подымавшиеся, в его тонкий разрез губ, светло-каштановый цвет его бороды пятнадцать лет тому назад, овал лица, которого, увы, я, из-за моего стеснения, так и не успел нарисовать. И хоть разница между моим отцом и им была та, что отец лишь в синагогу ходил, а Винавер был избранником народа, — они все же были несколько похожи друг на друга. Отец меня родил, а Винавер сделал художником. Без него я, верно, был бы фотографом в Витебске, и о Париже не имел бы понятия» (*Шагал М. Избранник народа: Памяти М. М. Винавера*).

⁷ Думский сборник. СПб., 1907. С. 281–296.

его содержание. В частности, в нем говорилось: «Ни свобода, ни порядок, основанный на праве, не могут быть прочно укреплены без установления общего начала равенства всех без исключения граждан перед законом»⁸. На Винавера и его товарищей по фракции сразу же обрушился шквал критики, как справа, так и слева⁹. Главным из того, что предъявили им критики,

⁸ Цит. по: *Винавер М.* Кадеты и еврейский вопрос. С. 5.

⁹ Одним из самых последовательных и постоянных недоброжелателей Винавера была активный член Партии кадетов, публицист А. В. Тыркова-Вильямс. В своих мемуарах и дневниках она неоднократно его упоминала. Отдавая должное таланту и энергии Винавера, она не могла скрыть своей природной юдофобии: «Видный адвокат, образованный юрист, он сливался умением ловко подбирать и строить свои доводы. Говорил он, как опытный судебный оратор. Но чего-то в нем не хватало, чтобы стать трибуном, хотя его честолюбие этого настойчиво требовало... Это был успешный петербургский адвокат с богатой практикой. Хороший оратор, умный, ловкий, искренний защитник правового строя. Но его дразнил бес тщеславия. Он любовался каждым своим словом, каждым жестом и, что удивительнее всего для такого умного человека, этого самоуслаждения даже не старался скрыть. Винавер мечтал стать руководителем кадетской партии. Ему это не удалось. Не могло утаться... Но к Винаверу прислушивались. У него была очень ясная голова. Он бывал очень полезен при обсуждении запутанных вопросов, особенно юридических» (*Тыркова-Вильямс А. В.* На путях к свободе. С. 240; 255–256).

Ей вторил и человек из другого лагеря, правый журналист и думский корреспондент ряда консервативных газет С. И. Смирнова-Сазонова, писавшая: «Винавер — не очень сильный политический оратор. Ему много портит однообразная и неуклюжая жестикуляция указательным перстом. В его речи нет простоты и сколько-нибудь искреннего воодушевления. Сравнения отзываются чисто восточной преувеличенностью, пересолом» (Слово. 1906. 17 март. С. 3). (Любезно сообщено О. А. Патрикеевой).

Возможно, и действительно в Винавере его товарищи по партии, как правило, люди дворянского, а то и аристократического происхождения, не прошедшие его школу «унижения», видели некое обостренное «изгойство». Ведь даже такой благожелательный человек, как В. А. Оболенский, писал о нем: «...он был исключительно тщеславен. Его природный ум и естественная тактичность не могли скрыть мелкого тщеславия. Оно выпирало наружу по каждому поводу... Этот мелкий недостаток крупного человека очень мешал его политической карьере. Тщеславие, умело скрываемое, часто помогает карьере, но гипертрофия тщеславия, которое скрыть нельзя, вредит ей. Так было и с Винавером. Я не сомневаюсь, что в своей общественной деятельности он руководствовался мотивами главным образом идейного характера. Но благодаря тому, что мелочное тщеславие проходило красной нитью через все его действия, его многие считали неискренним и не доверяли ему. Большой ум выдвинул его в первые ряды политических деятелей, но все же он больше оставался в тени, чем того заслуживал. Был незаменимым “мужем совета”, но не мог стать вождем» (*Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. С. 365–367).

было обвинение в том, что кадеты отказались от своих прежних обещаний — требовать от властей изменения избирательного закона, то есть введения выборов прямых тайных и равных, без различия пола, национальности и вероисповедания. Винавер долгое время был полностью вовлечен в эту дискуссию¹⁰.

Всецело к лоббированию интересов российского еврейства в Думе ему пришлось вернуться с началом работы специальной комиссии. Годы спустя, уже находясь в эмиграции, Винавер дал конфиденциальный отзыв на книгу С. М. Дубнова «Евреи в царствование Николая II (1894–1917)». В частном письме историку и бывшему коллеге-противнику по политической борьбе он писал: «При оценке событий последних 10 лет (1904–1914), в течение которых судьбы еврейства становятся в зависимость не от правительства только, но и от того, что Вы именуете либеральным русским обществом, необходимо было ближе подойти к этому обществу, к отдельным его течениям и к скрещиванию их с еврейскими интересами. Русский либерализм для Вас общая скобка; между тем он тоже был в движении, да и внешние события ставили его в разнообразные положения. Со всем этим еврейская политика обязана была считаться. Переход от разрозненных либеральных речей и совершенного незнания подлинного еврейства к *политическим актам* [выделено в тексте. — В. К.] первой Думы вовсе не был так прост и легок, как может это казаться без изучения внутренних процессов в русском обществе. Достаточно сказать, что мы имели дело в 1-й Думе с массой русского крестьянства (свыше ста человек) — крестьянства внутренней России, впервые встречающегося с еврейской проблемой; с этим крестьянством либерализм считался, побаивался его, ибо это была карта, на которую ставило и правительство, и общество. «Либерализм» надеялся воспитать это крестьянство, но для этого недостаточно было тех двух месяцев, которые прожила Дума»¹¹.

15 мая 1906 года в Думу был внесен подписанный 151 депутатом законопроект о гражданском равноправии. Для того чтобы априори не подвергать работу комиссии обструкции со

¹⁰ Винавер М. Конфликты в Первой Думе.

¹¹ Цит. по: В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 284–286.

стороны правых сил, Винавер и сам явился если не инициатором, то безусловным сторонником того, чтобы вопрос о еврейском равноправии оказался затерян среди иных проблемных задач. Страсти в Думе разгорелись еще при определении состава комиссии и ее целей. Еврейская проблема явно специально не делалась центральной. Если евреи и упоминались, то только в связи с необходимостью распространить основы гражданского равенства и на этот народ. Говорили товарищи Винавера по кадетской фракции: И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, Е. Н. Щепкин, Ф. Ф. Кокошкин. Сам Винавер лишь время от времени заявлял о себе публично только едкими комментариями к выступлениям правых депутатов¹². Они высказывали мысль о том, что большинство русского населения страны готовящееся уравнивание в правах не поймет и не примет. Наиболее отчетливо «еврейский голос» прозвучал только на заседании 15 мая 1905 года. Член кадетской фракции, депутат от Вильно, активный деятель «Союза полноправия», раввин и сионист Ш. Левин сказал: «...если в прениях по вопросу о равноправии евреев некоторые депутаты проявили нервозность, волнение, недостаток хладнокровия, то они имели на это право: речь идет о 6 миллионах угнетенного народа... Я принадлежу к народу гонимому, но никогда я не завидовал сильным мира сего, народам сильным. Есть, однако, моменты, когда сильные народы мне импонируют: это тогда, когда они освобождают своих подвластных, своих рабов. Когда освобождают раба, не думайте, что это раб освобождается, — раб, может быть, уже раньше освободился, — освобождается хозяин раба, он сбрасывает с себя оковы, оковы предрассудков»¹³.

Дискуссии в этой комиссии проходили на фоне только что прокатившихся по всей стране беспрецедентных массовых еврейских погромов. Параллельно с деятельностью комиссии еврейский вопрос постоянно обсуждался в стенах Думы. Наиболее ярко это проявлялось в дебатах по поводу участия властных структур на местах в антисемитской пропаганде и в погромах¹⁴.

¹² Думский сборник. С. 292–293.

¹³ Там же. С. 293.

¹⁴ Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. С. 52–116.

На заседаниях, посвященных созданию критериев работы комиссии по выработке закона о гражданском равноправии, о погромах практически речь не шла. Но вот прибыл из Одессы профессор Новороссийского университета, член кадетской фракции Е. Н. Щепкин. Как свидетель еврейского погрома в Одессе он не мог обойти этот вопрос молчанием. Его явно вывели из себя призывы некоторых правых депутатов к сохранению при обсуждении этого вопроса «благоразумия» и необходимости учитывать мнения противников еврейского равноправия. Он заявил о принципиальном согласии «выслушать и адвокатов дьявола». Но, сказал он, «есть ли для этого сейчас время, когда дело идет о жизни 6-ти миллионного народа?»¹⁵ Далее Щепкин парировал и постоянно звучавшие в адрес российского еврейства обвинения в «излишней революционности»: «Говорите, что еврейская молодежь — сплошь склонна к анархизму. Но что такое анархизм? Анархизм есть отрицание государственности. А что дает государство теперь евреям? Оно стесняет их в промышленности и торговле, заграждает молодым евреям путь к образованию, ссылает их в черту оседлости. Далее начинаются погромы, каждый из нас, русских граждан, по закону может защищаться и стрелять в громил, которые врываются в его квартиру. Когда же начинает защищать свою жизнь еврей, про него говорят — это революционер... Если бы мы были в положении бесправных граждан, разве могли бы ручаться, что точно так же не отвергли бы принцип государственности? Но не только еврейский народ под влиянием отсутствия равноправия увлекается на неправильные, с нашей точки зрения, пути. Сами русские власти развращаются, приобретая варварские привычки при управлении окраинами, населенными инородцами и иноверцами»¹⁶.

¹⁵ Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. С. 294.

¹⁶ Там же. С. 295. По существу, недалеко ушел от завязанного демократа Е. Н. Щепкина и такой представитель высшей властной бюрократии, как посол в Великобритании А. К. Бенкендорф, писавший вдовствующей императрице Марии Федоровне в начале декабря 1905 года: «Что касается... евреев, то надо спрашивать не о том, невинны они или виновны [имеется в виду революционное движение — В. К.]. Дело не в том и это не суть. Недопустимо, чтобы их продолжали убивать... Это не может продолжаться. Прежде всего, потому что это показывает, что у нас более нет государственной власти» (*Soroka M. Britain, Russia and*

Социальное, политическое и межнациональное противостояние в стране не могло не сказаться на работе комиссии.

Комиссия, работавшая над законом о гражданском равноправии, состояла из 33 человек. Они представляли практически все ведущие политические силы. Помимо Винавера в комиссии также активно выступали и такие депутаты-евреи, как М. Я. Острогорский, Ш. Левин и С. Я. Розенбаум. Если Острогорский не присоединился в Думе ни к одной фракции, то Левин и Розенбаум являлись активными участниками сионистского движения. В то же время, согласно некоему тактическому «договору», основными ораторами по этому вопросу были русские депутаты Ф. Ф. Кокошкин, Ф. И. Родичев, И. И. Петрункевич, М. М. Ковалевский и другие представители Партии кадетов и Партии демократических реформ, хотя материалы для их выступлений, видимо, готовились М. М. Винавером и юристом-международником М. Я. Острогорским. В целом в ходе работы комиссия сформулировала свои рекомендации. В них еврейский вопрос должен был быть разрешен в общем потоке реформирования российского законодательства наравне с другими идентичными проблемами: сословным и женским равноправием, польским вопросом и так далее. На специальных заседаниях были рассмотрены законы, ограничивавшие права россиян по национальному и религиозному признакам.

Наиболее подробно о работе комиссии рассказал сам Винавер. В статье «Еврейский вопрос в Первой Государственной думе»¹⁷, написание которой явно для него было делом принципиальным, он дал собственную трактовку тех событий. Прежде всего он полагал, что еврейский вопрос — это часть всего демократического процесса, часть всего комплекса подлежавшего реформированию национального и вероисповедального законодательства. Винавер считал, что «блестящий для оппозиции результат выборов несколько ослабил ортодоксальную теорию о запретном характере “органической” работы в первой Думе — ослабил, но только не уничтожил». «Достаточно вспомнить, — писал он, — с каким трудом на Съезде К.-Д. партии, являвшимся

the Road to the First World War: The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benckendorff (1903–1916). Farnham, 2011. P. 109) (Любезно указано М. Сорокой-Воробьевой).

¹⁷ Винавер М. Еврейский вопрос в Первой Государственной думе.

Vorparlament'ом¹⁸ для первой Думы, удалось добыть в составе самой партии лицензию на рассмотрение в Думе некоторых вопросов, лежащих вне области закона о всеобщем избирательном праве. К числу этих вопросов было отнесено только то, что должно было стать необходимою основой нового государственного строя. Такою основой мог явиться только провозглашенный в общем виде принцип равенства, — с этою архитектурною *не* [здесь и далее выделено в тексте. — В. К.] мирилось выставление на первый план частичной отмены, какого-либо разряда ограничений отдельной части населения, как бы сами по себе эти ограничения ни были отвратительны и уродливы. Даже принцип равенства в общем виде не сразу был введен в обиход политической веры, как одна из первооснов государственной жизни, могущей предшествовать демократизации народного представительства. Политический жаргон того времени называл этими первоосновами только «свободы» — свободу слова, печати, собраний, стачек, — *ими* только он отмежевывал особое место, отрекаясь вообще от “органической” работы». И далее он констатировал: «Поверхностный взгляд не вскрывал той глубокой внутренней связи, которая существует в современных условиях государственной жизни между свободой и равенством. И этот шаг в области нашего политического мышления был сделан только за несколько дней до открытия Думы, на том самом к.-д. съезде, о котором речь шла выше; в резолюции, принятой съездом, ставшей затем путеводной нитью в деятельности Думы, вопрос о гражданском равенстве поставлен рядом со “свободами”, и только благодаря этому он и мог стать в Думе на первую очередь, тотчас после закона о неприкосновенности личности»¹⁹.

Защищаясь от обвинений в недостаточном внимании к еврейским проблемам, Винавер настаивал на том, чтобы все «вопросы», включая и еврейский, были уже поставлены на повестку

¹⁸ В данном случае, видимо, имеется в виду Предпарламент. Здесь представлена некая аналогия с событиями 1848 года в Германии, во Франкфурте-на-Майне, где открылись заседания общегерманского Национального собрания, избранного для решения вопроса об объединении страны.

¹⁹ Винавер М. Еврейский вопрос в Первой Государственной думе // Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 2–3.

дня государства в ответе на тронную речь²⁰. «Тронная речь, — писал он, — в весьма определенной форме противоположила идею порядка идее свободы: при том освободительном порыве, который создал Думу и веял над первыми ее шагами, это место тронной речи явилось весьма явственным противопоставлением двух программ — правительственной и народной. Ответный адрес на тронную речь вознес вопрос о гражданском равенстве в сферу выше этих программных споров, в число элементарных условий всякого общежития»²¹.

В статье он еще раз повторил строки из этого, казавшегося ему тогда важнейшим, документа: «Государственная Дума исходит из непреклонного убеждения, что *ни свобода, ни порядок, основанный на праве*, не могут быть прочно укреплены без установления общего начала равенства всех без исключения граждан перед законом. И потому Государственная Дума вырабатывает закон о полном уравнивании в правах всех граждан, с отменой всех ограничений и привилегий, обусловленных сословием, национальностью, религией и полом». Винавер вообще считал, что, «так как этот текст принят был Думою 4 мая 1906 г. *единогласно* — еврейский вопрос был Думою решен. И тем, кто так долго и тщательно доискивается ныне голоса “народной совести” для решения именно еврейского вопроса, рекомендуется обратиться к этому первоисточнику, не возбуждающему, казалось бы, относительно своей подлинности никаких сомнений»²².

Дальнейшее движение вопроса о гражданском равенстве в Думе было уже, по его мнению, делом техники. «Ибо, — утверждал он, — хотя мы знали, что там и сям, в кулуарах Думы ведется среди кучек крестьян неведомыми агитаторами антисемитская пропаганда, — хотя мы и ждали со стороны гр. Гейдена²³ обычного “прохладительного душа” против увлечения

²⁰ Винавер был одним из авторов этого документа.

²¹ Винавер М. Еврейский вопрос в Первой Государственной думе // Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 2.

²² Там же. С. 1.

²³ Гейден Петр Александрович (1840–1907) — граф, тайный советник, видный российский судебный, общественный и политический деятель, член I Государственной думы. Являлся сторонником эволюционного пути развития России, умеренно-либеральных реформ. Был активным участником и председателем земских

принципами в ущерб Своду Законов и подобающей постепенности в законодательных мероприятиях, — однако, все это было настолько мизерно по сравнению с общим тоном деятельности Думы, что в исходе не могло быть никаких сомнений»²⁴.

Это «дело техники» потребовало, по мнению Винавера, от представителей еврейства осознания важности проведения еврейского вопроса о равенстве в виде общего вопроса о равенстве всех граждан. В этом Винавер опирался, кроме всего прочего, и на решения Третьего съезда «Союза полноправия». В то же время в тогдашней деятельности Винавера проявилась его зависимость от тактики его собственной партии в думской работе. В его планы и в планы его сторонников «...ни в коем случае не входило не выставлять резко перед лицом всего русского общества во всей наготе язвы еврейского бесправия». «Наоборот, — настаивал он, — присоединяясь к общей формуле разрешения вопроса, они признавали необходимым при обсуждении его, выставить со всею резкостью еврейский вопрос, как таковой, во всем его объеме: они считали недостойным ни с точки зрения своего национального и человеческого достоинства, ни даже с чисто утилитарной точки зрения, получать для еврейского народа равноправие крадучись, не как равноправные члены общей, единой государственной семьи, а как просители, удовлетворяющиеся “дарованными” правами, под каким бы прикрытием дарение ни было совершено»²⁵. Винавер утверждал, что все евреи, члены комиссии, были в этом с ним солидарны. Но на деле эти благие намерения не получили полной реализации. Еврейский вопрос «завис» в юридических казусах и оказался намертво связанным с иными проблемами. Хитросплетения

съездов. В 1905 году был одним из основателей партии «Союз 17 октября», членом Центрального комитета этой партии. В 1906 году избран членом I Государственной думы от Псковской губернии. Будучи депутатом, находился в оппозиции левоцентристскому большинству, занимая более умеренную позицию по сравнению с кадетами. Выступил против «Выборгского воззвания», признал законность роспуска I Думы. Позднее вышел из «Союза 17 октября» вместе с рядом других представителей левого крыла этой партии. В том же году был одним из создателей небольшой центристской Партии мирного обновления.

²⁴ Винавер М. Еврейский вопрос в Первой Государственной думе // Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 2.

²⁵ Там же.

думской законодательной жизни и повседневного политического противостояния потребовали от еврейского представительства учитывать то, «...что нельзя преподносить аргументы в два приема и разбивать то грозное впечатление, которое должна была произвести на слушателей нагая правда еврейской жизни. Необходимо было приурочить все выступления к одному моменту, и этим моментом могла быть только та стадия обсуждения, после которого немедленно следует *вотум* Думы. Потому необходимо было по возможности устранить общие дебаты в первой стадии обсуждения, когда по установившемся в Думе порядку законопроект обсуждался только «на предмет избрания комиссии»²⁶.

Винавер хорошо оценил всю взрывоопасность еврейского вопроса, поставленного в контексте всей национальной проблемы многонациональной империи. «В русской жизни, — писал он, — не было области, в которой бы накопилось столько кривды и угнетения, столько разновидностей гнета и произвола. И все это стихийно рвалось наружу и, раз прорвавшись, не могло бы быть остановлено. Десятки народностей, никогда не выдавших друг друга, сошлись впервые в трепетном ожидании этого часа страшного суда; через этот суд они шли к исцелению. Кто знает: обменявшись своими стонами, они, может быть, убедились бы, что угнетение в источнике своем слишком тупо, чтобы быть разнообразным, и что исцеление может быть найдено и универсальное. Но пока... пока эти потоки слез и жалоб грозили затопить ближайшую цель, — и потому дорого было достижение возможно скорого реального раскрепощения, решили отложить свои жалобы до тех пор, пока не настанет окончательный час расчета»²⁷.

Винавер вспоминал, что комиссия всячески старалась не завязнуть в юридической трясине. Это, как он считал, им удалось, и «после трех, сравнительно кратких заседаний, мы проплыли, — как нам казалось, счастливо, — между Сциллой и Харибдой и 8 июня сдали проект в Комиссию. Конечно, мы не были настолько наивны, чтобы не понимать, что и Дума может оказаться

²⁶ Там же. С. 5.

²⁷ Там же.

недолговечною, и что — кто знает? — быть может, Думу успеют разогнать ранее, чем закон о равенстве вернется в нее из Комиссии. Представители национальных групп этого не скрывали от себя. Но перед ними стояла дилемма: именно в виду такой возможности роспуска, торопиться ли с передачей дела в Комиссию с тем, чтобы он возможно скорее вернулся в Думу, и тогда не только осветить вопрос, но и добиться вотирования закона о равенстве, или отдалить в бесконечность передачу в Комиссию, этим самым уступить очередь другим законопроектам, которые пока вернутся из других Комиссий, и закупорить, таким образом, Думу для нашего вопроса на долгие месяцы, и все это за цену двух-трех речей, может быть блестящих и сильных, но непосредственно бесплодных, вследствие этой своей непосредственной бесцельности и порожденного ими обилия других речей, способных вызвать справедливый ропот и раздражение всей Думы? Для нас не было сомнения, что успех в борьбе за равноправие наиболее обеспечивается избранием первого пути. Мы на него и вступили»²⁸.

Главное, решили они, это выработать общую формулу положения о гражданском равенстве. «Эта общая формулировка связывала наш вопрос, как и все вопросы об ограничениях, обусловленных национальностью или религией, — с массой других, наисложнейших вопросов государственной жизни — вопросов частью принципиальных, как женский вопрос, частью переплетающихся со всем строем государственного управления, как вопрос о сословном равенстве. Необходимо было потому дать делу такую постановку, при которой каждая отдельная группа вопросов (национально-религиозный, крестьянский, дворянский, женский), сохраняя связь с основным положением, являясь эманацией общего начала, вместе с тем, имела бы самостоятельность в своем движении через законодательные инстанции. Стремление к сохранению единого плана, покоящегося на едином начале, символизировалось и укреплялось созданием единого органа — единой Комиссии, обязанной осветить все вопросы, ей вверенные, единым светом, — светом равенства. И вот, наконец-то «вопрос национально-вероисповедный, как

²⁸ Винавер М. Еврейский вопрос в Первой Государственной думе // Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 5.

совершенно ясный и простой, было решено рассмотреть непосредственно в самой Комиссии»²⁹.

Винавер в этой статье дал расклад политических сил в комиссии о равенстве: «...главное ядро ее составляли лучшие силы партии народной свободы (Петрункевич, Набоков, Родичев, Кокошкин, Котляревский, Новгородцев, Петражицкий³⁰ и другие), затем шли трудовики³¹, не давшие, однако, в комиссию никого из своих лидеров, ни одного более или менее известного имени. От правых вошло в комиссию все, что было у них более

²⁹ Там же. № 3. С. 1.

³⁰ *Петрункевич Иван Ильич* (1843–1928) — юрист, общественный и политический деятель. Один из лидеров Партии кадетов. Депутат Государственной думы. Умер в эмиграции. *Родичев Федор Измайлович* (1854–1933) — юрист, политический деятель, один из основателей Партии кадетов, депутат Государственной думы. С 1920 года в эмиграции в Швейцарии. *Набоков Владимир Дмитриевич* (1869–1922) — юрист, политический деятель, один из основателей Партии кадетов, депутат I Государственной думы. С 1920 года в эмиграции. Убит в Берлине во время покушения на П. Н. Милюкова. *Урусов Сергей Дмитриевич* (1862–1937) — государственный и общественный деятель. Был губернатором ряда губерний, в том числе Кишиневской и Тамбовской. Товарищ министра внутренних дел в 1905 году в правительстве С. Ю. Витте. Депутат I Государственной думы, в которой выступил с обвинениями в адрес властей в деле организации еврейских погромов. Автор мемуаров «Записки губернатора». После 1917 года на советской службе. *Котляревский Сергей Андреевич* (1873–1939). Историк, правовед, профессор международного права. Один из организаторов Партии кадетов, в 1905–1908 годах член ее ЦК. Депутат I Государственной думы от Саратовской губернии. С 1908 года отошел от политической деятельности, из Партии кадетов вышел в 1912. В 1918–1920 годах — активный член подпольных антибольшевистских организаций «Совет общественных деятелей», «Национальный Центр». Был арестован ВЧК. После выхода из тюрьмы занимался научной работой. Был репрессирован в 1939 году. *Новгородцев Павел Иванович* (1866–1924) — юрист, философ, историк, общественный и политический деятель. Член Партии кадетов. После 1917 года в эмиграции. *Петражицкий Лев Иосифович* (1867–1931) — юрист, профессор Петербургского университета, общественный и политический деятель. Один из основателей кадетской партии, член ее ЦК. Депутат I Думы от Петербурга; в Думе был главным экспертом кадетов по земельным вопросам и докладчиком по закону о земельной реформе. После роспуска Думы подписал «Выборгское воззвание». В 1906–1917 годах продолжал научную деятельность. В 1917 г. — сенатор. В 1921 принял польское гражданство и жил в Варшаве.

³¹ *Трудовики* — политическое объединение депутатов Государственной думы народнического толка. В I Думе фракция по численности занимала второе место. Группа пользовалась влиянием среди части крестьянства и сельской интеллигенции. Большинство депутатов, входивших в эту группу, было тесно связано с Партией социалистов-революционеров.

значительного: гр. Гейден, Стахович, Румянцев³². Вошла и краса партии демократических реформ: М. М. Ковалевский и кн. Урусов³³. Представлены были, наконец, во всей пестроте своей национальности: поляки, евреи, мусульмане, украинцы, литовцы, латыши, грузины. Во главе Комиссии стал Нестор К.-Д. Партии, председатель ее думской фракции, Ив. И. Петрункевич; товарищем председателя был избран кн. Урусов, заменивший вскоре Петрункевича»³⁴.

В этой статье, кажется, сам того не желая, Винавер объяснил действительное отношение своей партии к проблеме еврейского равноправия — как бы в целом ни были позитивно настроены вожди кадетов, все же еврейские проблемы были не их проблемами. Да и «свобода стояла уже на пороге», и установление правового государства и конституционного строя должно было само собой автоматически решить эту неприятную проблему. Поэтому, признается Винавер, «заседание комиссии на первых порах несколько замешкалось по случайной причине. К.-Д. Партия считала вопрос о равенстве одним из самых кардинальных и потому направила в комиссию цвет своих государствоведов. Но те же государствоведы были уже все забраны в первую думскую комиссию о свободах, для разработки закона о неприкосновенности, — а закон этот хотя и заканчивался уже в комиссии, но требовал еще 2–3 заседаний. Оттого и задержалось открытие

³² *Стахович Михаил Александрович* (1861–1923) — политический деятель, славянофил, либерал, деятель земского движения. С 1895 года состоял предводителем орловского губернского дворянства. В 1905 году был одним из организаторов партии «Союз 17 октября». Позднее — один из создателей Партии мирного обновления. В начале 1907 года был выбран депутатом II Государственной думы, впоследствии был членом Государственного Совета. После Февральской революции назначен Временным правительством генерал-губернатором Финляндии. Подал в отставку с этого поста 17 сентября 1917. Был назначен послом в Испанию. После взятия власти большевиками жил во Франции. *Румянцев Николай Федорович* (1839–1912) — общественный деятель, участник земского движения, депутат I и III Государственной думы. В качестве депутата думы был членом Комиссии «гражданского равноправия» и выступал на думском заседании в ходе дебатов о Белостокском погроме.

³³ *Ковалевский Максим Максимович* (1851–1916) — историк, юрист, социолог, общественный деятель, депутат I Государственной думы и член Государственного совета. С 1914 года — академик.

³⁴ *Винавер М.* Еврейский вопрос в Первой Государственной думе // Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 4.

правильных занятий нашей комиссии. Первое распорядительное заседание ее состоялось, впрочем, тотчас после провозглашения результатов выборов».

Винавер остановился на подробном описании того противодействия, с которым встретились сторонники равноправия в комиссии. Эту группу возглавлял П. А. Гейден. Этот опытный бюрократ и политик «находил, что национальный вопрос национальному вопросу рознь. Есть, например, столь несомненные для гр. Гейдена вопросы, как польский — впрочем, не польский вопрос в Польше, а польский вопрос в Западном крае, т. е., по-просту говоря, вопрос об отмене оставшихся еще ограничений поляков в приобретении недвижимой собственности в Западном крае. Этот вопрос гр. Гейден готов был признать для себя несомненным. Здесь достаточно отменить действующие ограничения, и дело с концом. Другое дело еврейский вопрос: здесь многое так тесно связано с таинственными “бытовыми условиями”, которых гр. Гейден, впрочем, точно не определил, ограничиваясь замечанием, что “как же, например, предоставить евреям владеть надельными землями?” Потому нельзя попросту прилагать к еврейскому вопросу общий принцип равенства, отменяя все с ним несогласное, без всякой замены. И нельзя потому, что ...такое решение породило бы погромы. Не надо, значит, нам давать равноправие ради нас самих... Смысл речи гр. Гейдена был для нас ясен: мы чуяли в ней подозрение, что евреи желают под прикрытием общей формулы получить равноправие, не раскрывая вопроса в обнаженном его виде»³⁵.

Согласно воспоминаниям Винавера, этот демарш консерваторов был решительно отвергнут: «Мы с негодованием тут же ответили, что евреи считали бы ниже своего достоинства добывать себе равноправие обходным путем; что они, наоборот, и предлагают комиссии пройти по всем закоулкам их бесправия, и по возможности тщательнее к ним присматриваться, предоставляя гр. Гейдену к каждому из них прилагать мерку известных ему “бытовых условий”. После нескольких язвительных замечаний Родичева по адресу гр. Гейдена, Петрункевич закончил весь этот инцидент, в нескольких горячих

³⁵ Там же. № 3. С. 2.

словах восстановив основную мысль законопроекта, как не подлежащую более никаким колебаниям; и к этому единодушно присоединилась вся комиссия»³⁶.

Все же первым решили рассмотреть польский вопрос. Думается, что этим шагом еврейские депутаты привлекали польских членов комиссии также встать на их сторону. Винавер отметил, что «в первую очередь был пущен из числа национальных — вопрос более простой, удобный, как введение в область национальных вопросов вообще, и не требующий продолжительного времени для подготовки — вопрос об ограничениях лиц польского происхождения. Членам комиссии были тем временем розданы еврейскими депутатами материалы для подготовки к более сложному еврейскому вопросу»³⁷.

Рассмотрение еврейского вопроса по сути началось только 7 июля. Первое заседание посвятили краткому историческому введению и изложению вопроса о праве жительства. Историческое введение с разъяснением объема всего вопроса было сделано самим Винавером. Вот тут-то игодились ему все знания, полученные ранее во время работы в Исторической комиссии в ОПЕ. Он отослал присутствующих к соответствующей коллекции древностей, хранившейся в Эрмитаже. Он вспоминал: «Было ясно, что это тоже в некотором роде “бытовое” условие совершенно не входило доселе в соображения наших октябристских товарищей. Я рассказал им охотно о поселении евреев в Крыму, предложил осмотреть в Императорском Эрмитаже в Петербурге ту мраморную доску, на которой начертано первое известие о евреях в России в I веке по Р. Х., указал на непрерывающийся в течение 18 веков ряд исторических свидетельств о пребывании евреев в Крыму, на Кавказе, в Киеве, во внутренней России, в Москве, о переходе в подданство России массы литовских и польских евреев и о тех рубриках бесправия, которые созданы вековым попечением России о новых своих подданных, и совокупность которых именуется на обыденном языке “еврейским вопросом”. Указав затем, что доклад по этим рубрикам, ввиду обширности мы, участвующие в комиссии евреи, распределили

³⁶ Винавер М. Еврейский вопрос в Первой Государственной думе. С. 2.

³⁷ Там же. С. 3.

между собой, я попросил выслушать первым М. Я. Острогорского по вопросу о праве жительства. Доклад Острогорского, длившийся около 1 ½ часа, был выслушан всей комиссией с напряженным вниманием. Сдержанный, богатый содержанием, но вместе с тем не перегруженный ненужными деталями, пересыпанный самыми ужасающими по содержанию своему, но изложенными без эмфазы, в резкой и простой форме, иллюстрациями, он приводил, видимо, слушателей то в ужас, то в изумление, а чаще всего, как мне казалось, в смущение, от сознания вины за долгие годы индифферентизма и молчания. И, когда мы после полуночи встали, собираясь уходить, Максим Ковалевский взволнованный и как бы с призывом к жалости спросил нас: долго ли мы еще будем заставлять их так краснеть?..»³⁸

Следующее заседание комиссии уже не состоялось³⁹.

На протяжении всего периода работы в Думе, обсуждая еврейский вопрос, Винавер стремился встроить его в некую политическую систему и сделать его органической ее частью. Его природный либерализм и некая «чужеродность» в этом «русском мире» привели к тому, что он, осознанно или нет, но скорее инстинктивно, более всего страшился перспективы оставить еврейский народ «наедине» с неведомым ему народом русским. Как и многие интеллигенты того времени, он считал, что за спиной погромной толпы стоит исключительно государственный бюрократический аппарат и самодержавие.

Участник тех событий, известный юрист, этнограф и общественный деятель М. М. Ковалевский, вспоминая о роли Винавера в работе этой комиссии, писал: «Я был членом имевшей всего два заседания комиссии по законопроекту о гражданском равенстве. Винавер в необыкновенно полном, фактически обоснованном и глубоко прочувственном докладе представил нам

³⁸ Там же. С. 4.

³⁹ Сам М. М. Ковалевский писал, что, вырабатывая законы, они забыли изречение Петра: «Промедление времени смерти подобно». Считается, что это изречение, ранее приписываемое Титу Ливию, принадлежит царю Петру I. Готовясь к Прутскому походу против турок, он направил 8 апреля 1711 года в недавно учрежденный Сенат письмо. Поблагодарив сенаторов за их усилия по оснащению войска, Петр потребовал и далее действовать без волокиты, «понеже пропущение времени смерти невозвратной подобно» (Ковалевский М. М. Моя жизнь. С. 367).

в этой комиссии очерк современного законодательства о евреях и порядка его проведения в жизнь администрацией. Впечатление, им произведенное, вероятно, не на одного меня, было подавляющим; если бы мы не гонялись за систематичностью работы и тут же бы приняли решение, то оно, разумеется, клонилось бы к уравниванию евреев в правах с другими русскими подданными»⁴⁰.

Один из многолетних критиков Винавера, не раз возражавший ему по самым различным проблемам национальной политики, философ и публицист, член Еврейской демократической группы Г. А. Ландау, анализируя итоги работы комиссии, утверждал: «...если при обсуждении основных положений о гражданском равенстве не был принципиально развернут еврейский вопрос, то лучше уже было и вовсе молчать о нем. Случилось же следующее. Поставлен еврейский вопрос не был, и, однако, о нем говорили — после того, как в речи Кокошкина была дана общая постановка всех вопросов гражданского равенства — три оратора-еврея (гг. Винавер, Левин, Розенбаум) в ответ на формальные возражения, выставленные против закона гр. Гейденом. Двое произнесли речи по формальному вопросу, третий — по существу, но весьма незначительную и малосодержательную. Значит, вышло так, что как будто говорили, но ничего не сказали. Задели еврейский вопрос и не подняли его»⁴¹.

Дума была насильственно распущена 8 июля 1906 года. Винавер до последнего момента так и не избавился от завышенных ожиданий относительно возможностей Государственной

⁴⁰ Ковалевский М. М. Моя жизнь. С. 367.

⁴¹ Ландау Г. А. Первые шаги в еврейской думской политике: (историко-политические заметки) // Теоретические и практические вопросы еврейской жизни. СПб., 1911. С. 181. Наверное, следует отметить тот факт, что в критике со стороны Г. Ландау и тогда, и много позднее превалировало его личное отношение к Винаверу. Он не мог простить ему то, как он совместно с группой соратников перехватил издание журнала «Восход», бывшее многолетним предприятием его отца — А. Е. Ландау. На тот момент Ландау входил в образованную в 1904 году Еврейскую демократическую группу (Аронсон Г. Я. В борьбе за гражданские и национальные права: Общественные течения в русском еврействе // Книга о русском еврействе: От 1860-х гг. до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 225).

думы, хотя к этому моменту уже было ясно, что «ответ улицы» на обретение «свободы» позволил самодержавию в кратчайший срок «прийти в себя», реорганизовать свои силы и практически нейтрализовать либералов и реформистов, представленных в Государственной думе. М. М. Винавер, как и все те, кто позднее подписал «Выборгское воззвание», был лишен в дальнейшем права избираться в Государственную думу. Лишившись думской трибуны, Винавер практически перестал быть общероссийским общественным деятелем. Его лоббистские возможности в значительной степени оказались ограниченными в основном работой в рядах Партии кадетов. В еврейских кругах его авторитет также упал. Ведь «думские» иллюзии для значительной части русского еврейства были так же рассеяны роспуском I Думы. На первый план еврейской политической жизни вместо либералов пришли радикалы.

Для самого Винавера роспуск Думы стал непреходящей как личной, так и общественной трагедией. В одночасье он лишился общероссийской трибуны, с которой мог смело защищать интересы своего народа. Моральная травма, нанесенная ему этим событием, еще долго мучила его. Десять лет спустя он вспоминал, как, узнав о роспуске, ехал июльским утром 1906 года по улицам Петербурга: «Я ехал... оглядывался, искал на лицах людей, искал на мертвых камнях отражение нашего несчастья. Сонливые пешеходы, сонливые лошади, сонливое солнце. Безлюдье — никакой жизни, никакого признака движения. Кричать хотелось от ужаса и боли»⁴².

Та же реакция на «конец свободы» со стороны народных масс проявилась и в ответ на призыв депутатов, собравшихся в Выборге, к гражданскому сопротивлению.

Отметим изначальный дуализм Винавера. Он на протяжении десятилетий пытался совместить работу в качестве национального лидера с участием в руководстве Партии кадетов. В условиях российской действительности начала XX века это не могло не привести его к тяжелым моральным потерям. Подобная политическая тактика, вольно или невольно, сделала еврейский вопрос заложником различных тактических построений.

⁴² Винавер М. В ожидании роспуска и после роспуска. С. 98.

Многолетний лидер Партии кадетов П. Н. Милюков, оценивая роль своего товарища по партии в Думе, писал: «Винавер подходил к думской работе как юрист. Гибкий и сильный ум Винавера сразу схватывал особенность положения и запечатлевал его в яркой, чеканной формуле, где стушевывались острые углы и сглаживались противоречия. Формула могла не решать вопроса, но она обыкновенно была для всех приемлема, ее обычно приподнятый, несколько риторический тон, отличавший литературный талант Винавера, очень хорошо соответствовал торжественному стилю резолюций Первой Думы⁴³.

Роспуск Думы на годы предопределил скептическое отношение к ней значительной части российского еврейства. Видный государственный и общественный деятель, внимательный и информированный наблюдатель И. И. Толстой в сентябре 1906 года оставил в своем дневнике следующую запись: «Обозлены евреи, ох, как обозлены, и признаться, есть за что. Если не дадут им прав — не быть у нас спокойствию»⁴⁴.

Современник и активный участник политической борьбы, кадет В. А. Маклаков не был депутатом Думы этого созыва. Он по партийной обязанности и по свойству своих политических пристрастий внимательно следил за работой кадетской фракции. Винавера он недолюбливал, да и, как известно, в еврейском вопросе имел собственное мнение на использование его в политическом противостоянии⁴⁵. Тем ценнее его наблюдение об истории прохождения еврейского вопроса в Думе и роли Винавера. Много лет спустя в своих воспоминаниях он писал: «Винавер был человек исключительно умный и превосходный оратор. Тема была благодарна. Поставить ребром еврейский вопрос он мог лучше, чем кто бы то ни было. И никто против еврейского равноправия тогда выступать бы не стал. В 1-ой Думе Винавер не раз задавал эту тему, и всегда с полным успехом»⁴⁶.

Но при этом Маклаков считал, что Винавер был неправ, обвиняя правительство в «умолчании» еврейского вопроса. Он

⁴³ Милюков П. Н. Воспоминания. С. 244.

⁴⁴ Толстой И. И. Дневник. Т. 1: 1906–1909. С. 59.

⁴⁵ Будницкий О. В. В. А. Маклаков и еврейский вопрос.

⁴⁶ Маклаков В. А. Первая Государственная дума: воспоминания современника. С. 148.

же полагал, что Дума сама виновата, так как умолчала об этом даже в своем адресе. «Если еврейский вопрос не был отдельно и рельефно поставлен, то это вина только Думы»⁴⁷.

Вообще же нельзя не отметить тот факт, что при общей преувеличенности роли евреев в политической жизни России в тот период Винавер в глазах части русского общества стал неким олицетворением «еврейского влияния»⁴⁸.

⁴⁷ Там же. С. 149. Он вспоминает, как в тот же период разговаривал с П. Н. Трубецким, который не без раздражения сказал, что на него и его единомышленников речь Винавера произвела «тягостное впечатление... Потому что он требовал от министров, чтобы они на первый план ставили еврейский вопрос; они думают только о нем; у нас же есть и другие вопросы» (Там же. С. 150).

⁴⁸ Похоже, для значительного слоя русского общества в то время Винавер — имя нарицательное. В «Опавших листьях» В. В. Розанов писал: «Все было бы хорошо, если бы не пришел Винавер. Я же и говорил, что Моисей и Христос, в сущности, трудились для адвоката, который “похлопал по плечу” эти старинки, отодвинул их в сторону, и начал говорить об “общечеловеческих культурных ценностях”» (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 190–191). Далее критик и публицист никак не мог преодолеть свои антилиберальные и антисемитские комплексы и потому писал: «Если бы предложили в Тамбове или Пензе “выбрать избранного человека в законодатели”, но поставили условием — выбирать *только на жаргоне* [выделено в тексте. — В. К.] (еврейско-немецкий говор в Литве), то Пенза и выбрала бы еврея. Как? Да очень просто. Русские не смогли бы и не сумели, а, наконец, даже и не захотели бы “*правильно по закону, т. е. на жаргоне*, подать голоса”. А сумели бы исполнить это законное требование только 10–15 пензенских башмачников-евреев. Они выставили бы “народного трибуна в Думу”. Механизм выборов в Думу для русского то же, что жаргон; и “не рядясь в Винавера” — не приступишь к нему. Вот отчего выбирают везде “приблизительно Винавера” и “Винавер есть представитель России”. “Коренной ее представитель”. Но Россия даже и не знает “Винавера”» (Там же).

Глава 6

ДВА ПОЛЮСА, ИЛИ ВИНАВЕР vs ЖАБОТИНСКИЙ

В сущности, никакой истории нет; есть только биографии.

Ральф Уолдо Эмерсон

На протяжении столь бурных как в русской, так и в еврейской истории 1905–1907 годов на всем еврейско-русском политическом пространстве ярко проявлялось противостояние либерализма и сионизма. Оно олицетворялось столкновением двух харизматичных лидеров: М. М. Винавера и В. Е. Жаботинского.

М. М. Винавер воспитывался и вырос в еврейско-польской среде Варшавы¹. Собственно в России на протяжении 1880–1890-х годов он вращался исключительно в среде русской и русско-еврейской либеральной интеллигенции. Он искренне воспринял многие иллюзии этой среды, в том числе и те, что касались судеб России и российского еврейства. О том, что вне Петербурга существует и живет по своим законам гигантский мир русской деревни и провинции, он, конечно, знал, но понимал это чисто теоретически, в лучшем случае через призму либерального народничества. В то же время он не знал по-настоящему и евреев черты оседлости. Ему было неведомо миллионное местечковое еврейство, тот же народ, но со своей особой идишистской культурой, бытом и социально-психологическими особенностями. Будучи депутатом I Государственной думы от Санкт-Петербурга, Винавер логично осознавал себя в первую очередь представителем всего еврейского населения имперской столицы². Главным для Винавера в трактовке русско-еврейских отношений было то, что он считал необходимым — во что бы то ни стало убедить

¹ Winaver's Saga.

² Тем более что он прекрасно знал расстановку сил в петербургском электорате, где по цензовой системе евреи имели всего 137 голосов, тогда как в Москве — 600, а в Вильно 1048 голосов (Рассвет. 1906. № 31. С. 3).

либеральные и демократические силы страны в том, что их союз с еврейством принесет значительные дивиденды. Он видел в деле достижения равноправия евреев в России только одну возможность — если еврейское национальное движение станет частью всего общерусского либерального направления. Основным методом его работы, связанной с еврейским вопросом в рядах Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) и в Думе были кулуарные переговоры. Он настойчиво и постоянно напоминал о необходимости — «во имя справедливости и достижения демократических прав и свобод для всей страны» учитывать интересы многомиллионного еврейства³.

Следует отметить, что и ряд лидеров русского либерального движения, несмотря на всю свою толерантность, все же не без подозрения относился к проявлениям еврейского национализма. Среди них был и лидер Партии кадетов П. Н. Милюков⁴. В 1906 году он не нашел лучшего места, как некролог на гибель своего соратника по партии, депутата Думы Г. Б. Иоллоса для того, чтобы высказаться по этому поводу⁵. В официальном органе Партии кадетов, еженедельнике «Вестник народной свободы» Милюков противопоставил «русского еврея» Иоллоса иному, спроектированному им, типу российского еврейства. Он даже попытался обосновать эту типологию: «Гонимые властью, травимые “патриотической” печатью... евреи восьмидесятых, девяностых годов старались вытравить в себе любовь к земле, в которой родился. Они хотели заменить ее ненавистью, жгучей злобой, а любовь перенесли на идею светлого национального будущего в возрожденном Сионе»⁶. Видимо, Милюков, годами общавшийся

³ Кельнер В. М. М. Винавер и еврейский вопрос в Первой Государственной думе. С. 185–187; Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет.

⁴ Шехтман И. П. Н. Милюков и Русское еврейство // П. Н. Милюков: сб. материалов по чествованию его 70-летия: 1859–1929. Париж, б. г. С. 218–220.

⁵ Милюков П. Н. Памяти Григория Борисовича Иоллоса. СПб., 1907.

⁶ Вестник Партии народной свободы. 1907. № 12. С. 3. Интересно, что за несколько лет до этого, в 1902 году, не будучи еще лидером политической партии, он интерпретировал сионизм в более уравновешенном тоне: «Принципиально, я вполне сочувствую смелой идее сионизма... Самые эти внутренние противоречия между национально-политическим и национально-религиозным, культурным и традиционными элементами вопроса только доказывают мне, что сионизм глубоко захватил народное сознание и что даже независимо от своей

только с евреями — сторонниками либерализма и антисиионистами типа Винавера, черпал информацию о сторонниках сионизма в России исключительно от них⁷. Это отметил и сионист А. Гольдштейн в статье «Апофеоз ассимиляции». Видный сионистский публицист, он в своем ответе Милюкову задавался вопросом: «Кто продиктовал ему эти злобные, уродливо извращенные слова про идеалы возрождающегося молодого еврейства — про сионизм. Или, может быть, от своих еврейских друзей получил он про сионизм подобного рода сведения»⁸. А уже спустя две недели все в том же «Рассвете» близкий к В. Жаботинскому человек, Д. Пасманик опубликовал под псевдонимом А. Давидсон статью, в которой прямо назвал «информаторов» Милюкова — «господа Винавер и К°»⁹. Вообще-то в отношении сионизма авторитетные русские общественные деятели и духовные лидеры того времени неоднократно меняли свое мнение¹⁰.

практической задачи, он может иметь сильное и плодотворное влияние на подъем культурного уровня еврейской массы. Если, несмотря на все это, я готов прибавить к сказанному некоторое “но”, то лишь потому, что не вижу в сионизме *полного* [выделено в тексте. — В. К.] и окончательного решения еврейского вопроса» (цит. по: Гордон Г. И. Сионизм и христиане: 2 изд. СПб., 1902. С. 22).

⁷ Правда, это не помешало ему в феврале 1907 года, в момент подготовки к выборам в очередную Думу, в интервью газете «Русь» высказаться о сионизме хоть и несколько иронично, но все же более благожелательно. Он, опровергнув приписываемое ему заявление о том, что «...если в Думе будут сионисты, не быть еврейскому равноправию», сказал: «На сионизм я всегда смотрел как на неосуществимую мечту, не только украсившую, в известном смысле, еврейскую жизнь, но и принесшую очень ощутительную реальную пользу, подняв еврейский дух, повысив в евреях правовое сознание и чувство собственного достоинства и подготовив их, таким образом, к борьбе за лучшее будущее. Поскольку сионисты в Государственной думе проявят себя союзниками передовой России и будут вместе с ней бороться за свободу в настоящем — постольку сионизм евреев ничем не противоречит нашему представлению о правоспособных русских гражданах. Постольку, следовательно, безразлично, кем будут представлены евреи — сионистами или нет» (цит. по: Рассвет. 1907. № 5. С. 18).

⁸ Гольдштейн А. Апофеоз ассимиляции // Рассвет. 1907. № 12. С. 12.

⁹ Давидсон А. Кадетский сюрприз // Рассвет. 1907. № 14. С. 8. Критика в адрес П. Н. Милюкова прозвучала и из иного, демократического лагеря. Так, литературовед и публицист С. Л. Цинберг на страницах «винаверовского» еженедельника «Свобода и равенство» опубликовал «Открытое письмо» П. Н. Милюкову. В нем он выразил «острое чувство обиды и горечи» по поводу ряда положений этой статьи (Элиасберг Г. А. «...Один из прежнего Петербурга». С. 58–59).

¹⁰ См. например: Гордон Г. И. Сионизм и христиане; Аквилонов Е. П. О сионизме. СПб., 1905; Троцкий И. Г. О сионизме и современном иудействе. СПб.,

С конца 1905 года и на протяжении 1906–1907 годов еврейское общественное и национальное движения переживали острейший кризис. В первую очередь он был связан с массовыми погромами, охватившими практически всю страну, роспуском I Государственной думы и провалом прогрессивных сил, в том числе и кандидатов-евреев, на выборах во II, а затем и в III Думу. Все эти события обострили и без того непростые отношения между различными еврейскими партиями и течениями. В ситуации погромов сионисты еще раз увидели возможность поставить под сомнение союз как с русскими, так и с еврейскими либералами. Ведь, по их мнению, русская общественность недостаточно решительно отреагировала на массовые убийства евреев¹¹. Как «правоверный кадет» Винавер постоянно опровергал тезис о недостаточном сочувствии партии к еврейским проблемам¹².

В этой обстановке на первый план политической борьбы выдвинулся молодой одессит, сионист Владимир Жаботинский. Блестящий полемист, публицист, поэт, прозаик и оратор, он пришел к сионизму через понимание inferнальности антисемитизма¹³.

Владимир (Зеев) Евгеньевич (Евнович) Жаботинский был уроженцем Одессы. Он воспитывался в довольно ассимилированной семье. В то же время некоторые основы иудаизма в детстве он все же получил. Так, иврит он изучал под руководством известного еврейского общественного деятеля и педагога И.-Х. Равницкого¹⁴. В старших классах гимназии он уже отличался необыкновенными гуманитарными способностями. Гимназию ему окончить не удалось: вместе со своим соучеником и приятелем К. Чуковским он был исключен из гимназии

1903; Протопопов В. И. В поисках земли обетованной: Метаморфозы сионизма. Казань, 1907.

¹¹ Orbach A. Zionism and the Russian Revolution of 1905: The Commitment to Participate in Domestic Political Life // Bar-Ilan Annual of Bar-Ilan University. 1989. Studies in Judaica and the Humanities XXIV–XXV: Studies of the History and Culture of East European Jewry. P. 7–23.

¹² Винавер М. Кадеты и еврейский вопрос.

¹³ Жаботинский В. (З.) Повесть моих дней. С. 45–46.

¹⁴ Там же. С. 13.

за «поведение»¹⁵. Не окончив гимназию, он уехал в Швейцарию, где начал посещать университет. Затем перебрался в Италию. В Риме, по его же словам, «прослушал полный курс юридических наук»¹⁶. Судя по тому, что он долгое время не имел права на проживание в Петербурге, диплома о высшем образовании у него не было. Поэтому несколькими годами позже ему пришлось отправиться в Ярославль, где, сдав соответствующие экзамены в Юридическом лицее (Демидовский лицей), он получил заветный диплом. Уже в ранней юности Жаботинский начал сотрудничать в одесских газетах. Характеризуя свои взгляды в юности, называл себя «стихийным сионистом». По воспоминаниям и его самого, и близкого тогда к нему К. Чуковского, политическим деятелем и сторонником сионизма он стал после Кишиневского погрома¹⁷. Именно после этого он не просто присоединился к сионизму, но и стал его главным «пером» в России. В этот же момент проявился и его особый организаторский талант. Он сумел сплотить вокруг себя энергичную часть молодых общественных деятелей, которые приступили к изданию литературы, журналов и газет. Журналы «Еврейский народ» и «Рассвет» стали его национальной трибуной. С той же энергией он использовал и собственно российские газеты. Особенно часто в ту пору он печатался в газете А. А. Суворина-младшего «Русь».

Как один из непримиримых адептов полной политической самостоятельности сионизма в России, Жаботинский главной целью для своих сторонников на том этапе считал скорейшее размежевание со скомпрометировавшей себя в тех условиях,

¹⁵ Коган Л. Гимназисты: В. Жаботинский и К. Чуковский / публ. Х. Фирина // Народ мой (Ами). СПб., 1993. № 1. С. 2–3. По другим данным, он сам покинул стены одесской гимназии. Исходя из того, что биография «раннего» Жаботинского весьма запутана и в разных справочниках дается по-разному, обратимся к его собственной автобиографии, написанной им для «Словаря русских писателей» С. А. Венгера (Жаботинский В. Опыт автобиографии / предисл. и примеч. Х. Фирина // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1993. № 3. С. 213–217).

¹⁶ Видимо, университет в Риме он также не окончил. Редактор «Одесских новостей», газеты, в которой Жаботинский уже активно печатался, И. М. Хейфец якобы убедил его в том, что для того, чтобы быть преуспевающим журналистом в Одессе, совершенно не обязательно иметь диплом о высшем образовании (Кац Ш. Одиноким волк: Жизнь Жаботинского: в 2 т. Тель-Авив, 2000. Т. 1. С. 27).

¹⁷ Там же; Чуковский и Жаботинский: История отношений в текстах и комментариях / автор и сост. Е. Иванова. М.; Иерусалим, 2005. С. 10.

с его точки зрения, Партией кадетов и всем либеральным движением. Он, как и его коллеги по движению, полагал, что настало время, когда «еврейский народ в России нуждается в проведении собственной независимой национальной политики»¹⁸.

В июле 1905 года Жаботинский опубликовал специальное письмо, в котором сформулировал свою позицию. И эту точку зрения он затем неизменно отстаивал на протяжении всего этапа своей «русской» деятельности. Он предлагал выработать несколько принципов, которые, по его мнению, следовало бы положить в основу всей работы в России. Во-первых, он считал необходимым полностью использовать всенародную борьбу за полноправие и при этом «расходовать еврейские силы только на еврейской ниве... мы должны направить свою работу настоящего не наружу, а вовнутрь еврейства»¹⁹. Цель всей политики сионистов он формулировал как «независимое политическое самоопределение еврейства».

Жаботинскому вторил его ближайший соратник А. Идельсон. На многочисленные призывы сторонников Винавера безоговорочно «поддержать лучших русских людей» в их борьбе с самодержавием он отвечал: «Мы забываем, что наши союзники перестанут быть лучшими, как только исчезнет единственный признак, делающий их таковыми, то есть их бессилие, и нам придется потом искать новых “лучших” и так далее до бесконечности»²⁰. Таков был сионистский подход к проблеме национального лоббизма.

Но подобная позиция не устраивала представителей либеральных кругов. Винавер и его соратники искренне полагали, что защиту еврейского населения, реальную борьбу за еврейское полноправие можно и должно в первую очередь сосредоточить в руках «лучших русских людей». Разница в оценке ситуации и в подходах к проблеме «русский либерализм и еврейский вопрос» между Винавером и Жаботинским была огромна и принципиальна. Думается, что в этом сказывалось различие в темпераментах этих людей: «холодного, расчетливого» юриста Винавера и «взрывного», эмоционального, поэтического — Жаботинского.

¹⁸ Хроника еврейской жизни. 1905. № 45. С. 1.

¹⁹ Там же. 1905. № 25. С. 10.

²⁰ Там же. С. 45.

Как вспоминал знавший его еще с ранней юности К. Чуковский, после Кишиневского погрома Жаботинский «ворвался в редакцию “Одесских новостей” и гневно накинулся на нас, членов редакции-неевреев, обвинив нас в равнодушии к этому страшному преступлению. Он винил в Кишиневском погроме весь христианский мир. После своего горького взрыва он вышел, хлопнув дверью»²¹. Столь же бескомпромиссным и, как казалось многим, излишне резким, он оставался на протяжении всей жизни. Винавер, выступая как перед русской, так и еврейской аудиторией, старался оставаться в рамках юридически выверенных формулировок.

Показательно и отношение обоих политиков к своей роли в Государственной думе. Винавер видел себя прежде всего депутатом от Петербурга и членом ЦК Партии кадетов, а Жаботинский, пытаясь избираться в Думу, априори подчеркивал, что в этом деле он будет в первую очередь осуществлять свою национальную миссию.

Антисионистский настрой был тогда особенно силен в петербургском еврействе. Жаботинский участвовал в митингах в известном тогда в Петербурге «Гайд-парке» — Соляном городке, комплексе зданий, расположенных на набережной реки Фонтанки. На митинге 22 ноября 1905 года, состоявшемся уже после массовых еврейских погромов, пик которых пришелся на октябрь, в зале преобладали представители левого, социалистического спектра еврейского и русского общественного движения. На этом митинге одним из сионистских ораторов был видный деятель и ветеран этого движения одессит М. Усышкин. Его выступление, полное обвинений русской общественности в равнодушии к еврейской трагедии, собравшиеся встретили особенно негативно. Часть зала, состоявшая из бундистов и иных сторонников социализма «на еврейской улице», попыталась устроить ему обструкцию. Свистом и улюлюканьем встретили они его слова: «Еврейский народ не должен и не может доверять свои судьбы никому, кроме себя, ни либералам, ни радикалам, ни даже российской социал-демократии»²². И только резкая

²¹ Цит. по: Кац Ш. Одиноким волк: Жизнь Жаботинского. Т. 1. С. 35–36.

²² Хроника еврейской жизни. № 46. С. 8–10.

реакция тут же взявшего слово Жаботинского привела зал «в чувство»²³. Жаботинский всего лишь напомнил «протестантам» об элементарных принципах демократии и праве открыто высказывать свое мнение. Своим левым оппонентам он сказал: «Что касается партийных счетов, то пусть наши противники слева помнят, что в течение семи лет мы были мишенью их злобствующих нападок и не имели возможности им возразить. Пусть они выслушают и нас»²⁴.

О следующем митинге Жаботинский писал в своих воспоминаниях в присущей ему несколько ернической манере: «...после октября в Петербурге устроили от имени союза союзов “русский митинг протеста” и приложили все старания, чтобы евреи сидели дома, а русские пришли; оказалось, конечно, что русские остались дома, а ораторам пришлось ломать комедию перед сплошной еврейской публикой, призывая ее протестовать от благородного русского сердца»²⁵. Подобная стилистика выступления в такой аудитории, конечно, была немыслима для Винавера, ведь на этом митинге присутствовало значительное число представителей либеральной и демократической русской интеллигенции. Председательствовал известный народник, публицист и общественный деятель, человек из круга журнала «Русское богатство» В. А. Мякотин. В своем выступлении Жаботинский вновь нарушил все либеральные каноны. Обращаясь к русской либеральной интеллигенции, он обвинил ее в том, что она «игнорировала сорок лет еврейских страданий и невзгод»²⁶. При этом перечислении невзгод, выпавших на долю российского еврейства, он постоянно бросал «русской части зала» слова: «Где вы были тогда?»²⁷

²³ Он сказал: «Нас пытались утешить тем, что среди наших убийц не было рабочих. Мол, русский пролетариат защищает равенство и дружбу народов. Может быть. Может быть, не пролетариат громил нас. Пролетариат поступил хуже: он забыл о нас. Это настоящий погром!» (Жаботинский В. (З.) Повесть моих дней. С. 70).

²⁴ Цит. по: Маор И. Сионистское движение в России. Тель-Авив, 1977. С. 234.

²⁵ Жаботинский В. В траурные дни // Фельетоны Вл. Жаботинского. С. 27.

²⁶ По предположению Ю. С. Рец, в этой фразе звучит отсылка к библейским 40 годам скитаний евреев по пустыне.

²⁷ Цит. по: Кац Ш. Одиноким волк: Жизнь Жаботинского. Т. 1. С. 59. В те дни в Петербурге проходило немало подобных собраний и митингов. На одном из них, по свидетельству драматурга О. Дымова, присутствовали одновременно

М. М. Винавер, обращаясь к русской общественности, применял совершенно иную тактику. Мы почти не найдем в его выступлениях «в русской аудитории» не только ярких, но и резких заявлений по еврейскому вопросу. В Думе, в дискуссиях с противниками еврейского равноправия в комиссии по реформированию национального и религиозного законодательства он, как правило, был более чем сдержан.

Но Винавер, конечно, не мог не замечать среди русских либеральных деятелей и некой барственной снисходительности по отношению к евреям. Для многих из них предоставление этому народу равноправия находилось на периферии их политического сознания, было делом, так сказать, «вспомогательным» в их борьбе с самодержавием. И, конечно, как и многие другие оппозиционеры, в том числе большевики и прочие левые радикалы, они напрочь отказывали евреям в праве иметь собственную национальную политику. Одним из таких людей был и П. Б. Струве, являвшийся на протяжении нескольких лет соратником Винавера по партии. По мнению американского биографа Струве Р. Пайпса, «дело в том, что для него евреи, как и практически все проживавшие в империи народы, были русскими. Он просто не воспринимал их национальные чаяния. Их нужды будут удовлетворены только тогда, когда Россия станет свободной страной. Все, в том числе и евреи, должны были помогать в осуществлении первоочередной задачи — свержении самодержавия, и в этой борьбе не имели права на какие-то собственные национальные интересы, отвлекающие их от основной

и М. М. Винавер, и В. Е. Жаботинский. Дымов писал: «...собралось не менее нескольких сотен человек — все евреи, большинство из них адвокаты. Я узнал Грузенберга, Гольдштейна, Бруцкуса, Марголина, Винавера, Григория и Наума Штильманов, Тейтеля, Слиозберга, Аронсона, Гессена и многих других. Это были сливки петербургских юристов, хребет русско-еврейской интеллигенции». Тот же О. Дымов так описал облик впервые встреченного им тогда Жаботинского: «Молодой человек, которому едва минуло двадцать лет, с горящими черными, как уголь глазами, у которого нижняя часть некрасивого лица была выдвинута несколько вперед, говорил с искренним пафосом, логично, проникновенно, почти поэтически. Он, этот молодой человек, держал речь, и собравшиеся уважаемые адвокаты, сами искусные и искусные ораторы, каждый из которых был старше его на десять, пятнадцать и двадцать лет, слушали с напряженным вниманием, захваченные и увлеченные блестящим выступлением» (Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... Т. 1. С. 530–531).

задачи»²⁸. При этом «Освобождение» печатало материалы о погроме в Кишиневе, репортажи из зала суда. Струве, естественно, требовал отмены всего антиеврейского законодательства и подчеркивал: «...евреи — в положении худшем, чем звери. Но при этом искренне доказывал, что только полная эмансипация и есть решение еврейского вопроса». Но и сионизм он не оставлял своим вниманием и покровительством. Он утверждал: «...еврейство есть раса; евреи образуют особое религиозное общество, но идея еврейской нации есть фантастический и болезненный продукт ненормальных правовых условий, в которые поставлено многомиллионное еврейское население России. Пусть евреи, если они могут и хотят, образуют в Палестине особое еврейское государство, мы не будем им в этом ни мешать, ни содействовать. Но в пределах русского государства они — в совокупных интересах самого еврейства и культурного развития всего русского народа — должны стать равноправными русскими гражданами. Еврейство русское и международное — в лице своих имущих представителей — обладает крупной экономической силой, и в том, что оно не пользуется этой силой для дела эмансипации русских евреев, заключается большой грех состоятельного еврейства и одушевляющего его сионизма»²⁹.

Таковы были взгляды не только П. Б. Струве, но и многих «лучших русских людей» того времени.

Винавер не мог не видеть подобного подхода со стороны его товарищей по партии, но в публичном пространстве он старался не выносить сор из избы. Только позднее, уже в 1909–1912 годах ему пришлось вмешаться в навязанную русскому либерализму дискуссию о «национальном лице». Да и в этом случае он больше говорил не о еврейской проблеме, а об украинской³⁰.

Другое дело Жаботинский, человек, не скованный партийными условностями³¹.

Одной из стратегий, избранных Винавером в тот период, было осуществление активных усилий по развертыванию

²⁸ *Пайпс Р.* Струве: в 2 т. М., 2001–2004. Т. 1: Левый либерал. 2001. С. 496.

²⁹ Там же. С. 497.

³⁰ РНБ ДП. Ф. 753 (Струве П. Б.). № 105; 125.

³¹ См., например, его статью «О языках и прочем» (Фельетоны Вл. Жаботинского. С. 143–155).

издательской деятельности. В указанный период он по существу контролировал несколько еврейских изданий, выходивших на русском языке: с лета 1899 и до весны 1906 года журнал «Книжки «Восхода»» и еженедельник «Восход», в 1906–1907 годах еженедельники «Еврейский избиратель» и «Свобода и равенство». Позднее, с 1909 года, в сферу его интересов входили журналы «Еврейский мир» и «Новый восход». Думается, что не без его участия в 1907–1911 годах в свет выходил бюллетень «Еврейские известия». Это издание не поступало в продажу, а распространялось по редакциям русских либеральных и демократических журналов и газет³². Винавер тесным образом был связан с работой таких издательств, как «Правда», «Общественная польза», а с 1908 года — «Разум». По существу все выпускавшиеся в них издания и периодические органы печати, сознательно или инстинктивно, были предназначены для разъяснения русскому обществу сути требований российского еврейства, для его мобилизации в поддержку борьбы за политическое и гражданское равноправие. Русско-еврейская интеллигенция, сконцентрированная в нескольких крупных городах страны, по сути, создавала эту литературу для собственного потребления и лоббирования своих интересов в отечественном обществе. Ведь основная масса еврейского населения жила в черте оседлости, говорила и мыслила на идише. Для многих из них куда ближе и понятнее была литература, издававшаяся на идише. В российской действительности эта литература по преимуществу была социалистической направленности³³.

³² Ранее, с начала века, он содействовал отправке своего молодого соратника С. В. Познера за границу для организации там издания и распространения специальных бюллетеней, созданных для информирования западной общественности о положении в русском освободительном движении и о борьбе российского еврейства за равноправие (Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. // Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. С. 97–98; Познер С. В. Борьба за равноправие).

³³ Fishman D. E. *The Rise of Modern Yiddish Culture*. Pittsburgh, 2005; Moss K. B. *Jewish Renaissance in the Russian Revolution*. Cambridge; London, 2009; Karlip J. M. *The Tragedy of a Generation: The Rise and Fall of Jewish Nationalism in Eastern Europe*. Cambridge, MA; London, 2013. P. 24–40; Shtakser I. *The Making of Jewish Revolutionaries in the Pale of Settlement*.

Жаботинский, придерживаясь совершенно иной тактики, с издевкой характеризовал русскоязычную издательскую деятельность либералов. В 1906 году он писал: «Старая песня, давно знакомая иллюзия — эти люди будут печатать статьи и брошюры, устраивать лекции, и они думают, что русские станут их слушать или читать... Я знаю, теперь эта идея многих увлекает, и образовались даже нарочитые книгоиздательства для печатания классических апологий, над которыми сами евреи зевают, а неевреям, без сомнения, даже и зевать не приходится»³⁴. Насмехаясь над теми, кто предлагал издать очередной манифест, «от которого бы дрогнуло Царское Село», выпускать брошюры и печатать статьи в общерусских газетах с рассказами о «еврейском горе», Жаботинский говорил: «...поверьте моей “седой” опытности: не занимайтесь этим, не лейте воду в бочку Данаид; вас никто не услышит, вы не заставите никого заинтересоваться вашими нуждами. Даже когда России было скучно, она все-таки еврейским вопросом не интересовалась; теперь она поглощена своими делами. Что бы мы теперь ни делали, какие брошюры и статьи ни издавали, — из этого ничего не выйдет. Если “Сын Отечества” еще раз напечатает “Трагедию шестимиллионного народа” [имелась в виду статья Л. Я. Штернберга, позднее изданная в виде небольшой книги. — В. К.] — ее опять, как в первый раз прочтут... только евреи. Я читаю только то, что меня интересует: когда по заглавию вижу, что речь идет о юкагирах, я не читаю. Так же и русские о нас...»³⁵

Но при этом нельзя не отметить, что и сами сионисты в своей деятельности в России опирались почти исключительно на издательскую деятельность на русском языке. Именно на этом языке выходили в свет их периодические издания начала века: «Хроника еврейской жизни», «Рассвет», «Еврейский голос». Сионистская литература активно издавалась в провинциальных городах и распространялась в черте оседлости. На русском же языке широко издавались и материалы сионистских конгрессов и съездов, агитационная литература, произведения М. Усышкина, Е. Членова, А. Идельсона, Б. Гольдберга. Естественно, эта литература была предназначена не только

³⁴ Жаботинский В. В траурные дни. С. 27–28.

³⁵ РНБ ОР. Ф. 332 (Каменецкий С. Л.). Ед. хр. 82. Л. 70–71.

для русскоговорящей части еврейства, но и непосредственно адресовалась русской общественности. Это было частью их защиты еврейских интересов.

Можно сказать, что судьбоносным как для всего российского сионизма, так и для детища Винавера и всех «еврейских либералов» «Союза полноправия» стал съезд сионистов в Гельсингфорсе. На нем движение фактически было преобразовано в политическую партию. Жаботинский настаивал на участии сионистов в политической борьбе исключительно «как членов сионистской партии». Он говорил: «...или мы выступаем, как политическая партия, или сионизм сходит с политической арены в России»³⁶.

Винавер более чем болезненно отреагировал на попытку сионистов монополизировать еврейскую политическую жизнь или по крайней мере играть в ней решающую роль. Особенно тяжело он воспринял то, что таким образом они практически торпедировали все усилия его любимого детища — «Союза полноправия» по созданию единого национального фронта³⁷.

Для Винавера — русского либерала — неприемлемой была предложенная Жаботинским «думская» тактика. Жаботинский говорил: «При настоящей несовершенной системе выборов евреи могут иметь значение только в том случае, если голоса их не разбиваются. Поэтому мы выступаем под собственным флагом, но не хотим сепаратизма. Формула наша такова: самостоятельное выступление и агитация в синагогах, на митингах и т. д., но еврейский избирательный комитет должен быть только один, и каждый еврейский избиратель должен иметь только один список выборщиков». И особенно тревожили Винавера следующие слова молодого лидера сионистов: «Мы признаем необязательным для себя подчинение лишь в том случае, если нам предложат вотировать за кандидата, который заявит в Г. Д., что еврейской национальности нет. Таким образом, в избирательной кампании мы предлагаем самостоятельное выступление сионистов внутри еврейства, но единое выступление всего еврейства на общеполитической арене. Внутри еврейских избирательных

³⁶ Третий Всероссийский съезд сионистов в Гельсингфорсе. С. 67.

³⁷ Познер С. В. Борьба за равноправие. С. 178.

комитетов сионисты выступают под своим флагом, агитируют за свою программу и за тех кандидатов, которые способны отстаивать эту программу»³⁸.

В декабре 1906 года В. Жаботинский в письме известному депутату I Государственной думы, одному из лидеров трудовой фракции И. В. Жилкину³⁹ заявлял: «Я принадлежу к партии, которая не верит в будущность евреев в России; мы не верим в реальную ценность равноправия, не верим ни во что, кроме самостоятельности еврейского народа. Для того мы стремимся к организации его, а организация немыслима вне прочной политической свободы. Поэтому именно для нас во всем свершающемся перевороте самое ценное — не еврейское равноправие, а упрочение свободного режима»⁴⁰. Винавер не мог не знать нашумевшую статью Жаботинского «Еврейская крамола». В ней были и такие слова, определявшие кредо российских сионистов: «Поле нашего творчества внутри еврейства. Мы служим еврейскому народу и не желаем другого служения. Здесь мы не слепы, здесь не ведем народ в безвестную темноту, на добрую волю союзников, которых не знаем, за которых не вправе ручаться. Здесь мы даем народу цель и говорим: у тебя нет союзников — или сам за себя, или нет спасения. Никто на свете не поддержит твоей борьбы за твою свободу. Верь только себе, сосчитай свои [выделено в тексте. — В. К.] силы, измерь свою волю, и тогда — или иди за нами, или да свершится над тобою судьба побежденных»⁴¹.

Излюбленной тактикой Винавера было распространение русско-еврейской периодики и одновременно инициирование публикаций юдофильской публицистики в отечественной либеральной и демократической печати. При этом сам он по данному

³⁸ Там же. С. 69.

³⁹ Естественно, возникает вопрос: почему Жаботинский обратился к И. В. Жилкину, представителю и одному из руководителей Трудовой группы в I Государственной думе, ориентированной на крестьянство и народничество. Думается, что здесь их роднило противостояние Партии кадетов и, конечно, известное ему лояльное отношение трудовиков к борьбе евреев за равноправие. Членом этой группы был известный еврейский общественный деятель Л. М. Брамсон (Брамсон Л. М. К истории Трудовой группы: Трудовая партия в Первой Государственной думе. Пг., 1916).

⁴⁰ Жаботинский В. Письма русским писателям. С. 210.

⁴¹ Жаботинский В. Е. Избранное. Иерусалим; СПб., 1991. С. 56.

вопросу публиковался нечасто. В то же самое время он стоял за созданием всей системы русско-еврейской издательской деятельности. По его инициативе в русской печати вышло в свет множество статей, авторы которых противостояли государственному антисемитизму. Этой стороне своей деятельности он уделял особое внимание. Еще в конце XIX века он инициировал переход журнала «Восход» в руки своих единомышленников. В разгар событий 1905–1907 годов Винавер стоял у истоков открытия русско-еврейских издательств, выпуска в свет десятков книг и брошюр, таких журналов, как «Свобода и равенство», «Еврейский избиратель». Позднее он активно участвовал в выпуске журнала «Еврейский мир» и «Новый восход»⁴².

Как подрыв основ деятельности «Союза полноправия» расценили решения сионистов, принятые в Гельсингфорсе, многие сторонники либералов и представители других еврейских партий и групп. Ведь Жаботинский призвал к самостоятельному участию евреев в русском освободительном движении, чем выразил недоверие собственно русской демократии. Во многом это явилось ответом на скромную, с их точки зрения, реакцию прогрессивных партий и печати на волну еврейских погромов в стране. На Втором съезде «Союза полноправия» Жаботинский произнес слова, которые шли полностью вразрез с идеологическими установками Винавера. При обсуждении вопроса о союзниках и проблем участия евреев в общероссийской освободительной борьбе и он сказал: «Вы находитесь в пустыне... Поймите безвыходность вашего положения и бросьте надежду на то, что вам кто-нибудь поможет... Только одна группа нас услышит — это еврейский народ. Если Вы хотите делать еврейскую политику, — повернитесь спиной ко всему внешнему и лицом к еврейскому народу, говорите только с ним»⁴³. Начиная с 1905 года Винавер постоянно стремился инициировать постановку еврейского вопроса на многочисленных в ту пору съездах общероссийских демократических и либеральных организаций.

⁴² Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. С. 158; Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 125; Перельман А. Еврейский мир / предисл. и публ. Е. Г. Рабинович; коммент. В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского ун-та (Москва). № 2 (18). С. 226–277.

⁴³ РНБ ОР. Ф. 332. (Каменецкий С. Л.). Ед. хр. 82. Л. 70–71.

Он настаивал на том, чтобы еврейские интересы учитывались в политической работе кадетов, в том числе и в Государственной думе. В конце концов, он ведь так много сделал для того, чтобы избранные в Думу евреи, практически в полном составе, вместо того чтобы создать собственную национальную фракцию, безоговорочно поддержали фракцию кадетов. Особенно он настаивал на том, чтобы его партия как можно громче протестовала против еврейских погромов и против антисемитской политики властей в целом. В кулуарах Думы и в околопартийных кругах он старался отстаивать интересы своего народа. По своему характеру Винавер стремился не столько использовать трибуну, сколько предпочитал вести «тихие» переговоры как с коллегами по партии, так и с людьми из партий другого политического спектра, но все же не явными юдофобами. Он хотел убедить их в том, что равноправие евреев приведет только к оздоровлению страны. Но даже в рядах своих однопартийцев он постоянно сталкивался с тем, что для многих из них первичными всегда оставались свои собственные тактические резоны. Партия и так постоянно именовалась «еврейской», обвинялась в активном филосемитизме⁴⁴. Главное — это мешало проведению тактической линии партии, направленной на цели, которые можно было достичь только в союзе с партиями, стоявшими на правом от кадетов фланге. Лидеров партии в том числе постоянно занимала проблема «сохранения Думы». Еврейский вопрос был одним из наиболее острых, что пугало кадетов. При этом Винавер стремился убедить партию в том, что ей необходима поддержка еврейского населения. Одновременно на всех конференциях и съездах, в выступлениях в русско-еврейской печати Винавер неуклонно пропагандировал одну и ту же мысль: еврейское равноправие может быть достигнуто только при условии победы русской демократии.

Винавер не призывал в печати к вооруженному сопротивлению погромам. Он выступал в качестве адвоката жертв погромов, адвокатом он был энергичным и категоричным. Не раз из его речей на процессах легко можно было сделать вывод о том, что он не сомневается в том, что за спиной погромщиков стоит

⁴⁴ Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. С. 273–274.

власть. Но никогда он не обвинял русскую общественность даже в равнодушном отношении к антиеврейским массовым выступлениям. Ведь это могло развеять либеральные иллюзии о возможности подлинного русско-еврейского союза. Винаватыми для него всегда были самодержавие и его бюрократический аппарат.

Другое дело В. Жаботинский. Для него не было сомнений в том, что спасение российского еврейства — в проведении собственной, независимой национальной политики. В мемуарах он писал, что, по его мнению, в 1905 году «лагерь ассимиляторов, который отвергал сионизм и группировался вокруг Винавера-Слиозберга и их еженедельника «Восход», уже уразумели в эти дни, что Россия — не Франция и не Германия, и что нет в ней места русакам Моисеева закона [выделено в тексте. — В. К.]»⁴⁵. В ответ на «спасительную тактику» либералов он отвечал: «Я прекрасно понимаю те добрые побуждения, которые заставляют разных господ измышлять все эти проекты спасения, но ничего из этого не выйдет. Спасения нет. Не злая воля подстрекателей, не темнота народной толпы, но сама объективная сила вещей, имя которой чужбина, обратилась ныне против нашего народа, и мы бессильны и беспомощны... Кратеры голуса разверзлись, буря сорвалась с цепи, и чужбина сотворит с нами все, что ей будет угодно. Вы будете корчиться от бешенства и подымать яркие знамена борьбы, вы напряжете все силы духа, чтобы найти тропинку спасения, и сами себе поверите на миг, будто нашли ее, — но я не верю и гнушаюсь утешать себя сказками, и говорю вам со спокойным холодом в каждом атоме моего существа: нет спасения, вы в чужой земле и до конца свершится над вами воля чужбины!»⁴⁶

Жаботинский был постоянно под огнем критики, как со стороны либералов, так и со стороны социалистов. Часто в вину ему ставилось даже его особое отношение к еврейским погромам и тот выход из положения, который он указывал. Левая идишистская и либеральная русско-еврейская печать были полны антиссионистской риторики. Жаботинский часто не обращал на это внимания, но иногда на самые возмущившие его критические

⁴⁵ Жаботинский В. (З.) Повесть моих дней. С. 62.

⁴⁶ Там же.

выступления все же отвечал. Так, в ответ на обвинения в «равнодушии к еврейскому горю» он писал: «Один еврей-журналист воспользовался недавно Белостоком⁴⁷, чтобы сунуть мне в душу свои пальцы и пощупать там, какова моя “погромная философия”. И нашел, что я равнодушен к еврейскому горю. Я ему не ответил — я слишком хорошо понимаю настроение людей этого типа, чтобы гневаться на них за несправедливость или обиду... У меня нет погромной философии. Я не из тех, которым она необходима, чтобы было чем заштопать прорехи, было за что ухватиться, когда чужой ураган опрокинет их вместе с их истуканами... У меня нет ни погромной философии, ни погромной медицины. Я люблю свой народ и Палестину: это моя вера, это ремесло моей жизни, и ничего мне на свете не нужно»⁴⁸.

В свою очередь не избежал нападков и М. М. Винавер. И часть этой критики, касавшейся его работы в еврейской среде, исходила не только из реакционных кругов. Одним из самых яростных его недоброжелателей был Г. А. Ландау⁴⁹. Не менее пристрастно к нему относился и соратник по Партии кадетов, публицист, редактор газеты «Речь» И. В. Гессен⁵⁰.

Особенно возмущался Винавер требованиями сионистов об обязательной дисциплине в предполагаемой еврейской фракции. Винавер считал, что создание им Еврейской народной группы «...явилось, во всяком случае, не преждевременным, а, скорее,

⁴⁷ Имеется в виду еврейский погром, произошедший в Белостоке в первых числах июня 1906 года и отличавшийся не только числом погибших, но и тем, что в нем особенно отчетливо проявилось «государственное участие» (Дело о погроме в Белостоке 1-3 июня 1906 г.). Израильский исследователь С. Наткович считает, что этим «журналистом» могли быть давние оппоненты Жаботинского И. Бикерман и М. Поляков. Тот самый Бикерман, который годы спустя станет одним из авторов берлинского сборника «Россия и евреи», куда вошли работы «кающихся» евреев, пытавшихся «оценить вину своего народа в участии в революции в России».

⁴⁸ Жаботинский В. В траурные дни. С. 31.

⁴⁹ Сын многолетнего издателя и редактора «Восхода», он, видимо, не мог забыть Винаверу то, как он с группой сторонников перехватил у его отца дело издания этого журнала и резко изменил его направленность. Ф. А. Степун, хорошо знавший его, писал: «...русская левопрогрессивная общественность не принимала его потому, что, по ее мнению, русскому еврею надлежало быть если и не социалистом, то, по крайней мере, левым демократом. Ландау же был человеком консервативного духа» (Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 234).

⁵⁰ Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 205, 206, 237, 259.

запоздалым. Группа считает, что еврейский народ должен идти вместе со всеми борющимися за свободу в России, что он здесь не чужестранец, а коренной житель, связанный с Россией навсегда»⁵¹. Сама мысль о возможном разрыве с русской либеральной общественностью была для Винавера невыносима. Ведь, как ему казалось, это лишало евреев поддержки со стороны общества перед лицом государства.

Был и еще один момент в противостоянии между Винавером и Жаботинским. Они по-разному относились к евреям, ушедшим в революцию. Было у них и диаметрально противоположное отношение к проблеме самой роли евреев в революции и в освободительном движении. Для Жаботинского было неприемлемо отдавать «еврейские силы на алтарь свободы чужого народа». Он не без издевки писал уже в 1906 году, что в первые, бурные дни всеобщего эмоционального подъема и успехов освободительного движения «...все, в ком только было достаточно задору, все побежали на шумную площадь творить еврейскими руками русскую историю»⁵². Он считал, что евреи несоразмерно много отдали делу освобождения. «Наши затраты не окупятся для нас, — писал Жаботинский, — но окупятся ли они хоть для общего дела?»⁵³ Он констатировал: «Революции не было. Надо было вызвать ее. И это взяли на себя евреи. Они — легко воспламеняющийся материал, они грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России... О, бесспорно, это заманчивая задача: быть застрельщиком великого дела, разбудить политическое сознание в 150-ти миллионном народе, поднять красное знамя на Литве так высоко, чтоб увидал и Тамбов, и Саратов, и Кострома, чтобы увидали и сказали друг другу: “Пойдем за ними”»⁵⁴. Но все же Жаботинский понимал естественный ход событий, связанных с ролью евреев в революционном движении. Он только утверждал, что «у евреев нет классовой политики... и если он [еврейский народ. — В. К.] выделил много революционеров — значит, такова была

⁵¹ Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 13.

⁵² Фельетоны Вл. Жаботинского. С. 34.

⁵³ Там же. С. 36.

⁵⁴ Там же. С. 37–39.

атмосфера национального настроения. Еврейские баррикады были воздвигнуты по воле еврейского народа. Я в это верю, и раз оно так, я преклоняюсь и приветствую еврейскую революцию. Но на пользу ли народу пошла эта революция?» В отличие от Винавера, он не высказывал претензии на «руководство» этой революцией. Он говорил о том, что «мы честно и дружно пойдем с освободительным движением, ибо вне свободы немислимо национальное сплочение, но самая сила вещей отвела евреям место во вторых рядах, и мы оставляем первые шеренги представителям нации — большинства». Ибо, как утверждал Жаботинский, «в этой земле не нам принадлежит созидательная роль, и мы отказываемся от всяких притязаний на творчество чужой истории»⁵⁵.

Как человек, полностью ассоциировавший себя с русским либеральным и демократическим движением, Винавер в этом вопросе проявил гораздо больше понимания и терпения. По его мнению, еврейский народ должен был идти в первых рядах русской революции. Он готов был встретиться с пониманием и евреям — членов собственно национальных партий и организаций, и тех евреям, кто вступил в общероссийские социалистические партии. Бундовцев, членов отрядов еврейской самообороны, всех тех, кто с оружием в руках шел на баррикады, он неизменно защищал, как тогда, так и позднее.

В 1920-е годы Винавер написал статью, посвященную памяти С. А. Ан-ского. С этим талантливым писателем и поэтом, революционером-народником он сотрудничал в период деятельности Еврейского историко-этнографического общества. В присущей ему манере некрологических воспоминаний он, по сути, выразил свое преклонение либерала-интеллигента перед революционерами-практиками, людьми, способными отстаивать свои убеждения с оружием в руках. Он писал: «Сколько еврейских юношей, только что оторвавшихся от Библии и Талмуда, шли на борьбу и гибли за этот, казалось бы, чужой им крестьянский народ, о котором они знали только, что он трудится и страдает. Они прониклись верою в душу этого народа только потому, что они были приготовлены к вере в правду и добро, в конечное торжество

⁵⁵ Там же. С. 42–43.

справедливости. К этому их готовило общение с пророками, с великими заветами всей еврейской культуры. Семя, брошенное русскими подвижниками, боровшимися во имя правды-истины и правды-справедливости, пало на благодарную почву, и непрерывную цепью, в течение десятков лет, тянулись еврейские юноши в ряды этих партий, которые строили благо народа на вере в имманентное, присущее мистическому целому — человечеству или народу — стремление к добру. Кое-кто готов был потом — в годы погромов — кидать в этих мечтателей камень за то, что они шли “стеречь чужие виноградники”. Обвинение дикое. Бороться за правду значит исполнять заповедь еврейских пророков, значит стеречь свои, а не чужие виноградники»⁵⁶. В этом выразилась суть понимания Винавером истоков той особой еврейской революционности, которая в основном оказалась недоступна ни его, ни последующим поколениям.

Между Винавером и Жаботинским существовала и личная неприязнь. На это обстоятельство намекал и сам Жаботинский в своих мемуарах. В них он прямо обвинил Винавера в обмане в вопросе о создании в Думе национальной фракции. Он писал, что после решительного требования на съезде «Союза полноправия» создания такой фракции «Винавер со своей группой противился изо всех сил нашему требованию, но его мы тоже заставили подписать обязательства, что он подчинится, если съезд “Союза за достижение”, который будет созван после выборов... решит большинством голосов создать фракцию... Съезд большинством голосов принял наши требования, но, вопреки своим письменным обязательствам, наши противники не подчинились его решениям». Это, по словам Жаботинского, и привело к окончательному решению о том, что «...в будущем борьбу за права в галуте сионисты тоже будут вести отдельно, под своим сионистским знаменем»⁵⁷.

Отрицательное отношение сионистов к кадетам, но еще в рамках «Союза полноправия», особенно стало заметно в период подготовки к выборам во II Думу. В ряде мест черты оседлости

⁵⁶ Винавер М. Революционер и фольклорист (С. А. Ан-ский) // Винавер М. Недавнее: 2 изд. Париж, 1926. С. 37–43.

⁵⁷ Жаботинский В. (З.) Повесть моих дней. С. 70–71.

они прямо выступили против кандидатов-евреев, выдвигавшихся от этой партии⁵⁸.

Собравшись на свой Третий всероссийский съезд в Гельсингфорсе в ноябре 1906 года, сионисты еще раз, но в еще более определенной форме заявили о своих непреодолимых расхождениях с Винавером и его группой. Как писал в начале января 1907 года Зайденман, «Гельсингфорский съезд ничего в нашей позиции не изменил. Он лишь устранил ту неясность отношений, которая была между сионистами и теми группами и партиями, которые подобно «народной группе» заимствовали обрывки наших требований и прикрывают ими свой истинный облик»⁵⁹. В итоге можно сказать, что в основе противоречий между Винавером и Жаботинским, как и в противостоянии либералов и сионистов в целом, лежало разное понимание сути положения евреев в России и природы антисемитизма. Для Винавера, воспитанного в русско-еврейской среде либеральных салонов Петербурга 1890-х годов, антисемитизм имел преходящее значение, был производным от уровня культуры и связан с политикой самодержавия. Для одессита Жаботинского, пришедшего к пониманию «вечности» юдофобии как части психологического состояния человека под воздействием текущих событий и собственного опыта, это явление было непреходящим, стоящем вне зависимости от уровня человеческой культуры, экономического, политического и социального строя. Еврейские либералы и сионисты действовали по существу на одном поле — их адептом являлась еврейская интеллигенция. Поэтому деятельность и тех, и других осуществлялась зачастую в одних и тех же «русских» кругах, но имела разнонаправленный характер. Как мне кажется, в деятельности Винавера по продвижению и защите национальных интересов оставались еще рудименты штатланута. Он часто предпочитал действовать в кулуарах, искал консенсус с оппонентами как в русской, так и в еврейской среде. Жаботинский, в силу возраста и темперамента, шел напролом. Да и конечные цели у них были разными.

⁵⁸ Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. С. 376–377.

⁵⁹ Рассвет. 1907. № 1. С. 15.

Глава 7

РАЗБРОД И ШАТАНИЕ

История — это памфлет против
всех партий.

Ральф Уолдо Эмерсон

В начале 1907 года в недрах «Союза» образовалось несколько групп и направлений, имевших глубинные идейные и тактические расхождения. Резко усилившаяся после съезда в Финляндии деятельность российских сионистов, создание альтернативных им Еврейской демократической¹ и Еврейской народной групп, а также Еврейской народной партии («Фолкспартей») привели «Союз» к неизбежной ликвидации. В немалой степени этому содействовали и такие общие российские реалии, как погромы, спад оппозиционных настроений в обществе, разгоны Государственной думы и осознание готовности большинства российских политических партий в сложившихся условиях «пожертвовать евреями» при осуществлении сиюминутной тактики, как в Думе, так и на общероссийской политической арене². Постоянное ужесточение избирательных законов привело, наряду с другими обстоятельствами, к тому, что еврейское представительство в каждой последующей Думе только сокращалось, и «еврейская политика» корректировалась³.

¹ Правда, Еврейская демократическая группа появилась еще в самом начале века. В ее состав входили те активисты «Бюро защиты», которые не были согласны с тактикой, предложенной М. М. Винавером и методами его работы «в кулуарах» и излишней, с их точки зрения, близостью его с русским освободительным движением. В группу изначально входили А. И. Браудо, Г. А. Ландау, Я. Г. Фрумкин, С. Л. Каменецкий, Л. М. Брамсон, Р. М. Бланк, И. М. Бикерман. Группа не была связана какой-либо дисциплиной и не имела явной организационной доминанты (Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 68–70).

² Галай С. М. Еврейские погромы и роспуск I Государственной думы в 1906 году // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 23–42; Harcave S. The Jewish Question in First Russian Duma // Jewish Social Studies. 1944. Vol. 6. P. 155–176; Orbach A. The Jewish People's Grup and Jewish Politics in Tsarist Russia; Gassenschmidt Ch. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia; Levin V. Russian Jewry and the Duma Elections: 1906–1907 // Jews and Slavs. 2000. Vol. 7. P. 233–264.

³ Ландау Г. А. Первые шаги в еврейской думской политике. СПб., 1911.

Буквально одновременно со съездом сионистов, проходившем в Гельсингфорсе, в Петербурге состоялось собрание, в срочном порядке провозгласившее создание особой организации — Еврейской народной группы, в которую вошли сторонники либерального движения, преимущественно активисты Партии кадетов. В первых же своих документах они провозгласили свое неприятие целей российского сионистского движения⁴. В руководство и актив Народной группы входили: М. М. Винавер, Р. М. Бланк, А. Г. Горнфельд, М. Л. Гольдштейн, А. С. Изгоев, М. И. Кулишер, М. Я. Острогорский, С. В. Познер, Л. А. Сев, Г. Б. Слиозберг, М. Г. Сыркин, М. Л. Тривус (Шми), М. И. Шефтель, Л. Я. Штернберг и другие. Все они уже много лет были тесно связаны с русским либеральным и демократическим движением. Многие из них еще в 1880–1890-е годы отстаивали еврейские интересы перед лицом русской общественности. На первом организационном собрании 17 января 1907 года Винавер, председательствовавший на нем, не совсем корректно изложил историю вопроса. Он сказал: «Два года назад был создан “Союз полноправия”, и в него вошли представители разных направлений, в том числе сионисты. Сначала казалось, что совместная работа возможна. Но в ноябре 1905 г. на III съезде появилась тенденция сионистов обособиться и создать собственную группу. В мае 1906 г. на IV съезде сионисты предложили создать еврейскую фракцию в Государственной Думе и победили... Тогда Еврейская народная группа вышла из Союза... мы сочли за лучшее выступить из Союза, чем подчиниться такому бездумному решению»⁵.

Основная задача новой организации формулировалась Винавером как «...содействие политическому и национальному освобождению еврейства — и эта цель может быть достигнута только при условии полной демократизации государственного строя и утверждения политической свободы»⁶.

Далее он заявил: «Национальная программа группы ставит целью развитие и сохранение культурно-национального облика еврейства в условиях тех государственных форм, которые будут

⁴ Еврейская народная группа.

⁵ Свобода и равенство. 1907. № 6. С. 12–13.

⁶ Там же.

добыты политической борьбой, и в непосредственном общении и единении со всеми другими национальностями, населяющими Россию».

В заключительном слове Винавер сказал о том, что их цель — «...организовать тех, кто в Сион не верит, кто желает здесь организовать еврейство для борьбы за свободу и за национальное развитие»⁷.

В Манифесте Еврейской народной группы говорилось о ее отрицательном отношении «...как к тем партиям, которые смотрят на организацию еврейских сил в России лишь с точки зрения устройства судьбы еврейского народа вне России (сионизм), так и к тем, которые стремятся внести в организацию национальных учреждений еврейства начало принудительности»⁸.

При этом новое политическое объединение декларировало: «Еврейская народная группа является организацией внеклассовой и внепартийной и включает в свой состав все как партийно организованные, так и партийно неорганизованные элементы еврейства, сходящиеся на общедемократической платформе»⁹. Годы спустя, уже в эмиграции, М. М. Винавер писал: «Еврейская народная группа с момента своего возникновения в 1907 г. ставила своей задачей борьбу за еврейское равноправие и охрану культурных ценностей еврейского народа. Борясь за равноправие, Группа всегда шла рука об руку с русскими демократическими партиями, твердо веря, что установление в России государственного строя, основанного на уважении к правам и свободам, лучше всего гарантирует не только физическое сохранение еврейского народа, но и полное развитие духовных его сил. Еврейская народная группа никогда не связывала судьбу еврейского народа с созданием для него отдельного государственного бытия, с особой территорией — будь то в Палестине или в другом месте. Являясь гражданами тех стран, с которыми их связала судьба, евреи обязаны вести политическую борьбу совместно со своими

⁷ Свобода и равенство. 1907. № 6. С. 15.

⁸ Там же. № 12. С. 10–11.

⁹ Там же.

союзниками неевреями и должны выполнять свою обязанность лишь в качестве культурно-национального целого. Отстаивая такое свое положение, еврейство не только оградит себя от вражды окружающих народов, но и окрепнет духовно, и даст возможность исполнить ту миссию, которая завещана нам великими нашими первоучителями и которую в течение тысячелетий исполняло еврейство, в деле служения общим идеалам правды и добра»¹⁰.

Сам Винавер заявлял: «Мы не партия, мы ставим своей задачей национальное объединение»¹¹.

Сионисты язвительно называли новое политическое объединение «Союзом активной борьбы с сионизмом».

Открытая и столь резкая поляризация позиций не могла не вызвать острой взаимной полемики на страницах периодической печати. На протяжении всего 1907 года сионисты и либералы обменивались всевозможными обвинениями в адрес друг друга. Винавер боялся того, что позиция сионистов повлияет на его авторитет как лидера российского еврейства в глазах соратников по Партии кадетов и снизит градус их поддержки его тактики в достижении еврейского равноправия.

Особенно яростно полемика между сионистами и либералами велась в 1907 году. В ответ на критику со стороны Винавера и его сторонников сионисты развернули на страницах своих изданий кампанию, направленную непосредственно против главного своего противника.

В январе 1907 года в сионистском журнале «Еврейский народ» его редактор Арнольд Зайденман опубликовал открытое письмо Винаверу:

«М[илостивый] Г[осударь] Максим Моисеевич!

В газетах появилось извлечение из воззвания, выпущенного “Еврейской народной группой”, образовавшейся в составе “Союза за полноправие евреев в России”. Так как в этом воззвании есть заведомо ложные утверждения, и в числе других имен

¹⁰ Institute for Jewish Research (YIVO). New York, USA. Tcherikover Collection. RG. 84. F. 790 P. 65976.

¹¹ Там же.

под воззванием напечатано и Ваше, то не откажите объяснить, каким образом Вы — человек с определенной политической физиономией — решились подписать свое имя под такими утверждениями, которые с истиной равно ничего не имеют?

Воззвание Ваше гласит: “Под этим (сионистским. — А. З.) знаменем должны проходить их (сионистов. — А. З.), кандидаты затем, чтобы [здесь и далее выделено в тексте. — В. К.] с трибуны Государственной думы объявить русскому народу, что евреи здесь иностранцы”. И далее: ...чуждые участия в обеих политических партиях, которые вершат судьбы страны, они (сионисты. — А. З.) должны покидать свое уединение только для того, чтобы с трибуны думы заявить о том, что евреи не “оседлые жители чужбины”.

Я прохожу молчанием все остальное, как представляющее собою в большей или меньшей степени либо Ваши или Ваших товарищей по Группе взгляды, либо плоды непонимания, и останавливаясь на цитированных словах, утверждаю, что в них заключается: 1) Заведомое извращение факта и 2) Ложь.

В воззвании идет речь об образовании особой сионистской партии — ерго о резолюциях гельсингфорского съезда, ибо там партия конституирована и определены ее задачи. Между тем в резолюциях написано, что члены сионистской партии не могут вступать ни в какие еврейские партии, об общих же российских ни словом ни упомянуто. В этом пункте, следовательно, Ваше воззвание извращает факты.

Далее: цель участия сионистов в парламенте Вы определяете, как стремление “заявить о том, что евреи не оседлые жители чужбины”. При этом слова “оседлые жители чужбины” Вы заключаете в кавычки, давая этим понять, что эти слова якобы заимствованы из тех же резолюций или другого официального сионистского источника. А так как слова эти составляют продукт фантазии сочинителя воззвания, и все вообще определение цели участия сионистов в парламенте сплошь *выдуманно* (сравните резолюции гельсингфоргского съезда в “Еврейском народе” № 7), то в этом пункте воззвание, под которым в числе других подписано и Ваше имя, *утверждает ложь*.

Я обращаюсь к Вам, потому что привык уважать Вас, всегда верил в Вашу политическую искренность и знал, что сами

Вы — враг сионизма, но Вы менее, чем кто бы то ни было, склонны пользоваться подобными средствами для борьбы с ним»¹².

Ответ Винавера был напечатан в органе его группы, еженедельнике «Свобода и равенство» под названием: «Ответ на открытое письмо г-на А. Зайденмана»:

«Милостивый Государь, Вы обратились ко мне на страницах сегодняшней “Молодой жизни” с открытым письмом по поводу воззвания “Еврейской народной группы”. Не знаю, почему Вы взяли на себя труд обращаться ко мне, а не тот, кто был главным застрельщиком идеи о самостоятельной сионистской партии, выступал как докладчик по этому вопросу на гельсингфорском съезде, идейно обосновал это выступление на страницах Вашего органа. Надо думать, что у него не хватило бы смелости называть “продуктом фантазии” заимствованное у него провозглашение евреев “неоседлыми жителями чужбины” и объявить “ложью” заимствование у него же обоснования тех целей, ради которых создана по его почину особая сионистская партия в России. Он не обнаружил бы также, я надеюсь, столько политической трусости, чтобы прикрываться формальными отводами и не признать открыто, что мы правильно вскрыли те цели сионизма, для достижения которых и конструирована теперь особая сионистская политическая партия в России.

Жалко также, что Вы поспешили своим письмом, не выяснив появления самого воззвания “Еврейской народной группы”, которое только сегодня рассылается; Вы сочли возможным выступить с Вашим насыщенным уголовными терминами ответом на основании двух газетных “извлечений”, как Вы сами их называете, — извлечений, даже друг с другом не согласованных.

Но я оставляю в стороне все эти несообразности и готов ответить по существу, так как вопрос сам по себе важен, и я считаю необходимым поставить его со всей ясностью и определенностью. Позволю, прежде всего, однако, привести всего одну цитату, по прочтению которой Вы, может быть, поймете, откуда “сочинитель воззвания Еврейской народной группы” заимствовал мнимые “продукты своей фантазии”. В № 23 Вашей газеты (но тогда называвшейся “Хроника еврейской жизни”),

¹² Еврейский народ. 1907. № 1. С. 3.

единственного на русском языке партийного органа вашего, помещена статья “Наши задачи” за подписью Вл. Жаботинского, докладчика на Вашем съезде, статья эта так и начинается: “Нам предстоит общеделегатский съезд сионистов в России, и потому “как материал для съезда” дается “сжатая сводка наших ближайших задач”. Задачи распределены на пять групп, и в первой из них, озаглавленной “Наши требования в России”, сказано “В нашу платформу — в платформу сионистского отношения к России не вкладывается ни одно требование, под которым бы таилась тенденция прикрепить еврейство к этой земле... Один из недругов сионизма формулировал эту платформу еще короче: “собраться... чтобы убраться”. Сквозь ироническую форму он был совершенно прав... Что такое в последнем итоге еврейская автономия, которой мы требуем? Организация выселения. Надо твердо усвоить принципиальную разницу между содержанием и целью нашей работы для подъема и их (т. е. не сионистов. — М. В.) стараний в том же направлении. Разница в том, что для них объектом подъема будет еврей, как оседлый житель чужбины, т. е. фикция... между тем, как для нас объектом подъема будет еврей, как принципиальный эмигрант, и все наши мероприятия будут приспособлены к реальным условиям национального экзода... Работой подъема должно руководить не утопическое стремление “опочвить” еврея на чужбине, а сознательное желание подкрепить странника на пути и для пути. Чтобы принести пользу еврейскому национальному организму, каждый кусок здешнего хлеба должен быть, как солью, пропитан сознанием чужбины, экзода, сионизма”.

По прочтению этой, — к сожалению, по недостатку места, еще не совсем полной, — цитаты, в которой Вы, вероятно, уже успели заметить и пассаж об “оседлых жителях чужбины” — Вы, надеюсь, с меньшей развязностью будете говорить о “продукте фантазии сочинителя воззвания” и о “выдуманности” целей сионизма в России.

Но Вы вздумали формально отвести от себя удар; Вы не опровергаете по существу наших указаний на Ваши цели — это было бы хоть смело и откровенно — Вы вздумали прикрыться краткостью резолютивной части вашего решения, да и то предпочли не всю эту часть и привести. Вы признаете,

что вы в Гельсингфорсе образовали особую, предназначенную участвовать в русской политической жизни отдельно от других еврейских групп, сионистскую политическую партию. Но вы умалчиваете: для чего вы ее образовали. В формуле съезда сказано: “для осуществления задач сионизма”. Каковы же эти задачи, отдельные от других еврейских групп? Заявите же откровенно: правильно или неправильно эти задачи формулированы в вашем же органе, откуда их мы и взяли в “кавычки” или вы от вашей формулировки, от формулировки докладчика, который победоносно провел свою мысль на съезде, — отрекаетесь? Вы призвали на съезде к тому, чтобы, участвуя в общеполитической жизни страны, избирая, заседаая в Государственной думе, сионисты всегда действовали как особая партия “под своим флагом”, как вы выразились. Что же, этот флаг у вас предназначен для частного употребления, и вы думаете его скрыть на трибуне Государственной думы? Для чего же Вы тогда обособлялись в особую сионистскую партию, если вы не желаете производить то, что составляет все отличие вашего флага от флага других групп в еврействе, если вы не желаете объявить того, что считаете за основу вашей политической веры, если вы думаете скрывать, что признаете себя неоседлыми жителями чужбины, принципиальными эмигрантами. На вашем съезде об этих вещах говорилось откровеннее. Там, более искренние защитники ваших положений не скрывали от себя, что разворачивать флаг придется не только в совещаниях за пределами России, не только на страницах читаемого евреями сионистского органа, но и перед лицом русского народа, с трибуны Государственной думы: “В первой речи, которую произнесет еврейский депутат в Государственной думе в защиту еврейского равноправия (заметьте: даже в защиту равноправия), уже будет разница между речью сиониста и речью националиста”. Наконец, есть же и среди вас не вполне ослепленные миражом обособления люди, которые должны понимать, что если вы сами даже пожелаете умолчать о флаге “жителей чужбины”, жаждущих только “организации выселения”, то ведь вас, выступающих как особая политическая партия, об этом флаге с той же трибуны спросят. Мало того: под этим флагом укроются и те представители реакции, которые давно уже желают нас объявить иностранцами в России, и когда

они вас с трибуны Государственной думы объявят жителями чужбины, отречетесь ли вы тогда от вашего флага? Скажите.

Для еврейского народа, среди которого вы агитируете, который вы убеждаете посылать Ваших людей в Думу, это не вопрос фраз, не вопрос газетной полемики с большей или меньшей степени смелостью в изобретении “продуктов фантазии”, — это вопрос жизни и смерти. Не смейте же шутить с ним. Вы говорите, что цените в вашем противнике политическую искренность. Обнаружьте же Вы сами хоть каплю этой искренности. Только ее мы от Вас и требуем.

Вы называете меня врагом сионизма. Это правда. Но мое принципиально враждебное отношение к сионизму не мешало мне в течение всей пройденной двухгодичной стадии нашего эмансипационного движения, отстаивать единение всех элементов еврейства — сионистских и не сионистских и проявлять это стремление на деле. Поначалу — я это охотно признаю публично, — стремление это встречало отклик и содействие в среде самих сионистов, понимавших, как мне казалось, что безрассудно добиваться политических прав и участвовать в законодательном творчестве страны, которая объявляется “чужбиною”, что не может быть речи о политической партии в России, которая бы весь смысл свой видела в организации своего же выселения из России.

Возродится ли в освобожденном еврействе вновь мечта об исходе в Палестину — эта мысль не должна мешать нашей работе и сознаюсь, менее всего должна была мешать теперь, когда даже первые этапы освободительной борьбы еще не пройдены. Во всяком случае, все, что казалось мне делом пропаганды, могущей служить основой для какой угодно организационной формы действия, но не для особой политической партии в России, предназначенной, так или иначе, участвовать в решении вопроса о судьбах евреев, как русских граждан и даже о судьбах самой России.

Теперь вдруг вопрос облекся в плоть, в, как мне кажется, совершенно фантастический план: часть сионистов, продолжавших и на съезде стоять на общей со мной точке зрения, оказалась в меньшинстве, сионисты образуют особую политическую партию, они проводят своих кандидатов в Государственную думу и кандидаты эти должны [выделено в тексте. — В. К.] — если

только они будут элементарно честны (в чем я не желаю сомневаться) — должны отстаивать свои взгляды, которые им как особой партии свойственны. Тут уже дело не во вражде или в симпатии к сионизму, как идее. Тут пресекается всякая возможность общего действия, и должна начаться защита еврейства, как целого, от последствий безумного шага одной его части. Такова была основа нашего воззвания, такова будет основа деятельности нового печатного органа, который будет отражать наши взгляды.

Если мы не правы — докажите нам, отражайте наши доводы по существу, но не думайте отделяться от жизненных вопросов упражнениями в писании открытых писем, ограничивающихся более или менее грубыми формальными придирками и оставляющих под таинственным прикрытием то, что является единственно существенным и важным»¹³.

29 января 1907 года на собрании Еврейской народной группы, все еще числившей себя в составе «Союза полноправия», продолжилась дискуссия с сионистами. В ходе полемики Винавер говорил: «Мы убеждены, что национальное развитие еврейства теснейшим образом связано с демократизацией еврейского общества, и что только в условиях демократического строя, в лоне свободного союза может быть выработана сущность национальной программы. Во имя этой национальной программы необходимо настаивать на укреплении демократических начал».

Далее он не удержался и вновь обрушился с критикой на сторонников сионизма, говоря: «Сионизм по существу своему не может и не должен прочно связываться с той или иной формой государственной жизни здесь [выделено в тексте. — В. К.]. Какой режим ему дает наиболее легкий способ “убраться”, тот и будет для него годиться»¹⁴.

¹³ Свобода и равенство. 1907. № 1. С. 3–5.

¹⁴ Там же. № 2. С. 14. Интересно, что примерно те же доводы, направленные против сионизма, приводил и американский финансист, меценат и общественный деятель, человек, многие годы бывший спонсором различных начинаний русского еврейства, Яааков (Джейкоб) Шифф. В 1907 году он писал одному из лидеров сионизма в США, ученому-гебраисту С. Шехтеру: «...будучи американцем, я ни в коем случае не могу согласиться с тем, что можно одновременно быть истинным американцем и искренним приверженцем сионистского движения... Еврею не

Бесспорно, ударом по Винаверу и его единомышленникам по «Союзу полноправия» стали результаты выборов в I Думу в губерниях черты оседлости. Только террором и давлением с использованием административного ресурса нельзя объяснить тот факт, что от этих губерний в Думу прошли 80 депутатов-черносотенцев. В стране произошел определенный моральный «откат». Власти, опираясь на консервативное большинство, в короткий срок смогли справиться с подъемом общественного движения. Интеллигенция, являвшаяся ведущей силой в попытках модернизировать Россию, испытывала сложные чувства: от разочарования до пересмотра многих былых убеждений. Годы спустя, уже в эмиграции, Винавер признавался в том, что и он, и его соратники по либеральному движению не учли монархические, традиционалистские настроения русского общества в целом и крестьянства в частности¹⁵.

Характеризуя позиции политических партий в отношении еврейского вопроса, сионистский «Рассвет» в январе 1907 года писал: «Центр российских политических партий составляют «кадеты», и в еврейском вопросе они занимают среднее место. Они не исключают участия евреев в общих благах, которые дает свободная Россия, но относятся отрицательно к вопросу о предоставлении нам самостоятельности... кадеты в своих официальных и неофициальных органах чрезвычайно враждебно относятся ко всякому проявлению еврейского национального самосознания и всяким еврейским национальным требованиям». Уже в той же статье ее анонимный автор прямо констатирует: «...нам придется в недалеком будущем бороться против них за свое национальное существование»¹⁶.

следует думать, что он нашел в нашей стране лишь «убежище»; он не должен чувствовать, что находится в ссылке и его пребывание здесь лишь временное и преходящее... никто не смеет предъявить на нас права, кроме той страны, гражданами которой мы стали по доброй воле» (цит. по: Адлер С. Дж. Г. Шифф: Гений финансового мира и главный спонсор русских революций. С. 426). Об этих антиссионистских настроениях Шиффа либералы в России были хорошо осведомлены, так как Г. Б. Слиозберг встречался с ним в 1904 году (*Слиозберг Г. Б. О встрече с Я. Шиффом в 1904 г. // Еврейская трибуна. 1920. № 5. С. 5*).

¹⁵ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 267–302.

¹⁶ Рассвет. 1907. № 1. С. 3.

На Первом съезде Еврейской народной группы в феврале 1907 года Винавер, в свою очередь, сказал о сионистах: «Их цели могут быть высоки, но они — не наши цели»¹⁷.

В основе разногласий между либералами и сионистами в России начала XX века лежало диаметрально противоположное понимание исторических судеб еврейского народа. Сионисты были убеждены в том, что антисемитизм как явление inferнальное будет существовать всегда, вне зависимости от всеобщих демократических завоеваний и изменений государственного строя. Единственным выходом из этого положения, как они считали, могло быть только создание собственного национального государства.

Либералы, как русские, так и еврейские, уповали лишь на достижение всеобщего национального равноправия как панацеи от государственного антисемитизма.

С первых дней существования Думы Винавер прилагал огромные усилия к конструированию еврейской национальной позиции. Можно сказать, что его «идеей фикс» было убеждение в том, что еврейское равноправие может быть достигнуто только при условии органичного включения еврейских национальных требований в общий контекст политической линии прогрессивной общественности. Это, в свою очередь, требовало отказа от проведения самостоятельной «еврейской политики» или значительного добровольного ограничения на нее. Категорически звучало требование Винавера и его сторонников отказаться от создания в Думе собственной национальной фракции¹⁸. Вероятно, это было неким негласным пактом между руководителями Партии кадетов и Винавером, которого они расценивали как влиятельного руководителя еврейского национального движения. В свою очередь, еврейская общественность видела в нем видного русского политического деятеля, одного из лидеров Партии кадетов¹⁹. Еврейские национальные чаяния стали частью

¹⁷ Свобода и равенство. 1907. № 18. С. 9.

¹⁸ Horowitz B. Maksim Vinaver und die erste russische Staatsduma // Von Duma zu Duma: Hundert Jahre Russischer Parlamentarismus / Hg. P. Trees. Bonn, 2008. S. 115–131.

¹⁹ Это подтверждается и тем, что отчеты о ходе выборов с мест отправлялись непосредственно М. М. Винаверу.

общих требований по реформированию русского репрессивного законодательства в отношении представителей «всех народов и вероисповедальных групп, как части закона о гражданском равенстве»²⁰.

В то же самое время в рядах еврейского национального движения появилась и «третья сила» — созданная Дубновым Еврейская народная партия («Фолкспартей»). В 1906 году, создавая программу Еврейской народной партии, Дубнов еще оставался в рамках, обозначенных «Союзом для достижения полноправия еврейского народа в России». Рассматривая «Союз» исключительно как внепартийное объединение, прокламирующее общую борьбу народа за политические, гражданские и национальные права, он видел в его программе идеи, созвучные требованиям как сионистов, так и части национально настроенных сторонников социалистических партий. Объединительным фактором являлась выработанная им теория национально-культурной автономии²¹. Выступая на Третьем съезде «Союза», он настаивал на создании параллельных структур: национально-политической и национально-культурной. Первая была призвана создать Всероссийское еврейское национальное собрание на основе всеобщего и равного избирательного права для определения форм национального самоопределения, а вторая, опираясь на автономию — общинные организации и приступить к решению национально-культурных задач²².

В октябре 1907 года в интервью корреспонденту газеты *The American Hebrew* Дубнов в высшей степени пессимистично оценил не только возможности еврейских депутатов, но и вообще перспективы изменения отношения к еврейскому вопросу. Поэтому он воспользовался случаем и обратился к американскому еврейству с призывом содействовать усилению эмиграции из России и помощи в их обустройстве²³.

²⁰ Свобода и равенство. 1907. № 3. С. 5.

²¹ Дубнов С. М. Письма о старом и новом еврействе: (1897–1907). СПб., 1907. С. 342.

²² РНБ ОР. Ф. 332 (Каменецкий С. Л.). Ед. хр. 82.

²³ Dubnow S. On the Eve of the Third Duma // *The American Hebrew*. 1907. October 25. P. 7.

В этих обстоятельствах Дубнов принял решение организационно оформить содружество людей, выражавших согласие с его теорией национально-культурной автономии. В декабре 1906 года в Петербурге была создана Еврейская народная партия («Фолкспартей»). У ее истоков рядом с Дубновым стояли М. Н. Крейнин, А. В. Залкинд, В. С. Мандель, С. И. Хоронжицкий. Все они и раньше принимали участие в еврейском общественном движении.

Политическая платформа партии в целом была обоснована Дубновым еще в «Письмах о старом и новом еврействе» и в выступлениях на съездах «Союза». Теперь требовалось придать ей концентрированный вид, изложить ее кратко, с учетом политических реалий новейшего времени. Программа партии была создана временно-организационным комитетом во главе с Дубновым. Ее публикацию он предварил вступительной статьей. В ней говорилось: «Еврейский народ переживает ныне один из величайших кризисов своей истории. Своеобразие нового кризиса заключается в том, что в основе его сочетались элементы освободительного движения, сулящего угнетенному народу эмансипацию, с элементами самой варварской юдофобской реакции»²⁴. При создании программы он и его соратники исходили из двух пунктов: осознания реальной общности и солидарности народных интересов всех частей еврейства в политической, гражданской и национально-культурной сферах и убеждения в том, что в борьбе за национальное существование евреи должны выступать как представители единой нации²⁵. Дубнов априори рассматривал еврейство в диаспоре как единую нацию, которая в силу исторических причин находится в составе различных государств, но не входит в состав иных наций. Он был убежден в том, что также рассматривают еврейство и враждебные народу силы, направляющие свою политику не против его отдельных социальных слоев, а против еврейства как целого. Здесь он вновь возмущался политикой социалистических партий и групп, которые даже в условиях небывалой «погромной эпидемии», ставят свои — часто отдаленные — партийные цели

²⁴ Volkspartei. Еврейская народная партия. С. 3.

²⁵ Там же. С. 4.

выше общенародных интересов данного момента». Он считал, что «терзаемое извне врагами еврейство раздирается внутрипартийными распрями, которые должны были бы умолкнуть хотя бы до минования явной общественной опасности»²⁶.

Дубнов был одним из немногих политиков того времени, которые задумывались над проблемами еврейской жизни в «освобожденной России». При этом он опирался на опыт западно-европейского еврейства. Он убежденно говорил: «Завоевав для себя свободную гражданскую жизнь, мы не застрахованы от национальной смерти [выделено в тексте. — В. К.], или, по крайней мере, от медленного вырождения, если не позаботимся о тех гарантиях внутренней социально-культурной автономии, которые составляют минимум политических требований всякого национального меньшинства, не желающего раствориться среди окружающего большинства»²⁷. Он заклинал не повторять ошибки западноевропейского еврейства, «купившего себе гражданское равноправие, дав задаток на ассимиляцию»²⁸, превратившей его во французов, немцев или англичан «Моисеева закона».

Во вступительной статье к партийной программе Дубнов не скрывал включения организаторами Еврейской народной партии в общую часть своей платформы основных пунктов программы Партии конституционных демократов. При этом они исходили из понимания того, что решение национальных проблем возможно только в условиях победы конституционного строя и получения твердых политических гарантий для всего населения страны. Проектируя формы внутренней еврейской автономии, он опирался на исторический опыт общинного самоуправления. Только при этом Дубнов не забыл отметить разницу между прежней религиозной общиной и современным секуляризированным сообществом, сплоченным национальной идеей. Это сообщество он назвал «национальной общиной» и считал ее основой еврейского самоуправления, которая должна иметь выборные органы для руководства местными культурными, кооперативными и благотворительными учреждениями. Эти общины,

²⁶ Volkspartei. Еврейская народная партия. С. 4.

²⁷ Там же. С. 6.

²⁸ Там же. С. 7.

объединившись, по его мысли, образовали бы всероссийский «Союз еврейских общин» во главе с органами самоуправления всех сфер национально-культурной жизни еврейства. Важнейшим элементом этих национальных построений он считал автономную еврейскую систему школьного образования.

В отличие от других еврейских политических партий и организаций, Еврейская народная партия в своей программе ставила проблему эмиграции. Считая массовое бегство евреев из России естественной формой протеста, партийное руководство требовало принять меры по регулированию этого процесса. Дубнов был уверен, что эмиграция не решит еврейский вопрос в диаспоре, но при этом еврейство получит в Палестине свой духовный центр, а в Америке — экономический.

Отношения с другими еврейскими политическими образованиями он призывал строить на основе «верховенства общенародной политики» и идти на союз только в тех аспектах, которые совпадают с программой «Фолкспартей». Рассматривая свою партию в качестве «ядра организованной нации», Дубнов призывал присоединяться к ней «все жизнеспособные элементы еврейства, ставящие выше всего сохранение и свободное развитие своего народа во всех странах»²⁹.

Отстаивая политическую самостоятельность «еврейской революции», Дубнов резко полемизировал со своими идейными противниками. Создавая Еврейскую народную партию, он признавал ближайшим ее союзником в общероссийском политическом лагере Партию конституционных демократов. Но при этом постоянно напоминал о необходимости сохранения «суверенитета». Он предлагал «бороться рядом с русскими “кадетами”... как особый легион, под своим национальным знаменем — за основы демократической конституции, без которой нет гарантий равноправия»³⁰.

Особенно резко против новой партии выступал его недавний соратник по «Союзу полноправия» М. М. Винавер и его

²⁹ Там же. С. 17; *Rabinovitch S. Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia*. P. 79–110.

³⁰ Дубнов С. М. Письма о старом и новом еврействе. С. 333; *Seltzer R. M. Jewish Liberalism in Late Tsarist Russia // Contemporary Jewry*. 1987. Vol. 9. P. 57–58.

окружение. Дубнов позднее вспоминал: «Винаверовская “Народная группа” дала сигнал к атаке на сионистов и “Фолкспартей”. В агитационном собрании однажды выступил с тяжелой артиллерией сам Винавер. Он тут развил свой взгляд на национальный вопрос: русский народ есть наша политическая нация, а еврейство — наша культурная нация, поэтому нельзя говорить о полноценной и автономной еврейской нации, а только о еврейской народной группе среди русской политической нации... В публичной дискуссии Винавер упрекал “Фолкспартей”, что она идет в Каноссу к сионистам, “принципиальным эмигрантам”, а я отвечал ему упреком, что “Народная группа” держится системы открытых дверей, через которые она гостеприимно пропускает всех ассимиляторов»³¹.

Группа Винавера опиралась на еженедельник «Свобода и равенство». На его страницах печаталось много статей, полных нападок на политических противников — как сионистов, так и сторонников «Фолкспартей». Особую активность проявляли давно уже связанный с Винавером адвокат М. Л. Тривус³², бывший радикальный революционер-народоволец, а в ту пору уже крупный ученый-этнограф Л. Я. Штернберг и старый сторонник принципов штадланута Г. Б. Слиозберг³³. В своих выступлениях в печати они доказывали, что, по мнению их группы, а значит, и Винавера, «...светская “национальная община” как основа еврейской автономии никогда не будет признана еврейским народом, состоящим из религиозных общин, а Штейнберг упрекал меня в недостатке веры в живучесть еврейства, которому вовсе не нужна строгая национальная дисциплина»³⁴.

Для полемики с Народной группой свои страницы предоставила выходившая в свет на идише петербургская газета «Дер

³¹ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 311.

³² Пройдут годы, и уже при советской власти Тривус, став образцовым служащим, заявит о том, что он «всегда был большевиком» (Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 74).

³³ «Хотя “злые языки” острили, что разница между Милюковым и Винавером состоит в том, что Милюков смело идет на трибуну, чтобы публично сказать какую-нибудь глупость, которая ему взбредет в голову, а Винавер для этой цели посылает Слиозберга» (Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 43).

³⁴ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 311.

Фрайнд». Ее редактор С. М. Гинзбург давно уже неприязненно относился к Винаверу и потому готов был предоставить свою газету любому его противнику³⁵. В конце концов полемика свелась к обсуждению извечной еврейской проблемы: «ехать или не ехать и, если ехать, то куда». Дубнов, ранее, в 1880-е годы бывший противником эмиграции, в тот момент сформулировал свой ответ следующим образом: «Если после долгой борьбы мы не достигнем цели, если мы получим хартию равноправия, завернутую в погром, если еще долго русская конституция будет шагать как арестантка между конвоем жандармов и бандами “черных сотен”, — тогда вы снова услышите в стане Израиля клич: вон из российского Египта!»³⁶

«Фолкспартей» никогда не была многочисленной организацией. Дубнов запоздал с ее организационным оформлением. К декабрю 1906 года основные принципы ее идеологии уже оказались приватизированы рядом других партий, например, бундистами и сионистами. Воплощение в жизнь этой программы не могло иметь успеха в условиях российских политических реалий начала XX века. Еврейская народная партия стала, вслед за Еврейской народной группой и Еврейской демократической группой, такой же «диванной» организацией, известной лишь по имени их лидеров³⁷.

Таким образом, логика политической трансформации еврейского политического движения привела к тому, что в конечном итоге каждое направление взяло из идейных разработок «Союза» то, что больше ему соответствовало. Это привело к тому, что еврейское национальное политическое движение в 1907 году «разошлось по своим партийным квартирам».

Чувство безнадежности охватило еврейские массы особенно после погрома в Белостоке³⁸. Город, в культуре и экономике

³⁵ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 120.

³⁶ Цит. по: Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 311–312.

³⁷ «Диванными» их называли в среде петербургской интеллигенции. При этом остряки определяли подобное название тем, что якобы все члены этих «партий» могли уместиться на одном диване.

³⁸ В ходе погрома и расстрела войсками евреев, оказавших сопротивление погромщикам, погибло 11 христиан и 73 еврея. Ранено было 23 христианина и 82 еврея (Дело о погроме в Белостоке 1–3 июня 1906 г. С. 8–12).

которого евреи занимали видные позиции, оказался отданным властями «на поток и разграбление» черносотенцам. В погроме и подавлении еврейской самообороны активно участвовали воинские части. Представителем Белостока в Думе был М. Я. Острогорский. Естественно, он предпринял все от него зависящее для того, чтобы добиться властного вмешательства в эти события. Он получил аудиенцию даже у министра внутренних дел П. А. Столыпина. Естественно, тот заверил его в том, что тотчас же примет надлежащие меры, но погром продолжался еще два дня. Погром, и особенно участие в нем военных, возмутил в Думе многих. На место отправили специальную комиссию, на специальном заседании предполагалось выслушать ее доклад. Вызвали для объяснений даже военного министра А. Ф. Редигера. Вообще следует отметить, что в эти дни евреи-депутаты были не только активны, но и едины в своем протесте. Кадет М. И. Шефтель и трудовик В. Р. Якубсон посетили Столыпина. Тот отвечал более чем уклончиво, явно был растерян. Его положение осложнялось прямым участием в погроме не только полиции, но главным образом армии, которая подавила сопротивление отрядов еврейской самообороны. Столыпин, конечно, знал, сколь болезненно относится царь к любым обвинениям в адрес военных. В процессе обсуждения этого погрома Винавер был необычайно для себя демонстративно активен. Работу в кулуарах он сменил на выступление с трибуны. Так, он прямо констатировал: «В Белостоке был не погром, а военно-полицейская операция для устрашения революционеров путем убийства невинных»³⁹. Он открыто обвинил власти уже не только в потворстве, но и в прямой организации нападения на еврейское население этого города.

Еще до возвращения комиссии этот вопрос бурно обсуждался. С трибуны обличали не только военных, но власть в целом: в соучастии в грабежах и убийствах обвинялась полиция, в бегстве из города уличался губернатор. Но власть в лице самого царя в этом случае оказалась особенно «принципиальна» — для нее казалась абсолютно неприемлемой любая критика в отношении армии. В ответ пошли все обвинения против евреев, прямо

³⁹ Государственная дума. Созыв I. Сессия I. Т. 2. Стб. 1735.

заимствованные из арсенала националистических организаций. В ход были пущены инсинуации о нападении членов отрядов самообороны на солдат, о том, что якобы погром начали сами евреи-социалисты и вынудили солдат и «простых русских людей» просто защищаться. Им вторила черносотенная пресса и часть вступившихся «за честь мундира» националистически настроенных депутатов. В итоге даже такой кабинетный ученый и человек, сам довольно долго бывший государственным чиновником, как М. Я. Острогорский, с горечью был вынужден сказать: «Говорят, что борцы освободительного движения подкапываются под власть, под армию и в этой будто бы разрушительной работе первое место отдают евреям. На деле мы не желаем видеть армию, совершающую, как в Белостоке, насилия над мирными жителями. Неверно, что мы подкапываемся под власть; как можно подкапываться под то, чего не существует»⁴⁰. В ожидании возвращения комиссии в Думе продолжали обсуждать это событие, надеялись заслушать военного министра А. Ф. Редигера. Но, по распоряжению царя, министр просто игнорировал Думу⁴¹.

Как известно, заседание, на котором якобы должен был выступить П. А. Столыпин и ответить на обвинения вернувшейся из Белостока специальной думской комиссии в потворстве погромщикам со стороны властей и в участии в погроме регулярных войск и полиции так и не состоялось. Дума была распущена.

Таким образом, выстроенная в начале века М. М. Винавером система политического лоббирования получила если не смертельный, то достаточно тяжелый удар.

⁴⁰ Там же. Стб. 1787.

⁴¹ В своих воспоминаниях он не без сарказма отметил: «Дума ругалась в этот день всю, но без членов правительства» (Из записок А. Ф. Редигера // Красный архив. 1933. № 5 (60). С. 114).

Глава 8

ТЩЕТНЫЕ УСИЛИЯ, ИЛИ «КОВЕНСКИЙ ТРАНЗИТ»

Нет, я поклялся с вами жизнь вести!
Хоть в пользу тьмы сказал я больше слов,
Чем вы нашли в защиту просвещения,
Я слово данное держать готов
И вытерпеть три года все лишенья.
Позвольте мне устав, — я посмотрю
И подпись для скрепления дам свою¹.

У. Шекспир

В ходе подготовки и проведения выборов во II Государственную думу стало ясно, что власть и консервативно-националистическая часть общества провели совместную «работу над ошибками». Глубоко травмированная психологически общественность и отчаявшееся еврейское население уже не могло оказать им достойного сопротивления, тем более что самые активные и политически подготовленные политики оказались вне избирательного поля. Весь либеральный и демократический цвет страны, подписав «Выборгское воззвание», более баллотироваться в Думу не мог. А евреи-депутаты, даже те, кто не был согласен с этим шагом, связанные партийными обязательствами и чувством солидарности, практически все поставили свои подписи под этим манифестом. За короткий срок, отведенный под новую избирательную кампанию, и в условиях уже практической самоликвидации «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России», противостояния внутри него и борьбы «всех против всех» провести в Думу прежнее число своих представителей было уже невозможно. Да и слишком узок оказался список достойных кандидатов. Выборы проходили в условиях консолидированного нажима со стороны властей и националистов. В ход

¹ Шекспир У. Бесплодные усилия любви // Шекспир У. Полн. собр. соч. СПб., 1903. Т. 1. С. 127. (Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова).

шел прямой террор, запугивание населения². В итоге не прошли в новую Думу и М. Я. Острогорский, и В. Е. Жаботинский. В ходе избирательной кампании группа Винавера решила поддержать выдвижение крупного экономиста, чиновника Министерства государственного имущества, члена Партии кадетов А. А. Кауфмана. Но тот, будучи заподозренным сионистами в особом ассимиляционном «уклоне», в ответ на прямо поставленный вопрос о его взглядах на будущность еврейского народа в России ответил: «Я русский иудейского вероисповедания, и всякая еврейская организация вообще излишня. Нет еврейского народа, а есть Евреи. Конечно, равноправие дать нужно, но никакого еврейского вопроса нет»³. Такого не мог стерпеть даже Винавер, который нашел этот поступок «неправильным». Это привело к тому, что Кауфману вменили в обязанность публично «...признать еврейские национальные требования, национальную автономную общину, пропорциональное представительство во всех общинных учреждениях, решения Совещательной еврейской группы в Государственной думе по всем вопросам еврейского равноправия...» Кауфман отказался это сделать, а Винавер как член ЦК Партии кадетов не стал вмешиваться. В конце концов Кауфман сам снял свою кандидатуру⁴.

В итоге во II Думу избрали всего четырех евреев. Кадетами были А. Г. Абрамсон, Л. Г. Рабинович, Я. Н. Шапиро, а В. Е. Мандельберг объявил себя социал-демократом. В Думу прошел и крещеный еврей, редактор главной газеты Партии кадетов «Речь» И. В. Гессен. Правда, он, видимо, из чувства противоречия, сделал в думской анкете специальную приписку: национальность — еврей⁵. Православным являлся и еще один Гессен — юрист, кадет В. М. Гессен. Фактически ни один из них ранее не был видным национальным деятелем или активистом

² Особенно ярко это отразилось на судьбе М. Я. Острогорского. Он мог баллотироваться в Думу, так как в момент подписания воззвания отсутствовал в стране. К тому же он не входил ни в одну фракцию. Однако ему не удалось вернуть себе былую поддержку избирателей (*Андреев И. В.* М. Я. Острогорский: Жизнь и труды основоположника современной партологии. С. 163–184).

³ Рассвет. 1907. № 5. С. 10.

⁴ Там же. С. 10–11.

⁵ Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 374.

«Союза полноправия». Правда, прошедший в Думу крещеный еврей, кадет, одесский адвокат О. Я. Пергамент сразу же проявил себя как открытый сторонник еврейского равноправия. В своих работах он настойчиво повторял мысль: «Освобождение евреев из-под тяготеющего над ними гнета — одна из сторон раскрепощения русского народа от административного произвола». Пергамент доказывал, что никакое изменение в жизни государства «невозможно без одновременного освобождения евреев от тяготеющего над ними бесправия», что «сохранение еврейского бесправия способствует в корне уничтожению благотельного значения всех попыток обновления государственной жизни... и еврейский вопрос стоит на пути течения новой русской гражданственности широкой грядой камней, которые ни при каком половодье не дадут мирно пройти государственному кораблю и останоят его впредь до разрешения еврейского вопроса»⁶.

Но среди избранных кадетов оказались такие сторонники еврейского равноправия, как П. Н. Милюков и В. А. Маклаков, впрочем, как и все прочие члены кадетской и социал-демократической фракций. В целом по своему составу эта Дума оказалась еще более левой, чем предыдущая. Ведь к трудовикам прибавились и многочисленные социал-демократы. Несмотря на то что состав Думы оказался более пестрым, мысль о возможности поддержки еврейских требований о равноправии все еще казалась вполне перспективной. И за отведенное им историей время депутаты все же озаботились еврейским вопросом. Во-первых, они, как всегда, реагировали на продолжавшиеся в стране погромы и делали соответствующие запросы. Но главное, они воспользовались тем, что само правительство внесло на рассмотрение законопроект «Об отмене содержащихся в действующем законодательстве ограничений политических и гражданских, находящихся в зависимости от принадлежности к инославным и иноверческим исповеданиям». М. М. Винавер и его соратники, продолжавшие внимательно следить за думской жизнью, не могли не отреагировать на специальное дополнение к этому

⁶ Пергамент О. Я. Еврейский вопрос и народная свобода (предисл.) // Ломброзо Ч. Евреи и ненависть к ним: (Антисемитизм) / пер. с итал. Одесса, 1906; Он же. Еврейский вопрос и обновление России // Зарницы. СПб., 1908. Сб. 1. С. 5–11.

проекту, гласившее, что пересмотр будет — «за исключением еврейского»⁷. В ответ кадетская фракция и примкнувшие к ней некоторые нефракционные депутаты общим числом в 167 человек внесли в Думу «Заявление», в котором требовали ликвидировать ограничения в политических и гражданских правах, связанные с вероисповеданием и национальностью. Социал-демократическая фракция, конечно, не желая присоединиться к фракциям буржуазным, опубликовала собственное заявление — практически идентичное предыдущему. Уже даже то, что среди депутатов нашлось такое количество людей, понимающих всю пагубность для России сохранения одного из рудиментов средневековья, каким и являлось отсутствие еврейского равноправия, говорит о многом. И на этот раз подписавшие «Заявление» придерживались тактики «погружения» еврейского вопроса в общий контекст борьбы за гражданское равноправие, разработанной Винавером еще в 1905 году.

Эта акция сразу же вызвала «симметричный ответ» со стороны националистов. Их периодическая печать наполнилась гневными статьями с разоблачениями еврейского заговора и участия в нем «либералов и социалистов»⁸. Особенно усердно работали такие публицисты, как А. С. Суворин, М. О. Меншиков, Н. П. Васильев (И. Я. Гурлянд), А. С. Шмаков, А. А. Столыпин.

Но эта Дума просуществовала всего чуть более трех месяцев. Уже 3 июня 1907 года и этот состав Думы распустили специальным указом, так как он не удовлетворял уверовавшую уже в свои силы правящую элиту во главе с царем⁹. Недолговечность этого варианта Думы привела к тому, что власть вновь решительно реформировала избирательное законодательство. Цель — добиться более «комфортабельного» состава депутатов.

⁷ Государственная дума. Созыв II. Сессия II. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 342, 648, 1275.

⁸ См. например: *Аквилонев Е. П.* Иудейский вопрос: О невозможности предоставления полноправия русским гражданам из иудейского народа. СПб., 1907; *Бутми Г. В.* Враги рода человеческого: 4 изд., доп. СПб., 1907; *Вещий Олег* [Башмаков А. А.]. Великое рушение. СПб., 1907; *Восторгов И. И.* Иродова западня. М., 1909; *Демченко Я. Г.* Еврейское равноправие или русское порабощение? Киев, 1907 и др.

⁹ Годы спустя, уже в 1944 году В. А. Маклаков писал А. В. Тырковой-Вильямс: «1-я Дума интереснее; Люди ярче... там сливки, во 2-ой Думе — снятое молоко» (цит. по: *Наследие Ариадны Владимировны Тырковой.* С. 900).

А между тем в недрах правительственного аппарата медленно, но неуклонно продолжались попытки по смягчению антиеврейского законодательства. Это было результатом комбинированного воздействия на правящую бюрократию лоббистских усилий еврейской и русской либеральной общественности и осмысления накопленного за прошедшие несколько лет опыта. В этом деле движущей силой русской правящей элиты стали поиски выхода из тупика, в который привела страну монархия. Еврейский вопрос стал одной из многих, но более чем заметной проблемой, решение которой могло сдвинуть с мертвой точки дело проведения в жизнь необходимых реформ. Уравнение в правах еврейского населения являлось неким моральным императивом.

Символично, что сдвинуть дело с мертвой точки решился, казалось, более чем далекий от юдофилии и либерализма П. А. Столыпин. Ранее, в разгар революционных событий находящийся под огнем критики «либерал» С. Ю. Витте не мог бы этого сделать. В свою очередь Столыпин, призванный «подавить крамолу» и преуспевший в этом, в тот момент в глазах императора и его окружения, а также среди правых, националистических кругов казался еще фигурой вне подозрений. Собственно говоря, в деле решения этого вопроса Столыпин прежде всего опирался на разработки, начатые еще В. К. Плеве. Еврейский вопрос в повестку дня правительства Столыпин поставил уже в октябре 1906 года¹⁰. В декабре того же года он, разъясняя суть своего проекта, писал царю: «Еврейский вопрос поднят был не мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок. Затем думал успокоить неревolutionную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений»¹¹. Таким образом, Столыпин искал возможность хотя бы частичного ослабления напряженности в стране

¹⁰ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Кн. 1. С. 206.

¹¹ П. А. Столыпин — Николаю II. 10 декабря 1906 г. // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 107.

и обществе. Этот проект демонстрирует то, насколько правящая верхушка страны была убеждена в значении евреев и еврейского вопроса в развитии революционных событий.

На очередном заседании Совета министров он, неожиданно для многих из собравшихся, предложил «...по окончании рассмотрения всех очередных дел и удалении из заседания чинов канцелярии Совета — не расходиться и остаться еще на некоторое время, так как он имеет в виду коснуться одного конфиденциального вопроса, который уже давно озабочивает его»¹². Этим вопросом оказался вопрос о юридическом положении российского еврейства¹³. Как бы Столыпин ни считал в тот момент, что он прочно находится на своем месте, думается, он не решился бы поднять этот момент без согласия на это царя. И все же я полагаю, что инициатива исходила от самого Столыпина. Но в тот момент, когда меры по подавлению революции были еще в самом разгаре, Николай II не мог отказать ему в таком ни к чему не обязывающем его деле. Столыпин, до того при дворе не бывавший, не мог еще в полной мере постичь всю двойственность характера царя, его стремление ориентироваться в первую очередь на мнение правых националистических кругов и «семьи». Хотя удаление с заседания лишних людей говорит и о том, что Столыпин не желал преждевременной огласки этой темы. Согласно воспоминаниям, частично подтвержденным министром финансов В. Н. Коковцовым и бывшим в тот момент товарищем министра внутренних дел В. Й. Гурко, Столыпин «просил всех нас высказаться откровенно, не считаем ли мы своевременным поставить на очередь вопрос об отмене в законодательном порядке некоторых едва ли не излишних ограничений в отношении евреев, которые особенно раздражают еврейское население России, не внося никакой реальной пользы для русского населения, потому что они постоянно обходятся со стороны евреев, — только питают революционное настроение еврейской массы и служат поводом к самой возмутительной [кампании] против русской

¹² Там же.

¹³ Удаляя с заседания всех «лишних» чиновников, Столыпин, видимо, хорошо знал, что делает. Более всего он боялся преждевременного разглашения новой «повестки дня».

пропаганды со стороны самого могущественного еврейского центра — в Америке»¹⁴. Годы спустя Коковцов писал: «Первый обмен взглядами среди министров носил, в общем, весьма благожелательный характер. Никто из нас принципиально возражений не заявлял, и даже такие министры, как Щегловитов, отзывались, что было бы наиболее правильным, не ставя принципиального вопроса о введении у нас еврейского равноправия, приступить к детальному пересмотру существующего законодательства, носящего те или иные ограничения, и обсудить, какие именно из них можно отменить, не вызывая принципиального возражения с точки зрения нашей внутренней политики»¹⁵.

Мнения министров по еврейскому вопросу хотя и немного расходились, но в целом сводились к тому, что следует приступить к кардинальному реформированию всего свода «еврейского» законодательства. Но далее последовало то, что Столыпину следовало бы предвидеть, будь он более искушен в придворной идеологии. Демонстративно сделав более чем длительную паузу, только в декабре 1906 года царь вернул Столыпину соответствующий Журнал Совета министров с сопроводительным письмом: «Возвращаю Вам Журнал Совета министров по еврейскому вопросу неутвержденным. Несмотря на вполне убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, — внутренний голос все настойчивее твердит Мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям»¹⁶.

К чести П. А. Столыпина следует отметить, что он не оставил дела реформирования еврейского законодательства. Он еще не раз будет пытаться его изменить или, по крайней мере, скорректировать¹⁷.

¹⁴ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Кн. 1. С. 207; Гурко В. Й. Черты и силуэты прошлого. С. 594–596.

¹⁵ Там же. С. 207. Менее благостную картину хода этого заседания представил в своих мемуарах бывший тогда товарищем министра внутренних дел В. Й. Гурко (Гурко В. Й. Черты и силуэты прошлого. С. 594–596).

¹⁶ Цит. по: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Кн. 1. С. 208.

¹⁷ Миндлин А. Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. С. 302–317; Rogger H. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. P. 96–97.

Сам же Винавер в это же время не оставляет прежнюю тактику. Одно за другим он инициирует создание издательств, журналов и газет для выпуска либеральной и демократической литературы, в том числе и связанной с обсуждением еврейского вопроса. Он привлекает к этому делу старых соратников, в том числе и А. Г. Горнфельда, обсуждает с ним даже проспекты изданий¹⁸. Именно в этот период создавалось специальное демократическое издательство «Разум». Во главе предприятия встал давний соратник Винавера еще по работе в «Бюро защиты» С. В. Познер¹⁹. Позднее он сам описывал цели этого издательства: «...при помощи книг, брошюр, народных календарей, листовок знакомить широкие массы с фактическим положением русских евреев, разрушать сложившиеся на их счет предрассудки, изобличать злостные измышления черносотенной печати, вообще, проповедовать идею мирного сожительства народов, населяющих Россию»²⁰. Рассылая письма будущим сотрудникам и потенциальным авторам этого предприятия, он писал: «Наше книгоиздательство преследует исключительную цель — бороться с черной сотней, с той погромной литературой, которая в таком огромном количестве распространяется повсюду, в деревнях, агентами Союза русского народа»²¹. Обстановку, в которой теперь действовали участники еврейского либерального движения, характеризует письмо Познера к писателю Д. Я. Айзмону, предложившему «Разуму» выпустить отдельным изданием его рассказ «Враги». В нем, среди прочего, Познер сообщает ему: «...так как наши издания распространяются преимущественно в тех районах, где черносотенная агитация уже свила себе гнездо, то всякая книжка, имя автора коей указывает на его еврейское происхождение, будет встречена недружелюбно. Поэтому, например, издавая отдельной брошюрой статью Л. Я. [Л. Я. Штернберга. — В. К.] “Трагедия шестимиллионного народа”, мы не выставим на ней полностью его имени. Точно так

¹⁸ РНБ РО. Ф. 211 (Горнфельд А. Г.). Ед. хр. 185. Л. 1; 409. Л. 1; 876. Л. 4.

¹⁹ Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. С. 98–102.

²⁰ Познер С. В. Страницы прошлого: (Из воспоминаний об А. И. Браудо). С. 84.

²¹ ИРЛИ РО. Ф. 520 (Айзман Д. Я.). Ед. хр. 129. Л. 1.

же я бы просил и Вас разрешить нам выпустить Ваш рассказ или без всякого обозначения Вашей фамилии, или же с указанием лишь инициалов»²². Все это иллюстрирует изменение обстановки в общественной жизни страны и то, насколько снизились лоббистские возможности еврейства. Прошли времена, когда в Думу Петербург посылал М. М. Винавера, Москва — М. Я. Герценштейна, Полтавская губерния — Г. Б. Иоллоса, а Гродненская — М. Я. Острогорского.

Еврейская народная группа вплотную занималась проблемами издательской деятельности, пытаясь противопоставить свои усилия в этой области антисемитской агитации в печати. В феврале 1908 года состоялось специальное заседание учрежденной ЦК комиссии по борьбе с антисемитизмом, посвященное этому вопросу. Среди прочих на заседании комиссии обсуждался вопрос о поддержке выходившей в Вильно газеты «Северо-западный голос». Эта газета, в руководство которой входил близкий к Винаверу С. В. Познер, постоянно освещала еврейские проблемы. Здесь же решался вопрос о продолжении субсидирования издававшейся в Вильно на белорусском языке газеты «Наша ніва» и петербургского журнала «Вестник знания»²³. Наряду с другими вопросами члены комиссии должны были рассмотреть список книг, предложенных к изданию. Среди них можно отметить не только произведения таких известных писателей, ученых и публицистов, как В. Г. Тан-Богораз, Н. А. Переферкович, А. Шиманский и К. Юноша, но и только что вышедшее в свет в Париже исследование расовых проблем Ж. Фино «*Le Prèjugé des races*» («Расовое предубеждение») ²⁴.

И все же пока что главным полем лоббистских усилий оставалась Дума. Некоторое влияние на выработку решений фракции кадетов Винавер пытался оказывать постоянно. Конечно, в основном он действовал кулуарно, путем переговоров с лидерами фракции. На первом этапе он использовал и структуры своей Еврейской народной группы. Он позиционировал ее как полноценную политическую партию. Так, например, в апреле

²² ИРЛИ РО. Ф. 520 (Айзман Д. Я.). Ед. хр. 129. Л. 1.

²³ САНЛР (ЦАИЕНИ). RU. 585. 11.

²⁴ Там же. Эта книга была опубликована на русском языке в 1913 году в московском издательстве Л. А. Столяра под названием «Агония и смерть человеческих рас». М., 1913.

1907 года он от имени ЦК группы разослал руководящим членам этого объединения письмо следующего содержания:

«Милостивый Государь!

В настоящее время в бюджетной Комиссии Госуд[арственной] Думы проходит детальное обсуждение государственной росписи расходов на 1907 г. Ввиду этого, Центральный Комитет Еврейской Народной группы признал со своей стороны необходимым рассмотреть и тщательно обсудить бюджет с точки зрения затрагиваемых им еврейских интересов, для чего постановил, образовав комиссию под моим председательством, пригласить Вас, Милостивый Государь, принять участие в работе этой Комиссии и содействовать ей Вашими знаниями и опытом в области вопросов, затрагивающих бюджет»²⁵.

И все же пока что главным полем лоббистских усилий оставалась Дума. В документе, объявлявшем об изменениях в законе о выборах, прямо говорилось: «Созданная для укрепления Государства Российского, Государственная дума должна быть русской по духу. Иные народности, входящие в состав Державы Нашей, должны иметь в Государственной думе представителей своих, но не должны и не будут являться в числе, дающим им возможность быть вершителями вопросов, чисто русских»²⁶. В итоге в условиях жесткого прессинга в III Думу прошли три депутата, представлявших почти шестимиллионное еврейское население страны. В 1909 году один из них — крещеный еврей О. Я. Пергамент — умер (а по другим сведениям, покончил собой). На довыборах в Одессе его сменил также кадет А. Бродский. В отличие от Пергамента он не принимал православия, но ему вскоре пришлось сложить с себя депутатские полномочия по «чисто формальным причинам»²⁷.

Таким образом, теперь интересы российского еврейства представляли всего два депутата-кадета: Н. М. Фридман

²⁵ САНДР (ЦАИЕНИ). RU 585. 11.

²⁶ Полное Собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 27. № 29240.

²⁷ Градоначальник Одессы И. Н. Толмачев отказался признать итоги выборов на том основании, что Бродский баллотировался под христианским именем «Аркадий», а, будучи иудеем, носил имя Аарон. Этот «подлог» и стал причиной сложения им полномочий под угрозой уголовного преследования.

и Л. Н. Нисселович. В мемуарной и исследовательской литературе сформировалось мнение об этих депутатах как о людях, совершенно не подготовленных к работе в Думе в сложившихся условиях²⁸. Как вспоминал А. Ф. Перельман, «еврейские депутаты Третьей Государственной думы Л. Н. Нисселович (от Курляндской губернии) и Н. М. Фридман (от Ковенской губернии) — в особенности первый — вызывали постоянные нарекания со стороны еврейских общественных деятелей. Оба депутата примыкали к кадетской думской фракции и смотрели на себя как на представителей русского еврейства — с последним отчасти было согласно и думское большинство. При этом скромный Фридман сознавал свой малый вес в Думе и, вместе с тем, большую ответственность за каждое свое выступление, а потому искал опору в кругах петербургских еврейских деятелей и стремился создать организованное совещание представителей всех еврейских групп столицы, которое разделило бы с депутатами-евреями ответственность за их работу в Думе, поскольку она касалась еврейского вопроса. Иначе представлял себе свою роль Нисселович — он возомнил себя «великим во Израиле, призванным стать всееврейским ходатаем и самостоятельным представителем всего российского еврейства». Далее, отмечая, по его мнению, их интеллектуальную неподготовленность к парламентской деятельности, Перельман не без высокомерия писал: «Обидно было за еврейство, представителями которого они как будто бы являлись, и вместе с тем жалко было их, попавших в такое незавидное положение»²⁹. Все же мне кажется, что в отношении к этим двум евреям-депутатам у петербургского еврейства сквозил некий столичный снобизм. Многие из них забыли о том, что еще 20–25 лет тому назад они сами прибыли в этот город из городков и местечек черты оседлости. Находясь в Думе, Фридман и Нисселович примкнули к кадетам и тем самым в большой степени, вольно или невольно, оказались под «контролем» Винавера, человека, так сказать, «ответственного в партии за еврейский вопрос».

Как бы то ни было, именно с их подачи в 1910 году в Думе вновь был поставлен вопрос об отмене черты оседлости. Правда,

²⁸ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 343.

²⁹ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 76–77.

совершенно безрезультатно. Правые в ответ разразились новой кампанией в печати³⁰. А между тем законодательное положение евреев все более и более запутывалось. Циркуляры Министерства внутренних дел, в которых содержались требования выселения евреев из мест, в которых они якобы поселились незаконно, следовали один за другим, часто вступая в противоречие друг с другом. Множились протесты со стороны общественности³¹, причем они слышались как слева, из демократическо-либерального лагеря, так и справа — от лидеров черносотенных организаций. С каждым годом евреям-депутатам все труднее становилось защищать интересы своего народа. Во-первых, они не были абсолютно самостоятельными, так как должны были соблюдать фракционную дисциплину, а во-вторых, еврейский вопрос, при всем доброжелательном отношении к еврейскому народу лидеров партии, давно уже стал заложником тактики «бережения Думы». После разгона первых двух Дум либералы более всего боялись каким-то образом дать власти повод для ликвидации оппозиции как таковой. И все же в разных формах и с разной долей интенсивности лоббирование продолжалось. Ведь правые один за другим инициировали разнообразные новые законы и установления, ущемлявшие права еврейского населения. То они требовали ограничить «эксплуатацию евреями коренного населения путем запрета аренды», то начать новые выселения евреев из городов, то ужесточения процентной нормы для поступающих в учебные заведения, то «очищения» армии от евреев³². При этом все более и более в выступлениях правых стал чувствоваться расовый подход³³. Если раньше все же открыто не затрагивались евреи, принявшие православие, то теперь их поисками и «разоблачениями» было озабочено значительное

³⁰ *Патриот*. Законопроект 166 изменников: (Об отмене черты жидовской оседлости). СПб., 1910.

³¹ *Войтенко Я. А.* Административные меры регулирования права жительства евреев в Российской империи в начале XX в: Право и политика // Исторические записки. 2010. Вып. 13 (131). С. 190–193.

³² *Миндлин А. Б.* Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. С. 220–225.

³³ *Weinerman E.* Racism, Racial Prejudice and Jews in Late Imperial Russia // *Ethnic and Racial Studies*. 1994. Vol. 17. P. 442–495.

число депутатов от различных националистических организаций. Особенно тщательно искали таковых среди профессорско-преподавательского состава университетов и студентов³⁴.

31 мая 1910 года в Думу внесли законодательное предложение, при принятии которого практически ликвидировалась бы черта оседлости. Под этим документом свои подписи поставили 166 депутатов. Видный деятель Партии кадетов и фактический руководитель ее фракции в Думе В. А. Маклаков так определил значение внесенного проекта: «Впервые еврейский вопрос был поставлен на очередь не в виде поправки к другому закону, а самостоятельно, как назревшая государственная проблема, как признание ненормальности еврейского вопроса в России». Будучи человеком прагматичным и стремясь «заинтересовать» в реализации этого проекта правых, он говорил на понятном им языке. Маклаков разъяснял, что «несправедливая государственная политика сделала государство виновным перед каждым отдельным евреем». Именно несправедливые законы, с его точки зрения, привели к тому, что антисемитизм, «который мог бы быть предметом только несочувствия или удивления, этот антисемитизм в России возмущает, возмущает, как битье по лежащему... Я бы сказал антисемитам, что они первыми должны настаивать на признании еврейского равноправия, чтобы этим приобрести моральное право быть антисемитами»³⁵. Но, как отметил О. В. Будницкий, правые в Думе абсолютно не чувствовали никаких неудобств от «битья лежащего», и запрос был отвергнут³⁶.

Симптоматично, что среди тех, кто все же подписал этот запрос, были не только представители либеральных

³⁴ Пуришкевич М. Ареопэг: (Страницы жизни современного русского университета). СПб., 1912; Он же. Материалы о разложении современного русского университета. СПб., 1914. В марте 1910 года чуть ли не целая сессия Государственной думы была посвящена «разоблачению еврейского засилья в высшей школе». Здесь уже открыто требовали «очищения» и «ограничения» не только по конфессиональному принципу, но и по расовому. Поиски евреев затронули не только гражданские учебные заведения, но и армию, в частности Военно-медицинскую академию в лице ее начальника, генерала А. Я. Данилевского (Государственная дума. Созыв III. Сессия III. СПб., 1910. Т. 1; Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т. 1. С. 97).

³⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. СПб., 1911. Стб. 1546.

³⁶ Будницкий О. В. В. А. Маклаков и еврейский вопрос. С. 46–47.

и демократических сил, но и некоторое число членов фракции октябристов. Конечно, подписывая его, эти депутаты прекрасно понимали, что даже если проекту будет дан ход и его примут, следующие инстанции и, конечно, сам царь его не подпишут. Таким образом, это явилось лишь яркой декларацией, иллюстрирующей состояние российского общества, в том числе и по отношению к еврейскому вопросу.

Вопреки сложившемуся мнению, на мой взгляд, деятельность евреев-депутатов в этом созыве не была столь «слабой», как стремились ее представить многие столичные еврейские общественные и политические деятели. По крайней мере, Л. Н. Нисселович и Н. М. Фридман прикладывали все силы к тому, чтобы «еврейский голос» громко звучал с думской трибуны. Многие в деятельности Нисселовича выглядело данью традиции штадланута. В этом, как мне кажется, отразились годы его работы в официальных государственных учреждениях. Уроженец Курляндской губернии, он получил национальное образование в хедере. Затем окончил гимназию и юридический факультет Петербургского университета. В 1880–1882 годах служил в Министерстве финансов. По поручению тогдашнего министра Н. Х. Бунге Нисселович исследовал проблемы актуального тогда для России фабричного законодательства³⁷. В 1882 году он перешел на работу в Государственный банк, позднее вернулся на родину и вскоре стал популярным среди местного населения Курляндской губернии адвокатом. Интересы к науке Нисселович не утратил и опубликовал еще ряд работ по проблемам экономики. Избрание в Думу от губернии, в которой евреи составляли всего около 5% от общего состава населения, привело его к убеждению в том, что он должен отстаивать не локальные интересы, а заявить о себе как о представителе всего российского еврейства³⁸. Он быстро осознал уникальность своего положения и «свое одиночество» в атмосфере фанатичного антисемитизма и политиканства. Естественно, что в Думе он

³⁷ История заводско-фабричного законодательства Российской Империи / сост. Л. Н. Нисселович: в 2 т. СПб., 1884.

³⁸ Нисселович Л. Н. Еврейский вопрос в III Государственной думе: отчет Члена Государственной думы. СПб., 1908. С. 1.

примкнул к кадетской фракции. В своем своеобразном «отчете» он писал: «Со всех уголков огромной России евреи стали обращаться ко мне с просьбами о поддержании их разнообразных ходатайств перед властями, о предотвращении грозящих им на местах бед, нередко связанных с их полным разорением, — так что против моих ожиданий я вынужден был принять на себя роль обыкновенного защитника моих единоверцев в их злободневных делах, разнообразие коих так же велико, как велико и разнообразно их горе»³⁹.

Он присоединился к кадетской фракции, так как прекрасно понимал, что быть вне какой-либо фракции значило оказаться «в гордом одиночестве», при котором все пребывание в Думе становилось бесполезным. Но, сознавая это, он сразу же оговорил для себя свободу действий «в еврейском вопросе»⁴⁰. Он прямо заявил: «...в еврейском вопросе я оставляю за собою свободу действий, считая, что замалчивать его в Думе мы, евреи, не можем»⁴¹. И в этом Нисселович вошел в противоречие с тактикой партии в Думе, а значит, и со многими еврейскими авторитетными деятелями, в том числе и с Винавером, который более всего боялся потерять перед партией образ всероссийского еврейского лидера. Кадеты боялись обострения противоречий и конфликтов, которые вновь дали бы повод властям и эту Думу разогнать. В своем отчете он писал: «...дружественная нам думская фракция народной свободы держится в этом отношении иного взгляда»⁴². Он вспоминал: «...ни фракция в целом, ни председатель ее П. Н. Милюков на первых порах против этого ничего не имели. И если впоследствии отдельные члены фракции стали относиться к моим самостоятельным выступлениям несочувственно, то в этом отношении играли роль посторонние влияния, исходящие из среды моих антагонистов-евреев, близко стоящих к фракции народной свободы»⁴³. В этом случае, он, конечно, имел в виду Винавера. Вторжение «провинциала» Нисселовича в сферу его

³⁹ Нисселович Л. Н. Еврейский вопрос в III Государственной думе: отчет Члена Государственной думы. С. 2.

⁴⁰ Там же. С. 6.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 6–7.

интересов и его компетенции вызвало не просто раздражение, но и отпор со стороны «ветерана» думских и партийных баталлий.

Особенно ярко это проявилось в противостоянии по одному из самых принципиальных тактических вопросов: когда, где и в какой степени предпочтительнее и тактически выгоднее будирование еврейского вопроса. Нисселович писал, правда, не называя имен, о том, что он имеет в виду тех евреев, «...которые и при первых двух Думах держались тактики замалчивания еврейского вопроса, проповедуя теорию необходимости и целесообразности проведения еврейского вопроса в русском парламенте *попутно* [выделено в тексте. — В. К.], в связи с проведением принципа равноправия для всех русских граждан без различия веры и национальности». Он же полагал, «...что этот путь, по меньшей мере, неправильный, а в основе его кроется самообман, заключающийся в том, что будто бы оппозиции удастся усыпить бдительность наших врагов и еврейское равноправие, растворившись в общегражданской свободе личности, проскочит в Думе незаметным образом»⁴⁴. Считая неправильной тактику замалчивания в Думе требований еврейского населения о равноправии, он повел борьбу самостоятельно, не испрашивая на то согласия своей фракции. И, по его утверждению, стойкость и настойчивость, активная работа в различных комиссиях изменили отношение к нему — как к *еврею*. Так, при обсуждении проблем, связанных с призывом евреев на воинскую службу, Нисселович получил возможность на протяжении часа опровергать измышления правых депутатов, требовавших вовсе исключения евреев из армии⁴⁵. Следующий раз ему удалось ярко проявить себя при обсуждении политики правительства в области образования. Несмотря на недовольство со стороны главы кадетской фракции П. Н. Милюкова⁴⁶, Нисселович добился предоставления ему возможности не просто выступить, а произнести целый доклад, длившийся около часа. В центре его выступления,

⁴⁴ Там же. С. 7.

⁴⁵ Там же. С. 13.

⁴⁶ Н. П. Милюков даже предпринял попытку заменить его другим депутатом-евреем, Н. М. Фридманом. Можно предположить, что сделал он это под давлением Винавера.

конечно, стояло требование отмены процентной нормы⁴⁷. Так, несмотря на насмешки и издевательства правых депутатов, на непонимание со стороны товарищей по фракции и части петербургской еврейской элиты, Нисселович на протяжении всего своего пребывания в Думе каждый раз, когда к месту, а когда и нет, поднимал еврейский вопрос. Иногда казалось, что этим он специально, «дразнил» лидеров петербургского еврейства. Он вспоминал о том, как «...среди петербургских еврейских деятелей определенной окраски постоянно раздавались протестующие голоса, указывающие на то, что я размениваю свое депутатское звание на мелочи, что этим я унижаю достоинство еврейского депутата, превратившись в доморощенного “ходатая” старого покроя»⁴⁸. Особенно раздражало то, что Нисселович, пользуясь своим статусом депутата, напрямую ходил на прием к П. А. Столыпину, а в самой Думе позволял себе общаться в кулуарах с самыми черносотенными деятелями. На все упреки он отвечал: «...я ни у кого здесь [здесь и далее выделено в тексте. — В. К.] и никаких порогов ни “черносотенных”, ни “прогрессивных” не обиваю, ни к кому из лидеров, ни “черносотенных”, ни “прогрессивных”, не бегаю, а говорю со всеми, как равный парламентский деятель с равными, и впредь не намерен гнуться ни перед кем»⁴⁹.

Л. Н. Нисселович умер в 1914 году. По мотивам своей депутатской работы он успел опубликовать несколько работ⁵⁰. В последней из них, написанной в 1912 году в форме элегических воспоминаний о своей работе в «проникнутой ярко выраженной ненавистью к еврейскому племени Думе», он писал: «Мне лично, проведенному в этом котле необузданных страстей четыре года самых мучительных переживаний, лишивших меня самого ценного для человека — здоровья, тяжело вспоминать, с какими трепетными надеждами я вошел в Таврический Дворец

⁴⁷ Нисселович Л. Н. Еврейский вопрос в III Государственной думе: отчет Члена Государственной думы. СПб., 1908. С. 15.

⁴⁸ Там же. С. 30.

⁴⁹ Там же. С. 36.

⁵⁰ Нисселович Л. Н. К вопросу о тактике кадетской фракции в Государственной думе. СПб., 1906; Нисселович Л. Н. Еврейский вопрос в III Государственной думе; Нисселович Л. Н. Доколе?: Слезная молитва члена Государственной думы III созыва. СПб., 1912.

в качестве народного избранника и как с каждым днем все больше и больше терял эти надежды»⁵¹.

В отличие от Нисселовича, Н. М. Фридман никогда не был чиновником. Также выпускник юридического факультета Петербургского университета, он, вернувшись в Литву, посвятил себя адвокатской деятельности и защите прав местного еврейского населения. Фридман участвовал во всех первых кампаниях по выборам в Государственную думу, был выборщиком от «Союза полноправия». Избранный в III, а затем в IV Думу, он испытал те же сложности, что и каждый провинциальный еврейский общественный деятель, оказавшийся в столице. Местная элита постоянно пыталась навязать им ту линию поведения, которую считала единственно верной. Как члены кадетской фракции они были вынуждены подчиняться ее внутренней дисциплине, даже если это расходилось с их убеждениями.

Сферы и формы этого явления менялись и становились все более разнообразными.

Деятельность евреев-депутатов была частью общей национальной работы. В этом потоке особое место занимает инициированная Винавером попытка в очередной раз «собрать воедино» разрозненные еврейские политические силы.

В мае 1909 года еврейские общины 59 городов Российской империи получили письмо, извещающее о подготовке к проведению в Ковно «Совещания еврейских общественных деятелей». Письмо подписали проживающий в Петербурге юрист, известный еврейский общественный деятель, многолетний сотрудник общественных национальных структур, возглавляемых семьей меценатов Гинцбургов, Г. Б. Слиозберг, а также несколько видных членов ковенской общины — И. Б. Вольф, Г. И. Вольф и Ю. М. Блюменталь⁵². Разрешение на проведение Совещания при условии, что оно не будет носить политического характера, было получено от Министерства внутренних дел при посредничестве руководителя Департамента общих дел А. Д. Арбузова.

⁵¹ Нисселович Л. Н. Доколе?: Слезная молитва члена Государственной думы III созыва. С. 8.

⁵² САНПР (ЦАИЕНИ). НМФ/85.

Сложная политическая ситуация в стране, столь болезненно отразившаяся на еврейском национальном движении, не позволяла провести нормальные выборы. Прошло почти два года с того момента, как фактически перестал существовать «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России» — организация, призванная объединить российское еврейство в борьбе за свои права в период конституционных изменений в стране и проведения избирательных кампаний в Государственную думу. Политически активное еврейство в результате серии поражений и внутренних идеологических конфликтов оказалось расколото на несколько партий и организаций, представлявших самые противоположные идейные направления: сионизм и бундизм, автономизм и поалей-ционизм, сторонников Демократической группы и Еврейской народной партии⁵³. Фактически невозможно было бы предложить какую-нибудь объединяющую повестку дня легального съезда старой маскильской интеллигенции и нового поколения российского еврейства, прошедшего через политические испытания 1905–1907 годов. Недаром инициаторами созыва этого совещания числились люди, формально не состоявшие в каких-либо партиях или организациях. Истинный идеолог этого мероприятия — М. М. Винавер — предпочитал оставаться в тени, так как его имя для многих, в особенности для представителей социалистического демократического народнического направления и сионистов, было одиозным. Одновременно Винавер был неприемлем и для власти⁵⁴.

Также совершенно сознательно местом совещания избрали далекий от столицы город черты оседлости — Ковно⁵⁵. Для организации совещания были использованы связи распущенного в 1907 году «Союза для достижения полноправия еврейского

⁵³ Френкель Й. Пророчество и политика: Социализм, национализм и русское еврейство

⁵⁴ Кельнер В. Е. Российское еврейство в поисках идентичности: От религиозной общины к национальному сообществу. С. 154.

⁵⁵ Г. Б. Слиозберг утверждал, что выбор Ковно местом проведения совещания был предопределен тем, что администрация этой губернии якобы «была наименее враждебно настроена к еврейскому населению» (Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 262). В это время губернатором был статский советник П. В. Веревкин.

народа в России» и, по традиции, провинциальные структуры Общества просвещения среди евреев России. Кроме общественных и политических деятелей приглашались представители хозяйственных правлений молитвенных домов страны, даже расположенных в далекой Сибири, все бывшие и действующие еврей-депутаты Государственной думы⁵⁶.

Несомненно, душой этого съезда был М. М. Винавер, который, как вспоминал Дубнов, «со времени прекращения Союза полноправия не переставал думать о создании другой межпартийной организации, которая вместе с еврейскими депутатами Думы могла бы претендовать на представительство еврейских интересов»⁵⁷.

Разделенное на многочисленные партии, группы и фракции еврейское общество, особенно его русско-еврейская часть в крупных городах вне черты оседлости, встретило это мероприятие с подозрением. Сторонник автономизма А. Ф. Перельман вообще считал это дело затеей так называемых «группистов». Под «группистской» организацией он имел в виду возглавляемую Винавером Народную группу, считавшуюся чуть ли не «еврейским филиалом» Партии кадетов⁵⁸. Годы спустя он, общественный деятель, издатель, публицист и редактор, бывший в то время одним из руководителей журнала «Еврейский мир», вспоминал: «Подготовленное Винавером и Слиозбергом, втайне от других общественных деятелей, Собрание и приглашенные на него по их указаниям “представители еврейских общин” должно было, очевидно, быть направлено на то, чтобы создать еврейский “представительный орган”, в котором за группистами осталась бы руководящая роль. Способы подготовки этого собрания и методы созыва его не могли не вызвать недовольства еврейской демократической общественности. В особенности же против них восстали петербургские круги, усмотрев, не без основания, в этой акции желание создать под видом беспартийного съезда одностороннюю “группистскую” организацию. Этот

⁵⁶ Karlip J. M. The Tragedy of a Generation: The Rise and Fall of Jewish Nationalism in Eastern Europe. Cambridge, MA; London, 2013. P. 32–36.

⁵⁷ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 334.

⁵⁸ Orbach A. The Jewish People's Group and Jewish Politics in Tsarist Russia.

группистский маневр обострил взаимоотношения и в составе нашей редакции [журнал “Еврейский мир”. — В. К.]. Если до этого “групписты” шли по разным вопросам на уступки, то в вопросе о съезде они заняли непримиримую позицию. До самого съезда журнал вынужден был обходить вопрос о его организации полным молчанием, и лишь в последней перед съездом книжке, во “Внутренней хронике”, дана была небольшая, никого не удовлетворившая заметка о созыве совещания»⁵⁹.

Против метода отбора делегатов выступили и петербургские сионисты, объединенные редакцией журнала «Рассвет»⁶⁰. Как всегда в деле созыва подобных всероссийских мероприятий использовались имевшие отделения по всей стране легальные еврейские общественные организации: ОПЕ, ЕКО, ОРТ и другие.

Естественно, что легальное еврейское мероприятие в России того времени формально не могло носить политический характер. Министерство внутренних дел разрешило рассмотреть на этом совещании только «технические» проблемы коробочного и свечного сборов и состояние дел в благотворительных учреждениях⁶¹. Несмотря на то что недемократический характер отбора делегатов вызвал волну критики в печати, все же в назначенный день в Ковно прибыло 120 делегатов от 46 еврейских общин. Дело в том, что к тому моменту проблемы реорганизации общинной жизни в период быстро меняющихся экономических и социальных условий жизни еврейского населения страны требовали адекватного ответа. Ведь уже стало совершенно ясно, что еврейская община из чисто религиозной превратилась в национальную⁶².

Анализ состава участников совещания говорит о том, что на нем был представлен практически весь политический спектр: сионисты Б. А. Гольдберг, Г. Я. Брук, Ю. Д. Бруцкус, Ш. Э. Левин,

⁵⁹ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 85; Rabinovitch S. Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia.

⁶⁰ Рассвет. 1909. № 8–9. С. 2.

⁶¹ САНЖР (ЦАИЕНИ). НМФ/85. О всероссийском съезде еврейских делегатов, представителей от наиболее либеральных и революционных групп. 1909 г. Л. 10.

⁶² Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. С. 431–432.

И. А. Найдич; лидер Народной группы М. М. Винавер, представитель Демократической партии, бывший депутат Думы Л. М. Брамсон; в то время член Еврейской социалистической рабочей партии, идишист Н. Штиф⁶³; известные «старые» общественные деятели: Я. Е. Выгодский (Вильно), В. О. Гаркави (Москва), Л. И. Бродский (Киев), Д. Ф. Фейнберг (Санкт-Петербург), Л. О. Кантор (Рига), Л. И. Каценельсон (Либава); активисты из Демократической группы: Г. А. Ландау, Г. А. Гольдберг и Я. Л. Сакер; раввины: Я. И. Мазе (Москва), Н. И. Гельман (Екатеринославль), Ш. Я. Аронсон (Киев), Г. Рабинович (Ковно), Я. З. Райнис (Лида), М. Г. Айзенштадт (Ростов). Были и представители Еврейской народной партии («Фолкспартей»), хотя сам ее лидер и главный теоретик С. М. Дубнов и не поехал в Ковно, дипломатично сославшись на занятость научной и преподавательской работой⁶⁴. Многие из делегатов ранее были членами и руководителями «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России», а Г. Я. Брук, Ш. Э. Левин, М. М. Винавер, Л. Брамсон — депутатами I Государственной думы. Ряд деятелей, прибывших в Ковно, одновременно представляли и ведущие общественные организации: ОПЕ, ОРТ, ЕКО. Присутствовал и один из двух евреев-депутатов III Государственной думы Н. М. Фридман. Департамент полиции, пристально наблюдавший за всеми подобными мероприятиями, сигнализировал в Петербург о том, что среди делегатов имеются и активисты социалистических партий. В частности, имелся в виду прибывший из Риги член ЦК Бунда, публицист А. Литвак (Хаим-Янкель Гельфанд)⁶⁵. Агенты Департамента полиции отметили «проникновение» на совещание, под видом корреспондентов различных «еврейских газет левого направления», членов социалистических партий и организаций⁶⁶. Тут они были правы: так, корреспондентом газеты «Киевская мысль» являлся бывший тогда одним из лидеров

⁶³ Н. И. Штиф годы спустя станет одним из создателей Института еврейских исследований, а позднее и директором Киевского института еврейской пролетарской культуры.

⁶⁴ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 334.

⁶⁵ САНР (ЦАИЕНИ). НМФ/85. L. 11.

⁶⁶ Ibid. L. 42.

Бунда Давид Заславский⁶⁷. От этой же газеты в Ковно приехал и член Бунда Мойша-Иосиф Литвин, а из Варшавы в качестве представителя газеты «Вохенблатт» — бывший тогда сионистом-социалистом Яков Лещинский⁶⁸. Петербургский журнал «Еврейский мир» прислал на совещание члена «Фолкспартей» Аарона Перельмана, человека, близкого к лидеру автономизма С. М. Дубнову. Съезд велся на русском языке. Попытки нескольких ораторов говорить на идише тут же пресекались представителем властей. Следить за ходом съезда власти уполномочили советника губернского правления Ревякина, который, по их мнению, был «хорошо знаком с еврейским движением в России»⁶⁹. Ему передавались для предварительного просмотра не только материалы совещания, но даже телеграммы, поступавшие от различных общин и общественных деятелей. Работа совещания регулярно освещалась во многих еврейских и русских периодических изданиях.

Несмотря на все заверения о «неполитической» цели совещания, уже при открытии первого заседания избранный его председателем Винавер призвал забыть все партийные разногласия и объединиться для выработки принципов строительства новой еврейской общинной организации. Он сказал: «...я желаю верить, что мы найдем в себе силу и мужество забыть мелкие партийные распри при сооружении общего фундамента правильной организации»⁷⁰. Опытный и информированный политик, Винавер хотел противопоставить «волю народа» недавно переданному правительством в Думу закону о религиозных общинах. Эта проблема оказалась в центре всех дебатов.

С основным докладом по стратегии реформирования общины выступил числившийся в тот момент членом Еврейской народной группы Г. Б. Слиозберг⁷¹. По его мнению, современное состояние общины не отвечало запросам российского

⁶⁷ САНР (ЦАИЕНИ). НМФ/85. Л. 40.

⁶⁸ Ibid. Л. 46.

⁶⁹ Ibid. Л. 48.

⁷⁰ Совещание еврейских общественных деятелей в г. Ковно 19–22 ноября 1909 г.: стенографический отчет. СПб., 1910. С. 12.

⁷¹ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 364–365.

еврейства начала нового века. Он предложил в противовес уже находящемуся в Думе документу выработать и передать властям на утверждение закон о новой, реформированной общинной системе⁷². Докладчик призвал к созданию такой общины в принудительном порядке. Он предложил, с учетом новых реалий, совместить при строительстве новой общины конфессиональные и национальные принципы. Слиозберг констатировал: средства от коробочного сбора, взимаемые исключительно с религиозного еврейства, не только не удовлетворяли потребности членов общин, но и превратили их в сугубо религиозные объединения. В то же время евреи, жители больших городов, стремившиеся жить национальной общественной жизнью, по большей части оставались «вне Синагоги» и не несли финансовой повинности⁷³.

Другим важнейшим пунктом доклада Слиозберга стало его предложение о замене коробочного сбора, «как наследия средневекового прошлого», на современную форму — прогрессивный подоходный налог, которым будет в обязательном порядке облагаться все еврейское население страны. Центрами национальной жизни — не только религиозной, но и общественной — становились бы синагоги и молитвенные дома. С их помощью можно было бы осуществлять контроль за сбором налогов.

Докладчик специально остановился и на характеристике тех опасностей, которые несет в себе уже внесенный в Думу правительственный законопроект об «инославных и иноверных религиозных общинах»⁷⁴. Он считал, что содержащиеся в нем положения приведут к раздроблению российского еврейства на мелкие независимые религиозные группы. Будет разрушена вековая система взаимной поддержки, опирающаяся на многочисленные благотворительные общества, существующие на средства внутриобщинных налогов. Таким образом, по его мнению, власти с помощью децентрализации постараются лишить еврейство не только социального, но и духовного единства.

⁷² Совещание еврейских общественных деятелей в г. Ковно 19–22 ноября 1909 г. С. 42–44.

⁷³ Там же. С. 29.

⁷⁴ Там же. С. 37.

Проект Слиозберга опирался на три принципа: 1) в общину в принудительном порядке через регистрацию в молитвенных домах включаются все евреи данной местности; 2) все члены общины облагаются прогрессивным — подоходным налогом; 3) сборы налогов носят принудительный характер.

Почти сразу же вслед за главным докладчиком слово взял депутат Государственной думы Н. М. Фридман. Он горячо убеждал делегатов в том, что внесенный правительством в Думу проект закона «Об инославных и иноверных вероисповеданиях» не несет в себе опасности. Особенно настойчиво Фридман выступал против предложения Слиозберга о принудительной регистрации евреев и такому же способу сбора налогов⁷⁵.

Фридман настаивал на необходимости добровольности в деле присоединения к национальной общине и участия в ее жизни.

В ответном слове Слиозберг парировал аргументы Фридмана тем, что предложенный правительством закон носит общий для всех вероисповеданий характер, тогда как еврейская община, в отличие от всех прочих, веками являлась не только религиозным объединением. Она всегда несла огромную духовную и социальную нагрузку, так как содержала больницы, школы и поддерживала большое количество общественных благотворительных начинаний⁷⁶.

Одним из первых против положений, выдвинутых Слиозбергом, выступил и Л. М. Брамсон. В том, что он будет оппонировать Винаверу и Слиозбергу, можно было заранее не сомневаться. Даже будучи депутатом I Государственной думы, Брамсон, в отличие от подавляющего большинства евреев-депутатов, вошел не в кадетскую фракцию, а присоединился к народнической фракции трудовиков⁷⁷. Он призвал собравшихся в Ковно отвергнуть предложение о «принудительном втягивании всех евреев в общину через Синагогу». Для него неприемлемой была сама мысль о том, что общественная жизнь общины

⁷⁵ Совещание еврейских общественных деятелей в г. Ковно 19–22 ноября 1909 г. С. 47.

⁷⁶ Там же. С. 48.

⁷⁷ Бруцкус Ю. Леон Брамсон — организатор русского еврейства // Еврейский мир: сб. Нью-Йорк, 1944. С. 27–56.

сконцентрируется в молитвенных домах. Он утверждал, что тогда в общинах неизбежно установится «олигархическая форма правления»⁷⁸. Брамсон потребовал перенести обсуждение предложенного Слиозбергом закона на места, в местные общины. Только так, считал он, может быть выработан документ, удовлетворяющий большинство еврейского населения.

Один из самых авторитетных в то время в стране религиозных и общественных деятелей, московский раввин Я. И. Мазе, в целом поддержав тезисы Слиозберга, все же не согласился с его идеей о принудительном характере регистрации евреев с помощью молитвенных домов. Для него незыблемым оставался принцип: «Еврей — вне молельни стоящий — не еврей»⁷⁹.

В свою очередь киевский раввин Ш. Я. Аронсон потребовал сохранить коробочный сбор. Он утверждал, что прогрессивно-подходящий налог тяжелым бременем ляжет на плечи еврейства черты оседлости. Он напомнил о том, что любые налоги давно уже не покрывают все нужды общины. Содержание школ, больниц и прочих общинных учреждений осуществлялось в основном за счет частной благотворительности⁸⁰.

Годы спустя Г. Б. Слиозберг, вспоминая о ходе дискуссии на этом совещании, писал, что его предложение об отмене коробочного сбора особенно взволновало ортодоксальные круги и духовных раввинов. Дело в том, что, в отличие от казенных раввинов, раввины духовные, имевшие в широких религиозных массах еврейства куда больший авторитет, не имели официального статуса со стороны государственной власти. Духовный раввин негласно мог существовать только за счет средств коробочного сбора⁸¹.

Очень эмоционально прозвучала речь известного петербургского адвоката С. Е. Калмановича. Он обратил внимание на факт, о котором все собравшиеся знали, но предпочитали не говорить. Весь ход истории российского еврейства второй половины XIX — начала XX века привел к формированию «нового

⁷⁸ Совещание еврейских общественных деятелей в г. Ковно 19–22 ноября 1909 г. С. 96–97.

⁷⁹ Там же. С. 91.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 263.

еврея» — человека, стоящего вне Синагоги, но не вне еврейства. По его мнению, новая община должна будет соединить как евреев, регулярно соблюдающих все религиозные предписания, так и тех, кто эмансипировался, но продолжал считать себя евреем и готов был исполнять свой национальный долг⁸². Речь шла о русско-еврейской интеллигенции, о тех тысячах евреев — адвокатов, врачей, инженеров и предпринимателей, которые жили в крупных городах вне черты оседлости. Предложенный закон приводил к тому, что практически секуляризированная городская русско-еврейская интеллигенция брала на себя, к тому же фактически по принуждению, содержание ортодоксально настроенных соплеменников.

Один из представителей российского сионизма Ш. Левин, вторя Брамсону, заявил о необходимости обсуждения программы Слиозберга во всех общинах страны. Он считал нужным предоставить каждой общине право решать вопросы реформирования самостоятельно⁸³.

Ю. Д. Бруцкус поддержал своего товарища по сионистскому движению Ш. Левина и также потребовал предоставления каждой общине права выбора собственной системы организации⁸⁴. Но в тоже время он поддержал призыв Н. Фридмана не отвергать внесенный в думу правительственный закон. Бруцкус выразил убеждение в том, что тот ни в коей мере не повредит единству еврейского народа, а наоборот, укрепит юридический статус общин.

Будущий министр по еврейским делам в правительстве независимой Литвы Я. Е. Выгодский предложил объединить оба проекта по реформированию общины: думский и Слиозберга. Одновременно он выступил против замены коробочного сбора прогрессивно-подходящим налогом. Он считал, что такая замена дезорганизует общинную финансовую систему.

Бывший депутат II Государственной думы Л. Г. Рабинович выступил со специальным докладом о положении еврейской

⁸² Совещание еврейских общественных деятелей в г. Ковно 19–22 ноября 1909 г. С. 106–107.

⁸³ Там же. С. 115–116.

⁸⁴ Там же. С. 125.

благотворительности в стране. Он охарактеризовал это положение как критическое. Выводы он сделал чисто политические, заявив о том, что никакие реформы общины не приведут к коренному улучшению экономического и социального положения значительной массы евреев. Этого можно будет добиться, сказал Л. Г. Рабинович, только после полной ликвидации всего антиеврейского законодательства в стране.

Для собравшихся на совещание делегатов немаловажным было мнение С. М. Дубнова. Судя по всему, он внимательно следил за ходом дискуссии. Материалы съезда ему регулярно поставлял А. Ф. Перельман. Он же освещал работу совещания в журнале «Еврейский мир». Отношение Дубнова к современной общине соответствовало программе «Фолкспартей», автором которой он и являлся. В ней Дубнов писал о том, что «решение национальных проблем возможно только в условиях победы конституционного строя и получения твердых политических гарантий для всего населения страны»⁸⁵. Проектируя формы внутренней еврейской автономии, он опирался на исторический опыт общинного самоуправления. При этом Дубнов не забыл отметить разницу между прежней религиозной общиной и современным секуляризированным сообществом, сплоченным национальной идеей. Это сообщество он назвал «национальной общиной» и считал ее основой еврейского самоуправления, которая должна иметь выборные органы для руководства местными культурными, кооперативными и благотворительными учреждениями. Эти общины, объединившись, по его мысли, образовали бы всероссийский «Союз еврейских общин» во главе с органами самоуправления всех сфер национально-культурной жизни еврейства.

Он сразу же определил, что спор о типе общины является отражением дискуссии по старому вопросу: что представляет собой еврейство — нацию или религиозную группу среди других наций. Он констатировал: «Община есть географический отрезок народа, и в отрезке может быть только то, что есть в целом. Если еврейство — нация, то частица ее, община, может

⁸⁵ Volkspartei. Еврейская народная партия. С. 4.

быть организована только по широкому национальному типу»⁸⁶. В том же случае, если будет принято считать еврейство исключительно религиозной группой, то и самоуправление общины замкнется в пределах синагогального прихода. Дубнов говорил и о том, что в этом отражается глобальное различие в отношении к судьбе еврейства. Если будет принята формула «еврейство — это нация, и община — это структура национальная», то она естественным путем становится фактором политической жизни. Он писал, что «...в случае же принятия формулы — еврейство это всего лишь религиозная группа и община, не более чем объединение людей, исповедующих одну религию, то и ее права и обязанности будут распространяться только на соответствующий набор вопросов». От решения этой проблемы, по его мнению, зависела «судьба еврейства как внутренне-автономной нации»⁸⁷. Дубнов категорически высказался против дебатированной на Ковенском совещании идеи об обязательном причислении евреев к какому-либо молитвенному дому. Также он возражал и против контрпредложения противников конфессиональной общины исключить по определению все религиозные дела из ведения общинного самоуправления, предоставив им, таким образом, самостоятельно решать свои проблемы⁸⁸. Это неизбежно привело бы к расколу всего еврейского общества. Сам же он убеждал обе спорящие стороны прежде всего встать «на путь эволюционного [здесь и далее выделено в тексте. — В. К.] преобразования общины»⁸⁹. Он писал: «Секуляризация еврейской национальной идеи должна проявляться в процессе секуляризации общины не в насильственных акциях исключения чего-либо из функций самоуправления, а только в перемещении центра в пределах самоуправления. Раньше все культурные учреждения ютились

⁸⁶ Дубнов С. К спору о типе еврейской нации // Еврейский мир. 1910. 28 янв. С. 1–2.

⁸⁷ Там же. Интересно отметить, что теперь, в 1910 году, Дубнов в этой статье раскрыл существование острой полемики среди создателей программы Еврейской народной партии («Фолкспартей»). В этих спорах он тогда, в 1907 году, отстаивал идею о включении религиозных учреждений в круг ведения руководства секуляризированной общины и, оказывается, остался в меньшинстве.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

под сенью синагоги; теперь, напротив, сама синагога должна занять лишь определенное место в ряду культурных учреждений национальной общины»⁹⁰.

Многие из выступавших на Совещании в Ковно, особенно сторонники полной секуляризации общины, апеллировали к опыту западноевропейского еврейства. Но при этом они не учитывали того факта, что, в отличие от большинства своих западных собратьев, российское еврейство жило в условиях государственного антисемитизма.

Одним из главных предложений по реформированию общины, внесенных Г. Б. Слиозбергом, стало объединение в каждой конкретной местности всех разрозненных религиозных, благотворительных, просветительных и культурных организаций в единое учреждение, состоящее из избираемых представителей этих организаций. При этом предлагалось поставить их финансы под контроль специальных комиссий. По сути, реализация этого предложения вела к значительной секуляризации общинной жизни. В итоге это предложение, с незначительными поправками, было одобрено участниками совещания.

Другое предложение Слиозберга — о принудительной регистрации евреев с помощью синагог и молитвенных домов — вызвало наибольшие споры. Специальная комиссия, которой поручили обсуждение этого вопроса, возглавляемая противником данного тезиса — Л. М. Брамсоном — полностью отвергла предложения Слиозберга. В своем выступлении от имени комиссии Брамсон заявил: «Мы пришли к заключению о решительной неприемлемости этого предложения докладчика. Комиссия нашла, что приписывать прихожанами таких лиц, которые в действительности ни в какой синагоге не бывают и не числятся в ней, что зарегистрировать их этим путем в качестве членов всей общины, представляется излишним»⁹¹. Выступая за создание единой общины в пределах одной территории, комиссия сочла безнравственным насильственно приписывать каждого еврея к определенной синагоге. Но одновременно комиссия согласилась с тезисом о принудительном взимании со

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 169.

всех членов общины подоходного налога. При обсуждении этого вопроса неизбежно с новой силой проявились расхождения между сторонниками и противниками реорганизации общины на национальной, а не на строго конфессиональной основе. По убеждению Л. М. Брамсона и большинства представителей крупных городов вне черты оседлости, современная еврейская община — «...это учреждение светское, национальное, а не религиозное»⁹². Таким образом, религиозные учреждения хотя и становились автономными, но являлись лишь частью общинной организации.

Эти идеи получили большинство голосов. Отныне в ведении общины должны были находиться вопросы финансирования как религиозных учреждений, так и благотворительных, культурных и образовательных обществ.

Большинство собравшихся делегатов согласилось с предложением о замене коробочного сбора принудительным прогрессивно-подоходным налогом⁹³.

В своих решениях совещание полностью вышло за конфессиональные рамки. Новая, национальная, светская община призвана была принимать решения по всему комплексу социально-экономических, образовательных, культурных и эмиграционных проблем.

Итогом совещания стала резолюция, согласно которой выработанные принципы реорганизации общины должны были быть переданы в Государственную думу для внесения в «Закон об инославных и иноверных религиозных общинах». По мнению Слиозберга, «работа съезда оказалась чрезвычайно плодотворной и редко еврейский съезд мог бы сравниться по серьезности и обдуманности принятых решений с Ковенским съездом»⁹⁴.

Однако вне зависимости от хода совещания, актуальности и смысла принятых на нем решений вся последующая работа по их реализации была фактически заблокирована острейшими разногласиями, существовавшими между различными направлениями еврейской общественной и политической жизни.

⁹² Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 178.

⁹³ Там же. С. 215–219.

⁹⁴ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 263.

Осуществление этих решений возлагалось на Исполнительный орган совещания. В состав этого органа, в основном базировавшегося в Санкт-Петербурге, вошло 9 человек. На практике этот комитет, по сути, оказался лишь совещательным органом при евреях-депутатах Государственной думы.

Ход совещания и его итоги активно освещались в печати. Статьи с выражением согласия или осуждения его решений появились как в общероссийских органах печати, так и в еврейских газетах и журналах. Особенно остро проходила полемика на страницах органов печати, принадлежавших «противоборствующим» партиям и направлениям. Так, с противоположной трактовкой решений совещания выступили кадет и член Еврейской народной группы М. Тривус (Шми)⁹⁵, лидер Бунда В. Медем⁹⁶, теоретик СЕРП (Социалистической еврейской рабочей партии) М. Зильберфарб⁹⁷. Не мог остаться в стороне от полемики по этой проблеме и С. М. Дубнов. В специальной статье, опубликованной в журнале «Еврейский мир», он призвал сторонников и противников обеих концепций к примирению. Дубнов проповедовал эволюционный путь преобразования общины. По его мнению, религиозные учреждения должны были постепенно занять свое естественное место в системе всех культурных и просветительных объединений в составе единой национальной общины⁹⁸.

На этом совещании избрали руководящий орган, в него вошли ведущие политические и общественные деятели, в том числе Винавер и Дубнов. Как вспоминал сам Дубнов, «Винавер торжествовал. Помню, как по возвращению из Ковны вбежал в мой кабинет с радостной вестью об образовании новой организации под именем “Ковенский комитет” и на радостях даже расцеловался со мной. Видно, как дорога ему эта идея объединения общественных сил под его руководством»⁹⁹.

После окончания Ковенского совещания избранный на нем комитет некоторое время собирался как для выполнения

⁹⁵ Новый Восход. 1910. № 1. С. 17.

⁹⁶ Еврейский мир. 1910. № 2. С. 21.

⁹⁷ Там же. № 6. С. 13.

⁹⁸ Там же. 1910. № 4. С. 7.

⁹⁹ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 334.

решений совещания, так и для обсуждения насущных вопросов национальной жизни. Для реализации решений совещания по дальнейшему преобразованию религиозной общины в общину как общественную национальную организацию в составе комитета были образованы три комиссии: первая — для рассмотрения думских законопроектов, вторая — для составления бюджета организации и изучения экономического положения общин. Третья комиссия имела скорее вспомогательное значение — она предназначалась для сбора материалов по еврейскому вопросу, то есть, скорее всего, в помощь депутатам Государственной думы¹⁰⁰. Фактической работой Комитета руководил М. М. Винавер. Это придало всей деятельности нового общественного органа явный «думский» уклон. На заседании комитета, состоявшемся 21–23 декабря 1909 года, Винавер выступил со специальным докладом. В этом выступлении он исподволь проводил главную мысль, с которой он и организовывал этот съезд: для достижения своих национальных целей, для достижения равноправия необходима единая, сплоченная организация, которая сможет представлять все российское еврейство перед лицом государственной власти.

Согласно планам Винавера и идеям, активно проводимым им на совещании в Ковно, первые шаги новой национальной структуры были направлены на активизацию действий против черты оседлости, наличие которой оставалось коренной проблемой реформирования еврейской национальной жизни. Но при этом не забывались и «заветы» Ковенского совещания, направленные на реорганизацию общинной жизни в свете модернизационных процессов, происходивших во всех сферах еврейской социальной и духовной жизни в России. В этой связи одним из кардинальных вопросов становилась проблема приспособления религиозных требований иудаизма к течению российской жизни, а именно вопрос об организации «праздничного отдыха». Оставаясь членом ЦК Партии кадетов, Винавер в его рядах считался главным специалистом в еврейском вопросе. В свою очередь, и в глазах еврейской общественности он как бы обязан был защищать ее интересы в структурах этой авторитетной

¹⁰⁰ САНР (ЦАИЕНИ). RU/585.19. I. 1.

в стране партии при формировании ее национальной политики. Поэтому и в данном случае, в подготовке «национальных» запросов кадетской фракции в Думе, он стремился соединять интересы евреев с интересами представителей других народов и религий. Так, в вопросе о праздничных днях отдыха он непременно говорил о том, что этот вопрос должен быть решен одновременно и для иудеев, и для мусульман¹⁰¹. Тем более, что мусульманская фракция в Государственной думе, в отличие от еврейской, была сформирована и вела собственную думскую политику. Главным в решении этого вопроса он считал перенос его решения из компетенции городских самоуправлений в руки самих национальных общин.

Активно участвовавший в работе «ковенских» структур Г. Б. Слиозберг на одном из заседаний напомнил о том, что законодательная комиссия существовала, в том или ином виде, еще со времен работы II Государственной думы. Правда, он все же сказал, что вся ее деятельность имела и имеет чисто информационный характер, так как она «только обращает внимание на те части вносимых в Думу законопроектов, которые касаются евреев или косвенно задевают их интересы. А дело комитета и депутатов принимать те или иные решения по замечаниям комиссии»¹⁰².

Нахождение этой структуры в Петербурге предопределило то, что в ее работе принимали участие в основном проживавшие в столице еврейские деятели. Постепенно все бóльшую роль среди них стал играть М. И. Шефтель — петербургский адвокат и предприниматель, член руководства ОПЕ, председатель Общества для научных еврейских знаний, бывший депутат Государственной думы. Чаще всего заседания проходили у него на квартире. Как специалист по экономическим проблемам и законодательству, он возглавил специальные работы по сбору и аккумулированию статистических материалов по экономической жизни общин и роли евреев в российской экономике¹⁰³.

¹⁰¹ Ibid. L. 2.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ В молодости М. И. Шефтель, будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, участвовал в народовольческом движении, входил в руководство подпольной организации «Черный передел».

И все же главным в работе комитета оставалось решение коренной проблемы — приведение в соответствие с современными требованиями жизни общинных структур. Основной темой дискуссии оставались вопросы совмещения в руках общинного руководства не только проблем религиозной жизни, но и всего комплекса духовно-культурного существования еврейского народа. Благами веками разработанной и апробированной системы благотворительных и образовательных учреждений теперь на равных основаниях могли пользоваться не только прихожане синагог, а, по выражению Слиозберга, все «еврейское население»¹⁰⁴. При обсуждении задач, стоящих перед новой общиной, на этих заседаниях вновь возвращались к дискуссиям, проходившим в Ковно. Г. Б. Слиозберг как юрист постоянно пытался вводить процесс модернизации общинных структур в общее законодательное русло, приводить их в соответствие с существующими в империи законами и даже с принятой терминологией. Так, например, он говорил о том, что «община сама культивирует национальные чувства и представления. Трудно также конкретизировать и понятие об общественном призрении... Наконец, термин “духовно-культурные задачи” также неизвестен действующему закону. Вместо него мы взяли выражение: “заботы о просвещении и о духовных нуждах еврейского населения”»¹⁰⁵. Интересно, что на первых совещаниях вновь пришлось напоминать о том, что теперь следует говорить не только о тех евреях, кто посещает синагогу, то есть является членом религиозной общины. Члены комитета настаивали на полноценном применении термина «еврейское население», на которое и направлена работа всех национальных общественных структур, служащих для удовлетворения «духовных и материальных нужд еврейского населения»¹⁰⁶.

Известный сионистский деятель, юрист, бывший некогда также депутатом Государственной думы С. Я. Розенбаум настаивал на том, чтобы община влияла на экономическую деятельность еврейского населения, что, по его представлению, должно

¹⁰⁴ САНП (ЦАИЕНИ). RU/585.19. L. 3.

¹⁰⁵ Ibid. L. 5.

¹⁰⁶ Ibid.

будет превратить ее «в своего рода еврейское земство». Другой сионистский деятель, С. Е. Вейсенберг вообще считал, что именно в общине должны быть сосредоточены все финансовые рычаги. По его мнению, общинным структурам и следовало направлять средства на эмиграцию и на образовательные учреждения, включая раввинские институты. Правда, это предложение большинством было отвергнуто¹⁰⁷.

Наибольшие споры вызвало положение о цензовом характере общины. М. И. Шефтель настаивал на том, что пользующиеся институтами общины, но не несущие при этом финансовой нагрузки «нищие», то есть лица, целиком живущие за счет общины (следует учитывать, что этот слой населения был традиционным для еврейских общин во все времена), должны быть отстранены от распределения средств и в целом от руководящих органов общины. По этому поводу Винавер возразил, подчеркнув: «Община для нас нечто большее, чем хозяйственный орган, в ней кроются и государственные элементы. И потому вопрос об избирательном праве подлежит обсуждению не только с хозяйственной точки зрения, а с более общей, государственной. А при такой постановке вопроса ясно, что всякие цензовые проекты являются, по меньшей мере, шаткими и что единственная правильная основа общины — есть всеобщее избирательное право. Возможна, конечно, опасность охлократии при раскладе сумм». Дабы избежать этого, он предложил создать специальный «раскладочный орган», который будут избирать «лица, обладающие хотя бы даже тройным против минимума цензом. Но все остальное должно быть в руках органа, действующего на основании всеобщего избирательного права»¹⁰⁸.

Деятельный участник этих дебатов, знаменитый меценат и один из лидеров московской общины, представитель московского клана чаеоторговцев Д. В. Высоцкий, отстаивая принцип ценза, сказал, что в случае введения в общине всеобщего избирательного права «имущим и интеллигентным людям придется убежать из общины. Нельзя поручать заботу об общине тому, кто не умеет позаботиться о себе. Нам, евреям, нечего

¹⁰⁷ Ibid. L. 4.

¹⁰⁸ Ibid. L. 5.

идти дальше существующего строя, быть более демократичными, чем государство. Да, и правительство не даст нам такой общины»¹⁰⁹.

В итоге при голосовании было принято предложение распространить бесцензорный принцип только для решения вопросов, входящих в компетенцию так называемых «духовно-нравственных учреждений», в данном случае имелись в виду учреждения религиозные.

Далее на совещании шла речь о проблемах, которые так и не были окончательно разрешены в Ковно, а именно о создании некоего аппарата, призванного руководить национальной еврейской жизнью и быть представителем народа перед государственной властью. Именно эта проблема занимала центральное положение в лоббистских построениях Винавера. Прежде всего этому аппарату следовало придать характер легитимности. Ведь при обсуждении работы Ковенского совещания в еврейской прессе не раз звучали обвинения в адрес его инициаторов и руководителей в недемократичности. Винавер предложил начать процесс дальнейшей легитимизации их комитета с кооптации в его состав еще 19 человек. Право на это обосновывалось тем, что в Ковно было установлено количество членов комитета — 48 человек, но на тот момент не все они были избраны. При этом, понимая всю хрупкость предложенной им конструкции, Винавер подчеркнул необходимость того, чтобы новые члены были кооптированы из тех лиц, кого предложит провинциальная общественность. В целом собравшиеся поддержали это предложение. Споры вызвала только идея сосредоточить выборы на местах в молитвенных домах. Я. Г. Юдин отметил: «...молитвенные дома не всегда пригодны; их заправили часто люди темные, без общественной репутации». Далее он сказал: «Я полагаю, что каждый город имеет свои центры общественного мнения, — это разные благотворительные учреждения. Они являются, если не юридическими, то моральными представителями города. Им и надо предоставить производство выборов»¹¹⁰. В итоге было решено передать дело выборов новых членов в Ковенский

¹⁰⁹ САНЖР (ЦАИЕНИ). RU/585.19. L. 7.

¹¹⁰ Ibid. L. 8.

комитет на места, но не только контролировать этот процесс, но и сделать его как можно более демократичным. Некоторое отступление было сделано для представителей Санкт-Петербурга, ведь именно здесь было сосредоточено наибольшее число общественных структур и проживали самые известные национальные деятели. Столице империи предоставили право сверх официальных 9 членов кооптировать еще двух человек. В итоге в состав комитета кооптировали группу активистов, которые должны были представлять различные провинциальные общины. Среди них были и такие известные общественные деятели, как, например, сионист В. И. Темкин (Елизаветград) и барон В. Г. Гинцбург (Киев). От Петербурга в комитет вошли О. О. Грузенберг, А. В. Залкинд и М. Л. Тривус.

В следующем заседании комитета, состоявшемся 17 января 1910 года, приняли участие только петербуржцы: А. И. Браудо, М. М. Винавер, С. Е. Вейсенберг, О. О. Грузенберг, А. В. Залкинд, Г. В. Слиозберг, М. Л. Тривус, Д. Ф. Фейнберг. Фактически весь ход этого заседания говорит о том, что вся работа комитета в основном сосредоточилась на помощи евреям-депутатам Государственной думы, если не на руководстве ими. Как всегда в таких случаях, инициатива находилась в руках Винавера.

Конструируя новую еврейскую общественную структуру, Винавер пытался в какой-то мере воспроизвести сошедший с политической арены «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России». Конечно, он понимал, что после «бурного развода» 1907 года будет трудно воссоединить прежние политические потоки. Бунд и прочие социалистические объединения по-прежнему не испытывали симпатий к буржуазным организациям. Но при этом многие активисты левых партий и организаций, точно так же, как и сионисты, энергично участвовали в деятельности общекультурных и благотворительных национальных организаций. Определеннее и жестче звучал в то время в Ковенском комитете, как и вообще в различных национальных институтах, голос сионистов, бундистов и автономистов¹¹¹.

¹¹¹ Karlip J. M. *The Tragedy of a Generation: The Rise and Fall of Jewish Nationalism in Eastern Europe*. P. 24–80; Rabinovitch S. *Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia*.

На заседаниях Ковенского комитета Винавер неизменно старался формулировать думские запросы и направлять думскую политику. Его тактика состояла в том, чтобы еврейские интересы учитывались при подаче любых запросов. Так, в 1910 году, когда кадеты готовили запрос о законодательном статусе профессиональных союзов и их преследованиях со стороны администрации, депутаты были отдельно информированы о положении еврейских профессиональных организаций и случаях их преследования¹¹². Когда в Думе поднимался вопрос о случаях пыток и издевательств со стороны тюремной администрации в отношении заключенных, комитет по инициативе Г. Б. Слиозберга и О. О. Грузенберга настаивал на особом рассмотрении случаев преследования заключенных-евреев. Естественно, как и прежде, в центре внимания стояла проблема черты оседлости. Все еще актуальной оставалась полемика по поводу принятых 22 августа 1907 года так называемых Столыпинских циркуляров¹¹³. В Думе, как и в целом по стране, у этих циркуляров имелось немало как противников, так и сторонников. На заседаниях Комитета не раз обсуждался вопрос о тех изменениях, которые внесли эти циркуляры в право жительства евреев. Выступая на одном из заседаний, М. Л. Тривус (Шми), в то время человек, близко сотрудничавший с Винавером, утверждал, что этот документ «фактически не внес ни малейшего улучшения в жизнь евреев. Ни одного нового еврея не прибавилось вне черты. Было только узаконено пребывание тех, которые там жили и до циркуляра. Циркуляр только способствовал уменьшению взяток». Он же предлагал, в связи с постоянно звучавшими, в том числе и в Думе, жалобами на якобы вызванное этими циркулярами усиление экономического влияния со стороны евреев, исследовать этот вопрос и об итогах этого исследования доложить Государственной думе¹¹⁴.

Интересно, что на заседаниях комитета специально ставилась задача по сотрудничеству с печатью, но при этом, не желая раскрывать свои источники во властных структурах,

¹¹² САНЛР (ЦАИЕНИ). RU/585.19. L. 7.

¹¹³ *Войтенко Я. А.* Административные меры регулирования права жительства евреев в Российской империи в начале XX в. С. 184–200.

¹¹⁴ САНЛР (ЦАИЕНИ). RU/585.19. L. 8.

руководители комитета подчеркивали, что информация, исходящая от него, не должна содержать сведений о ее источнике¹¹⁵.

Далее перешли к обсуждению одного из важнейших, можно сказать, символических для еврейской жизни вопросов того времени — к избранию членов так называемой Раввинской комиссии. Подобные комиссии время от времени официально собирались, естественно, с разрешения властей, для того, чтобы обсудить и решить насущные проблемы религиозной жизни. Если раньше это входило исключительно в компетенцию духовных и казенных раввинов, то теперь, в 1910 году, комитет пожелал если не взять это дело в свои руки, то по меньшей мере контролировать его. Но на самом деле члены комитета столкнулись с хорошо организованным и «идейным» сопротивлением руководителей и сторонников хасидизма¹¹⁶. Традиционно эти комиссии собирались исключительно под контролем известных и утвержденных Министерством иностранных вероисповеданий лиц. Это символизировало и констатировало тот факт, что еврейская община носила чисто религиозный характер. Властям, естественно, было куда надежнее опираться на религиозную массу иудейского населения, чем на секуляризованную еврейско-русскую интеллигенцию. Согласно же решениям Ковенского совещания, руководящие функции в общине как национальном сообществе, в том числе и представительские, переходили в руки более секулярных структур. Естественно, это вызывало сопротивление со стороны большинства раввината, тем более что, согласно законодательству, духовные и казенные раввины были тесно связаны с государственным аппаратом, в глазах которого и олицетворяли само еврейство. Г. Б. Слиозберг, человек весьма религиозно ориентированный, подчеркнул тот факт, что выборы в Раввинскую комиссию проходят в стране «неблагополучно, так как общественные деятели к ним не привлекаются». Он привел примеры того, как «в некоторых местах казенные и духовные раввины призывались в губернские города и здесь избирали кандидатов». Далее он заявил: «Наша задача — повлиять на выборы там, где они еще не происходили»¹¹⁷. Говоря об этом, бывший

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 365–368.

¹¹⁷ САНЈР (ЦАИЕНИ). RU/585.19. L. 6.

в ту пору одним из лидеров сионистской организации Петербурга С. Я. Розенбаум поделился с собравшимися сведениями о том, что «ученый еврей М. Л. Крепс, якобы по поручению директора департамента духовных исповеданий, разослал духовным раввинам циркулярное письмо, рекомендуемое прилагать все усилия, чтобы в комиссию попали только духовные лица». Он тут же выразил беспокойство тем, что, по его мнению, «интеллигенция относится к выборам халатно, и духовный раввинат старается захватить все в свои руки...». Он даже сказал, что «среди раввинов вообще господствует настроение против Ковенского совещания»¹¹⁸. Отметим, что это была подготовка к последним выборам в Раввинскую комиссию в дореволюционной России. Сама комиссия работала в Петербурге со 2 марта по 4 апреля 1910 года при активном участии не только религиозных, но и общественных деятелей. Для Ковенского комитета было чрезвычайно важным делом если не контролировать ее работу, то хотя бы пытаться оказывать влияние на принятие тех или иных решений. Ведь по сути Раввинская комиссия как учреждение, признанное официальными властями империи, в известном смысле была неким конкурентом светским общественным организациям. Ковенский комитет пытался оказывать влияние на эту комиссию еще на этапе выбора в нее делегатов «из числа раввинов, купцов и почетных лиц». Согласно букве закона, Комиссия должна была сосредоточиться на обсуждении проблем, связанных исключительно с религиозной и духовной жизнью российского еврейства. Однако в условиях трансформации общины и усиления ее национального характера Ковенский комитет не мог позволить «постороннего» вмешательства в общественную жизнь общин. В 1909 году в Ковенском совещании участвовали такие видные религиозные деятели, как московский раввин Я. И. Мазе, киевский раввин Ш. Аронсон, черниговский раввин И. Шнеерсон. Но там они не имели господствующего влияния. В Раввинской комиссии состояли такие ключевые фигуры духовной жизни российского еврейства, как Я. И. Мазе, И. Файнштейн, С. Кац и нескольких представителей семейства любавичского ребе Ш.-Д.-Б. Шнеерсона¹¹⁹. Это делало комиссию некой соперничающей с комитетом структурой.

¹¹⁸ САНДР (ЦАИЕНИ). RU/585.19. L. 7.

¹¹⁹ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 272–273.

Ковенское совещание стало одной из последних попыток российского еврейства преодолеть раскол и политическую апатию. Хотя его решения так и не были полностью воплощены в жизнь, но оно все же вызвало определенный интерес национальной печати, вновь вернуло на общероссийскую арену ряд политических деятелей.

Совещание в Ковно — это еще одна попытка продемонстрировать властям наличие у российского еврейства собственных национальных интересов и готовность их отстаивать. Как писал годы спустя М. М. Винавер об этом съезде, «...это все же единственный съезд, в котором участвовали *все еврейские партии* [выделено в тексте. — В. К.] и группировки (от ортодоксии до Бунда включительно) — единственно открытый всееврейский съезд в России, ближе всего подходящий к тому Нац[иональному] Учр[едительному] Собр[анию], которое было прорепетировано (конечно, в другом масштабе) 2-м съездом Союза Полноправия и которое состоялось»¹²⁰.

Постепенно все чаяния лоббистов аккумулировались в деятельности по поддержке евреев-депутатов Государственной думы и еврейских общественных организаций, в том числе культурных, профессиональных, благотворительных, кооперативных и прочих объединений. Со своей стороны Винавер по-прежнему оставался фигурой, определяющей политику Партии кадетов по отношению к еврейскому вопросу.

Деятельность структур, созданных Ковенским совещанием, все же не имела такого значения, как когда-то «Союз полноправия». Еврейское общество было уже предельно политизировано и идейно разобщено. По мнению Дубнова, в итоге деятельность Ковенского комитета была торпедирована главным образом сионистами¹²¹. Но думается, что это не совсем верно. Ведь производным этого комитета была работа Политического бюро при евреях-депутатах Государственной думы.

¹²⁰ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 286–287.

¹²¹ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 334.

Глава 9

ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

Теперь все дела русские, все отношения русские осложнились “евреем”. Нет вопроса русской жизни, где запятой не стоял бы вопрос: как справиться с евреем, куда его девать, как бы не обиделся?

В. В. Розанов

...многие сочувствующие евреям или индифферентные к ним стали антисемитами.

С. Ю. Витте

На рубеже XIX–XX веков в России началось интенсивное развитие русско-еврейской культуры и инкорпорирование русско-еврейской интеллигенции во многие институты отечественной жизни. Еврейская интеллектуальная активность распространилась и на собственно русскую культуру¹. Ведь те несколько тысяч евреев, что получили образование в отечественных университетах, составили новую общность: русско-еврейскую интеллигенцию². К этой группе относилось практически все

¹ Следует отметить, что к этому моменту произошел кардинальный сдвиг в развитии еврейской культуры в России и в Восточной Европе. На первый план вышла идишистская молодежь. В политике они, как правило, занимали левые, социалистические позиции. На время центр национальной культуры сместился в сторону Киева, Одессы, Витебска... Теперь многие молодые художники, писатели, поэты, минув Петербург, направлялись сразу же во Францию и в США. В столкновении трех направлений в национальной культуре: традиционного, идишистского и русско-еврейского М. М. Винавер стремился сохранять некий нейтралитет. На стенах его квартиры соседствовали работы Э. Бразы, И. Левитана и М. Шагала (см., например: *Казовский Г. Художники Витебска: Иегуда Пэн и его ученики. М., 1995; Казовский Г. Художники Культур-Лиги. М., 2003. С. 33–40; Trachtenberg B. The Revolutionary Roots of Modern Yiddish: 1903–1917. Syracuse; New York, 2008; Moss K. B. Jewish Renaissance in the Russian Revolution).*

² Кельнер В. Е. Русско-еврейская интеллигенция: Генезис и проблемы национальной идентификации.

руководство еврейским национальным либеральным и демократическим движением. Адвокаты, врачи, инженеры, предприниматели — обладатели дипломов о высшем образовании и множество тех, кто так и не получил эту возможность, но работал в редакциях сотен общероссийских газет, журналов и издательств. Журналисты, репортеры, критики, «люди театра», они стали новым воплощением «людей воздуха». Многие из них параллельно работали как в русской, так и в национальных сферах. Но значительное количество представителей этой группы полностью ушло в отечественную жизнь. Отстраненные от официальной государственной службы, они могли существовать только в частной сфере. Среди русско-еврейской молодежи стало если не модным, то вполне морально оправданным принятие христианства. То, что поколение Винавера считало актом национального предательства, теперь трактовалось в лучшем случае как прагматичный, вполне оправданный шаг, единственный выход из сложившихся условий³.

Историк, публицист, политик С. М. Дубнов, человек, чье имя уже было хорошо известно среди нового поколения, опубликовал специальное обращение к еврейской молодежи, объясняя ей на исторических примерах все позорность и тщетность подобного поведения⁴. Конечно, были и те, кто «покидал Синагогу» в силу искреннего восприятия чужих религиозных догм. Не говоря уже о тех, кто вообще являлся атеистом и исповедовал марксизм и прочие модные тогда идеи⁵. С самого начала века

³ Если раньше некоторые еврейские интеллигенты часто оправдывали принятие православия и уход в другую культуру тем, что стремились узаконить брак с православными (С. А. Венгеров, Н. Минский, И. В. Гессен), то теперь некоторые молодые евреи особенно и не скрывали утилитарные цели своего отхода от иудаизма и еврейской культуры. Правда, к примеру, некоторые, подобно поэтам О. Мандельштаму и Б. Лившицу, при этом поступали довольно цинично — они переходили не в православие, а принимали одну из форм протестантизма.

⁴ Дубнов С. М. Об уходящих: письмо в редакцию // Новый Восход. 1913. № 29. Стб. 6–8.

⁵ Первыми в то время тревогу по поводу массового исхода евреев в русскую культуру забили представители сионизма. Так, еще в 1902 году лидер «духовного сионизма» Ахад-Гаам призвал «не радоваться вкладу евреев в русскую культуру, не гордиться признанием, которое они заслужили в глазах русского общества, но горько сожалеть о том, что лучшие таланты уходят из культуры национальной». Ахад-Гаам имел в виду отклики в печати на смерть М. Антокольского, художника,

в стране множилось еврейское городское население. А тем временем значительно изменилась среда, на которую в основном были направлены еврейские лоббистские усилия. Русское общество переживало глубокий духовный кризис. Демократические и либеральные иллюзии первых лет нового века разбились о действительность. В новых духовных обстоятельствах, господствующих в русском обществе, среди людей, травмированных поражением в столкновении с властной бюрократией, еврейская активность и небывалое еврейское присутствие не могли не вызвать сопротивления и неприятия. В русской интеллигентской среде возродились, а то и усовершенствовались многие фобии прошлого. Вновь начались привычные поиски виновника всех бед. Как всегда, ими стали евреи и либералы. Антисемитизм и асемитизм стали вполне приемлемым объяснением изменений, происходящих в отечественной жизни. Филосемитизм былых годов трансформировался в свою противоположность. Да и столь долго культивировавшееся в некоторых кругах русской интеллигенции «чувство вины» по отношению к евреям стало проходить или вызывать глубокие сомнения и мучительные размышления. Один из самых популярных писателей того времени — Леонид Андреев — сетовал на то, что он живет под влиянием еврейского вопроса: «...с того первого момента, как сознательно отнесся к жизни, вплоть до настоящей минуты я живу в его вредной атмосфере, дышу ядовитым воздухом, которым окружены все эти “вопросы”, все эти темные, мучительные, несносные для ума алогизмы»⁶. И далее Андреев, один из самых

ранее столь травимого на родине, а теперь восхваляемого. Под впечатлением этого выступления Х.-Н. Бялик написал:

...В кумир иноверца и мрамор чужой
Вдохнете свой пламень с душою живой.
...И, если бы в роде был зачат орел,
Он крылья расправив, гнезда б не обрел:
От дома далече он взмыл к поднебесью,
Не стал бы ширяться над вашею всею
...Так лучших отринув потомков своих,
Вы будете сиры в селеньях глухих

(пер. Вяч. Иванова; цит. по: *Тименчик Р., Копельман З.* Вячеслав Иванов и поэзия Х.-Н. Бялика // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 108).

⁶ Андреев Л. Первая ступень. М., 1915. С. 7. М. Горький вспоминал, как в личном разговоре Л. Андреев говорил ему о своем восприятии еврейского

тонких и чутких авторов эпохи, говорит о том, что он «кажется себе бессильным разрешить сложившуюся коллизию». Ведь ее следствием стало то, что «еврей не верил мне... Сожительство с евреями, как их согражданин, находясь с ними в постоянных сношениях, личных, деловых, товарищеских... я, таким образом, каждый день буквально лицом к лицу становлюсь перед еврейским вопросом — и каждый день с невыносимой остротой испытываю всю фальшь и жалкую бессмысленность моего положения как угнетателя поневоле»⁷.

Еще совсем недавно образ еврея — «жертвы реакции» — был общим местом в русской литературе. Он кочевал из одного произведения в другое и отличался друг от друга только в зависимости от таланта автора. Подобного «еврея» мы видим в произведениях М. Горького, Л. Андреева, Е. Чирикова, С. Гусева-Оренбургского, П. Засодимского, Ф. Крюкова.

Это же распространялось и на кадетскую интеллигенцию. А. В. Тыркова-Вильямс, человек, далекий от юдофильства, вспоминала: «Еврейский вопрос был одним из постоянных напоминаний о грехах самодержавия, одной из помех для более примирительного отношения к власти. Политика власти в еврейском вопросе шла вразрез с нашими понятиями о справедливости, о человечности. Эти идеи права были для нас не просто логическими категориями, это был наш Коран. Мы присягнули ему без обрядов, без масонских или иных церемоний, но это была внутренняя крепкая присяга»⁸.

Но вот настали новые времена, и массовое интеллигентское сознание трансформировалось. От еврейского народа стали

вопроса: «Я не люблю их [евреев. — В. К.], они меня стесняют. Я чувствую себя обязанным говорить им комплименты, относиться к ним с осторожностью. Это возбуждает у меня охоту рассказывать им веселые еврейские анекдоты, в которых всегда лестно и хвастливо подчеркнуто остроумие евреев. Но — я не умею рассказывать анекдоты, и мне всегда трудно с евреями. Они считают меня виновным в несчастьях их жизни — как же я могу чувствовать себя равным еврею, если я для него преступник, гонитель, погромщик?» (*Горький М. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос* / авт.-сост. М. Агурский, М. Шкловская. Иерусалим, 1986. С. 277).

⁷ Там же. С. 8–9.

⁸ Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. Отмечу, что «на своих путях» она не раз отступала от этих «заветов».

требовать доказательств «любви к России». В обмен же обещали в будущем изменения в его государственном состоянии. Одним из моральных лидеров этого направления стал П. Б. Струве. Перейдя окончательно на национально-государственнические позиции, он и в еврейском вопросе играл особую роль.

Еще в самом начале века он позволял себе менторски читать евреям нотации, требуя от них начать борьбу за права. Но при этом он полагал, что только полная эмансипация, а не развитие еврейского национального движения и есть решение еврейского вопроса. По мнению Р. Пайпса, «...для него [П. Б. Струве] евреи, как и практически все проживавшие в империи народы, были русскими. Он просто не воспринимал их национальные чаяния. Их нужды будут удовлетворены только тогда, когда Россия станет свободной страной. Все, в том числе и евреи, должны были помогать в осуществлении первоочередной задачи — свержении самодержавия — и в этой борьбе не имели права на какие-то собственные национальные интересы, отвлекающие их от основной задачи»⁹. Устами Струве русская национальная и государственническая интеллигенция заявляла: «...преданные русской государственности и привязанные к русской культуре евреи прямо незаменимы в качестве пионеров и посредников. Таким образом, нам, ради Великой России, нужно создавать таких евреев и широко ими пользоваться... нет элемента, который мог бы легче, чем евреи, быть поставлен на службу русской государственности и ассимилирован с русской культурой»¹⁰.

То, что евреи в своем большинстве не желали ассимилироваться и служить орудием в деле создания «Великой России», у Струве и сторонников его идей вызывало непонимание и раздражение¹¹.

⁹ Пайнс Р. Струве. Т. 1. С. 496–497.

¹⁰ Струве П. Б. *Patriotica*. С. 83–84.

¹¹ А. В. Тыркова-Вильямс в январе 1910 года оставила в дневнике следующую запись слов Р. Г. Винавер, сказанных в споре о П. Б. Струве во время его полемики с Винавером по украинскому вопросу: «Он совсем стал странный, Я даже просто нахожу, что он с большим душком». — «Что это значит? Струве человек редкой честности и искренности». — «Вы думаете?» Лицо у нее стало такое злое, с резко еврейским выражением... И я поняла, что Струве еще много придется выдерживать именно от евреев» (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 90).

Еще больше сузила поле еврейского лоббирования проходившая в 1909–1910 годах дискуссия о «национальном лице» и о роли евреев в русской литературе и культуре¹². Многие евреи, работавшие в разных сферах русской культуры, не всегда ощущали, насколько тонка та грань между филосемитизмом и толерантностью по отношению к тем, кто еще совсем недавно принадлежал к совершенно другой культуре. Среди «пострадавших» оказались самые чувствительные слои русской интеллигенции¹³. Евреи активно внедрялись в гуманитарные, «книжные» области самовыражения¹⁴. Для огромного большинства русских национальная литература, театр, музыка были областями сакральными. Понимание того, что симбиоз двух культур ведет только к обогащению их обоих, к появлению новых форм самовыражения, к обретению уникальной палитры и многоголосию, озаряло лишь немногих деятелей русской культуры. В то же время евреи проявляли чудеса мимикрии. В первое десятилетие века их появление в отечественной культуре действительно стало заметным, тем более что многие представители этой плеяды не страдали от избытка

¹² Впрочем, эта тема была не нова. Еще в XIX в. приход евреев в русскую литературу и искусство волновал «патриотически настроенную» общественность. Далеко не сочувственно и одобрительно было встречено творчество М. Антокольского, С. Надсона, С. Фруга (*Glants M. Where Is My Home?: The Art and Life of the Russian Jewish Sculptor Mark Antokolsky: 1843–1902. New York, 2010; Фруг С. Г. Иудейская смоковница: воспоминания, очерки, фельетоны / сост., вступ. ст. и коммент. Н. А. Портновой. Иерусалим, 1995; Бердников Л. Семен Надсон и российское еврейство // Лехаим. 2009. № 5 (205). С. 25–32.*

¹³ В. В. Розанов отметил знаковой фразой: «Вся литература теперь “захватана” евреями. Им мало кошелька: они пришли “по душу русскую”...» (*Розанов В. В. Опавшие листья: короб 2-й. Пг., 1915. С. 72*).

¹⁴ Этот процесс русская националистическая печать отметила еще раньше. В 1888 году критик и публицист, активнейший автор ведущей газеты страны «Новое время» В. П. Буренин, имея в виду русскоязычных поэтов-евреев, писал: «Лезут теперь из всех щелей разные Фруги, Минские, Жидовичи, Абрамовичи» (*Новое время. 1888. № 4494. С. 2*). На протяжении многих лет Буренин специализировался на травле писателей и поэтов еврейского происхождения. Десятилетия спустя, в начале 1920-х годов, когда неожиданно Буренин, нищий и страдающий от голода, появился в Доме литераторов для того, чтобы вымолить пособие, то именно два некогда им гонимых литератора А. Е. Кауфман и А. Л. Волинский настоятельно потребуют предоставить ему это пособие. Видно, тут сыграли свою роль не только приверженность гуманистическим принципам литературной среды, но и общее неприятие государственной политики в этой области (*Амфи-театров А. В. Собр. соч.: в 10 т. М., 2003. Т. 10, кн. 2: Мемуары. С. 595*).

тактичности. Некоторые из них отход от своей национальной культуры стремились компенсировать активностью в культуре русской. М. Гершензон характеризовал этих людей следующим образом: «Евреи, духовно отпавшие от еврейства... силятся любить то, чем живет современный культурный мир: его позитивистическую веру, его философию, науку, эстетику, демократизм в политике и социализм; они делают вид, что уже любят, по-настоящему любят, и сами себя убеждают в этом. Но это лишь приемыши, не плоть от плоти их духа. Пусто в сердце, и слишком ясно в уме. За их шумной деятельностью в чужой среде, за их самоуверенной и часто самодовольной внешностью таится глухая тревога, их кипучая энергия — не из душевной полноты, а из душевного голода»¹⁵.

В атмосфере душевной сумятицы и разлада, наступивших после краха надежд и иллюзий первых лет нового века, евреи стали желанным объектом для проявления накопившихся чувств раздражения и разочарования. В 1908 году одним из самых первых, кто выразил беспокойство реакцией общества на еврейскую активность в русской культуре, стал один из самых тонких литературных критиков своего времени — К. И. Чуковский. Высказал он это в форме искренней обеспокоенности судьбой собственно еврейской культуры, теряющей свой национальный приоритет в умах собственной интеллигенции. Чуковский писал: «Еврейский интеллигент, оторвавшись от своего родного народа, отрывается и от единственно доступной ему правды; приставая к народу русскому, к русскому языку и русскому искусству, новой правды не обретает; он усваивает, но не творит; он копирует, но не рождает. Это страшная трагедия еврейского интеллигента, очутившегося в плену у Пушкина, Толстого и Чехова, и пусть он будет гениален, как десять Шекспиров, — он не создаст ничего, он беспомощен и бессилен, потому что русский пафос — не его пафос, русская мелодия — не его мелодия, русская эстетика — не его эстетика. Он стоит в этом мире как глухонемой и может лишь немногими бедными знаками выражать свою — пусть богатейшую душу»¹⁶. Чуковский довольно точно ставил диагноз

¹⁵ Гершензон М. О. Судьбы еврейского народа. Пг.; Берлин, 1922. С. 30.

¹⁶ Чуковский К. Евреи и русская литература // Свободные мысли. 1908. 14 янв. С. 3.

положению, сложившемуся в результате наплыва еврейской интеллигенции в русскую культуру. Он писал: «...полчищами устремляются они в русскую литературу, где находят себе жалкое применение на вспомогательных ролях: наследники псалтыри Давидовой — интервьюируют Куропаткина! Пропеть на весь мир Песнь Песней, а потом пойти в хористы чужой, полудикой литературы, чтобы подхватывать чужие молитвы и подпевать неслышными голосами по чужим нотам, — это ли не рабство духовное, не унижение?»¹⁷ Внешне благожелательный по отношению к еврейской интеллигенции, он все же утверждал: «Чтобы только понять Достоевского, вам нужно вернуться назад, по крайней мере, на десять веков — ни годом меньше! И поселиться по горло в снегу, среди сосновых лесов и творить с дикими “гоями” их язык, их бедную эстетику, их религию, ходить с ними в деревянные церкви, и есть кислый хлеб, — и только тогда прийти на Невский проспект и понять хоть крошечку из всего, что здесь делается»¹⁸.

Ответом на эту статью был вал критических замечаний, обрушившийся на него буквально со всех сторон, из всех политических лагерей. Видно было, что Чуковский затронул острейшую проблему русско-еврейских отношений того момента¹⁹.

Первыми поддержали Чуковского авторы сионистского журнала «Рассвет»²⁰. Приверженцы данного направления в еврейском национальном движении увидели в этом прецедент, с помощью которого они имели возможность еще раз напомнить российскому еврейству о тщете каких-либо надежд на вхождение в заветный круг полноправных не только юридически, но и духовно русских граждан. Но самым важным, наверное, для него стала поддержка писавшего по-русски критика, драматурга, писателя, публициста и переводчика, видного сионистского деятеля В. Жаботинского. Тот, обобщая дискуссию и говоря лишь об одном из ее аспектов — языковом, заметил, что на русском языке писали такие признанные еврейские авторы, как О. Рабинович, С. Фруг, Бен-Ами. И далее он говорит: «Решающим

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Подборку этих откликов см. в книге: Чуковский и Жаботинский: История взаимоотношений в текстах и комментариях.

²⁰ Рассвет. 1908. № 5. С. 8; № 6. С. 9; № 7. С. 6.

моментом является тут не язык и, с другой стороны, даже не происхождение автора, и даже не сюжет: решающим моментом является настроение автора — для кого он пишет, к кому обращается, чьи духовные запросы имеет в виду, создавая свое произведение»²¹.

Так или примерно так в то время думали о «муках еврейства» в «иностранной» культуре и многие русские деятели культуры и литературы. З. Гиппиус вспоминала о своих враждебно-дружеских отношениях с отцом русского декадентства, философом и критиком А. Волынским²² и с недоумением писала о том, как тот, выпускник Петербургского университета и уже маститый автор, отреагировал на ее замечания по поводу его якобы несовершенно владения русским языком: «Вначале я была так наивна, что раз искренне стала его жалеть: сказала, что евреям очень трудно писать, не имея своего собственного, родного языка... Но этот язык, даже в тех случаях, когда страна — данная — их “родина”, то есть, где они родились, — им не “родной”, не “отечественный”, ибо у них “родина” не совпадает с “отечеством”, которого у евреев — нет»²³. Примерно теми же обоснованиями оперировал и критик, пушкинист С. А. Венгеров. «Счастливо запомню», что некогда, на рубеже 1870–1880-х годов, он начинал свою литературную карьеру в еврейской периодической печати, в разговоре с молодым еврейским философом А. З. Штейнбергом он «наставлял» его: «Слушайте, Аарон Захарович, Вам необходимо поменять Ваше имя и отчество и принять православие. Так как Вы поклоняетесь вере Ваших праотцев, Вы не в состоянии правильно понимать историю русской литературы»²⁴. Одним из активных полемистов по этому вопросу был в то время соратник Винавера по Еврейской народной группе, писатель и этнограф В. Г. Тан-Богораз.

²¹ *Жаботинский В.* Письмо: (О «евреях и русской литературе») // *Рассвет*. 1908. № 13. С. 14–16.

²² В молодости, будучи еще Хаймом Флексером из Житомира, он — искренний палестинofil и сотрудник журнала «Рассвет» (см.: *Толстая Е.* Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. Иерусалим; М., 2013).

²³ *Гиппиус З. Н.* Живые лица: воспоминания: в 2 кн. Тбилиси, 1991. Кн. 2. С. 201. Однако, зная описанный в многочисленных воспоминаниях характер З. Н. Гиппиус, можно усомниться в ее «наивности» в этом вопросе.

²⁴ *Штейнберг А. З.* Друзья моих ранних лет: (1911–1918). Париж, 1991. С. 181.

Вольно или невольно, но Чуковский открыл ящик Пандоры. Куда более отчетливо и агрессивно высказал свое отношение к этой проблеме, набравшей в ту пору вес в отечественной культуре, Андрей Белый. Он выступил со статьей «Штемпелеванная культура», в которой свел необходимость сопротивления наступающей массовой культуре и связанному с этим господству пошлости, к еврейскому присутствию. «Вы посмотрите списки сотрудников газет и журналов России, кто музыкальные, литературные критики этих журналов? Вы увидите почти сплошь имена евреев!» — восклицал он в журнале «Весы» — тогда главном органе русского символизма. И далее он утверждал: «Главными национальной культуры оказываются чуждые этой культуре люди; конечно, не понимают они глубины народного духа, в его звуковом, красочном и словесном выражении...»²⁵ Если судить по реакции на эту статью со стороны интеллигенции, то она «пришлась ко двору» большей ее части²⁶. Вокруг этого выступления, как за, так и против него, в печати появилось значительное количество откликов²⁷. «Не выдержал» даже М. Горький.

²⁵ Бугаев Б. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9. С. 72–80.

²⁶ Теософ и «свой человек» в петербургских литературно-мистических салонах, Анна Минцлова писала А. Белому о реакции на нее в «Башне» у Вячеслава Иванова: «Вашу статью в «Весах» он [Вяч. Иванов] очень приветствует и ценит очень высоко — и с большим восторгом он говорит о том, что “из Андрея Белого вырабатывается прекрасный, тонкий, мудрый журналист”... Ремизовы оба, он и она, посылают Вам самый душевный привет свой. Они оба считают Вашу статью эту (которая, Вы знаете, произвела большую сенсацию здесь в Петербурге!) — подвигом истинным...» (цит. по: Безродный М. В. О «юдобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 100–125). Правда, зная особенности психологии того мистического круга, к которому принадлежала А. Минцлова, можно предположить, что эти слова были написаны для того, чтобы произвести на поэта нужное впечатление. Собственно об отношении Вяч. Иванова к данной проблеме см.: Тименчик Р., Копельман З. Вячеслав Иванов и поэзия Х.-Н. Бялика. Да и сам корреспондент Белого, Анна Минцлова, сторонница теософических теорий, человек явно не всегда адекватный, таинственно исчезла в 1910 году [Сообщено Н. А. Гринченко].

²⁷ См.: Безродный М. В. О «юдобоязни» Андрея Белого. В то же время большинство деятелей культуры страшилось обвинений в антисемитизме и искало различные формы оправдания своей позиции. Так, поэт, литературовед, искусствовед, философ С. Н. Дурылин в ответ на обвинение со стороны своего друга юности Б. Пастернака в антисемитизме писал: «Антисемитизм есть одно из самых смрадных порождений современной безрелигиозности, современного антихристианства, и я ненавижу его... Но, может быть, антисемитизм во мне нечто другое.

В письме А. В. Амфитеатрову он сообщал: «...я понимаю настроение А. Белого, понудившее его закатиться в антисемитизм. В самом деле: Вы посмотрите, какая это бестактная и разнужданная публика, все эти Мейерхольды, Чуковские, Дымовы, Ол. д'Оры и другие, имя же им — легион! В литературе русской они кое-как понимают слова, одни слова, но дух ее — совершенно чужд им»²⁸.

Но еще больший скандал и общественную реакцию вызвал так называемый Чириковский инцидент. В феврале 1909 года в либерально-демократическом салоне в доме актера Н. Н. Ходотова обсуждалась в узком кругу пьеса идишистского писателя и драматурга из Польши Шолома Аша «Голубая кровь». Участник этого события писатель и драматург Е. Н. Чириков, находясь в состоянии раздражения панегирическими высказываниями в адрес пьесы присутствующих литераторов и критиков еврейского происхождения, сделал ряд довольно недвусмысленных замечаний в их адрес. Уже сам триумфальный вояж еврейского драматурга и писателя из Польши в Россию, а главное то, как он был встречен еврейскими кругами, вызвало неприятие со стороны представителей «исконно русской литературы». К моменту появления писателя в России его творчество уже было хорошо известно. Один за другим в свет вышли в переводе на русский язык три тома его рассказов, пьесы «Белая кость», «Времена мессии», «Городок». Лучшие столичные театры того времени готовы были предоставить ему свою сцену²⁹. В либеральных русских

Я ненавижу ту интернациональную нивелировку под уровень коммивояжерской культуры, которая грозит все истребить и засолить. Литература тонет в панжурнализме... русское искусство в бесчисленных дантистах и адвокатах, судящих его и ему причастных. ...В этом распылении, всей этой одержимости современной культуры коммивояжеров и шоферов — первая роль выпала еврейству, и поскольку оно с охотой и интересом отдалось этой роли, я не люблю эту его интернациональную и, в сущности, уже тем самым и не еврейскую часть, не люблю за то, что она делает и чему сродни... Вот и все мое антисемитство...» (цит. по: Тун Ф. О «непоправимой чужеродности» Бориса Пастернака // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 127–128).

²⁸ Цит. по: Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... Т. 1. С. 74. Эта цитата приведена мной по комментариям В. Хазана, которые сами по себе являются выдающимся «путеводителем» по той эпохе.

²⁹ Беневиц Е. Шолом Аш на русской сцене // Год за годом: в 6 т. М., 1987. Т. 3. С. 134.

и русско-еврейских салонах и в еврейской и русско-еврейской печати он получил самый восторженный прием³⁰. В обстановке все возраставшего национального возбуждения тех лет это не могло не вызвать соответствующей реакции. К тому же произведения, в основном пьесы, создавались им в декадентском стиле. А это тоже не могло не вызвать сопротивления со стороны многих представителей отечественной литературы, сторонников традиционных форм искусства.

Особую неприязнь в этом кругу вызвало явно преувеличенное, восторженное отношение к его произведениям со стороны еврейской публики. Тот ажиотаж, которым сопровождалось его пребывание в России и общий моральный фон того времени, и спровоцировали скандал при обсуждении его пьесы³¹. Особенно острую реакцию у русского драматурга Чирикова вызвали выступления А. Волынского, О. Дымова и А. Шайкевича — сторонников модернистских течений в искусстве³². Взяв слово, Чириков отметил тот факт, что критики, всегда выступавшие против изображения быта в произведениях русских авторов, в данном случае эту сторону пьесы не отметили. Он сказал: «Что же, господа, это значит? Может быть, наш русский быт умер, а еврейский не может и не должен умереть?» Далее, в ответ на неловкое высказывание самого Аша, к тому же произнесенное на ломанном русском языке, что, мол, русский не может понять и по достоинству оценить бытовое произведение, Чириков запальчиво произнес сакраментальную фразу: «Если вы, однако, настаиваете на невозможности для русского понять еврейскую бытовую пьесу, то мне остается только пожалеть, что

³⁰ *Krutikov M. Russian between Myth and Reality: From Meri to Three Cities // Sholem Asch Reconsidered / ed. by N. Stahl. New Haven, Connecticut, 2004. P. 81–105.*

³¹ Позднее Ш. Аш изобразил этот период своей жизни в романе «Мэри». Среди героев этого произведения, написанного по следам визита в Петербург, изображено немало ярких представителей русской и еврейской элиты того времени. По мнению М. Крутикова, один из героев — адвокат Гальперин — это М. Винавер (*Krutikov M. Russian between Myth and Reality: From Meri to Three Cities. P. 90–91*). Я же считаю, что на эту роль более всего подходит О. О. Грузенберг.

³² *Чириков Е. Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний / вступ. ст., публ. и прим. А. В. Бобыря // Лица: биограф. альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 281–416. См. также: Толстая Е. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. С. 368–379.*

мои бытовые пьесы подвергаются критике со стороны рецензентов-евреев, не способных понять меня как русского. Ведь большинство рецензентов у нас в Петербурге — евреи...»³³ Проблема была в том, что участники конфликта — критики и литераторы еврейского происхождения — искренне считали себя россиянами, полноправными участниками культурных процессов, происходивших в стране. «Кровью и потом» они отвоевали для себя «место под солнцем», стали известными и авторитетными людьми во многих издательствах, редакциях газет и журналов, а то и владельцами их. А тут их «ставят на место». Описание произошедшей «дискуссии» появилось сначала на страницах еврейской печати³⁴ и тут же, с различной степенью достоверности, было растиражировано десятком периодических изданий, принадлежащих ко всему тогдашнему политическому спектру. Сам «виновник торжества» — Е. Н. Чириков, — видимо, поняв свою ошибку, которая заключалась в том, что он огласил то, о чем еще не решались говорить открыто многие его собратья по перу, написал, наверное, самому авторитетному в демократическом лагере человеку — Леониду Андрееву: «...а тут еще еврейский погром, устроенный Волынским, Дымовым и Шайкевичем. Телефон в Москву в руках сродственника Дымова г. Руманова, и им отлично пользуются для извращения и клеветы... Дело, не стоящее выведенного яйца, раздули до события громадной важности,

³³ Чириков Е. Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний. Вып. 3. С. 370. Уже позднее, в эмиграции, Е. Н. Чириков вспоминал о том, что как раз к этому моменту в нем «стало просыпаться временно усыпленное социальными утопиями национальное здоровое чувство, этот прирожденный каждому народу инстинкт национально-государственного самосохранения. Я чувствовал себя не просто человеком [здесь и далее выделено в тексте. — В. К.], а человеком и писателем русским» (Там же. С. 368). Этот инцидент описан во многих источниках и исследованиях: Левитина В. Б. Русский театр и евреи: в 2 т. Иерусалим, 1988; Михайлова М. Еврейская тема в творчестве Е. Н. Чирикова и «чириковский инцидент» // Параллели: русско-еврейский историко-литерат. и библиогр. альманах (Москва). 2003. № 2–3. С. 163–188 и др.

³⁴ Дер Фрайнд. 1909. № 47, 19 февр. — 4 март. С. 3. Газета издавалась на идише в Петербурге, затем в Варшаве. Одним из ее основателей и редакторов на протяжении ряда лет был историк, публицист и общественный деятель С. М. Гинзбург. Он был хорошо знаком с М. Винавером еще по работе в журнале «Восход» и в руководстве ОПЕ.

и посему нельзя быть [не в] этой пакости...»³⁵ В ответ Чириков напечатал затем многократно перепечатанное письмо: «Благодарю, не ожидал!»³⁶ Более чем авторитетный в этих кругах М. Горький писал А. В. Амфитеатрову тогда же, в марте 1909 года: «В газете “Рус[ское] сл[ово]” Чириков Евгений доказывает, что он не антисемит, а Дорошевич отвечает ему — хитришь, брат! Разыгрался, видимо, довольно безобразный скандал на чтении пьесы Шолом Аша, где Чириков говорил некую речь. Арабажин же его поддерживал. Евреи-писатели обижены, ругаются. Богородица! Сколь трудно ныне быть писателем на Руси! Своя своих совершенно разучились познавать, идет какая-то мутная чепуха, и ежедневь, открывая газету, ждешь чего-либо о писателе, но ничего хорошего прочитать — не ждешь. Скорбно!»³⁷ Спустя несколько дней, уже когда это событие стало предметом всеобщего разбирательства в печати, он, уже в несколько ином тоне, пишет о том же Е. П. Пешковой: «А вот Чириков, черт его побери, сдуру или спяну заварил отвратительную кашу, и пачкуны наши вроде Голубева, Струве, Милюкова размазывают ее на всю литературу — ах ты, Боже мой! Как это постыдно и мучительно, если бы ты знала»³⁸. Для Винавера и его окружения все это дело осложнялось еще и тем, что Е. Н. Чириков как автор юдофильской пьесы «Евреи» был частью тех кругов отечественной

³⁵ Переписка Л. Андреева и Е. Н. Чирикова / вступ. ст., публ. и коммент. В. Н. Чувакова // Леонид Андреев: материалы и исследования. М., 2000. С. 78. Упомянутый в этом письме А. В. Руманов был в тот момент редактором и доверенным лицом издателя газеты «Русское слово» И. Сытина.

³⁶ Русское слово. 1909. № 50, 3 март. С. 2. Среди тех, кто перепечатал это письмо, был и сионистский журнал «Рассвет» (1909. № 10. С. 7).

³⁷ Горький М. Полн. собр. сочинений. Письма: в 24 т. М., 2001. Т. 7: Письма: Конец августа 1908–1909. С. 341. И все же нельзя не отметить тот факт, что инерция былого расцвета филосемитизма была еще сильна. Многие представители русской творческой интеллигенции, давно уже близко сотрудничавшие с еврейскими товарищами по перу, публично обращаться «К Городу и Миру» и говорить о своем «прозрении» в национальном вопросе еще не решались. С этим связана история с письмом А. Куприна к Ф. Д. Батюшкову. Конечно, направляя частное письмо другу, писатель не желал порывать с привычным кругом людей. А значит, он знал, какая реакция воспоследует в обществе на его безумный всплеск антисемитизма. Более того, это письмо раскрыло бы все «лукавство» многих недавних юдофилов. Ведь и в творчестве Куприна было немало «еврейских» произведений и персонажей.

³⁸ Там же. С. 109.

либеральной и демократической общественности, на которую во многом и был направлен еврейский лоббизм.

На Винавера эти события произвели самое удручающее впечатление.

«Чириковский инцидент» выявил всю глубину еврейской проблемы, он продемонстрировал амплитуду колебаний русской интеллигенции в национальном вопросе и сиюминутность либеральных веяний. Незначительность самого эпизода только подчеркивала готовность общества высказать «наболевшее» в лицо своим еврейским согражданам. Только за несколько месяцев 1909 года в печати было опубликовано около 100 статей по «еврейскому вопросу»³⁹. Среди них наиболее громко прозвучал голос П. Б. Струве. Как-никак, он числился одним из «отцов-основателей русской демократии, был членом ЦК Партии кадетов, редактором газеты «Русская мысль», депутатом II Государственной думы. Поэтому его голос прозвучал особенно веско. В статье «Интеллигенция и национальное лицо» он четко сформулировал свое кредо: «Есть Российская империя и есть русский народ»⁴⁰. В первую очередь он выступил против применения термина «российский». «Ни один русский, иначе, как слегка иронически, не скажет про себя, что он «российский человек...»⁴¹ Он же считал, что «во имя своего государственного идеала безнужно и бесплодно прикрывать свое национальное лицо». Ибо, как полагал он, «...национальность есть нечто гораздо более несомненное и в то же время тонкое. Это духовные притяжения и отталкивания... они живут и трепещут в душе»⁴². Для него являлось бесспорным то, что «государственная» справедливость не требует от нас «национального» безразличия. Притяжения и отталкивания принадлежат нам, они — наше собственное достояние, в котором мы вольны, мы все, в ком есть органическое чувство национальности, какова бы она ни была».

³⁹ Кельнер В. Е. Русская интеллигенция и еврейский вопрос в начале XX в. С. 79.

⁴⁰ Струве П. Б. Интеллигенция и национальное лицо // По вехам: Об интеллигенции и «национальном лице»: сб. статей / с предисл. Ф. Мускатблита. М., 1909. С. 32.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 33.

Струве считал, что «специально в еврейском вопросе» очень легко и в то же самое время очень трудно «размежевать две области: правовую и государственную и ту область, в которой правомерно действуют национальные притяжения и отталкивания»⁴³. При этом он оговаривается: «При всей силе отталкивания от еврейства широких слоев русского населения из всех “инородцев” евреи всех нам ближе, всего теснее с нами связаны». Но, что для него самое важное, так это то, что, несмотря на всю любовь к этому народу со стороны русских, несмотря на то, что евреи играют большую и возрастающую роль в русской культуре, «...они играют ее, оставаясь евреями»⁴⁴. В заключение он писал: «В тяжелых испытаниях последних лет вырастает наше национальное русское чувство. Оно преобразилось, усложнилось и утончилось, но в то же время возмужало и окрепло. Не пристало нам хитрить с ним и прятать наше лицо»⁴⁵.

Вслед за Струве о «национальном лице», «державной народности, не желающей отныне быть российской», а стремящейся к своему «русскому первородству», заговорили и другие, менее умные, менее образованные и оттого более прямолинейные авторы. В многочисленных статьях, отнюдь не только и даже не столько в правой печати, речь уже открыто пошла о признании взаимного «отталкивания» еврейской и русской культур. Ряд авторов быстро преодолел дистанцию между былой юдофилией и пока только асемитизмом. Тем более, что по убеждению Струве, «асемитизм — гораздо более благоприятная почва для правового решения еврейского вопроса, чем безысходный бой, мертвая схватка антисемитизма с филосемитизмом»⁴⁶. Обращаясь к евреям, Струве возмущался тем, что они, по его мнению, «слишком настойчиво требуют к себе какой-то особой любви, и потому “асемитизм”, сочетаемый с ясным и трезвым пониманием известных моральных и политических принципов и вытекающих из этих принципов государственных потребностей, гораздо более нужен и полезен нашим еврейским согражданам,

⁴³ Там же. С. 35.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 36.

⁴⁶ Там же. С. 45.

чем сентиментально-дряблый “филосемитизм”, не говоря уже о “филосемитизме вынужденном или симулированном”»⁴⁷.

И тут Струве обозначил одну из болевых точек тогдашней отечественной духовной жизни, а именно — страх по отношению к публичному проявлению антисемитизма, которое могло еще вызвать негативную реакцию у части общества. Недаром же А. Куприн в приватном обращении к Ф. Батюшкову писал: «письмо, конечно, не для печати и ни для кого, кроме тебя». И действительно, стань это яркое озлобленно-антисемитское послание достоянием масс, еще неизвестно, как бы это сказалось на дальнейшей судьбе писателя. Ведь в нем было и такое признание: «Все мы, лучшие люди России... давно уже бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, повышенной чувствительности, еврейской страсти господствовать, еврейской многовековой спайки, которые делают этот избранный народ столь же [нрзб.] и сильным, как стая оводов, способных убить в [нрзб.] лошадь. Хорошо то, что мы все сознаем это, но дело в том, что мы об этом только шепчемся в самой интимной кампании. На ушко, а вслух сказать никогда не решимся»⁴⁸.

Довольно известный в то время публицист, позиционировавший себя в качестве марксиста, редактор журнала «Жизнь для всех» В. Поссе, откликаясь на известные события, отметил тот факт, что в действительности имеют значение не сказанные Е. Чириковым слова, а то, что «послышалось литераторам еврейского происхождения»⁴⁹. А послышался им, по его мнению, «протест писателя против “еврейского засилья” в русской литературе». Поссе повторил как аксиому «общее мнение» о значительном количестве евреев среди издателей, журналистов, редакторов, литераторов. Вольно или невольно он сказал и о превышении евреями в этой области допустимой процентной нормы и констатировал, что «русским это

⁴⁷ Струве П. Б. Интеллигенция и национальное лицо. С. 45.

⁴⁸ Письмо А. И. Куприна к Ф. Д. Батюшкову от 18 марта 1909 г. // Наш современник. 1991. № 9. С. 90–93. Впервые это письмо полностью было опубликовано в книге В. Б. Левитиной: Русский театр и евреи. Т. 1.

⁴⁹ Поссе В. Современные думы // По ведам: Об интеллигенции и «национальном лице». С. 86.

неприятно — и неприятно особенно в настоящее время, когда газет и журналов в России сравнительно мало, когда книги идут плохо, когда “труженикам пера” тесно и среди них царит безработица». Поссе признал «правоту» в утверждениях о «еврейской солидарности», о стремлении евреев поддержать, «протащить своего в противовес русскому». Точно так же он нашел «долю правды» и в популярном «мнении» об особой «еврейской наглости и нахальстве» и о «порче русского языка»⁵⁰.

И действительно, в то время шла бурная дискуссия не только по еврейскому вопросу, но и по национальным проблемам в целом.

Недаром сотрудник Струве по «Русской мысли» и Партии кадетов, депутат II Думы А. А. Стахович в период подготовки к печати сборника «По вехам» 4 мая 1909 года писал: «В нашем сборнике, думается, нужно возможно меньше или совсем не касаться большого еврейского вопроса»⁵¹. Ведь даже статья Струве вызвала острую реакцию в обществе. М. И. Туган-Барановский писал социал-демократу, социологу Л. Н. Клейнборту: «Читали? Ограничение “державной народности”. Нет, это не “притяжения”, это “отталкивания”, это — “национальные локти”»⁵². Высказались по этому поводу практически все видные либеральные деятели, в том числе и лидер Партии кадетов П. Н. Милюков и Винавер. Милюков в статье «Национализм против национализма» практически поставил «на одну доску» русский и еврейский национализм. Он писал: «Национализм против национализма! Идет старый спор о том, откуда ведьмы: из русского Новгорода или из жидовского Киева. Человеку, который в существование ведьмы вообще не верит, трудно принять участие в таком споре. С двух сторон его объявят непосвященным, ибо предмет спора выше его понимания. Это и есть то “усложненное и утонченное”, чем характеризуется “рост нашего национального чувства” в последние годы.

В самом деле, каким оружием борются столкнувшиеся противники? С одной стороны мы видим национализм еврейский, почти в том, наиболее ярком его проявлении, которое

⁵⁰ Там же. С. 88.

⁵¹ РНБ ДП. Ф. 753 (Струве П. Б.). Ед. хр. 203. Л. 2 об.

⁵² Цит. по: Мондей К. М. И. Туган-Барановский об антисемитизме. С. 350.

называется сионизмом. Этот национализм есть то же “чувство” и та же оправдывающая его “теория”. Чувство есть то же чувство обиды, осложненное теми чувствами гнева и мести, какие только могут отложиться в душе гордого и бессильного народа, безнаказанно оскорблявшегося всегда, но сугубо оскорбляемого в те самые последние годы, когда, по словам П. Б. Струве, выросло и окрепло наше национальное чувство». Милюков счел даже, что вся деятельность сионистов сводится к тому, чтобы заявить в адрес русских националистов: «И чем хуже вы будете с нами обращаться, тем лучше будет для осуществления нашей великой национальной мечты»⁵³.

В. Жаботинский посвятил этой полемике несколько статей, написанных в присущей ему слегка ернической манере. Видимо, особенно раздражал Винавера ироничный тон, каким обсуждал эту сверхболезненную для него ситуацию его давний оппонент. В одной из них, названной «Медведь из берлоги», как бы подводя некий итог прошедшей полемике и, говоря о «симптоматичности» Чириковского инцидента, Жаботинский констатировал: «Кому не противно, пусть и дальше разоряется на клятвенные заверения, что “ничего подобного нет”. Г. Винавер в той же “Речи” от 13 марта все-таки предлагает и на будущее время еврейские услуги, согретые взаимной любовью, “именно любовью”. Предоставляем г. Винаверу и прочим ласковым людям прожить мафусаиловы годы в этой курьезной позиции, когда они, заглядывая пану в очи, умильно говорят: “а все-таки мы вас любим!” — а господа Струве и Милюков отвечают: — “Ммм... не очень”»⁵⁴.

Барометром в этом отношении стала А. В. Тыркова-Вильямс. В своем дневнике она последовательно отмечала: «На обеде в феврале 1911 г. по поводу пятилетия “Речи”. Есть новые лица, и все евреи, евреи, евреи... Октябрь 1912 г. Выступление Милюкова на собрании по поводу женского вопроса. Он резко критиковал власть. Зал разделился в своем отношении к его критике в адрес правительства. Я с болью заметила, что, главное,

⁵³ Цит. по: Национализм: Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. М., 2000. С. 41–42.

⁵⁴ Фельетоны Вл. Жаботинского. С. 88.

аплодировали евреи и еврейки. В них ненависть к правительству сильнее любви к России»⁵⁵.

Винавер очень остро переживал все эти события. В дискуссию были втянуты многие его бывшие друзья и некоторые действующие соратники по партии. И многие из них проявили себя не с самой лучшей стороны. Он понимал, что этой полемикой был нанесен удар, поколебавший основы его политики еврейского национального лоббирования в широких кругах общества. Это вынудило его опубликовать «Открытое письмо П. Б. Струве»:

«Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Пишу Вам по поводу вашей статьи о национальном лице. Прошу извинения за полную откровенность, но скажу сразу: я считаю ваше отношение к чрезвычайно острой проблеме крайне поспешным и непродуманным до конца. Оговариваюсь, что принципиально я ничего не имею против основного положения вашего о “национальном лице” и об отношении государственного начала к национальному. Поспешность же вижу в том, что, выставив эту общую схему, вы затем, в области применения ее к еврейскому вопросу, бросили несколько туманных пятен, запнулись на Левитане⁵⁶ и не сумели из этой подмеченной вами же особенности еврейского вопроса сделать никаких выводов. И, тем не менее, не сделавши этих выводов (а кто знает, в какой мере они подошли бы под общую схему?), вы, однако, поспешили с некоторой страстностью противопоставить евреям не “русское”, а “русское” национальное лицо. Должен сознаться, что в вашей статье поразило меня то-же, что выступало в более резкой форме в замечаниях Чирикова, как они изложены им самим в печати. Поразила меня та оборонительная поза, которую вы считаете нужным занять, когда заговариваете о русском национальном чувстве. От кого вы обороняетесь? Кто на вас нападал? Кто вам мешал быть национально русским человеком — в вашем благородном смысле слова? Между тем, Чириков, в ответ на замечание, что он не знает еврейского быта (да и почему он обязан знать его?), вскрикивает, как ужаленный: “Да, я русский, не истиннорусский, а просто русский...”

⁵⁵ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 97, 134.

⁵⁶ П. Б. Струве готов был «признать» И. Левитана «русским» художником.

впрочем, мне все равно, как вам будет угодно это признать”. Он с этим выкриком обращается к евреям, — вы обращаетесь к радикальным элементам русского общества, но ужалены и вы тем же еврейским инцидентом. Мало того: вы тут же, под этим же впечатлением, свидетельствуете за счет всего русского народа, что в самых различных и широких кругах его сила отталкивания от еврейства гораздо значительнее силы притяжения, — бросаете неосмотрительно эту тяжелую гирю на весы наших судеб в минуту, особенно для нас трудную, когда именно под этот напев наступает нам на горло вся сплоченная правительственно-реакционная клика, а до государственных принципов правового строя, на которые вы рассчитываете, — как вы знаете, еще очень далеко. И говорите все это — повторяю — не вполне продуманно; ибо, поверьте: нам, евреям, несмотря на испытанные нами погромы и притеснения, это самая жгучая для всего нашего бытия проблема — о стихийном “отталкивании” — представляется далеко не столь мрачной, как она показалась вам в минуту, когда вас ужалил еврейский инцидент.

И, наконец, самое главное, что я хотел вам сказать, что выходит отчасти в область вопроса о Левитане и пр. Неужели вы не понимаете, в чем состоит национализм группы, рассеянной среди другого народа, — группы, дорожающей своим от веков унаследованным добром, но питающейся самым интенсивным образом ее культурой, — перерабатывающей изо дня в день свое изначальное содержание, создающей новые, смешанные, но столь же богатые формы, более близкие то к одной, то к другой формации (Левитан, Антокольский, Рубинштейн — у нас; Гейне, Берне, Маркс — у немцев), — не понимаете ли, спрашиваю, национализма такой группы, которая видит свою задачу, свою гордость в охране и дальнейшем развитии своих культурных ценностей, — которая не отталкивается, а, наоборот, находится и должна оставаться в ближайшем соприкосновении и взаимодействии с культурными элементами, ее окружающими? Иначе, конечно, в совершенно других созданных историей условиях творил и творит то же культурно-национальное дело русский народ, творит свободно и естественно, до такой степени естественно, что вы этого, как будто, и не заметили. Думаете ли вы, что национальная мощь русского народа устоит крепче, когда

вы сведете всю ее гордость к традициям, которыми она жила и питалась в качестве особого племенного целого? Ведь вы не полагаете, как Меньшиков, что, в самом деле, и русская мысль, и русское искусство, и все вообще, чем жива русская интеллигенция и русский народ, породивший ее, — что все это сгинет, если не будет к нему приставлен жандарм. Когда вы недавно писали о нации, когда вы писали о Великой России, — сознаюсь, думал, что вас одушевляет некая империалистическая идея, что вы под нацией разумеете нечто более крупное, чем доподлинных потомков исконных жителей суздальского уезда. А оказывается на поверку, что другого мерила, кроме племенного, у вас нет, что вам, кроме дела — настоящего национального культурного дела — нужна для русского народа особая племенная загородь, да еще с вывеской. Именно, племенная, ибо ничего другого вы не придумаете. И в ваших же примерах Брюллов побивается ведь “нерастворимым” евреем Левитаном... Впрочем, повторяю, я понимаю и склонен уважать и суздальский национализм, но именно потому спрашиваю: от кого вы его обороняете? Для чего вы торжественно собрались в бой с трубами и фанфарами? Зачем вы именно с нами связываете проповедь этого национализма?

Это грех против истины, и грех особенно тяжелый потому, что ваша ложная связь идей будет злостно использована во вред стороне слабейшей»⁵⁷.

Спустя несколько дней после того, как Винавер ознакомился с признанием Струве в пользу асемитизма, он продолжил свою полемику с ним. «Вы нашли уже ярлык, — писал Винавер, — для вашего настроения. Это не антисемитизм, а “асемитизм”. И с такой же поспешностью, с какой вы раньше свидетельствовали за счет всего русского народа об “отталкиваниях”, теперь за счет всех “еврейских сограждан” высказываете уверенность в огромной для них пользе именно от этого крылатого, но весьма... легковесного лозунга. Что есть асемитизм? Если это только правовой принцип, безразличие вопроса о национальности в области права, — то это пустопорожнее место, не более. Если же он должен внедриться во все области общежития, то, как вы

⁵⁷ Винавер М. Открытое письмо П. Б. Струве // По вехам: Об интеллигенции и «национальном лице». С. 82–84.

вообще мыслите такое общежитие, скроенное из асемитизма, аполонизма и, конечно, аруссизма? Так ли вы ее представляете, как рекомендуется г. Владимиром Ж., от которого вы, по-видимому, взяли самый “асемитизм”? Послушайте, как он вам рисует перспективы, — рисует, скажу я, совершенно последовательно: “В разных профессиональных сферах он (асемитизм) разное проявляется; в сфере литературно-художественной он принял бы форму такого рассуждения: я пишу свою драму для своих и имею право предпочитать, чтобы на сцене ее разыграли свои и критику писали свои. Этак мы лучше пойдем друг друга”⁵⁸. Предлагаю вам, с точки зрения этого деления на “своих” и “не своих” (а ведь деление — и при том грубое — придется и вам, в конце концов, установить), — предлагаю вам с этой точки зрения подойти к Левитану. Для сиониста Левитан есть парадокс, ненужная, досадная помеха, перекашивающая утлую ладью государственно-культурной концепции сионизма. Но для нас, для огромной массы русского еврейства и Левитан, и Антокольский есть живые воплощения здорового процесса, который мы желаем продолжать и углублять не в холодной “асемитической” замкнутости и отчужденности, а в сфере согретого любовью (именно любовью), свободного взаимного культурного воздействия. И потому, Петр Бернгардович, вам следовало бы еще призадуматься раньше, чем с такой решительностью говорить о пользе “асемитизма” для “еврейских сограждан” — и прибавлю от себя: и для русских сограждан»⁵⁹.

Я считаю, что в данном случае одним из аспектов коллизий, осложнившим русско-еврейские отношения, явилось несовпадение темпов развития русско-еврейской интеллигенции по сравнению с возможностями психологической адаптации этого процесса со стороны русской интеллигенции, всего русского общества. Наверное, лично для Винавера 1909 год оказался одним из самых трудных в его политической жизни. Ведь под сомнение были поставлены основные принципы так тщательно выстраиваемых им русско-еврейских отношений.

⁵⁸ Здесь Винавер явно цитирует статью В. Жаботинского «Асемитизм». См.: Фельетоны Вл. Жаботинского. С. 81.

⁵⁹ Там же. С. 84–85.

Но тут «на помощь» еврейскому либерализму, как это ни парадоксально звучит, пришел русский национализм и его адепты в рядах правящей бюрократии.

В марте 1911 года грянуло дело Бейлиса. Обвинение киевского еврея М. Бейлиса в совершении убийства с ритуальными целями привело к вполне оправданным опасениям в конструировании властями всероссийского погрома. Это заставило сплотиться всю еврейскую общественность. Вновь, как и в 1905 году, объединились самые разнообразные идейные направления. М. М. Винавер и его сторонники напрягли все свои бывшие лоббистские возможности, как в самой России, так и за рубежом. Винавер уповал в этом деле не только на проведение очередной кампании в печати, не только на издание очередной серии книг и брошюр с разоблачением мифа о ритуальных убийствах. Он, несомненно, самым энергичным образом побуждал к «пробуждению» близкие ему круги: руководство Партии кадетов, юридическое сообщество, русскую литературно-художественную общественность. Как писала А. В. Тыркова-Вильямс, «Винавер стремился активнее направить партию на то, чтобы она выразила свое отношение к процессу. В ноябре [1913 г.] заседание ЦК. Шингарев считает, что пока дело не закончилось — нельзя в него активно вмешиваться. Милюков был доволен тем, что Речь печатает передовые статьи об этом. Винавер [говорил] “Если Вы не заговорите сразу об этом, Вы перестанете себя уважать. Вам будет казаться, что Вам в лицо наплюют”. Мне было тяжело его слушать. А как остальные, я не поняла. Я была против того, чтобы сейчас говорить. Надо выждать конца дела. Но при голосовании я осталась одна»⁶⁰.

Только совсем недавно значительные круги этого общества готовы были в своих отношениях с еврейством согласиться на концепцию асемитизма. Теперь же наглость правых, националистических сил и одиозных представителей власти вызвали ответную реакцию. Но, думается, что главную роль в деле мобилизации русской общественности в защиту Бейлиса сыграло ее чувство самосохранения. Подспудно многие представители этого сообщества понимали, что вслед за евреями, в случае удачного

⁶⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 140.

исхода задуманной провокации, реакция возьмется за них, за интеллигенцию. Неизбежно бы последовало ужесточение цензуры и административного, внесудебного насилия. Правые же противники этого процесса более всего беспокоились о моральном престиже монархии, неизбежно оказавшемся бы в проигрыше.

Уже 30 ноября 1911 года в газете «Речь» был опубликован протест «К русскому обществу: По поводу кровавого навета на евреев». Среди подписавших его оказались самые разные люди: члены Государственного Совета, депутаты различных фракций Государственной думы, профессора университетов, редакторы периодических изданий, режиссеры театров и актеры, весь цвет отечественной литературы. Не вызывало удивления появление под этим документом подписей М. Горького, В. Короленко, Л. Андреева. Но к ним присоединились и далекие от философии З. Гиппиус, Ф. Сологуб, Дм. Мережковский, Вяч. Иванов. Даже Е. Чириков и его сторонники, даже А. Куприн оказались бессильны перед коллективным требованием и настроением либеральной общественности. Такой же острой оказалась реакция со стороны зарубежной интеллигенции и общественного мнения. Вероятно, несколько неожиданным для власти оказалось отношение к процессу со стороны своих же союзников и адептов: Дм. Пихно, В. Шульгина, М. Меншикова. Они оказались умнее власти. В. Шульгин писал: «Не надо быть юристом, надо быть просто здравомыслящим человеком, чтобы понять, что обвинение против Бейлиса есть лепет, который любой защитник разобьет...»⁶¹ В то же время в самой среде русского культурного сообщества оставались и те, кто ни под каким видом не могли «поступиться принципами». «Кровавый навет» поддерживали как «старые, так и молодые борцы с еврейским засильем»: публицист и литератор В. В. Розанов, философ П. А. Флоренский, поэты Б. А. Садовской, В. Хлебников, А. И. Тиняков⁶².

⁶¹ Шульгин В. Дело Бейлиса // Годы. Дни: 1920. М., 1990. С. 149.

⁶² Садовской Б. Заметки. Дневники // Знамя. 1992. № 7. С. 172–194. А. Блок, как это часто с ним бывало, в либеральном салоне говорил одно, а в дневнике или в переписке с теми, кто разделял его потаенные чувства, изливал душу: «Мы с Вами почти одинаково думаем о евреях...», — признавался он поэту-антисемиту А. Тинякову (цит. по: Варжапетян В. Исповедь антисемита, или К истории одной статьи // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 33). В свою очередь,

Винавер и все его окружение в те месяцы жили особенно лихорадочной жизнью. Он почувствовал момент, когда вновь можно вернуть былой настрой русской интеллигенции, тот гуманистический дух, царивший в ней в первые годы XX века. И, действительно, ему и его соратникам многого удалось добиться в деле защиты Бейлиса. Конечно, не это привело к изменениям в общественной атмосфере. Сама российская действительность и системный моральный и мировоззренческий кризис привели к массовым выступлениям не столько лично в защиту Бейлиса, сколько против идеологии режима.

«Председатель Земного шара» Велимир Хлебников не довольствовался антисемитским скандалом в кафе «Бродячая собака», едва не закончившимся дуэлью с О. Мандельштамом, он еще и теоретизировал: «...еврейство на теле русского народа — это карболовая кислота, разъедающая чистую ткань...» (цит. по: Карпов П. Из глубины. М., 1991. С. 252). См. также: Парнис А. Е. «Ищу я верников в себя...»: Новое о Хлебникове // Литературное обозрение. 1996. № 5/6. С. 13–14. Прекрасной иллюстрацией с «истории умов» того времени являются мемуары З. Н. Гиппиус. Она писала: «Ко времени “дела Бейлиса”, так взволновавшего русскую интеллигенцию, Розанов, не без помощи Ф<лоренского>, начинает выступать против евреев — в “Земщине”. Статьи, которые отказывалось печатать даже “Новое время” — радостно хватались грязной, погромной газеткой.

Были ли эти статьи Розанова “погромными”? Конечно, нет, и, конечно, да. Не были, потому что Розанов никогда не переставал страстно, телесно любить евреев, а Ф<лоренский>, человек утонченной духовной культуры и громадных знаний, не мог стать “погромщиком”. И однако эти статьи погромными были, фактически, в данный момент: Розанов в “Земщине”, т. е. среди подлинных погромщиков, говорил, да еще со свойственным ему блеском, что еврей Бейлис не мог не убить мальчика Юшинского, что в религии еврейства заложено пролитие невинной крови — жертва.

А Ф<лоренский> сказал тогда сестре: если б я не был православным священником, а евреем, я бы сам поступил, как Бейлис, т. е. пролил бы кровь Юшинского.

В это время к Розанову не только писательские круги, но и вообще интеллигенция — относились уже довольно враждебно. Повторяю: какая “совместность” человеческая может терпеть человека-беззаконника, живущего среди людей и зная не желающего их неписаных, но твердых уставов? Нельзя “двурушничать”, т. е. печатать одновременно разное в двух разных местах. Нельзя говорить, что плюешь на всякую мораль и не признаешь никакого долга. Нельзя делать “свинства” (по выражению самого Розанова), например — напечатать в минуту полемической злости письмо противника, адресованное к третьему лицу, чужое, случайно попавшее в руки. И нельзя, невозможно так выворачивать наизнанку себя, своих близких и далеких, так раздвигаться всенародно и раздвигать других, как Розанов это делает в последних книгах.

— Нельзя? — говорит Розанов — Мне — можно. “На мне и грязь хороша, потому что я — я» (Гиппиус З. Н. Живые лица: воспоминания. Кн. 2. С. 118–119).

Мнение большинства отечественной интеллигенции было определенным, резко осуждающим деяния власти. Редактор «Речи», давно уже перешедший в православие И. В. Гессен вспоминал о том, что именно в эти дни в нем «впервые проснулось раскаяние, что приняв православие, я ускользнул из-под ударов, наносимых соплеменникам, ослабил их фронт...»⁶³.

Дело оправдания Бейлиса стало делом принципа. Значительная часть общества восприняло это с облегчением, как признак возрождения былой сопротивляемости всему тому, что символизировали силы, стоявшие за организацией этого процесса. И. В. Гессен писал, что весть о решении суда он встречал у себя дома вместе с городским головой Москвы, товарищем по партии М. В. Челноковым и его женой: «...подали срочную телеграмму от Набокова, которого Речь командировала в Киев... Телеграмма была в одно слово: оправдан, и Челноковы, широко крестясь, бросились целовать жену и меня, и не переставали твердить: “поздравьте нас! нас!” Но накопившееся перенапряжение требовало разряда и лишило всякого самообладания, и я что-то выкрикивал, вероятно, — приблизительно так: “этого оскорбления никогда не смогу забыть им! Кто смеет оспаривать у меня родину? Никому не уступлю в силе преданности, привязанности, любви, обожания и гордости ею...”»⁶⁴

В октябре 1913 года народница, общественный деятель А. В. Гольдштейн писала из Парижа члену Государственного Совета, члену ЦК Партии кадетов В. И. Вернадскому: «Читаю дело Бейлиса... Не могу воздержаться, чтобы не высказать Вам свои “антисемитские” мысли.

Вы, конечно, понимаете, что не сочувствовать оправданию Бейлиса я не могу. Вы, конечно, понимаете, что не возмущаться деяниями черной сотни и властей я не могу, но я спрашиваю себя, почему, когда в России, и даже в других странах совершаются столь же страшные злоупотребления, целый мир не поднимается на защиту жертв этих злоупотреблений и поднимается всякий раз, когда жертвой является еврей? Волнение учащейся русской молодежи, бастующей в знак протеста и возмущения,

⁶³ Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 306.

⁶⁴ Там же. С. 306.

кажется мне бессмысленным и возмутительным. Мне кажется, что пора бы отделаться от семитофильского романтизма, признать, что евреи, скажем, не хуже неевреев, но непременно лучше, признать, что их нельзя гнать, но необязательно любить и делать всякое их [выделено в тексте. — В. К.] дело своим.

Низость и тупость властей злит меня, тем более, что этим делом Бейлиса они прямо оказывают громадную услугу семитофильскому предрассудку...»⁶⁵

Как бы то ни было — дело Бейлиса вернуло часть общества в оппозиционное русло.

Годы спустя В. В. Шульгин констатировал: «...антисемитизм и, в частности, дело Бейлиса, нанесли царской России последний удар»⁶⁶.

Винавер четко уловил изменения в настроении как русско-го⁶⁷, так и еврейского общества. Он не только начал энергичнее действовать как еврейский политический лоббист, но и предпринял шаги по новому объединению национальных сил.

⁶⁵ История полувековой дружбы / публ. А. Сергеева и А. Тюрина // Минувшее. М.; СПб., 1995. Т. 18. С. 379. Примерно в том же тоне писала А. В. Гольдштейн и В. Я. Богучарскому, как и она, бывшему народнику. При этом ее возмущает то, что, по ее мнению, «...огромное большинство неевреев в душе евреев не любят... И все евреи это знают, и сверх справедливого к себе отношения требуют еще и любви...» (Там же. С. 380).

⁶⁶ Шульгин В. В. 1917–1919 / предисл. и публ. Р. Г. Красюкова; коммент. Б. И. Колоницкого // Лица. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 276.

⁶⁷ В самом начале 1990-х годов историк В. Р. Лейкина-Свирская рассказывала мне о том, как в дни окончания дела Бейлиса она, ученица Коммерческого училища в Петербурге, звонила подруге по телефону. Телефонистка на просьбу соединить с таким-то номером отвечала: «Соединяю, а Бейлис оправдан» (Архив автора).

Глава 10

ПОЛЕ ПОСЛЕ БИТВЫ

БЕЗВРЕМЯ — тяжелое время,
пора невзгод.

Толковый словарь Д. Н. Ушакова

В результате событий 1905–1907 годов российское еврейство, как и все русское общество, получило тяжелую моральную травму. Погромы, массовые репрессии, разгон I и II Государственной думы практически привели к лишению российского еврейства своего национального представительства. Главная лоббистская структура еврейства — «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России» — распался на несколько конфликтующих между собой образований.

Острейшие разногласия в отечественном освободительном движении, проявившиеся после событий 1905–1907 годов, лежали в самом существе отечественных традиций политической борьбы, в частой абсолютизации ее конфронтационных методов, в том числе и во внутрипартийных разногласиях, и в личностных противостояниях лидеров. Поражения, особенно поражения в общественно-политической сфере, всегда приводили к дезорганизации и противостоянию. Новые веяния, новые политические страсти охватили и еврейское национальное движение во всех его проявлениях. Бунд понес огромные потери. Его численность значительно сократилась. Руководство оказалось в тюрьмах, в ссылке или в эмиграции. Множество иных социалистических организаций или сошло с политической сцены, или их значение стало ничтожным. В известном смысле сохранило свои структуры сионистское движение. Несмотря на преследования и даже аресты некоторых сионистских деятелей, движению удалось сохранить печатные органы и издательства. Другие направления в российском сионизме: религиозное («Мизрахи»), социалистическое (Поалей-Цион), территориалисты — своими действиями если на время и ослабили это движение, то ненадолго. В то же время среди сионистов сильнее и решительнее зазвучали голоса

молодых радикалов, сторонников В. Жаботинского и М. Усышкина¹. От еврейского либерального движения, по сути, осталась лишь Еврейская народная группа во главе с Винавером. Его противники — демократы — сосредоточились в Еврейской демократической группе во главе с Л. М. Брамсоном и под «присмотром» А. И. Браудо. Национально-народническая, автономистская «Фолкспартей» С. М. Дубнова, несмотря на свой идишизм и народнический характер, также не имела значительного влияния².

Однако, несмотря ни на что, все же правовые, конституционные изменения, произошедшие в стране, вплотную коснулись и российского еврейства. Практически в неприкосновенности осталось антиеврейское законодательство, включавшее в себя черту оседлости и процентную норму. Правой, националистической частью правящей элиты и поддерживаемыми ими структурами неоднократно делались попытки ужесточить законы, направленные на ограничение еврейской жизни. Государственные структуры очищались от тех немногих евреев, которые сумели проникнуть и закрепиться в них еще в 1860–1870-е годы. Так, особенно интенсивно «освобождал» свое министерство назначенный в 1906 году министром юстиции И. Г. Щегловитов³.

¹ Эту метаморфозу отметили и в Департаменте полиции. Так, на проходившем в 1910 году в Петербурге нелегальном совещании руководящих деятелей Партии социалистов-революционеров отмечалось «как очень интересное, хотя пока еще и не объяснимое, явление, которое должно быть отмечено, — это почти полнейший абсентеизм среди новых адептов эсэрта евреев. Еврейская молодежь всегда ранее заполняла новые кадры эсэров, но в нынешнем году их почти совсем нет». Те же тенденции были отмечены и в рядах социал-демократов. При этом подчеркивалось, что «очень много евреев пошли к сионистам» (ГАРФ. Ф. 103. Департамент полиции. Особый отдел. Часть 9. 57 — Лит. Л-А. 1919. Л. 179). Разочарование в русском революционном движении, несогласие с отношением его вождей к еврейскому вопросу привело к сионизму и эсера-боевика П. Рутенберга. Как точно отметил В. Хазан: «Сионизм Рутенберга начался с элементарного исчезновения стыда за то, что он родился евреем» (Хазан В. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту: Опыт идентификации человека, который делал историю: в 2 т. Иерусалим; М., 2011. Т. 1: Россия — первая эмиграция (1879–1919). С. 287).

² *Rabinovitch S. Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia.*

³ Бывший к тому времени уже ветераном судебного ведомства Я. Л. Тейтель вспоминал, как в 1911 году, после почти 40-летней службы следователем в городах Поволжья, он был приглашен к себе лично министром, который предложил ему подать в отставку, со словами: «Вся причина в необходимости оставления

В то же время стало возможным создание и деятельность новых еврейских культурных и просветительских сообществ. На протяжении полувека в России все «еврейское» вызывало у власти тревогу и раздражение. Разрешенными официально были только несколько организаций, возглавляемых давно связанными с властью штадланами: Общество для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), Общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (ОРТ), Еврейское колонизационное общество (ЕКО). Теперь же, в новых общероссийских правовых условиях, буквально расцвела еврейская общественная жизнь в виде многочисленных легальных объединений: культурных, просветительских, благотворительных, профессиональных. Буквально за несколько лет была создана система еврейских общественных организаций: Еврейское историко-этнографическое общество, Петербургское еврейское литературно-научное общество, Петербургское общество поощрения научных знаний, Петербургское общество поощрения художеств, Петербургское общество еврейской народной музыки, — сотни, если не тысячи благотворительных, профессиональных и кооперативных организаций. На некоторое время именно в их стенах сосредоточилась большая часть еврейской национальной жизни.

М. М. Винавер был инициатором и создателем ряда этих объединений. Он входил в руководство практически всех основных легальных национальных организаций⁴. Лишенные возможности вести открытую политическую деятельность, под «прикрытие» этих структур ушли многие сионисты, бундисты

вами министерства юстиции — это ваше происхождение и теперешнее течение» (*Тейтель Я. Л.* Из моей жизни: За 40 лет. С. 203). Тогда же это министерство был вынужден покинуть и вице-директор одного из департаментов Я. С. Гальперин. Очищением своих рядов озаботилось и военное министерство (Генералы и евреи: докладная записка начальники Генерального штаба Я. Г. Жилинского / публ. А. Литвина // *Вестник Еврейского ун-та* (Москва). 2000. № 4 (22). С. 273–290; *Грулев М.* Записки генерала-еврея. Париж, 1930 (Я намеренно отсылаю к первому изданию, ибо эта книга, переизданная в 2000-е годы, в Москве, снабжена преднамеренно составленными непрофессиональными и антисемитскими комментариями); *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003.

⁴ *Орлова А.* К истории Еврейского общества поощрения художеств: Петербург, 1915–1919 гг. // *Еврейский музей: сб. статей / сост. В. А. Дымшиц, В. Е. Кельнер.* СПб., 2004. С. 187.

и поборники идей других партий⁵. Активно создавалась система еврейской периодической печати и издательств. При этом они осуществляли свою деятельность не только на русском, но и на обоих национальных языках: иврите и идише. Главным центром притяжения для российского еврейства оставался Петербург. При бесспорной активизации еврейской политической и культурной жизни в Одессе, Киеве, Вильно, Екатеринославе, Москве все же в первую очередь русско-еврейская интеллигенция тяготела к столице. Как отмечал один из самых объективных свидетелей тех лет, сам бывший участником общественных и политических перипетий первых десятилетий века А. Ф. Перельман, «...после 1905 г. в Петербург хлынуло большое количество евреев из провинции, демократически и национально настроенных, Петербург стал большим еврейским центром, богатым интеллектуальными силами. В Петербурге находился Центральный комитет «Союза полноправия», в Петербурге находились евреи-депутаты Государственной думы и совещания еврейских общественных деятелей при депутатах, в Петербурге находился Центральный комитет русских сионистов. И, наконец, в Петербурге одно за другим возникали Еврейское литературное общество, Историко-этнографическое общество, Музыкальное общество, Театральное общество, Эмиграционное общество, Общество для научных еврейских изданий... а созданное во время войны ЕКОПО [Еврейский Комитет помощи жертвам войны] развернуло огромную работу по всей стране, привлекло большое количество молодых преданных делу интеллигентных сотрудников, служивших примером для работников земского и городского «Союзов». Литературное и Этнографическое общества устраивали литературные и научные собрания, на которых собирали большое количество слушателей. Концерты еврейской музыки, устраиваемые Музыкальным обществом и группой молодых талантливых еврейских композиторов, обратили внимание общества на еврейскую народную музыку и популяризировали ее в широких кругах еврейского общества. ОПЕ совершенно изменило свой облик и из общества небольшого количества

⁵ *Karlip J. M. The Tragedy of a Generation: The Raise and Fall of Jewish Nationalism in Eastern Europe.*

богатых меценатов-просветителей — превратилось в большое объединение с обширной программой деятельности, соответствующей новым требованиям жизни. В Петербурге создали Институт высших еврейских знаний для людей, желавших усовершенствовать свои знания в области еврейской литературы, истории и других дисциплин. При историко-этнографическом обществе был заложен, по инициативе и трудами Ан-ского, музей, который имел все основания расширяться. Конечно, бывали и неполадки, бывали острые принципиальные трения, случалось, правда, редко, что под видом принципиальных разногласий люди сводили личные счеты, или, что случалось более часто — принципиальные разногласия переходили в личный конфликт. Но эти житейские шероховатости не останавливали ту большую культурную и общественную работу, которая творилась изо дня в день в еврейском Петербурге»⁶.

Еврейская жизнь в Петербурге в первое десятилетие XX века обрела опору на все возрастающее численно и крепнущее материально еврейство. Если в 1900 году в городе официально проживало 20 тысяч евреев, то в 1910 — 35 тысяч, а к 1917 году — 50 тысяч⁷. Охранительная политика властей привела к парадоксу: к тому, что петербургское еврейство обладало высоким уровнем образования и сравнительно достойным социальным статусом⁸. Ведь формально только диплом о высшем образовании или наличие свидетельства об обладании профессией, обозначенной как «редкая и необходимая», давали евреям право на проживание в столице⁹. К 1913 году еврей-юристы

⁶ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 108.

⁷ Юхнева Н. В. Петербург — многонациональная столица // Старый Петербург: историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 12–15; Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. С. 214–216.

⁸ Натанс Б. За чертой: Евреи встречаются с позднейимперской Россией; Kleinmann Y. Neue Orte — neue Menschen: Jüdische Lebensformen in St.-Petersburg und Moskau im 19. Jahrhundert. Göttingen, 2002.

⁹ В. Жаботинский, в начале 1900-х годов уже довольно известный драматург, переводчик и журналист, не имея еще документов о высшем образовании, приехал в Петербург и был вынужден скрываться на квартире одного из друзей, опасаясь быть «разоблаченным» дворником. Он вспоминал: «Я спал весь день, а ночь мы провели... в театре, а потом в шумном ресторане, а после того, как тот закрыли — на островах и на песчаной отмели, вдающейся в Финский залив...» (Жаботинский В. (З.) Повесть моих дней. С. 55). Подобный же рассказ оставил

составляли 22% всех присяжных поверенных и 44% всех помощников присяжных поверенных столицы, 17% врачей, в том числе и 52% дантистов¹⁰. Все больше евреев появлялось среди художественной интеллигенции, работало в газетах и журналах. Некоторые профессиональные ниши казались «монополизированными» евреями: издательские и типографские работники, владельцы и служащие аптек, фотографы и часовые мастера. Каждое новое дело, еще не ограниченное антисемитскими законами, тут же привлекало еврейский капитал и еврейских сотрудников. Несмотря на все препоны, еврейская молодежь стремилась в высшие учебные заведения города: Петербургский университет, Политехнический и Технологический институты. Активно привлекали молодежь Психоневрологический институт и Высшие курсы П. Ф. Лесгафта, Бестужевские курсы. Ведь их руководство практически не соблюдало процентную норму. Обращает на себя внимание то, что в эти годы еврейская молодежь стала поступать не только на традиционные факультеты — медицинский и юридический, но появилась и среди студентов историко-филологического и математического факультетов университета, в Политехническом, Технологическом, Лесном и Горном институтах. Примерно такая же картина была

Н. Аронсон. «Уже широко известный скульптор, он приехал из Парижа в Москву для участия в выставке, организованной Петербургской Академией художеств, он не смог получить право на жительство в столице даже с помощью президента академии И. И. Толстого. Пришлось ему несколько дней просто скрываться в помещениях самой Академии. Затем он для участия в выставке был вынужден отправиться в Москву. Кто-то направил его за поддержкой в деле получения права жительства к историку Д. И. Иловайскому. Непонятно, кому могла прийти в голову такая мысль, так как Иловайский был широко известен своим антисемитизмом. Аронсон получил от историка рекомендательное письмо к великому князю Сергею, генерал-губернатору Москвы. После фактического отказа он прочел это рекомендательное письмо. В нем говорилось: “Хоть Аронсон и жид, но очень талантливый человек”. На протяжении нескольких дней Аронсон скитался по городу. В ночлеге ему отказал даже старый товарищ, художник К. Коровин. Совершенно неожиданно ему на помощь пришел полицмейстер Москвы, оказавшийся ценителем его таланта. Он позволил Аронсону остаться жить в городе на время проведения выставки» (Аронсон Н. Автобиография: по материалам семейного архива Аронсонов в Нью-Йорке) / публ. и коммент. М. Гланц // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1998. № 2 (18). С. 285–288).

¹⁰ Бейзер М. Евреи Ленинграда: 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. Иерусалим; М., 1999. С. 14.

и в Москве. По всей стране еврейская молодежь энергично «стучалась» в, казалось бы, наглухо закрытые двери вузов¹¹. Этому препятствовала процентная норма, и лишь немногие способны были для получения высшего образования покинуть страну и поступить в высшие учебные заведения других стран.

Озабоченный создавшимся положением, Винавер принял участие в создании специального объединения — Общества поощрения высших знаний среди евреев, учрежденного для того, чтобы обеспечить получение еврейской молодежью высшего образования за границей. Им был создан специальный комитет, члены которого занялись сбором средств и налаживанием связей с еврейскими общественными деятелями в Европе, давшими согласие содействовать этому начинанию. Помимо Винавера в Комитете работали Я. Л. Тейтель, А. С. Каннегиссер¹², Г. Б. Слиозберг, М. С. Гинзбург¹³.

Посетивший Петербург в 1913 году известный немецкий философ Герман Коген после восторженного приема, оказанного ему еврейскими интеллектуалами города, заметил, что нигде ранее, ни в каком ином европейском городе, он не видел такого количества интеллигентных лиц, «проникнутых еврейским духом»¹⁴.

В России множились еврейские периодические издания, как на еврейских, так и на русском языках: «Газман», «Гакедем», «Дер Фрайнд», «Дер Тог», «Вестник еврейской общины», «Вестник Общества просвещения евреев», «Еврейские известия», «Рассвет», «Еврейский мир», «Новый восход» и другие. Среди их создателей и сотрудников было совсем не много людей со специальным образованием. Ведущими журналистами и публицистами в этих

¹¹ Иванов А. Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX в.: Каким оно было?: Опыт социокультурного портретирования. М., 2007.

¹² А. (И.) С. Каннегиссер — выдающийся инженер и организатор производства, незадолго до этого по требованию военного министерства как еврей был уволен с поста управляющего кораблестроительного завода в Николаеве и переехал в Санкт-Петербург, где стал крупным предпринимателем и общественным деятелем. Его сын Леонид, поэт, в 1918 году застрелил председателя Петроградского ЧК М. С. Урицкого.

¹³ Тейтель Я. Л. Из моей жизни: За 40 лет. С. 203–206.

¹⁴ Цит. по: Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 310.

журналах и газетах, как и раньше, становились формальные обладатели медицинских, юридических, инженерных и прочих дипломов. Среди репортеров и разнообразных сотрудников редакций оказалось немало и тех, кто был просто защищен ремесленными свидетельствами.

Основная действенная еврейская общественная и политическая жизнь сосредоточилась в столице, а значит, и все усилия по продолжению национальной лоббистской деятельности осуществлялись в этом городе. Но она осложнялась противодействием со стороны властной бюрократии. Одна за другой по стране прокатывались антисемитские кампании: в прессе, в Государственной думе, в армии¹⁵. Еврейское политическое сообщество стремилось отвечать ударом на удар. Любой антисемитский выпад, любые действия властей в центре и на местах вызывали ответную реакцию в виде заявлений, резолюций собраний, выступлений депутатов в Думе, статей, брошюр и книг. Используя наработанные еще ранее контакты, видные еврейские общественные деятели и в этой, изменившейся ситуации старались выходить на сильных мира сего — представителей правительства и бюрократии, которые в силу разных причин готовы были попытаться смягчить те или иные угрозы, регулярно возникавшие в отношении еврейского населения.

М. М. Винавер в тот период отдавал значительную часть своего времени не только политической, но и общественной национальной работе. Как юрист он составлял уставы различных еврейских обществ, содействовал их утверждению в соответствующих министерствах. Он непосредственно, в той или иной степени, участвовал в работе практически всех еврейских культурных, научных и благотворительных объединений. Но, наверное, главным в этом деле для него стало создание Еврейского историко-этнографического общества. Это явилось продолжением той работы, которую он некогда проводил в рамках Исторической комиссии при ОПЕ. Теперь же он не только приступил к воссозданию структуры, предназначенной для изучения

¹⁵ Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 115–158.

еврейской истории, но в новых условиях задумал объединить вокруг нее все культурные силы российского еврейства. В этом он следовал заветам С. М. Дубнова, видевшего еще 1890-х годах в занятиях историей путь к национальному возрождению¹⁶. Создание Еврейского историко-этнографического общества было для Винавера продолжением национальной борьбы, актом чисто политическим.

Очень часто Винаверу приходилось вести собрания этих обществ. Только недавно приехавший в Петербург из Австро-Венгрии молодой историк М. Вишницер вспоминал: «Было подлинным наслаждением участвовать в заседаниях под его председательством. Он умел оживить, сделать интересным любое заседание, даже посвященное техническим, административным делам. Что же сказать о его резюме рефератов в историческом обществе? Тут мы имели удовольствие поражаться его сильному юридическому уму, изяществу его анализа, с которым он вникал в идеи реферата и в доводы оппонентов, и таланту, с которым Винавер резюмировал самые существенные выводы референта и всей дискуссии»¹⁷.

Среди разногласий в еврейской среде в те годы обращают на себя внимание споры о путях развитии национальной культуры. Стремительно ворвавшееся в еврейскую культурную среду новое поколение выходцев из черты оседлости: художники, писатели, поэты, литературоведы, — были, по преимуществу, идишистами и по языку, и по социальной идеологии. К тому же это поколение пришло в этот мир в период массового освоения модернизма. Они стремились не только осваивать новый художественный язык, но и придавали ему национальный колорит и социальную направленность. Все это накладывало неизгладимую печать на работу разнообразных еврейских культурных обществ. Особенно ярко это явление проявилось в спорах о языке¹⁸.

¹⁶ Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. С. 216–217.

¹⁷ Вишницер М. Из петербургских воспоминаний // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 45.

¹⁸ Бялик Х.-Н. Муки языка. Одесса, 1918; Вопрос о языке: сб. статей / ред. А. Г. Котик. Белосток, 1910; Гринфельд И. Еврейский язык или жаргон. Одесса, 1909.

Как отметил израильский историк Г. Казовский, «тесная взаимосвязь между культурой и политикой была традиционным элементом еврейской общественной жизни в том виде, в котором она сформировалась еще до Первой мировой войны»¹⁹. Фактически все идишисты в своем творчестве и в своей идеологии были социалистами или сторонниками близких к социалистическим воззрений²⁰. Ведь идиш был языком народа, тех миллионов, кто еще находился в черте оседлости, в Польше и в Галиции. Это был язык их детства и юности, их литературы, их борьбы. Еще в 1905 году Бунд провозгласил идиш «единственным национальным языком еврейского пролетариата и интеллигенции»²¹. Этим, как кажется, идиш был окончательно политизирован. В 1908 году на конференции в Черновцах идиш объявили «национальным языком еврейского народа». При этом идишисты имели в рядах своих адептов таких блестящих полемистов, как Х. Житловский и Б. Борохов.

Естественно, особое сопротивление этому оказывали сионисты, считавшие этот язык языком диаспоры. Ахад-Гаам даже обвинил в «потворстве идишизму» С. М. Дубнова. Он писал ему: «Меня не удивило то, что Вы пишете... о жаргоне. Это ведь прямой вывод из теории автономизма. Без жаргона у нас нет национального разговорного языка, а какая уж тут автономия без школы с преподаванием на национальном языке? Простите за откровенность: я уверен, что в глубине души Вы относитесь к жаргону не лучше моего... Но автономизм обязывает». Особенно лидер «духовного сионизма» возмущался публикациями в защиту идишизма в этом журнале одного из руководителей Бунда В. Медема²². В свою очередь, либералы, в большинстве своем уже полностью ассимилированные в русскую культуру,

¹⁹ Казовский Г. Художники Культур-Лиги. С. 21.

²⁰ Safran G. *Wandering Soul: The Dybbuk's Creator*, S. An-sky. Cambridge; London, 2010. P. 154–185; Goldsmith E. S. *Modern Yiddish Culture: The Story of the Yiddish Language Movement*. New York, 2000; Trachtenberg B. *The Revolutionary Roots of Modern Yiddish*.

²¹ Марк Ю. Литература на идиш в России // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 544.

²² Цит. по: Дубнова-Эрлих С. Жизнь и труды С. М. Дубнова. New York, 1950. С. 222.

или «стыдливо» отмалчивались, или, как Винавер, справедливо считали нужным признать равенство всех трех языков²³. Дискуссия о национальном языке шла в еврейском обществе вплоть до начала Первой мировой войны²⁴.

М. М. Винавер по-прежнему отстаивал как аксиому свою идею о том, что успешное лоббирование национальных интересов возможно лишь при достижении максимального единства. Он стремился создавать самые различные национальные структуры, созывать съезды и собрания. При этом Винавер «шел» к самым разнообразным кругам, привлекал к работе самые подчас противоположные по своим идеям общественные течения. Многолетний его противник, один из лидеров Бунда А. Литвак, вспоминал: «Я слышал речи Винавера. Без фейверков, без необычайных ораторских приемов, они были наполнены сконцентрированной мыслью и мастерством убеждать. Его речь была шедевром архитектуры. Гармоничным строением и железной логикой, и, если хотите, именно правдивой простотой она доставляла эстетическое наслаждение. Его речи не могли меня переубедить; мое мировосприятие было совсем иным, чем у него. В частности, мы говорили на разных языках, но он заставлял меня думать, задумываться и еще больше оттачивать мое собственное “оружие”. В его речах не было ни капли демагогии; он никогда не льстил своему окружению; он не спускался к своим слушателям; он поднимал их до своего уровня. Даже споря, он никогда не задевал то, что для противника было свято. Он боролся, но не осквернял; вас могли раздражать его доводы, но не он лично... Я видел Винавера весной 1905 в Петербурге на съезде «Союз за достижение равноправия евреев». Во второй

²³ The Revolution of 1905 and Russia's Jews / ed. by S. Hoffman, E. Mendelsohn. Philadelphia, 2008. Острота полемики по этой проблеме была такова, что в 1911 году во время обеда, устроенного Еврейским литературным обществом в Петербурге в честь приезда уже тогда ставшего классиком национальной литературы на идише И.-Л. Переца, присутствующий на нем С. М. Дубнов заговорил на русском языке. Этим он желал подчеркнуть свое мнение о равенстве всех трех языков в еврейской культуре. Перец демонстративно перебил его и потребовал, чтобы в его присутствии говорили только на идише. После этого Дубнов покинул это мероприятие (Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 344).

²⁴ Казовский Г. Художники Культур-Лиги. С. 33–40.

раз я видел его осенью 1909 в Ковно, на съезде еврейских активистов. На обоих съездах он был председателем, и я должен сказать: на скольких бы конференциях и съездах я ни побывал, каких только председателей я ни видел, но всем им было не сравниться с Винавером. Это был не начальник-босс, который хочет навязать собравшимся свою волю; не верховод, который вмешивается, когда нужно, и когда не нужно. Нет. Это был дирижер, мастер, который руководит большим оркестром. Он не подавлял отдельные голоса, напротив, он помогал каждому из них, как можно лучше и полнее донести свою партию. Он привносил целостность и гармонию. Обычно, почти не чувствовалось, что на заседании есть председатель. Собрание шло свободно, как бы само по себе. И только в трудные моменты, когда споры перерастали в стычки, и, казалось, что хаос вот-вот поглотит все и вся, было достаточно одного взгляда Винавера, взмаха руки, повышения тона его уверенного голоса, как все понемногу успокаивалось, и возвращалось в границы порядка. А ведь это было еврейское собрание, где каждый рвался взять слово и торопился получить это слово, именно как он просил и еще раньше, чем просил: еврейское собрание, где каждый имел свою правду в кармане, и сердился, если другой осмеливался иметь немного иную правду, чем у него самого»²⁵. Этого единства он стремился достичь на Ковенском совещании 1909 года и при создании различных культурных объединений. Общую платформу он видел в деятельности некой межфракционной, межпартийной периодической печати²⁶.

Одним из примеров подобной печати стал журнал «Еврейский мир». Будучи прекрасно осведомленным об отношении к нему ряда руководителей других политических организаций,

²⁵ Litvak A. Vinaver.

²⁶ В то же время Винавер продолжал работать в рядах партии, участвовал в ее совещаниях и съездах, занимался поисками дополнительных финансовых вливаний в ее издательское дело. Как адвокат он вел многие гражданские дела тех лет, как в суде, так и в Сенате. Конечно, это отнимало у него много физических и нравственных сил. Иногда он даже позволял себе «отвлечься». Так, в 1909 году он получил приглашение читать лекции в открытом незадолго до этого университете А. Л. Шанявского. В связи с этим он писал А. Г. Горнфельду: «Я очень стремлюсь к освежению своей головы в научной атмосфере» (РНБ ОР. Ф. 211 (Горнфельд А. Г.). Ед. хр. 409. Л. 22).

Винавер придерживался старой испытанной тактики: он старался находиться «в тени», заниматься «технической» стороной дела, а именно — организацией финансирования этого предприятия. Его «полномочным» представителем в редакции был М. Л. Тривус (Шми)²⁷. Вот как много лет спустя описывал историю создания журнала А. Ф. Перельман: «Был разослан краткий проспект, подписанный всеми членами редакции, в котором сообщалось: «Еврейский мир» видит свою задачу в объективном исследовании научных, общественных и политических вопросов еврейства, в художественном воспроизведении еврейского быта и вообще в содействии развитию культурных ценностей нации.

Для выполнения этой задачи необходимо объединение наших литературных сил. Мы хотим создать внепартийный орган, в котором культурные вопросы еврейской жизни займут главное место. От своих сотрудников редакция ожидает не партийной публицистики, а материала, опирающегося на объективные научные данные. Редакция стремится создать литературный и научный журнал не только по названию, но и по содержанию.

Но отказываясь от всякой партийной окраски, редакция, тем не менее, считает необходимым поставить известные рамки вокруг журнала, рамки, достаточно широкие для того, чтобы различные течения могли найти в них место, но вместе с тем достаточно определенные, чтобы журнал из беспартийного не превратился в беспрограммный. Эти рамки редакция видит в лозунге *борьбы за гражданское и национальное полноправие еврейского народа* [выделено в тексте. — В. К.].

Уделяя место объективному изучению существующих в еврействе общественных течений, выходящих за рамки данной программы, и избегая при этом партийно-полемиического тона, редакция не допустит, однако, уклонения вправо или влево от намеченных границ.

При таких условиях мы надеемся объединить вокруг нашего издания все наличные силы русско-еврейской литературы, всех тех, которые стремятся к плодотворной национально-культурной работе»²⁸.

²⁷ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 75.

²⁸ Цит. по: Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 61–62.

При помощи А. И. Браудо, М. М. Винавера и М. И. Шефтеля была организована небольшая группа, которая взяла на себя финансовые заботы о журнале. Известную роль в этом деле играл и А. С. Залпушин — юрист и специалист по финансовому делу, редактор и издатель. Бесспорно, близок с этой группой был и М. И. Кулишер²⁹.

Но время диктовало свои условия. Как писал А. Ф. Перельман, «к тому времени наступивший, было, застой в еврейской общественно-политической жизни начал преодолеваться. Петербургские еврейские партийные группы стали оживать... Вследствие этого задуманный нами план чисто научного и литературного издания перестал удовлетворять общественных деятелей, которых мы привлекли. Они потребовали, чтобы журнал уделял должное внимание и текущим общественно-политическим вопросам. С изменением программы издания встал вопрос о привлечении в редакцию представителей различных групп и течений: надо было соблюсти «равновесие» в коллективе. Естественно, роль главного редактора журнала уже не могла сводиться к роли литературного и научного руководителя, он должен был обеспечить беспартийность журнала в межпартийной редакции»³⁰. В редакцию вошли Ан-ский, М. Л. Тривус, Л. А. Сев (хотя его кандидатура вызывала возражения, так как он считался «заядлым» антисоциалистом), С. М. Дубнов, А. И. Браудо, Я. Н. Теплицкий, Г. М. Португалов и А. Ф. Перельман.

Председателем коллегии был избран Дубнов, секретарем — Перельман. Для того чтобы придать журналу вид общееврейского органа, в его руководство вошли представители самых разных сил: социалист Г. М. Теплицкий, либералом считался, помимо Тривуса, сотрудник «Русских ведомостей» И. О. Левин и, конечно, Л. А. Сев. Народнические тенденции в редакции представлял Ан-ский.

Это не могло не приводить к различным столкновениям внутри редакции. Перельман писал: «Даже при желании выдержать марку беспартийности члены редакции и стоящие за ними остальные сотрудники журнала тянули каждый в свою сторону. Вопрос был только в том, кто сильнее тянет. Более или

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2049 (Шефтель М. И.). Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

³⁰ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 62.

менее согласованно, без особых трений проходили в редакции в первое время вопросы, связанные с правовым положением евреев и отношением к ним правительства Столыпина и думского большинства. По вопросам политики еврейских депутатов в Государственной думе редакции удалось сохранить какую-то среднюю, межпартийную линию. И когда один из сотрудников журнала, И. О. Левин, выступил в защиту приспособленческой, «угоднической» политики Л. Нисселовича, редакция, хотя и поместила его статью, — тут же дала автору должную отповедь (ответ от имени редакции написал Сев)»³¹.

И все же положение Винавера оставалось весьма двойственным. Для еврейского общества его имя было знаковым. В провинции, как и раньше, на него рассчитывали как на человека, который имеет доступ «к сильным мира сего». А вот непосредственно среди лидеров петербургских евреев он уже был фигурой спорной. По словам Перельмана, «поведение Винавера и его группы давно уже вызывали недовольство более демократически настроенных элементов из числа противников сионизма, обвиняющих их в желании узурпировать представительство русских евреев»³². Многие публикации вызывали бурные споры в редакции и в околоредакционной среде. Иначе быть и не могло, ведь «Еврейский мир» планировался как образец некоего политического консенсуса между различными силами. Но члены редакции, представлявшие зачастую диаметрально противоположные направления: от социалистических и народнических до праволиберальных, страдая нетерпимостью, не собирались долго соседствовать под одной обложкой со своими идейными противниками. Все еще усугублялось тем, что финансовое положение журнала перманентно было катастрофическим. Финансовые рычаги были сосредоточены в руках Винавера. В тоже время он и его товарищи в редакционном коллективе оказались в меньшинстве. Но это не соответствовало их материальному вкладу в дело издания этого журнала. Винавер, по словам Перельмана, «...сам относился к журналу осторожно и своего недоверия не скрывал...» Наш же

³¹ Имеются в виду следующие публикации: *Левин И. О.* К вопросу о тактике // *Еврейский мир* (СПб.). 1909. Март. С. 3–7; [*Сев Л. А.*] Послесловие редакции // Там же.

³² Там же. С. 47.

журнал находился в каком-то странном положении. Большинство людей, дававших деньги на его издание, давали их не потому, что сознавали его необходимость, а потому что Винавер пригласил их на чашку чая и сказал, что такой журнал нужен и что на это дело надо дать, всего несколько сот рублей»³³. Существовало подозрение, что Винавер не желал журналу экономической прочности, а предпочитал держать его на коротком поводке. В то же время, по мнению Перельмана, человека, который как никто знал общественно-редакционную кухню журнала, сторонники Винавера «считали себя богатыми женихами и при этом всегда обойденными»³⁴. С января 1910 года в свет начал выходить журнал, уже полностью ассоциированный с группой Винавера — «Новый восход». Его возглавил старый соратник Винавера еще по издательской деятельности рубежа веков М. Г. Сыркин.

Непоправимый ущерб делу приносили и личные непримиримые отношения, обострившиеся в этой среде после поражений российского еврейства в борьбе вокруг выборов в Государственную думу. Главными противниками Винавера являлись Ю. И. Гессен, Л. М. Брамсон, Г. А. Ландау, И. М. Бикерман, С. М. Гинзбург, О. О. Грузенберг.

Эти противостояния отражали всю калейдоскопичность политических воззрений того периода. Как пример обстановки тех лет Перельман привел эпизод из истории взаимоотношений между Винавером и редактором петербургской газеты, выходившей на идише, С. М. Гинзбургом. Он вспоминал: «Наиболее резко мотив личных счетов и обвинений проявлялся у С. М. Гинзбурга. Впервые я столкнулся с этим вскоре после моего приезда в Петербург. Думская фракция Кадетской партии в думе выпустила тогда свой отчет о деятельности ее в Думе. Редакция “Фрайнда” поручила мне написать для газеты статью по поводу этого отчета. Я написал большую статью, и через два дня первая часть была напечатана с указанием, что окончание последует в следующем номере. Но ни в следующем номере и ни в следующих вслед за ним номерах вторая половина не появилась. На мой вопрос о причинах не появления окончания статьи,

³³ Там же. С. 84.

³⁴ Там же. С. 85.

Гинзбург вначале объяснил это отсутствием места в очередных номерах газеты, (вторая половина, как и первая, требовала целый “подвал”), а затем заявил, что рукопись затерялась и не помнит, куда он ее положил. Но М. Левин объяснил мне действительную причину не напечатания конца статьи. Дело в том, что вторую половину статьи я посвятил, главным образом, статье Винавера в этом отчете “Конфликты в первой думе”³⁵. Отнюдь не становясь на точку зрения кадетской партии, я в своей статье указал на бесспорное дарование Винавера, как публициста, так и сравнил его с другими евреями-парламентариями в Западной Европе. “Неужели, сказал мне Левин, Вы думали, что Гинзбург пропустит во Фрайнде такую похвалу Винаверу? Получив Вашу статью, он просмотрел первую часть и сдал ее в печать, но, ознакомившись на следующий день со второй частью, он ее затерял и, конечно, никогда не напечатает”³⁶.

Кроме языковой, еще одной острой проблемой еврейского национального движения стала происходившая буквально на глазах модернизация общины. В условиях XX века еврейские общины крупных городов ускоренными темпами трансформировались из общин религиозных в секуляризированные, светские. Вопрос об общинных дефинициях, помимо языковых проблем, стал коренным в истории российского еврейства того периода. Дубнов, мнение которого имело большое значение, считал, что «если будет принята формула “еврейство — это нация и община — это структура национальная, то она естественным путем становится фактором политической жизни”. В случае же принятия формулы “еврейство — это всего лишь религиозная группа и община не более чем объединение людей, исповедующих одну религию”, то и ее права и обязанности будут распространяться только на соответствующий набор вопросов»³⁷.

Винавер понимал, что неопределенность в построении общины резко ослабляет возможности для его тактики политического лоббирования. Ведь в глазах властей именно община и ее руководители были полноценными и официальными

³⁵ Имеется в виду книга: Винавер М. Конфликты в Первой Думе.

³⁶ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 49.

³⁷ Дубнов С. К спору о типе еврейской нации.

представителями еврейского населения. С целью разрешения этой коллизии Винавер в союзе с Г. Б. Слиозбергом и затеял совещание лидеров общин в Ковно.

В такой атмосфере и приходилось действовать Винаверу. Он должен был скрывать от собственно русского общества, в том числе и от Партии кадетов, тот факт, что он уже потерял бывшее определяющее влияние на российское еврейство. И все же его имя звучало, он сохранял многие, ранее приобретенные связи в обществе, как в еврейском, так и в столичном, русском. Как отмечал Перельман, «на съездах адвокатов ли, писателей, кадетской партии, еврейских общественных деятелей, на общих и небольших собраниях Винавера выбирали в председатели и вручали бразды правления. При умении обходить острые углы и привлекать на свою сторону “беспристрастных”, он, когда это ему требовалось, круто обходился с не соглашавшимися с ним, не замечая сегодня того, с кем он еще вчера заигрывал. Среди общественных деятелей в Петербурге не было, кажется мне, ни одного, который вызывал бы к себе столько раздражения со стороны своих противников, как Винавер. Но вместе с тем он пользовался личными доброжелательными отношениями не только стариков, но и некоторых противников. Дубнов — идейный противник его в вопросах еврейской политики, сохранил с ним добрые приятельские отношения до конца жизни. Горнфельд до конца жизни высоко ценил личные отношения с Винавером, несмотря на то, что он — мне это приходилось слышать от самого Горнфельда — отрицательно относился к его общей политической карьере»³⁸.

Как считали многие современники, все дело было в том, что «Винавера не удовлетворяла его роль в еврейской общественности, хотя, как мне кажется, именно эта сторона его деятельности была ближе всего его сердцу, он стремился к большой политической карьере в общегосударственной жизни. И Горнфельд, знавший Винавера много лет, считал, что в этой истории Винавера больше занимал вопрос о его личной роли, чем сущность самого вопроса»³⁹.

³⁸ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 87.

³⁹ Там же.

По мнению А. Ф. Перельмана, «практически бесконфликтными отношения были только между Дубновым и Винавером. Будучи идейным противником “Народной группы”, Дубнов сохранил дружеские отношения с Винавером. Он ценил несомненные таланты коллеги и считал его крупным общественно-политическим деятелем. Винавер, со своей стороны, всегда относился к Дубнову с максимальным вниманием и предупредительностью. В редакции Дубнов старался быть лояльным по отношению к “Народной группе” и ее представителям, которые сразу очутились там в недружелюбном окружении. В особенности он поддерживал их, когда дело касалось общей политики, поскольку здесь и сам примыкал к кадетской партии»⁴⁰.

Характеризуя редакционную жизнь того времени, Перельман вспоминал: «Менее бурно, но не менее резко проявлялись разногласия в двух принципиальных вопросах, стоявших тогда на очереди в порядке дня: в вопросах о языке и о характере будущей еврейской общины. Как я уже сказал, в конце 1908 и в 1909 году — время возникновения нашего журнала, — петербургские еврейские общественные круги вновь зашевелились. Вновь ожили распри и споры между разными кружками и группами. Как мы ни старались держаться в стороне от этих кружковых споров, нам это не удавалось. Представители “Группы” стремились к “беспартийности”, неприемлемой для других членов редакции. Они очутились в незначительном меньшинстве. Между тем их положение в редакции не соответствовало их удельному весу в деле финансирования журнала. Большинство “пайщиков” журнала было привлечено при помощи Винавера, который сам относился к журналу осторожно и не скрывал своего недоверия. “Я ведь не Э. М.” (один из пайщиков журнала), — сказал он мне как-то, — “который дает деньги только потому, что брат (деятельный член хозяйственного комитета журнала) привлек его, а сам не читает журнал и не интересуется им”⁴¹. Винавер, конечно, понимал значение прессы, и, когда ему было нужно, он и свои деньги давал и других умел привлекать. “Восход” существовал только его заботами. Наш же журнал

⁴⁰ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 95.

⁴¹ Винавер в данном случае говорил о В. С. Манделе.

находился в каком-то странном положении. Большинство людей, дававших деньги на его издание, давали их не потому, что сознавали его необходимость, а потому, что Винавер пригласил их на чашку чая и сказал, что такой журнал нужен и что на это дело надо дать всего несколько сот рублей. Были, конечно, и пайщики, следившие за журналом и сочувствовавшие ему, но их было совсем мало; лишь после ухода “группистов” они взяли на себя заботу об издании “Еврейского Мира”, но ненадолго.

Далее он признавался в том, что «финансовое положение журнала было с самого начала его существования весьма небеспеченным. Не было случая, чтобы журнал заранее был обеспечен хотя бы на 5–6 месяцев. Все время средства собирались на самое ближайшее время, а когда эти средства иссякали, Винавер привлекал новых “пайщиков”, вернее, жертвователей, которые поддерживали журнал еще на короткое время». Перельман даже думал, что «...очевидно, Винавер не считал нужным обеспечить журнал на длительный срок и таким образом сделать его более или менее независимым». Этот вывод он делал на основании того, что «так или иначе, но главными финансистами журнала были “групписты”. Особенно подчеркивал это Тривус, и в особенности он возмущался мной, самым молодым членом редакции, не имевшим за собой никакой группы»⁴².

Далее Перельман писал: «Тривус был мне крайне несимпатичен. Меня раздражала его благочестиво-лживая речь, его постоянная игра на несколько фронтов, вся его позиция лояльного чиновника, хитро подмигивающего оппозиции. Я мало скрывал свою антипатию к нему, что, может быть, и было не вполне деликатно. Если я и с Севом большей частью расходился, то эти расхождения не носили личного характера. С Тривусом же мы просто не выносили друг друга, и редко редакционное заседание проходило без личных столкновений между нами. Тривус меня ненавидел, и, когда “групписты” уже ушли из “Еврейского Мира”, Тривус, в поздравительном письме Ан-скому по поводу его юбилея, не мог удержаться от личного выпада против меня. Ан-ский показал мне это письмо, прибавив, что он, Ан-ский, меня ценит именно за то, что Тривус меня так не любит. При этом он мне

⁴² Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 95–96.

рассказывал, что Тривус, Сев и сам Винавер его долго уговаривали уйти из “Еврейского Мира” и перейти в “Восход”»⁴³.

Особенно обострились отношения в редакции перед Ковенским совещанием.

Подготовленное Винавером и Слиозбергом якобы в тайне от других общественных деятелей, совещание и приглашенные на него по их указаниям «представители еврейских общин» должны были, очевидно, создать еврейский «представительный орган», в котором за группистами осталась бы руководящая роль. Способы подготовки этого совещания и методы его созыва не могли не вызвать недовольства еврейской демократической общественности. Перельман вспоминал, что «в особенности же против них восстали петербургские круги и кружки, усмотрев, не без основания, в этой акции желание создать под видом беспартийного съезда одностороннюю “группистскую” организацию. Этот группистский маневр обострил взаимоотношения и в составе нашей редакции. Если до этого “групписты” шли по разным вопросам на уступки, то в вопросе о съезде они заняли непримиримую позицию. До самого съезда журнал вынужден был обходить вопрос о его организации полным молчанием, и лишь в последней перед съездом книжке, во “Внутренней хронике”, дана была небольшая, никого не удовлетворившая заметка о созыве совещания»⁴⁴.

Наиболее объективный, с моей точки зрения, мемуарист той эпохи Перельман писал: «...между тем борьба вокруг предстоящего съезда все больше усиливалась, главным образом в Петербургских еврейских кругах. Беспартийность “Еврейского Мира” потеряла всякий интерес для “группистов”, готовившихся “захватить власть”. Им нужен был свой [выделено в тексте. — В. К.] “беспартийный” орган. И, в тайне от остальных членов редакции, они стали готовиться к возобновлению с начала 1910 года еженедельника “Восход”⁴⁵. До конца же 1909 года они

⁴³ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 97.

⁴⁴ Там же. С. 85–88.

⁴⁵ Имеется в виду журнал «Новый восход» — еврейский журнал на русском языке, выходивший с 1910 по 1915 год, а с 1911 года по цензурным соображениям издававшийся под разными названиями. В первые годы его издания контролировался группой во главе с М. М. Винавером.

оставались в редакции “Еврейского мира”. Моя статья о Ковенском совещании поступила в редакцию, когда раскол в ней уже был совершившимся фактом, хотя формально Сев и Тривус еще числились членами редакции. В той же книжке, в которой была напечатана моя статья⁴⁶, появилось и заявление Сева и Тривуса о выходе из состава редакции. Вместе с этой книжкой был разослан проспект новой еженедельной газеты “Еврейский Мир”. Тем более “групписты” были удивлены спокойным тоном моей статьи. Позиция моя в вопросе о принудительной принадлежности к общине расходилась не с позицией Винавера, а с позицией Ландау и Сакера, новых моих товарищей по редакции. Слегка коснувшись вопроса о методах организации съезда, я не считал нужным еще раз, *post factum*, поднимать спор о них. Не оправдывал я и бойкота съезда, приведшего лишь к ослаблению позиции демократических кругов на съезде. Не отрицал я и положительной роли съезда.

Встретившись со мной после появления моей статьи, Винавер отдал должное беспристрастному тону моей статьи и только “пожалел”, что я не заехал познакомиться с материалами о созыве съезда. Я бы тогда, по его мнению, не поддержал упреков по поводу методов созыва его. Я ему ответил, что ознакомление с материалами его архива вряд ли способствовало бы большей моей объективности»⁴⁷.

⁴⁶ Речь идет о статье А. Перельмана: Ковенский съезд // Еврейский мир. 1909. Нояб.–дек. С. 10–13.

⁴⁷ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 119–120.

Глава 11

НА ИЗЛЕТЕ ИМПЕРИИ

Если рабов гонят в бой наравне с гражданами, то они должны громко заявить, что они сражаются только в надежде на завоевание для себя равенства и свободы.

С. М. Дубнов

Патриотический подъем, охвативший Россию в начале Первой мировой войны, не оставил в стороне и российское еврейство. Мобилизация среди еврейского населения прошла практически без недобора; процент евреев в армии во время войны был выше, чем в составе населения России в целом: в 1914 году в армии насчитывалось 400 тысяч евреев, к концу 1916 года их число возросло до 500 тысяч¹.

В этот период в IV Государственной думе работали 3 депутата, представлявших еврейское население Российской империи (Н. М. Фридман, М. Е. Бомаш и Э. Б. Гуревич).

Из них наиболее подготовленным для думской работы считался в силу своего юридического образования Н. М. Фридман². Он уже избирался в предыдущую Думу, где примыкал к фракции Партии кадетов. В эту же фракцию входили и два других депутата. Ключевую роль в работе с ними играл М. М. Винавер³. Он не только стремился формировать и направлять деятельность депутатов-евреев, но и одновременно оказывал влияние на выработку решений по еврейскому вопросу в самой кадетской партии.

¹ Яшунский И. Российское еврейство и мировая война; Будницкий О. В. Евреи в русской армии в период Первой мировой войны // *Dienst in der Höhle des Löwen: Juden in der russischen Armee* // Osteuropa. 2014. Н. 64, N 2–4. S. 171–184; Altshuler M. Russia and Her Jews: The Impact of the 1914 War // *Wiener Library Bulletin*. 1973–1974. Vol 27, N 30/31. P. 12–16.

² Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 88.

³ Познер С. В. Борьба за равноправие.

Война для представителей российского еврейства в Думе началась с патриотического выступления Н. М. Фридмана. 26 июля 1914 года в специальной декларации он заявил: «На меня выпала высокая честь выразить те чувства, которые в настоящий исторический момент воодушевляют еврейский народ. В великом порыве, поднявшем все племена и народы России, евреи выступают на поле брани плечом к плечу со всеми народами ее. В исключительно тяжелых правовых условиях жили и живем мы, евреи, и, тем не менее, мы всегда чувствовали себя гражданами России, всегда были верными сынами своего отечества, и никакие силы не отторгнут нас от нашей родины России, от земли, с которой мы связаны вековыми узами, и в защиту нашей родины мы выступаем не только по долгу совести, но и по чувству глубокой привязанности. В настоящий час испытания, следуя раздававшемуся с высоты Престола призыву, мы, русские евреи, как один человек, станем под русскими знаменами и положим все свои силы на отражение врага. Еврейский народ исполнит свой долг до конца»⁴.

Война застала Винавера с семьей в Швейцарии. Они вернулись в Россию через Италию и Болгарию, пароходом добрались до Одессы⁵.

Еврейская общественность с первых дней войны стала ставить вопрос о юридическом положении еврейского народа в России. Коренной проблемой для российского еврейства оставалось существование черты оседлости и многочисленные запреты, вплоть до пресловутой процентной нормы, препятствующей поступлению еврейской молодежи в учебные заведения⁶. Буквально с первых дней войны это положение широко обсуждалось как еврейской, так и русской общественностью⁷. В начале войны

⁴ Из недавнего прошлого: речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. С. 3. В этой речи видна рука М. М. Винавера. Во всех своих прежних выступлениях, еще начиная с I Думы, он всегда обращался к аудитории с напоминанием о многовековой истории еврейства на территории России.

⁵ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 74.

⁶ Иванов А. Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX в.

⁷ Литератор Р. М. Хин-Гольдовская записала в те дни в дневнике: «Иди умирать за святую Русь, за царя-батюшку, за торжество славянской идеи — это твой долг, а гетто, процентная норма в течение всего жизненного пути, “жеребьевка” детей и юношей перед наглухо закрытыми дверьми школ — это твое право».

С. М. Дубнов считал, что победа России над Германией, этим, как писал он, «пауком милитаризма», в союзе с демократическими странами может привести к тому, что «атмосфера очистится в стране политической инквизиции». Однако он не разделял «безусловного патриотизма» многих представителей еврейского общества. Дубнов заявлял: «Если рабов гонят в бой наравне с гражданами, то они должны громко заявить, что они сражаются только в надежде на завоевание для себя равенства и свободы»⁸.

Формирование еврейской политики в Думе взял на себя полуправительственный орган — Политическое бюро. В его составе были представители еврейских политических партий и групп несоциалистического направления. Глава Еврейской народной группы и член ЦК Партии кадетов М. М. Винавер председательствовал практически на всех заседаниях бюро. Среди активных участников этого объединения наиболее ярко проявляли себя члены Еврейской народной группы Г. Б. Слиозберг, С. В. Познер и Л. Я. Штернберг, идеолог автономизма, лидер «Фолкспартей» Дубнов, члены ЦК сионистского движения в России И. А. Розов, М. С. Алейников и И. Гринбаум. Еврейскую демократическую группу представляли в бюро бывший депутат Думы Л. М. Брамсон⁹, А. И. Браудо и Я. Г. Френкель. Председателем бюро избрали бывшего депутата I Государственной думы юриста М. И. Шефтеля¹⁰. Деятельно работали в нем

Каких-либо послаблений евреям по случаю войны власти делать не намеревались. «Все это неприличие», — записывает Хин-Гольдовская, — «значительно охлаждает мой национализм» (Хин-Гольдовская Р. М. Из дневников 1913–1917 / предисл. и публ. Е. Б. Коркиной; прим. А. И. Добкина // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб., 1997. Вып. 21. С. 541–542, 544 (записи от 7 и 23 августа 1914 г.).

⁸ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 365.

⁹ Л. М. Брамсона можно считать единственным представителем социалистического направления в Политическом бюро. Некогда в I Государственной думе он входил в трудовую фракцию. В дальнейшем он по-прежнему поддерживал близкие контакты с фракцией трудовиков и особенно с ее фактическим руководителем А. Ф. Керенским. Человеком «левых убеждений» называл себя и депутат Думы М. Е. Бомаш.

¹⁰ Мне думается, что выдвижение на роль председателя петроградского адвоката, бывшего некогда депутатом I Государственной думы кадета М. И. Шефтеля было сделано специально. Его кандидатура рассматривалась в качестве нейтральной фигуры, способной объединить политиков разных направлений. В узком, раздираемом противоречиями еврейском политическом кругу того времени

члены различных еврейских групп и направлений, публицисты, юристы и общественные деятели: М. Л. Тривус, И. А. Клейнман, И. М. Бикерман, Я. Л. Сакер, М. М. Гран, А. Ф. Перельман, С. Е. Калманович¹¹. Как правило, совещания, обычно проходившие на частных квартирах, бывали многолюдны. Бюро обладало значительным политическим активом. Пожалуй, не было в Петрограде ни одного значимого еврейского общественного или политического деятеля, который не принимал бы участие в работе бюро или не содействовал бы ему. Даже демонстративно стоявшие «в стороне» социалисты все же весьма интересовались их работой¹². Практически все члены бюро были тесно связаны с основными легальными еврейскими общественными организациями того времени: Обществом для распространения просвещения между евреями в России (ОПЕ), Еврейским комитетом помощи жертвам войны (ЕКОПО), Общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (ОРТ), Еврейским колонизационным обществом (ЕКО)¹³.

Уже в самом начале войны структура Политического бюро была дополнена Информационным бюро. На него возложили

М. М. Винавер слишком раздражал многих политиков. Он всегда слыл прямым проводником тактики Партии кадетов в еврейском национальном движении.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 2129 (Еврейское историко-этнографическое общество). № 68. Материалы совещания еврейских общественных деятелей в Петрограде. 1914–1916 гг.

¹² Канторович В. А. Бунд накануне Февральской революции // Еврейская летопись. Пг.; М., 1923. Сб. 2. С. 40. С присущим социалистам сарказмом по отношению к «буржуазным затеям» Канторович писал: «В центре борьбы за равноправие евреев стояли на виду всего еврейства депутаты Государственной думы — евреи. При них или с их участием действовало политическое бюро — орган, где представлялись были различные еврейские группировки, в которых кроме специалистов или просто на правах советчиков фигурировали традиционные еврейские деятели, импонировавшие разными достоинствами: кто своим положением, кто связями и богатством, а кто только фамильными предками. Это бюро преимущественно занималось тем, что “влияло” на либерально-демократические круги русского общества в духе реабилитации еврейства. Попутно в этом же направлении оказывалось влияние на общественное мнение Европы и Америки... Депутаты-евреи были естественным центром, куда стекались многочисленные жалобы и ходатайства. Но политическая роль этого центра была крайне ничтожна» (Там же. С. 46).

¹³ Zippstein S. J. The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First World War // Studies in Contemporary Jewry: An Annual. IV: The Jews and the European Crisis: 1914–1921. New York, 1988. P. 22–40.

задачи по сбору и анализу материалов о политическом и экономическом положении еврейского населения. Основным источником информации являлась сеть еврейских общественных объединений, разбросанных по всей стране. В то же время, пользуясь своими профессиональными, общественными и личными связями, члены Информационного бюро получали важнейшие сведения и о правительственных мероприятиях, направленных на изменение политики по отношению к евреям, о дебатах по этому вопросу среди членов правительства. Большую роль играло проведение мониторинга печати, особенно газет и агитационной литературы и даже анализ закрытых приказов военного министерства, вплоть до армейских штабных документов. Возглавил Информационное бюро С. В. Познер, юрист, историк и издатель, давно уже близко стоявший к М. М. Винаверу и не раз в прошлом выполнявший его поручения¹⁴. При этом важнейшую роль в сборе и использовании информации, полученной как из легальных, так и неофициальных источников, играл А. И. Браудо. Член Политического бюро Я. Г. Фрумкин был убежден в том, что власти знали о деятельности бюро. Правда, как вспоминал он, «разрешение на их существование никогда не было дано и никогда не испрашивалось. Деятельность Бюро не встречала особых препятствий, так что оно вело, можно сказать, полулегальное существование»¹⁵.

С. В. Познер в своих мемуарах воспроизводил довольно сложную структуру Политического бюро. Он констатировал, что «Бюро представляло собой тесно замкнутую группу лиц, которые, несмотря на все различие воззрений, в общем, дружно работали, отзываясь на все вопросы политической и общественной жизни. Это был решающий и исполнительный орган, но над ним существовал контроль еврейского общественного мнения, которое получило свое выражение в лице, во-первых, постоянно действующей организации — так называемого Пленума... В его состав входили все активные члены партий, представленных в “Бюро”. Созывался он, по меньшей мере, раз в месяц

¹⁴ Познер С. В. Страницы прошлого: (Из воспоминаний об А. И. Браудо). С. 79–83; Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. С. 97–114.

¹⁵ Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 88.

для заслушивания отчетов “Бюро” и, кроме того, для решения вопросов особо важных.

Оба органа — “Бюро” и “Пленум” имели одну канцелярию. Та же канцелярия обслуживала общественные нужды и гг. депутатов. Помещалась она на квартире покойного депутата Н. М. Фридмана. Там же проходили регулярно по вторникам и заседания “Бюро”.

Заседания “Бюро” обыкновенно начинались с докладов наших депутатов о ходе заседаний в Государственной Думе с уделением особого внимания вопросам, прямо или косвенно затрагивавшим интересы еврейского населения. Так как депутаты находились в постоянном общении с канцелярией и членами “Бюро”, то тут же докладывались материалы, стоявшие в связи с очередным депутатским докладом. Затем шло обсуждение доклада. Следствием его было или указание депутатам определенной линии поведения в возникшем вопросе, или выступление в Государственной Думе с речью, или предъявление запроса. Текст предстоящей речи депутата в Думе подвергался всестороннему обсуждению. Иногда он заранее писался и обсуждался по абзацам. Что касалось запросов, то они всегда заготавливались заблаговременно кем-нибудь из членов “Бюро”, и затем шли на обсуждение в Пленум Бюро»¹⁶.

В свою очередь, публицист и издатель А. Ф. Перельман вспоминал, что в годы войны «к этому расширенному совещанию были привлечены, между прочим, Ан-ский¹⁷, Ефройкин, я и С. Л. Цинберг. Собирались у кого-либо из богатых участников совещания — владельца обширной квартиры, где без риска обратить на себя внимание, могли собраться человек 50–60.

¹⁶ Познер С. В. Борьба за равноправие. С. 183–184. Близкий в те годы к С. М. Дубнову автономист А. Ф. Перельман считал, что, избранное еще на Ковенском совещании 1909 года, это Бюро было создано в 1912 году, что, по его мнению (а значит, и по мнению С. М. Дубнова), было обусловлено слабой подготовкой избранных в Думу депутатов-евреев. По его словам, они, то есть депутаты, часто вызывали «нарекания со стороны еврейской общественности» (Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 95). Только один из них — Н. М. Фридман — имел юридическое образование, М. Е. Бомаш и Э. Б. Гуревич по образованию — врачи.

¹⁷ Думается, что знаменитая поездка Ан-ского на театр военных действий в Галицию в 1915 году была осуществлена не без содействия Политического бюро (Safran G. Wandering Soul: The Dybbuk's Creator, S. An-sky. P. 254–256).

Совещания заканчивались большей частью поздно ночью, но бывало, что они затягивались до зари»¹⁸.

М. М. Винавер стремился формулировать для бюро широкие задачи и неоднократно подчеркивал: «Мы не можем еврейскую политику ставить в положение объекта, над которым производятся эксперименты в Думе»¹⁹. Он всячески старался придать работе бюро самый широкий политический характер, вывести его на общероссийскую политическую арену, превратить в субъект российской политической жизни.

Работа бюро непосредственно была связана с петроградскими изданиями того периода: журналами «Еврейская жизнь» и «Новый путь». В них с анализом думской деятельности депутатов-евреев и дискуссиями по еврейскому вопросу постоянно выступали члены бюро сионист М. С. Алейников и член Еврейской демократической группы Г. А. Ландау. Особую роль играл и «толстый» литературно-политический журнал «Северные записки»²⁰. В те годы проблемам еврейской жизни в целом и думским дебатам в частности в журнале было посвящено множество статей, авторами которых были сторонники самых разных политических направлений: член ЦК Бунда Д. И. Заславский²¹, народники, входившие в Еврейскую демократическую группу, Г. А. Ландау и Я. Л. Сакер, член Партии социалистов-революционеров Н. В. Брюллова-Шаскольская²². Винавер четко

¹⁸ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 95–99.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 20.

²⁰ Журнал формально издавала С. И. Чацкина — супруга входившего в бюро Я. Л. Сакера. Сакер был хорошо знаком с некоторыми из членов Бюро еще по «идейным баталиям» начала века в Одессе и в период издания им газеты «Жизнь юга» (Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. С. 259).

²¹ Пройдут годы, и безусловно даровитый журналист Д. Заславский «прославится» в качестве одного из самых энергичных проводников идеологии сталинизма, в том числе и в еврейской среде.

²² Н. В. Брюллова-Шаскольская — публицист, историк, этнограф, член ЦК Партии социалистов-революционеров; в этой компании, помимо некоторых левых депутатов Думы, была единственным человеком нееврейского происхождения. Но она всегда интересовалась историей евреев и еврейской культурой. Позднее, в короткие промежутки между бесконечными арестами и ссылками, закончившимися ее гибелью в 1937 году, она даже опубликовала на эту тему специальную работу: Брюллова Н. Проблемы личности в творчестве Х.-Н. Бялика // Еврейский альманах: сб. / под ред. Б. И. Кауфмана и И. А. Клейнмана. Пг.; М., 1923. С. 260–278. См. о ней, например: Семенова-Флюр В. Э. О родителях моей мамы // Марианна

осознавал, что настал момент, когда российскому еврейству как никогда необходимо единство. И он стремился достичь этого во что бы то ни стало. Лоббистскими усилиями должны были быть охвачены самые широкие круги российской общественности. Одновременно самому еврейству надлежало выступить против «врага» единым строем, вне зависимости от глубинных политических и культурных различий. Перельман вспоминал, как в конце 1914 года, «когда беженцев-евреев из Западного края пустили в запретные губернии вне “черты”, и я задумал создать в Петербурге ежедневную газету на еврейском языке, Винавер предложил мне свою помощь, не ставя никаких условий насчет состава редакции, довольствуясь только моим заявлением, что я стою на оборонческой точке зрения и пораженческих выступлений в газете не допущу»²³.

С первых месяцев войны перед российским еврейством встали чрезвычайные по сложности задачи. Война затронула судьбы сотен тысяч российских евреев. Первые погромы и выселения евреев из мест, близких к театру военных действий, начались уже в сентябре 1914 года. Военные поражения требовали срочного объяснения, и власти пошли по давно проторенному пути. По мере приближения фронта к местам, населенным евреями, они обвинялись в шпионаже в пользу немецкой армии и в массовом порядке принудительно выселялись вглубь страны²⁴. Значительное количество евреев в ходе скоротечных военных судов приговаривалось к смерти. В ход пошла и система заложничества мирного населения²⁵.

Петровна Шаскольская в кругу коллег, родных и друзей. М, 2013. С. 131–162 (сообщено А. И. Шаскольским).

²³ Перельман А. Ф. Воспоминания. С. 87. Видимо, это было еще до введения запрета на издание прессы и литературы на еврейских языках.

²⁴ Только к маю 1915 года из Курляндской и Ковенской губерний было выслано около 300 000 евреев (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: бумаги А. Н. Яхонтова: (записи заседаний и переписка) / публ. и примеч. Р. Ш. Ганелина и др. СПб., 1999. С. 150). Мне кажется, что указанное число высланных евреев некорректно, возможно, в него вошли выселенцы в том числе и из «русской Польши».

²⁵ Иоффе Г. З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97; Нелипович С. В поисках внутреннего врага: Депортационная политика России // Первая мировая война и участие в ней России: (1914–1918): материалы научн. конференции. М., 1997. Ч. 1. С. 59;

На плечи российского еврейства легла тяжелая ноша — сотни тысяч беженцев заполнили черту оседлости, а затем неизбежно «выплеснулись» из нее. Эшелоны с беженцами растянулись вплоть до Владивостока. В этих условиях Политическое бюро делало все возможное для облегчения их положения.

Наибольшей враждебностью по отношению к еврейскому населению отличалось высшее военное командование — главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич. В апреле–мае 1915 года по приказу высшего военного командования началось массовое выселение евреев из большей части Курляндской и Ковенской губерний. В особенно тяжелом положении оказалось еврейское население Галиции, которая была оккупирована русскими войсками в 1914–1915 годах. Здесь армейское командование считало евреев своими главными врагами: в приказах, расклеенных на улицах галицийских городов, говорилось о «явно враждебном отношении евреев» к русской армии. При этом совершенно не учитывалось то, что вообще-то они были подданными Австро-Венгрии и не могли испытывать к русской оккупационной армии никаких «теплых» чувств. Издевательства над евреями, избиения и даже погромы стали в Галиции обычным явлением. После того как 1 мая 1915 года австро-венгерские и немецкие войска начали наступление в Галиции, русское командование выслало оттуда огромное число евреев. Их вывозили в товарных вагонах под конвоем²⁶.

Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, MA; London, 2003. P. 121–137, 150–154; Из «черной книги» российского еврейства: материалы для истории войны 1914–1916 гг. С. 269; *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 464–465.

²⁶ *Goldin S.* Deportation of Jews by the Russian Military Command: 1914–1915 // *Jews in Eastern Europe*. 2000. N 41/1. P. 40–73; *Prusin A. V.* The Russian Military and the Jews in Galicia: 1914–1915 // *Military and Society in Russia: 1450–1917* / ed. by E. Lohr, M. Poe. Leiden; Boston, 2002. P. 525–544; *Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // *Russian Review*. 2001. N 60. P. 404–419; *Lohr E.* 1915 and the War Pogrom Paradigm in the Russian Empire // *Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History* / ed. by J. Dekel-Chen, D. Gaunt, N. M. Meir, I. Bartal. Bloomington, 2011. P. 42–51; *Altshuler M.* Russia and her Jews: The Impact of the 1914 War. P. 14; *Лор Э.* Новые документы о российской армии и евреях во времена

В самый разгар этих событий журнал «Новый восход», редактируемый М. Г. Сыркиным и бесспорно находящийся под контролем Винавера, опубликовал развернутую передовую статью. В ней, в частности, говорилось: «В России мы родились и выросли, здесь покоится прах наших предков. Неразрывными нитями связаны мы, русские евреи, с Россией, и память о ней бережно лелеют всю жизнь наши братья, злою судьбой прогнанные за океан. Хранители заветов отцов наших, ядро всемирного еврейства, мы, русские евреи, в то же время неотторжимо связаны со страной, в которой живем уже сотни лет, и от которой ничто, ни преследования, ни гонения — не в состоянии нас оторвать»²⁷.

Массовая депортация евреев, вызванный этим экономический хаос, а также реакция на это со стороны российского и мирового еврейства вызывали недовольство и раздражение со стороны многих министров. Министр внутренних дел Н. Б. Щербатов и министр земледелия А. В. Кривошеин прямо обвиняли генерала Н. Н. Янушкевича в том, что он пытается свалить на евреев ответственность за неудачи на фронте, и требовали прекратить репрессии. После критики со стороны правительства военное командование было вынуждено отдать приказ о приостановке выселений (10–11 мая 1915 года)²⁸.

Первой мировой войны // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 2003. № 8 (26). С. 245–268.

²⁷ Новый восход. 1915. № 20, 24 июл. С. 1. Кроме повторений обычных «заклинаний» и признаний в верности обращает на себя внимание отсылка и к американскому еврейству, в лояльности которого к России в ту пору было так заинтересовано русское правительство. Отмечу, что часть молодого поколения евреев, особенно евреев интеллигентных, не особенно надеялось на изменения в природе отечественного, тем более властного антисемитизма. В разгар победоносного наступления в Галиции будущий известный историк, а тогда студент Петербургского университета Я. С. Лурье писал, обращаясь к царю:

«О смелый витязь, ты разбил
Оковы рабства на Карпатах,
Как правый вождь, в убогих хатах
Евреев резал и душил.
Ты Палестину отберешь
У обнаглевшего султана
И там, в долине Иордана,
Черту и норму заведешь...»

(Лурье Я. С. История одной жизни. СПб., 2004. С. 62).

²⁸ Возмущенный подобным «непониманием», Н. Н. Янушкевич писал Совету министров, что он считает «все принятые в отношении евреев меры весьма

Еврейская политическая общественность напрягала все свои возможности, все связи в высших эшелонах власти. Неожиданно на помощь пришел даже недавно окончательно покинувший ряды Партии кадетов П. Б. Струве. Он обратился с письмами к одному из наиболее на тот момент авторитетных министров в правительстве — А. В. Кривошеину. Струве имел с ним контакты еще со времен участия Кривошеина в правительстве Столыпина. П. Б. Струве 1 августа 1915 года писал: «...эвакуация Царства Польского и Западных губерний создает возможность проведения с наименьшими психологическими трениями меры, по существу, давно ставшей необратимой и могущей оказать большой и благотворительный психологический эффект не только в России, но и за границей. Я имею в виду отмену черты еврейской оседлости для городских поселений. Фактически эта черта отменяется сейчас жизнью, и если бы власть... провела соответствующий акт, она в значительной мере вынула бы жало у еврейского вопроса. У нас “наверху”, мне кажется, ясно представляют тот яд, который вливают в духовную жизнь страны вопиющие формы еврейского бесправия. В качестве “идеолога”, каковым Вы изволите меня величать, я именно эту сторону зла ощущаю явственно и прямо болезненно. Еврейство будет оставаться самой духовной лабораторией всяческого русского радикализма до тех пор, пока некоторые бесспорные мероприятия по еврейскому вопросу не будут осуществлены. Это совершенно неизбежно». Струве, предлагая министру решать еврейский вопрос «сверху», решил подкрепить свое обращение к министру советом: «...если Вы пожелали бы выслушать голос весьма интеллигентного и благоразумного представителя еврейства, вызовите Александра Исаевича Браудо, человека глубоко порядочного, очень здравомыслящего и превосходно осведомленного... Насколько я его понял, он сам желал бы изложить Вам некоторые стороны современного положения еврейского вопроса,

слабыми и не остановился бы перед усилением их в более значительной степени». Антисемитизм российского командования проявлялся и в отношении евреев, служивших в армии. См.: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: бумаги А. Н. Яхонтова. С. 231.

и я думаю, сейчас нет человека более ориентированного в этом вопросе, чем Браудо»²⁹.

Неожиданно, даже может быть для себя, еврейские активисты, участники работы Политического бюро получили поддержку от большевиков. Лидер петроградского комитета этой партии А. Г. Шляпников получил документы о преследовании евреев прифронтовой полосы от М. Горького. Затем он продал их во время поездки в США за 500 долларов представителям местной общины. При этом он поставил условие перед американскими евреями, в том числе и редактором газеты «Форверст» А. Каганом, — издать эти материалы в переводе на английский язык. Еще 1000 рублей на революционную деятельность он получил от А. И. Браудо, вернувшись в Петроград³⁰.

В этих условиях наиболее актуальной задачей для бюро являлась хотя бы частичная отмена черты оседлости и ограничительных статей законодательства. Ведь они делали невозможными нормальную экономическую и социальную жизнь беженцев, оказавшихся во внутренних губерниях страны³¹. По официальным данным, к концу 1916 года общее число беженцев и выселенцев в России достигло миллиона³².

Представители еврейской общественности и финансовых кругов не раз встречались с министрами и даже с самими председателями Совета министров 1914–1916 годов И. Л. Горемыкиным и Б. В. Штюрмером. В состав этих делегаций всегда включались как депутаты Думы, так и негласно, под видом авторитетных общественных деятелей, представители бюро. Одно из первых таких посещений Председателя Совета министров

²⁹ Цит. по: А. И. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны: письма А. И. Гучкова, А. Д. Протопопова, П. Б. Струве / публ. С. В. Куликова // Русское прошлое. СПб., 1994. Кн. 5. С. 51–52.

³⁰ Шляпников А. Г. Канун 1917 г.: в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 190, 204–208; Т. 2. С. 58. О подлинном настроении американского еврейства, в том числе и недавних выходцев из России, см.: Эстрайх Г. За немцев или за русских?: Нью-Йоркский «Форверст» в Первую мировую войну // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2011. Т. 6. С. 23–137.

³¹ Ганелин Р. Ш. Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1997. № 1 (14). С. 41–65.

³² Studies in Contemporary Jewry: An Annual. 4: The Jews and the European Crisis: 1914–1921. New York, 1988. P. 6.

И. Л. Горемыкина состоялось 12 февраля 1915 года. Спустя несколько дней, 23 февраля, два депутата Думы — Н. М. Фридман и М. Е. Бомаш — встретились с министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, а 14 марта 1915 года они же были на аудиенции у министра финансов П. Л. Барка. 19 марта 1915 года с министром внутренних дел встретились эти же депутаты и известный публицист, член Политического бюро И. М. Бикерман. Каждая такая встреча предварялась обсуждением основных ее параметров в Политическом бюро. Лейтмотивом этих встреч было не только информирование членов правительства о подлинной ситуации с еврейским населением прифронтовой полосы и о провокационной антисемитской деятельности высшего военного руководства, но, главное, — они настоятельно просили фактической отмены черты оседлости для беженцев³³.

Массовая депортация населения привела к дезорганизации экономики тыла, финансовым неурядицам и трениям на международной арене. Правительство было вынуждено предпринимать определенные шаги для того, чтобы достойно выйти из создавшегося положения. Соответствующее давление на правительство оказывали не только депутаты, но и связанные с бюро крупные представители финансового мира. Так, министра финансов П. Л. Барка посетили А. Г. Гинцбург, М. А. Варшавский и Б. А. Каминка (Каменка)³⁴. В июле 1915 года министр внутренних дел Н. Б. Щербатов встретился с представителями еврейского нобилитета: А. Г. Гинцбургом, М. А. Варшавским, Б. А. Каминкой. На этот раз они выступили в качестве руководителей Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО). Наличие в составе этой делегации члена Политического бюро Г. Б. Слиозберга говорит о том, что его коллеги по этой организации по крайней мере

³³ Война. Россия. Евреи.

³⁴ После одной из таких встреч в 1916 году тогдашний премьер-министр Б. В. Штюрмер назвал Б. А. Каминку «заядлым евреем» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: бумаги А. Н. Яхонтова. С. 351). Вообще-то П. Л. Барк был одним из самых прагматичных членов правительства тех лет. Позднее он вспоминал, как на одном из докладов царю он якобы заявил: «Нам необходимо сосредоточить все наши силы, чтобы воевать с Германией, и, по моему убеждению, мы не можем и не должны одновременно воевать и с Германией, и с еврейством» (Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. Т. 72. С. 93).

были полностью осведомлены о целях и характере визита. Тем более что на нем речь шла о коренной проблеме национальной жизни этого периода — о черте еврейской оседлости.

Судьба евреев, эвакуированных из прифронтовой полосы, требовала немедленного юридического разрешения. Первоначально Н. Б. Щербатов отказался ставить такой вопрос перед Государственной думой. Щербатов даже заявил, что Дума никогда не пойдет на такой шаг, и правительство потерпит поражение. Однако многоопытный юрист Г. Б. Слиозберг, выяснив, что министр не совсем владеет материалом, напомнил ему, что юридически Министр внутренних дел в чрезвычайных обстоятельствах может по Высочайшему повелению отдать распоряжение о любых изменениях в законодательстве. Щербатов тут же поручил Слиозбергу подготовить для него подобное обоснование для представления в Совет министров³⁵. Под политическим и экономическим давлением, а также под внешнеполитическим прессом власти были вынуждены все же обратить внимание на требования еврейской общественности.

В июле–августе 1915 года в Совете министров прошла дискуссия по еврейскому вопросу. Большинство министров «с душевным прискорбием» высказалось за то, чтобы отменить целый ряд антиеврейских законов, приостановить массовые выселения и принять меры по регламентированию еврейской экономической жизни вне черты оседлости. Вину за этот вынужденный «отказ от принципов» они возложили на армейское командование. Министр внутренних дел Н. Б. Щербатов даже заявил: «Нечего сказать, в достойное положение поставлена государственная власть господами Янушкевичами... Нож приставлен к горлу и ничего не поделаешь. Как Министр Внутренних Дел по соображениям внутренним, так Министр Финансов по соображениям финансовым

³⁵ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 338–339. Следует отметить, что лоббизм в этот период, конечно, принимал различные формы и исходил из разных сфер общества. Но при этом не следует доверять сведениям, полученным позднее от разных фигур более чем сомнительного свойства, вроде секретаря Г. Распутина А. Симановича (Симанович А. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Г. Распутина. М., 1991). Точно так же не имеет смысла обращаться к интерпретациям известных конспирологических теорий о влиянии масонства.

приходят к одному и тому же заключению: неотложно необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу. И чем скорее он будет проведен, тем лучше. Если мы не выступим в данную минуту, то, может быть, через короткое время нам придется давать то же и даже больше при менее для нас выгодной обстановке... Нас пока еще вежливо просят, и мы можем ставить условия». На одном из заседаний Совета министров, где обсуждался вопрос о допуске евреев-беженцев во внутренние губернии России, министр иностранных дел С. Д. Сазонов указал, что союзники России по Антанте недовольны преследованиями евреев, о которых много говорит немецкая пропаганда, а министр финансов П. Л. Барк сообщил: «Всеобщее возмущение по поводу отношения к еврейству» приводит к «трудностям с размещением государственных бумаг». В итоге было решено, что «необходим демонстративный акт по еврейскому вопросу»³⁶. Один из наиболее умных и дальновидных министров А. В. Кривошеин предупредил правительство, сказав: «Нельзя сразу вести войну с Германией и евреями. Надо разделить эти войны»³⁷. И, наконец, в середине августа 1915 года Дубнов оставил в своем дневнике следующую запись: «“Дар” поднесен. Вчера в заседании Слюозберг докладывал нам о вчерашней беседе еврейской депутации с министром внутренних дел Щербатовым, который сообщил, что на днях последует высочайшее утверждение решения Совета министров об отмене черты оседлости на время войны или «впредь до распоряжения»³⁸.

³⁶ Яхонтов А. Н. (сост.) Тяжелые дни: Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г. // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 18. С. 5–136; Совет министров Российской Империи в годы Первой мировой войны: бумаги А. Н. Яхонтова. Выступая по этому же поводу, министр финансов П. Л. Барк сказал: «К сожалению, нам приходится руководствоваться не чувствами, а велениями чрезвычайно острого момента. Не мы создали этот момент, а те, кого мы давно уже тщетно просили воздержаться от возбуждения еврейского вопроса казаками нагайками. Но расплачиваться за эти нагайки приходится нам, ибо денег на войну требуют от правительства. Достать же мы их не можем, так как они находятся в руках того племени, которое предается генералом Янушкевичем недопустимым ни в одном цивилизованном государстве насилиям и надругательствам» (Там же).

³⁷ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: бумаги А. Н. Яхонтова. С. 211.

³⁸ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 383.

15 августа 1915 года был издан циркуляр Н. Б. Щербатова, разрешавший «евреям жить в городских поселениях, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министерств Императорского Двора и Военного». Этот документ во многом опирался на юридическое обоснование, разработанное членом бюро Г. Б. Слиозбергом. Запрет на проживание евреев сохранился лишь в Москве, Петрограде, областях Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, а также на курортах Крыма, где отдыхала царская семья. Немногим ранее, 10 августа 1915 года было опубликовано постановление Совета министров, разрешавшее евреям — участникам войны и их детям поступать в средние и высшие учебные заведения «вне конкурса и не считаясь с существующими ограничениями»³⁹.

С. М. Дубнов, характеризуя этот указ, писал: «Это не обновление, а лишь обновка, брошенная ограбленному, с которого сорвали последнюю рубашку... Сознание того, что народ доведен был до такой нужды, что его выпустили из тюрьмы только в момент пожара и после долгих отчаянных криков о помощи, — это сознание совершенно не совместимо с чувством нравственного удовлетворения»⁴⁰. В самом Политическом бюро этот «дар» отнюдь не был принят безоговорочно. Дубнов записал в дневнике: «В заседании мы до ночи препирались о том, следует ли сейчас внести в Думу законопроект только о полной отмене Черты или о равноправии вообще... Мнения разделились...»⁴¹

Уже на «последнем издыхании» режима министр внутренних дел А. Д. Протопопов 22 декабря 1916 года издал циркуляр, по которому евреям разрешалось проживание «в Москве и других городах, кроме театра военных действий».

Важнейшим направлением в работе бюро было постоянное будирование международного общественного мнения в странах-союзниках. И раньше еврейский вопрос неоднократно

³⁹ Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России. С. 140–141. 20 августа 1915 года математик и религиозный деятель С. П. Каблуков записал в своем дневнике: «Чтобы получить деньги за границей, правительство уничтожило черту оседлости. Слава Богу!» (РНБ РО. Ф. 322. Ед. хр. 36. Л. 253).

⁴⁰ Дубнов С. М. Уступки // Еврейская неделя. 1915. № 14. С. 4. См. также: Русская печать и общество об отмене черты еврейской оседлости. М., 1915.

⁴¹ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 383.

поднимался в отношениях с Францией, Великобританией и США. Россия постоянно нуждалась в финансовых вливаниях. На протяжении последних десятилетий еврейский вопрос стал фактором международных отношений. После волны погромов начала XX века в многочисленных переговорах между европейскими странами расширение прав российского еврейства превратилось в действенное орудие, в предмет торга⁴². Бюро имело прямые контакты с общественностью Великобритании, Франции и США. В большей или меньшей степени часть общественного мнения в этих странах была настроена против политики русского самодержавия в отношении еврейского населения. Членами бюро были установлены непосредственные контакты с некоторыми политическими деятелями на Западе и с руководством ряда ведущих периодических изданий в США, во Франции и в Великобритании. Важнейшую роль в этом деле играл А. И. Браудо, имевший еще с начала века постоянные связи с руководителями еврейских общин в странах Европы и в США⁴³. В Великобритании, Швеции и в США находилось несколько видных участников политической борьбы начала века. Среди них выделялись своей активностью давние сторонники тактики Винавера — Д. Е. Мовшович и Р. М. Бланк. Мовшович «консультировал» одного из ключевых деятелей еврейской общины — Л. Вольфа, человека, хорошо знакомого с российскими реалиями и бывавшем в России, где он некогда встречался с Плеве⁴⁴. Член Бюро Г. Б. Слиозберг в октябре 1916 года опубликовал в США, в газете *The New-York Times*

⁴² Журавлева В. И. Понимание России в США: Образы и мифы; *Эстрайх Г.* За немцев или за русских?: Нью-Йоркский «Форверст» в Первую мировую войну. С. 123–137; *Neilson K.* Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance: 1914–1917. London, 1984; *Johnson S.* Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europeans Jewish Question.

⁴³ Мовшович Д. А. И. Браудо и последние этапы борьбы за эмансипацию евреев в России // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 103–108. В тот момент Д. Мовшович находился в Стокгольме и к нему сходились все международные связи Политического бюро.

⁴⁴ Institute for Jewish Research (YIVO). New York, USA. Movshovich Letters: 1915–1917. Diary. RG. 348. Box 23. F. 191–192. L 24491–24508.

статью о положении евреев и их участии в войне⁴⁵. В ней он описал положение еврейского населения в России, сложившееся за период войны. Статья была целиком основана на информации, собранной Политическим бюро⁴⁶.

Одно заседание Политического бюро следовало за другим, вырабатывались резолюции и протесты, конструировались планы по работе с правительственными чиновниками и русской общественностью. На заседаниях Бюро Дубнов постоянно настаивал на том, чтобы в этой деятельности за повседневными заботами не забывали о глобальной цели — добиться от властей реальных мер по ликвидации всего репрессивного антиеврейского законодательства⁴⁷. В то же время именно он являлся самым последовательным критиком работы бюро. С его точки зрения, все эти многочисленные совещания «носили эфемерный характер». Еврейские лидеры, по его мнению, оказались неспособны на решительные шаги. Дубнов в довольно резкой манере писал об этом в статье «Скорая помощь и день грядущий»: «С самого начала войны душит нас это безгласие, отсутствие определенных общественных заявлений, возможных в известных границах даже при нынешних условиях. Не было в свое время сказано нужное слово, которое бы осмыслило для народа его шествие по скорбному пути, а теперь из души уже рвется крик нестерпимой боли. Все более жгучей становится потребность поставить вопрос, хотя

⁴⁵ Sliozberg G. Russian Jews Hope for Allied Victory // The New York Times. 1916. Oct. 16. P. 8.

⁴⁶ Нельзя не отметить, что, вероятно, эта статья была вызвана опубликованием 11 ноября 1915 года в газете "Morning Post" анонимной статьи, абсолютно искажающей положение еврейского населения в стране. Более того, в статье утверждалось, что якобы евреи — самая привилегированная часть населения России. Это был явный элемент контрпропаганды. Выступивший по этому поводу депутат Думы Н. М. Фридман отметил тот факт, что автором этого опуса скорее всего был человек или злонамеренный, убежденный антисемит или личность более чем некомпетентная, так как в рамках даже этой газетной статьи было допущено чудовищное количество фактических ошибок (САНЛР (ЦАИЕНИ). SD 11010–1. N. Fridman. Копия: Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 1010 (Н. М. Фридман). Оп. 1. Д. 14).

⁴⁷ Еще в начале работы Бюро Дубнов, сокращаясь по поводу того, что ему пришлось оторваться от занятий наукой, записал в дневнике: «Предстоит волнующая работа; полуночные заседания, бесконечные прения, неосуществленные решения — работа нужная, но с массой бесплодно потраченных сил» (Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 368).

бы без надежды услышать ответ: “Что ждет нас в конце пути, орошенного нашей кровью? Прежняя ли рабская доля, с которой отныне уже не примирится народная совесть, или жизнь равноправных граждан на земле, в защиту которой еврейство выдвинуло армию в сотни тысяч?” Повторяю, мало надежды услышать успокоительный ответ извне, среди ужасной действительности, ничего доброго не предвещающей. Но нравственно важно, чтобы истерзанная нация поставила этот вопрос во всей его силе и дала на него ответ, равносильный обету: “Пора покончить с постыдным рабством евреев”⁴⁸. Особенно его возмутило заявление известного адвоката, также члена бюро О. О. Грузенберга: «Если бы надо было формулировать отношение евреев к войне, я сказал бы: евреи сейчас думают не о своих правах, а только о своих обязанностях в отношении своей великой родины»⁴⁹. Дубнов выступил против распространенной точки зрения о том, что военное время не тот момент, когда следует предъявлять какие-либо требования о равноправии. Наоборот, он расценивал выступления с требованиями равноправия как акт по «защите народной чести»: «Если молчание общества может быть оправдываемо там, где невозможно при нынешних условиях защищать наши общенародные интересы, то нет оправдания тому молчанию, которое набрасывает тень на нашу народную честь и низводит нас на степень бессловесных, некультурных племен, история которых делается другими»⁵⁰. Подобные споры регулярно происходили на заседаниях бюро.

Политическое бюро вело разнообразную работу, но основной в его деятельности все же оставалась борьба за интересы своего народа в стенах Государственной думы. В этой борьбе они прежде всего рассчитывали на поддержку Партии кадетов. Координация этих усилий легла на плечи Винавера. В то же время он обязан был проводить в бюро политику его собственной партии. В мае 1916 года он уверял членов бюро в том, что лично отстаивает его политику в Центральном комитете партии и в ее

⁴⁸ Дубнов С. М. Скорая помощь и день грядущий // Еврейская неделя. 1915. № 4. С. 4.

⁴⁹ Цит. по: Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. С. 461.

⁵⁰ Там же. С. 460–465.

думской фракции, хотя не скрывал и того, что его настойчивость не всегда адекватно воспринимается в партии⁵¹.

Главная проблема, стоявшая перед депутатами и кадетами, входившими в Бюро, — как совместить еврейскую национальную деятельность с участием евреев-депутатов в работе кадетской фракции. Положение Винавера в партии становилось все более и более сложным, а подчас и противоречивым. Уже в начале 1915 года он начал настаивать на корректировке партийной линии в деле давления на правительство. Значительная часть его товарищей по ЦК следовала за линией Милюкова, бывшего, как известно, тогда против резких оппозиционных действий в Думе. Категорически несогласный с этим Винавер требовал поднять в Думе вопрос о новых притеснениях, направленных против общественных организаций и национальных сил. Он заявил: «Печать и собрания задавлены военным положением, единственным окном является Дума, и если партия не воспользуется этой отдушиной, она много потеряет, так как обманет многие ожидания»⁵². В ответ на критику своих коллег по Бюро, обвинявших их в излишней зависимости от решений партии, депутат М. Е. Бомаш с горечью заявил: «Еврейские депутаты не имеют права вести самостоятельную политику»⁵³.

Первые сведения о начале антиеврейской кампании со стороны руководства армии застали членов бюро врасплох. Прошло всего несколько месяцев с того дня, когда патриотическому выступлению Н. М. Фридмана в Думе рукоплескали даже записные националисты. Естественно, что первым делом депутаты-евреи обратились за поддержкой к лидеру партии и фракции П. Н. Милюкову. Его ответ ошеломил посланцев бюро А. И. Браудо и Я. Г. Фрумкина. Милюков в тот момент, по сути, отказал им в содействии со словами: «Мы не можем в военное время критиковать действия военных властей»⁵⁴. В ответ на критику

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 15.

⁵² Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии: в 6 т. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1997. Т. 2. С. 487.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Далеко не все руководители партии разделяли точку зрения Милюкова. На одном из многочисленных тогда собраний кадетской и околокадетской общественности на квартире писателя Ф. К. Сологуба, на котором присутствовали и члены

Милюков заявил, что своим поведением он «не хочет доставлять радости Берлину»⁵⁵. В ответ публицист И. М. Бикерман не преминул заметить, что «то, что военные власти делают с евреями, в разных отношениях вредно для успеха войны... П. Н. Милюков не хочет доставить Берлину радость, но его тактика может не только принести Берлину радость, но и содействовать победе Берлина»⁵⁶.

Свое неудовлетворение такой позицией партийного руководства Винавер высказал в письме к председателю партии, ее старейшему и авторитетному деятелю И. И. Петрункевичу. В феврале 1915 года И. И. Петрункевич пытался объяснить Винаверу причину игнорирования рядом видных деятелей партии известного воззвания в защиту еврейского населения прифронтовой полосы⁵⁷. Он объяснял это тем, что рассматривает его как неуместный в тот момент акт политической борьбы. По его мнению, «враги еврейства, а может быть еще больше — враги реформ и сторонники реакции используют это воззвание как “желание создать смуту за спиной армии”. Можете ли Вы ожидать при таких условиях сколько-нибудь благоприятных последствий для евреев? Я боюсь, напротив, обострения антисемитизма. Для победы над антисемитизмом нужны не случайные голоса, а голоса убежденные и искренние, умеющие находить путь к человеческой совести; тогда и язык воззвания будет не вымученный, а жгучий»⁵⁸.

Бюро, против Милюкова выступил даже такой сугубо национально настроенный человек, как бывший кадет П. Б. Струве (*Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 97–98*).

⁵⁵ Там же. Но год спустя П. Н. Милюков опубликовал статью «Еврейский вопрос в России» в специальном сборнике «Щит», изданном под эгидой М. Горького, Л. Андреева и Ф. Сологуба в поддержку еврейского населения страны.

⁵⁶ Там же. А. В. Тыркова-Вильямс, описывая сцену, которая произошла в марте 1915 года между адвокатом О. О. Грузенбергом и близким ему П. Н. Милюковым, отметила в дневнике: «Грузенберг требует от Милюкова выступления по еврейскому вопросу и получает от него отказ. Он спросил у Милюкова, вот если бы Ваших детей никуда не пускали, лишали их прав, чтобы они тогда стали бы думать и делать». Милюков ответил: «То же, что и теперь — желать России победы и помогать этому» (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 152). Мне кажется, что все авторы, описывающие эту сцену, не учитывают одного факта, а именно того, что летом на фронте погиб его младший сын Сергей, ушедший на войну добровольцем.

⁵⁷ Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны. С. 91–92.

⁵⁸ РНБ РО. Ф. 332 (Каменецкий С. Л.). Ед. хр. 70.

Подобная постановка проблемы не удовлетворила Винавера, и он ответил своему соратнику по партии: «Я не так понимаю смысл воззвания, как Вы, и не так понимаю значение нашей тактической линии. Воззвание, на мой взгляд, является не актом политической борьбы с нынешним правительством — оно по замыслу стоит выше такой борьбы. Оно обращено к обществу и старается предупредить в нем разрастание антисемитской заразы, которая может не остановиться вовремя, явится тормозом на нашем пути, когда уже дано нам будет осуществлять наши политические идеалы в других сферах жизни. С другой стороны, оно может явиться — и, несомненно, явится — призывом к бодрости еврейского населения; при отсутствии правительственных обещаний, при усилении административных репрессий и перед лицом приводящего в полное отчаяние роста антисемитизма, укрепление в народе надежды на светлое будущее может только усилить его стойкость в защите родины. В этом смысле оно не только не ослабит, но укрепит столь необходимое нам “национальное единство”. Что касается нашей тактической линии, то мне кажется, что повседневное поведение наше и особенно поведение оппозиционной печати — в том числе и “Речи”, конечно — свидетельствует о совершенной невозможности выдержать до конца политику умолчания о наших внутренних язвах»⁵⁹.

Подобное отношение к еврейской проблеме руководства партии и ее думской фракции не могло удовлетворить ни евреев-депутатов, ни Политическое бюро. С целью переубедить их бюро при посредничестве Винавера направило в ЦК партии и лично П. Н. Милюкову собранные Информационным подразделением документы, разоблачающие антисемитскую клеветническую кампанию. К чести Милюкова следует сказать, что он, под воздействием этой объективной информации, изменил свое отношение к проблеме⁶⁰. 6–8 июня 1915 года состоялась

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ В мемуарной и исторической литературе немало написано об отношении П. Н. Милюкова к национальному вопросу вообще и к еврейскому вопросу в частности. В данном случае, на мой взгляд, вполне уместно мнение такого «сложного» человека, как А. В. Тыркова: «Вдумываясь в пути и перепутья еврейских влияний, нельзя обойти Милюкова. Он с самого начала стал их любимцем, был окружен

конференция Партии кадетов, в которой участвовали не только члены ЦК партии, но и члены фракции в Государственной думе. Основной доклад по еврейскому вопросу, подготовленный Политическим бюро, сделал Винавер. На основе огромного количества собранных бюро материалов и документов было продемонстрировано прямое участие военных властей в развязывании антисемитской кампании в стране и на фронте⁶¹. Кроме Винавера, на этой конференции выступил и Н. М. Фридман. И его речь была намного более жесткой по отношению к той части партии, которая готова была «за счет евреев» идти на любые компромиссы, лишь бы сохранить единство Прогрессивного блока. В отличие от Винавера он не был скован «партийными условностями». В частности, особенно резко он критиковал позицию главы фракции в Думе В. А. Маклакова⁶². На этой конференции была единогласно принята резолюция, осуждавшая развертывание в стране антисемитской кампании. Уже через несколько дней, 19 июля 1915 года, выступая в Думе, Милюков, в целом выразив протест против антиеврейской политики, обвинил в ее проведении лишь некий «узкопартийный источник,

кольцом темноглазых почитателей, в особенности почитательниц. Нельзя сказать, чтобы он особенно стремился этим хором дирижировать. Скорее они под сурдинку баюкали его своими мелодиями, заласкивали его, без всякого стеснения осыпали его до комизма вздутыми похвалами. Евреи восторженны, сентиментальны и влюбчивы. Сквозь тысячелетия пронесли они преувеличенную восточную красочность, как в лести, так и в поношении. Сам Милюков не был ни сентиментальным, ни восторженным. Это был холодный, рассудочный человек. Но чужой энтузиазм, если он к нему самому относился, его подкупал. Лъстецам, хвалителям он порой поддавался. Все же не следует преувеличивать давление евреев на Милюкова, а через него и на всю кадетскую партию. Милюков был человек крепкий, упористый. Он прокладывал себе дорогу на пересечении разных равнодействующих, среди которых евреи были только одной из величин. Их домогательства, их стремление уравниваться в правах с остальным населением совпадало с основными принципами, как его партии, так и его самого. Именно это, а не личная податливость вождей или рядовых кадетов, сделало еврейское равноправие совершенно законной частью кадетской программы» (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 282–283).

⁶¹ Доклад по еврейскому вопросу Центрального комитета Партии народной свободы конференции делегатов партии и членов фракции. Текст этого доклада был переведен на основные европейские языки и распространен в Великобритании, США и во Франции.

⁶² САНЖР (ЦАИЕНИ). SD 915. Копии: ЦГИАУ. Ф. 1010 (Н. М. Фридман). Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 56–57.

прикрывающийся военными полномочиями»⁶³. Следует отметить, что все же именно настойчивость Винавера и ряда других евреев — видных кадетов — сыграла решающую роль в постепенном изменении политики партии в еврейском вопросе⁶⁴. Это совпало с усилением роли Винавера в партии, роли, которая несколько снизилась в предыдущий период. По сути, в войну он был вторым лицом в ЦК. На Шестом съезде Винавер, будучи председателем на нескольких заседаниях, решительно настаивал на усилении борьбы за власть в стране. Именно он сформулировал позицию кадетов в тот момент: «Сущность всей политической борьбы... сводится к проведению своих взглядов, т. е. к борьбе за преобладание, за власть, так что в данном случае борьба за власть сама собой разумеется»⁶⁵.

Все же главным для бюро, точнее, наиболее видимой частью его деятельности была выработка думской тактики и подготовка выступлений в Государственной думе. Еще в декабре 1914 года, при первых признаках антисемитской кампании в армии члены бюро начали проявлять беспокойство складывающимся положением. По мере нарастания антиеврейской агитации, с началом массовых выселений евреев из прифронтовой полосы они усилили свое давление не только на лидеров кадетов, но и начали активную агитацию среди широких кругов русской общественности⁶⁶.

⁶³ Цит. по: Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 99. О деятельности руководства Партии кадетов в те годы см.: Доклад по еврейскому вопросу Центрального комитета Партии народной свободы конференции делегатов партии и членов фракции; Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 г.: (По поводу войны). Царицын, 1914; Государственная Дума о войне: Заседание Государственной Думы 27 января 1915 г. Киев, 1915; Государственная Дума 4-го созыва: Отчет фракции Конституционно-демократической партии за период 26 июля 1914 г. — 3 сентября 1915 г. Пг., 1916; Милюков П. Н. Тактика фракции Партии народной свободы во время войны. Пг., 1916. Коллекция документов, освещающих участие евреев в войне и политику военных властей, предоставленная Винавером Милюкову см.: ГАРФ. Ф. 579 (Милюков П. Н.). Оп. 1. Ед. хр. 618, 2014, 2015, 2025).

⁶⁴ См. об этом подробнее: Гольдин С. «Принять исключительные меры...»: Русская армия и евреи: 1914–1917 гг. М.; Иерусалим, 2017. С. 337–340.

⁶⁵ Цит. по: Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 89.

⁶⁶ Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны.

Депутатам-евреям в Думе приходилось работать в накаленной атмосфере. Каждое выступление с требованием ослабления антиеврейской политики приводило в ярость националистов типа Г. Г. Замысловского и Н. Е. Маркова-второго.

Положение еврейских депутатов, действующих под плотной опекой Политического бюро, значительно осложнилось после вхождения Партии кадетов в августе 1915 года в Прогрессивный блок⁶⁷. Это объединение «во имя победы» либералов с умеренными консерваторами и националистами было призвано корректировать политику властей в период все более неудачно складывавшейся для России войны. В этих условиях еврейская проблема становилась заложницей политической игры, как в рамках самой коалиции, так и в самой Думе. Отчетливо это проявилось еще при формировании блока. В отношении еврейского вопроса в пятом пункте его программы говорилось о необходимости «отмены ограничений в правах евреям, в частности, дальнейших шагов к отмене черты оседлости, облегчения доступа в учебные заведения и отмены стеснений в выборе профессий»⁶⁸. В ответ на критику со стороны наиболее консервативной и националистической части Думы представители этого политического объединения указывали на то, что, наоборот, в программу блока не вошли многие положения программы Партии кадетов, в том числе и требования равноправия для еврейского населения. Так, известный националист, публицист и политический деятель В. В. Шульгин, отвечая на упреки крайне правых, говорил о программе этого объединения: «Неверно и то, что в программе говорится о полном еврейском равноправии. Там говорится лишь о “вступлении на путь отмены ограничений в правах евреев”. Мы полагаем, что постоянное раздражение против наших сограждан, которые как-никак все-таки воюют вместе с нами, есть минус для победы, и стараемся это ослабить»⁶⁹.

⁶⁷ Прогрессивный блок в 1915–1917 // Красный архив. 1933. Т. 1. С. 80–135; Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте: 1907–1917 годы. СПб., 2009; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны: (1914–1917). Л., 1967.

⁶⁸ Прогрессивный блок в 1915–1917.

⁶⁹ Цит. по: Еврейская жизнь. 1916. № 13, 20 март. Стб. 20–21.

Подобный снисходительный тон и оправдательная позиция руководителей блока не устраивала членов Политического бюро. Депутаты-евреи, будучи по партийной принадлежности кадетами, также «автоматически» вошли в Прогрессивный блок. Весьма умеренные требования блока в еврейском вопросе объяснялись стремлением кадетов достичь компромисса с националистами. Все это не могло не отразиться на сверхосторожной тактике кадетов, а значит, и не привести к конфликту между руководством этой партии и Политическим бюро. Это ставило Винавера в весьма сложное положение. Ведь в его партии не было твердого единства по вопросу о постоянном присутствии в партийной политике еврейского вопроса. Наоборот, это мешало ведению тонкой дипломатической игры с другими членами Прогрессивного блока.

Винавер старался, чтобы при работе над законами и поправками учитывались все пожелания, сформулированные Политическим бюро, чтобы в стенах Думы «еврейская тема» звучала постоянно. По его мнению, так «еврейское население узнает, что оно не забыто — хотя бы эта поправка и внесена незначительной частью блока»⁷⁰. Среди видных депутатов — защитников российского еврейства выделялся и лидер фракции трудовиков А. Ф. Керенский. Как человек, лишенный антисемитских предрассудков, он стал известен еще в годы дела Бейлиса. Теперь же, в военный период, возглавляя в Думе Трудовую группу, он решительно выступал против обвинений еврейского населения в симпатиях в пользу войск Германии. Среди его корреспондентов того периода были и люди, непосредственно связанные с Политическим бюро: Б. Д. Бруцкус, Я. Л. Сакер и руководитель Еврейской демократической группы Л. М. Брамсон⁷¹.

Особенно наглядно эти противоречия проявились при обсуждении в Думе так называемых «циркуляров Кафафова». В январе 1916 года директор Департамента полиции К. Д. Кафафов разослал губернаторам, начальникам областных и губернских жандармских управлений специальный циркуляр, в котором

⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 16.

⁷¹ Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа»: Март-июнь 1917 года. М., 2017. С. 77–79.

еврейское население обвинялось в экономической диверсии (организации нехватки товаров первой необходимости, искусственном вздорожании продуктов, нехватке «звонкой монеты»). Это, по мнению составителя циркуляров, делалось не только для того, чтобы вызвать общее недовольство и протест против властей, но и объяснялось «стремлением их добиться отмены черты еврейской оседлости, так как настоящий момент они считают наиболее благоприятным для достижения своих целей...»⁷². Вскоре текст этих циркуляров оказался в распоряжении Политического бюро⁷³. В Думе эти циркуляры огласил депутат Н. С. Чхеидзе, бывший представителем социал-демократического движения. От лица кадетской фракции выразили возмущение провокационным антисемитским характером документа В. А. Маклаков и Ф. И. Родичев⁷⁴. Прогрессивный блок расценил это как повод для усиления критики правительства. Н. М. Фридман подал в президиум Думы заявление с требованием сделать соответствующий срочный запрос председателю Совета министров «по поводу незаконных действий властей по отношению к еврейскому населению»⁷⁵. Винавер пошел еще дальше. На заседании ЦК в мае 1916 года он прямо поставил вопрос о внесении на рассмотрение текущей сессии законопроектов об отмене черты оседлости и профессиональных ограничений для евреев⁷⁶. Вскоре вокруг этого запроса начались политические интриги⁷⁷. В какой-то момент руководство кадетской фракции сочло, что появление «еврейского запроса» ей невыгодно, так как могло вызвать недовольство остальной части Прогрессивного блока.

⁷² Из недавнего прошлого: речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. С. 120–121.

⁷³ Я. Г. Фрумкин вспоминал о том, что, не решаясь переправить этот документ по почте, его привезли в Петроград связанные с Бюро люди (Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 103).

⁷⁴ Государственная дума. Созыв IV. Пг., 1916. Стб. 1467–1468, 2769.

⁷⁵ Там же. Стб. 2187.

⁷⁶ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 263–264.

⁷⁷ Ганелин Р. III. Государственная Дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. С. 10–15.

После серии переговоров с М. Х. Бомашем был внесен новый, «смягченный» запрос⁷⁸. Но, ко всеобщему изумлению, его отказался подписать один из лидеров фракции В. А. Маклаков⁷⁹, а собиравшийся выступить в поддержку срочности этого запроса Н. М. Фридман путем процедурных ухищрений был лишен права внесения срочного запроса. Зато обычную антисемитскую вакханалию устроил черносотенец Г. Г. Замысловский. Разразился скандал. Часть депутатов покинула зал заседаний. После долгих споров и политического лавирования депутаты пришли к решению заслушать на заседании представителя правительства, а именно самого К. Д. Кафафова. Выступая в Думе, чиновник попытался успокоить депутатов заявлением о том, что циркуляр отменили еще до его вступления в силу⁸⁰. Под давлением своих товарищей по партии и Прогрессивному блоку еврейские депутаты все же были вынуждены снять этот запрос — якобы их удовлетворил такой ответ правительства⁸¹. Однако поведение кадетов и «прогрессистов» было воспринято многими членами бюро как поражение, как демонстрация «еврейского одиночества» в Думе⁸². По воспоминаниям присутствовавшего на этом заседании Я. Г. Фрумкина, отказ от запроса «произвел на присутствовавших еще более тяжелое впечатление, чем непристойное выступление Замысловского»⁸³. Еврейская общественность, традиционно уповавшая на солидарность передового либерального общества, была возмущена и не скрывала этого⁸⁴.

⁷⁸ Государственная дума. Созыв IV. Стб. 3025.

⁷⁹ Судя по воспоминаниям Р. Г. Винавер, при всех разногласиях между Винавером и Маклаковым они относились друг к другу уважительно. После того как Винавер начал публиковать очерки, посвященные политическим портретам современников, Маклаков спрашивал его: «Когда же вы, Максим Моисеевич, напишете мой портрет?» На это мой муж неизменно отвечал: «Смотрите, Василий Алексеевич, не портьте своего портрета» (Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 70).

⁸⁰ Ганелин Р. III. Государственная дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. С. 16–19.

⁸¹ Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 106.

⁸² Ганелин Р. III. Государственная Дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. С. 20.

⁸³ Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 109.

⁸⁴ Это возмущение вылилось в большое число писем и резолюций. См.: О протестах // Еврейская неделя. 1916. № 18. Стб. 29–31.

23 марта 1916 года М. Х. Бомаш получил из Москвы от одного из лидеров российского сионизма — Е. В. Членова — обращение в виде открытого письма «К нашим депутатам», принятое на совещании московской еврейской общественности. В нем говорилось:

«Под глубоким впечатлением того, что свершилось в Государственной Думе с еврейским запросом, обращаемся мы к Вам с настоящим письмом.

Для нас не явилось неожиданным, что сложенный из разнородных политических частей и готовый молчать всякий раз, как слово несет разногласие, прогрессивный блок не выступил на защиту акта, ограждающего интересы евреев. Нас глубоко волнует и печалит другое. В Вашем рассказе, в Ваших словах о моменте, предшествовавшем снятию запрета, слышится необычайная растерянность. Где источник этого состояния? Что могло в представителях еврейского народа, закаленного в вековых гонениях, родить такое душевное смятение? Вы опасались отклонения запроса. Но нам вдвойне тяжело сознавать, что в *этом* [здесь и далее выделено в тексте. — В. К.] источник Ваших волнений. Мы глубоко скорбим за Ваш безграничный страх — нет у нас иного слова — пред тем, что запрос может быть отвергнут Думой, и всей силой нашего убеждения, нашей веры в Вас и нашей любви к народу, мы отвергаем самую мысль о том, чтобы подобный страх мог направлять Вашу деятельность в интересах еврейства.

Еврейский народ не вменял Вам задачи стремиться, во что бы то ни стало к благожелательным вотумам Думы. Нас истомили непрекращающаяся травля, происки врагов и благодеяния друзей.

Как граждане, мы ищем прав и, как люди, жаждем покоя. Но есть нечто несравненно более ценное, чем наши права и наша безопасность — наша национальная честь — достоинство нашего народа.

Гонимые в эту страшную годину, как могли Вы покорно умолкнуть в опасении оказаться в меньшинстве? Как могли Вы признать удовлетворительными объяснения тех, кто является автором таких циркуляров? Вы не могли, Вы не должны были снять запроса. Пусть планомерная парламентская деятельность немыслима без учета думского большинства, без стремления

к благоприятному голосованию. Но когда думское большинство упорно игнорирует наши права и наши интересы, когда Дума равнодушно проходит мимо циркуляров, представляющих государственную опасность для России только потому, что они внешне направлены против евреев, Вы не можете пренебречь единственным оружием, оставшимся в Вашем распоряжении: открытым и мужественным разоблачением лжи. Пусть клеветники говорят все, что хотят, что смогут, что посмеют. Нужна гласность, нужен свет, ибо только во тьме и *подлостью шепота* сильна ложь.

Вы остались бы в меньшинстве, но Вы сделали бы возможное, и никто не упрекнул бы Вас в том, что Вы отступили с полпути. Мы знаем: Вы опасались не за себя, Вы думали о народе. Но истерзанный гонениями народ ждет от Вас не только защиты от насилий, но прежде всего мужественной борьбы.

В течение ряда лет, в атмосфере клеветы, наглого гоготания и снисходительного доброжелательства Вы с достоинством несли бремя еврейских депутатов. Мы ждем, что Вы покинете блок, пренебрегший жизненными интересами шести миллионов русских граждан, и будете мужественно продолжать борьбу за право и честь народа»⁸⁵.

Самая острая полемика относительно сложившейся ситуации произошла на заседании Пленума бюро 17 марта 1916 года. По мнению М. М. Винавера, главную роль в создавшейся ситуации сыграл председатель Думы октябрист М. В. Родзянко, «который стал пускать в ход угрозы и обещания... Затем пригласил к себе Милюкова и говорил с ним о том, что он принял бы меры к отмене циркуляра, если бы получил обещание, что запрос будет снят»⁸⁶. На этом заседании обсуждалось несколько вариантов реакции на сложившееся положение: евреям-депутатам «публично отмежеваться от Блока, выйти из Кадетской фракции и образовать самостоятельную национальную фракцию... уйти из Блока, но остаться в кадетской фракции... убедить саму Кадетскую фракцию снять этот запрос»⁸⁷. Одновременно

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 9458 (Бомаш М. Х.) Оп. 1. Ед. хр. 70.

⁸⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.

⁸⁷ Там же. Л. 3.

предлагалось депутатам сделать заявление в прессе о том, что «они вступили в Прогрессивный Блок механически, вместе с Кадетской фракцией, но, якобы, при этом они сделали еще тогда заявление о сохранении самостоятельности своих выступлений в связи с еврейским вопросом»⁸⁸. В итоге предложение о выходе из Прогрессивного Блока не прошло. Но на этом дискуссия не завершилась. Тон на этом заседании задавали сионисты. Б. Д. Бруцкус в своем выступлении заявил: «Политическое Бюро приняло неверную тактику в своей деятельности. Когда оно постановило прекратить прения и воздействовать на кадетов... Раз запрос был поставлен, то какие бы то ни было шаги против него были уже невозможны. Евреи не имели права этого делать... Их долгом было вынести еврейский вопрос на трибуну. Клевета на евреев разносится по всей России, и трибуна Государственной Думы для нас одно из лучших средств борьбы с нею. Если мы правы, то нам нечего бояться отрицательных вотумов. Мы обязаны были требовать от кадетов защитить запрос. Мы же пошли правокадетской тактикой, тактикой Милюкова... Говорят, нас ожидал провал запроса. Но впервые ли нам проваливаться вместе с оппозицией? То обстоятельство, что Блок потерпел бы [поражение] при постановке еврейского вопроса, нас не должно интересовать. Что же теперь получилось? Провал в квадрате... Еврейские депутаты признали удовлетворительным объяснение правительства. Это совершенно неслыханно. Среди лучших людей создалось мнение, что мы сняли запрос потому, что испугались невозможности доказать нашу правоту. Мы закрепили клевету за нами... Мы опозорены, и должны думать о том, как выйти из создавшегося положения»⁸⁹. Бруцкуса поддержал другой видный деятель российского сионизма, редактор газеты «Тогблат» И. Гринбаум. Видимо, только что вернувшись из Москвы, он заявил, что «филиал» Политического бюро в Москве считает, что «в Питере П. Б. боится выступить в Государственной Думе из-за возможности провала [выделено в тексте. — В. К.]. Москва постановила требовать от депутатов-евреев выхода из Блока, ибо

⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 3.

⁸⁹ Там же. Л. 5.

выход из Блока есть дело чести еврейского народа»⁹⁰. Далее он сказал, что «в провинции давно уже сложилось мнение о том, что надо покончить с политикой трусости. Настало время громких и ясных слов. Надо иметь смелость уйти из кадетской фракции и образовать самостоятельную национальную фракцию»⁹¹.

Решительно против подобной тактики выступил Г. Б. Слиозберг. По его мнению, снятие запроса не было провалом. А причину случившегося он видел в том, что еврейская общественность «пляшет на двух свадьбах». Так он охарактеризовал двойное «подчинение» евреев-депутатов, имея в виду национальный долг и партийную дисциплину членов кадетской фракции. Он назвал это «несчастливым стечением обстоятельств». Многоопытный юрист и политический деятель, начинавший свой путь еще в эпоху штатланута, Слиозберг говорил: «Еврейская политика есть часть общей политики, а общую политику нельзя целиком сворачивать с намеченного ею пути. Евреи связывают свою борьбу с общеполитической борьбой, и потому они должны бороться, оставаясь во фракции. Можно и должно ругаться с кадетами, но надо по-прежнему делать свое дело. Это будет не очень храбро, но политически благоразумно»⁹².

Разброс мнений на этом заседании был велик как никогда. В. С. Мандель считал, что Политическое бюро продемонстрировало «наивность, когда решило, что придет Кафафов и сделает все возможное, чтобы оправдаться, что Прогрессивный Блок будет поддерживать еврейский запрос». «Разве можно думать, — воскликнул он, имея в виду правых прогрессистов, — что Савенко, Шульгин и другие перестанут быть антисемитами?»⁹³ Более того, Мандель назвал связь евреев-депутатов с Прогрессивным блоком «противоестественной», призвал не бояться выхода из него и даже разрыва с кадетами⁹⁴. Юрист, историк и уже тогда

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. В этих выступлениях отразилась старая полемика сионистов с либералами, в первую очередь с Винавером, по вопросу о создании в Думе собственной национальной фракции (*Кельнер В. Е.* «Их цели могут быть высоки, но они — не наши цели». С. 114–132).

⁹² ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 7.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

известный публицист И. А. Клейнман во всех бедах обвинял кадетскую фракцию, которая, по его выражению, «пустилась на парадоксы военного времени». По его мнению, выход евреев из блока лишь «развяжет его правую часть руки, ибо наличность евреев в блоке портит их отношения направо и налево». Но разрыв с кадетами он считал мерой преждевременной хотя бы до того времени, пока «они не завершат борьбу со старым режимом, нам с ними по пути»⁹⁵.

На этом заседании сионисты продолжили свои нападки на либералов. Один из лидеров российского сионизма тех лет, М. С. Алейников возложил всю ответственность за провал на «руководящую группу еврейских деятелей». Имея в виду Винавера, он сказал: «Максим Максимович указывал, что вина Политического Бюро в том, что оно не вело одной определенной политики». И далее он констатировал: «Мы приняли ошибочную тактику. Мы решили, что нам необходимо связаться с какой-нибудь русской политической партией. Нам навязывали идею: только в чужой упряжке, только политическая несамостоятельность... Из-за нее мы в блоке... Вместо взгляда на Думу как на трибуну (так мы смотрели на III Думу), мы начали смотреть на IV Думу как на Думу, выражающую народную волю, начинаем бояться провала. Если бы было предложено, чтобы еврейские депутаты перешли из кадетской фракции во фракцию социал-демократов, я был бы против. Нечего ползти за другими, надо уйти в себя. Предложение уйти из Блока есть поворотный пункт нашей политики. Он возможен и во время войны»⁹⁶. В то же время сторонник социалистического крыла сионистского движения, публицист И. Р. Ефройкин обвинил часть членов Бюро в том, что они рассматривают все вопросы текущей политической жизни «только как евреи и забывают все остальное». Он говорил: «Вы отказываетесь от общеполитической борьбы. Где почва для независимой еврейской политики?» И далее уверял: «До тех пор, пока мы живем в чужом государстве, у нас не может быть независимой политики»⁹⁷.

⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102.. Л. 8–9.

⁹⁶ Там же. Л. 9.

⁹⁷ Там же. Л. 11.

За выход евреев-депутатов из Прогрессивного блока выступал и один из известнейших в то время русско-еврейских публицистов И. М. Бикерман⁹⁸.

В известной степени итог дискуссии подвел председательствовавший на этом заседании М. М. Винавер. Его речь была направлена на то, чтобы в какой-то степени отрезвить «горячие головы» и вернуть членов Политического бюро в русло реальной политики. В своем выступлении он сказал: «Мы все согласны в том, что вынесение еврейского вопроса на трибуну Государственной Думы не может быть предметом демонстрации. Чрезвычайные условия военного времени вызвали чрезвычайные обстоятельства для евреев. Родился навет. Он с колоссальной быстротой нарастает в обществе. Борьба с ним очень трудна, но никто от нее не отказывается. Внесен запрос о навете, потому что естественно было реагировать на случившееся. Рассчитывали, что Блок примет его. Блок заколебался только в тот момент, когда вопрос был переведен на шпионаж и участие военных властей. Для всех ясно, что говорить надо, но когда и при каких условиях? Борьба с наветом необыкновенно трудна... Речь шла о том, чтобы дать сражение теперь или при более благоприятной обстановке. Чтобы развернуть сражение, недостаточно трех еврейских депутатов и неподготовленных кадетов. Мы упустили из вида настроения наших депутатов, и в этом наша ошибка. Дело приняло неожиданный поворот, и все перевернулось вверх дном... Выход из Блока — есть выход из фракции, на это имеются совершенно определенные данные». И далее Винавер с определенной степенью сарказма сказал: «Если бы я был в Государственной Думе один, то, уходя из фракции, я образовал бы еврейскую национальную фракцию»⁹⁹. Все же он вынужден был признать, что его партия, интересы которой он постоянно отстаивал во всех еврейских структурах, вела себя в думской дискуссии не вполне последовательно. Но при этом Винавер постоянно подчеркивал: без участия кадетов он не видит путей решения еврейского вопроса. В том же выступлении он сказал: «Кадетская активность, несомненно, ослабла в военное время. Однако уход из фракции

⁹⁸ Там же. Л. 12.

⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 12–13.

и из Блока для нас представляет большое зло. Помимо принципиальных соображений, он изъе́млет нас из среды, где мы можем агитировать в благожелательной обстановке... Уход даст только минусы. Если бы кадетская партия совершила безумие только по отношению к евреям, тогда другое дело, но ведь это делается как общая политика, и в этот момент Вы хотите освободить кадетов от их обязанностей. Вся психология русского общества зашаталась. Нельзя оставить группу, на которую мы можем возлагать наши надежды. Надо идти тем же фронтом»¹⁰⁰.

В то же время на фоне политики Прогрессивного блока куда более радикальными и решительными являлись выступления в защиту российского еврейства со стороны социал-демократов и трудовиков. Особенно энергично действовал в этом направлении депутат-трудо́вик А. Ф. Керенский. Именно к нему и обратилось Бюро с просьбой совершить специальную поездку в прифронтовую полосу и на месте разобраться с создавшимся положением¹⁰¹. В бюро справедливо рассудили, что свидетельство депутата-нееврея будет гораздо весомее, чем очередной демарш одного из трех депутатов-евреев. Эту поездку в прифронтовую полосу он совершил совместно с писателем Н. В. Коробкой. Керенский после поездки в прифронтовую черту выступил с разоблачениями инспирированной военными властями шпиономании и антисемитской кампании. Бюро также инициировало поездку в те же районы народного социалиста, экономиста Н. П. Огановского, человека, также близкого к Трудовой фракции в Думе. В написанной по результатам этой поездки статье он продемонстрировал тот факт, что массовые выселения евреев привели к большим экономическим потерям и организационным неурядицам в тылу¹⁰². Все эти события привели к кризису в работе Политического бюро. Особенно яростной атаке его политика подверглась со стороны сионистов и левой печати.

¹⁰⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 102. Л. 13.

¹⁰¹ Думается, что с А. Ф. Керенским Бюро связывалось прежде всего при посредничестве его политического единомышленника Л. М. Брамсона, одного из руководителей Еврейской демократической группы.

¹⁰² Огановский Н. П. У евреев в Литве // Северные Записки. 1915. Т. 7/8. С. 172–191. В 1916 г. вышла в свет его книга «Враги ли евреи русскому народу».

Инцидент с «кафафовскими циркулярами» так ничему и не научил руководителей Прогрессивного блока. Они считали, что для достижения своих целей придется чем-нибудь пожертвовать. И, как это уже не раз бывало в истории, первой и наиболее «логичной» жертвой становилось равноправие евреев. Особенно ярко это проявилось в дебатах по крестьянскому вопросу. Политическое бюро потребовало от своих депутатов использовать эти дебаты для того, чтобы вновь поставить на повестку дня еврейский вопрос¹⁰³.

М. И. Шефтель при обсуждении на бюро роли евреев-депутатов в прохождении в Думе крестьянского закона настаивал на том, что этот «вопрос представляет важность, превосходящую важность фракций, блока, выхода из него и так далее. Этот вопрос надо обсудить с точки зрения будущего еврейского вопроса. Вопрос о борьбе — если бы не борьба, то еврейским депутатам нечего было бы делать в Думе. Мы должны не пропускать ни одного момента»¹⁰⁴. Н. М. Фридман 7 июня 1916 года при обсуждении крестьянского закона вновь не преминул выступить с критикой тактики Прогрессивного блока. Он сказал: «Евреи хорошо понимают, что если гражданскому равенству суждено пройти не сразу, то прежде всех должны быть раскрепощены крестьяне, но и крестьяне должны понять, что пока у нас будут граждане второго разряда, то и они не станут гражданами первого разряда. Среди граждан не должно быть никаких сортов и никаких разрядов»¹⁰⁵. Однако В. А. Маклаков, бывший докладчиком по этому вопросу от Прогрессивного блока, заблокировал включение «еврейских поправок»¹⁰⁶. Известный деятель партии кадетов, адвокат на процессе Бейлиса, теперь в Думе он из тактических соображений противился включению еврейского вопроса практически во все запросы. Эту политику он продолжал и при проведении крестьянского законодательства. Кадеты рассчитывали на то, что этот важный для них закон пройдет в Думе без особого сопротивления со стороны правых. Но Политическое бюро, согласно

¹⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 20–25.

¹⁰⁴ Там же. Л. 25.

¹⁰⁵ Из недавнего прошлого: речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. С. 42.

¹⁰⁶ Будницкий О. В. В. А. Маклаков и еврейский вопрос. С. 59.

своей доктрине, рассчитывало через депутатов распространить закон о крестьянском равноправии и на еврейское население. Маклаков писал по поводу желания еврейских представителей «дополнить крестьянское равноправие еврейским»¹⁰⁷. Естественно, это должно было «взорвать» всю правую, националистическую часть Думы и грозило провалом всего законопроекта¹⁰⁸. Но поддержанные Политическим бюро депутаты-евреи продолжали настаивать на своем. В итоге Маклаков пошел на прямое нарушение партийной дисциплины и самовольно снял «проеврейскую» формулировку кадетской фракции. В сложившихся обстоятельствах в Политическом бюро прозвучали антикадетские предложения и были даже предприняты попытки переориентироваться на трудовиков и крестьянских депутатов¹⁰⁹. Выступая в бюро, Н. М. Фридман предупредил о том, что «во фракции большинство против внесения еврейских поправок, так как законопроект совершенно не касается евреев, что законопроект крестьянский. Если же евреи внесут поправку, и вопрос перейдет в Блок, то большая часть Блока будет голосовать против, а кадеты, в лучшем случае, воздержатся от голосования»¹¹⁰.

В ходе бурной дискуссии С. М. Дубнов заявил: «Считая судьбу поправки предрешенной, мы должны воспользоваться внесением поправки лишь как поводом для общей декларации по еврейскому вопросу»¹¹¹.

Винавер, подводя итоги дискуссии по использованию дебатов вокруг крестьянского закона, признавался в том, что возбуждал вопрос об этом в ЦК партии кадетов. Но в партии,

¹⁰⁷ Будницкий О. В. В. А. Маклаков и еврейский вопрос. С. 58.

¹⁰⁸ Сам В. А. Маклаков писал позднее о том, что, по его мнению, опасность провала принятия этого столь важного документа «выходила не от противников, а от друзей, которые им хотели воспользоваться, чтобы под видом поправок протащить контрабандою новые нормы, ничем с рассматриваемым законом не связанные». Он даже подчеркивал, что «худший враг евреев не мог бы придумать более ложного, для самих евреев более вредного шага» (Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 365).

¹⁰⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 31. Была даже высказана мысль о том, что «кадеты стесняются выступать по еврейскому вопросу» (Там же. Л. 42).

¹¹⁰ Там же. Л. 73. Подобные действия кадетов вызывали острую реакцию еврейской общечественности во многих концах страны (см.: Будницкий О. В. В. А. Маклаков и еврейский вопрос. С. 59–60).

¹¹¹ Там же. Л. 74.

признал он, «боятся реакции крестьянства»¹¹². Все это делало положение Винавера в партии все более сложным. На заседании ЦК кадетов 19 апреля 1915 года М. М. Винавер предложил принять подготовленный им проект довольно решительной резолюции ЦК по еврейскому вопросу. Он просил не откладывать принятие резолюции, «поскольку настроение против евреев нарастает даже в либеральных кругах...». Но П. Н. Милюков, поддержанный другими членами ЦК, выступил против принятия такой резолюции. Он счел, что обвинение со стороны Винавера и евреев-депутатов Думы в замалчивании еврейской проблемы «оскорбительно и для партии». Милюкова поддержал Ф. Ф. Кошкин, считавший неудобным выступление кадетов по еврейскому вопросу в то время, когда партия не высказывается по другим вопросам внутренней жизни. В итоге ЦК принял решение образовать очередную специальную комиссию для подготовки доклада по еврейскому вопросу на предстоящей в июне партийной конференции¹¹³.

Долгожданный доклад по еврейскому вопросу наконец-то был зачитан от имени ЦК Партии кадетов М. М. Винавером на состоявшейся 6–8 июня конференции и был единогласно одобрен. В докладе подробно описывались ужасы, пережитые еврейским населением прифронтовой полосы за 10 месяцев войны, но не прозвучало ни слова упрека в адрес военных властей. Предложенная конференции и принятая ею резолюция не содержала конкретных предложений, да и в самом докладе оказалась обойдена такая острая проблема, как роль армии и высшего командования в массовых преследованиях евреев¹¹⁴.

Личное положение в партии сделало уязвимой позиции Винавера в Политическом бюро. Он подвергался критике со всех сторон. И хотя в этой дискуссии социалисты были как бы «сторонними наблюдателями», они все же не удержались от того, чтобы «досадить» своему давнему противнику¹¹⁵.

¹¹² Там же. Л. 70.

¹¹³ Протоколы Центрального Комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 72–74.

¹¹⁴ Из «черной книги» российского еврейства: материалы для истории войны 1914–1915 гг. // Еврейская старина. 1918. № 10. С. 197–227.

¹¹⁵ Заславский Д., Иванович Ст. Евреи и кадеты. Пг., 1916.

И все же Винавер не прекращал своих попыток совместить национальные и партийные интересы.

На заседаниях Политического бюро он вновь и вновь выступал против радикальной политики, предлагаемой в первую очередь сионистами. «Нужно дать возможность бороться в партии, входящей в Блок», — заявлял он и призывал «создать единую еврейскую политику», а толерантность идеологов, по его мнению, «состоит в том, чтобы быть ближе к реальности»¹¹⁶.

В мае 1916 года в Красноярске произошел еврейский погром. До сих пор на территории Сибири погромов не было. Для того чтобы разобраться в сложившейся ситуации, на место выехал активный участник работы бюро юрист И. А. Клейнман. Он установил, что погром традиционно проходил при бездействии местных властей¹¹⁷. Вернувшись в Петербург, Клейнман информировал бюро об этих событиях, и бюро инициировало возбуждение запроса в Думе. По этому случаю в Думе выступил депутат Н. М. Фридман. Он не только нарисовал картину произошедшего, но и назвал имена руководителей администрации, виновных в бездействии по отношению к погромщикам¹¹⁸. Следует отметить, что военная цензура сразу же наложила запрет на любую информацию об этом событии. Заседание Думы было проведено в закрытом режиме, но все же запрос был принят.

Летом 1916 года резко обострились разногласия внутри Политического бюро. Сказывалось то, что в его состав входили представители самых различных политических направлений: от либералов до сионистов. Винаверу постоянно приходилось лавировать между своими однопартийцами и членами Политического бюро. Он всемерно старался отстаивать кадетскую «линию поведения» в еврейском вопросе. Это вызывало неприятие со стороны ряда членов бюро: так, резко против проводимой Винавером политической линии выступали представители сионистского

¹¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 18.

¹¹⁷ Клейнман И. А. Первый погром в Сибири // Еврейская летопись. Л.; М., 1924. Сб. 3. С. 130–133.

¹¹⁸ Там же. С. 133. Исключение составил ротмистр Игнатов, который был ранен при попытке воспрепятствовать погромщикам.

движения¹¹⁹. Один из руководителей сионистского движения в России М. С. Алейников раз за разом призывал к тому, чтобы бюро преодолело «психологию блока» и не отказывалось из-за «тактических соображений и партийной дисциплины» ни от каких поправок. Другой видный сионист, И. Гринбаум требовал, чтобы в Думе «еврейский вопрос был поставлен в целом и даже, в случае отказа Кадетов — ставить этот вопрос самостоятельно»¹²⁰. Депутат Думы М. Е. Бомаш с горечью констатировал свое положение как депутата-кадета: «Мы вступали в войну с большими надеждами, а теперь все боятся за свою шкуру. Я крайних левых убеждений, но в Думе я консерватор. Сиди и не рыпайся»¹²¹.

Винавер вступил с ними в полемику. Он объяснял эти разногласия тем, что «столкнулись разные тактики... и вот получился печальный результат». Далее он задал собравшимся риторический вопрос: «Что значит выход из Блока? Евреи будут голосовать с социал-демократами, а не с кадетами?»¹²² Он настойчиво пытался убедить собравшихся в том, что евреи-депутаты, единственные в Думе представители своего народа, лишившись союзников в лице либералов, будут обречены на безгласие. Ведь настоящая законодательная сила находилась в руках Прогрессивного блока.

Особенно часто Винавер был вынужден полемизировать со своим старым оппонентом О. О. Грузенбергом¹²³. Достаточно жесткой критике он подвергался со стороны И. М. Бикермана и Г. А. Ландау. Винавер, обеспокоенный разногласиями между Бюро и его кадетской партией, пытался «воздействовать» на руководство своей партии. Он добивался от него большего участия и сочувствия в решении еврейского вопроса в Думе¹²⁴.

¹¹⁹ Возможно, в этом сказывалась и старая вражда между Винавером и лидерами российского сионизма, зародившаяся еще в начале века (*Кельнер В. Е.* «Их цели могут быть высоки, но они — не наши цели». С. 114–132).

¹²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2129. Д. 68. Л. 15.

¹²¹ Там же. Л. 87.

¹²² Там же.

¹²³ *Фрумкин Я. Г.* Из истории русского еврейства. С. 87. О враждебном отношении к Винаверу со стороны Грузенберга вспоминал и А. Ф. Перельман (*Перельман А. Ф.* Воспоминания. С. 115).

¹²⁴ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3, кн. 1: 1915–1917 гг. С. 146. Разногласия между частью еврейской общественности

В ходе войны давление на общественное мнение страны со стороны еврейской интеллигенции постоянно возрастало¹²⁵. В то же время настойчивость, с которой Политическое бюро и лично Винавер проводили свою линию, вызывали раздражение среди некоторых его партийных товарищей. Это заставляло его разрываться между национальным и партийным долгом¹²⁶.

и руководством Партии кадетов несколько раз выливались в публичные инциденты. Однажды Винаверу даже пришлось извиняться перед Милюковым по одному из таких случаев: «Дорогой Павел Николаевич, у меня в доме, в заседании, происходившем под моим председательством, произнесены были одним из ораторов по Вашему адресу слова: “Вы еще успеете отступить”, за которые я должен был бы перед Вами извиниться. Не успел этого сделать тогда же по случайным причинам (между прочим, потому, что Вам пришлось уйти до конца речи оратора) — я считаю душевным долгом хоть теперь, в письменной форме, принести Вам мое глубокое искреннейшее извинение. Сердечно преданный М. В. 8 марта 1916 г.» (РНБ ДП. Ф. 482 (Милюков П. Н.). Д. 110. Письмо М. М. Винавера).

¹²⁵ Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны.

¹²⁶ В. А. Маклаков вспоминал: «Я никогда не забуду одного интересного вечера в Петербурге, когда на квартире Винавера был, не помню по какому поводу, ужин и собеседование выдающихся евреев и заведомых русских не антисемитов. Я помню эту нетерпимость и требовательность еврейства, чтобы мы, русские-христиане, не смели предпочитать свою культуру и себя им. Калманович, один из тех евреев, которого я глубоко любил и уважал, провоцировал меня говорить, хотя я не хотел, и я оказался тогда белой вороной в этом лагере, так как вполне разошелся и с Шингаревым, и с другими ораторами. Но когда мы с этого ужина ушли, многие молчавшие мне выражали сочувствие. Вот это другая позиция, другая психология, которую я тоже не перевариваю, хотя и могу понять ее психологию» (Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин: переписка 1919–1939 гг. / публ., вступ. ст. и прим. О. В. Будницкого. М., 2012. С. 372–373). И хотя эта встреча, возможно, проходила не в годы войны, а скорее относилась к периоду так называемого «Чириковского инцидента» (Кельнер В. Е. Русская интеллигенция и «еврейский вопрос» в начале XX в. С. 73–86), все же сама атмосфера столкновения русского либерального высокомерия с еврейской настойчивой требовательностью к ней передана здесь в полной мере. В условиях войны эти чувства с обеих сторон только обострились.

Глава 12

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО МЕЖДУ ЛОББИЗМОМ И ЮДОФИЛИЕЙ

Для нас, христиан, еврейский вопрос совсем не есть вопрос о том, плохи или хороши евреи, а есть вопрос о том, хороши или плохи мы, христиане.

Н. А. Бердяев

Широкая лоббистская деятельность в годы войны проходила не только в Думе. Она распространялась на самые разные слои российского общества. И в момент, когда военные тяготы обострили антимонархические настроения, еврейский вопрос стал вновь обсуждаться и выступать мерилom прогрессивности и либерализма. Если политический лоббизм был связан с надеждой на то, что участие евреев в войне и поиски равновесия в обществе заставят власти пойти на кардинальные реформы законодательства, то для многих представителей отечественной интеллигенции защита еврейского населения стала делом принципа и объединила самые разные силы.

Положение еврейского населения не оставило равнодушной и часть российской интеллигенции. Активно собирались подписи под протестом против репрессий в отношении еврейского населения. Группа либерально настроенных литераторов и общественных деятелей объединилась в «Русское общество изучения еврейской жизни»¹. Инициаторами его создания выступили

¹ В мае 1915 года М. Горький писал литератору С. В. Малышеву: «Вы не можете себе представить, что теперь делают с еврейским населением Польши! Уже выслано до полумиллиона, высылали по 15–20 тысяч — все еврейское население города — в 24 часа! Говорят, что массовое обвинение евреев в измене, предательстве вызвано желанием объяснить наши военные неудачи... Я думаю — иначе: антисемитизм пропагандируется... — в целях разбить оппозицию на еврейском вопросе. Пропаганда ведется успешно. Жить — стыдно!» (М. Горький — С. В. Малышеву. После 10 мая — июнь 1915 г. // Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 927).

М. Горький, Л. Андреев и Ф. Сологуб². Вновь государственный антисемитизм стал восприниматься частью русской либеральной интеллигенции как олицетворение самодержавия, ведущего страну к национальной катастрофе. Правда, осознание этого пришло не сразу. Первоначально военный экстаз охватил самые широкие круги общества. Известный сионистский публицист А. Д. Идельсон считал, что Россия в годы войны «очутилась перед таким подъемом антисемитской волны в массах, что даже либеральные элементы не считали для себя возможным бороться против еврейских наветов. Все это, мол, относится к войне,

² Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны. С. 66–92; Розенталь И. Москва начала XX века: Евреи, власть, общество.

В то же время далеко не все видные общественные деятели, принадлежавшие к либеральной и демократической оппозиции, подписали письмо с протестом против массовых выселений евреев из прифронтовой полосы и огульных обвинений в шпионаже в пользу противника. Среди тех, кто воздержался от подписания этого письма, были, например, видный кадет, член II, III, IV Государственной думы, московский городской голова М. В. Челноков, философ Е. Н. Трубецкой. Последний на предложение подписать это воззвание ответил: «Я могу подписать эту бумагу, если будет прибавлено, что для “них” должно сохранить черту оседлости за 50 верст от пограничной полосы» (*Хин-Гольдовская Р. М. Из дневников 1913–1917. С. 554*). По разным причинам не подписали и ведущие деятели Партии кадетов, депутаты Думы Ф. Ф. Кокошкин и В. А. Макалов (*Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. С. 345*). Нельзя не отметить, что дело Мясоедова, инспирированное контрразведкой, имело попутно и антисемитскую окраску, так как женой объявленного шпионом полковника была некогда принявшая православие еврейка (*Шацкис К. Д. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 103–116; Фуллер У. «Внутренний враг»: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009*). Одним из тех, кто «сконструировал» это дело, был будущий генерал-лейтенант Советской армии, а тогда начальник штаба Северо-Западного фронта, один из активных проводников антисемитской кампании в прифронтовой полосе, генерал-майор А. Д. Бонч-Бруевич. С. Е. Трубецкой, бывший в 1916 году уполномоченным Всероссийского Земского союза на Северо-Западном фронте и главой Рабочей комиссии, уже в эмиграции вспоминал: «... ген. Бонч-Бруевич, в порыве антисемитских чувств, которыми он тогда щеголял, предложил комиссии высказать пожелание о... выселении поголовно всех (кроме военных) врачей-евреев из прифронтовой полосы и даже тылового района». На возражения Трубецкого генерал обвинил его в филосемитизме. «Это меня взорвало, — писал Трубецкой. — “Я не филосемит, — ответил я генералу — но простите за откровенность, ваш антисемитизм я считаю, в данном случае, антигосударственным и не желаю нести моральную ответственность за его последствия...”» Вскоре после Февральской революции он встретил Бонч-Бруевича... с красным бантом на груди (*Трубецкой С. Е. Минувшее. Париж, 1989. С. 126*).

а к явлениям войны нужно относиться бережно, хотя бы речь шла о благополучии и добром имени целого народа...»³

По-видимому, создание «Русского общества для изучения еврейской жизни» инициировалось одновременно несколькими известными литераторами и общественно значимыми деятелями⁴. На какое-то время в тень ушли былые разногласия и противоречия. В декабре 1914 года М. Горький писал Е. Пешковой: «...ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидев мою подпись рядом с именами людей, очень чуждых мне: Андреева и Сологуба! Каково? Мы задумываем анкету по вопросу об антисемитизме, — а? Не веришь? Может быть, даже и более того затеем»⁵. Не менее активно выступал в этом вопросе Л. Андреев. Он давно уже был связан с руководителем фактически действовавшего под эгидой Еврейской народной группы издательства «Разум», соратником Винавера С. В. Познером. Произошла многочасовая встреча Горького и Андреева, на которой, видимо, и решили предпринять определенные шаги по созданию «Общества». С. Познер вспоминал: «после первого свидания с Л. Н. Андреевым — непродолжительного — я посетил его еще раза два, и во время этих свиданий Л. Н. говорил мне о своем намерении выступить в печати со статьей по еврейскому вопросу и говорил даже о желательности устройства собрания писателей по тому же вопросу»⁶. Последующие встречи проходили на квартирах С. Калмановича и Винавера. В них принимали участие, помимо инициаторов (Андреева, Горького и Познера), историк П. Щеголев, издатель З. Гржебин и постоянный соратник Винавера тех лет М. Тривус. Вскоре к ним присоединились Ф. Сологуб и его жена А. Чеботаревская. Горький сообщал находящемуся в ле-

³ Идельсон А. Тяжелое наследие: (Вместо предисловия) // Из недавнего прошлого: речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. Пг., 1917. С. 7–8.

⁴ А. Л. Соболев, наиболее, с нашей точки зрения, аргументировано осветивший эту историю, считает, что первоначальным толчком послужило знакомство жены Ф. Сологуба А. Чеботаревской со статей Л. Андреева «Первая ступень» в газете «Утро России» (Соболев А. Л. *Sub scuto*: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // *Donum homini universalis*: сб. статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. М., 2011. С. 329–330).

⁵ Архив А. М. Горького: в 16 т. М., 1966. Т. 9. С. 164.

⁶ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2019. Л. 1.

чебнице Л. Андрееву: 21-го декабря [1914 г. — В. К.] назначили у Винавера собрание по вопросу об организации русской лиги филосемитов [русского общества изучения жизни евреев]»⁷. В самом конце декабря 1914 года было создано Бюро нового общественного объединения. Возглавили его три популярных в ту эпоху писателя: Л. Андреев, М. Горький и Ф. Сологуб. Отметим сразу, что более разных людей, чем они, трудно было бы найти. Но в данный момент они сходились в одном: травля еврейского населения позорит отечество и мешает ведению военных действий, приводит в расстройство экономическую и социальную жизнь страны, отравляет ее духовную атмосферу. Секретарем «Общества» стал С. Познер. Хотя формально «Общество» было официально зарегистрировано только 28 апреля 1915 года, действовать оно начало еще в конце 1914 года.

Евреи, в большей или меньшей степени, входили в окружение всех трех руководителей. Особую роль играл близкий к Горькому человек — издатель З. Гржебин⁸. Именно его издания, в том числе журнал «Отечество», взяли на себя основные функции по распространению идей Общества и его информационной деятельности. Большая роль в этом деле также принадлежала журналам «Летопись» и «Северные записки». Свою работу «Общество» решило начать основательно. Поэтому первым пунктом программы стало «Устройство анкеты среди представителей науки, литературы, искусства и практической жизни России по еврейскому вопросу, устройство анкеты о последствиях мировой войны среди выдающихся ученых и писателей-евреев на Западе и устройство лиги борьбы с антисемитизмом»⁹. Вскоре на одном из заседаний свои варианты анкеты представили М. Горький, П. Щеголев, М. Тривус и С. Познер. Обобщить все варианты и представить единую концепцию анкеты были призваны Д. Овсяннико-Куликовский и Винавер. Окончательную редакцию анкеты предоставили С. В. Познеру. Следующее собрание проходило на квартире врача Н. Кетчера, который еще в начале века поднимал еврейский вопрос на съездах Пироговского

⁷ Литературное наследство. Т. 72. С. 254.

⁸ Динерштейн Е. А. Синяя птица Зиновия Гржебина. М., 2014.

⁹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2019. Л. 2.

общества — главного объединения медиков России. На этом заседании, руководимом видным кадетом А. Шингаревым, М. Горький и Л. Андреев предложили выпустить в свет сборник, в который они предполагали включить как наиболее яркие ответы на анкеты, так и статьи по еврейскому вопросу. Тут же было решено обратиться к русскому обществу со специальным воззванием на эту тему¹⁰. Первоначально текст воззвания появился на страницах издаваемого З. Гржебиным журнала «Отечество». Затем его перепечатали многие другие периодические издания.

Анкета, подписанная М. Горьким, Л. Андреевым и Ф. Сологубом, гласила:

«Милостивый государь!

Вам известно трагическое положение евреев в России, Вы знаете, что, несмотря на свое бесправие в стране, евреи всегда принимали энергичное участие в культурной жизни русского общества, в его борьбе за свободу, право, за лучшее будущее.

Вам известно также, что в тяжелые для нашей страны дни еврей рука об руку с русскими, не щадя своей жизни, защищают Русь от врага.

Это бескорыстное участие в обороне России должно бы задержать постыдное развитие идей и настроений антисемитизма на Руси; мы не говорим — уничтожить, но хотя бы задержать.

Однако рост зоологической вражды к евреям не прекращается, напротив — мы со стыдом должны признать, что кошмар мировой бойни, возбуждая в людях звериные чувства, явно способствует вящему развитию антисемитизма в русском народе.

Это постыдно, невыносимо постыдно; мы хотим в меру сил наших бороться с этим явлением, угнетающим нашу совесть.

Мы обращаемся ко всем честным и разумным русским людям с просьбою дать откровенные ответы на вопросы, поставленные нами.

Собрав эти ответы воедино, мы издадим их книгой, которая, быть может, окажется способной помочь русским людям, еще не думавшим об этих вопросах, разобраться в них и поискать возможностей для активной защиты евреев в их борьбе за равноправие вместе с нами, гражданами страны, культуре и свободе

¹⁰ Там же. Л. 3.

которой евреи служат так же честно, так же энергично, как служили и служат ей лучшие русские люди.

Думаете ли Вы, что антисемитизм, как общественное явление, возник у нас и распространился под влиянием западноевропейского антисемитизма.

Какое влияние может иметь рост антисемитизма на культурное развитие русского народа.

Какое влияние антисемитизма на хозяйственный рост России.

Какое влияние имеет на рост антисемитизма у нас самый факт еврейского бесправия.

Не кажется ли Вам, что антисемитизм, дающий, ввиду разноплеменности России, благодарную почву для развития расовых и националистических предрассудков, имеет для России особо пагубное значение.

Какова, по Вашему мнению, роль евреев в искусстве, науке и общественно-культурной жизни Западной Европы и России.

Не можете ли Вы сообщить Ваши личные наблюдения и воспоминания, относящиеся к деятельности евреев в различных областях духовной и практической жизни в России и на Западе.

Какие Вам представляются возможные меры для активного противодействия распространению в России расовой и национальной вражды»¹¹.

Избранные ответы на эту анкету были напечатаны в газете «Утро России»¹². Ее редактором числился свояк Л. Андреева А. Алексеевский.

Устроители «Общества» были более всего заинтересованы не только в распространении анкеты, но и в том, чтобы на нее откликнулись наиболее значимые представители русской культуры и общественной жизни. Кроме текста анкеты рассылалось письмо за подписью учредителей «Общества»: Горького, Андреева и Сологуба. Так, в письме, полученном Е. Чириковым, говорилось: «...в интересах дела было бы весьма желательно получить отзывы от всех видных представителей литературы,

¹¹ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 2020. Л. 1–2.

¹² Утро России. 1915. 7 март.

искусства и практической жизни, к числу коих Вы несомненно принадлежите...»¹³ В итоге в течение года ответы были обобщены и проанализированы в докладе, с которым М. Горький выступил 12 декабря 1915 года на общем собрании членов «Общества», затем доклад был опубликован в журнале «Летопись»¹⁴.

Основные хлопоты по организации «Общества» пришлись на январь — февраль 1915 года. Побывавший в январе в Петербурге перед отъездом в армию писатель Пришвин после посещения домов ряда своих коллег оставил в дневнике следующую запись: «Оставшееся впечатление: обсуждение еврейского вопроса у Сологуба, встреча с Андреевым и Горьким. Блок у Сологуба. Нападение жидов»¹⁵. Упоминание А. Блока в этом ряду не случайно. Его юдофобия не была широко известна. Человек крайне осторожный и дороживший своим реноме, он, в условиях широкого развития юдофилии, мог позволить себе те или иные антисемитские высказывания лишь в дневнике да в письмах ближайшим корреспондентам. В конце концов, ведь подписал же он некогда известное обращение интеллигенции в защиту Бейлиса. Предлагали ему присоединиться и к «Русскому обществу для изучения жизни евреев». Особенно неумеренно настойчива была в деле сбора подписей жена Ф. Сологуба А. Чеботаревская. Даже в случае уклонения тех или иных людей она продолжала настаивать, так как считала это долгом каждого русского интеллигента.

¹³ Цит. по: Никитина М. А. А. М. Горький и Ф. Сологуб: (К истории отношений) // Горький и его эпоха: исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 193.

¹⁴ Горький М. По поводу одной анкеты // Летопись. 1916. № 1. С. 189–220; См. об этом также: Едлина Т. Анкета по вопросу об антисемитизме в России // Форум (Эдмонтон, Канада). 1985. № 10. С. 184–187.

¹⁵ Пришвин М. М. Дневники: 1914–1917. М., 1991. С. 120. Видимо, к этому периоду относятся воспоминания З. Н. Гиппиус о встрече в ее салоне жены М. Горького М. Ф. Пешковой с А. Блоком: «Вижу ее и Блока сидящими за чайным столом друг против друга. Пяти минут не прошло, как уж она на Блока набежала с какими-то весьма умеренными, но с “эсдечными”, — по Горькому, — мнениями.

Ей удалось произнести слов 50–60, пока Блок успевал выговорить четыре. Это его, очевидно, раздражало, и слова, спокойные, становились, однако, резче.

Марья Федоровна без передышки насакивала и стрекотала: “Как Вы не можете не соглашаться, неужели Вы не знаете положения, кроме того, общество... кроме того, правительство...” Блок, словно деревянным молотком стучал упрямо: “Так и надо. Так и надо”» (цит. по: Гиппиус З. Н. Живые лица: воспоминания. Кн. 2. С. 28).

По-видимому, к А. Блоку она обращалась несколько раз. В марте 1915 года он ответил ей «аргументированным» отказом: «Воззвание о снятии черты оседлости и об уничтожении процентной нормы я не подпишу, как не подписал бы и обратного, так как не считаю себя сведущем в государственной политике России. Я мог бы подписать только воззвание к добрым чувствам, свойственным русскому человеку по отношению к людям, для которых смысл русского просвещения и дух русского языка во многих известных мне случаях непонятен или враждебен»¹⁶. Тогда он все же отклонил, под каким-то благовидным предлогом, это приглашение. В своем дневнике же записал: «Тоска, хоть вешайся. Опять либеральный сыск. — Жиды, жиды, жиды»¹⁷. Ряд еврейских общественных деятелей, как и некоторые из их искренних сторонников, не отличались тактом и не всегда учитывали возбужденное состояние общества, раздраженного поражениями армии и множеством слухов о состоянии дел в стране и кризисе в верхних эшелонах власти. Многим в тот период поднимать еврейский вопрос казалось делом неуместным и несвоевременным¹⁸.

Дело организации и легализации такого «Общества» оказалось более сложным, чем ожидалось. Общей идейной основы в виде неприятия антисемитизма оказалось недостаточно, чтобы полностью устранить различия в политических и эстетических взглядах его учредителей и ближайшего круга сторонников. К тому же буквально сразу же стали сказываться личные амбиции таких ярких личностей, как Горький, Андреев, Сологуб. Пожалуй, дольше всех сохранял надежду на бесконфликтное развитие событий Л. Андреев. В начале 1915 года он сообщал писателю А. Кипену: «...возник у нас некоторый писательский

¹⁶ Цит. по: Боева Г. Еще раз о позиции Л. Андреева по отношению к «еврейскому вопросу»: (1910-е годы) // Научные труды по иудаике: материалы XIX Междунар. ежегодн. конференции по иудаике. М., 2012. Т. 2. С. 290.

¹⁷ Цит. по: Наш современник. 1991. № 8. С. 183.

¹⁸ А. Блок записывал в дневнике: «Жиды рыщут в штатском и в военной форме. Их царство. Они униженные и обиженные — в тайне торжествуют» (цит. по: Наш современник. 1991. № 8. С. 182). Тогда же философ Н. Бердяев сообщал жене из Москвы, после посещения ряда интеллигентских салонов: «...я задохнулся в атмосфере еврейского неверия в Россию...» (цит по: Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Беркли, 1993. С. 159).

кружок (Горький, Сологуб и я — во главе) с целью противодействия антисемитизму; составляем книгу, проводим устав Общества «для изучения еврейства», ибо хотим легализоваться, устраиваем коллоквиум с именитыми писателями и общественными деятелями и пр. и проч. Дел много»¹⁹. Действительно, для того чтобы легализоваться, требовалось провести устав «Общества» через бюрократические преграды. В первую очередь нужно было сделать его название как можно более академичным и нейтральным. Поэтому и приняли столь «благозвучно» звучащее название, как «Русское общество для изучения еврейской жизни». Во главе формально согласился встать И. И. Толстой. Бывший министр народного просвещения, а тогда Городской голова Петрограда, он был известен своим неприятием государственных форм антисемитизма²⁰. Поддержали эту инициативу и еврей-депутаты Думы.

К этому времени руководством и активом «Общества» уже было окончательно отредактировано и принято «Воззвание к русскому обществу»:

«С великим напряжением всех своих духовных и материальных сил ведет Россия войну. В этой борьбе одинаково принимают участие все населяющие Россию народы. Мы верим, что кровь сражающихся проливается не напрасно и что приносимые российскими племенами жертвы не тщетны. Мы верим, что, претерпев ужасы войны, народы с усиленной энергией обратятся к устройению лучшего светлого будущего. В это мы верим и деятельно хотим, чтобы в будущем отношения между российскими народами строились на незыблемых основаниях разума и совести.

Но в этот великий в истории нашей год, мы с глубоким прискорбием и смущением видим, что к страданиям одного из населяющих Россию племен прибавляются новые и новые муки: ограничение прав на образование особенно больно чувствуется ныне еврейским юношеством, потому что западная граница закрыта, а в русских учебных заведениях сохранена процентная норма для евреев: евреи из разоренных местностей не имеют

¹⁹ Литературное наследство. Т. 72. С. 548.

²⁰ Ананьич Б. В., Толстая Л. И. И. И. Толстой и «Кружок равноправия и братства» // Освободительное движение в России. Саратов, 1992. Вып. 15. С. 155–156.

права проникнуть за черту оседлости, что ведет часто к разлучению членов семьи, к невозможности жен и детей посетить раненого солдата и к другим жестоким страданиям. Многострадальное еврейское племя, давшее миру так много высоких открытий в области религии, философии и поэзии, всегда деятельно участвовавшее во всех трудах и тягостях общерусской жизни, так часто подвергавшееся лживым наветам и неоднократно доказывающее свою любовь к России, ныне вновь подвергается испытаниям и оскорбляется несправедливыми обвинениями.

Русские евреи, которые работают вместе с нами во всех отраслях труда, куда они имеют доступ, дали так много доказательств своего искреннего желания быть с нами, служить общегосударственным и общенародным целям, что ограничение их в правах является не только вопиющей несправедливостью, но и делом вредным для государства. Только в единении населяющих Россию племен государство может и должно черпать свои силы, и только совершенное уравнивание всех граждан в правах сделает эти силы несокрушимыми.

Русские люди, вспомните, что у русского еврея нет иного отечества, кроме России, и вспомните, что нет для человека ничего милее той земли, где он родился. Поймите, что благо и могущество России, счастье и свобода русского народа зависят от счастья и свободы племен, входящих в состав великого русского государства. Поймем это, — обратимся к нашему разуму и нашей совести и одним из условий государственного строительства нашего поставим для себя прекращение гонений на евреев и полное уравнивание их в правах с нами»²¹.

Подобный текст был призван удовлетворить как «патриотов-оборонцев», так и многочисленных пацифистов. Не мог он быть близок лишь сионистам, входившим в Политическое бюро при депутатах Государственной думы. Видимо, именно поэтому под этим сбалансированным текстом поставили свои подписи люди совершенно разной политической ориентации: К. Арсеньев, И. Толстой, П. Виноградов, И. Лучицкий, Н. Кареев, А. Карташев, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, Г. Чулков, Е. Чириков, И. Бунин, А. Серафимович, П. Струве,

²¹ ИРЛИ РО. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 34. Л. 1–2.

А. Кизеветтер, Д. Шаховской, Ф. Батюшков, Г. Лопатин, Н. Чайковский, С. Мельгунов, В. Мякотин, А. Пешехонов, Н. Морозов, Н. Бердяев, А. Римский-Корсаков, Е. Кускова, С. Прокопович, Игорь Северянин, В. Немирович-Данченко и другие политики, ученые, писатели, деятели искусства. В этом списке есть и «завзятые» либералы, и народные социалисты, и кадеты, и люди, близкие к социал-демократам. Нет среди них только евреев. И это сделано специально для того, чтобы подчеркнуть «русский» характер новой общественной инициативы.

Анализируя текст этого документа и сравнивая его с документами, создаваемыми тогда же Винавером, можно с известной долей уверенности предположить, что он, будучи тесно связанным с секретарем «Общества» С. В. Познером, имел к этому воззванию самое непосредственное отношение.

Примерно те же люди подписали и другой, более пространственный документ, озаглавленный: «Цели и задачи Общества». В нем, в несколько иной манере, декларировалось:

«Жизнеспособно и культурно только то общество, которое построено на идеях права и справедливости; ибо лишь эти идеи помогают людям побеждать зоологические начала эгоизма, только они способны внести в хаос темных чувств человека облагораживающий его свет разумной воли.

Справедливость — это та песнь песней, которую должны неумолимо петь все разумные люди мира, все, кто уважает себя, требует уважения к себе.

Признай за всеми те права, которых жаждешь сам, и все признают за тобой право быть тем, кем ты в сила быть, — это единственно прямая, честная тропа, которая приводит человека к свободе.

Русь, как это всем известно, особенно нуждается в развитии и защите идей политической и социальной справедливости, — что иное, кроме этих идей, может объединить все живые силы нашей страны, разноплеменной и не устроенной.

Русскую землю населяют свыше ста разноразличных, разноразличных народностей; людей державного, великорусского племени только пятьдесят пять миллионов из ста семидесяти, — не ясно ли, что нашим культурным лозунгом должен быть лозунг: свобода и единство.

Ни одно из государств мира не имеет пред собою столь грандиозной организаторской работы, ни одно из европейских обществ не обязано так энергично и чутко заботиться о внутреннем свободном слиянии всех своих творческих воль и умов, как это выпало на долю русского общества.

И нет ни одного общества, которое относится так пассивно и невнимательно к интересам и культуре инородных племен, как пассивно относимся мы, русские, к жизни и культуре племен и народностей, входящих в состав нашей Империи.

Может быть, пессимисты скажут, что люди, неспособные бороться за свои права, тем более не способны действенно защищать права иноплеменного народа, но ведь сказать так — это значит признать русское общество, русский народ духовно мертвым.

Мы непоколебимо верим в молодые, еще скрытые силы русского народа, мы верим в разум страны, в ее волю к доброй, справедливой жизни»²².

В этом же документе авторы проанализировали положение еврейского вопроса в стране и правительственную политику по отношению к евреям. В нем говорилось:

«Государство и общество берут у евреев все, что они могут дать, — ум, энергию, жизнь, — и не дают им необходимейшего — возможности жить, учиться, свободно развивать свои богатые способности. Есть люди, которые жалуются, которые будто бы боятся, что евреи способны поглотить всю Россию.

Никто не эксплуатирует человека столь безжалостно и нагло, как его собственная глупость. Смешно говорить о том, что пять миллионов евреев способны чем-то и как-то помешать правильному ходу жизни государства с населением в сто шестьдесят миллионов.

Еврейский вопрос в России — это первый по его общественной важности наш русский вопрос о благоустройстве России; этот вопрос о том, как освободить наших граждан иудейского вероисповедания от гнета бесправия. Этот гнет постыдно и социально вредно для нас убивает энергию народа, живая и свободная энергия коего необходима росту культуры нашей в не

²² ИРЛИ РО. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 34. Л. 2–3.

меньшей степени, в какой необходима для России творческая энергия коренных русских людей.

Из всех племен, входящих в состав Империи, евреи — племя самое близкое нам, ибо они вложили и влагают в дело благоустройства Руси наибольшее количества своего труда, они наиболее энергично служили и служат трудному и великому делу европеизации страны. Нет области, где бы еврей не работал рядом с русским и не менее успешно, чем русский, — это неоспоримо.

Именно евреи наиболее стойко несли и несут те великие обязанности, за которые их вместе с лучшими русскими людьми награждают ссылкой, тюрьмой, каторгой, и эта стойкость, может быть, косвенно влияет на развитие антисемитизма и погромного дела в России.

Наиболее трудоспособные люди, евреи наименее обеспечены в своих человеческих правах, — с этой несправедливостью мы, русские, не должны мириться, это пятно позора на совести каждого из нас.

Помните, речь идет не о каких-либо особенных, исключительных правах для евреев, а только об уравнивании их в бесправии с нашими, русскими.

Яростная мировая война привлекла в ряды нашей армии свыше 200 000 евреев; десятки их получают ордена за храбрость, тысячи погибают на полях битв. И солдату-еврею, который защищает Русь, приходится видеть, как русские люди, рядом с которыми и для блага которых он проливает свою кровь, эти люди разоряют города и деревни его единоверцев черты оседлости, насилюют женщин и девушек, убивают и вешают стариков, подростков, заподозренных в шпионстве.

Подумайте, что чувствует еврей-солдат, отдающий мужественно свою жизнь для блага нашего, что чувствует этот человек, защищая страну, откуда его гонят, где ему не дают свободно дышать, где так часты еврейские погромы и возможны такие преступления против духа справедливости, против культуры, каковым был процесс Бейлиса и попытка создать подобный же процесс в Фастове.

Мы обращаемся к совести и разуму русских людей — подумайте о трагедии еврейства. То, что происходит сейчас, чревато

последствиями еще более тяжелыми для еврейского народа, еще более позорными для нас.

Распространяются слухи о шпионстве и предательстве со стороны еврейского населения польских губерний. Письма солдат, рассказы раненых разливают эти слухи по всем глухим углам русской земли, создают в ней настроение, способное вызвать погромы, создать повод для новых ограничений еврейства в его праве на жизнь и труд, необходимый нам...

Может быть, слухи, позорящие еврейство, создаются именно теми людьми, которые заинтересованы в гонении на евреев, в дальнейшем развитии и политической и социальной реакции...

Мы, разумеется, ни в чем не обвиняем солдат и армию, солдаты — не судят, они не творят слухов, а только повторяют их. Мы знаем также, что нет народа, который весь состоял бы из праведников и святых людей, мы не отрицаем отдельных случаев предательства и шпионства со стороны евреев, измученных и разоренных войною.

Обезумевший от горя человек, у которого сожгли дом, изнасиловали жену или дочь, убили сына или отца, может быть предателем из чувства мести, но разве он мстит как еврей. Он мстит как оскорбленный человек, так же точно может мстить поляк и русин, эльзасец, хорват, босняк, — это месть оскорбленного и разоренного...»

Далее авторы документа еще раз задаются сакраментальным вопросом тех дней: «А что защищает бесправный еврей? Он отдает нам свою жизнь, мы награждаем его за это именем предателя, только потому, что и среди евреев есть дурные люди... Многими из нас принято думать, что русский народ обладает в высшей степени развитым чувством совести, что ему свойственна особенная сердечность, выдвигающая его из среды всех народов на первое место.

Обращаясь к сердцу и уму русских людей, мы протестуем против огульного обвинения целого народа в предательстве, в отсутствии чувства чести и любви к России, хотя она и мачеха этому народу.

Мы протестуем против всех ограничений еврейства в его праве на свободный труд, на гражданство русское...

Бессмысленно, стыдно, вредно для нас угнетать народ, который дал миру величайших пророков правды и справедливости и который по сей день озаряет мир людьми великого таланта и ума.

Пора нам выступить на защиту евреев со всей силой, какую мы способны развить, пора оказать им полную и всемерную справедливость.

Да будет слово — делом»²³.

Эти документы демонстрируют тот путь, какой прошла история еврейского политического лоббизма в России с начала XX века. В период войны, в обстановке всеобщего недовольства и неприятия деятельности властей еврейская общественность сумела привлечь к делу защиты своего народа широкие круги русской интеллигенции. Можно сказать, что она достигла в этом деле определенных успехов. В печати была инициирована серия статей по еврейскому вопросу. Особенно активно использовалась популярная среди образованных кругов, редактируемая С. М. Проппером газета «Биржевые ведомости». В ней была напечатана «Анкета о евреях» и опубликована одна из первых статей Е. Кусковой, связанных с деятельностью «Общества» — «Гордиев узел»²⁴. Можно сказать, что основными органами, печатавшими материалы, связанные с «Обществом», были те, которыми руководили его члены: «Отечество» и «Утро России» (З. Гржебин), «Летопись» (М. Горький). Один за другим проводились специальные вечера и концерты, призванные как популяризовать деятельность «Общества», так и собирать средства в помощь еврейскому населению, вынужденному покинуть фронтную полосу. В них участвовали такие известные представители культуры, как С. Кусевицкий, Ив. Алчевский, А. Зилоти, Яша Хейфиц, А. Глазунов. Свои произведения читали М. Горький и А. Куприн²⁵. На этих вечерах присутствовали многие деятели культуры, искусства и литературы, общественные деятели, в том числе и депутаты Думы. Видимо, неучастие в этих мероприятиях считалось дурным тоном и показателем недостаточно критического

²³ ИРЛИ РО. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 34. Л. 4.

²⁴ Биржевые ведомости. 1914. 29 нояб. С. 2; 1915. 3 февр. (Утр. вып.). С. 3.

²⁵ Горький М. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос. С. 243.

отношения к политике самодержавия²⁶. Не все подготовленные «Обществом» работы смогли пройти через цензуру. Но в таком случае они переправлялись за границу и печатались там. Так в Женеве, в типографии Бунда выпустили под одной обложкой произведения М. Горького («О современности») и В. Короленко («О Мариампольской измене») ²⁷.

Главным же делом «Общества» стала подготовка и выпуск тремя изданиями сборника «Щит»²⁸. И эта идея сразу же вызвала неоднозначную реакцию. От редактирования собранного материала уклонился И. Бунин, сославшись на то, что подобный сборник должен редактировать сам Горький²⁹. Сталкиваясь с еврейским вопросом, привычные сомнения испытывал и философ С. Булгаков. Он сообщал своему корреспонденту: «В Петрограде замышляется сборник по еврейскому вопросу, я уклонился от статьи в нем, п[отому] ч[то] при данном составе... суждение по существу (а только так и можно писать о нем) невозможно и, кроме того, крайне несвоевременно, между тем как еврейские издатели находят как раз наоборот»³⁰. Все же позднее, не выдержав напора со стороны Горького, Булгаков дал в одно из изданий сборника статью «Сион». Многие из тех, к кому обращались руководители «Общества», горячо откликнулись на их призыв принять участие в совместной работе. А. Куприн в телеграмме сообщил о том, что «горячо сочувствует этому начинанию»³¹.

В феврале 1915 года С. В. Познер послал Сологубу примерный состав сборника. Часть материала уже была готова, другие авторы объявили лишь о тематике своих произведений.

Но юдофобия, так ярко проявившаяся среди наиболее культурных слоев русского общества в 1908–1910 годы и ушедшая

²⁶ Юдофильская активность того периода явно раздражала часть интеллектуальных кругов. Так, А. Блок в 1916 году записал в дневнике: «Сегодня вечер в пользу “изучения жидовской жизни”» [выделено в тексте. — В. К.], где Алчевский опять поет гнесинские выкрутасы на мои тексты» (цит. по: Наш современник. 1991. № 8. С. 183).

²⁷ Горький М., Короленко В. О навете против евреев. Женева, 1916.

²⁸ Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны.

²⁹ Максим Горький: материалы и исследования. М.; Л, 1936. Т. 2. С. 445.

³⁰ Булгаков С. — Хорошко В. // Новый мир. 1989. № 10. С. 241.

³¹ ИРЛИ РО. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 63. Л. 4.

в тень на период дела Бейлиса, никуда не исчезла. В годы войны она в значительной степени была ослаблена общей неприязнью к политике правящих кругов. С точки зрения многих деятелей русской культуры, филосемитизм и еврейский политический и культурный лоббизм должны были иметь свои пределы и свои рамки³². В свою очередь, русско-еврейская интеллигенция не всегда чувствовала и принимала «эти пределы». В то же время «безбрежный филосемитизм» Горького и некоторых других деятелей вызывали отторжение у части национально настроенной еврейской интеллигенции. В ту пору крупнейший знаток еврейской культуры и, в частности, литературы — критик и эссеист Баал-Махшовес (И. Эльяшев)³³ — писал о сложившейся коллизии: «Максим Горький — “филосемит”, отчасти вышедший из моды тип человека, искренне преклоняющегося перед еврейским гением. Он скоро почувствует себя одиноким в кругу людей, для которых еврейство — какое-то привидение, фантом, и сверхчеловек в одном лице, какой-то комплекс функций без самоцели [выделено в тексте. — В. К.], словом, нечто полезное и вместе с тем ненадежное с точки зрения маниловского

³² Так, Р. М. Хин-Гольдовская записала в дневнике свою интерпретацию истории присоединения к «Обществу» философа и поэта Вяч. Иванова. Вероятно, источником для нее послужил рассказ Е. Кусковой, которая посетила его с целью вовлечения в это дело: «Вячеслав Иванов долго ежился, морщился, спросил, кто подписал... и, когда Кускова назвала самые “жирные” имена, тоже подписал, прибавив, однако, что он по этому предмету мог бы сказать многое, с чем, вероятно, авторы воззвания не согласятся» (Хин-Гольдовская Р. М. Из дневников 1913–1917. С. 555–556). Похожее настроение испытывала и видный деятель Партии кадетов А. В. Тыркова-Вильямс. В своем дневнике 27 января 1916 года она записала: «Набоков третьего дня напал на меня за евреев. Вильямс [муж Тырковой, английский корреспондент в России. — В. К.] сказал, что евреи против Entente. Почему-то Набоков рассердился. И стал мне говорить о тайной язве юдофобства. “А критиковать их можно?” — “Да, но надо признать их права”. — “Ну, конечно, это азбука. А все-таки это не просто. Они захватили самое сильное и самое скверное, что есть — банки и биржи. Полезно ли это для них, полезно ли это для нас?”» (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 162).

³³ В самом начале кампании по созданию «Общества» Горький предлагал присоединиться и Баал-Махшовесу. Но тот ответил: «Издание книг для пропаганды, для рекламы, еврейскому народу не поможет, а только повредит, так как внедрит в сознание большинства, что существует группа людей, обладающая особенностями, которые объясняют напряженность в отношениях между этой группой и окружающим его населением» (цит. по: Штейнберг А. З. Друзья моих ранних лет. С. 143).

спокойствия»³⁴. Горький, ознакомившись с этим мнением авторитетного еврейского национального деятеля, обиделся, о чем и сообщил на страницах винаверовского журнала «Еврейская жизнь». Он назвал это мнение Баал-Махшовеса «неуместным благородным скептицизмом»³⁵. В ответ критик, не без некоей дерзости, сообщил, также публично, что, мол, он огласил свое мнение об «Обществе для изучения еврейской жизни и фило-семитизме» в целом — не для русских людей, а исключительно для того, чтобы дать повод для размышления о своем национальном сиротстве в безбрежном русском мире. Он написал: «Цель моей заметки была чисто воспитательная, я при случае хотел напомнить моему еврейскому читателю, склонному видеть во всяком “благожелательном” отношении к нам чуть ли не начало конца и вследствие этой дутой надежды ослабевающему в своей самостоятельности, — что для нас — евреев довольно безразлично учреждение подобных обществ»³⁶. Более того, Баал-Махшовес не останавливается перед тем, чтобы не вынести приговор всему филосемитскому направлению отечественной общественной мысли. Он писал: «Ах, как хорошо было бы, если бы нами занимались поменьше, — мы сами уже о себе позаботимся, как нация, — и поменьше опаздывали бы заботиться о себе»³⁷.

В «Русское общество изучения еврейской жизни» вошли и поддерживали его люди разных политических и эстетических взглядов. И это не могло не сказаться на его деятельности. Решающим конфликтом, затруднившим деятельность этого объединения и в то же время выявившим коренные расхождения в понимании сути еврейского вопроса и участия евреев в его решении, стал инцидент между секретарем «Общества» С. Познером, философом Н. Бердяевым и писателем Ф. Сологубом. Познер, за которым стояли М. Горький и М. Винавер, взял на себя цензорские функции и отверг предложенную Бердяевым статью «Религиозные судьбы еврейства». Скандал вызвал острую

³⁴ Цит. по: Горький М. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос. С. 231.

³⁵ Там же. С. 235.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 238.

полемику. В итоге деятельность «Общества» на некоторое время была осложнена, а Ф. Сологуб вышел из его состава³⁸.

Все же упорство, с которым действовало Политическое бюро и филосемитские круги, неуклонная лоббистская деятельность еврейства не прошли даром. Руководство кадетской партии и ее думской фракции, некоторая часть самого русского общества и русской интеллигенции постепенно осознали, что военное время не является препятствием для ликвидации черты оседлости и изменения всей антиеврейской политики в стране. Наоборот, в глазах значительной части русского культурного сообщества это стало одной из насущных задач по обновлению страны. В тоже время еврейский вопрос стал в очередной раз одним из орудий в борьбе против самодержавия.

Не еврейский вопрос привел к конечной гибели империи, к краху самодержавия — он явился важным, но всего лишь одним из многочисленных факторов системного кризиса, охватившего Россию в начале XX века.

Сразу же после победы Февральской революции министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский образовал специальную комиссию, которой было поручено разработать декрет о равноправии. В эту комиссию он ввел и члена Политического бюро Л. М. Брамсона. Участие в ее работе приняли и Г. Б. Слиозберг, и М. М. Винавер³⁹. По свидетельству Я. Г. Фрумкина, в период работы этой комиссии Политическое бюро и его окружение заседали непрерывно. В ходе дискуссии было выработано принципиальное положение, согласно которому, отказавшись от специального Декрета о равноправии евреев, бюро настояло на том, чтобы этот декрет отменял все существующие вероисповедные и национальные ограничения в России

³⁸ Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. С. 101–107; Соболев А. Л. *Сум scuto*: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит». С. 327–358; Боева Г. Н. Сологуб, Андреев и Горький в третейском суде: Об одном эпизоде из истории создания Русского общества изучения еврейской жизни // Научные труды по иудаике: материалы XX Междунар. ежегодн. конференции по иудаике. М., 2014. Т. 2, вып. 46. С. 106–124.

³⁹ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 360.

в целом⁴⁰. И в принятии этой трактовки четко прослеживается «рука Винавера». Ведь на решении «еврейского вопроса» именно в едином пакете со всеми другими национальными проблемами в стране он настаивал еще в период своего нахождения в I Думе. 20 марта 1917 года этот декрет был подписан.

Финальным аккордом деятельности Политического бюро стало посещение 24 марта 1917 года членами этого объединения и евреями-депутатами Государственной думы главы Временного правительства Г. Е. Львова⁴¹. Делегация выразила не только благодарность правительству за принятие этого судьбоносного декрета, но и заявила от имени Политического бюро и всего российского еврейства о поддержке новой власти⁴².

⁴⁰ Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства. С. 111. Наученные горьким опытом своей истории, члены Бюро настояли на том, чтобы в декрете были перечислены все подлежащие отмене антиеврейские законы (Аронсон Г. Еврейская общественность в России в 1917–1918 гг.: материалы, документы, воспоминания // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М., Минск, 2002. С. 11).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 13.

Глава 13

УПУЩЕННАЯ ВЫГОДА

«Упущенная выгода — неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено».

*Гражданский Кодекс Российской Федерации.
Статья 15 п. 2.*

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном,
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил — засек кнутом?

*Зинаида Гиппиус
«Последние стихи»*

С победой Февральской революции, с принятием Декрета о равноправии казалось, что былой еврейский политический лоббизм ушел в прошлое. Но на самом деле теперь роль Винавера как еврейского национального деятеля просто резко изменила свой ракурс. Его «еврейская работа» как бы ушла на второй, если не на третий план. Теперь он лишь на крутых поворотах истории весны–осени 1917 года выступал с призывами к еврейскому народу поддержать российскую демократию. В целом же все свои силы он сосредоточил на партийной работе, на выработке и проведении в жизнь кадетской тактики в политической борьбе. Роль Винавера в партии вновь стала значительной. Особенно это оказалось заметным в условиях, когда внутри партии обострились разногласия между правой и левой фракциями¹.

События февраля–марта 1917 года оказались для Винавера столь же неожиданными, как и для подавляющего большинства политической элиты России².

¹ Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции; Думова Н. Г. Либерал в России: Трагедия несовместимости.

² Недаром В. В. Розанов написал об этом апокалипсическом явлении: «Русь слиняла в 2 дня... самое большее в 3...» (Розанов В. В. Избранное. Мюнхен, 1970. С. 446).

Р. Г. Винавер вспоминала: «Как началась революция 1917 года и откуда она пришла? До сих пор этот вопрос остается открытым. Несмотря на недовольство правительством и на все смелые думские, возмущавшиеся этим правительством речи, IV Дума боялась революции, особенно во время военных действий. Да и всем было как-то страшно.

Мы жили тогда близ набережной Невы³. На противоположном берегу находилась тюрьма Кресты. Неожиданно появившаяся революционная толпа освободила заключенных в ней не только политических, но и уголовных, которые, кто в чем был одет, бросились бежать по покрытой льдом Неве. Как странно было видеть из окон нашей квартиры уголовных арестантов, сбрасывающих с себя арестантские халаты и одевающих обыкновенное платье!

На нашей улице находились казармы одного гвардейского полка. Вот полк в полном порядке марширует из казарм, — но вдруг солдаты бросают свои винтовки и превращаются в хаотическую толпу. Казалось, что на наших глазах прорвалась какая-то стихия, и что анархия захлестнет всю страну»⁴.

То ли он почувствовал что-то в «пьянящем воздухе свободы», то ли сказался опыт событий 1905–1907 годов, но в 1917 М. М. Винавер не только не пошел во власть, но и призвал к этому российское еврейство. На одном из митингов первых послереволюционных дней он заклинал: «Не дадим же нашим противникам лишнего против нас повода. Не надо нам соваться на почетные и видные места... на невидные места встаньте все в ряды»⁵. Действительно, фактически никто из евреев-однопартийцев Винавера «во власть» не пошел⁶. Зато в конкурирующем

³ В 1917 году Винаверы проживали по адресу: Петроград, Захарьевская ул., д. 25.

⁴ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 76.

⁵ Еврейская неделя. 1917. № 12–13. С. 40–41. Сам Винавер согласился лишь на предложение стать сенатором. Эта должность, скорее юридическая, профессиональная, тогда совершенно не символизировала «вхождение во власть».

⁶ Бундовец А. Литвак годы спустя вспоминал: «Я вовсе не собираюсь оправдывать “еврейский” страх Винавера: не занимать должностей только из страха, что скажут русские... Это больная психология больного еврейства. Но чтобы такая психология стала более-менее понятной, нужно помнить вот что:

с Временным правительством центре — Петроградском Совете — с первых же дней его существования оказалось значительное еврейское присутствие⁷. Имена Мартов, Дан, Либер, Камков, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Свердлов, Стеклов звучали повсеместно, и в конечном итоге это не могло не отразиться в политической борьбе тех месяцев⁸. Роль антисемитских настроений вновь стала заметной. Особенно это сказалось в период кампании по «разоблачению псевдонимов».

С осторожностью, с предчувствием грядущей трагедии принял известие о революции и С. М. Дубнов. Он слишком хорошо знал историю участия евреев в европейских революциях. 8 марта 1917 года он записал в своем дневнике: «Что-то странное в этой революции: как в погоде нынешней, весеннее солнце

сразу после мартовской революции, у еврейской интеллигенции началась гонка за правительственными портфелями. Разыгрался карьеризм, раздуваемый пустой гордостью и высокомерием. Кто из нас тогда не грезил о возможности стать министром... Сенатор — это же совсем мелочь... В конце лета 1917, рассказывал мне Л. Брамсон, Керенский предлагал ему стать заместителем министра юстиции, и он отказался — из-за еврейства. Когда я ему заметил, что это же «ма-йюфес», низкопоклонство со стороны левых, он мне ответил так: «Вы не знаете наших евреев. Тогда удалось отодвинуть стену. Но если я стану завтра министром, стена будет сломана, и послезавтра сотни других евреев, которые считают, что они гораздо достойнее меня, устремятся за министерскими портфелями. Получится такая толкотня, такая чехарда, что мы не будем знать, куда деваться и что с этим делать...»» (цит. по: Litvak A. Vinaver. P. 273). *Майюфес* — ‘как красиво’ — первые слова субботнего застольного песнопения и одновременно название этого песнопения. Считалось, что польские помещики, желая поиздеваться над «своим» евреем-арендатором, заставляли его спеть, или спеть и сплясать «майюфес». Таким образом, название этого субботнего гимна стало синонимом еврейского унижения. Выражение «плясать майюфес перед кем-нибудь» — ‘унижаться, подлизываться’ (сообщено В. А. Дымшицем).

⁷ Сионист и кадет Д. Пасманик характеризовал евреев-большевиков не просто как противников всего национального дела, но и писал о них: «Еврей-революционеры не опирались на национально-еврейские силы, а являлись лишь экспонентами русской силы, толкователями и представителями ее... Они были не ее хозяевами, а приказчиками и коммивояжерами русской революции» (*Пасманик Д. С. Русская революция и еврейство: (Большевизм и иудаизм)*. Париж, 1923. С. 150).

⁸ Дубнов прекрасно был осведомлен о том, что происходило в Смольном. Ведь его зять Г. Эрлих представлял в Петросовете Бунд, а его дочь Софья работала там же в аппарате этой партии (*Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова*. С. 480).

и суровый зимний холод. Есть свет, но нет тепла»⁹. Охваченный тяжелыми мыслями, Дубнов даже отклонил приглашение Винавера на торжественный пасхальный Седер у него на квартире¹⁰. Примерно так же относились к этим событиям и некоторые другие, умудренные опытом, ветераны еврейского национального движения, в том числе и Г. Б. Слиозберг¹¹.

Но, естественно, еврейство в целом восторженно восприняло Февральскую революцию¹². Декрет об отмене всех национальных и вероисповедных ограничений, утверждавший еврейское равноправие, писался Ф. Ф. Кокошкиным при непосредственном участии Винавера¹³. 22 марта он опубликовал статью, символично названную «Равенство». В ней Винавер отметил, что главным в этом акте является «...утверждение еврейского равноправия... Отныне на протяжении всей нашей обновленной, радостно восторженной родины, несть эллин, несть иудей. Еврейский народ, боровшийся дружно рука об руку с лучшими русскими людьми за долгожданную свободу, станет теперь как равный в ряду других на защиту общей матери-родины. Все свои силы, всю свою энергию мысли и воли он радостно понесет на выявление своих

⁹ Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления. С. 410.

¹⁰ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 78.

¹¹ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 358–359.

¹² С. М. Гинзбург вспоминал, как в еврейских домах Петрограда во время пасхального Седера вместо положенного чтения Агады зачитывали текст Декрета о равноправии (см.: Бейзер М. Евреи Ленинграда: 1917–1939. С. 28).

¹³ Винавер М. Равенство // Русские ведомости. 1917. № 65, 22 март. С. 2. В свою очередь Г. Б. Слиозберг вспоминал: «...наконец, решено было отменить все ограничения, существовавшие для евреев во всем нашем законодательстве. Надо было составить такой полный список всех ограничений, чтобы искоренить как бы полностью неравноправие евреев. При этом необходимо было соблюсти некоторую осторожность, так как законы, касающиеся внутреннего быта евреев и норм, имеющих отношение к духовной, религиозной жизни, не могли быть отменены без замены их новыми, более совершенными нормами. Поэтому составление списка отмеченных законов об ограничении евреев требовало большой осторожности и опыта» (Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея. Т. 3. С. 360). При этом Слиозберг писал, что все переговоры по этому делу вел Л. М. Брамсон, так как он был хорошо знаком со своим товарищем по группе трудовиков в Думе, а теперь министром юстиции А. Ф. Керенским. Слиозберг также отмечал, что это привело к тому, что полный и окончательный текст документа появился в печати лишь в мае 1917 года. (Там же). Впрочем, это подтверждается и самим Винавером в той же статье в «Русских ведомостях» от 22 марта.

лучших национальных ценностей, на общее устройство общей свободной гражданской жизни страны»¹⁴. В Петрограде прошло несколько еврейских митингов. На одном из них, по воспоминаниям Р. Г. Винавер, выступали и сам М. М. Винавер, и П. Н. Миллюков: «Рядом стояли они на эстраде, оба сияющие. Миллюков говорил о том, что смыто, наконец, позорное пятно с России, которая сможет теперь вступить в ряды цивилизованных народов. М. М. предложил собранию в память этого события построить в Петербурге большой еврейский народный дом, который будет называться “Домом Свободы”»¹⁵. Позднее, когда обстановка в стране уже стала тревожной, на другом еврейском митинге, проходившем в столице, была принята следующая резолюция: «Еврейский народ, отныне полноправный член в великой семье народов государства российского, испытывает глубокую патристическую тревогу перед лицом опасности, грозящей родине от анархических выступлений, расшатывающих армию и колеблющих престиж народной власти. Безумная пропаганда горстки лиц, направленная к разрушению общегражданского единства и к нарушению святого долга верности России и ее союзникам, встречает негодование в широких массах еврейского населения. Собрание граждан-евреев Петрограда, имеющее в своем составе представителей различных течений в еврействе, обращается с приветом к представителям союзных держав и выражает уверенность, что тесное единение всех народностей и классов России воссоздаст боевую мощь нашей армии и приблизит час победы союзных демократий над германским милитаризмом. Собрание призывает всех граждан-евреев сплотиться около Временного правительства и оказать ему всю силу моральной поддержки в борьбе с анархией и в защите добытой великим народным порывом свободы»¹⁶.

Голос Винавера и таких ветеранов национального движения, как Дубнов и Слиозберг, в тот момент оказался «гласом вопиющего в пустыне». Значительное число евреев, особенно членов

¹⁴ Там же.

¹⁵ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 79.

¹⁶ РНБ ДП. Ф. 482 (Миллюков П. Н.). № 82.

различных социалистических партий, «ринулось в революцию»¹⁷. И чем больше становилась их роль в политической борьбе, тем заметнее в этой борьбе усиливались антисемитские тенденции. Недаром Дубнов, оставив на короткое время научные исследования, в своем выступлении на митинге в Петрограде 8 июня 1917 года говорил: «...из нашей среды вышло несколько демагогов, присоединившихся к героям улицы и пророкам захвата. Они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского происхождения (Троцкий, Зиновьев и др.), но скорее псевдонимами являются их еврейские имена...»¹⁸

«У нас чувство узника, выпущенного из тюрьмы и вернувшегося в свой дом, охваченный пламенем пожара...», — писал в эти дни в Лондон Дубнов Ахад-Гааму¹⁹.

Впервые дни революции члены ЦК партии, используя местоположение квартиры Винаверов, расположенной в доме недалеко от Таврического дворца, собирались у него²⁰. Интересная деталь, говорящая о «революционной повседневности» того момента: в городе были отключены все частные телефоны, но телефон в квартире Винавера работал, и он постоянно находился на связи с кадетами-членами Государственной думы. Видимо, роль Винавера не была секретом. В начале революции его даже посетил... Пуришкевич. Многолетний лидер правых антисемитских организаций, он явился к нему со словами, что пришел «...как к одному из умнейших людей России — умолять его найти пути спасения России»²¹.

Основные усилия Винавер сосредоточил на внутрипартийной работе. В тех условиях важно было сохранить единство партии и обеспечить ее роль во Временном правительстве²².

¹⁷ С наибольшей полнотой эта тема отражена в монографии: Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми.

¹⁸ Дубнов С. М. Книга жизни. С. 414.

¹⁹ САНР (ЦАИЕНИ). Р. 1–10.

²⁰ Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 104.

²¹ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 77.

²² Давний недоброжелатель Винавера И. В. Гессен писал о том, что в те дни Милюков находился в Крыму, «...и кадетской фракцией верховодил, священнодействуя, Винавер: барахтаясь в луже, делал движения, точно плавает в море». (Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. С. 201).

Но при этом он был против того, чтобы Партия кадетов стада «правительственной партией». По этому поводу он уже в марте 1917 года говорил: «Представление о слиянии нас с правительством, переименовании нас в правительственную партию было бы заблуждением едва ли правильным по существу и опасным и для нашей деятельности, и для деятельности правительства. Мы должны представлять собою часть общественного мнения страны»²³. Наиболее тесно в этот период он сотрудничал с Ф. Ф. Кокошкиным. В эйфории тех дней Кокошкин, вспоминая создание Выборгского воззвания, говорил Винаверу: «Вот мы опять с вами... Смотрите, как у нас опять идет плавно и легко... точно нить нашей политической жизни и не обрывалась. Опять будем строить в том же стиле...»²⁴

В первых числах марта 1917 года Винавер был среди членов делегации ЦК партии, которые просили Милюкова быть членом Временного правительства. В мае 1917 года при очередном кризисе Милюков вышел из правительства и отклонил просьбу очередной партийной делегации с Винавером в составе, которая предлагала ему вместо оставленного поста министра иностранных дел пост министра просвещения — лишь бы партия сохраняла в новом «социалистическом правительстве» хоть какие-нибудь рычаги влияния. Он отказался²⁵.

Выступая на Седьмом съезде Партии кадетов (март) с докладом о тактике, Винавер подчеркнул: «Все оказались единодушными, что нельзя допускать двоевластия или многовластия в сфере исполнительной»²⁶.

В период с марта по декабрь 1917 года Винавер полностью сосредоточился на работе в ЦК Партии кадетов и на подготовке к выборам в Учредительное собрание.

Видный деятель эмиграции Б. А. Бахметьев, в 1917 году назначенный послом в США, характеризуя те силы, что привели страну к Февральской, а затем и к Октябрьской революции,

²³ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 455.

²⁴ Винавер М. Недавнее. С. 136–137.

²⁵ Трубецкая О. Н. Из пережитого // Современные записки (Париж). 1937. Т. 64. С. 300.

²⁶ Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 123.

писал В. А. Маклакову: «По существу Авксентьев и Милюков, Чхеидзе и Винавер не так сильно отличаются друг от друга. Это люди той же культуры, тех же более или менее умственных и политических навыков... Я имею в виду именно тех “революционеров”, которые являлись представителями старых революционных партий в Думе, во Временном правительстве, а в прошлое время в эмигрантском подполье. Большевики от них отличаются, прежде всего, темпераментом. Это люди, на которых традиции, закон, культура не накладывают ограничивающих рамок. Между ними и “революционной оппозицией” лежит бездна кровожадных и непосредственно разрушительных инстинктов. Фатум революции 1917 года в том, что ее фактически делали темные массы. По существу это была банда черни, которую как либеральная, так и революционная оппозиция пыталась удержать в рамках государственности»²⁷.

По сути, Винавер стал вторым человеком в Партии народной свободы²⁸. В отсутствие Милюкова он председательствовал на заседаниях ЦК с марта месяца, вместе с историком А. А. Корниловым руководил Литературно-издательской комиссией партии. 19 марта в Петрограде под председательством Винавера состоялось собрание учредителей нового литературного общества — Союза писателей. Винавер вошел в Особое совещание по выработке закона о выборах в Учредительное Собрание. Именно он сформулировал общую позицию партии в кризисные дни лета 1917 года. Лидеры кадетов попытались остановить «сползание» партии влево и противостояли представителям иных партий во Временном правительстве. Согласно позиции Винавера, тактический курс кадетов ни в коем случае не должен был способствовать усилению поляризации в стране. Одно

²⁷ «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметьев — В. А. Маклаков: переписка: 1919–1951 гг.: в 3 т. / публ. и коммент. О. В. Будницкого. М., 2002. Т. 3: Июнь 1923 — февраль 1951. С. 365.

²⁸ Многолетний деятель Бунда А. Литвак вспоминал: «Человек, который хорошо знал Винавера в то время, рассказывал мне так: “На него было горько смотреть. Набоков был пассивен, а сам Винавер выступать со сцены от имени кадетов не хотел, ведь он же еврей... Он стоял за спиной Набокова и его подталкивал: пусть люди считают, что это работает Набоков, не он. Старая история с евреем, который арендует корчму на имя гоя...”» (*Litvak A. Vinaver. P. 71*).

из решающих заседаний ЦК партии, а именно то, на котором проходила острейшая дискуссия о судьбе монархии, проходило на квартире Винавера²⁹. В этот момент для него самым важным было сохранение единства партии и ее представительства во Временном правительстве. Поэтому, когда Милюков подал в отставку с поста министра внешних сношений, оставшись в меньшинстве в ЦК по вопросу о сохранении монархии в виде передачи всех властных полномочий Великому князю Михаилу как регенту, уже ночью к нему на квартиру прибыла делегация в составе Винавера, Набокова и Шингарева. Под их напором он изменил свое решение и тогда остался в правительстве³⁰.

3 мая на совместном заседании Временного правительства, Временного Комитета Государственной думы и представителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Винавер всеми силами стремился достичь некоего политического консенсуса. Его целью было во что бы то ни стало предотвратить раскол и отставку правительства. Для этого он планировал создание коалиционного правительства, в которое входило бы не менее 4-х представителей его партии. Это, как он считал, должно было предотвратить усиление левого, социалистического направления, группировки, возглавляемой А. Ф. Керенским.

В работе Временного правительства, в деле его формирования Винавер участвовал с первых дней революции и сутками не покидал Таврический дворец. Многие заседания руководства партии проходили на его квартире. Его товарищ по партии и также член ЦК, человек сильного скептического ума, опытный

²⁹ Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. С. 518–519.

³⁰ Милюков П. Н. М. М. Винавер как политик // М. М. Винавер и русская общественность в начале XX в. Париж, 1937. С. 25. Об этом же вспоминала и Р. Г. Винавер: «Уже в первые дни существования Временного правительства, когда почувствовалось преобладание группы Керенского, Милюков решил выйти из правительства. Делегация Центрального Комитета кадетской партии с моим мужем во главе отправилась к Милюкову и доказала ему неоспоримыми доводами, что его уход с государственного корабля в такую минуту, был бы изменой делу революции и свободы. Милюков согласился с такими доводами и не ушел в тот момент из правительства» (Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 78). См. также: Набоков В. Д. Временное правительство: воспоминания / вступ. ст. И. Н. Бороздина. М., 1924. С. 35.

политик В. Д. Набоков, описывая первый день, когда власть в Петербурге перешла в руки Временного Комитета Государственной думы во главе с В. Н. Львовым, рассказывал о ликовании толпы, собравшейся вокруг Таврического дворца. При этом он отметил и участие в этом «молодых людей еврейского типа, опрашивавших проходивших». Видимо, он пытался навести мало-мальский порядок, когда толпа людей рвалась внутрь дворца, то ли просто для того, чтобы посмотреть, то ли для того, чтобы поучаствовать в событиях³¹. Он же красочно описывал обстановку, царившую во дворце: «Внутренность Таврического дворца сразу поражала своим необычным видом. Солдаты, солдаты, с усталыми, тупыми, редко с добрыми или радостными лицами; всюду следы импровизированного лагеря, сор, солома; воздух густой, стоит какой-то сплошной туман, пахнет солдатскими сапогами, сукном, потом; откуда-то слышатся истерические голоса ораторов, митингующих в Екатерининском зале, — везде давка и суетливая растерянность»³². Так шло формирование правительства.

Среди имен руководителей Партии кадетов, называвшихся в качестве претендентов на министерские посты, Набоков не упоминает Винавера. Но при этом Набоков указывал на Винавера как на одного из авторов первого воззвания Временного правительства к стране с разъяснением смысла произошедших событий и с программой работы на ближайшее время. Это поручено было сделать другому ветерану партии — Ф. Ф. Кокошкину³³. Согласно воспоминаниям того же Набокова, «каким-то

³¹ Набоков В. Д. Временное правительство: воспоминания. С. 22.

³² Там же.

³³ Блестящий юрист-государствовед, ветеран либерального движения, один из создателей кадетской партии, депутат I Думы, он сблизился с Винавером еще в 1905 году. Может быть, этому способствовало не только единство взглядов, но и то, что Кокошкин был так же, как и Винавер, выходцем из Польши. Винавер вспоминал: «Тонкий, стройный, моложавый, изящно одетый человек, с мелкими чертами лица, на котором выделялся только высокий красивый лоб, сдержанные движения, сильный голос, но без оттенков и модуляций, дефекты при произнесении некоторых букв. Я не помню оратора, который бы так мало утомлял слушателя и так легко и спокойно держал его в своей власти, не страстными порывами, не красотой фразы, а единственно и исключительно неустанным, ровным и постоянным накоплением мысли, — той интуитивно создаваемой гармонией между темпом мысли слушателя и темпом мысли оратора, которая

образом очутился при этом Винавер в качестве сотрудника Кокошкина, причем этот последний предоставил ему написать текст воззвания заново и, как мне впоследствии говорил сам Кокошкин, текст этот, целиком написанный Винавером, был им, Кокошкиным, внесен временному правительству, которое его санкционировало без изменений»³⁴. В этих действиях Винавера отразились опасения, что в таком случае может быть нарушен принцип преемственности власти, а это могло, по его мнению, породить анархию. Но уже спустя короткое время, когда социалистическая часть министров и давление «улицы» привели к созданию коалиционного правительства, все уговоры со стороны Винавера не убедили Милюкова. Он, покидая пост министра иностранных дел, в принципе отказался остаться в правительстве и стать министром народного просвещения. Особенно много в тот период Винавер работал в Совещании по подготовке выборов в Учредительное собрание. Он входил в Президиум этого Совещания, где собрались многие его коллеги по работе в I Государственной думе. Один из руководителей этого Совещания, Ф. Ф. Кокошкин, сам блестящий юрист, не раз использовал способности Винавера в ведении переговоров с Петроградским Советом. Винавер, как и руководство Партии кадетов, имел завышенные ожидания относительно перспектив демократического развития России³⁵. Вскоре действительность если не разрушила, то весьма поколебала эти иллюзии. Временное правительство, над созданием которого он много работал и в состав которого входил ряд его друзей и однопартийцев, столкнулось с сопротивлением со стороны «улицы» и социалистической эрозией. Обстановка в стране стремительно менялась, и от политиков калибра Винавера требовалась мгновенная реакция. Его идеи о сохранении во что бы то ни стало кадетского

прочнее всего связывает трибуну с аудиторией. Слушатель не ощущает речи, как таковой, как оболочки; он не ощущает даже самой личности оратора; он весь скован плавным ходом мысли, которая идет ему навстречу, так угадывает, что ему, случайно, нужно, точно оратор подслушал его душевные сомнения... мысль и воля Кокошкина были в полной гармонии» (*Винавер М. Недавнее*. С. 9).

³⁴ Набоков В. Д. Временное правительство: воспоминания. С. 50.

³⁵ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 81.

присутствия в правительстве приводили к постоянным поискам компромиссов и союзам с представителями иных политических тенденций. Он встречался не только с товарищами по партии, но и с представителями иных кругов. Винавер всеми силами стремился противостоять надвигающейся опасности как правого, так и левого переворота.

Со слов современников можно судить о том, как Винавер изменился за последние годы. Фактически кабинетный политик, он стал намного жестче и резче в своих действиях. Постепенно он превратился из политика публичного в государственного деятеля. Рассказывая о Петрограде в дни Апрельского политического кризиса, публицист и литератор В. А. Амфитеатров-Кадашев в своих дневниках за 1917 год писал о происходившем 24 апреля на Невском проспекте столкновении сторонников и противников Временного правительства. Это было столкновение партийных колонн, идущих к Мариинскому дворцу, в котором заседало Временное правительство. По его словам, кадетскую колонну возглавлял Винавер. Амфитеатров-Кадашев записал в дневнике: «...впереди шествия в автомобиле ехал М. М. Винавер»³⁶. Р. Г. Винавер, активно участвовавшая во всех делах своего мужа, вспоминала: «21 апреля звонит мне по телефону Марья Филипповна Кокошкина, жена Ф. Ф. Кокошкина и говорит: “Р. Г., берите скорее кадетский флаг и приезжайте к Казанскому Собору. Организуется правительственная демонстрация”. Я сейчас же взяла наш кадетский зеленый флаг и помчалась к Собору. Народу масса. Успокоительно было видеть, что и у Временного правительства была народная поддержка»³⁷.

³⁶ Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника / публ. С. В. Шумихина // Минувшее. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 463. В. А. Амфитеатров, сын известного публициста и писателя А. В. Амфитеатрова, хоть и вращался перед революцией в демократической среде, но в глубине души был весьма не чужд антисемитизму, который особенно ярко проявлялся «на крутых поворотах истории». В своем дневнике 1917 года он отмечал: «Гучков издал приказ о допущении евреев к производству в офицерские чины, а также в офицерские училища. Это, конечно, правильно, но едва ли можно отрицать, что “генерал-фельдмаршал Канторович” или “генерал от кавалерии Цибельзон” как-то... не звучит» (Там же. С. 450). В дальнейшем, в эмиграции, он превратился в поклонника итальянского фашизма.

³⁷ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 79.

Напряжение тех дней хорошо описано в мемуарах Ф. И. Родичева. Член первого состава Временного правительства, министр по делам Финляндии, он вспоминал: «...кризис, Советы и гарнизон против Милюкова. Демонстрации. Милюков готов уйти в отставку, но против ЦК. Решено было устроить контрдемонстрацию за поддержку Временного правительства. Главным инициатором демонстрации был М. М. Винавер... Автомобиль с плакатом “Да здравствует Временное правительство” дошел в одиночестве только до Литейной [от партийного клуба на Гагаринской ул., то есть проехал метров 400–500. — В. К.], там сейчас пристали сочувствующие; когда автомобиль дошел до Большой Морской, за ним шла уже значительная толпа. Демонстрация имела успех. Демонстранты вернулись в повышенном настроении»³⁸.

В дни Июльского политического кризиса, когда А. Ф. Керенский и часть министров грозили отставкой, Винавера пригласили на заседание правительства, на котором решался самый сложный вопрос того момента — вопрос о власти. В условиях прямого противостояния между кадетами и представителями социалистических партий, когда кадеты прямо требовали разгона Советов, деятельность которых вела к дезорганизации жизни в стране, на заседании Винавер поставил вопрос перед социалистами — сторонниками правительства. Он заявил им: «Так возьмите всю власть себе, мы вам ее отдаем; вместо того, чтобы критиковать власть, несите за нее и ответственность»³⁹. Но, как известно, правительство не пошло на самые решительные действия и Советы не ликвидировало. В то же время симпатии части руководства партии к генералу Корнилову привели к опасности раскола в партии. А. Ф. Керенский в первых числах сентября

³⁸ Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 121. Центральный орган Партии кадетов, газета «Речь», на следующий день после этой демонстрации сообщала: «Вчера Петербург опять жил лихорадочной жизнью. Процессии, митинги, бесконечные манифестации на улицах, непрерывный треск телефонов в домах... а к концу дня поразительная картина, возникшая, словно по мановению волшебного жезла: торжество и ликование вокруг лозунгов «Долой анархию» и «Да здравствует временное правительство» (Речь. 1917. № 93, 22 апр. С. 1. Перед. ст.).

³⁹ Милюков П. Н. М. М. Винавер как политик. С. 30.

1917 года пригласил к себе В. Д. Набокова и М. М. Винавера. В его глазах они оба более, чем прочие, готовы были пойти на компромисс, так как опасались необратимого сползания страны к диктатуре. Как вспоминал сам Керенский, «после короткого и откровенного обсуждения все трое пришли к единогласному решению, что Милюкову следует внушить идею на время устраниваться от руководства партией»⁴⁰. Винавер прежде всего руководствовался страхом перед развалом страны, страхом перед моментом, когда ситуация станет неуправляемой. Отсюда и его вера в возможный успех работы Предпарламента — как некоего «народного представительства». Он был делегирован партией в эту структуру. Более того, его избрали товарищем председателя кадетской фракции П. Н. Милюкова. Одновременно Винавер вошел и в Совет старейшин⁴¹. В октябре он — еще и товарищ председателя Комиссии по борьбе с анархией. Отмечу, что в этой структуре он сотрудничал с евреями — представителями разных национальных партий и организаций, в том числе и Бунда.

Нельзя не отметить, что в 1917 году Винавер уже не был столь «узнаваемым» политиком. Это в 1905–1907 годах его фотографии мелькали в газетах. На него рисовали карикатуры, выпускались почтовые открытки, на которых он выглядел весьма внушительно и импозантно. В 1906 году портрет Винавера поместили даже на коробках с набором конфет⁴². Теперь же он, выполняя огромную организационную работу, составляя и редактируя множество определяющих партийных документов, избегал излишней публичности.

В начале мая Винавер совершил ряд поездок в различные города России, чтобы ознакомиться с положением дел в партийных организациях перед подготовкой к предстоящим муниципальным выборам. 1 июля на заседании ЦК партии он выступил против отставки кадетских министров. Старый его товарищ по партии и I Государственной думе Ф. И. Родичев вспоминал о дне 1 июля 1917: «Винавер вчера рассказал, что возможен кризис

⁴⁰ Цит. по: *Думова Н. Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 202.

⁴¹ Там же. С. 213.

⁴² Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 46.

правительства из-за украинского вопроса... Винавер с горечью передавал о майском кризисе: “Я говорил П. Н. Милюкову: уйти от власти легко, а возвращаться к ней придется через штыки”»⁴³. В период Июльского кризиса на заседании ЦК он принял активное участие в дискуссии о политической тактике. Он призывал к созданию коалиционного правительства с общей программой, учитывающей требования различных либеральных и демократических групп⁴⁴.

С осени 1917 года Винавер активно начал работать в Петроградской Городской думе. Выборы в это важнейшее учреждение столицы состоялись 20 августа 1917 года. Тогда городским головой был известный в революционных кругах эсер, публицист Г. И. Шрейдер. Выборы прошли в свободной и демократической обстановке. Отмечу, что в Литейном районе, в котором по кадетскому списку баллотировался Винавер, эта партия получила более 35% голосов, тогда как большевики — лишь 17%⁴⁵. Это привело к тому, что в составе Городской думы оказалось значительное число либералов и демократов, готовых поддержать Г. И. Шрейдера в его противостоянии большевикам. В этом составе Думы в Юридической комиссии соседствовали В. Д. Набоков и М. С. Урицкий. В Комиссии по народному образованию совместно с Винавером числились Н. К. Крупская, Е. Д. Стасова, А. С. Милюкова и З. И. Лилина. Думу захлестывали те же политические страсти, что все российское общество. Винавер в Петербургской Городской думе входил и в комиссию по делам о выборах в Учредительное Собрание. В дни июльского кризиса он, выступая в Думе, требовал введения смертной казни за пропаганду против войны. Обстановку в Городской думе описывал постоянно бывавший на ее заседаниях В. А. Амфитеатров-Кадашев. По его мнению, среди членов Думы царила растерянность. Особенно это, на его взгляд, было заметно среди эсеров. Наоборот, ему казалось, что более решительно держались возглавляемые Винавером кадеты. Уже 1 ноября 1917 года,

⁴³ Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 183.

⁴⁴ Там же. С. 191.

⁴⁵ Петербургская Городская дума: 1916–1918 / отв. ред. В. А. Нардова. СПб., 2005. С. 524.

когда большевистский переворот совершился, а в городе ждали войска под командованием генерала Краснова и Керенского, кто-то из социалистов обеспокоился тем, что их победа в случае взятия Петербурга приведет к «...репрессиям над большевиками, и предложил принять меры к предотвращению пролития крови... Этому сентиментальному болвану... прекрасно ответил Винавер: “Я считаю, что победившая законная власть не только имеет право, но и обязана проявить непоколебимую строгость”»⁴⁶.

В ходе избирательной кампании по выборам в Учредительное Собрание он, после многомесячного перерыва, проявил себя и как еврейский политик. Винавер обратился к российскому еврейству, так как считал, что его имя еще многое значит. Он заявлял, что «...ни один еврейский голос не должен быть неиспользованным в борьбе культуры и порядка с анархией и отсталостью»⁴⁷.

Если среди «широких народных масс» имя Винавера и не было особенно известно, но победившие большевики его хорошо знали. Сразу же после объявления об итогах выборов в Учредительное Собрание в Петрограде начались аресты неугодных политических деятелей. Винавера арестовали по распоряжению Военно-революционного комитета 18 ноября в здании Городской думы. Правда, наутро он был освобожден. В сумятице тех дней новая власть еще нечетко знала порядок действий⁴⁸. После освобождения Винавер более не возвращался на свою квартиру. Ведь буквально через несколько дней после того, как его выпустили из-под ареста, на Захарьевскую улицу в его дом «дважды приходили матросы его арестовать... к счастью, они моего мужа не настигли»⁴⁹. Винавер вместе со старшим сыном отправился

⁴⁶ Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника. С. 497–498.

⁴⁷ Цит. по: Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. С. 76.

⁴⁸ Арест Винавера тут же вызвал реакцию со стороны различных политических сил. Даже ЦК РСДРП (меньшевиков) выпустило специальное постановление «О насилии над М. М. Винавером» (См.: Ненароков А. П. Правый меньшевизм: Прозрение российской социал-демократии. М., 2011. С. 284).

⁴⁹ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 82.

в Москву, где продолжил работу по подготовке к выборам в Учредительное Собрание. Вскоре в Москву вынуждена была бежать и вся его семья. И хотя Винавер был выбран в Учредительное Собрание, он уже знал, что, согласно приказу нового правительства, он подлежал аресту. Он собирался приехать в столицу к открытию Учредительного Собрания, но все же спросил товарищей по партии о положении в столице и об их мнении на этот счет. Ф. И. Родичев вспоминал о визите к нему дочери Винавера: «Уговорите папу, чтобы не ездил сюда». Да и сам Винавер спрашивал — следует ли ему возвращаться ввиду предполагаемого открытия Учредительного Собрания. Я советовал лучше оставаться в Москве, ибо большой пользы от участия в открытии Учредительного Собрания не видел, не видел и возможностей борьбы»⁵⁰. Существование приказа об аресте руководителей кадетов уже было широко известно. Но не все последовали подобным предостережениям. Ф. Ф. Кокошкин все же отправился в Петроград и вместе с еще несколькими руководителями партии был арестован в доме члена ЦК С. В. Паниной. Ее саму отправили в «Кресты», а арестованных мужчин в Петропавловскую крепость. В ночь с 6 на 7 января 1918 года Кокошкин и Шингарев были убиты в Мариинской больнице.

В Москве весной 1918 года Винавер жил нелегально под чужой фамилией и постоянно менял квартиры. «М. М. изменил свой внешний облик, сбрил себе бороду и скрывался у друзей. Он очень исхудал и осунулся», — писала его жена⁵¹.

В это время в Партии кадетов возник острейший кризис, поставивший ее на грань раскола. Причиной этого стал вопрос о внешнеполитической тактике партии. 27–29 мая 1918 года в Москве прошла партийная конференция. В ней участвовали не только делегаты из Петрограда и Москвы, но и некоторые провинциальные деятели партии. Главным вопросом в повестке дня был вопрос о внешнеполитической ориентации. Винавер в своем докладе сформулировал идею создания союза со странами Антанты. Трагизм ситуации состоял в том, что, отчаявшись

⁵⁰ Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. С. 144.

⁵¹ Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 83.

хоть каким-то образом успешно противостоять «триумфальному шествию» большевизма, часть руководства партии во главе с П. Н. Милюковым решила принять прогерманскую ориентацию. Ведь на рубеже 1917–1918 годов казалось, что Германия медленно, но верно склоняет «чашу успеха» в свою сторону. Тем более, что значительная часть бывшей Российской империи оказалась уже оккупированной немецкими войсками⁵². В результате острых дебатов конференция партии большинством голосов приняла резолюцию, предложенную Винавером. Ее основное положение гласило: Россия остается верна союзническому долгу перед странами Антанты.

В эти дни он получил предложение о встрече и участии в совещании от известного социалиста-революционера Б. В. Савинкова. Савинков возглавлял тогда нелегальный Союз защиты Родины и свободы. Это предложение передал ему А. А. Виленкин. Выходец из состоятельной еврейской семьи, юрист, кадет с 1906 года, Виленкин, ставший за период войны полным Георгиевским кавалером, в 1917 году получил офицерское звание. Вскоре он стал руководителем Всероссийского Союза евреев-воинов. Вероятно, Виленкина — петербургского адвоката и активного кадета — Винавер мог знать лично. Винавер, посоветовавшись с товарищами, на это совещание не пошел. Ведь Савинкова он знал как человека, с его точки зрения, ненадежного, который поддерживал то Керенского, то генерала Корнилова. Все участники этого совещания были арестованы, и многих из них, в том числе и А. А. Виленкина, расстреляла ВЧК⁵³.

Через несколько дней, в июне, Винавера предупредили о неминуемом аресте. По имевшимся сведениям, ареста кадетов потребовало германское посольство⁵⁴. Снова ему со старшим сыном, который уже тогда стал его деятельным помощником во всех делах, пришлось бежать. По поручению партии он направился в оккупированный немцами Киев. Винавер вновь изменил внешность, обзавелся чужим паспортом, оделся так, как

⁵² Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 104–115.

⁵³ Красная книга ВЧК: 2 изд. М., 1989. Т. 1. С. 75.

⁵⁴ Там же. С. 84.

одевались тогда «простые люди». На всякий случай он не взял с собой ничего, что могло бы выдать его «буржуазное» происхождение. Более того, в момент проверки на границе, когда вагоны поезда обыскивали и проверяли документы, они с сыном... играли в карты⁵⁵.

В Киеве он застал совершенно иную обстановку. Сразу же после Февральской революции еврейские политические партии поддержали создание Центральной Рады и объявление автономии Украины. Несколько евреев стали министрами в украинском правительстве. Было создано и министерство по еврейским делам. В конце апреля 1918 года Центральная Рада была разогнана, и к власти пришел генерал П. П. Скоропадский. Вскоре практически вся Украина оказалась занята немецко-австрийскими войсками. В целом еврейское население с надеждой восприняло этот факт, надеясь на то, что будут прекращены антиеврейские погромы. В правительство Скоропадского вошли некоторые известные еврейские общественные деятели⁵⁶.

Целью поездки Винавера в Киев была встреча с находившимся там Милюковым и местными кадетами. О душевном состоянии Винавера той поры говорят и его впечатления о встрече с некогда заклятым врагом, монархистом и идейным антисемитом В. В. Шульгиным. В нем, в отличие от многих других бывших единомышленников, он обрел понимающего собеседника. Вспоминая об этой встрече, Винавер писал: «...двухчасовая беседа с ним дала мне полное удовлетворение. Я нашел в нем человека стойкого характера и большого душевного такта»⁵⁷. Их «единение душ» произошло вокруг идеи «Единой и неделимой России» и отрицания «измены» союзническому долгу. Но все его попытки убедить своих партийных товарищей сохранить верность союзникам ни к чему не привели⁵⁸. Уже 3 июля

⁵⁵ Когда-то, на рубеже веков, он не присоединился к группе «Освобождение», так как отвергал для себя участие в нелегальной антиправительственной деятельности.

⁵⁶ Abramson H. A. Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times: 1917–1920. Cambridge, 1999.

⁵⁷ YIVO. Vinaver Papers. RG. 84. F. 765.

⁵⁸ Возражения П. Н. Милюкова на тезисы М. М. Винавера на Конференции Партии народной свободы в Москве в мае 1918 г. (YIVO. Tcherikover Collection. RG. 84. F. 765. L. 63868–63902).

1918 года он сообщал ЦК партии: «Мое положение становится здесь нестерпимым»⁵⁹. Во время пребывания в Киеве Винавер попытался найти хоть какую-либо опору в еврейской среде. Он доказывал, что измена союзническому долгу и сотрудничество с правительством П. П. Скоропадского пагубно отразятся на положении украинского еврейства⁶⁰. Он встретился с министром торговли и промышленности, известным финансовым деятелем и кадетом С. М. Гутником. В своей «Записке» он сообщал: «...было у меня совещание с еврейской политической группой, примыкающей к кадетской партии. Но влияние Милюкова было столь велико, что “прогерманская ориентация” местных кадетов осталась непоколебимой»⁶¹. Вскоре он отбыл в Крым, где его уже ждала семья.

Винавер прибыл в Крым, когда при поддержке немецкого командования в нем уже работало Краевое правительство под руководством бывшего генерала русской армии С. Сулькевича, который главным образом опирался на крымско-татарских националистов. Однако Ноябрьская революция в Германии, события в Австро-Венгрии привели к капитуляции этих стран. В декабре 1918 года в Крыму высадились англо-французские войска, вскоре туда вошла и Добровольческая армия.

Во всех этих событиях Винавер принимал самое непосредственное участие. Среди политиков, оказавшихся в Крыму, он имел наибольший авторитет⁶². Следуя своим убеждениям в том, что Россия должна быть «единой и неделимой», он активно содействовал отстранению от власти правительства Сулькевича и созданию нового Краевого правительства. Это решалось на партийном совещании комитета кадетов на даче самого Винавера. Во главе правительства встал известный местный общественный

⁵⁹ YIVO. Tcherikover Collection. RG. 84. F. 765. L. 63869. Позднее он отправил из Крыма подробный отчет: «Записка М. М. Винавера о своей поездке в Киев летом 1918 г.» (Ibid. L. 63873–63892).

⁶⁰ YIVO. Tcherikover Collection. RG. 84. F. 765. L. 63897.

⁶¹ Ibid.

⁶² При этом один из его «товарищей по партии» Ю. Ф. Семенов писал А. В. Тырковой-Вильямс, характеризуя собравшихся в Крыму общественных деятелей: «...есть умный еврей Винавер, самый умный из всего комитета, но он, прежде всего еврей, чистый, благородный, но все-таки только попутчик — а до какого места?» (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 819).

деятель, кадет и бывший депутат Государственной думы, караим С. С. Крым. Предваряя эти события, сам Винавер ездил в Екатеринодар — тогда негласную столицу Белого движения. Здесь он заручился поддержкой командования Добровольческой армии. В ноябре 1918 года он встретился в Екатеринодаре с «правой рукой Деникина» — генералом А. М. Драгомировым. Эта «целевая» встреча была вызвана сообщением из Крыма о подготовке там еврейского погрома. Со слов Винавера, Драгомиров разделял его обеспокоенность и потому отправил в Крым командующему расположенными там частями Белой армии телеграмму, в которой было указано: «Добровольческая армия относится с величайшим негодованием к попыткам восстановить одну национальность, один класс против другого»⁶³. Все свои действия той поры он объяснял необходимостью противостоять большевизму и борьбой за сохранение целостности России⁶⁴. Вообще-то некоторые кадеты, вошедшие в Крымское Краевое правительство, состоящее в основном из представителей демократических партий, видели в нем даже некий образец для других сторонников Белого движения⁶⁵. К тому времени в Крыму находилось уже немало представителей научной и художественной интеллигенции, бежавшей от войны из Петрограда и других городов. Среди них был и недавний соратник Винавера по ЦК Партии кадетов В. И. Вернадский. Вместе с ним он принял участие в создании в Симферополе Таврического университета.

В правительстве С. С. Крыма Винавер занял пост министра внешних сношений⁶⁶. В этой работе в качестве секретаря министерства ему помогал его старший сын — Евгений.

⁶³ Винавер М. Наше правительство: (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928. С. 52–53.

⁶⁴ Там же. С. 2–3.

⁶⁵ Позднее, вернувшись на время к власти в Крыму, руководители Белого движения отменили все решения старого Краевого правительства («Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг. Т. 8. С. 209).

⁶⁶ В связи с этим все тот же В. Амфитеатров-Кадашев не мог не удержаться и не связать по поводу состава Крымского правительства: «Все в высшей степени прилично. Но воображаю самодовольствие Винавера, когда его титулуют “Вашим Высокопревосходительством”!» (Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника. С. 540).

Правительство Крыма сразу активно проявило себя. В опубликованной правительственной декларации, адресованной Добровольческой армии и союзникам, говорилось о том, что «Единая Россия мыслится правительством не в виде прежней России, бюрократической и централизованной, основанной на угнетении отдельных народностей, но в виде свободного демократического государства, в котором всем народностям будет предоставлено право культурного самоопределения. Вместе с тем правительство убеждено, что обеспечение благополучия и процветания всех народов, населяющих Россию, ни в коем случае не может быть построено на отрицании единой России, на ее ослаблении и на стремлении к отторжению от нее...»⁶⁷. В мае 1919 года Винавер составил «Справку» о деятельности правительства С. С. Крыма. В ней он утверждал, что вся работа правительства направлена на то, чтобы эта территория вновь стала частью России; что оно и «...основывает свою деятельность на началах русской государственности во внутренней политике и верности союзникам во внешней политике»⁶⁸.

В то же время работа в Крымском правительстве являлась лишь частью напряженной деятельности, которую вел Винавер в тот период. Вряд ли когда-либо прежде он мог предполагать, что ему придется применить все свои лоббистские навыки и связи не только в деле отстаивания прав российского еврейства, но и в агитации союзных стран в защиту Белого движения. И здесь ему, по всей видимости, пришлось «покрыть душой». До Запада дошли сведения о еврейских погромах, совершаемых Добровольческой армией и прочими частями, представлявшими Белое движение⁶⁹. Известия о растущем антисемитизме в рядах Белого движения стали поступать к Винаверу еще в начале лета 1918 года. На встрече с руководством

⁶⁷ Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника. С. 27.

⁶⁸ Красный Архив. 1927. Т. 3 (22). С. 230; Зарубин А. Г. Второе Крымское правительство: (Ноябрь 1918 — апрель 1919 г.) // Отечественная история. 1998. № 1. С. 65–76.

⁶⁹ Шехтман И. Б. Погромы Добровольческой армии на Украине: (К истории антисемитизма на Украине в 1919–1920 гг.). Берлин, 1932; Kenez P. Pogroms and White Ideology in the Russian Civil War // Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / ed. by J. D. Klier, Sh. Lambroza. Cambridge, 1992. P. 293–313.

Добровольческой армии и лично с А. И. Деникиным он поднял этот вопрос, но получил заверение о том, что подобные эксцессы будут пресекаться. Трудно сказать, в какой степени генералы были искренни в своих стремлениях. Наиболее умные из них понимали, что любое насилие по отношению к мирному населению ведет к разложению армии⁷⁰. С другой стороны, им хотелось все же выглядеть респектабельно в глазах цивилизованного мира, тем более что они нуждались в материальной и финансовой поддержке.

Многие из руководителей Белого движения были убеждены в огромном влиянии еврейства в западных странах и его определяющей роли в деле помощи антибольшевистской России. Исходя из этого, лидеры Белого движения стремились использовать патриотизм Винавера, его известность и авторитет для того, чтобы если не дезавуировать, то хотя бы смягчить реакцию мирового еврейства на поток антисемитской пропаганды и погромов. И они нашли в Винавере полное понимание. Так, в переписке с известным британским политическим и еврейским национальным деятелем Л. Вольфом он подчеркивал, что является не только еврейским, но и русским политическим деятелем. Он уверял его, что защищает Россию, понимая, что распад державы станет трагедией для российского еврейства⁷¹. Выступая, где только можно, он постоянно затрагивал эту тему⁷². В июне 1919 года Винавер получил просьбу от представителя адмирала Колчака в США Г. Угета сделать заявление в западной прессе по проблеме положения еврейского населения как в Советской России, так и на территориях, занятых белыми армиями⁷³. Откликаясь на эту просьбу, М. М. Винавер выступил с заявлением. Во-первых, он опроверг распространенное мнение о том, что российское еврейство повсеместно

⁷⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 5 т. М., 1991. Т. 5. С. 534; Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 217–218.

⁷¹ Levene M. War, Jews and the New Europe. P. 305.

⁷² Szajkowski Z. Kolchak, Jews and the American Intervention in Northern Russia and Siberia: 1918–1920. New York, 1972. P. 135–136.

⁷³ Большевиизм и русское еврейство: (Из архива М. М. Винавера) / публ. и коммент. А. Степанского // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1996. № 1 (11). С. 196–197.

поддерживает большевиков. При этом он подчеркнул тот факт, что неприятие советской власти охватило не только буржуазные слои населения, но и евреев, настроенных демократически⁷⁴. «Достаточно указать, — писал он, — что ни одна еврейская социалистическая партия не примкнула к большевизму». Винавер подчеркивал: «...езде, где воцаряется большевизм среди еврейского населения... воцаряется нищета и голод... Большевистский режим привел к полному уничтожению промышленности и торговли, и еврейское население, участвующее, в значительной массе, в торгово-промышленной жизни, в конце разоряется». В этом заявлении он призвал американское еврейство содействовать своим российским собратьям в деле поддержки «демократической системы управления России, представленной правительствами Колчака и Деникина»⁷⁵.

Антисемитизм в рядах Белого движения, казалось, только усиливался. Несмотря на заверения его руководства, там, где Белая армия добивалась успеха, происходили погромы. Белая публицистика все настойчивее вела антисемитскую пропаганду. Как констатировал О. В. Будницкий, «такова была “плата” Винаверу, отстаивавшему единство России и призывавшему

⁷⁴ А в то же время бундист А. Литвак вспоминал: «...во времена большевизма, наши интеллигенты и немногочисленная рабочая интеллигенция со всем своим еврейским темпераментом стали рваться в комиссары — через протекцию, сгибаясь в три погибели перед начальством, подставляя другому ножку. Каждый юноша в Бердичеве мечтал о квартире в Кремле, тем временем, ногтями и зубами цепляясь за возможность стать хотя бы комиссариком в сквере» (*Litvak A. Vinaver. P. 274*). Ему вторил и сионист Б.-Д. Бруцкус. В 1921 году он не без раздражения писал в одном из писем: «Каждый день, каждый час, все больше и больше укрепляется ощущение, что “schlimasel’sкий” народ ухитрился в великую эпоху иметь захудалое поколение» (*CZA (ЦЗА) — Central Archives Zionism. Jerusalem, Israel (Центральный сионистский архив. Иерусалим, Израиль. № 163/8/2) (Шлимазл — ‘неудачник’ (идиш))*).

⁷⁵ *Litvak A. Vinaver. С. 200*. Подробнее об этом см.: Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. С. 375–378. Эта сторона деятельности М. М. Винавера не осталась незамеченной и большевиками. В августе 1919 года в газете «Известия» появилась статья «Генерал Деникин и два харьковских еврея». В ней он, наряду с другими «представителями еврейской буржуазии», изобличался как сторонник контрреволюции (Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. С. 130–131).

лидеров американского, британского и французского еврейства поддержать Колчака и Деникина»⁷⁶.

Но если подъем антисемитизма в рядах Белой армии был все же ожидаем, и, поддерживая «Белое дело» перед лицом мирового сообщества, Винавер вынужден был кривить душой, то проявления этих настроений среди соратников по партии поставили Винавера на грань моральной катастрофы. То, что подобные настроения и раньше «посещали» некоторых кадетских деятелей, для него секретом не было. Теперь же, когда кадеты полностью ассоциировали себя с Белым движением и вошли во многие его гражданские структуры, в том числе и пропагандистские, они стали подыгрывать настроениям, царившим в армейской среде⁷⁷. Многие, даже видные деятели партии, оказались настолько шокированы происходящими событиями, что потеряли способность к объективному и трезвому мышлению. При первых проявлениях антисемитизма некоторые евреи-кадеты стали выражать протест. Так, член ЦК, знаменитый московский адвокат М. Л. Мандельштам заявил своим коллегам: «Я люблю Россию больше, чем еврейство. Еврейский вопрос есть вопрос государственный. Необходимо с ним считаться. Это и вопрос партии. Есть Троцкие и Виленкины, страдает и еврейская буржуазия...»⁷⁸

⁷⁶ Там же. С. 501. Как бы он ни старался, но в глазах наиболее консервативной части руководства Белого движения он все равно оставался «чужим». Так, Н. В. Савич, человек, близкий к Врангелю, выступая против контактов с Милуковым, в 1921 году утверждал, что тот всего лишь: «...творит волю пославшего его, то есть Винавера и прочих жидовских царьков...» (Савич Н. В. После Исхода: Парижский дневник 1921–1923. М., 2008. С. 54–55).

⁷⁷ Все та же А. В. Тыркова-Вильямс так описывала свою встречу в сентябре 1919 года с хорошо знакомым ей кадетским публицистом П. Я. Рыссом: «Утром пришел Рысс. Худой, нервный, издерганный, желтый и весь дрожащий от внутренней тревоги, которую старается скрыть за шутками. В Одессе голодал, ежеминутно ждал смерти, но вместе с офицерами организовал контрреволюцию. Приехал сюда, думал найти что-то общее, близкое, ясное и наткнулся на антисемитизм.

— Я все понимаю, но пусть скажут прямо, пусть будет открытая политика... Ведь если евреи будут против, они весь мир подымут. Вы знаете, у них и биржи и газеты. Они сила». Интересно, что сама Тыркова ответила своему товарищу по партии: «Мне его жаль, а что делать? Я ему сказала: “Офицерство против евреев, и разве этому можно удивляться? Комиссары почти сплошь евреи, и вы это знаете. Надо иметь мужество пережить эту полосу”. Но я понимала, что нет у меня слов для него» (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 231).

⁷⁸ Цит. по: Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. С. 349.

Но эти протесты не возымели особого действия. Квинтэссенцией «поворота» в идеологии былой, юдофильски настроенной интеллигенции стала статья писателя И. Ф. Наживина «К еврейской интеллигенции», опубликованная в кадетской газете «Свободная речь». В ней бывший толстовец, автор юдофильского рассказа «Братья» по существу практически требовал изгнания евреев из России⁷⁹. 3–6 ноября 1919 года в Харькове прошло партийное совещание. На нем, как отметил О. В. Будницкий, «...ответственность за происходящие возлагалась, по сути, на самих евреев; недвусмысленно провозглашался принцип коллективной ответственности и как будто подтверждался тезис многочисленных антисемитских брошюр и листовок о некоем едином руководящем центре у евреев»⁸⁰. В резолюции этого совещания говорилось: «Сознательные и руководящие круги еврейства должны объявить беспощадную войну тем элементам еврейства, которые, активно участвуя в большевистском движении, творят преступное и злое дело...»⁸¹

Можно только себе представить состояние М. М. Винавера при ознакомлении с этими резолюциями конференции родной для него партии.

Слабым утешением для него могло стать только то, что ближайшие его старые соратники: П. Н. Милюков, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, В. Д. Набоков и другие — практически осудили подобный «уклон» партии.

Но это было уже тогда, когда решалась судьба Крыма. Иностранные войска покидали полуостров. Было ясно, что сил у самого Краевого правительства для обороны недостаточно. Р. Г. Винавер писала: «Пощады нам, как причастным к правительству, не могло быть никакой, и большевики расстреляли бы не только меня с мужем, но и наших маленьких детей. Поэтому для себя с мужем я приготовила яд, а младших детей должна

⁷⁹ Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. С. 354–355. В конце этой статьи он писал: «“Россия, прежде всего для русских” — вот нарождающийся лозунг, который объединит вокруг себя миллионы в самом скором времени» (Там же. С. 355–356).

⁸⁰ Там же. С. 357–358.

⁸¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3, кн. 2. С. 147.

была взять с собой в нанятую квартиру А. С. Милюкова, у которой был чужой паспорт...»⁸² В итоге «союзники» согласились эвакуировать членов правительства и их семьи. 15 апреля 1919 года М. М. Винавер навсегда покинул Россию.

Он в тот момент был совершенно убежден в том, что борьба еще не окончена, и вскоре ему предстоит вернуться.

⁸² Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера. С. 96.

Глава 14

ПОСЛЕДНИЙ ЛОББИСТ

Будет ли Петлюра или Ленин,
Самостийность или Совнарком,
Результат событий неизменен:
В Кишиневе предстоит погром.

1918 г.¹

Отведите, но только не бросьте.
Это — люди; им жалко Москвы.
Позаботьтесь об этом прохвосте:
он когда-то был ангел, как вы.
И подайте крыло Никанору,
Аврааму, Владимиру, Льву, —
смерду, князю, предателю, вору:
ils furent des anges comme vous².
Всю ораву, ужасные выи
стариков у чужого огня,
господа, господа голубые,
пожалейте вы ради меня!

Владимир Набоков³

1943 г.

Прибыв во Францию, семья Винаверов поселилась в небольшом поселке Кап д'Аль на Юге страны в загородном доме, приобретенном еще до войны⁴. Сам Винавер уехал в Париж, где прежде всего с удвоенной энергией начал оказывать давление на инертные, по его мнению, внешнеполитические структуры Белого

¹ Цит. по: *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника. С. 534.

² Они были ангелами как Вы (фр.).

³ *Набоков В. В.* Парижская поэма. Бостон; Кембридж, 1943.

⁴ Вместе с Винавером Россию покинула вся его семья: Валентина (1895–1983) — врач. Активно участвовала в работе Общества русских врачей во Франции. С 1947 года — один из руководителей французского отделения ОРТ; Евгений (1899–1979) — филолог, литературовед, специалист по истории средневековой французской литературы, профессор Оксфордского и Манчестерского университетов; Софья (1904–1964) — юрист, окончила Парижский университет, в период войны — юридический советник Комитета Сопротивления, сотрудник генерала Ш. де Голля. С 1947 года — сотрудник аппарата ООН; Михаил (1906–1920) скончался во Франции после тяжелой и продолжительной болезни.

движения. Он стремился во что бы то ни стало предотвратить международные тенденции игнорирования интересов России. Пользуясь своими связями, Винавер добивался полноценного участия представителей России на многочисленных международных конференциях по установлению нового послевоенного устройства. Одновременно он пытался противостоять процессу международного признания Советской России. В этом отношении огромное значение имела борьба вокруг различных точек зрения, представленных в антибольшевистском движении. Большинство руководства Белым движением выступало за «Единую и неделимую Россию», тогда как наиболее либеральные силы понимали, что возрождение бывлой империи теперь не более чем опасная утопия.

Высоко оценивая авторитет Винавера в международных кругах, некоторые представители России за границей обращались к нему с призывом вмешаться в события. Так, М. С. Аджемов⁵, отмечая игнорирование интересов России при переустройстве послевоенного мира и роли в этом представителей ряда народов, живших некогда в Российской империи, писал ему: «Вы умнейший и мудрейший из нас, хотя часто мы с Вами и не соглашались, но я уверен, что и без моего письма понимали то, что я Вам сообщаю. Нужно принять решительные меры к тому, чтобы здесь защита интересов была организована через элементы более “левые”, выражаясь попросту. Надо внушить это и друзьям справа. Нужно, чтобы мы все сказали, что форму Правления определяет сам народ...

⁵ М. С. Аджемов — член ЦК Партии кадетов, бывший депутат Государственной думы и член Временного правительства, жил тогда во Франции и активно участвовал в защите интересов России на международной арене.

М. С. Аджемов по национальности — армянин, родом из Нахичевани-на-Дону. Попутно нельзя не отметить и то, что М. М. Винавер имел авторитет не только политический, но и «человеческий». В эти годы к нему часто обращались и для разрешения бытовых и материальных проблем. Так, в августе 1920 года он получил письмо от вдовы адмирала Колчака: «Глубокоуважаемый Максим Моисеевич, не откажите принять участие в нашей судьбе. Хотела бы Вас повидать, чтобы посоветоваться о своих делах. Где Вас можно застать после 1-го октября? Забота о будущем сына лежит на мне, и я обращаюсь к Вам, думая, что Вы скорее, чем кто-либо другой, можете разобраться в создавшемся положении...» (YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 766. L. 63969). Сын А. В. Колчака Ростислав получил впоследствии во Франции высшее образование, участвовал во Второй мировой войне.

Дорогой Максим Моисеевич, в эту трудную для России минуту, когда, как крысы с утопающего корабля, бегут, кто может, Вы “инородец” и я “инородец” — остались ей верны...»⁶

В то же время Винавер вновь был вынужден сосредоточиться на работе по защите еврейских национальных интересов, в данном случае против наступления антисемитизма не только в российском, но и в международном масштабе.

Между тем из России приходили тревожные известия о попытках части руководства Партии изменить не только тактику, но и ее идеологию. В том числе все решительнее правые члены ЦК позволяли говорить чуть ли не о коллективной вине российского еврейства «в бедах России». По этому поводу Винавер писал И. И. Петрункевичу: «Но я не отождествляю партию с теми нашими товарищами, которые сейчас в Екатеринодаре. Партия наша в нашей программе, в наших традициях. И, если когда-нибудь, мы, живые и современные носители этих идеалов и традиций, соберемся и увидим, что на лице наших товарищей разлилась гримаса, которая теперь застыла на всей нашей екатеринодарской группе, — то с болью душевной придется нам с Вами сказать — что партия наша сохраняется среди меньшинства, с нею мы не враждуем и в ее среде будем себя чувствовать так же душевно хорошо, как и раньше». Он назвал эту «гримасу» «...скверной и мертвенно застывшей»⁷.

В своих действиях Винавер стремился объединить все возможные силы, всех тех, кто не приемлет большевизм. В июле 1919 года в Париже он встречается с представителями самых различных политических направлений: Б. В. Савинковым, М. С. Аджемовым, Н. Н. Львовым, М. В. Вишняком, И. И. Фондаминским, Н. Д. Авксентьевым, Б. А. Бахметьевым, В. А. Маклаковым, Н. В. Чайковским, В. Л. Бурцевым⁸. Его цель — объединить все силы в борьбе за Россию. Но и тогда, и позднее он не был настолько наивен, чтобы не знать и не чувствовать того, что русская эмиграция не испытывает к нему особо «теплых чувств». Он следил за русской прессой,

⁶ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 766. L. 63968–63968 об.

⁷ «Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920-е гг. Т. 8. С. 209.

⁸ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 88. F. 790. L. 66026.

получал информацию от многих знакомых и сочувствующих его усилиям эмигрантов. Теперь, после краха в России всех иллюзий, многие вновь стали приписывать ему особую негативную роль в истории, отрицательное влияние, оказываемое им на отдельных политических деятелей⁹.

Особую озабоченность у него вызывало распространение антисемитизма в среде русской эмиграции.

Его волновало появление мифа о некой коллективной ответственности еврейства за то, что происходило в России. Информацию о событиях он получил и из первых рук. В октябре 1922 года из Советской России выслали хорошо знакомого ему по Петербургу, в том числе и по участию в общественном движении 1905–1907 годов, одного из руководителей ЕКО, выдающегося экономиста Ю. Д. Бруцкуса¹⁰. Человек блестящего, критического ума и глубокого, многостороннего образования, он после 1917 года остался в России и находился в эпицентре событий. Поэтому его свидетельства были для Винавера необыкновенно важны. В моем распоряжении нет писем самого Винавера, но представление о его настроении можно составить по ответам Бруцкуса. Так, в июне 1924 года тот писал: «Ваше ощущение надлома имеется, конечно, и у меня. Получается впечатление, что как будто значительно бо́льшая часть работы нашего поколения пошла прахом. Особенно грустны перспективы евреев. Палестина не искупит разгрома восточно-европейского еврейства»¹¹. В то же время Бруцкус готов был разделить ответственность за все, что творилось в России, в том числе и за роль в этом евреев, и за сотрудничество с большевиками. Он писал: «Я в России

⁹ Так, философ И. И. Ильин, критикуя политику П. Н. Милюкова в эмиграции, утверждал, что тот «не ненавидит Россию», но за ним якобы “стоит более умный и ненавидящий Россию крепко — М. М. Винавер” (цит. по: Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. С. 501).

¹⁰ Коган В. Борис Бруцкус — ученый и правозащитник // Евреи в культуре русского зарубежья: сб. ст., публ., мемуаров и эссе. / изд. и сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 476–484. Отметим, что его брат Юлий, видный деятель сионистского движения, еще в 1890-е годы тесно сотрудничал с Винавером в рамках работы Исторической комиссии при ОПЕ.

¹¹ Осколки: Из переписки бывших петербургских еврейских общественных деятелей в 1920-х гг. / публ., вступ. ст. и коммент. М. Бейзера и В. Кельнера // *Judaica Petropolitana*. 2015. № 4. С. 198.

работал с ними. Ничего не поделаешь, если незрелый русский народ отдал им на горе себе, власть. Но я всегда строго держался принципа, что только за синей скатертью с ними сижу, но не за белой. Я вел с ними дела, но в личные отношения с убийцами не входил»¹². Бруцкус необыкновенно остро переживал за судьбу оставшегося в Советской России еврейства, за эволюцию его морального состояния. «Меня ужасно огорчает, что евреи так легко относятся к преступлениям этих фанатиков, — писал он Б. Богену. — Завтра контрреволюционеры устроят массовые погромы, и тоже скажут — для хорошего дела, для преодоления большевиков. Только те, кто принципиально отвергают такие мерзкие средства, все равно, кто бы их ни применял, могут с чистой совестью призывать к гуманным чувствам человечества»¹³.

Как писал Винавер П. Н. Милюкову в августе 1922 года, «тут проснулось нечто примитивное. Примитивное чувство и примитивные, до нелепости, наивные рассуждения. Чувство ищет круговой ответственности, и на подмогу является притаившаяся где-то архаическая мысль о всемогуществе еврейства, как целого, о способности его внушать всем поголовно евреям обязательные правила “политического такта”». В данном случае он имел в виду выступления в печати недавно высланных из Советской России бывших союзников по общественному движению — Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича. Далее он писал: «Я верю, что с этим борется сознание, а что — поскольку речь идет о Кусковой и Прокоповиче — оно победит. Более безотрадно, что это настроение захватило, по-видимому, более широкие круги интеллигенции, в которых я не столь уверен. Страшно думать о том, что ждет в этих условиях еврейство; страшно подумать и о том, что Россия — и в особенности русская интеллигенция, — оставшись с глазу на глаз с единственной группой “инородцев”, уронит и затопчет в прах те высокие интеллигентские заветы — в области национальной проблемы, которые одни способны создать крепкую многонациональную Россию»¹⁴.

¹² Осколки: Из переписки бывших петербургских еврейских общественных деятелей в 1920-х гг. С. 194.

¹³ Там же.

¹⁴ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 766. L. 63962.

Винавера взволновало то, что это поветрие в известной степени перекинулось и на часть зарубежных политических деятелей¹⁵. При этом его основным тезисом, который он высказывал во всех возможных аудиториях, было то, что еврейство непосредственно заинтересовано в восстановлении России единой и неделимой, сильной и либеральной. С этими доводами он выступал на встречах и в переписке с Л. Вольфом, С. Рейнаком, Л. Маршалом и в своих публикациях на страницах специального журнала *Straggling Russia*¹⁶. Он даже попытался возродить былую Еврейскую народную группу, благо среди эмигрировавших из России были представители еврейско-русской интеллигенции и некоторые активные люди, некогда составлявшие ядро либерального движения. Настроения, высказанные им, весьма симптоматичны и соответствовали тогдашнему его настроению. Он писал: «Еврейская народная группа с момента своего возникновения в 1907 году ставила своей задачей борьбу за еврейское равноправие и охрану культурных ценностей еврейского народа. Борясь за равноправие, Группа всегда шла рука об руку с русскими демократическими партиями, твердо веря, что установление в России государственного строя, основанного на уважении к правам и свободам, лучше всего гарантирует и не только физическое сохранение еврейского народа, но и полное развитие духовных его сил. Еврейская народная группа никогда не связывала судьбу еврейского народа с созданием для него отдельного государственного бытия, с особой территорией — будь в Палестине или в другом месте. Являясь гражданами тех стран, с которыми их связала судьба, евреи обязаны вести политическую борьбу совместно со своими союзниками не евреями, и должны выполнять свою обязанность лишь в качестве культурно-национального целого. Отстаивая такое свое положение, еврейство не только оградит себя от вражды окружающих народов, но и окрепнет духовно, и даст возможность исполнить ту миссию, которая завещана нам великими нашими первоучителями

¹⁵ Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. С. 376–385.

¹⁶ Vinaver M. The Russian Problem and the Jews // *Straggling Russia*. 1920. N 4; Vinaver M. Federalism, Autonomy and the Rights of Nationalities in Russia // *Straggling Russia*. 1920. N 7. P. 2.

и которую в течение тысячелетий исполняло еврейство, в деле служения общим идеалам правды и добра.

Оказавшись на чужбине, вместе со своими русскими соотечественниками, гонимые из давней родины невыносимым деспотическим режимом большевистской власти, члены Еврейской народной группы испытывают потребность сомкнуть вновь свои ряды для борьбы во имя указанных выше идеалов. Отстаивая демократические принципы, будем бороться против большевистского режима, как через посредство отдельных своих членов, входящих в состав общедемократических партий, так и непосредственно воздействовать на еврейские темы, отстаивая еврейскую гражданственность, она будет бороться против стремления объединить еврейство разных стран в единый исторический организм»¹⁷.

В новых условиях Винавер был рад любой поддержке, но при этом старался сохранять политическую принципиальность. Так, в ответ на приглашение группы еврейских общественных деятелей-эмигрантов принять участие в созданном ими объединении он писал: «Я не могу участвовать в предполагаемой организации по принципиальным соображениям. Организация эта в настоящих условиях не может быть аполитична. Если она ставит себе задачей заботу о будущем евреев в России и, в частности, о способах предохранения от погромов, то тут и возникает в первую очередь вопрос о том: на какие политические силы еврейство может рассчитывать в борьбе с погромами и вообще антисемитскими настроениями в будущей России после свержения большевиков, и в самый период предстоящей борьбы с ними. По этому вопросу существует сейчас в заграничном еврействе два резко очерченных направления — непримиримых и исключаящих друг друга. Одни полагают, что Россию ждет жестокая реакция, — иные видят в этом даже единственный путь спасения России, — и отсюда делается практический вывод: надо теперь же сходить с более правыми элементами, участвовать совместно с ними в разных организациях, чтобы снискать их расположение и сочувствие в будущем для еврейского дела. Другие, наоборот, считают необходимым вести

¹⁷ YIVO. Tcherikover Collection. RG. 84. F. 790. L. 66030–66037.

самую жестокую борьбу с этими именно элементами, уверенные, что, поборов большевиков и приобретя силу, они первые же повернутся против евреев, следуя и старым традициям своим и неискреннему убеждению, что все зло большевизма исходит от евреев. И всякие воспоминания о временных заслугах людей, сидящих с ними вместе в заграничных комитетах, будут с насмешками и презрением отброшены. Прежняя, испытанная нами ненадежность этих элементов еще значительно усилилась, благодаря легенде об еврейско-большевистском засилье. Этих людей ничему не научила кровь наших детей, лившаяся в рядах Добровольческой Армии, их ничему не научат наши увещевания и наши дружеские жесты. Пора это увидеть ясно. Борьба становится чрезвычайно трудной, и еврейство не должно ослаблять своей силы сопротивления бесплодным и парализующими его попытки призрачного сближения с теми, кто не является его искренними и стойкими друзьями — по принципу, а не по временному темному расчету. Если России суждена реакция, то надо себе сказать открыто, что еврейство, как и в старь, будет в рядах борцов против реакции, и что все надежды на изменение психологии реакции тщетны. Мы можем опираться только на те силы, которые, невзирая на все тягостные перипетии гражданской войны, устояли против антисемитской пропаганды. Усиливать их надо в интересах еврейства и не ослабляя компромиссом с элементами им враждебными. Таково второе направление среди еврейства. Этому второму направлению и я следую. И я мог бы объединиться в политическую организацию с теми, кто *этим* [выделено в тексте. — В. К.] путем ищет спасения еврейства...»¹⁸

В то же самое время Винавер вошел в контакт с некоторыми деятелями сионистского движения. 24 июня 1922 года Лига Наций приняла так называемый «Палестинский мандат». Это был второй после Декларации Бальфура документ, в котором подтверждалось право еврейского народа на проживание в Эрец Исраэль, на создание на древней земле предков «национального

¹⁸ Ibid. F. 794. L. 65983–65984. Мне думается, что это письмо было направлено к создателям печально известного «Отечественного объединения русских евреев за границей».

очага». В связи с этим Винавер направил поздравительную телеграмму известным ему лично видным деятелям сионистского движения в России: М. Алейникову, Н. Соколову и М. Моцкину¹⁹. В ответе, подписанном М. Алейниковым, было, кроме слов благодарности, высказано их желание «...выразить Вам, насколько тронуло нас Ваше отзывчивое внимание к душевному удовлетворению, наиболее переживаемому теми, кто ближе других стоял к делу борьбы за торжество идеи национальной независимости еврейства. Говорю, — наиболее остро, — потому что ни минуты не сомневаюсь, как не сомневался и раньше, что при разности угла зрения, при нюансах темперамента, подавляющее большинство еврейских общественных и политических деятелей не могли не видеть в Палестинском достижении великого шага по пути международного признания за еврейством его права на достойную, гордую, свободную жизнь»²⁰. Далее Алейников писал о возможной кооперации между сионистами и другими направлениями еврейского общественного движения: «Вы, конечно, понимаете, глубокоуважаемый Максим Моисеевич, что когда мы говорим и думаем о такой кооперации, то нам в первую голову хотелось бы видеть Вас в числе не только сочувствующих поздравителей, но и содействующих друзей»²¹.

В ноябре того же года Винавер получил послание от председателя Всемирной сионистской организации Х. Вейцмана. Признанный лидер мирового сионизма просил у Винавера его содействия по сближению с антисионистски настроенными руководителями еврейской общины во Франции. Вейцман писал: «Несмотря на то, что в последние годы произошло некоторое

¹⁹ Забыта была прежняя непримиримая вражда. В новых условиях Винавер уже старался не припоминать свое выступление на съезде Еврейской народной группы. Тогда в полемическом азарте он сказал: «Сионизм по существу своему не может и не должен прочно связываться с той или иной формой государственной жизни здесь [выделено в тексте. — В. К.]. Какой режим ему дает наиболее легкий способ “убраться”, тот и будет для него годиться» (Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 14). Интересно, что, по данным известного израильского историка И. Маора, дочь Винавера Валентина в годы Первой мировой войны не только входила в Сионистскую молодежную организацию Гехавер, но и была членом ее Центрального комитета (Маор И. Сионистское движение в России. С. 302).

²⁰ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 770. L. 64429.

²¹ Ibid.

сближение между сионистами и не-сионистским миром, я все-таки чувствую, что официальные органы французского еврейства еще не готовы на совместную работу, на которую мы хотели бы пойти. Я знаю, что Вы все эти сферы хорошо знаете, и мне известно, каким влиянием Вы пользуетесь среди них. Я знаю также, что Вы не откажетесь принять участие в палестинской работе в это тяжелое и критическое время, переживаемое еврейством, и я позволю себе обратиться к Вам с просьбой помочь в создании Jewish Agency, которое призвано взять на себя строительство Палестины»²². В новых условиях Винавер скорректировал свои отношения с сионистским движением, фактически признав его важной частью национального движения российского еврейства. Это он объяснил в специальной статье в сборнике «Свершение»²³. Но все же свою статью он назвал «Голос не-сиониста». В ней он писал о том, что принятие Декларации Бальфура и признание права еврейского народа на создание «национального дома в Палестине» в корне меняют взаимоотношения с сионистским движением, так как: «...Палестина дана еврейству, всему [выделено в тексте. — В. К.] еврейству. Ее нужно принять с достоинством. И это достоинство требует единодушия»²⁴.

В 1921 году М. М. Винавер восстановил связь и с С. М. Дубновым. Они общались, то полемизируя, то тесно сотрудничая, на протяжении двадцати лет. Политически между ними пролегла пропасть. Ведь Дубнов был националистом, идеологом автономизма²⁵. А Винавер — почти «ассимилянтом», либералом. Правда, это не мешало им относиться друг к другу уважительно и сотрудничать в различных общественных национальных структурах. Весной 1922 года Дубнову удалось эмигрировать на Запад. Узнав об этом, Винавер дал ему поздравительную телеграмму. Затем написал письмо, в котором вспоминал о «...прошлом, о разрушенном гнезде, в котором как-никак, несмотря на все шероховатости и разномыслия, все-таки творилась большая

²² Ibid. RG. 87. F. 762. L. 63791.

²³ Винавер М. Голос не-сиониста.

²⁴ Там же. С. 103.

²⁵ См.: Rabinovitch S. Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia.

общая культурная и политическая работа на пользу еврейства»²⁶. Теперь, по словам Дубнова, начался процесс «восстановления порванных духовных связей»²⁷. Этот процесс отразился и в их переписке. В ней обсуждались насущные проблемы еврейства как российского, оказавшегося в эмиграции, так и в странах, созданных на развалинах былой империи. В этой переписке отразился духовный настрой М. М. Винавера, до конца остававшегося политическим и национальным деятелем. В условиях, когда российское еврейство оказалось разбросанным по многим странам Европы, остро встал вопрос об их будущем, об их культурном самоопределении. По этому поводу среди еврейских политических и общественных деятелей развернулась дискуссия. В июне 1922 года Винавер провидчески писал Дубнову из Парижа в Берлин: «Я плохо верю в будущее т. н. лимитроф и еще меньше верю в будущее еврейства в этих лимитрофах, которые рано или поздно перейдут к шовинистической, исполненной ненависти ко всему чужеродному политике, охраняя свои молодые незрелые культуры. Политическое и национальное преуспевание еврейства в диаспоре я вижу только в стране большой культуры, стране сильной, не опасющейся конкуренции чужеродных элементов. И — не знаю, прав я или нет — но думаю, что только Россия воскреснет, тяга к России со стороны еврейства лимитрофов скажется очень сильно, и что именно в России сосредоточится значительная часть еврейства, наиболее плодотворно работающая и в сферах политической, и в сферах национально-культурной... Жизнь еврейства в лимитрофах — пока она еще в них терпимо и сравнительно свободно развивается — может нам дать богатый материал для пригодности тех или иных форм организации национальной жизни в диаспоре»²⁸. Писалось это тогда, когда, например, в Литве и в Латвии существовали специальные государственные органы, призванные регулировать на демократической основе проблемы местного еврейского населения. Да и не мог он предвидеть того, что спустя короткое

²⁶ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 271.

²⁷ Там же. С. 270.

²⁸ Там же. С. 271–272.

время Россия вернется к политике ограничения всех сторон свободы еврейской политической и духовной жизни. Развивая дальше свою мысль, он продолжал: «...все угнетенные национальности, вчерашние “меньшинства” стали большинствами, почувствовали себя территориально-государственной силою, а новые меньшинства (остатки побежденных, ранее господствующих наций — немцы, австрийцы, русские) прошлую жизнью не подготовлены к национальной жизни как таковой. Остались одни мы, евреи, с нашей старой, необычно трудною проблемою, и приходится разрешать ее либо в условиях слишком легких и потому ненадежных, как в Литве, либо в условиях полной государственной немощи, как в России»²⁹.

В переписке с Дубновым Винавер мог быть уже совершенно откровенен. И это была откровенность ответная. Ученый отошел от активной политики, завершал труд всей своей жизни — многотомную «Всемирную историю евреев» и создавал мемуары «Книга жизни». Для него контакты с Винавером являлись творческим импульсом и стимулом к продолжению духовной жизни³⁰. Дубнов сохранял связи со многими еврейскими деятелями, как еще находящимися в России, так и живущими вне ее пределов. Он имел собственное видение ситуации в еврейском мире и делился им с Винавером. В одном из ответных посланий в августе 1922 года Винавер отмечал: «...не могу сказать, чтобы мне был близок Ваш пессимизм относительно России и, в особенности, Ваш оптимизм относительно новых еврейских центров (лимитрофы и Польша). Вы говорите, что в этих новых центрах будет, по крайней мере, борьба, и на эту борьбу возлагаете надежду. Но борьба будет, несомненно, и в будущей России; но все дело в условиях борьбы — в тех мотивах, которыми она будет сопровождаться. В России это будет мотив, почерпаемый [так в тексте. — В. К.], из прошлого: нелепый навет о большевизме как еврейском продукте. Но этот навет, как ни будут болезненны временно его последствия, должен исчезнуть, как должны исчезнуть и исчезают прочие наветы. В Польше же

²⁹ Там же. С. 272.

³⁰ Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. С. 579–583.

и в лимитрофах будет действовать не воспоминание прошлого, а нечто живое и неизживающееся: ощущения чего-то инородного в организме, средоточивающем все активные силы на выявлении своего, национального, и только в выявлении своей национальной особенности находящем и оправдание, и укрепление своей государственной самостоятельности. Этого именно, наиболее опасного для еврейства элемента я не вижу в России, несмотря на культурную одичалость последних лет и взращенный большевиками антисемитизм новой формации»³¹. В эти слова сказывался истинный позитивизм Винавера, его вера в необратимость поступательного, гуманистического процесса развития истории. Дубнов-историк в данном случае оказался более прозорлив, чем Винавер-политик. В своем ответном послании он констатировал: «Наше разногласие в прогнозе о будущности бывшего русского еврейства коренится в различии взглядов на последствия русского катаклизма вообще... Русско-еврейский центр окончательно рассыпался, и судьба его осколков вне полосы смерти кажется мне *исторически* [выделено С. М. Дубновым. — В. К.] более важной и для будущего решающей, чем судьба *morituri*³² на огромном советском кладбище. Есть переломы в организме, которые никогда не срастаются, и таким мне кажется разлом российского еврейства»³³.

Переписку с Дубновым Винавер использовал и для того, чтобы «перечитать» свои воспоминания. Незадолго до отъезда из России Дубнов опубликовал книгу «Евреи в царствование Николая II», и ему важно было услышать мнение о ней такого непосредственного участника событий, как Винавер. В марте 1923 года, едва оправившись от очередного приступа болезни, Винавер отправил Дубнову свои замечания. Они, по сути, выходили далеко за рамки обычного рецензирования. Это были скорее размышления о прошлом. Он писал: «Прочитал я книжку с величайшим вниманием и увлечением, с тем особым увлечением, с которым читаются старые письма друзей, воскрешающие

³¹ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 278–279.

³² Обреченных (лат.)

³³ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 281.

дни юности. Не буду останавливаться на достоинствах — скажу об этом в другом месте. Недостаток же — если это можно назвать недостатком — тот же, который мне бросился в глаза при первом беглом просмотре и который вытекает, по-моему, из отсутствия мемуарной литературы. При оценке событий последних 10 лет (1904–1914), в течение которых судьбы еврейства становятся в зависимости не от правительства только, но и от того, что Вы именуете либеральным русским обществом, необходимо было ближе подойти к этому обществу, к отдельным его течениям и к скрещиванию их с еврейскими интересами. Русский либерализм для Вас общая скобка; между тем он тоже был в движении, да и внешние события ставили его в разнообразные положения. Со всем этим еврейская политика обязана была считаться. Переход от разрозненных либеральных речей и совершенного незнания подлинного еврейства к *политическим актам* [выделено М. Винавером. — В. К.] первой думы вовсе не был так прост и легок, как может это казаться без изучения внутренних процессов в русском обществе. Достаточно сказать, что мы имели дело в 1-й Думе с массой русского крестьянства (свыше ста человек) — крестьянства внутренней России, впервые встречающегося с еврейской проблемой; с этим крестьянством либерализм считался, побаивался его, ибо это была карта, на которую ставило и правительство, и общество. “Либерализм” надеялся воспитать это крестьянство и объединить с собой путем аграрной реформы, но для этого недостаточно было тех трех месяцев, которые прожила Дума. Поначалу, с неподготовленной массой, приходилось самому либерализму маневрировать осторожно, чтобы не растерять его вовсе. Если принять во внимание все эти, да и другие еще более важные процессы, — оценка нашей деятельности (еврейских депутатов) в 1-й Думе оказалась бы менее суровой, чем она вышла у Вас...

Второе, более общее мое замечание относится к началу “национального пробуждения”. Вы считаете “поворотным пунктом” не только для сионизма, но и “для других течений” еврейской национально-политической мысли 1897 год³⁴. Вследствие этого

³⁴ Эту дату Дубнов взял как отправную в силу того, что в этот год состоялся Первый всемирный сионистский конгресс.

остались у Вас в тени предшествующие 10 лет, гораздо более значительные, на мой взгляд, “для других течений — чем 1897 год”. В частности, Вы недооцениваете влияние Вашей книжки об изучении русско-еврейской истории³⁵, мысли которой сыграли роль магнита, притянувшего к одному центру мятущуюся в поисках новых путей русско-еврейскую интеллигенцию. Если угодно, — в этом процессе источник Еврейской Народной группы, идеология которой, быть может, сложнее и потому неуловимее, чем идеология других групп, но кристаллизация которой является одним из самых интересных моментов внутренней истории русского еврейства, — тем более, что политическое влияние группы более бесспорно значительного влияния других групп». Еще одним дополнением к его замечаниям по периодизации истории еврейского национального движения стало указание на особое значение некоторых общественных событий. Так, Винавер писал: «Мне кажется, как ни сжато изложение организации еврейства, все же нельзя было не упомянуть о Ковенском съезде 1909 г. Это же единственный съезд, в котором участвовали *все еврейские партии* [выделено М. Винавером. — В. К.] и группировки (от ортодоксии до Бунда включительно) — единственный открытый еврейский съезд в России, ближе всего подходящий к тому Национальному Учредительному собранию, которое было прорепетировано (конечно, в другом масштабе) 2-м съездом Полноправия и которое состоялось»³⁶.

Особенное беспокойство вызывали у Винавера настроения в родной ему среде русской интеллигенции. Поэтому он и решил вернуться к привычному для него делу, то есть прибегнуть к помощи печатного слова. Винавер приступил к изданию еженедельника «Еврейская трибуна».

Первый номер журнала вышел в свет 19 декабря 1919 года. Журнал издавался на протяжении пяти лет, в декабре 1924 года он прекратил свое существование. Сам Винавер признавал, что журнал создавался в момент, «когда русское общественное

³⁵ Имелось в виду: Дубнов С. М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества.

³⁶ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 286–287.

мнение переживало полосу разбитых надежд»³⁷. Он точно отметил, что, как всегда бывает в такие моменты, «оскорбленное и униженное коллективное и индивидуальное самосознание искало виновного в ниспосланных судьбою бедствиях»³⁸.

Винавер писал, что вновь обществу «постарались внушить убеждение в повинности именно евреев в большевизме и его последствиях. Было рождено и пущено в оборот множество легенд и сплетен с единственной целью взвалить на русское еврейство ответственность за преступления отечественного коммунизма»³⁹. Эти убеждения были «радостно» подхвачены значительной частью общества и энергично распространялись по всей Европе. Измученные войной, мятежами и революциями народы искали простых истин. Ушедший на время в тень массовый политический антисемитизм получил мощный импульс со стороны русской эмиграции.

Одним из инициаторов создания «Еврейской трибуны» был опытный журналист, публицист и общественный деятель Р. М. Бланк. С Винавером он был знаком еще со времен совместного участия в политической борьбе в России в начале века. В сентябре 1919 года Бланк писал Винаверу: «Считаю теперь, это дело более необходимым, чем когда-либо. Антисемитизм развивается безостановочно, захватив почти все культурные страны. Предоставить борьбу с ним сионистам, то же, что поручить козлу охранять капусту. Необходимо организовать другие еврейские элементы, те, которые понимают, что будущее евреев неразрывно связано с *европейской* культурой, с *европейским* [выделено в тексте. — В. К.] прогрессом. Я думаю, Максим Моисеевич, что Вам следовало бы вплотную взяться за это дело и не терять времени... Нам нужно информационное бюро и при нем журнал, нужна организация, чтобы систематически отстаивать свои принципы и свою политику, чтобы ясно и ярко обнаружить перед всем миром, что есть еще иная еврейская политика, кроме сионистской и большевистской»⁴⁰.

³⁷ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 762. L. 65956.

³⁸ Ibid.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 762. 64570 об. На тот момент в Европе практически не было периодических изданий, которые специализировались бы на борьбе с антисемитизмом.

Бланк считал, что цель такой деятельности — прежде всего продемонстрировать патриотизм еврейства относительно тех стран, в которых они живут, гражданами которых они являются. По его мнению, «это нужно обнаружить, с полной ясностью, безустанной работой изо дня в день в печати, в обществе, повсюду, где проявляется и формируется, так называемое общественное мнение»⁴¹. Бланк был убежден сам и убеждал других, что «от успеха этого дела зависит в значительной степени... вся будущность еврейства в культурном мире. Конечно, наш бюллетень или журнал и прочее могут внести лишь малую лепту в это дело, но он мог бы служить почином, началом для чего-либо более значимого»⁴². Несколько спекулируя на известных антисионистских настроениях Винавера, Бланк сообщал ему о том, что активно действовавшие уже тогда в странах Европы эмигрировавшие из России представители сионистского движения, по его мнению, должны быть отодвинуты на периферию массового сознания российской эмиграции. Он писал: «Информационное бюро сионистов преследует совершенно иные цели, отчасти прямо противоположные. Оно может и будет информировать о всех несправедливостях, чинимых над евреями, но оно не может и не будет никого убеждать, что евреи не чужие в России, Польше, Румынии и проч. А ведь это для нас теперь главное»⁴³. И он понимал, что для этой цели особенно необходимо в этом деле ведущее участие Винавера. Бланк писал ему в декабре 1919 года: «Все устроилось бы великолепнейшим образом, если бы Вы решились присоединить Ваше имя. Это было бы прекрасно во всех отношениях. Еврейство переживает теперь такой страшный и великий момент, что Вам оставаться в тылу больше невозможно. Вы должны стоять на фронте, на видном, на самом видном месте»⁴⁴. В целом Винавер был согласен с высказанным Р. М. Бланком общим видением проблемы. Он лишь трактовал ее значительно шире, так как имел уже опыт подобной пропагандистской работы, направленной на разъяснение мировому

⁴¹ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 790. L. 64576.

⁴² Ibid. RG. 88. F. 794. L. 64576.

⁴³ Ibid. L. 64577.

⁴⁴ Ibid. L. 64579.

общественному мнению сути событий, происходивших в России⁴⁵. Тем более он не желал исключать из этой борьбы никакие элементы национального политического спектра, в том числе и сионистов⁴⁶.

Во главу угла всей идеологии журнала им была поставлена «русская проблема»⁴⁷. Винавер писал: «Еврейство, в общем, до сих пор не высказало своей точки зрения на русскую проблему. Между тем, шовинистические круги различных стран выдвигали обвинения еврейства в целом и еврейско-германского капитала в частности в скрытом потворствовании тактике непротивления большевизму...» В то же время, по мнению Винавера, российское еврейство было «непосредственно заинтересовано в воссоздании России единой, сильной и либеральной. В случае раздробления России еврейское население было бы поставлено в весьма тяжелое положение во вновь образовавшихся на русском западе мелких государствах. Ослабление России, кроме того, ухудшило бы положение евреев в сопредельных странах»⁴⁸. Наоборот, победа демократии означала бы, что «укрепление в России либерального режима автоматически разрешает еврейский вопрос в пределах русской территории. Совершенно очевидно также, что сильная и либеральная Россия является лучшим средством для сдерживания и смягчения антиеврейского шовинизма в сопредельных государствах»⁴⁹. В этом утверждении отразилось обычное либеральное заблуждение о том, что антисемитизм можно искоренить лишь отменой антиеврейских законов. Политическая линия еврейства, с точки зрения Винавера, заключалась в «определенной, прямой и активной поддержке национальной демократии в России»⁵⁰. Исходя из этого, Винавер сформулировал непосредственные задачи «Еврейской трибуны»: «1. Широкая

⁴⁵ Большевизм и русское еврейство: (Из архива М. М. Винавера). С. 196–200. См. также: YIVO. Vinaver's Papers. RG. 88. F. 789. L. 65211.

⁴⁶ Винавер М. Голос не-сиониста. С. 103.

⁴⁷ Каплан В. «Еврейская трибуна» о России и русском еврействе: (Париж, 1920–1924 гг.) // Евреи в культуре Русского зарубежья: сб. ст., публ., мемуаров и эссе: 1919–1939 гг. / изд. и сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1993. Вып. 2. С. 167–180.

⁴⁸ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 88. F. 794. L. 66079.

⁴⁹ Ibid. L. 66080.

⁵⁰ Ibid.

пропаганда внутри еврейских кругов необходимой поддержки идеи единой, сильной и либеральной России в противовес тенденциям, стремящимся раздробить и ослабить Россию; 2. Соответствующие открытые выступления, определяющие отношение еврейства к этому вопросу перед лицом общественного мнения Европы и Америки; 3. Специальные выступления, заклеивающие большевизм и отграничивающие еврейство в целом от работы большевиков-евреев»⁵¹. В 1922 году, подводя уже некоторые итоги проведенной работы, М. М. Винавер подчеркивал, что «Еврейская трибуна» «...ограждает интересы русского еврейства, борясь с его врагами и знакомя с ним, между прочим, и западное еврейство. Эту последнюю задачу — хотя она прямо не ставилась — я считаю одною из важнейших и думаю, что в этой области достигнуты довольно значительные результаты»⁵².

Журнал задумывался и осуществлялся как орган международный. Он выходил на трех языках: русском, французском и английском. При этом содержание номеров на разных языках не было идентичным. Винавер и его коллеги учитывали разницу в проблематике и в методах подачи материалов для русской, французской и английской аудиторий. В издании журнала на французском языке большое участие принимали давние эмигранты из России Ж. Кессель и М. Л. Гошиллер. Позднее к ним присоединился и С. В. Познер, имевший большой опыт работы во Франции еще в начале века⁵³. В Великобритании выпуском журнала занимались супруги Ловель.

Одной из своих важнейших функций редакция считала широкое распространение своих информационных материалов, предоставление их крупнейшим органам периодической печати Европы⁵⁴.

⁵¹ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 88. F. 794. L. 66080.

⁵² В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 272.

⁵³ В годы Гражданской войны Познер сотрудничал с М. Горьким и его издательством «Всемирная литература». В 1921 году во время Кронштадтского восстания был арестован, но вскоре освобожден. В 1921 выехал в Литву, а затем во Францию. См.: Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. С. 97.

⁵⁴ И в этом видится мне некое продолжение того дела, которому была посвящена деятельность представителей «Бюро защиты» в самом начале XX века.

Члены редакционного коллектива не только скрупулезно фиксировали сведения о распространении антисемитизма, об антиеврейских эксцессах, происходивших в то время практически во всех странах послевоенной Европы, о политике в этой области правительств таких стран, как Литва, Латвия, Польша, Венгрии, Румыния — стран, обладающих значительным еврейским населением. С тем же вниманием редакция относилась и к событиям, происходившим во Франции, Германии, Австрии и Великобритании. Во всех этих странах журнал имел своих корреспондентов. Одной из главных тем публикаций «Еврейской трибуны» было положение еврейства Советской России. Можно сказать, что именно со страниц этого журнала мир узнал о так называемом красном антисемитизме, об участии частей Красной Армии в погромах, целенаправленном разрушении еврейской социальной, духовной и религиозной жизни.

Структура журнала определилась практически с первых номеров и существенно не менялась на протяжении всей его истории: статьи по текущим проблемам еврейской жизни как в эмиграции, так и в диаспоре; обзор текущей печати; хроника; разные известия. Руководителями журнала решались две основные задачи: защита российского еврейства от распространения антисемитской мифологии и борьба с антисемитизмом в странах Европы. На его страницах выступали и видные деятели мирового еврейства: П. Натан (Германия), Л. Вольф (Великобритания), С. Рейнак (Франция) и другие. В редакции внимательно следили за полемикой в политических кругах Великобритании, Франции, Германии и других стран по «русскому» и «русско-еврейскому» вопросам, за общественным мнением стран, принявших основную массу эмигрантов из России.

Журнал имел хождение во многих странах мира⁵⁵. Уже в 1920 году секретарь редакции В. В. Руднев отвечал на вопрос Винавера: «Вы спрашиваете о кругах, в которых распространяется наше английское издание. Вот группы нами обслуживаемые

⁵⁵ Иногда журнал появлялся даже в самых экзотических странах. Так, генерал, дипломат и историк К. Д. Военский де Браза, в эмиграции преподававший в военном училище на острове Мальта, жаловался в Белград, издателю «Нового времени» М. А. Суворину на то, что к нему не попадают русские газеты, кроме «жидовской "Еврейской трибуны"» (РНБ РО. Ф. 125. Оп. 4. Ед. хр. 87. Л. 3).

в Англии и в Америке (больше в Англии): члены английского парламента, члены американского сената, члены American Jewish Congress, синагоги в главных городах, главные газеты и журналы. Различные организации: рабочие, литературные, просветительные, благотворительные. Отдельные общественные и политические деятели. Библиотеки»⁵⁶. Вскоре после выхода в свет первого номера журнала М. Л. Гольдштейн сообщал Винаверу: «Отзывы о номере самые благоприятные. Я слышал только два замечания: 1) что мы — Деникинцы и 2) что не имеем права именовать “Трибуну” органом русских евреев, ибо они нас не уполномачивали. Как видите — это чисто партийные счеты и придирки: публика же очень и очень приветствует»⁵⁷. В апреле 1920 года В. В. Руднев с беспокойством писал Винаверу, цитируя высказывания о «Еврейской трибуне», появившиеся на страницах берлинского журнала «Жизнь»: «Для всестороннего освещения еврейского вопроса в последнее время в Париже стал выходить пользующийся большим успехом журнал “Еврейская трибуна”. Наряду с чрезвычайно обильным, можно сказать исчерпывающим информационным материалом и статьями известных еврейских общественных деятелей, журнал печатает статьи представителей русской общественности, усиленно старающихся оздоровить атмосферу, существующую вокруг вопроса о роли еврейства в последующих событиях», и далее автор отмечает наличие в журнале «следов нездорового национализма», которое, по его мнению, проявляется в «крайней подозрительности, мелочной придирчивости, чтении между строк, выискивания повсюду самых мельчайших следов юдофобства»⁵⁸.

⁵⁶ САНПР (ЦАИЕНИ). RU/2195. Письма В. В. Руднева к М. М. Винаверу (неразобранная коллекция). Проникал журнал и в Советскую Россию. Так, судя по штампам на комплекте этого журнала в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге («Кабинет Г. Е. Зиновьева»), «Еврейская трибуна» читалась в Смольном, где располагалось не только большевистское руководство города, но и часть аппарата Исполкома Коммунистического Интернационала во главе с Г. Е. Зиновьевым.

⁵⁷ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 88. F. 794. L. 64803–64803 об.

⁵⁸ САНПР (ЦАИЕНИ). RU/2195. Автор журнала «Жизнь», а это скорее всего сам ее редактор, бывший депутат Государственной думы и сотрудник Временного правительства, член Партии народных социалистов В. Б. Станкевич, имел в виду реакцию на высказывания во вполне юдофобском духе, звучавшие на

И автор «Жизни» констатирует, что «едва ли такая мелкая подозрительность может способствовать оздоровлению русской духовной атмосферы. “Е. Т.”... много чего теряет от такого тона в своем значении»⁵⁹. Сам Руднев, человек чрезвычайно корректный, в своем письме Винаверу высказывал сомнения в своей беспристрастности в этом вопросе. Он писал: «Сам я, находясь так близко к самому изданию “Е. Т.”, в значительной мере утратил свежесть и беспристрастие в оценке характера ее. И, м. б. отчасти потому меня, как “истинного” русского не коробит, то, о чем говорит “Жизнь”. Но я привел подробную выписку из “Жизни”, отчасти потому, что здесь в Париже в русских кругах, мне приходилось слышать подобные же нарекания. Говорят это и в нашем эсеровском клубе, — говорят и литераторы, вроде Бунина и Толстого»⁶⁰. Год спустя, в 1921 году Руднев сообщал своему редактору о получении положительных отзывов из США и подписки от руководства The Union of American Congregation и «Славянского клуба» из Финляндии и Великобритании. Из Франции было получено письмо от директора de L'Ecole normal Israelite господина Навона, который отмечал, что журнал «очень интересный и полезный, особенно статьями дю Шайла»⁶¹.

Весной 1920 года в редакционной политике журнала наступил некоторый кризис. По мнению М. М. Винавера, это выразилось в «оскудении материалов»⁶². В мае 1920 года, отвечая на упреки со стороны Винавера, Руднев, от себя лично и от лица М. Л. Гольдштейна, делился с ним мыслями о будущем этого издания: «Общие причины — это то, что в известной мере, цели, поставленные себе “Е. Т.”, можно считать достигнутыми: та отравленная антисемитизмом атмосфера, для борьбы с которой была создана “Е. Т.”, несколько (временно) развеялась во Франции — насколько велика роль и заслуга “Е. Т.” — при этом, трудно, конечно, судить сейчас. А с улучшением положения ослабевает и горячность, не говоря уже, что дело теряет прелесть

конференции Партии кадетов в Харькове (см.: Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. С. 348–364).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

новизны. Но вытекает ли отсюда, что “Е. Т.” изжила свои задачи, как осуществленные? Это значило бы уже признать, что русским евреям нечего уже опасаться и нечего желать... насколько это преждевременно, ясно само собою»⁶³.

Критику в адрес редакционной политики высказывал и постоянный автор и член редакционного комитета, драматург и писатель С. Л. Поляков (Литовцев)⁶⁴. Рудаков передал Винаверу мнение Полякова, отметив, что критикует он «лояльно и доброжелательно», но «все же критикует “Е. Т.” — главные причины его недовольства следующие: а) случайность статей, часть вины при этом Поляков готов принять на себя — остальное же лежит на редакции; б) необходимость различных по содержанию изданий на фран., англ. и рус. языках»⁶⁵. Тревогу по поводу того, как воспринимаются материалы журнала, разделял и еще один сотрудник — экономист М. Л. Гошиллер. Тот, по словам Руднева, с беспокойством сообщал о реакции его французских друзей и знакомых на ряд публикаций, в которых, по их мнению, «содержались слишком резкие нападки на поляков» и при этом использовались для обвинения в антисемитизме «мелкие факты». В этом явно пропольском кругу высказывались опасения, что «...такая явно алармистская тактика... озлобляет без нужды поляков и ставит в неудобное положение самих польских евреев»⁶⁶.

Не смогла избежать редакция и внутренних, так сказать, вкусовых разногласий. Осенью 1920 года В. В. Руднев писал Винаверу: «Макс Львович [Гошиллер] опять бунтует по поводу

⁶³ САНР (ЦАИЕНИ). RU/2195.

⁶⁴ Годы спустя, уже в 1929 году С. Л. Поляков (Литовцев) писал известному промышленнику и меценату М. Г. Поляку: «Как Вы, наверное, помните, Вы говорили о падении роли печатного слова и о том, что люди более доверяют делам, чем словам. Я позволю себе, Михаил Григорьевич, не согласиться с Вами. Мне кажется, Вы не совсем правы в том, что разделяете слово и дело. Ведь прежде, чем стать “делом”, “что-то” должно появиться в головах людей, быть сформулировано на языке — в виде мыслей и слов, и реальность наша отнюдь ничуть не менее “словесная”, нежели “деловая”. “Еврейская трибуна”, которую редактировал покойный М. М. Винавер, фактически была “делом”, а не только “словом”. Разве Вы будете это отрицать?» (цит. по: Хазан В. О семье Поляк и проекте борьбы с «мировым черносотенством» // Лехайм. 2011. № 8 (232). С. 24).

⁶⁵ САНР (ЦАИЕНИ). RG./2195.

⁶⁶ Ibid.

Шполянского — вот его слова “...ему неловко поднимать вопрос, он боится, что его неправильно поймут, но статья Шполянского (и вообще им квалифицированная, “как бред сумасшедшего идиота”) — по его мнению, для французского читателя не подходящая”». Руднев предложил Винаверу «принять среднее решение: предоставить Гошиллеру безжалостно урезать словесный фейерверк Шполянского — фейерверк, действительно, достаточно пустой»⁶⁷. Трудно судить, о какой работе писателя-сатирика, более известного под псевдонимом Дон Аминадо, идет в данном случае речь, но он в 1920–1921 годах неоднократно печатался в журнале. Еще в 1920 году, в самом начале своего сотрудничества с «Еврейской трибуной», он сообщал Винаверу о планах создания серии очерков, «выполненных в полубеллетристической манере мемуарных произведений, на тему, которая *внешним* [выделено в тексте. — В. К.] образом повторяла бы Короленковскую “Историю моего современника”». По предположениям моим, — сообщал он далее, — очерки эти должны были бы охватить историю современного русского еврея-интеллигента, начиная от “родословной моего героя”, корнями уходящей в густой быт провинциального городка в черте оседлости, постепенно обрастающий цветами и шипами быта общероссийского, историю, в которой детство, юношество и зрелость моего сверстника или современника должны быть пропитаны чувством расы, преемственным сознанием и ощущением традиции и, наконец, осознанием того положения, в которое поставили исторические условия русского еврея наших дней»⁶⁸.

Бесспорно, Винавер пользовался беспрекословным авторитетом. Члены редколлегии и авторы обращались к нему за советом при малейших сомнениях, делились своими планами. Б. Миркин-Гецевич, приглашенный к участию в этом предприятии самим Винавером, сетовал на то, что ввиду отсутствия Винавера в редакции, он «лишен возможности работать с Вашими указаниями, лишен возможности говорить с Вами по общим “темным” вопросам»⁶⁹. В специальном письме Винаверу

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 790. L. 65261.

⁶⁹ Ibid. L. 65679.

он обсуждал с ним проблематику своей статьи «Советский еврей». Статья подверглась критике со стороны Винавера. В ответ Миркин-Гецевич писал: «Отчасти присоединяюсь к Вашим опасениям ввиду остроты темы... я только думаю, что самую мысль об относительно меньшей вредности большевизирующего еврея забрасывать не стоит, особенно для французской публики, держащейся на этот счет совершенно обратного мнения. Французы весьма заинтересованы указанным мною в “Евр. Трибуне” большевистским антисемитизмом; очень бы хотелось знать Ваше мнение»⁷⁰.

Другой причиной кризиса стала особая специфика издания. Руднев ссылаясь на мнение известного экономиста П. Н. Апостола, печатавшего в журнале свои работы о роли евреев в экономике России и стран Европы. Апостол сетовал на то, что в своих работах авторы вынуждены «все темы трактовать под специальным углом зрения — связи того или иного явления с интересами еврейства. Это обстоятельство приводит к тому, что темы могут быть более или менее естественно использованы лишь один раз, нельзя бесконечно повторяться по такому вопросу, как евреи и торговля, евреи и экономическое возрождение России»⁷¹. П. Н. Апостол предлагал «несколько раскрепостить авторов». Ведь, по его мнению, «Еврейская трибуна» «не является органом, исключительно [выделено в тексте. — В. К.] посвященным борьбе с антисемитизмом». И далее автор настаивал на том, что, так как «интересы русских евреев совпадают с интересами России, быть может, на страницах Е. Т. могло бы быть допущено трактование тем общерусских, задевающих евреев лишь косвенно, как граждан России»⁷². По его мнению, это «сразу же бы облегчило авторов, искренне желающих участвовать в Е. Т. Опасность несколько одностороннего, так сказать, партийного направления в выборе и обработке тем, легко можно было бы избежать»⁷³.

Издание журнала и работа редакции перманентно сопровождалась организационными и финансовыми трудностями.

⁷⁰ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 790. L. 65261.

⁷¹ САНРП (ЦАИЕНИ). RU/2195.

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid.

В сентябре 1920 года В. В. Руднев как секретарь редакции сообщал Винаверу: «Разрываюсь на части, аппарат наш работает дрянно, — Киссель, в связи с трагедией дома, не ходит; Линский — увлеченный своим журналом Бич — манкирует; переводчики приносят по чайной ложке,.. а тут еще виз от Вас нет, почти ничего не мог дать сейчас, в пятницу в типографию. Да, еще Рискин слег в больницу»⁷⁴.

На протяжении всех лет издания журнала главной задачей, стоящей перед его руководством, была борьба с различными проявлениями антисемитизма и нападками на российское еврейство. В те годы одной из излюбленных тем мировой печати была экспортированная из России легенда об убийстве Николая II как чисто еврейская акция, как чуть ли не очередное ритуальное убийство. Эту тему муссировала не только бульварная, но и вполне респектабельная печать. Не осталась в стороне даже британская «Таймс». В качестве ответной реакции в редакции «Еврейской трибуны» решено было опубликовать не только на своих страницах, но и в самой «Таймс» аргументированное опровержение. В связи с этим В. В. Руднев спрашивал Винавера о кандидатуре возможного автора: «Кому писать: первая мысль, мол, что Полякову или Бланку... за него его хороший стиль и легкое перо. Но, если бы несмотря на это, Вы сочли бы желательным, чтобы на этот раз выступил “истинно русский”, то я, пожалуй, готов попробовать. Пожалуйста, Максим Моисеевич, скажите без церемоний, Ваше мнение, я ожидаю и отнюдь, отнюдь не навязываю статью свою, ни тему, и скорее выступаю по внутреннему побуждению, что надо [выделено в тексте. — В. К.] бороться с весьма опасной в будущем легендой, и, конечно, кто это лучше сделает, тот и должен писать»⁷⁵.

С начала 1920 года в Лондоне находился Р. М. Бланк, который координировал работу авторов журнала в этой стране. Бланк связался, кроме представителей английской еврейской общественности, входивших в Комитет по защите евреев,

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid.

и с сионистами, членами этого комитета⁷⁶. Все обещали журналу всемерную поддержку. Однако Бланк отличался не только резко выраженной антисиионистской позицией⁷⁷, но и отсутствием дипломатичности и терпимости. Он писал Винаверу: «Сионисты много работали здесь, но только во славу Сиона. До какой степени все остальное стало им чуждо, показывает их отношение к статье Винстана Черчелля, столь печальной с еврейской точки зрения»⁷⁸. Большую роль в работе с английской общественностью сыграли и «старые англичане» С. Л. Поляков (Литовцев) и Дионео (И. Шкловский). Они решительно включились в кампанию по дезавуированию новейших антисемитских мифов и становлению британского аналога «Еврейской трибуны», а также размещению в местной печати соответствующих статей⁷⁹. Самым активным автором, писавшим на эту тему, стал С. Л. Поляков⁸⁰.

К этой работе удалось привлечь и одного из самых авторитетных еврейских деятелей Великобритании, известного дипломата и журналиста Л. Вольфа.

Пожалуй, еще более многотрудной оказалась организация антидезинформационной кампании, связанной с распространением мифа о «Протоколах сионских мудрецов». Этот документальный подлог получил необыкновенное распространение не только в кругах русской эмиграции, но и одно время был необыкновенно популярен в странах послевоенной Европы.

⁷⁶ Видимо, это и подвигло А. В. Тыркову, находившуюся в тот период в Лондоне и встречавшуюся с Бланком, причислить его к сионистам (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 222).

⁷⁷ В одном из писем Винаверу он даже писал о сионистах как о «фанатиках крайнего еврейского национализма, признающих своим отечеством лишь болото, в котором евреи когда-то провели несколько столетий» (YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 790. L. 64574 об.).

⁷⁸ Ibid. L. 64598. В данном случае речь шла о том, что У. Черчилль выступал за неукоснительное выполнение правительством всех обязательств, заложенных в Декларации Бальфура. Ответом на эту статью Черчилля стала заметка С. Л. Полякова «Черчилль как философ и мыслитель» (Еврейская трибуна. 1920. № 10. С. 3). См. также: *Makovsky M. Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft. New Haven, 2007.*

⁷⁹ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 790. L. 64606.

⁸⁰ Поляков С. Еще один навет: (К истории убийства царя) // Еврейская трибуна. 1920. № 3/4. С. 4; Он же. Убийство царя // Там же. 1920. № 38. С. 1; Он же. Месть побежденных // Там же. 1920. № 52. С. 3.

Противостоять ему были призваны лучшие силы, мобилизованные Винавером и Бланком. Среди них были и два известных представителя западноевропейской публицистики, многолетние противники антисемитизма — Л. Вольф и С. Рейнак⁸¹. На эту же тему высказались в журнале и ветераны русского общественного движения Ф. И. Родичев и С. Г. Сватиков⁸². Особое значение имели публикации об этом человека, некогда входившего в окружение С. Нилуса, бывшего в ту пору активным религиозным искателем, а позднее ставшего офицером Белой армии, — А. Дю-Шайлы⁸³. Но, конечно, главный груз по проведению этой работы лег на плечи постоянных сотрудников журнала — С. Л. Полякова, Дионео и Ю. Делевского. Только в русской версии журнала в 1920–1921 годах ими было опубликовано не менее десяти статей⁸⁴. Некоторые из этих работ были напечатаны и во французском, и в английском вариантах.

В первые годы издания журнал распространялся достаточно хорошо и попадал даже в Россию. С. М. Дубнов свидетельствовал: «Не могу забыть, как первые номера “Трибуны”, попавшие нелегально ко мне в 1920 году в Петербург, впервые связали меня с еврейским миром, от которого меня отрезал большевистский кордон»⁸⁵. В. В. Руднев регулярно информировал Винавера о том, как «Еврейская трибуна» распространяется по странам Европы, особенно там, где концентрировалось значительное количество выходцев из России⁸⁶.

⁸¹ Вольф Л. «Еврейская опасность» // Еврейская трибуна. 1920. № 30. С. 2–3; Рейнак С. Мнимые протоколы мудрецов Сиона // Там же. 1920. № 27. С. 1.

⁸² Родичев Ф. Книга С. Нилуса // Еврейская трибуна. 1921. № 56. С. 1; Сватиков С. Подлоги Рачковского: (К вопросу о Сионских протоколах) // Там же. 1921. № 87. С. 1–2.

⁸³ Дю-Шайла А. Воспоминания о С. А. Нилусе и Сионских протоколах: (1909–1920) // Еврейская трибуна. 1921. № 72. С. 1–7; Он же. Источники подлога // Там же. 1921. № 93. С. 1.

⁸⁴ Поляков С. «Тайма» и «Сионские протоколы» // Еврейская трибуна. 1920. № 21. С. 2; Он же. Нет шарлатанов в своем отечестве // Там же. 1920. № 54. С. 3; Он же. Тетрадь с голубыми пятнами // Там же. 1921. № 67. С. 2; Дионео. Невинные упражнения // Там же. 1921. № 30. С. 2; Делевский Ю. Этапы плагиата // Там же. 1921. № 95. С. 2; Он же. «Загадки» подлога и плагиата // Там же. 1922. № 48. С. 2–3.

⁸⁵ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 294.

⁸⁶ САНРР (ЦАИЕНИ). RU/2195.

Несмотря на тяжелые семейные обстоятельства и резкое ухудшение здоровья, М. М. Винавер «пропускал через себя» практически каждый подготовленный к печати номер. Вот образец повседневной жизни редакции: 28 мая 1920 года секретарь редакции В. В. Рудаков писал Винаверу в Ниццу: «Многоуважаемый Максим Моисеевич, после выхода № 22, для № 23 и дальнейших, имеются следующие статьи: 1) Пасманик — передовая; 2) Дионео — вторая и на четвертое место две статьи Тафта. Но мы не имеем Вашего отзыва по поводу статей:

Нессельроде

Маркотуна

Боборыкина

Мирского и Делевского, при сем посылаемого...»⁸⁷

Спустя несколько месяцев В. В. Руднев, продолжая обсуждать с Винавером каждый номер, писал 7 декабря того же года: «1) Статью Рысса экстренными мерами удалось поместить в этот № 37: след[ующий] состав его: Гошиллер, Рысс, Нессельроде. 2) Какую из следующих статей Делевского («Диалектика» или «Красный хам») надо готовить к следующему №?»

3) Какой состав № 38? Вы обещали прислать Пасманика. На какое место? На второе Делевского. На третье пока нет ничего, из визированных имеется пока что только Рысс «Опавшие листья» и Нессельроде «Лорд Бэконсфильд», т. е. авторы, бывшие в № 37. Хотя почему бы и не дать Нессельроде, если не будет ничего лучше? М. б. Лунца?»⁸⁸

Наряду с выполнением организационной и редакторской работы Винавер являлся и активным автором этого журнала. Главными темами его статей были защита еврейского народа от обвинений в повальной поддержке большевизма и размышления о судьбах России. Этим, взаимосвязанным для него, темам он посвятил такие работы, как «Русская проблема»⁸⁹, «Интервенция»⁹⁰, «Разброд»⁹¹, «Годовщина»⁹². Они стали не-

⁸⁷ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 790. L. 64599.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Еврейская трибуна. 1920. № 1. С. 1–2.

⁹⁰ Там же. 1920. № 2. С. 1–2.

⁹¹ Там же. 1920. № 8. С. 1–2.

⁹² Там же. 1920. № 15. С. 1–2.

ким камертоном, по которому настраивали свои публикации остальные авторы. Как известно, М. М. Винавер не оставил полноценных мемуаров, в которых бы освещалась его политическая жизнь. В известной степени их заменила серия некрологов, посвященных ушедшим из жизни друзьям и соратникам по работе в России, видным общественным и политическим деятелям, литераторам: М. И. Кулишеру, С. А. Муромцеву, В. Г. Короленко, Ан-скому, А. А. Калманович, В. Д. Набокову, Г. М. Барацу, Г. Я. Бруку, Г. А. Гольдбергу. Он также принял участие в специальном номере «Еврейской трибуны», посвященном памяти философа и поэта В. С. Соловьева. С ним он был лично знаком на рубеже XIX–XX веков.

Для Винавера огромное значение имела поддержка журнала со стороны русской эмиграции. Поэтому он стремился привлечь в авторский коллектив не только русско-еврейских политических деятелей, но и представителей собственно русской оппозиции большевизму. На протяжении всей истории «Еврейской трибуны» в ней печатались такие крупные политические фигуры той эпохи, как П. Н. Милюков, В. М. Чернов, В. Д. Набоков, Б. Э. Нольде, Н. Д. Авксентьев, Е. Д. Кускова. Среди деятелей русской культуры, размещавших свои материалы в этом издании, были Н. А. Бердяев, М. И. Ростовцев, С. И. Гусев-Оренбургский, В. Ходасевич, М. Осоргин, М. Алданов, А. В. Карташев, Д. С. Мережковский, П. Д. Боборыкин. При этом важно было не допустить в их публикациях элементов особой российской юдофилии. В. В. Руднев писал Винаверу по поводу одного из фрагментов печатавшихся в журнале мемуаров П. Д. Боборыкина и посвященных известным музыкальным деятелям братьям Рубинштейн: «Статья, на мой взгляд, удачная и интересная... но как-то у него всегда звучит чуть-чуть в духе: хоть еврей, а молодец!»⁹³

На протяжении всего периода выпуска журнала Винавер неустанно вел переговоры по рекрутированию новых авторов и корреспондентов, людей, которые могли быть связующим звеном между его детищем и общественностью. В марте 1922 года А. А. Гольденвейзер, один из лидеров действующего тогда

⁹³ САНЛР (ЦАИЕНИ). RU/2195.

в Берлине «Союза русских евреев»⁹⁴, сообщал Винаверу: «Очень и очень благодарен Вам за подробные указания в отношении сотрудничества в “Евр. Трибуне”. Я уже до получения Вашего письма узнал от самого Койгена⁹⁵, что об его лекции на ту же тему была статья...⁹⁶ Для начала пошлю Вам, после предстоящего завтра общего собрания “Союза русских евреев в Германии” за 1921 г. У нас была на днях интересная лекция А. М. Кулишера о “Правовом положении Палестины”; вероятно, он сам напишет Вам на эту тему»⁹⁷.

Исходя из того, что антисемитизм особенно ярко процветал среди отечественной эмиграции, и уйдя в зарубежье, эмигранты экспортировали в Европу как весь набор прежних фобий, так и новые мифы, Винавер особенно был заинтересован в том, чтобы в борьбе с антисемитизмом принимали участие собственно русские по происхождению публицисты и политики. Для него, человека, бывшего десятилетиями связанного с широкими слоями русской интеллигенции, болезненными оказались юдофобские выступления в период Гражданской войны хорошо знакомых ему еще по России философа С. Н. Булгакова и политического публициста П. Б. Струве. Дело Булгакова несколько раз обсуждалось на страницах «Еврейской трибуны»⁹⁸. П. Б. Струве так же, как и С. Н. Булгаков, был в начале века соратником Винавера. Возможно, именно поэтому он полемизировал с ним

⁹⁴ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин: 1920–1941. М., 2013.

⁹⁵ Имеется в виду знаменитый немецкий философ Д. Койген, чьи работы по философии иудаизма горячо обсуждались в еврейских кругах многих стран.

⁹⁶ *Иванович Ст.* Неисторическая нация // Еврейская трибуна. 1922. № 2. С. 2; *Поляков С.* Еврейство и История // Там же. 1922. № 20. С. 1.

⁹⁷ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 790. L. 63839. Выдающийся ученый, социолог и демограф А. М. Кулишер в эмиграции активно участвовал в работе русских научных институтов и публиковался в русской печати, в том числе и в «Еврейской трибуне» (см. о нем: *Тольц М.* Вклад семьи Кулишеров в мировую миграциологию).

⁹⁸ *Мирский Б.* Проповедь Булгакова // Еврейская трибуна. 1920. № 43. С. 2–3; *Рысс П. С.* Средняя линия // Там же. 1920. № 44. С. 2. Отметим, что журнал опубликовал и статью А. В. Карташева, стремившегося опровергнуть эти обвинения (*Карташев А. В.* Антисемитизм и русская православная церковь // Там же. 1920. № 49. С. 2–3). См. об этом: *Колеров М. А.* Призывал ли о. Сергей Булгаков к еврейским погромам в 1920 г. // Исследования по истории русской мысли / под ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М., 2012. С. 424–446.

лично, направив ему «Открытое письмо»⁹⁹. Поводом для написания этого письма стал положительный отклик Струве на публикации в эмигрантской печати антисемитских статей известного публициста и общественного деятеля В. В. Шульгина.

Особенно остро шла на страницах журнала полемика о роли евреев в русской революции, их сотрудничестве с Советской властью и якобы связанным с этим ростом антисемитизма. В 1922 году эта полемика нашла свое отражение в «обмене» статьями между С. Поляковым (Литовцевым) и недавно высланной из Советской России Е. Д. Кусковой¹⁰⁰.

Не менее интересными были полемические выступления в журнале П. Н. Милюкова на тему «Русская интеллигенция и антисемитизм»¹⁰¹.

Приглашая к сотрудничеству в журнале, Винавер более всего стремился подбирать людей, которые отвечали бы высоким профессиональным требованиям. Так, будучи и сам большим знатоком и любителем литературы и искусства, он приветствовал участие в критическом отделе журнала литературоведов и искусствоведов: К. Мочульского, Б. Шлейцера, А. Левинсона. В качестве художника-карикатуриста пригласили известного еще по одесским сатирическим журналам начала века художника М. С. Линского (Шлезингера). Проблемами мировой и российской экономики занимались Г. Лунц и П. Апостол.

Особенно много внимания Винавер уделял доказательствам того, что большевизм несет гибель и страдания не только евреям, но и всем народам страны и ее духовной культуре. Ряд статей в журнале был посвящен разгулу антирелигиозной пропаганды и гонений на представителей как церкви, так

⁹⁹ Винавер М. Открытое письмо П. Б. Струве // Еврейская трибуна. 1922. № 12 (117). С. 1–2.

¹⁰⁰ Поляков С. К проблеме русского антисемитизма // Еврейская трибуна. 1922. № 33. С. 1–2; Кускова Е. Кто они и как быть? // Там же. 1922. № 39. С. 1–2; Кускова Е. Необходима работа // Там же. 1922. № 45. С. 1–2; Поляков С. Интеллигентский антисемитизм // Там же. 1922. № 48. С. 1–2.

¹⁰¹ Милюков П. Н. Антисемитизм и русская интеллигенция // Еврейская трибуна. 1921. № 52. С. 1–2; Он же. Национальность и нация: (Дискуссия с «Рассветом» о русской интеллигенции и антисемитизме) // Там же. 1922. № 33. С. 1–2.

и синагоги¹⁰². В 1923 году в журнале появилась публикация письма из России, специально направленного М. М. Винаверу в дни активной подготовки в Советской России к процессу над известным религиозным деятелем Патриархом Тихоном:

«Глубокоуважаемый Максим Моисеевич!

Не кажется ли Вам, что в случае инсценировки б-[ольшеви]ками процесса против Патриарха Тихона еврейское общественное мнение должно было бы реагировать на это устройством демонстрации в мировом масштабе в защиту Патриарха? Протесты главных раввинов Франции, Англии и др. стран могли бы иметь большое историческое значение. Едва ли мне нужно обосновывать свое предложение: оно не нуждается в объяснениях. Я обращаюсь к Вам, как к одному из самых авторитетных еврейских общественных деятелей. Инициатива, исходящая от Вас, может рассчитывать на успех.

Преданный Вам С.»¹⁰³

С большим интересом Винавер относился к известиям о положении евреев в Польше. Может быть, в этом сказывалось то, что он и сам родился и вырос в Варшаве, некогда окончил Варшавский университет, и в этой стране еще проживали его родственники. В конце 1922 — в 1923 году Винавер посвятил политической жизни этой страны несколько статей¹⁰⁴.

Одним из принципов деятельности редакции он установил отход от «спорных внутренних вопросов еврейской жизни...» Он считал, что «это слишком сложно и непонятно для круга читателей, которые только-только приходят не к сознанию даже, а к ощущению некоторой культурно-национальной общности

¹⁰² См. например: *Сорин Н.* Практика «отделения» церкви от государства в Советской России: (По личным воспоминаниям) // Еврейская трибуна. 1922. № 43. С. 3.

¹⁰³ Как установил С. Л. Фирсов, автором этого письма являлся юрист из Екатеринодара Н. Сорин, защищавший в судах гонимых православных священников (цит. по: *Фирсов С.* «Еврейская трибуна» и святой Патриарх Тихон // *Континент*. 2002. № 11. С. 367–379).

¹⁰⁴ *Винавер М.* Польские выборы // Еврейская трибуна. 1922. № 47 (152). С. 1–2; *Он же.* Кровавые знамения // Там же. 1923. № 1 (154). С. 1–2; *Он же.* Последний акт // Там же. 1923. № 3 (156). С. 1–2; *Он же.* Слезы господина Дмовского // Там же. 1923. № 23 (176). С. 1–2.

с русским еврейством»¹⁰⁵. Этот принцип распространялся и на споры с представителями сионистского движения.

В первый период существования журнала на его страницах под псевдонимом Меерович активно выступал известный в прошлом сионистский деятель Д. С. Пасманик. Одновременно он являлся соредактором В. Л. Бурцева в газете «Общее Дело». С Винавером он был хорошо знаком по работе в Крыму в 1918–1919 годах, когда Винавер руководил министерством внешних сношений Крымского правительства, а Пасманик редактировал ряд местных газет¹⁰⁶. При этом следует отметить, что по многим проблемам прошлого и настоящего положения еврейского национального движения они диаметрально расходились. Особенно это стало заметно с началом деятельности «Отечественного объединения русских евреев за границей» и издания сборника «Россия и евреи»¹⁰⁷.

Редакционный коллектив складывался непросто. Несмотря на то, что в эмиграции оказалось значительное количество опытных публицистов и тех, кто некогда уже десятилетиями трудился в русской и русско-еврейской печати, собрать их вместе и объединить одной идеей было задачей сложной. Ведь в эмиграцию они перенесли свои политические, а порой и личные расхождения. Все материалы, получаемые редакцией, каждый номер журнала визировались М. М. Винавером. Первоначально по его идее редакционной работой руководили два соредактора: Р. М. Бланк и М. Л. Гольдштейн.

Моисей Леонтьевича Гольдштейна Винавер знал уже много лет. Петербургский адвокат, он участвовал вместе с ним в ряде процессов по защите евреев, работал в «Союзе для достижения

¹⁰⁵ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 272–273.

¹⁰⁶ Впоследствии Винавер резко отозвался на мемуары Д. С. Пасманика «Революционные годы в Крыму», изданные в Берлине в 1925 году. Он характеризовал эту книгу в письме от 8 июня 1926 года И. И. Петрункевичу как «поверхностную и бесстыжую, напоминающую сплетни о том, что происходило в Совещаниях Министров, в которых автор, конечно, не мог участвовать» (ГАРФ. Ф. 5839. Оп. 1. Д. 45. Л. 313 об.).

¹⁰⁷ Неприятным «сюрпризом» стало для М. М. Винавера участие в этом сборнике некоторых бывших товарищей по политической работе начала века, в том числе и В. С. Манделя.

полноправия еврейского народа в России», был участником возглавляемой Винавером Еврейской народной группы. Идея о двух соредакторах быстро не выдержала испытания временем: Бланк и Гольдштейн оказались слишком разными людьми — не столько по политическим взглядам, сколько по темпераменту¹⁰⁸. С Винавером они связывались независимо друг от друга. Так, 3 января 1920 года М. Л. Гольдштейн сообщал ему о том, что только что получил первый русский номер «Еврейской трибуны»: «Нелегко дался этот номер — масса разного рода препятствий, о которых не хочу говорить, вплоть до того, что часть материала “пропала” и, как увидите, печать и хроника сделаны мной заново. Потом статья Набокова оказалась вынудой — и вчера ночью я настоял на ее включении, потому что она не на своем месте и т. д. и т. п. Но, слава Богу, № родился. Дай Бог, в добрый час!»¹⁰⁹ После выхода в свет первого номера между редакторами возникли концептуальные споры. Стал оспариваться подзаголовок журнала, говоривший, о том, что он «посвящен интересам русских евреев». М. Л. Гольдштейн настаивал: «это наш орган — мы русские, а не японские или французские евреи»¹¹⁰.

Вскоре Бланка в редакции заменил Яков Лазаревич Юделевский (Ю. Делевский). Старый народник, активный деятель Партии социалистов-революционеров, философ и публицист, он не был участником борьбы ни еврейской, ни русско-еврейской интеллигенции за интересы своего народа. Тем не менее он имел прочные связи в русской политической эмиграции и среди представителей французской общественности. К тому же он был, по сравнению с Р. М. Бланком, человеком весьма толерантным.

Конечно, в первую очередь Винавер приглашал к сотрудничеству тех авторов, которых он знал еще по работе в России,

¹⁰⁸ М. Л. Гольдштейн уже в январе 1920 года язвительно писал Винаверу о Бланке как редакторе: «Будучи по натуре Грузенбергом, а по таланту Гессеном, в этом отношении — Мольтке!» Он просил Винавера: «...развяжите мне руки, дайте мне возможность вести русское издание самостоятельно» (YIVO. Vinaver's Papers. RG. 88. F. 794. L. 64812). Имелись в виду известный адвокат О. О. Грузенберг, широко известный своим непростым характером; редактор ряда кадетских газет, а на тот момент берлинской газеты «Руль» И. В. Гессен; военный деятель Германии, глава Генерального Штаба фельдмаршал Х. фон Мольтке.

¹⁰⁹ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 88. F. 794. L. 64802–64802 об.

¹¹⁰ Ibid. L. 64809.

особенно по членству в Конституционно-демократической партии. Таким человеком был и Петр Яковлевич Рысс¹¹¹, сделавший себе имя в партийной публицистике еще до 1917 года.

Вскоре важное место в журнале занял Борис Сергеевич Миркин-Гецевич (Мирский), в прошлом юрист, некогда преподаватель Санкт-Петербургского университета.

Но в принципе партийная принадлежность не являлась для Винавера чем-то определяющим при выборе сотрудников. Среди них были и эсеры, и социал-демократы, и кадеты. В первую очередь ценились профессионализм и взаимное согласие по принципам борьбы против антисемитизма. Для сотрудников журнала не возбранялись и публикации в других эмигрантских изданиях. Многие из них печатались в то же время и в «Последних новостях», и в «Современных записках» и даже порой, как М. С. Линский (Шлезингер), издавали собственные газеты и журналы.

С начала 1920 годов секретарем редакции стал Вадим Викторович Руднев. Это назначение полностью отвечало цели Винавера по вовлечению в дело борьбы с антисемитизмом не только еврейской общественности, но и собственно русского эмигрантского общества. В. В. Руднев, как и Ю. Делевский, входил в Партию социалистов-революционеров, после Февральской революции избирался городским головой Москвы. В «Еврейской трибуне» он вел все текущие дела. В июне 1921 года при обсуждении реформирования журнала он писал М. М. Винаверу: «Издание Еврейской Трибуны не только для Вас, дорогой Максим Моисеевич, но и для меня является делом общественным, идейным, интересы которого должны быть поставлены выше всяких иных соображений...»¹¹²

Известие о том, что Винавер является руководителем этого издания, привлекло к нему многих сотрудников. Именно к нему обратился за помощью и с предложением о сотрудничестве известный социолог и публицист, социал-демократ С. О. Португейс (Ст. Иванович). Латвия, куда он был приглашен редактировать

¹¹¹ Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: Биограф. словарь / под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2010. Т. 2. С. 676–677.

¹¹² САНР (ЦАИЕНИ). RU/2195. Неразобранная коллекция.

рижскую русскоязычную газету «Сегодня», отказала ему во въездной визе, и он остался без средств к существованию. Винавер тут же пригласил его в круг сотрудников своего журнала.

Приехав в эмиграцию в Литву из России, его старый сотрудник по общественным, в том числе и издательским делам С. В. Познер¹¹³ обратился к нему с письмом, предлагая свои услуги: «Дорогой Максим Моисеевич, получил сегодня письмо от секретаря редакции Еврейской Трибуны, в котором он извещает, что Вы редактируете этот журнал. Таким образом, я узнал Ваш адрес... В Париже у меня много старых литературных связей во французской среде. Я написал товарищам-французам и жду ответа. От вас я хотел бы получить ответ относительно 1) «Еврейская трибуна», — могу ли я рассчитывать в ней на работу (статьи или ведение отдела)... может быть? Вы могли бы теперь уже сказать мне, могу ли я иметь постоянную работу в редакции»¹¹⁴. Познер практически в тот же день получил приглашение присоединиться к редакции журнала.

Следует отметить, что Винавер всегда внимательно относился к своим сотрудникам, поддерживал их творческие и научные начинания. Ведь практически все они были людьми, имевшими еще в России известность как журналисты, публицисты, литераторы, редакторы. И в эмиграции многие из них выпускали собственные произведения¹¹⁵. Часто это делалось на основе работ, публиковавшихся на страницах «Еврейской трибуны». Для них Винавер являлся авторитетом не только как политик и общественный деятель, но и как тонкий ценитель литературы и критик. В июле 1923 года С. Л. Поляков (Литовцев), один из ветеранов журнала, получив рецензию Винавера на его

¹¹³ Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в.

¹¹⁴ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 88. F. 790. L. 65158.

¹¹⁵ Дионео. Пестрая книга: Двенадцать характеристик. Стокгольм, 1921; Он же. Когда боги ушли. М.; Берлин, 1923; Он же. Англия после войны. Прага, 1924; Иванович Ст. Сумерки русской социал-демократии. Париж, 1921; Он же. Пять лет большевизма: Начала и концы. Берлин, 1922; Делевский Ю. Протоколы сионских мудрецов: (История одного подлога). Берлин, 1923; Мирский Б. В изгнании. Прага, 1922; Он же. Евреи и русская революция. Париж, 1922; Познер С. В. Дела и Дни Петрограда: 1917–1921: воспоминания и размышления. Берлин, 1923; Рысс П. Я. Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921.

исторический роман «Сабатай Цеви», писал: «Я был искренне взволнован Вашим отзывом, ибо Вы для меня не только эксперт по национальному чувству, но и авторитетный и чуткий ценитель слова»¹¹⁶.

На протяжении практически всей истории журнала в нем активно сотрудничали Ю. Делевский, Б. Миркин-Гецевич, С. О. Португейс (Ст. Иванович), С. Л. Поляков (Литовцев), Дионео (И. Шкловский), А. Дю-Шайла, Д. С. Пасманик, П. Я. Рысс, Бен-Якоб¹¹⁷. Регулярно с воспоминаниями на его страницах выступал внук министра иностранных дел России времен Николая I, бывший некогда крупным чиновником и предводителем дворянства Саратовской губернии, А. Д. Нессельроде. Позднее, с 1921 года в авторский коллектив вошли публицист и издатель С. В. Познер и врач, специалист в области психологии Л. И. Шейнис.

Активное участие в делах журнала принимал и давно уже обосновавшийся в Великобритании народник, этнограф, журналист и публицист Дионео (И. В. Шкловский)¹¹⁸.

Перемены в журнале назрели довольно быстро, изменений требовала и стремительно меняющаяся международная обстановка, и моральное состояние общества. Занятая редакцией оборонительная позиция подвергалась критике со стороны как друзей, так и некоторых сотрудников. Так, С. В. Познер в июле 1921 года, еще находясь в Литве, писал Винаверу: «Теперь о “Евр. Триб.” В Петербурге я ее не видел. Достал здесь и прочел много номеров. Я понимаю, что это не “Нов. Восход”¹¹⁹, что ею выполняется только половина функций, которые нес “Н. В.”, но и эта “внешняя” работа делается, мне кажется — простите

¹¹⁶ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 88. F. 790. L. 63841.

¹¹⁷ Возможно, под этим псевдонимом печатался Д. С. Пасманик. Пользовался он также и псевдонимом Меерович. Он исчез со страниц «Еврейской трибуны» в 1922 году. Хроникальные заметки он вполне мог публиковать и под псевдонимом Бен-Якоб. После ухода Д. С. Пасманика из журнала в нем появилась критика в его адрес в связи с участием в деятельности так называемого «Отечественного объединения русских евреев за границей».

¹¹⁸ Казнина О. И. В. Шкловский (Дионео) — публицист, писатель, переводчик // Русские евреи в Великобритании / ред.-сост. М. Пархомовский, А. Рогачевский. Иерусалим, 2000. Т. 2 (7). С. 260–272.

¹¹⁹ «Новый восход» — журнал, издававшийся при участии М. М. Винавера под редакцией М. Г. Сыркина в Петербурге в 1910–1915 годах.

за откровенность, не так, как следовало. Не знаю, ясна ли будет моя мысль, если скажу, что сейчас большая часть статей есть только отражение антисемитской прессы. Работа не самостоятельная, а производная. Ведь и для внешнего, нееврейского мира интересно еврейство само по себе, его духовная и материальная культура, его идейное творчество, его судьбы, так трагически осложнившиеся теперь, после хирургических операций, произведенных над Россией, в частности, ее западной частью, объясняю я эту односторонность и как неизбежное следствие ее — повторяемость тем в “Евр. Триб.” составом ее теперешних сотрудников. Я их всех знаю: к еврейской жизни никто из них близко не стоял, проблемами еврейства не болел, не чувствовал их “нутром” своим. Понимаю, что этот дефект трудно исправить... но разве нельзя было бы найти еще сотрудников? Здесь в Ковно Лазарев (помните в “Нов. Восх.” писал статьи на литературные и общественные темы), еврейский критик Баал-Махшовес (Эльяшев), экономист Лещинский и др. Мне кажется, их можно было бы привлечь к работе в “Евр. Триб.”»¹²⁰ Критика со стороны Познера была понятна, ведь в то время русско-еврейская эмиграция не имела еще своей постоянной периодической печати, в которой всесторонне освещались бы общие проблемы еврейства. Но создание такого органа не входило в планы Винавера. Он стремился создать журнал, направленный исключительно на борьбу с антисемитизмом. Для него принципиально было привлечь к работе в нем не только евреев, но и как можно больше русских, деятелей разных политических направлений, но людей, не приемлющих антисемитизм. Естественно, что в первую очередь он пригласил к сотрудничеству тех, с кем работал в России в различных политических и общественных организациях. В журнале публиковались И. И. Петрункевич, В. Д. Набоков, П. Н. Милюков, Ф. И. Родичев, Е. Д. Кускова. Для Винавера особенно было важно участие П. Н. Милюкова. Несмотря на глубокие расхождения с ним в годы Гражданской войны, теперь, в эмиграции, они вновь нашли точки соприкосновения. Хотя Милюков исповедовал довольно имперские взгляды, в еврейском вопросе он в целом был довольно лоялен. Он не только

¹²⁰ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 87. F. 787. L. 65149 об.

приветствовал появление журнала¹²¹, но и принял в нем участие, опубликовав несколько статей. Среди них выделяется его работа «Антисемитизм и русская интеллигенция»¹²².

Выпуск журнала в условиях эмиграции был делом трудоемким и весьма затратным. Редакции постоянно приходилось сталкиваться с трудностями. Тем не менее на протяжении 1920–1921 годов журнал выходил еженедельно. Сбои в его издании появились в 1922 году, когда он уже выпускался раз в две недели. К концу 1923 года начались заметные перебои в периодичности его выхода в свет. На короткий период пришлось даже приостановить работы по подготовке очередных номеров. Все же в 1924 году он вновь стал выходить, но уже не столь регулярно, фактически раз в месяц. Это не могло не беспокоить близкую к «Еврейской трибуне» общественность. В ноябре 1924 года С. М. Дубнов писал Винаверу: «Очень хорошо, что возобновилась “Еврейская трибуна” после долгого перерыва. При нынешнем нашем распытии орган с концентрированной информацией крайне нужен»¹²³. Видимо, особенно глубокий кризис настиг журнал во второй половине 1922 года. Тогда, в октябре этого года, В. В. Руднев сообщал Винаверу: «...существование Еврейской Трибуны в прежнем объеме невозможно дольше конца года. Но, при известном стечении обстоятельств, мыслимо издание Е. Т. и после нового года; одним из условий является решительное сокращение бюджета, примерно тысяч до восемнадцати в месяц. Наша совместная с С. В. [Познером] задача до Вашего приезда — изучить все возможности для сокращения»¹²⁴. В. В. Руднев, человек крайне интеллигентный, предложил решить проблему «за свой счет». Уже и до этого кризиса он предлагал Винаверу сократить состав постоянной редакции путем своего ухода, но Винавер, ценивший личные и деловые качества Руднева, отклонял эти предложения. Теперь же Руднев вернулся к этому предложению. Он писал: «Уже несколько дней меня тяготят сомнения, касающиеся моего

¹²¹ Ibid. L. 65476.

¹²² Еврейская трибуна. 1921. № 52. С. 1–2.

¹²³ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 293.

¹²⁴ САНР (ЦАИЕНИ). RU/2195.

личного положения. Несколько раз я пытался написать о них, но это не так легко. В Вашем первом письме, за которое я Вам столь признателен, вопрос обо мне был Вами поставлен в связи с шатким положением Е. Т., в плоскости Вашей дружеской заботы о моем участии, — заботы, которая меня глубоко тронула. Но, чем дольше я раздумывал над создавшимся положением, тем яснее становится для меня возможность рассматривания его под другим углом зрения. С совершенной откровенностью нахожу нужным изложить Вам свои соображения... Итак, смысл положения заключается в том, что если не теперь, то с нового года, Е. Т. сможет существовать в лучшем случае, только при решительном сокращении ее бюджета, приблизительно на 7 тысяч; с другой стороны, бесспорные основания делают необходимым ближайшее привлечение к Е. Т. столь ценного сотрудника, как С. В. [Познер]. В направлении сокращения бюджета могут быть сделаны известные экономии по типографии, канцелярии, информации, газетным вырезкам, авторскому гонорару. Но при этом совершенно очевидна ненужность сохранения на верху организации *трех* [выделено в тексте. — В. К.] квалифицированных работников, — С. В., Я. Л. [Яков Лазаревич Юделевский (Ю. Делевский)]. — В. К.] и меня. Еще тогда, так как избыток получается преимущественно административный, то вопрос может идти только об С. В. и мне. И после того, как в Вашем письме, с исчерпывающей полнотой и убедительностью было установлено все возможное значение С. В. для спасения Е. Т., всякие иные соображения, вроде двухлетней давности моей работы, теряют свое значение... Для меня же лично, неизмеримо тяжелее даже всяких самых радикальных решений была бы неуверенность, не является ли мое дальнейшее пребывание в Е. Т. злоупотреблением с моей стороны Вашей деликатностью и щепетильностью»¹²⁵.

К концу 1924 года М. М. Винаверу стало ясно, что идея издания журнала такой направленности себя исчерпала. К этому времени сопротивление антисемитизму приняло иные формы. Во многих странах в свет стали выходить периодические издания, на страницах которых еврейский вопрос широко

¹²⁵ САНЛР (ЦАИЕНИ). RU/2195.

обсуждался, а разоблачение антисемитских мифов заняло заметное место в политической жизни¹²⁶. Следует учесть еще одно, весьма важное обстоятельство, которое не могло не отразиться на активности М. М. Винавера. Еще летом 1922 года он сообщал С. М. Дубнову: «К сожалению, личная моя судьба — весьма жестокая в последние годы¹²⁷ — не дала мне возможность сделать здесь для еврейства то, что было мыслимо сделать в не-литературной сфере (в особенности в области защиты прав меньшинств), да и в литературной сфере, собственно в “Евр. Трибуне”, вынужден ограничиться самым общим наблюдением за газетою: после постигшего меня несчастья сердце сдало, и вот уже второй год хвораю, почти не покидаю дома и даже умственному труду у себя дома могу отдаваться лишь в весьма умеренной степени»¹²⁸.

В декабре 1924 года, подводя итоги проделанной работе, Винавер отмечал: «Вся эта длившаяся пять лет работа велась из глубокого сознания долга — долга перед родным народом и родной страной, перед русским еврейством и Россией, в твердом убеждении, что первое неразрывно связано со второй, что благо первого есть и благо второй... Работа “Еврейской Трибуны” была работой патриотической в лучшем смысле этого слова»¹²⁹.

Сам М. М. Винавер опубликовал в этом журнале следующие статьи, большинство из которых можно охарактеризовать как воспоминания об ушедших людях: «Скорбная страничка: Г. Ф. Блюменфельд, А. С. Таненбаум» (1921, № 66); «Короленко» (1922, № 1 (106)); «Мальвина Мейерсон» (1922, № 5 (110)); «Открытое письмо Петру Бернгардовичу Струве» (1922, № 12 (117)); «Герман Маркович Барац» (1922, № 121); «Большевики и православная церковь» (1922, № 128); «Памяти Григория Яковлевича Брука» (1922, № 129); «Памяти Григория

¹²⁶ Будницкий О. В. «Еврейский вопрос» в эмигрантской публицистике 1920–1930 гг. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1994. № 3 (7). С. 4–27.

¹²⁷ Имеется в виду тяжелая и продолжительная болезнь, а затем смерть сына Михаила.

¹²⁸ В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером. С. 273.

¹²⁹ YIVO. Vinaver's Papers. RG. 88 (Vinaver M.). F. 790. L. 65496.

Абрамовича Гольдберга» (1922, № 146); «Польские выборы» (1922, № 47 (152))¹³⁰.

Создание и руководство «Еврейской трибуной» было для М. М. Винавера национальным долгом, продолжением той лоббистской работы, которую он проводил в России с конца XIX века, когда возглавил еврейское либеральное движение. Его идеям он оставался верен всегда.

¹³⁰ И это в то время, когда, по его же признанию, сделанному в июне 1922 года, «...состояние моего здоровья, хотя оно, несомненно, лучше, чем было — не дает возможности сосредоточенно работать. В лучшие дни могу работать урывками. По часу, по два, а главное занятие мое состоит в том, чтобы побольше отдыхать. Часы рабочие приходится чаще всего посвящать занятиям хлебным: разработке юридических вопросов, приему посетителей. При таких условиях писать систематически невозможно» («Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг. Т. 9. С. 164).

СЛЕД В НОЧИ

(Вместо заключения)

Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

А. С. Пушкин

Еврейское кладбище около Ленинграда.
Кривой забор из гнилой фанеры.
За кривым забором лежат рядом
юристы, торговцы, музыканты, революционеры.

Для себя пели.
Для себя копили.
Для других умирали.
Но сначала платили налоги,
уважали пристава,
и в этом мире, безвыходно материальном,
толковали Талмуд,
оставаясь идеалистами...

Иосиф Бродский
1958

В своей борьбе М. М. Винавер потерпел поражение. Точно так же, как потерпела поражение и вся либеральная и демократическая Россия. В конечном итоге ему не удалось соединить российское еврейство в едином порыве к свободе и равноправию. Слишком оно было социально и политически фрагментировано и разобщено. Катаклизмы того времени не способствовали и единению еврейского и российского либерализма. Еврейское либеральное и демократическое сообщество, олицетворением которого и был Винавер, часто стремилось навязывать русскому освободительному движению свое видение решения еврейского вопроса и определять темпы и тактику достижения конечной цели. Зачастую, на отдельных этапах истории, это входило в противоречие с позицией собственно русского либерализма.

После 1917 года еврейский вопрос решался уже другими и по другим лекалам¹. Но это не значит, что «дело Винавера», его фигура стали менее значимыми как в истории российского еврейства, так и собственно в истории всей страны.

В 1916 году Н. А. Бердяев произнес слова, являющиеся, на мой взгляд, квинтэссенцией понимания и сущности еврейского вопроса: «Антисемитизм и угнетение евреев есть такое же бессилие, как и готовность подчинить русское нравственное и культурное сознание еврейскому нравственному и культурному сознанию»².

В России еврейский вопрос и дискуссии о путях его разрешения были одной из составляющих массового сознания и одновременно заметной частью государственного внутриполитического дискурса. Антисемитизм, как и юдофилия, не являлись привилегией какого-либо одного класса или социальной группы. Они, хоть и в разной степени, были разлиты во всех слоях общества, имели как своих ярых сторонников, так и непримиримых противников, своих героев и вождей, ветеранов и неофитов. Им сопутствовал асемитизм, как некий интеллигентский паллиатив, с помощью которого часть образованного общества пыталась объяснить и нивелировать для самих себя свое подлинное отношение к евреям. А между тем евреи, занимая все более прочные позиции во всех сферах российской жизни, требовали признания их прав на достойное экономическое, социальное, культурное и политическое существование.

С конца XVIII века и до 1890-х годов это не носило политического характера. Но с началом формирования гражданского общества, в том числе и политических партий, еврейских национальных объединений, бывшая по сути правозащитной борьба за права российского еврейства стала частью всего общественно-политического процесса в стране.

¹ Государственный антисемитизм, практически уйдя в тень почти на три десятка лет, возродился в СССР только в середине 1940-х годов.

² Бердяев Н. Религиозная судьба еврейства // Христианская мысль (Киев). 1916. № 4. С. 84. Вероятно, это и была как раз та самая статья, которая так не понравилась С. Познеру и М. Горькому при составлении сборника «Щит» и стала поводом конфликта между ними и рядом других участников тех событий.

Лоббизм в еврейской традиции — это не только продвижение национальных интересов, но и их защита. При всем разнообразии политических и социальных направлений в российском еврействе защиту гражданских прав евреев взяли на себя в основном либеральные группы и объединения. Еврейский лоббизм как явление, как важная практика национального и правозащитного движения исчерпал себя с принятием в марте 1917 года формального акта: «Постановление Временного Правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений»³.

С начала XX века М. М. Винавер стал определяющей, более того, символической фигурой русско-еврейских отношений. На протяжении двух десятилетий это признавалось как русской, так и еврейской общественностью.

Человек бесспорно национально ориентированный, Винавер с конца 1880-х годов принимал заметное участие в формировании нового еврейского национального самосознания⁴. Винавер был абсолютно убежден в том, что судьба российского еврейства полностью зависит от хода развития русского освободительного движения. В его понимании еврейское национальное дело должно было носить «вспомогательный характер» и проходить в русле общероссийской борьбы с самодержавием.

Активный участвуя в защите прав своего народа, он в то же время постепенно становился одной из ключевых фигур в деле создания главной партии отечественного либерализма — Партии народной свободы (Конституционно-демократической партии). Винавер участвовал во всех основных организационных мероприятиях по конституированию партии, находился в центре дискуссий по главным проблемам ее тактики и стратегии. Несмотря на то что ему было предложено баллотироваться в Думу от

³ В дальнейшем, в 1918 — начале 1920-х годов отдельные обращения еврейских общественных деятелей к власти (например, с просьбой освободить участников Съезда сионистов, арестованных в Москве, или в защиту театра «Габима») носили уже не организованный характер. Их скорее всего можно отнести к продолжению традиций штадланута.

⁴ Познер С. В. Борьба за равноправие; Винавер М. Как мы занимались историей; Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера.

еврейского населения Вильно, он предпочел идти по списку кадетов и избирался в I Государственную думу от Санкт-Петербурга.

В 1905–1907 годах Винавер — главная фигура в деле создания первой легальной политической организации российского еврейства — «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России», идеологию которого он формировал и направлял. К тому времени он был уже достаточно известным еврейским общественным деятелем. Одновременно с 1904 года Винавер стал активно участвовать и в русском либеральном движении⁵. Именно тогда Винавер выработал собственную концепцию развития еврейского национального движения. На протяжении всей своей жизни он отстаивал идею, согласно которой российское еврейство могло добиться полноправия только при условии полной поддержки со стороны русского либерализма. Эти идеи он отстаивал до конца. Даже в годы Гражданской войны и в эмиграции, когда значительная часть бывших соратников по партии отошла от русских либеральных заветов, он упорно делал вид, что не замечает наступления новой реальности. Теперь, кажется, вопреки всему, он включил в сферу своей лоббистской деятельности защиту не только российского еврейства, но и России в целом. Он добровольно взял на себя некие обязательства по представительству России в близких ему международных кругах.

Максим Моисеевич Винавер знал себе цену. Недаром уже в первые дни эмиграции в мае 1919 года, находясь в Афинах, он писал: «...люди льстивые в течение всей моей жизни сравнивали меня то с Гамбеттой, то с Биконсфилдом, то с Бисмарком. Это все для меня комплименты весьма преувеличенные, конечно, в смысле масштаба и весьма мало мне симпатичные по существу. И если бы даже они были искренни и объективно правдивы, я все же считал бы высшею проверкою и для Гамбетты и для Биконсфильда одобрение Гладстона. Это нелепое сопоставление, впрочем, доказывает яснее всего неосновательность самой предпосылки»⁶.

⁵ М. М. Винавер и русская общественность начала XX в.

⁶ «Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг. Т. 8. С. 192.

Для него непереносимой была мысль об окончании борьбы с большевиками за Россию и российское еврейство. Уже в 1920-е годы он писал: «Русские люди начинают терять равноправие. Давно ли все без исключения культурные слои России понимали — а кто не понимал, тот стихийно ощущал — что то, что творится теперь в советской России, никогда и ни при каких условиях, не может само собою переродиться, эволюционизировать, или как принято сейчас выражаться — и постепенно уступит из нужды к возникающему государственному порядку. Не с легким сердцем — и правые, и левые — решались люди объявить вооруженную борьбу... освобождения родины. Ведь знали, что эта борьба требует кровавых жертв, что она унесет в могилу не только цвет молодежи, идущей в бой по убеждению, но и десятки — сотни тысяч серого люда, насильно записанного в ряды красной армии. Все это знали. И если знали, то решились на жертву, то только потому, что это был единственный путь. Иначе все призывы к борьбе явились бы преступлением...

Почему же теперь уверовали в другой путь? Почему призывают нас погасить дух возмущения? Почему ублажают баснями о перерождении?..

Борьба не окончена, и в этой борьбе мы имеем... весь цивилизованный мир»⁷.

Несмотря на состояние здоровья, Винавер с энтузиазмом отдался воплощению идеи П. Н. Милюкова по перестройке Партии кадетов — входил в руководство «Республиканско-демократического объединения»⁸. В его рядах он надеялся объединить антибольшевистские демократические и либеральные силы эмиграции. Он стал деятельным членом Редакционного совета издаваемой П. Н. Милюковым газеты «Последние новости».

Летом 1922 года он писал И. И. Петрункевичу: «...принял здесь на себя по отношению к “Последним новостям”, те же функции, которые Вы приняли некогда по отношению к “Речи”. Я считаю теперь самым важным и, если угодно, единственно-конкретным делом в эмиграции сохранение русской газеты,

⁷ BAR. М. М. Vinaver Papers. Box 1. F. 59. «Разброд».

⁸ Александров С. А. Общественно-политическая деятельность П. Н. Милюкова в эмиграции: 20-е гг. М., 1995.

поддерживающей эмиграцию в определенном строе мыслей и проникающей, как-никак, тем или иным определенным способом и в иностранную среду. Особенно важную считаю первую задачу, внутреннюю. И внешняя политика сложна и требует правильной ориентации, и искушения, исходящие из большевистского стана, требуют настойчивого противодействия. При отсутствии крепких и авторитетных организаций, печать является сейчас для нас единственной организующую силой... Эти соображения, в связи с совершенно анархическим состоянием хозяйства газеты, заставили меня взять хозяйственную сторону в свои руки, тем более — это единственная общественная служба, которую могу исполнять, сидя у себя в кабинете»⁹.

В августе 1922 года он вновь возвращается к этой теме и пишет И. И. Петрункевичу, который, ссылаясь на состояние здоровья, отклонил предложение о сотрудничестве с Милюковым: «Я горько улыбнулся, читая эти строки, ибо и для меня обойти пешком квартал, есть большой подвиг, а на трамвай не рискую взобраться. Моложе Вас годами, я физически сдал раньше и личного участия ни в какой общественной организации вот уже больше года не принимаю и никому обещать не могу. И все же для меня ставится вопрос: должны ли мы вообще устраниваться от всяких новых начинаний, если мысль наша еще работает, и мы можем добрым советом... содействовать благому делу. Конечно, риск здесь значительнее и надо выбирать путь с большою осторожностью, объединяться только с людьми близкими, лояльности которых доверяешь — ибо в их руки, отчасти, отдаешь свое имя, но бывают минуты, когда с этими оговорками, на риск надо, мне кажется, идти. Говоря все это, я отнюдь не желаю убедить Вас лично вступить немедленно в Союз. Хочу скорее оправдать себя, излагая свои личные ощущения, почему, не будучи в состоянии лично участвовать, я все-таки склоняюсь к мысли вступить в него, если меня удовлетворят затребованные требования. Полагаю, что не только программа к.-д., но и кадры партии, до возвращения в Россию, должны быть сохранены, что только в России мы сможем решить их участь, я убежден, вместе

⁹ «Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг. Т. 9. С. 164.

с тем, что сейчас в эмиграции, и на первое время в России, немислимо действовать изолировано какой-либо партии, как бы она ни была крепка в прошлом, и как бы непреложными ни были ее конечные цели. Работа должна и будет вестись объединениями, лигами, пока не настанет пора опять расслоиться»¹⁰.

Большое значение для него, человека, практически уже прикованного к дому, имела работа над воспоминаниями о жизни в Крыму в 1918–1919 годах. Собирая материалы об этом периоде, Винавер вел активную переписку с людьми, некогда входившими в это правительство, бывшими свидетелями его деятельности¹¹.

С увлечением и энтузиазмом М. М. Винавер с 1923 года участвовал в руководстве созданным им литературно-критическим журналом «Звено». В этом деле он как бы ощущал некий отблеск той петербургской жизни, когда в его доме собиралась интеллигенция и обсуждались события не только политической, но и литературно-художественной жизни страны¹². Он привлек к работе в «Звене» некоторых своих прежних сотрудников по адвокатской и политической работе в России, оказавшихся в эмиграции¹³.

¹⁰ Там же. С. 175.

¹¹ Книгу «Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.)» после смерти отца практически закончил и издал его сын Евгений. Е. М. Винавер в то время только что завершил учебу в Оксфордском университете.

¹² По поводу своей работы в «Звене» он писал З. Н. Гиппиус: «...меня очень обрадовала и поощрила ваша общая оценка “Звена”. Говорю “поощрила”, потому что не скрою от вас, моментами одолевают меня сомнения: хорошо ли я сделал, взявшись на старости лет не за мое, в сущности, дело, и с упорством продолжая его. Поддерживает меня только нерадостная мысль, что никто другой за это, нужное, на мой взгляд, дело не берется и едва ли возьмется. Моя писательская деятельность была всегда далека от журналистики — я сам потому мало в “Звене” пишу, и вынужден опираться на других; моя задача — правда, нелегкая — состоит в подыскивании этих других, в выравнивании общей линии. В условиях эмиграции это дело особенно трудное, и руки не раз опускаются...» (Гиппиус З. Н. Его вчерашние слова: (М. М. Винавер). С. 70–71).

¹³ Коростелев О. А. Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели // Русское еврейство в зарубежье: статьи, публикации, мемуары и эссе / сост., гл. ред. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1998. Т. I (VI). С. 177–201. Среди них оказались и два близких ему человека, связанных с ним еще по совместной работе на рубеже веков: С. В. Лурье и М. Л. Кантор. Правда, разномыслие в эмигрантской среде сказалось и в этом деле. Историк, член ЦК Партии кадетов, депутат II Государственной думы А. А. Кизеветтер, живший тогда в Праге, в ответ на приглашение принять участие в этом издании писал: «От души благодарю Вас за Ваше дружеское письмо, которое так живо воскресило передо мною целый ряд

Он пригласил к сотрудничеству на постоянной основе молодого критика и поэта Г. Адамовича. Позднее тот писал о Винавере: «Невозможно было заговорить о нем самом, и даже не только о нем лично, а хотя бы издали, отвлеченно, о его жизненной работе. Не тот был тон отношений. Признаюсь, мне это нравилось. Этот тон ведь не исключал умственного и сердечного внимания, но он не допускал ничего лишнего. “Теплота” отношений была, но где-то далеко спрятанная»¹⁴.

Многие друзья настойчиво просили его написать воспоминания. На эти просьбы он откликнулся по-своему. Занятый повседневной политической и культурной работой, он подготовил к изданию расширенный и дополненный вариант вышедшей в свет еще в 1917 году книги «Недавнее». Мастер короткого и точного портрета, Винавер в ней вспоминал о тех, с кем рядом работал на благо России и российского еврейства¹⁵.

Максим Моисеевич Винавер до последних дней своей жизни сохранял оптимизм и веру в дело, которому он посвятил всю свою жизнь.

многозначительных моментов, пережитых совсем еще недавно вместе с Вами, плечо к плечу с нашими сотоварищами по партии, в то время составлявшими такую сомкнутую, душевно спаянную, твердо объединенную среду. Это бывшее наше единство вовсе ведь не исключало разнообразия во взглядах по целому ряду вопросов. Но из-за такого разнообразия ни у кого все-таки не было никакого побуждения разрывать взаимные связи, которые основывались на некоторых для всех нас дорогих принципах, имевших в наших глазах значение высшее, нежели всякие частные разногласия». И он отказался, прямо объясняя свое решение тем, что «Звено» было аффилировано с газетой П. Н. Милюкова «Последние новости» (YIVO. Tcherikover collection. RG. 84. F. 1. L. 63975).

¹⁴ Адамович Г. Памяти М. М. Винавера // Звено. 1926. Кн. 2. С. 1–3.

¹⁵ Винавер М. Недавнее. К наиболее «еврейским» страницам этой книги я бы отнес его воспоминания об Ан-ском и Г. А. Гольдберге. Если Гольдберг долгое время был его помощником по адвокатским делам и сотрудником во многих его лоббистских начинаниях, то Ан-ский — человек из другого политического лагеря, соприкасавшийся с ним, кажется, исключительно только по работе в ЕИЭО, в данном случае привлек внимание именно как деятель национальный (*Safran G. Wandering Soul: The Dybbuk's Creator, S. An-sky. P. 141, 183*).

Интересно, что написать рецензию на нее он доверил З. Н. Гиппиус. Он писал ей об этом решении: «...я слишком давно и слишком глубоко уважаю печатное слово, чтобы не преклониться перед стремлением говорить всю правду до конца... Прошу вас потому дать мне согласие только в том случае, если вы чувствуете, что и на страницах “Звена” можете также писать обо мне, как писали бы в другом месте, то есть “при ощущении полной внутренней свободы...”» (цит. по: Гиппиус З. Н. Его вчерашние слова: (М. М. Винавер). С. 71).

В январе 1922 года он писал соратнику по либеральному движению и старому другу И. И. Петрункевичу: «Ночь мрачна кругом, слов нет. И я, так же, как и Вы, почти уверен, что мы не доживем до рассвета. Но, знаете ли, что когда человека настигают один за другим удары в виде вечной разлуки с самыми близкими, центр сознания, как бы стихийно, перемещается от себя лично в предельную даль времени. Да, мы не доживем, но то чем мы жили и питались — извечно. Нет, не гибнет Россия, и не погибнет — именно та Россия, которую мы в мечтах носили... Да, нам — нам тяжело — удары бьют по нас — не сомневайтесь ли Вы, что те силы, которые выдвинули Россию в течение одного века на мировую авансцену в области наивысших культурных достижений — сомневайтесь ли Вы, что эти силы продолжают действовать... Вы поддерживали в нескольких поколениях, — все это вошло в состав той неиссякаемой сокровищницы, из которой, когда наступит час, будут черпаться и идеи, и порывы для воссоздания нашей родины.

Та почва, которая взращивала Вас, Ваших предшественников и Ваших сподвижников — не иссохнет. Это не только мистическая вера, это, так сказать, естественноисторический факт, неопровержимый до очевидности. Такую Россию кровно любили мы, так называемые инородцы, с нею сплелись неразрывно и через нее связали себя неразрывно с русским прошлым, на ней и с нею вместе строим будущее. И даже те, кто увлечен фантомом мнимой независимости, отделились, мечтают в тайне — я убежден в том — о возврате, о сближении. Мы почти отстранены от жизни, нам остается страдать, думать, помогать, чем можем, но не отчаиваться; а Вам, в частности, найти справедливую мерку в оценке того высокого и непреходящего, что Вами внесено в нашу жизнь.

Поверьте, все это не надуманное утешение, а голос души, непрерывно во мне звучащий. Я не могу ни говорить, ни думать иначе»¹⁶.

Но силы его были не беспредельны.

Мордехай (Максим) Моисеевич Винавер скончался 10 октября 1926 года.

¹⁶ «Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг. Т. 9. С. 149.

На уход М. М. Винавера из жизни откликнулись многие, и не только бывшие соратники по либеральному движению. Один из многолетних его противников, видный руководитель Бунда и блестящий полемист А. Литвак¹⁷ (Х.-Я. Гельфанд) писал: «М. Винавер был нашим противником, и мы долгие годы с ним сражались. Противник в русской политике — он был буржуазным либералом, конституционным демократом (как их называли в России — «кадетом»); мы были социал-демократами, представителями рабочего класса; противник в еврейской политике, он был представителем русской культуры. Его еврейство состояло из реформированной синагоги, борьбы за равноправие и исследований по еврейской истории. Мы были бундистами и требовали признания и прав для живого еврейского языка и живой культуры еврейских масс.

Но и в минуты жесткой борьбы мы никогда не забывали, что Винавер — крупная фигура, борец, с которым состязаться было почетно. И часто бывало досадно, почему этот человек не один из нас?

Я вспоминаю его лицо: в нем светились энергия, ум и печаль. Печаль, которую мы часто встречаем у старых русских интеллигентов, теперь уже сходящих со сцены; скорбь, без которой я не могу представить лицо ни одного действительно великого еврея»¹⁸.

Проникновенный текст, посвященный его памяти, оставил Г. Адамович. «Меня восхищала и трогала в нем его любовь к мысли, — писал он, — к идее, духу и его вера в них. Я сознаю, что пишу слова, которые потеряли всякую силу выражения. Слишком часто их трепали, заполняли ими пустоту, вспоминали по ничтожному поводу. Но не могу найти других слов и думаю, что других слов и нет. В применении к такому человеку, как Максим Моисеевич, они вновь приобретают свое значение. Любовь к мысли... Максим Моисеевич не был слугой исключительно своей мысли, своей идеи или своего духа. Узкого фанатизма в нем

¹⁷ А. Литвак несколько раз «пересекался» с Винавером: в начале века в Вильно, где шла борьба вокруг «Союза за достижение полноправия еврейского народа в России» и в 1909 году на Совещании еврейских общественных деятелей в Ковно.

¹⁸ Litvak A. Vinaver. P. 251–252.

не было. Нетерпимость была ему совершенно чужда. Он лишь присматривался и прислушивался ко всему, в чем была духовная жизнь, и заранее всему этому сочувствовал, шел вперед, все принимал. Близко ли ему, родственно ли ему — не было важно. Ему это казалось признаком второстепенным, он только прислушивался к “пульсу” чужой мысли и верил в нее, если по пульсу угадывал, что она жизнеспособна. Тютчев сказал, что “старческой любви позорней сварливый старческий задор”, — говоря о споре “отцов и детей”. Не было человека, который способен был бы лучше понять тючевское двусишие, глубже и искренней на него отозваться. Максим Моисеевич был вообще наименее ограниченным (в смысле кругозора) из людей, и в его редакторстве это было обязательно. Сам-то ведь он был человеком иных традиций, иных стремлений, чем теперешнее искусство или литература. Казалось бы, тяжела, должна была быть подчас его редакторская рука. Но рука была легчайшая, думаю — единственная в легкости. Часто я удивлялся, читая некоторые из одобренных им статей: неужели он с этим согласен? Неужели он этому сочувствует? Неужели ему — как большинству искренних и вдумчивых людей его поколения, школы, круга — не кажется баловством и пустяками теперешнее искусство? Разгадка была совсем не в том, что Максим Моисеевич “одобряет” стихи какого-нибудь двадцатилетнего поэта, а в том, что из всех “старинных” традиций он сильнее всего, всем существом своим, воспринял традицию свободы и глубоко понял, что без свободы ни искусства, ни литературы нет. Приняв человека, он давал ему свободу и, доверяя ему в целом, доверял и в мелочах, с которыми далеко не всегда был согласен, но которые все же без условий допускал, и право на существование которых с убеждением отстаивал.

Он знал, что различия между прежним и новым творчеством скорее различие слов, оболочки, чем сущности. Иначе о том же: такой казалась ему новая литература. Он радовался, когда ощущал совпадение чужого со своим, когда убеждался, что никакого спора отцов и детей нет, а есть только ничтожная размова. И, действительно, он — один из немногих — имел право говорить о “бессмертии идеи”, “вечной силе мысли”, потому что верил в преемственное творчество духа, а не в преходящие, скоропортящиеся идейки одного поколения.

Знаменитый юрист, оратор, политический деятель... Может быть, самой скромной частью этой жизни было время руководства маленьким литературным журналом. Но это — точка над *i*, объяснение человека, дополнение его. Он вложил в это дело много любви, — столько, сколько едва ли вкладывал в другие дела, более громкие и блестящие. Это было его создание, “детиче”, которым он дорожил и которое берег. Он как будто чувствовал, что это — эпилог его жизни, последняя тихая пристань, единственное, что не обманет: мысль и искусство. Этот выбор был чист и прекрасен, и как хотелось бы, чтобы он знал, что те, кто нежданно-негаданно оказались его сотрудниками в эти последние годы, его понимали и любили»¹⁹.

Через несколько дней после получения известия о смерти М. М. Винавера З. Н. Гиппиус, которую на последние несколько лет приютил его журнал «Звено», откликнулась на это событие воспоминаниями «Его вчерашние слова». Вопреки принятому ею обычаю, когда, если она о чем-либо или о ком-либо писала, то писала в конце концов исключительно о себе, — здесь Гиппиус признавалась: «Но смерть, как грань между *здесь* и *не здесь* [выделено в тексте. — В. К.], как непонятная для нас перемена, — самое потрясающее, что есть на земле. И потрясает она, всякий раз, изумлением. Так обыкновенна — и так неожиданна. Умерший уже не здесь, хотя и здесь. Двойное, совсем иное, непостижимое бытие! Вероятно, ничего нет проще. Но и ничего — удивительнее.

Смерть Максима Моисеевича Винавера поразила меня. Потрясла изумлением... Я не могу и не хочу писать сейчас что-нибудь похожее на общие о нем “воспоминания”. Только — отдельные черты, касающиеся самого последнего времени, последних месяцев и недель жизни Максима Моисеевича, перед таинственным переходом его в состояние, нам непостижимое»²⁰.

В 1943 году, выступая в Нью-Йорке на вечере, организованном «Кружком русских юристов», А. А. Гольденвейзер, вспоминая Винавера как одного из своих учителей, говорил: «Характеризуя Винавера, чаще всего выдвигают его ум. Однако,

¹⁹ Адамович Г. Памяти М. М. Винавера.

²⁰ Гиппиус З. Н. Его вчерашние слова: (М. М. Винавер). С. 70.

сказать о нем, что он был “человеком необыкновенного ума”, или, как иногда говорили, “умнейшим человеком в России”, — значит дать беспомощную характеристику, которая ничего не уясняет. В динамической и волевой натуре Винавера ум был только “орудием производства”. Сдержанная страстность и литературный блеск его писаний питались не из холодного разума, а из источников эмоциональных»²¹.

В Европе, оказавшейся во власти тирании двух тоталитарных режимов — нацизма и коммунизма, русско-еврейская интеллигенция, воплощением которой и был М. М. Винавер, ушла в прошлое, оставив по себе светлую память. Судьбы бывших соратников и противников Винавера почти одинаково трагичны. А. Горнфельд умер, всеми забытый, в своей ленинградской квартире в 1940 году; нелепо, в результате несчастного случая, погиб выпущенный ненадолго из тюрьмы ВЧК Г. Гольдберг; в Гулаге сгинули И. Клейнман, Г. Ландау, А. Каминка и С. Цинберг. Изведал тюремное заключение и С. Е. Калманович. В постоянном страхе и в ожидании ареста, провожая в тюрьмы и ссылки ближайших родственников и друзей, жили А. Перельман и Ю. Гессен. Погиб в тюрьме НКВД и Г. Эрлих, которому удалось вырваться из оккупированной нацистами Польши, кажется, только для того, чтобы оказаться в руках советских карательных органов. Отрекся от своего прошлого и некогда «верный оруженосец» Винавера М. Л. Тривус. Чудеса политической мимикрии продемонстрировал бывший злой и остроумный его оппонент, бундовец Д. И. Заславский. Отнюдь не счастливо сложилась судьба и тех, кому удалось на время укрыться в эмиграции. В Рижском гетто убили С. Дубнова; в концлагере погиб арестованный во Франции и хорошо знакомый Винаверу один из сыновей М. Кулишера — Александр; С. Познер все время оккупации скрывался под чужим именем во французской деревне. Репрессиям подверглись практически все оставшиеся в России соратники по ЦК Партии кадетов. И все же евреям-эмигрантам из России было куда бежать. Многие из них, в том числе и вдова Винавера Роза Георгиевна, до конца войны жили в США. Пожалуй, наиболее «благополучно» прожили те, кто, следуя своим идейным

²¹ Гольденвейзер А. А. В защиту права. С. 218.

установкам, перебрался в Эрец-Исраэль. До конца своих дней продолжал борьбу В. Жаботинский, активно жили и работали братья Бруцкусы и Г. Брук. К началу 1930-х годов в СССР ликвидировали все «буржуазные» еврейские организации, в том числе и ОПЕ, ЕИЭО... А вскоре ликвидированными оказались и большинство их еврейских ликвидаторов.

В истории российского еврейства было немало талантливых и решительных лидеров — политических и общественных деятелей. Но даже на их фоне Максим Моисеевич Винавер выделяется энергией, организаторским талантом, кажущейся затаенной страстностью своих мечтаний и стойкостью в реализации идей. Еще в молодые годы он раз и навсегда сформулировал идею о нерасторжимости в себе двух начал: еврейского и русского. Это переплетение стало для него догмой. Это то, что сделало его в глазах современников не просто евреем, а евреем именно русским.

Винавер потерпел поражение и как Мордехай, и как Максим. Но в этом его величие, и в этом — трагедия всей его жизни.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5818 (Винавер М. М.); Ф. 5839 (Петрункевич И. И.). Оп. 1. Д. 45; Ф. 579 (Милюков П. Н.); Ф. 9458 (Бомаш М. Х.). Оп. 1; Ф. 192 (Департамент полиции. Особый отдел). Оп. 265. Ед. хр. 46, 59, 63, 67, 69, 77, 103, 140, 218, 315.
- Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Рукописный отдел (ИРЛИ РО). Ф. 520 (Айзман Д. Я.); Ф. 289. Оп. 3, Оп. 6.
- Российская национальная библиотека. Дом Плеханова (РНБ ДП). Ф. 482 (Милюков П. Н.); Ф. 753 (Струве П. Б.).
- Российская национальная библиотека. Рукописный отдел (РНБ РО). Ф. 332 (Каменецкий С. Л.); Ф. 211 (Горнфельд А. Г.).
- Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 119 (Вермель С. С.). Оп. 2; Ф. 1666 (Речь). Оп. 1.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1565 («Союз для достижения полноправия еврейского народа в России»).
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. (ЦГИА СПб). Ф. 2049 (Шефтель М. М.) Оп. 1. Д. 102; Ф. 2129 (Еврейское историко-этнографическое общество). № 68. (Материалы совещания еврейских общественных деятелей в Петрограде. 1914–1916 гг.).
- Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 1010 (Н. М. Фридман). Оп. 1. Копии: САНЖР (ЦАИЕНИ). SD 912–917.
- Bakhmeteff Archives of the Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library. Columbia University, New York, USA (BAR). Maxim Moiseevich Vinaver. Papers.
- Central Archives History Jewish People. Jerusalem, Israel — Центральный архив истории еврейского народа. Иерусалим, Израиль (САНЖР (ЦАИЕНИ)). НМФ/8 («Союз для достижения

полноправия еврейского народа в России»); Р. 1/10 (Dubnov S.).

Central Archives Zionism. Jerusalem, Israel — Центральный сионистский архив. Иерусалим, Израиль (CZA (ЦСА)). PHG/1004488; № 163/8/2.

Department of Manuscripts in the Jerusalem Jewish University — Отдел рукописей библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме. F. 4. 1281. A 11/3 (S. Ginzburg); Collection. Ф. 4.761 (Ахад-Гаам).

Institute for Jewish Research (YIVO — Di Organizatsye fun der Yidisher Visensshaft (идиш)). New York, USA. David Movshovich. Letters: 1915–1917. Diary. RG. 348; Tcherikover Collection. RG. 84. F. 794; Vinaver's Papers. RG. 87; 88 (Vinaver M.).

Произведения М. М. Винавера

Адвокатура и правовое государство. СПб., 1905.

Александр Яковлевич Пассовер. СПб., 1913.

Беседы с графом Витте // Новый восход. 1915. № 9. Стб. 6–9.

Бессарабия // Еврейская трибуна. 1920. № 45. С. 1–2.

Большевизм и русское еврейство: (Из архива М. М. Винавера) / публ. А. Степанского // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1996. № 1 (11). С. 196–200.

Большевики и православная церковь // Еврейская трибуна. 1922. № 23 (128). С. 1–2.

В ожидании отпуска и после отпуска: отрывки из воспоминаний // К десятилетию Первой Государственной думы 27 апреля 1906 г. — 27 апреля 1916 г. Пг., 1916. Сб. 1. С. 95–113.

В. Г. Короленко // Еврейская трибуна. 1922. № 1. С. 1–2.

Ветеран русско-еврейской интеллигенции: Памяти М. И. Кулишера // Еврейская трибуна. 1920. № 9. С. 1–2.

Герман Маркович Барац // Еврейская трибуна. 1922. № 16 (121). С. 1–2.

Годовщина // Еврейская трибуна. 1920. № 15. С. 1–2.

Голос не-сиониста // Свершение: русские сионистские сб. / под ред. М. Ф. Гиндеса. Берлин, 1924. Сб. 1. С. 102–105.

- Еврейская Народная группа: программные положения; резолюции съезда; доклад о задачах русского еврейства. СПб., 1907.
- Еврейский вопрос в Первой Государственной думе // Свобода и равенство. 1907. № 2. С. 1–5; № 3. С. 2–6.
- Из области цивилистики. СПб., 1908.
- Интервенция // Еврейская трибуна. 1920. № 2. С. 1–2.
- Исследование памятника польского обычного права XIII в., написанного на немецком языке: Вопрос о происхождении и систематическое изложение содержания. Варшава, 1888 [Оттиск из: Варшавские унив. известия. 1887. № 5–9; 1888. № 1–5].
- Кадеты и еврейский вопрос. СПб., 1907.
- Как мы занимались историей // Еврейская старина. 1909. Т. 1, вып. 1. С. 41–54.
- Конфликты в Первой Думе. СПб., 1907.
- Кровавые знамения // Еврейская трибуна. 1923. № 1 (154). С. 1–2.
- М. М. Муромцев // Еврейская трибуна. 1920. № 44. С. 1–2.
- Мальвина Мейерсон // Еврейская трибуна. 1922. № 5 (110). С. 1–2.
- Наше правительство: (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928.
- Недавнее: 2 изд. Париж, 1926.
- О гр. С. Ю. Витте // Еврейская трибуна. 1921. № 99. С. 1–2.
- Открытое письмо П. Б. Струве // Еврейская трибуна. 1922. № 12 (117). С. 1–2.
- Открытое письмо П. Б. Струве // По вехам: Об интеллигенции и «национальном лице»: сб. статей / с предисл. Ф. Мускат-блита. М., 1909. С. 82–84.
- Очерки об адвокатуре. СПб., 1902.
- Памяти Александра Соломоновича Гольденвейзера. Пг., 1915.
- Памяти В. С. Соловьева // Еврейская трибуна. 1920. № 34. С. 1–2.
- Памяти Григория Абрамовича Гольдберга // Еврейская трибуна. 1922. № 146. С. 1–2.
- Памяти Григория Яковлевича Брука // Еврейская трибуна. 1922. № 129. С. 1–2.
- Польские выборы // Еврейская трибуна. 1922. № 47 (152). С. 1–2.

- Последний акт // Еврейская трибуна. 1923. № 3 (156). С. 1–2.
Преследования католической церкви // Еврейская трибуна. 1923. № 8. С. 1–2.
Равенство // Русские ведомости. 1917. № 65, 22 март. С. 2.
Разброд // Еврейская трибуна. 1920. № 8. С. 1–2.
Революционер и фольклорист (С. А. Ан-ский) // Винавер М. Недавнее: 2 изд. Париж, 1926. С. 37–43.
Речи. СПб., 1907.
Русская проблема // Еврейская трибуна. 1920. № 1. С. 1–2.
Слезы господина Дмовского // Еврейская трибуна. 1923. № 23 (176). С. 1–2.
Federalism, Autonomy and the Rights of Nationalities in Russia // Stragglings Russia. 1920. N 7.
The Russian Problem and the Jews // Stragglings Russia. 1920. N 4.

Периодическая печать

Восход
Еврей-избиратель
Еврейская летопись
Еврейская старина
Еврейская трибуна
Иллюстрированный сионистский альманах
Летопись
Новый восход
Новый путь
Освобождение
Свобода и равенство
Северный вестник

Опубликованные источники

Мемуары. Дневники. Переписка

- Александр Исаевич Браудо: 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937.
Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995.
Амфитеатров А. В. Литературный альбом. СПб., 1904.

- Амфитеатров А. В.* Собр. соч.: в 10 т. М., 2003. Т. 10, кн. 2: Мемуары.
- Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника / публ. С. В. Шумихина // Минувшее. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 436–635.
- [*Андреев Л.*] Переписка Л. Андреева и Е. Н. Чирикова / вступ. ст., публ. и коммент. В. Н. Чувакова // Леонид Андреев: материалы и исследования. М., 2000. С. 32–86.
- Аронсон Н.* Автобиография / вступ. ст., публ. и коммент. М. Гланц // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1998. № 2 (18). С. 278–302.
- Астров Н. И.* Воспоминания. М., 2000.
- Барк П. Л.* Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. Т. 172.
- Бикерман И. М.* Воспоминания // Возрождение (Париж). 1951. № 18. С. 37–38; № 19. С. 24–25; 1964. № 153. С. 41–44, № 154. С. 16–19.
- Бланк Р.* Сеятель добра // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 57–68.
- Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990.
- Булгаков С. — Хорошко В.* // Новый мир. 1989. № 10. С. 241–242.
- В полосе ликвидации: переписка между С. М. Дубновым и М. М. Винавером* / публ., предисл. и коммент. В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 2000. № 3 (21). С. 267–302.
- Вермель С. С. В. Г. Короленко и евреи: воспоминания, письма.* М., 1924.
- [*Винавер Р. Г.*]. Воспоминания Розы Георгиевны Винавер, жены члена I Государственной думы Максима Моисеевича Винавера / вступ. ст. и коммент. В. Кельнера и О. Коростелева // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2012. Т. 7. С. 10–135.
- Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. М., 1960.
- [*Витте С. Ю.*]. Из архива С. Ю. Витте: воспоминания: в 2 т. СПб., 2003.
- [*Витте С. Ю.*] Переписка С. Ю. Витте и К. П. Победоносцева // Красный архив. 1928. № 5. С. 89–116.
- Вишницер М.* Из петербургских воспоминаний // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 40–48.

- Герцль Т. Избранное. Тель-Авив, 1990.
- Гершензон М. О. Письма к брату: избранные места. М., 1927.
- Гессен И. В. В двух веках: жизненный отчет. Берлин, 1937 (Архив русской революции; Т. 22). [Репринт. изд.: М., 1993.]
- Гессен И. В. Подвижник // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 51–56.
- Гинзбург С. «Восход» и его издатель / пер. с идиша и коммент. А. Френкеля // Народ Книги в мире книг. 2006. № 63. С. 1–8.
- Гинзбург С. «Дер фрайнд» — первая в России ежедневная газета на идише / пер. с идиша и примеч. А. Френкеля // Народ Книги в мире книг. 2006. № 65; № 66; 2007. № 67–71.
- Гиппиус З. Н. Его вчерашние слова: (М. М. Винавер) // Гиппиус З. Н. Чего не было и что было: неизвестная проза: (1926–1930 гг.). СПб., 2002. С. 163–174.
- Гиппиус З. Н. Живые лица: воспоминания: в 2 кн. Тбилиси, 1991.
- Гиппиус З. Н. Лик человеческий и лик времени («Недавнее») // Гиппиус З. Н. Чего не было и что было: неизвестная проза: (1926–1930). СПб., 2002. С. 154–160.
- Горький М. Полн. собр. сочинений. Письма: в 24 т. М., 2001. Т. 7: Письма: Конец августа 1908–1909.
- Грулев М. Записки генерала-еврея. Париж, 1930.
- Гурко В. Й. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / подг. текста и коммент. Н. П. Соколова. М., 2000.
- Дионео. Англия после войны. Прага, 1924.
- Дионео. Когда боги ушли. М.; Берлин, 1923.
- Дионео. Пестрая книга: Двенадцать характеристик. Стокгольм, 1921.
- Дубнов С. М. Книга жизни: воспоминания и размышления: материалы для истории моего времени / предисл. и коммент. В. Е. Кельнера. Иерусалим; М., 2004.
- Дубнов С. М. Об уходящих: письмо в редакцию // Новый Восход. 1913. № 29. Стб. 6–8.
- Дубнова-Эрлих С. Жизнь и труды С. М. Дубнова. New York, 1950.
- Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать...: из мемуарного и эпистолярного наследия: в 2 т. / пер. с идиша М. Лестера; вступ. ст. и коммент. В. Хазана. Иерусалим, 2011.

- Евреи и русская революция: материалы и исследования / ред.-сост. О. В. Будницкий. М.; Иерусалим, 1999.
- Жаботинский В. Вступительная статья // Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея: в 3 т. Париж, 1933. Т. 1. С. IX–XIV.
- Жаботинский В. Опыт автобиографии / предисл. и примеч. Х. Фирина // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1993. № 3. С. 213–217.
- Жаботинский В. (3.) Повесть моих дней. Тель-Авив, 1985.
- Из записок А. Ф. Редигера // Красный архив. 1933. № 5 (60). С. 92–133.
- Из «черной книги» российского еврейства: материалы для истории войны 1914–1916 гг. // Еврейская старина. 1918. Т. X. С. 195–296.
- История полувековой дружбы / публ. А. Сергеева, А. Тюрина // Минувшее. М.; СПб., 1995. Т. 18. С. 353–425.
- Каган В. Борис Бруцкус — ученый и правозащитник // Евреи в культуре русского зарубежья: сб. ст., публ., мемуаров и эссе. / изд. и сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 476–484.
- Каган Л. Гимназисты: В. Жаботинский и К. Чуковский / публ. Х. Фирина // Народ мой (Ами). СПб., 1993. № 1. С. 2–3.
- Карабчевский Н. П. Около правосудия. Тула, 2001.
- Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921.
- Карпов П. Из глубины. М., 1991.
- Кауфман А. Е. За кулисами печати: из воспоминаний старого журналиста / сост., вступ. ст. и коммент. В. Е. Кельнера. СПб., 2011.
- Кац Б. А. Один из немногих: (Воспоминания о гр. И. И. Толстом) // Еврейская жизнь. 1916. 28 авг. С. 13–15.
- Кац Ш. Одиноким волк: Жизнь Жаботинского: в 2 т. Тель-Авив, 2000. Т. 1.
- Кельнер В. Максим Моисеевич Винавер: Последние годы жизни (1919 — 1926): документы, письма, воспоминания // Русское еврейство в зарубежье / сост., гл. ред. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1998. Т. 1 (6). С. 309–362.
- Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929.
- Киреев А. А. Дневник: 1905–1910. М., 2010.

- Клячко (Львов) Л. Повести прошлого: 2 изд. Л., 1930.
- Ковалевский М. М. Моя жизнь: воспоминания. М., 2005.
- Коковцов В. Н. Из моего прошлого: воспоминания: 1903–1919 гг.: в 2 кн. М., 1992.
- Крандиевская-Толстая Н. Воспоминания. Л., 1977.
- Кроль М. А. Страницы моей жизни / подг. к изданию, предисл. и прим. Н. Л. Жуковской. М.; Иерусалим, 2008.
- Крыжановский С. Е. Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / сост. и коммент. А. В. Лихоманова. СПб., 2009.
- Кускова Е. Д. Человек того времени: (Памяти А. И. Браудо) // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 33–44.
- Лурье Я. С. История одной жизни. СПб., 2004.
- Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России: вспоминая современника: в 3 ч. Париж, 1936.
- Маклаков В. А. Вторая Государственная дума: воспоминания современника. М., 2006.
- Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
- Маклаков В. А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011.
- [Маклаков В. А.] Наш спор с Вами решит жизнь: письма М. М. Винавера и Е. П. Пешковой к Е. Д. Кусковой. 1923–1936 / сост. Л. А. Должанская. М., 2009.
- Маклаков В. А. Первая Государственная дума: воспоминания современника: 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006.
- [Маклаков В. А.] «Права человека и империи»: В. А. Маклаков — М. А. Алданов: переписка: 1929–1957 гг. / сост., вступ. статья и примеч. О. В. Будницкого. М., 2015.
- [Маклаков В. А.] «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: переписка: 1919–1951 гг.: в 3 т. / публ. и коммент. О. В. Будницкого. М., 2001–2002.
- Мандельштам О. Э. Четвертая проза // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1993. Т. 3. С. 167–178.
- Медем В. Д. Из моей жизни. М., 2015.
- Милюков П. Н. Воспоминания: 1859–1917. М., 1991.
- Милюков П. Н. М. М. Винавер, как политик // М. М. Винавер и русская общественность в начале XX в. Париж, 1937. С. 19–52.

- Милюков П. Н. Мои сношения с А. И. Браудо // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 23–26.
- [Милюков П. Н.] П. Н. Милюков: сб. материалов по чествованию его 70-летия: 1859–1929. Париж, б. г.
- Милюков П. Н. Памяти Григория Борисовича Иоллоса. СПб., 1907.
- Мовшович Д. А. И. Браудо и последние этапы борьбы за эмансипацию евреев в России // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 103–108.
- Мондей К. М. И. Туган-Барановский об антисемитизме // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 2004. № 9 (27). С. 345–358.
- Набоков В. Д. Временное правительство: воспоминания / вступ. ст. И. Н. Бороздина. М., 1924.
- Никольский Б. В. Дневник 1896–1918: в 2 т. / изд. подг. Д. Н. Шилов и Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015.
- Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.
- Осколки: Из переписки бывших петербургских еврейских общественных деятелей в 1920-х гг. / публ., вступ. ст. и коммент. М. Бейзера и В. Кельнера // *Judaica Petropolitana*. 2015. № 4. С. 176–214.
- Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу: (Из переписки В. А. Маклакова и В. В. Шульгина) / публ., вступ. ст. и прим. О. В. Будницкого // Евреи и русская революция: материалы и исследования / ред.-сост. О. В. Будницкий. М.; Иерусалим, 1999.
- [Острогорский М. Я.] Деятельность М. Я. Острогорского в Первой Государственной думе. СПб., 1907.
- П. А. Столыпин — Николаю II: 10 декабря 1906 г. // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 107.
- Перельман А. Ф. Воспоминания / подготовка текста Е. Голлебаха; коммент. Е. Голлербаха, О. Минкиной, Х. Фирина. СПб., 2009.
- Перетц Е. А. Дневник Государственного секретаря. М.; Л., 1927.
- Письмо А. И. Куприна к Ф. Д. Батюшкову от 18 марта 1909 г. // Наш современник. 1991. № 9. С. 90–93.
- Познер С. В. Борьба за равноправие // М. М. Винавер и русская общественность начала XX века: сб. статей. Париж, 1937. С. 165–186.

- Познер С. В. Дела и Дни Петрограда: 1917–1921: воспоминания и размышления. Берлин, 1923.
- Познер С. В. Страницы прошлого: (Из воспоминаний об А. И. Браудо) // Александр Исаевич Браудо: 1864–1924: очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 77–92.
- Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т. 1.
- Половцов А. А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М., 1966.
- Пришвин М. М. Дневники: 1914–1917. М., 1991.
- Райков Б. Е. На жизненном пути: в 2 т. СПб., 2011. Т. 1.
- Редигер А. Ф. История моей жизни: в 2 т. М., 1999.
- Родичев Ф. И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Ньютонвилл, Масс., 1983.
- [Розанов В. В.] Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона: 1909–1918 / публ. В. Проскуриной // Новый мир. 1991. № 3. С. 215–242.
- Савич Н. В. После исхода: Парижский дневник 1921–1923. М., 2008.
- Садовской Б. Заметки. Дневники // Знамя. 1992. № 7. С. 172–194.
- Семенова-Флур В. Э. О родителях моей мамы // Марианна Петровна Шаскольская в кругу коллег, родных и друзей. М., 2013. С. 131–162.
- Симанович А. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Г. Распутина. М., 1991.
- Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней: записки русского еврея: в 3 т. Париж, 1933.
- Слиозберг Г. Б. О встречах с Я. Шифом в 1904 г. // Еврейская трибуна. 1920. № 5. С. 5.
- Спор о России: В. А. Маклаков — В. В. Шульгин: переписка 1919–1939 гг. / публ., вступ. ст. и прим. О. В. Будницкого. М., 2012.
- «Среди тяжелых лет»: переписка М. М. Винавера с И. И. Петрункевичем в 1919–1920 гг. / публ., вступ. ст. и коммент. В. Е. Кельнера // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2016. Т. 8. С. 177–261; 2017. Т. 9. С. 109–303.
- Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994.
- Тейтель Я. Л. Из моей жизни: За сорок лет. Париж, 1925.

- Толстой И. И. Дневник: в 2 т. / сост. и коммент. Б. В. Ананич. СПб., 2010.
- Толстой И. И. Дневник: 1906–1916. СПб., 1997.
- Толстой И. И. Мемуары. М., 2002.
- Трубецкая О. Н. Из пережитого // Современные записки (Париж). 1937. Т. 64. С. 277–318.
- Трубецкой С. Е. Минувшее. Париж, 1989.
- Тыркова-Вильямс А. В. На путях к свободе. М., 2007.
- [Тыркова-Вильямс А. В.] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: дневники, письма / сост. Н. И. Канищев. М., 2012.
- Урусов С. Д. Записки: Три года государственной службы / вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. Н. Б. Хайловой. М., 2009.
- Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства: воспоминания, материалы, документы // Книга о русском еврействе: От 1860-х гг. до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 54–115.
- Хин-Гольдовская Р. М. Из дневников 1913–1917 / предисл. и публ. Е. Б. Коркиной; прим. А. И. Добкина // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб., 1997. Вып. 21. С. 521–596.
- Шагал М. Избранник народа: Памяти М. М. Винавера // Рассвет (Париж). 1926. 24 окт. С. 15.
- Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007.
- Шкловский В. ЗОО, или письма не о любви. Л., 1929.
- Шляпников А. Г. Канун 1917 года: в 2 т. М., 1992.
- Шолом-Алейхем вспоминает / публ., подг. текста и прим. В. Е. Кельнера // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2004. Т. 1. С. 7–12.
- Штейнберг А. З. Друзья моих ранних лет: (1911–1928). Париж, 1991.
- Штейнберг А. З. Литературный архипелаг / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Н. Портновой и В. Хазана. М., 2009.
- Шульгин В. Дело Бейлиса // Годы. Дни: 1920. М., 1990. С. 134–157.
- Шульгин В. В. 1917–1919 / предисл. и публ. Р. Г. Красюкова; коммент. Б. И. Колоницкого // Лица. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 121–328.
- Чириков Е. Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний / вступ. ст., публ. и прим. А. В. Бобыря // Лица: биограф. альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 281–416.

Levin Sh. Forward from Exile. Philadelphia, 1967.

Litvak A. Vinaver // *Litvak A. Geklibere Shriftn.* Amherst; Boston, 1945. P. 31–32.

Опубликованные документы

А. И. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны: письма А. И. Гучкова, А. Д. Протопопова, П. Б. Струве / публ. С. В. Куликова // *Русское прошлое.* СПб., 1994. Кн. 5. С. 40–61.

Антисемитизм и русское народничество: письмо Б. Николаевского С. Дубнову / публ. С. В. Кельнера // *Вестник Еврейского ун-та (Москва).* 1995. № 3(10). С. 212–215.

Беседа В. К. Плеве с Л. Вольфом (1903) // *Еврейская старина (Петроград).* 1916. Т. IX, вып. I: Январь–март. С. 121–126.

Быть евреем в России...: материалы по истории русского еврейства 1880–1890 гг. / сост., вступ. ст. и коммент. Н. Портнова. Иерусалим, 1999.

Война. Россия. Евреи: стенограммы встреч министров русского правительства с представителями еврейской общественности в 1915 г. / пер. с англ. С. В. Кельнера; публ., предисл. и коммент. В. Е. Кельнера // *Вестник Еврейского ун-та (Москва).* 2001. № 5 (23). С. 265–284.

Генералы и евреи: докладная записка начальники Генерального штаба Я. Г. Жилинского / публ. А. Литвина // *Вестник Еврейского ун-та (Москва).* 2000. № 4 (22). С. 273–290.

Гольденвейзер А. А. В защиту права: статьи и речи. Нью-Йорк, 1952.

Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России // *Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г.* Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 115–158.

Гомельский процесс: подробный отчет / сост. Б. А. Кревер. СПб., 1907.

Горький М. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос / авт.-сост: М. Агурский, М. Шкловская. Иерусалим, 1986.

Государственная дума: полный стенограф. отчет. Созыв I. Сессия I. СПб., 1906; Созыв II. Сессия II. СПб., 1907; Созыв III.

- Сессия III. СПб., 1910; Сессия IV. СПб., 1911; Созыв IV. Пг., 1916.
- Государственная дума о войне: Заседание Государственной думы 27 января 1915 г. Киев, 1915.
- Государственная Дума 4-го созыва: Отчет фракции Конституционно-демократической партии за период 26 июля 1914 г. — 3 сентября 1915 г. Пг., 1916.
- Дейч Л. Г. Приписка к письму П. Л. Лаврова к П. Б. Аксельроду // Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1924. С. 31–32.
- Дело о погроме в Белостоке 1–3 июня 1906: обвинительный акт, судебное следствие и речи поверенных гражданских истцов, присяжных поверенных В. П. Вейсмана, Г. Д. Скарятин и А. И. Гиллерсона. СПб., 1909.
- Доклад по еврейскому вопросу Центрального Комитета Партии народной свободы конференции делегатов партии и членов фракции, состоявшейся 6–8 июня 1915 г.: машинописный экз. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург.
- Документы о преследовании евреев: 1914–1916 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 245–284.
- Дубнов С. М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества. СПб., 1891.
- [Дубнов С. М.] Volkspartei. Еврейская народная партия: программа. СПб., 1907.
- Думский сборник. СПб., 1907.
- Из недавнего прошлого: Речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны / вступ. ст. А. Д. Идельсона. Пг., 1917.
- Историческое заседание Государственной думы 26 июля 1914 г.: (По поводу войны). Царицын, 1914.
- Кишиневский погром: сб. мат. и док. / предисл. П. Б. Струве. Штутгарт, 1903.
- Кишиневский процесс. Б. м., 1904.
- Лопухин А. А. Сионизм: Исторический очерк его развития: записка, составленная в Департаменте полиции. СПб., 1903.
- «На штык можно опереться, но на него нельзя сесть...»: Еврейский вопрос во время Александра III / публ. В. Степанова // Источник. 1993. № 3. С 54–71.

- Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014.
- Прогрессивный блок в 1915–1917 // Красный архив. 1933. Т. 1. С. 80–135.
- Протоколы второго съезда еврейских общественных деятелей: Союз для достижения полноправия еврейского народа в России. СПб., 1905.
- Протоколы съезда еврейских общественных деятелей: Союз для достижения полноправия еврейского народа в России. Вильна, 1906.
- Протоколы Третьего делегатского съезда Союза для достижения полноправия еврейского народа в России. СПб., 1906.
- Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии: в 6 т. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1997.
- Резолюции областных совещаний по вопросам, связанным с предстоящей избирательной кампанией. СПб., 1907.
- «Репрессивные меры бессильны»: записка князя П. П. Демидова Сан-Донато, представленная в Правительственный комитет по еврейскому вопросу в апреле 1883 г. / публ. и коммент. В. Степанова // Источник. 1993. № 5/6. С. 119–122.
- Речи по погромным делам / предисл. И. В. Лучицкого. Киев, 1908.
- Сказание о погроме: Кишинев, 1903 год: повествование в документах / сост., вступ. ст. и коммент. М. Золотоносова, В. Кельнера // Дружба народов. 1993. № 5. С. 67–80.
- Слово епископа Антония и о. Иоанна Кронштадтского по поводу насилий христиан над евреями в г. Кишиневе: Призыв к христианам, совершившим массовое убийство в дни православной Пасхи, покаяться. СПб., 1903.
- Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: бумаги А. Н. Яхонтова: (записи заседаний и переписка) / публ. и прим. Р. Ш. Ганелина и др. СПб., 1999.
- Совещание еврейских общественных деятелей в г. Ковно 19–22 ноября 1909 г.: стенографический отчет. СПб., 1910.
- Союз для достижения полноправия еврейского народа в России: протоколы. СПб., 1906.

- Союз для достижения полноправия еврейского народа в России: съезд 2. СПб., 1905.
- Списки студентов Императорского Варшавского университета на 1883–1884 гг. Варшава, 1885; То же: На 1886–1887 гг. Варшава, 1887.
- Съезд еврейских общественных деятелей. Вильна, 1905.
- Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: в 3 т. / сост., ред. и авт. примеч. О. Н. Лежнева; отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2000.
- Третий Всероссийский съезд сионистов в Гельсингфорсе: подробный отчет / под ред. и с предисл. И. Н. Гринбаума. Пг., 1917.
- «Хмурый полицейский»: Карьера С. В. Зубатова / публ. Ю. Ф. Овченко // Вопросы истории. 2009. № 4. С. 3–17; № 5. С. 3–23; № 6. С. 6–26; № 7. С. 3–30.
- Частное совещание земских деятелей, происходившее 6, 7, 8 и 9 ноября 1904 года в Санкт-Петербурге. М., 1905.
- Яхонтов А. Н. (сост.) Тяжелые дни: Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г. // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 18. С. 5–136.

Публицистика

- Адамович Г. Памяти М. М. Винавера // Звено. 1926. Кн. 2. С. 1–3.
- Айзенберг Л. М. «Виды правительства» в еврейском вопросе: В. К. Плеве и еврейские труженики // Еврейская летопись: в 4 сб. Пг.; М., 1923. Сб. 1. С. 37–51.
- Айзенберг Л. М. На словах и на деле: (По поводу мемуаров С. Ю. Витте и А. А. Лопухина) // Еврейская летопись: в 4 сб. Л.; М., 1924. Сб. 3. С. 24–43.
- Айзенберг Л. М. Очерки административного правосудия // Новый Восход. 1915. № 6. Стб. 27–30; № 10–11. Стб. 71–74.
- Айзенберг Л. М. Плеве и еврейские бестужевки // Еврейская летопись: в 4 сб. Пг.; М., 1923. Сб. 2. С. 53–71.
- Аквилонов Е. П. Иудейский вопрос: О невозможности предоставления полноправия русским гражданам из иудейского народа. СПб., 1907.
- Аквилонов Е. П. О сионизме. СПб., 1905.

- Александров С. Еврейский вопрос в Думе и «достигатели» // Наше слово (Вильно). 1906. Июль. С. 4–8.
- Андреев Л. Первая ступень. М., 1915.
- Аренд Б. Сионистское движение // Мир Божий. 1901. № 1. С. 29–35.
- Бердяев Н. Религиозная судьба еврейства // Христианская мысль (Киев). 1916. № 4. С. 120–127.
- Бердяев Н. А. Судьба еврейства // Тайна Израиля: Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX в. СПб., 1993. С. 309–324.
- Бердяев Н. А. Христианство и антисемитизм // Тайна Израиля: Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX — первой половине XX в. СПб., 1993. 325–342.
- Бикерман И. М. О сионизме и по поводу сионизма // Русское богатство. 1902. № 7. С. 221–232.
- Борохов Б. М. Классовые моменты национального вопроса. Одесса, 1906.
- Бруцкус Б. К вопросу о политической организации русского еврейства // Восход. 1906. № 7. С. 6–8.
- Бруцкус Ю. Леон Брамсон — организатор русского еврейства // Еврейский мир: сб. Нью-Йорк, 1944. С. 27–56.
- Бугаев Б. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9. С. 72–80.
- Булгаков С. Н. Сион // Щит. М., 1915. С. 42–45.
- Бутми Г. В. Враги рода человеческого: 4 изд., доп. СПб., 1907.
- Бялик Х.-Н. Муки языка. Одесса, 1918.
- Вещий Олег [Башмаков А. А.] Великое рушение. СПб., 1907.
- Водовозов В. В. Антисемитизм в Германии // Русское богатство. 1898. № 2. С. 127–130.
- Вольф Л. «Еврейская опасность» // Еврейская трибуна. 1920. № 30. С. 2–3.
- Вопрос о языке: Сб. статей / ред. А. Г. Котик. Белосток, 1910.
- Восторгов И. И. Иродова западня. М., 1909.
- Гершензон М. О. Судьбы еврейского народа. Пг.; Берлин, 1922.
- Гессен Ю. Предвыборная деятельность в черте оседлости // Восход. 1906. № 7. С. 2–5.
- Гессен Ю. И. Толстой И. И.: Факты и мысли: Еврейский вопрос в России. СПб., 1907.
- Гец Ф. Об отношении В. С. Соловьева к еврейскому вопросу. СПб., 1906.

- Гец Ф. Б. Слово подсудимому!: О еврейском вопросе. СПб., 1891.
- Гольдберг Б. Представительство русской земли и интересы еврейского народа // Хроника еврейской жизни. 1905. № 8. С. 2–3; № 12. С. 2–4; № 15. С. 2–4.
- Гольдштейн А. Апофеоз ассимиляции // Рассвет. 1907. № 12.
- Гордон Г. И. Сионизм и христиане: 2 изд. СПб., 1902.
- Горький М. По поводу одной анкеты // Летопись. 1916. № 1. С. 189–220.
- Горький М., Короленко В. О навете против евреев. Женева, 1916.
- Гринфельд И. Еврейский язык или жаргон. Одесса, 1909.
- Давидсон А. Кадетский сюрприз // Рассвет. 1907. № 14. С. 10–12.
- Делевский Ю. «Загадки» подлога и плагиата // Еврейская трибуна. 1922. № 48. С. 2–3.
- Делевский Ю. Протоколы сионских мудрецов: (История одного подлога). Берлин, 1923.
- Делевский Ю. Этапы плагиата // Еврейская трибуна. 1921. № 95. С. 2.
- Демченко Я. Г. Еврейское равноправие или русское порабощение? Киев, 1907.
- Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 5т: М., 1991.
- Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991.
- Дионео. Невинные упражнения // Еврейская трибуна. 1921. № 30. С. 2.
- Долгоруков П. Д. Национальная политика и Партия народной свободы. Ростов-на-Дону, 1919.
- Дубнов С. К спору о типе еврейской нации // Еврейский мир. 1910. 28 янв. С. 1–2.
- Дубнов С. М. Письма о старом и новом еврействе: (1897-1907). СПб., 1907.
- Дубнов С. М. Скорая помощь и день грядущий // Еврейская неделя. 1915. № 4. С. 4.
- Дубнов С. Уроки страшных дней // Восход. 1905. № 47–50.
- Дубнов С. М. Уступки // Еврейская неделя. 1915. № 14. С. 4.
- Дю-Шайла А. Воспоминания о С. А. Нилусе и Сионских протоколах: (1909–1920) // Еврейская трибуна. 1921. № 72. С. 1–7.
- Дю-Шайла А. Источники подлога // Еврейская трибуна. 1921. № 93. С. 1.

- Еврей.* По поводу статьи С. Н. Южакова о сионизме // Русское богатство. 1898. № 1. С. 203–204.
- Еврейский погром и независимые русские писатели // Освобождение. 1903. № 23, 19 мая.
- Елпатьевский С. Я.* «Выселенцы» // Щит. М., 1915. С. 192–197.
- Елпатьевский С. Я.* Еврейский вопрос // Русское богатство. 1913. № 10. С. 348–359.
- Елпатьевский С. Я.* Срам // Русское богатство. 1913. № 12. С. 338–339.
- Жаботинский В.* В траурные дни // Фельетоны Вл. Жаботинского. СПб., 1913. С. 25–32.
- Жаботинский В. Е.* Вместо апологии // Жаботинский В. Е. Избранное. Иерусалим; СПб., 1991. С. 132–142.
- Жаботинский В.* Еврейская крамола // Фельетоны Вл. Жаботинского. СПб., 1913. С. 33–42.
- Жаботинский В. Е.* Избранное. Иерусалим; СПб., 1991.
- Жаботинский В.* К вопросу о нашей политической платформе // Еврейская жизнь. 1905. № 11. С. 1–5.
- Жаботинский В.* Критикам сионизма. Одесса, 1905.
- Жаботинский В. Е.* Критики сионизма // Жаботинский В. Е. Избранное. Иерусалим; СПб., 1991. С. 200–229.
- Жаботинский В.* На ложном пути // Фельетоны Вл. Жаботинского. СПб., 1913. С. 162–177.
- Жаботинский В. Е.* Наше бытовое явление // Жаботинский В. Е. Избранное. Иерусалим; СПб., 1991. С. 103–117.
- Жаботинский В.* О «евреях и русской литературе» // Фельетоны Вл. Жаботинского. СПб., 1913. С. 62–70.
- Жаботинский В.* Письма русским писателям // Вестник Еврейского ун-та (Москва) // публ. и коммент. Х. Фирина и А. Калгановой. 1992. № 1. С. 200–221.
- Жаботинский В.* Письмо: (О «евреях и русской литературе») // Рассвет. 1908. № 13. С. 14–16.
- Жаботинский В.* Четыре статьи о «Чириковском инциденте»: Дезертиры и хозяева; Асемитизм; Медведь из берлоги; Русская ласка // Фельетоны Вл. Жаботинского. СПб., 1913. С. 71–100.
- Зайденман Л. О.* Правовое положение евреев в России. СПб., 1905.

- Заславский Д., Иванович Ст. Евреи и кадеты. Пг., 1916.
- Иванов В. И. Евреи и русские // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 191–193.
- Иванов В. И. К идеологии еврейского вопроса // Тайна Израиля: Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX в. СПб., 1993. С. 305–307.
- Иванович Ст. Неисторическая нация // Еврейская трибуна. 1922. № 2. С. 2.
- Иванович Ст. Пять лет большевизма: Начала и концы. Берлин, 1922.
- Иванович Ст. Сумерки русской социал-демократии. Париж, 1921.
- Идельсон А. Тяжелое наследие: (Вместо предисловия) // Из недавнего прошлого: речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны / вступ. ст. А. Д. Идельсона. Пг., 1917. С. 7–10.
- Иеринг Р. фон Борьба за право / пер. с нем. М., 1874.
- Изгоев А. С. Двадцативековая трагедия // Образование. 1903. № 11. С. 76–80.
- К русскому обществу: По поводу кровавого навета на евреев // Речь. 1911. № 329, 30 нояб.
- Кавелин К. Наши инородцы и иноверцы // Порядок. 1881. № 133. С. 2.
- Калмыкова А. М. Еврейский вопрос. Харьков, 1881. (2 изд.— 1882).
- Канторович В. А. Бунд накануне Февральской революции // Еврейская летопись. Пг.; М., 1923. Сб. 2. С. 37–54.
- Карташев А. В. Антисемитизм и русская православная церковь // Еврейская трибуна. 1920. № 49. С. 2–3.
- Клейнман И. А. Первый погром в Сибири // Еврейская летопись. Л.; М., 1924. Сб. 3. С. 124–134.
- Короленко В. Г. «Декларация» В. С. Соловьева: К истории еврейского вопроса в русской печати // Короленко В. Г. Собр. соч.: в 5 т. Л., 1990. Т. 3. С. 258–260.
- Короленко В. Г. К вопросу о ритуальных убийствах: К русскому обществу; По поводу воззвания к русскому обществу // Русское богатство. 1911. № 12. С. 3–10.
- Короленко В. Г. Мнение мистера Джаксона о еврейском вопросе // Щит: 3 изд. М., 1916. С. 131–138.

- Короленко В. Г. Несколько мыслей о национализме // Короленко В. Г. Собр. соч.: в 5 т. Л., 1990. Т. 3. С. 231–243.
- Короленко В. Г. Отрывок из письма В. Г. Короленко к Владимиру Соловьеву // Щит: 3 изд. М., 1916.
- Короленко В. Г. Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. Л., 1924.
- Куперник Л. А. Еврейское царство. Киев, 1904.
- Кускова Е. Кто они и как быть? // Еврейская трибуна. 1922. № 39. С. 1–2.
- Кускова Е. Необходима работа // Еврейская трибуна. 1922. № 45. С. 1–2.
- Лазарис В. Три женщины. Тель-Авив, 2003.
- Ландау Г. А. Первые шаги в еврейской думской политике: (историко-политические заметки) // Теоретические и практические вопросы еврейской жизни. СПб., 1911. С. 180–184.
- Леонтович Ф. И. Что нам делать с еврейским вопросом? СПб., 1882.
- Мережковский Д. С. Еврейский вопрос как русский // Тайна Израиля: Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX в. СПб., 1993. С. 301–303.
- Милюков П. Н. Антисемитизм и русская интеллигенция // Еврейская трибуна. 1921. № 52. С. 1–2.
- Милюков П. Н. М. М. Винавер как политик // М. М. Винавер и русская общественность в начале XX в. Париж, 1937.
- Милюков П. Н. Национализм против национализма // Национализм: Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. М., 2000. С. 40–43.
- Милюков П. Н. Национальность и нация: (Дискуссия с «Рассветом» о русской интеллигенции и антисемитизме) // Еврейская трибуна. 1922. № 33. С. 1–2.
- Милюков П. Н. «Отталкивание» или «притяжение»? // Национализм: Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. М., 2000. С. 68–71.
- Милюков П. Н. Тактика фракции Партии народной свободы во время войны. Пг., 1916.
- Мирский Б. В изгнании. Прага, 1922.
- Мирский Б. Евреи и русская революция. Париж, 1922.
- Мирский Б. Проповедь Булгакова // Еврейская трибуна. 1920. № 43. С. 2–3.

- Набоков В. Кишиневская кровавая баня // Право. 1903. № 18. С. 1283–1285.
- Национализм: Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. М., 2000.
- Нисселович Л. Н. Доколе?: Слезная молитва члена Государственной думы III созыва. СПб., 1912.
- Нисселович Л. Н. Еврейский вопрос в III Государственной думе: отчет члена Государственной думы. СПб., 1908.
- Нисселович Л. Н. К вопросу о тактике кадетской фракции в Государственной думе. СПб., 1906.
- О протестах // Еврейская неделя. 1916. № 18. Стб. 29–31.
- Огановский Н. П. Враги ли евреи русскому народу. М., 1916.
- Огановский Н. П. У евреев в Литве // Северные записки. 1915. Т. 7/8. С. 172–191.
- Орловский Е. Еврейство и либерализм. СПб., 1901.
- Пасманик Д. С. Русская революция и еврейство: (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923.
- Патриот Законопроект 166 изменников: (Об отмене черты жидовской оседлости). СПб., 1910.
- Пергамент О. Я. Еврейский вопрос и народная свобода (предисл.) // Ломброзо Ч. Евреи и ненависть к ним: (Антисемитизм) / пер. с итал. Одесса, 1906.
- Пергамент О. Я. Еврейский вопрос и обновление России // Зарницы. СПб., 1908. Сб. 1. С. 5–11.
- Перельман А. Ковенский съезд // Еврейский мир. 1909. Ноябрь-дек. С. 10–13.
- Пешехонов А. В. Без вины виноватые // Щит: 3 изд. М., 1916. С. 179–201.
- Пешехонов А. В. Дело Бейлиса: (Первые впечатления) // Русское богатство. 1913. № 10. С. 212–223.
- Пешехонов А. В. Костер истинно-русских: (Дело Бейлиса) // Русское богатство. 1913. № 11. С. 200–210.
- Письмо О. А. Новиковой от 28 марта 1879 г. // Достоевский Ф. М. Сочинения. Л., 1972. Т. 30, кн. 1: Письма. С. 58–59.
- Поляков С. Еврейство и История // Еврейская трибуна. 1922. № 20. С. 1.
- Поляков С. Еще один навет: (К истории убийства царя) // Еврейская трибуна. 1920. № 3/4. С. 4.

- Поляков С. Интеллигентский антисемитизм // Еврейская трибуна. 1922. № 48. С. 1–2.
- Поляков С. К проблеме русского антисемитизма // Еврейская трибуна. 1922. № 33. С. 1–2.
- Поляков С. Месть побежденных // Еврейская трибуна. 1920. № 52. С. 3.
- Поляков С. Нет шарлатанов в своем отечестве // Еврейская трибуна. 1920. № 54. С. 3.
- Поляков С. «Тайма» и «Сионские протоколы» // Еврейская трибуна. 1920. № 21. С. 2.
- Поляков С. Тетрадь с голубыми пятнами // Еврейская трибуна. 1921. № 67. С. 2.
- Поляков С. Убийство царя // Еврейская трибуна. 1920. № 38. С. 1.
- Поляков С. Л. Черчилль как философ и мыслитель // Еврейская трибуна. 1920. № 10. С. 3.
- Поссе В. Современные думы // По вехам: Об интеллигенции и «национальном лице»: сб. статей / с предисл. Ф. Мускат-блита. М., 1909. С. 86–91.
- Протопопов В. И. В поисках земли обетованной: Метаморфозы сионизма. Казань, 1907.
- Пуришкевич М. Ареопэг: (Страницы жизни современного русского университета). СПб., 1912.
- Пуришкевич М. Материалы о разложении современного русского университета. СПб., 1914.
- Рейнак С. Мнимые протоколы мудрецов Сиона // Еврейская трибуна. 1920. № 27. С. 1.
- Реннекампф Н. К. Письма о еврейском и польском вопросах. Киев, 1898.
- Розанов В. В. Избранное. Мюнхен, 1970.
- Розанов В. В. О картине И. Е. Репина «17-е октября 1905 года» // Новое время. 1913. № 13290, 12 март.
- Розанов В. В. Опавшие листья. Пг., 1915.
- Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1992.
- Розанов В. В. Уединенное. М., 1990.
- Родичев Ф. Книга С. Нилуса // Еврейская трибуна. 1921. № 56. С. 1.
- Русская печать и общество об отмене черты еврейской оседлости. М., 1915.

- Рысс П. Я.* Русский опыт: историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921.
- Рысс П. С.* Средняя линия // Еврейская трибуна. 1920. № 44. С. 2.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Июльское веяние // Отечественные записки. 1882. № 8, отд. II. С. 248–258.
- Сватиков С.* Подлоги Рачковского: (К вопросу о Сионских протоколах) // Еврейская трибуна. 1921. № 87. С. 1–2.
- [*Сев Л. А.*] Послесловие редакции // Еврейский мир. СПб., 1909. Март.
- Соловьев В. С.* Еврейство и христианский вопрос. М., 1884. [Переизд.: *Соловьев В. С.* Еврейство и христианский вопрос // Тайна Израиля: Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX в. СПб., 1993. С. 31–79.]
- Соловьев В. С.* О национализме // Щит: 3 изд. М., 1916. С. 202.
- Соловьев В. С.* Протест против антисемитического движения в печати // Соловьев В. С. Письма Владимира Сергеевича Соловьева: в 4 т. СПб., 1909. Том II. С. 160–161.
- С. Я.* Борец за справедливость // Новый восход. 1913. № 29, 18 июл. С. 4–5.
- Сорин Н.* Практика «отделения» церкви от государства в Советской России: (По личным воспоминаниям) // Еврейская трибуна. 1922. № 43. С. 3.
- Спасович В. Д.* Сочинения. СПб., 1902. Т. 9.
- Струве П. Б.* Интеллигенция и национальное лицо // По векам: Об интеллигенции и «национальном лице»: Сб. статей / с предисл. Ф. Мускатблита. М., 1909. С. 32–36.
- Струве П. Б.* Patriotica. СПб., 1911.
- Тайна Израиля: Еврейский вопрос в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX в.* СПб., 1993.
- Толстой И. И.* Антисемитизм в России и другие статьи по еврейскому вопросу / предисл. К. К. Арсеньева. Пг., 1917.
- Троицкий И. Г.* О сионизме и современном иудействе. СПб., 1903.
- Филлипов М. М.* Русско-еврейский вопрос. Одесса, 1882.
- Фруг С. Г.* Иудейская смоковница: воспоминания, очерки, фельетоны / сост., вступ. ст. и коммент. Н. А. Портновой. Иерусалим, 1995.
- Х. Ф.* Лекция проф. Вл. Соловьева // Рассвет. 1882. № 9. С. 33–44.

- Чириков Е. Благодарю, не ожидал // Национализм: Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. М., 2000.
- Чириков Е. О национальном самоопределении // Национализм: Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. М., 2000.
- Чириков Е. Письмо к товарищам-литераторам // Национализм: Полемика 1909–1917 / сост. М. А. Колеров. М., 2000.
- Чичерин Б. Н. О польском и еврейском вопросах. Берлин, 1899.
- Чуковский К. Евреи и русская литература // Свободные мысли. 1908. 14 янв. С. 2.
- Шехтман И. П. Н. Милюков и Русское еврейство // П. Н. Милюков: сб. материалов по чествованию его 70-летия: 1859–1929. Париж, б. г. С. 216–221.
- Шульгин В. В. Что нам в них не нравится...: Постскрипtum. Париж, 1929.
- Южаков С. Н. Еще к вопросу о сионизме // Русское богатство. 1898. № 1. С. 179–180.
- Южаков С. Н. О еврейском вопросе // Русское богатство. 1896. № 8. С. 111–120.
- Южаков С. Н. Политика // Русское богатство. 1903. № 11. С. 141–145.
- Южаков С. Н. Сионистское движение среди евреев // Русское богатство. 1897. № 12. С. 161–180.
- Menshikoff M. O. The Jewish Peril // The Monthly Review. 1904. N 44, Feb. P. 91–94.
- Slizoberg G. Russian Jews Hope for Allied Victory // The New York Times. 1916. Oct. 16. P. 8.

Справочники

- Гессен И. В., Фридрих В. З. Сборник законов о евреях с разъяснениями по определению Правительствующего Сената и циркулярами. СПб., 1904.
- Еврейская трибуна: 1920–1924: Коммент. роспись содержания / Сост. П. Л. Вахтина, О. П. Новикова. Личный архив В. Е. Кельнера.
- Литература о евреях на русском языке: 1890–1947: Книги. Брошюры. Оттиски статей: Библиогр. указ / сост. В. Кельнер, Дм. Эльяшевич. СПб., 1995.

- Литература о евреях на русском языке: 1890–1947: Книги. Брошюры. Оттиски статей: Дополнение к Библиогр. указ / сост. В. Кельнер. СПб., 2004.
- Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб., 2015.
- Миндлин А. Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев: 1762–1917. СПб., 2007.
- Мыш М. И. Руководство к русским законам о евреях: 1 изд. СПб., 1892; 2 изд. СПб., 1898; 3 изд. СПб., 1904; 4 изд. СПб., 1914.
- Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: Биограф. словарь: в 2 т. / под ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М., 2010.
- Систематический указатель литературы о евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта (1708 г.) по декабрь 1889 г. СПб., 1892.
- Слюозберг Г. Б. Законы о евреях и практика их применения. СПб., 1907.

Исследования

- Адлер С. Джейкоб Генри Шифф: Гений финансового мира и главный спонсор русских революций. М., 2017.
- Александров С. А. Общественно-политическая деятельность П. Н. Милюкова в эмиграции: 20-е гг. М., 1995.
- Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте: 1907–1917 годы. СПб., 2009.
- Ананьич Б. В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг.: очерки истории частного предпринимательства. М., 2006.
- Ананьич Б. В. И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007.
- Ананьич Б. В. С. Ю. Витте и еврейский вопрос // Проблемы всемирной истории: сб. статей в честь А. А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 160–183.
- Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.
- Ананьич Б. В., Толстая Л. И. И. И. Толстой и «Кружок равноправия и братства» // Освободительное движение в России. Саратов, 1992. Вып. 15. С. 141–156.

- Андреев Д. А. И. Браудо: штрихи к политическому портрету // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1994. № 1 (5) С. 151–170.
- Андреев И. В. М. Я. Острогорский: Жизнь и труды основоположника современной партологии. М., 2017.
- Аронсон Г. Я. В борьбе за гражданские и национальные права: (Общественные течения в русском еврействе) // Книга о русском еврействе: От 1860-х гг. до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 211–239.
- Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: по переписке и воспоминаниям современников: в 2 т. Париж, 1983.
- Безродный М. В. О «юдобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 100–125.
- Бейзер М. Евреи Ленинграда: 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. Иерусалим; М., 1999.
- Беневич Е. Шолом Аш на русской сцене // Беневич Е. Год за годом: в 6 т. М., 1987. Т. 3.
- Бенпорад Э. Израиль Сосис и наследие русско-еврейской историографии // Советская иудаика: история, проблематика, персоналии / ред. М. Куповецкий. Иерусалим; М., 2017.
- Бердичевский Я. Народ Книги: К истории еврейского библиофильства в России: 2 изд., доп. Киев, 2005.
- Бердников Л. Семен Надсон и российское еврейство // Лехаим. 2009. № 5 (205). С. 25–32.
- Боева Г. Еще раз о позиции Л. Андреева по отношению к «еврейскому вопросу»: (1910-е годы) // Научные труды по иудаике: материалы XIX Междунар. ежегодн. конференции по иудаике. М., 2012. Т. 2. С. 284–291.
- Боева Г. Н. Сологуб, Андреев и Горький в третейском суде: Об одном эпизоде из истории создания Русского общества изучения еврейской жизни // Научные труды по иудаике: Материалы XX Междунар. ежегодн. конференции по иудаике. М., 2014. Т. 2, вып. 46. С. 106–124.
- Брамсон Л. М. К истории Трудовой группы: Трудовая партия в Первой Государственной думе. Пг., 1916.
- Брюллова Н. Проблемы личности в творчестве Х.-Н. Бялика // Еврейский альманах: сб. / под ред. Б. И. Кауфмана и И. А. Клейнмана. Пг.; М., 1923. С. 260–278.

- Будницкий О. В. В. А. Маклаков и еврейский вопрос: Из истории русского либерализма // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1999. № 1 (19). С. 42–94.
- Будницкий О. В. Евреи в русской армии в период Первой мировой войны / Dienst in der Höhle des Löwen: Juden in der russischen Armee // Osteuropa. 2014. Н. 64, N 2–4. S. 171–184.
- Будницкий О. В. Евреи и революция 1905 г. в России: Встреча с народом // Неприкосновенный запас. 2005. № 6 (44). С. 102–106.
- Будницкий О. В. «Еврейский вопрос» в эмигрантской публицистике 1920–1930 гг. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1994. № 3 (7). С. 4–27.
- Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми. М., 2005.
- Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин: 1920–1941. М., 2013.
- Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Беркли, 1993.
- Вальдман Б. Русско-еврейская журналистика: (1860–1914): литература и литературная критика. Рига, 2008.
- Варжапетян В. Исповедь антисемита, или К истории одной статьи // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 28–37.
- Варфоломеев Ю. В. Зарудный: Юрист и общественный деятель. Саратов, 2002.
- Винавер С. М. Потомки Я.-И. Винавера // Из глубины времен: в 13 вып. СПб., 1996. Вып. 7. С. 180–189.
- Витенберг М. В. Власть и евреи: «Паленская комиссия» и ее предшественники: Общество и бюрократия на путях решения «еврейского вопроса» в России в 1880-е гг. // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2006. Т. 3. С. 205–230.
- Витенберг М. В. «Еврейский вопрос» и российское общественное мнение в 80-е гг. XIX в.: по материалам периодической печати // Источник. История. Историк: сб. научн. работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 347–368.
- Вихнович В. Л. Профессор С. О. Грузенберг. СПб., 2018.
- Войтенко Я. А. Административные меры регулирования права жительства евреев в Российской империи в начале XX в: Право и политика // Исторические записки. 2010. Вып. 13 (131). С. 178–204.

- Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти: (1914 — весна 1917 г.) М., 2003.
- Галай С. М. Еврейские погромы и роспуск I Государственной думы в 1906 году // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 23–42.
- Ганелин Р. Ш. Государственная Дума и антисемитские циркуляры 1915–1916 гг. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1995. № 3 (10). С. 4–37.
- Ганелин Р. Ш. Еврейский вопрос во внутренней политике России в 1915 г. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1997. № 1 (14). С. 41–65.
- Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1995.
- Ганелин Р. Ш., Кельнер В. Е. Проблемы историографии евреев в России: 2 половина XIX в. — 1 четверть XX в. // Евреи в России: историографические очерки: 2 половина XIX в. — XX в. М.; Иерусалим, 1994. С. 183–246.
- Гессен В. Ю. Историк Юлий Гессен и его близкие. СПб., 2004.
- Гессен Ю. История евреев в России. СПб., 1914.
- Гессен Ю. Попытка эмансипации евреев в России // Пережитое. СПб., 1910. Т. 1.
- Гилель Маркевич и его проект еврейской реформы / публ. О. Ю. Минкиной // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2005. Т. 2. С. 331–370.
- Гланц М. «Юпитер и еврей»: Марк Антокольский и Иван Тургенев: (Из истории русско-еврейских отношений 1880 гг.) // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 2006. № 11 (29). С. 113–130.
- Гольдин С. «Принять исключительные меры...»: Русская армия и евреи: 1914–1917 гг. М.; Иерусалим, 2017.
- Гринбаум А. Иудаика в СССР: 1950–1990 // Евреи в России: историограф. очерки: 2 половина XIX в. — XX в. М.; Иерусалим, 1994. С. 9–169.
- Дедков Н. И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005.
- Динерштейн Е. А. Синяя птица Зиновия Гржебина. М., 2014.
- Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

- Дубнов С. М. Евреи в России и в Западной Европе в эпоху антисемитской реакции: в 2 кн. Пг., 1919. Кн. 2: Евреи в России в царствование Александра III: (1881–1894).
- Дубнов С. М. Евреи в царствовании Николая II: (1894–1917). Пг., 1922.
- Дубнов С. М. Краткая история евреев. М., 2008.
- Дубнов С. М. Новейшая история еврейского народа: 1789–1881. М.; Иерусалим, 2002.
- Дубнов С. М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества. СПб., 1891.
- Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром: (Октябрь 1917–1920). М., 1982.
- Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.
- Думова Н. Г. Либерал в России: Трагедия несовместимости: исторический портрет П. Н. Милюкова: в 3 ч. М., 1993.
- Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вестник истории. 1996. № 11–12. С. 78–92.
- Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны: (1914–1917). Л., 1967.
- Едлина Т. Анкета по вопросу об антисемитизме в России // Форум (Эдмонтон, Канада). 1985. № 10. С. 184–187.
- Журавлева В. И. Понимание России в США: Образы и мифы: 1881–1914. М., 2012.
- Западные окраины Российской империи / ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2006.
- Зарубин А. Г. Второе Крымское правительство: (Ноябрь 1918 — апрель 1919 г.) // Отечественная история. 1998. № 1. С. 65–76.
- Иванов А. Е. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX в.: Каким оно было?: Опыт социокультурного портретирования. М., 2007.
- Иванов А. Е. Русский университет в Царстве Польском: Из истории университетской политики самодержавия: Национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С. 23–33.
- Иоффе Г. З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97.

- История заводско-фабричного законодательства Российской Империи / Сост. Л. Н. Нисселович: в 2 т. СПб., 1884.
- Казнина О. И. В. Шкловский (Дионео) — публицист, писатель, переводчик // Русские евреи в Великобритании / ред.-сост. М. Пархомовский, А. Рогачевский. Иерусалим, 2000. Т. 2 (7). С. 260–272.
- Казовский Г. Художники Витебска: Иегуда Пэн и его ученики. М., 1995.
- Казовский Г. Художники Культур-Лиги. М., 2003.
- Капитайкин Э. Максим Винавер // Евреи в культуре Русского зарубежья: сб. ст., публ., мемуаров и эссе: 1919–1939 / изд. и сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1993. Вып. II. С. 511–519.
- Каплан В. «Еврейская трибуна» о России и русском еврействе: (Париж, 1920–1924 гг.) // Евреи в культуре Русского зарубежья: сб. ст., публ., мемуаров и эссе: 1919–1939 гг. / изд. и сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1993. Вып. 2. С. 167–180.
- Кельнер В. Е. Адольф Ландау — издатель, редактор, публицист: (Из истории русско-еврейского издательского дела во второй половине XIX в.) // Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003. С. 54–96.
- Кельнер В. Александр Браудо и борьба с антисемитизмом в России в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1993. № 2. С. 103–113.
- Кельнер В. Е. «Бюро защиты»: Первая еврейская правозащитная организация в России // Российская история. 2015. № 4. С. 35–51.
- Кельнер В. Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1997. № 1 (14). С. 66–93.
- Кельнер В. Е. Журнал «Восход» и его издатель-редактор А. Е. Ландау // «Восход» — «Книжки Восхода»: роспись содержания 1881–1906 гг. / сост. А. Р. Румянцев; предисл. В. Е. Кельнера. СПб., 2001. С. 7–44.
- Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале

- XX в. // Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003. С. 97–114.
- Кельнер В. Е. «Их цели могут быть высоки, но они — не наши цели»: (М. М. Винавер — антисиионист) // *Judaica Petropolitana*. Иерусалим; СПб., 2013. № 1. С. 114–132.
- Кельнер В. Е. Люди черты: адвокат Мордехай (Максим) Винавер // Черта 1791–1917: К 100-летию отмены черты оседлости / под ред. А. Энгельса. М., 2017. С. 245–256.
- Кельнер В. М. М. Винавер и еврейский вопрос в Первой Государственной думе // Иудаизм эпохи Второго Храма, ранее христианство и античность: Взаимодействие в истории, литературе и культуре и отражение этого периода в культурной памяти Средних веков и Нового времени. СПб., 2013. С. 176–189.
- Кельнер В. Е. Между Нью-Йорком и Яффо: (Дискуссия о путях эмиграции и судьбе еврейства в 1881–1883 гг.) // Еврейская эмиграция из России 1881–2005 / отв. ред. О. В. Будницкий; сост. О. В. Белова. М., 2008. С. 67–89.
- Кельнер В. Е. «Миссионер истории»: Жизнь и труды С. М. Дубнова. СПб., 2008.
- Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003.
- Кельнер В. Е. Политическое Бюро при евреях-депутатах IV Государственной думы в годы войны 1914–1917 гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 68–95.
- Кельнер В. Е. Российское еврейство в поисках идентификации: От религиозной общины к национальному сообществу: (Ковенское совещание еврейских религиозных и общественных деятелей, 1909 г.) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 3, т. 2.: Философия. С. 153–164.
- Кельнер В. Е. Русская интеллигенция и еврейский вопрос в начале XX в.: Антисемитизм. Юдофилия. Асемитизм // Параллели: русско-еврейский историко-литерат. и библиогр. альманах (Москва). 2004. № 4–5. С. 73–86.
- Кельнер В. Е. Русско-еврейская интеллигенция: Генезис и проблемы национальной идентификации // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1996. № 3 (13). С. 4–20.

- Кельнер В. Е. С. М. Дубнов и «Союз для достижение полноправия еврейского народа в России» // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2004. Т. 1. С. 150–168.
- Кельнер В. Е. «Ткань Пенелопы или труд Сизифа»: (М. М. Винавер и «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России») // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1. С. 60–78.
- Кельнер С. В. «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России» и его лидеры: (1905–1907) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 7. С. 3–14.
- Кельнер Ст. «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России» и еврейское национальное представительство в Государственной думе // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1997. № 3 (16). С. 27–50.
- Кибовский А. Дризен? Кнорринг? Буксенден! // Дилетант. 2016. № 8. С. 60–63.
- Кириянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты: 1906–1917. Пермь, 1995.
- Клиер Дж. Д. Великий Октябрь: хорошо для евреев, плохо для евреев // Евреи и русская революция: материалы и исследования. М.; Иерусалим, 1999. С. 443–450.
- Клиер Дж. Д. Еврейский вопрос в славянофильской прессе 1862–1886 гг.: И. С. Аксаков и его издания // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1998. № 1 (17). С. 41–60.
- Клиер Дж. Д. Круг Гинцбургов и политика штадлонута в имперской России // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1995. № 3 (10). С. 38–55.
- Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.; Иерусалим, 2000.
- Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928.
- Колеров М. А. Призывал ли о. Сергей Булгаков к еврейским погромам в 1920 г. // Исследования по истории русской мысли / под. ред. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М., 2012. С. 424–446.
- Колинчук С. Павел Аксельрод, Лев Дейч и другие: Евреи-народники и погромы 80-х гг. XIX в. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1998. № 2 (18). С. 4–362.

- Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа»: Март–июнь 1917 года. М., 2017.
- Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
- Коростелев О. А. Парижское «Звено» (1923–1928) и его создатели // Русское еврейство в зарубежье: статьи, публикации, мемуары и эссе / сост., гл. ред. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1998. Т. I (VI). С. 177–201.
- Красная книга ВЧК: 2 изд. М., 1989. Т. 1.
- Кучеров С. Л. Евреи в русской адвокатуре // Книга о русском еврействе: От 1860-х гг. до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 404–442.
- Лавринович Д. С. Деятельность «Союза для достижения полного правления еврейского народа в России» в Северо-Западном крае (1905–1907) // Труды по иудаике: История и этнография. СПб., 2012. Вып. 6: История еврейской диаспоры в Восточной Европе. С. 130–134.
- Лаппо-Данилевский К. Набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские» // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 182–190.
- Левин В. Русские евреи и выборы в Государственную думу // Jewish and Slaves. 2000. Vol. 7. P. 234–235.
- Левин И. О. К вопросу о тактике // Еврейский мир. СПб., 1909. Март. С. 3–7.
- Левитина В. Б. Русский театр и евреи: в 2 т. Иерусалим, 1988.
- Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во II половине XIX в. М., 1971.
- Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция: 1900–1917 гг. М., 1981.
- Лисовский Т., Богданович Г. Шимон Винавер: Гений-самоучка и его Шахматы. М., 2016.
- Локшин А. Е. Споры о сионизме в России начала XX в. // Лехаим. 2010. № 10. С. 30–35.
- Локшин А. Е. Формирование политики: (Царская администрация и сионизм в России в конце XIX — начале XX в.) // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1992. № 1. С. 42–56.
- Лор Э. Новые документы о российской армии и евреях во времена Первой мировой войны // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 2003. № 8 (26). С. 245–268.

- Лосев А. Ф. Вл. Соловьев. М., 1983.
- Максим Горький: материалы и исследования. М.; Л, 1936. Т. 2.
- Маор И. Сионистское движение в России. Иерусалим, 1977.
- Марк Ю. Литература на идиш в России // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 523–552.
- Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М., 2010.
- Минкина О. Ю. «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи: 1772–1825. М., 2011.
- Миндлин А. Б. Еврейский вопрос и финансовые отношения России с Западом в конце XIX — начале XX в. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1996. № 2 (12). С 81–103.
- Миндлин А. Б. Плеве и евреи // Параллели: русско-еврейский историко-литерат. и библиогр. альманах (Москва). Вып. 1–15. М., 2003. Вып. 3. С. 79–96.
- Миндлин А. Б. «Чужие среди своих»: А. А. Лопухин и С. Д. Урусов против государственного антисемитизма. М., 1995.
- Михайлова М. Еврейская тема в творчестве Е. Н. Чирикова и «чириковский инцидент» // Параллели: русско-еврейский историко-литерат. и библиогр. альманах (Москва). М., 2003. № 2–3. С. 163–188.
- Мондри Г. Писатели-народники и евреи (Г. И. Успенский и В. Г. Короленко). СПб., 2005.
- Москва еврейская: Сб. ст. и материалов / ред.-сост. М. Лобовская. М.; Иерусалим, 2003.
- Накагава Ю. Полемика о еврейском вопросе в русской публицистике конца XIX — начала XX в.: Автореф. дисс. М., 2010.
- Натанс Б. За чертой: Евреи встречаются с позднеимперской Россией / пер. с англ. А. Локшина. М., 2007.
- Нахманович В. Прорыв за Черту: История принятия закона о праве повсеместного жительства евреев — купцов 1-ой гильдии // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1997. № 1 (14). С. 16–40.
- Нелипович С. В поисках внутреннего врага: Депортационная политика России // Первая мировая война и участие в ней России: (1914–1918): Материалы научн. конференции. М., 1994. Ч. 1. С. 54–64.
- Ненароков А. П. Правый меньшевизм: Прозрение российской социал-демократии. М., 2011.

- Никитина М. А. А. М. Горький и Ф. Сологуб: (К истории отношений) // Горький и его эпоха: исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 18–203.
- Пивоварчик С. А. Трагедии Первой мировой войны: еврейшпионы: (По материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / отв. ред. О. В. Будницкий. М., 2005. С. 71–83.
- Орлова А. К истории Еврейского общества поощрения художеств: Петроград, 1915–1919 гг. // Еврейский музей: сб. статей / сост. В. А. Дымшиц, В. Е. Кельнер. СПб., 2004. С. 185–102.
- Панова Г., Белоненко А. Дело Игнатия Закревского // Наше наследие. 2013. № 105. С. 60–71.
- Пайпс Р. Русская революция: в 2 т. М., 2005.
- Пайпс Р. Струве: в 2 т. М., 2001–2004.
- Парнис А. Е. «Ищу я верников в себя...»: Новое о Хлебникове // Литературное обозрение. 1996. № 5/6. С. 12–18.
- Перельман А. Еврейский мир / предисл. и публ. Е. Г. Рабинович; коммент. В. Е. Кельнера // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1998. № 2 (18). С. 226–277.
- Петербургская Городская дума: 1916–1918 / отв. ред. В. А. Нардова. СПб., 2005.
- Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. 1827–1914. М., 2003.
- Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986.
- Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977.
- Поляков Л. История антисемитизма. М.; Иерусалим, 1997. Т. 2: Эпоха знания.
- Равич Л. Скандальное происшествие с Владимиром Зотовым: (Эпизод из истории еврейского вопроса в России) // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1993. № 4. С. 99–118.
- Рахманова Н. Еврейский вопрос в политике В. К. Плеве // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1995. № 1 (8). С. 83–103.
- Розенталь И. Москва начала XX века: Евреи, власть, общество // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1999. № 1 (19). С. 95–119.

- Российский либерализм: Идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 583–588.
- Россия и Первая мировая война: (Материалы междунауч. коллоквиума). СПб., 1999.
- Рудницкий Ш. Асемитизм // Ксенофобия: сб. статей. М., 2003. С. 50–65.
- С. Ю. Витте и «еврейский вопрос» в преддверии революции 1905 г. / вступ. ст., публ. и прим. В. В. Чепарухина // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2004. Т. 1. С. 239–247.
- Сафран Г. Переписать еврея: Тема еврейской ассимиляции в литературе Российской империи: (1870–1880 гг.). СПб., 2004.
- Слиозберг Г. Б. Барон Г. О. Гинцбург: Его жизнь и деятельность: К столетию со дня его рождения. Париж, 1933.
- Соболев А. Л. Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // Donum homini universalis: сб. статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. М., 2011. С. 327–358.
- Соловьев К. Бюрократия versus бюрократия: Парадоксы государственной службы в России в конце XIX — начале XX веков // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 113–121.
- Сонина Е. С. Взлеты и падения петербургского издателя: О. К. Нотович и газета «Новости» // Известия Уральск. гос. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2009. Вып. 4. С. 85–94.
- Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998.
- Степанский А. Д. Максим Моисеевич Винавер: «Ни свобода, ни порядок немислимы, доколе нет в стране гражданского равенства...» // Российский либерализм: Идеи и люди / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М., 2007. С. 583–588.
- Тагер А. Царская Россия и дело Бейлиса. М.; Иерусалим, 1995.
- Тайна Израиля: «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX в. / сост. В. Ф. Бойкова. СПб., 1993.
- Так говорил Жаботинский: Из протоколов съезда Союза для достижения полноправия еврейского народа в России / публ. и коммент. Х. Фирина // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1993. № 4. С. 180–189.
- Терешкович К. М. Московская революционная молодежь 1880-х гг. и С. В. Зубатов. М., 1928.

- Тименчик Р., Копельман З. Вячеслав Иванов и поэзия Х.-Н. Бялика // Новое литературное обозрение. 1996. № 14. С. 102–115.
- Толстая Е. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. Иерусалим; М., 2013.
- Толстая Е. Мир после конца: Работы о русской литературе XX в. М., 2002.
- Толстая Е. Поэтика раздражения. М., 1994.
- Тольц М. Вклад семьи Кулишеров в мировую миграциологию // Демоскоп Weekly. 2014. Вып. 603–604, 16 июня. — 31 июля. С. 1–5.
- Тольц М. Забытый энциклопедист: М. И. Кулишер (1847–1919) // Диаспоры. 2014. № 2. С. 140–176.
- Тун Ф. О «непоправимой чужеродности» Бориса Пастернака // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 126–133.
- Хаеш А. И. Евреи. Литва: Исследования и материалы. СПб., 2013.
- Фельдман Д. З. Первые российские штатданы: Витебский купец Цалка Файбишович // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2004. Т. 1. С. 75–88.
- Ферро М. Николай II. М., 1991.
- Фирсов С. «Еврейская трибуна» и святой Патриарх Тихон // Континент. 2002. № 11. С. 367–379.
- Фирсов С. Л. Константин Победоносцев: Интеллектуал во власти. СПб., 2016.
- Фоменко С. Поляковы: Финансовая империя российских Ротшильдов. М., 2011.
- Френкель Й. Пророчество и политика: Социализм, национализм и русское еврейство: 1862–1917. Иерусалим; М., 2008.
- Фуллер У. «Внутренний враг»: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
- Хазан В. О семье Поляк и проекте борьбы с «мировым черносотенством» // Лехаим. 2011. № 8 (232). С. 23–28.
- Хазан В. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту: Опыт идентификации человека, который делал историю: в 2 т. Иерусалим; М., 2011. Т. 1: Россия — первая эмиграция (1879–1919).
- Хоровиц Б. Генрих Слиозберг: Штрихи к политическому портрету // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1997. № 2 (15). С. 186–205.

- Цинберг С. Л. История еврейской печати в России в связи с общественными течениями. Пг., 1916.
- Черниченко Л. Князь В. В. Барятинский: Биография писателя в России и в эмиграции. М., 2006.
- Черняев В. Ю. Как старый подпольщик встретил своего Христа: И. И. Бунаков (Фондаминский) в России и в эмиграции // Политическая история России XX в.: К 80-летию проф. В. И. Старцева: сб. науч. статей. СПб., 2011. С. 394–402.
- Чуковский и Жаботинский: История взаимоотношений в текстах и комментариях / авт. и сост. Е. Иванова. М.; Иерусалим, 2005.
- Шацлло К. Д. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 103–116.
- Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.
- Шехтман И. Б. Погромы Добровольческой армии на Украине: (К истории антисемитизма на Украине в 1919–1920 гг.). Берлин, 1932.
- Элиасберг Г. А. Драматургия и театральная критика на страницах петербургского «Рассвета»: (1907–1915) // Вестник РГГУ. Сер. «Журналистика. Литературная критика». 2008. № 11. С. 37–42.
- Элиасберг Г. А. «...Один из прежнего Петербурга»: С. Л. Цинберг — историк еврейской литературы, критик и публицист. М., 2005.
- Энгель В. В. «Еврейский вопрос в русско-американских отношениях: (На примере «паспортного» вопроса, 1864–1913). М., 1998.
- Энгель В. В. Либеральные тенденции в «еврейской политике» самодержавия конца XIX — начала XX в. // Вестник Еврейского ун-та (Москва). 1994. № 3 (7). С. 49–63.
- Эстрайх Г. За немцев или за русских?: Нью-Йоркский «Форверст» в Первую мировую войну // Архив еврейской истории: в 9 т. М., 2011. Т. 6. С. 23–137.
- Эткинд А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996.
- Юхнева Н. В. Петербург — многонациональная столица // Старый Петербург: историко-этнографическое исследования. Л., 1982. С. 7–51.

- Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX — начало XX в.: статистический анализ. Л., 1984.
- Яшунский И. Российское еврейство и мировая война / публ. и коммент. В. Е. Кельнера. М., 1999.
- Abramson H. A. Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times: 1917–1920. Cambridge, 1999.
- Altshuler M. Russia and Her Jews: The Impact of the 1914 War // Wiener Library Bulletin. 1973–1974. Vol. 27, N 30/31. P. 12–16.
- Avrutin E. M. Jews and the Imperial State: Identification Politics in Tsarist Russia. Ithaca; London, 2010.
- Beloff M. Lucien Wolf and the Anglo-Russian Entente: 1907–1914. London, 1951.
- Best G. D. Free a People: American Jewish Leaders and the Jewish Problem in Eastern Europe: 1900–1914. Westport; London, 1982.
- Budnitskii O. Jews, Pogroms, and the White Movement: A Historiographical Critique // Kritika: Exploration in Russia and Eurasian History. 2001. Vol. 2, N 4. P. 751–772.
- Cohen N. W. Jacob H. Schiff: A Study in American Jewish Leadership. Hanover, New England, 1999.
- Davitt M. Within the Pale: The True Story of Anti-semitic Persecutions in Russia. New York, 1903.
- Dubnow S. On the Eve of the Third Duma // The American Hebrew. 1907. October 25. P. 7.
- Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, 1983.
- Errera L. Les Massacres de Kichinev. Brussels, 1903.
- Fishman D. E. Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov. New York; London, 1995.
- Fishman D. E. The Rise of Modern Yiddish Culture. Pittsburgh, 2005.
- Frankel J. Crisis, Revolution, and Russian Jews. Cambridge, 2009.
- Gassenschmidt Ch. Jewish Liberal Politics in Tsarist Russia: 1900–1914: The Modernization of Russian Jewry. New York, 1995.
- Glants M. Where Is My Home?: The Art and Life of the Russian Jewish Sculptor Mark Antokolsky: 1843–1902. New York, 2010.
- Goldin S. Deportation of Jews by the Russian Military Command: 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. 2000. N 41/1. P. 40–73.

- Goldsmith E. S.* Modern Yiddish Culture: The Story of the Yiddish Language Movement. New York, 2000.
- Goldstein J.* The Attitude of the Jewish and Russian Intelligentsia to Zionism in the Initial Period (1897–1904) // Slavonic and East European Review. 1986. Vol. 64. P. 546–556.
- Green A.* Moses Montefiore: Jewish Liberator, Imperial Hero. Cambridge, 2010.
- Gutwein D.* The Politics of Jewish Solidarity: Anglo-Jewish Diplomacy and the Moscow Expulsion of April 1891 // Jewish History. 1991. Vol. 56, N 2. P. 23–45.
- Haberer E.* Jews and Revolution in Nineteenth-Century Russia. Cambridge, 1995.
- Hamm M. F.* Liberalism and the Jewish Question: The Progressive Blok // The Russian Review. 1972. Vol. 31, N 2. P. 163–72.
- Harcave S.* The Jewish Question in First Russian Duma // Jewish Social Studies. 1944. Vol. 6, N 2. P. 155–176.
- Henri B. A.* Les Massacres de Kichinev. Paris, 1903.
- Horowitz B.* Empire Jews: Jewish Nationalism and Acculturation in 19th- and Early 20th- Century Russia. Bloomington, 2009.
- Horowitz B.* Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late-Tsarist Russia. Seattle, 2009.
- Horowitz. B.* Maksim Vinaver und die erste russische Staatsduma // Von Duma zu Duma: Hundert Jahre Russischer Parlamentarismus / Hg. P. Trees. Bonn, 2008. S. 115–131. [Перев. на англ.]: *Horowitz B.* Maxim Vinaver and the First Russian State Duma [the article in print].
- Horowitz B.* Victory from Defeat: 1905 and the Society for the Promotion of Enlightenment among the Jews of Russia // The Revolution of 1905 and Russia's Jews / ed. by S. Hoffman, E. Mendelsohn. Philadelphia, 2008. P. 79–95.
- Johnson S.* Pogroms, Peasants, Jews: Britain and Eastern Europeans Jewish Question. London, 2013.
- Karlip J. M.* The Tragedy of a Generation: The Raise and Fall of Jewish Nationalism in Eastern Europe. Cambridge, MA; London, 2013.
- Kenez P.* Pogroms and White Ideology in the Russian Civil War // Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / ed. by J. D. Klier, Sh. Lambroza. Cambridge, 1992. P. 293–313.

- Kizenko N.* Metropolitan Antonii (Khrapovitskii) and the Jewish Question // Metropolitan Antonii (Khrapovitskii): Archpastor of the Russian Diaspora / ed. by V. Tsurikov. Jordanville, 2014. P. 195–206.
- Kleinmann Y.* Neue Orte — neue Menschen: Jüdische Lebensformen in St.-Petersburg und Moskau im 19. Jahrhundert. Göttingen, 2002.
- Klier J. D.* Censorship of the Press in Russia and the Jewish Question: 1855–1894 // Jewish Social Studies. 1986. N 48. P. 121–141.
- Klier J. D.* Imperial Russia's Jewish Question: 1855–1881. Cambridge, 1995.
- Klier J. D.* Russian, Jews, and the Pogroms of 1881–1882. Cambridge, 2011.
- Klier J. D.* The Concept of “Jewish Emancipation” in a Russian Context // Civil Rights in Imperial Russia / ed. by O. Crips, L. Edmondson. Oxford, 1989. P. 121–144.
- Klier J. D.* “The Times of London” the Russian Press, and the Pogroms of 1881–1882 // Carl Beck Papers. 1984. N 308. P. 1–26.
- Krutikov M.* Russian between Myth and Reality: From Meri to Three Cities // Sholem Asch Reconsidered / ed. by N. Stahl. New Haven, Connecticut, 2004. P. 81–105.
- Lederhendler E.* The Road to Modern Jewish Polite: Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community of Tsarist Russia. New York; Oxford, 1989.
- Levene M.* War, Jews and the New Europe: The Diplomacy of Lucien Wolf: 1914–1919. Oxford, 1992.
- Levin V.* Russian Jewry and the Duma Elections: 1906–1907 // Jews and Slavs. 2000. Vol. 7. P. 233–264.
- Litvak O.* Conscription and the Search for Modern Russian Jewry. Bloomington, 2006.
- Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens in World War I. Cambridge, MA; London, 2003.
- Lohr E.* Patriotic Violence and the State: The Moscow Riots of May 1915 // Kritika: Exploration in Russia and Eurasian History. 2003. Vol. 4, N 3. P. 607–626.
- Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportations, Hostages and Violence during World War I // Russian Review. 2001. Vol. 60. P. 404–419.

- Lohr E.* 1915 and the War Pogrom Paradigm in the Russian Empire // *Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History* / ed. by J. Dekel-Chen, D. Gaunt, N. M. Meir, I. Bartal. Bloomington, 2011. P. 42–51.
- Löwe H.-D.* Pogroms in Russia: Explanations, Comparisons, Suggestions // *Jewish Social Studies*. 2004. Vol. 11, N 1. P. 16–23.
- Löwe H.-D.* The Tsars and the Jews: Reform, Reaction, and Antisemitism in Imperial Russia: 1772–1917. London, 1993.
- Makovsky M.* Churchill's Promised Land: Zionism and Statecraft. New Haven, 2007.
- Mendelsohn E.* Class Struggle in the Pale: The Formative Years of the Jewish Workers Movement in Tsarist Russia. Cambridge, 1970.
- Moss K. B.* Jewish Renaissance in the Russian Revolution. Cambridge; London, 2009.
- Nakhimovsky A. S.* Russian-Jewish Literature and Identity. Baltimore, 1992.
- Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkely, 2002. [Перев.: Натанс Б. За чертой: Евреи встречаются с позднимперской Россией / пер. с англ. А. Локшина. М., 2007.].
- Neilson K.* Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance: 1914–1917. London, 1984.
- Orbach A.* The Jewish People's Group and Jewish Politics in Tsarist Russia: 1906–1914 // *Modern Judaism*. 1990. Vol. 10, N 1. P. 1–15.
- Orbach A.* Zionism and Russian Revolution of 1905: The Commitment to Participation in Domestic political Life // *Bar-Ilan Annual of Bar-Ilan University*. 1989. Studies in Judaica and the Humanities XXIV–XXV: Studies of the History and Culture of East European Jewry. P. 7–23.
- Polonsky A.* The Jews in Poland and Russia: Vol. I–III. Boston, 2009.
- Pogroms. Anti-Jewish Violence in Modern Russian History* / ed. by J. D. Klier, Sh. Lambroza. Cambridge, 1992.
- Prato R.* I massacre di Kiscineff. Rome, 1903.
- Prusin A. V.* The Russian Military and the Jews in Galicia: 1914–1915 // *Military and Society in Russia: 1450–1917* / ed. by E. Lohr, M. Poe. Leiden; Boston, 2002. P. 525–544.

- Rabinovitch S.* Jewish Rights, National Rites: Nationalism and Autonomy in Late Imperial and Revolutionary Russia. Stanford, California, 2014.
- Rogger H.* Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles, 1986.
- Rosenberg W. G.* Liberalism in the Russia Revolution: The Constitutional-Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974.
- Rubenstein W. D., Rubenstein H.* Philosemitism: Admiration and Support in the English-Speaking World for Jews, 1840–1939. London, 1999.
- Safran G.* Wandering Soul: The Dybbuk's Creator, S. An-sky. Cambridge; London, 2010.
- Schapiro L.* The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement // The Slavonic and East European Review. 1961. Vol. XV, N 94. P. 148–167.
- Schedrin V.* Jewish Souls, Bureaucratic Minds: Jewish Bureaucratic and Policymaking in Late Imperial Russia: 1850–1917. Detroit, 2016.
- Schneiderman J.* Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. New York, 1976.
- Seltzer R. M.* Jewish Liberalism in Late Tsarist Russia // Contemporary Jewry. 1987. Vol. 9. P. 47–66.
- Shtakser I.* The Making of Jewish Revolutionaries the Pale of Settlement: Community and Identity during the Russian Revolution and its Immediate Aftermath: 1905–1907. London, 2014.
- Singer I.* Russia at the Bar of the American people: A Memorial of Kishinef. New York, 1904.
- Soroka M.* Britain, Russia and the Road to the First World War: The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benckendorff (1903–1916). Farnham, 2011.
- Stanislowski M.* Zionism and the Fin de Siècle: Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky. Berkeley; Los Angeles; London, 2001.
- Studies in Contemporary Jewry: An Annual.* IV: The Jews and the European Crisis: 1914–1921. New York, 1988.
- Szajkowski Z.* Kolchak, Jews and the American Intervention in Northern Russia and Siberia: 1918–1920. New York, 1972.

- Szajkowski Z.* Paul Natan, Lucien Wolf, Jacob Schiff and the Jewish Revolution Movements in Eastern Europe, 1903–1917 // *Jewish Social Studies*. 1967. N 29. P. 3–26.
- The Revolution of 1905 and Russia's Jews* / ed. by S. Hoffman, E. Mendelsohn. Philadelphia, 2008.
- The Voice of America on Kisheneff* / ed. by C. Adler. Philadelphia, 1904.
- Tobias H. J.* The Jewish Bund in Russia: From Its Origins to 1905. Stanford, 1972.
- Trachtenberg B.* The Revolutionary Roots of Modern Yiddish: 1903–1917. Syracuse; New York, 2008.
- Veidlinger J.* Public Culture in the Late Russian Empire. Bloomington; Indianapolis, 2009.
- Weeks Th. R.* From Assimilation to Antisemitism: The “Jewish Question” in Poland, 1850–1914. DeKalb, 2006.
- Weinerman E.* Racism, Racial Prejudice and Jews in Late Imperial Russia // *Ethnic and Racial Studies*. 1994. Vol. 17. P. 442–495.
- Winaver's Saga* / ed. by H. V. Winaver. London, 1994.
- Zipperstein S. J.* The Politics of Relief: The Transformation of Russian Jewish Communal Life during the First World War // *Studies in Contemporary Jewry: An Annual*. IV: The Jews and the European Crisis: 1914–1921. New York, 1988. P. 22–40.

СОКРАЩЕНИЯ

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ИРЛИ РО — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук. Рукописный отдел
ЕКО — Еврейское колонизационное общество
ОПЕ — Общество для распространения просвещения между
евреями в России
ОРТ — Общество ремесленного и земледельческого труда среди
евреев в России
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы
и искусства
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ ДП — Российская национальная библиотека. Дом Плеханова
РНБ РО — Российская национальная библиотека. Рукописный
отдел
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический ар-
хив Санкт-Петербурга
BAR — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History
and Culture, Rare Book and Manuscript Library. Columbia Uni-
versity, New York, USA (Бахметьевский архив русской и вос-
точноевропейской истории и культуры)
САНЈР (ЦАИЕНИ) — Central Archives History Jewish People.
Jerusalem, Israel (Центральный архив истории еврейского
народа. Иерусалим, Израиль)
CZA (ЦЦА) — Central Archives Zionism. Jerusalem, Israel (Цен-
тральный сионистский архив. Иерусалим, Израиль)
ОР БЕУИ — Отдел рукописей Библиотеки Еврейского универси-
тета в Иерусалиме. Department of Manuscripts in the Jerusa-
lem Jewish University
YIVO — Di Organizatsye fun der Yidisher Visensshaft (идиш) —
Institute for Jewish Research. New York, USA. (Институт еврей-
ских научных исследований)

ТЕРМИНЫ

Аггада (сказка, легенда, повествование) — собирательное название содержащихся в Талмуде и Мидрашах притч, легенд, нравоучений. Обязательное чтение во время Пасхального Седера.

Апикойрес — еретик, сомневающийся, безбожник.

Галут (Галус) — изгнание — временное пребывание еврейского народа вне Эрец-Исраэль.

Гаскала (Хаскала) — еврейское просветительное движение.

Иешива — высшее религиозное учебное заведение.

Кашрут — состояние пригодности с религиозной точки зрения пищи, одежды и предметов культа.

Маскил — приверженцы просветительного движения Гаскалы.

Седер — торжественная трапеза и молитва в первую ночь праздника Песах.

Территориализм — национальное движение, целью которого было создание еврейского государства или автономии на любой территории, в том числе и вне Эрец-Исраэль.

Хедер — традиционная еврейская начальная школа.

Экзод — исход.

Эрец-Исраэль — Земля Израиля.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамсон А. Г. 215
Авксентьев Н. Д. 374, 396, 423
Адамович Г. 444, 446
Аджемов М. С. 395, 396
Адлер С. 50
Айзенберг Л. М. 59, 88–90, 93, 99,
100, 117
Айзенштадт М. Г. 235
Айзман Д. Я. 221, 222
Аксаков И. С. 32, 33
Аксельрод П. Б. 8, 32
Алданов М. А. 423
Алейников М. С. 308, 312, 338,
345, 402
Александр III, имп. 35, 40, 41, 61,
62
Александр II, имп. 56, 57
Александр I, имп. 57
Александров П. А. 34
Алексеевский А. 352
Алчевский И. 361, 362
Амфитеатров А. В. 43, 72, 266,
269, 378
Амфитеатров-Кадашев В. А. 378,
381, 387
Андреев Л. 258, 259, 268, 269,
280, 326, 348–354, 365
Анненский И. Ф. 87
Ан-ский С. А. 191, 192, 288, 297,
303, 311, 423, 444
Антокольский М. 31, 65, 257, 261,
276, 278
Антоний (Храповицкий) 101, 102
Антонович М. А. 37
Апостол П. Н. 418, 425
Арабажин К. И. 98, 269
Арбузов А. Д. 231
Аронсон Г. 180
Аронсон Н. 289
Аронсон Ш. Я. 235, 239, 254
Арсеньев К. К. 73, 356
Ахад-Гаам 35, 257, 293, 372
Ашеберг Н. П., ген. 64
Аш Ш. 266, 267, 269
Баал-Махшовес (Эльяшев И.) 363,
364, 432
Бадо А. 6
Бадо С. 6
Бак Ю. Б. 45
Балабанова Е. В. 71
Балуцкий М. 56
Барац Г. М. 423, 435
Барк П. Л. 318, 320
Барятинский В. В. 98
Батюшков Ф. Д. 269, 272, 357
Бахметьев Б. А. 373, 374, 396
Бейзер М. 397, 398
Бейлис М. 44, 72, 279, 280–283,
331, 341, 353, 359, 363
Белковский Г. А. 76, 77, 90
Белый А. 265, 266
Бен-Ами М. 263
Бенкендорф А. К. 156
Бен-Якоб 431
Бердичевский Я. 13
Бердяев Н. А. 347, 354, 357, 364,
423, 438
Берман В. (З.) 134
Берман В. Л. 81, 92
Берне Л. 276
Берсон М. 55
Бершадский С. А. 83
Бикерман И. М. 114, 189, 194,
299, 309, 318, 326, 339, 345
Биконсфильд Б. 440
Бильбасов В. А. 37
Бисмарк О. 440

- Бланк Р. М. 97, 114, 115, 194, 195,
322, 409, 410, 419–421, 427,
428
- Блок А. А. 60, 280, 335, 353, 354,
362
- Блок А. Л. 58
- Блондес Д. А. 100, 101
- Блюменталь Ю. М. 231
- Блюменфельд Г. Ф. 435
- Боборыкин П. Д. 422, 423
- Богданович Е. В. 35
- Боген Б. 398
- Богров Г. И. 37
- Богучарский В. Я. 283
- Бомаш М. Е. (М. Х.) 306, 308, 311,
318, 325, 333–335, 345
- Бомзе М. И. 90
- Бонч-Бруевич А. Д. 348
- Борохов Б. М. 293
- Браз Э. 256
- Брамсон Л. М. 84, 92–94, 96, 114,
115, 117, 121, 148, 185, 194,
235, 238–240, 243, 244,
285, 299, 308, 331, 340,
365, 369, 370
- Брандт Б. Ф. 42, 64, 76, 94, 111,
112
- Браудо А. И. 5, 18, 45, 75, 76, 78,
85, 94–100, 114, 118, 128,
129, 194, 221, 251, 285, 297,
308, 310, 316, 317, 322, 325
- Бродский А. 223
- Бродский И. 437
- Бродский Л. И. 235
- Брук Г. Я. 28, 132, 149, 234, 235,
423, 435, 450
- Бруцкус Б. Д. 134, 331, 336, 390,
398
- Бруцкус Ю. Д. 84, 101, 117, 134,
180, 234, 240, 397
- Брюллов К. П. 277
- Брюллова-Шаскольская Н. В. 312
- Будницкий О. В. 5, 11, 26, 226,
342, 346, 374, 390, 392
- Булгаков С. Н. 362, 424
- Булыгин А. Г. 120
- Бунге Н. Х. 36, 42, 227
- Бунин И. 356, 362, 415
- Буренин В. П. 261
- Бурцев В. Л. 396, 427
- Бялик Х.-Н. 258, 265, 312
- Вальдман А. 6
- Варшавский М. А. 96, 318
- Васильев Н. П. см. Гурлянд И. Я.
- Ватаци Э. А. 99
- Вахтина П. Л. 5
- Вахтин Н. Б. 5
- Вебб М. 4, 6
- Вейсенберг С. Е. 88, 90, 92, 249,
251
- Вейцман Х. 402
- Венгерова З. А. 71
- Венгеров С. А. 176, 214, 257, 264
- Веревкин П. В. 232
- Вермель С. С. 8
- Вернадский В. И. 282, 387
- Веселовский А. Н. 43
- Виленкин А. А. 384
- Виленкин Г. А. 42, 122, 123
- Виленкины 391
- Вильбушевич (Шохат) М. 47
- Вильямс 363
- Винавер Аарон (Артур) 54–56, 65
- Винавер Абрахам (Эдвард) 56
- Винавер Б. 55, 56
- Винавер В. 402
- Винавер Е. М. 443
- Винавер Мария 66
- Винавер Мозес 55
- Винавер (Мордехай) Максим М.
4–6, 12–21, 24–28, 54–61,
64–71, 73, 75, 76, 78–84,
87, 88, 91–93, 100–103,

- 105–108, 110, 111, 113–115,
117–120, 123–125, 127–129,
131–146, 148–175, 177–182,
184–199, 203–205, 209–213,
215–217, 221, 222, 224, 228,
229, 231–233, 235, 236,
238, 245, 246, 249–252,
255–257, 260, 264, 267–270,
273–275, 277–279, 281, 283,
285, 286, 290–292, 294–310,
312, 313, 315, 322, 324–329,
331–333, 335, 337–339,
342–346, 349, 350, 357,
364–368, 370–429, 430–450
- Винавер Регина (Гина) 56
Винавер С. М. 54
Винавер Хава (Ева) 56
Винавер (Хишина) Р. Г. 13, 15, 57,
58, 64–68, 71, 79, 81, 83,
260, 333, 368, 370–372, 375,
377, 378, 380, 382, 383, 392,
393, 439, 449
Винавер Ш. 55
Винавер Я.-И. 54
Виноградов П. 43, 356
Витте С. Ю. 12, 14, 15, 18, 40, 41,
48, 52, 64, 76, 97, 106, 107,
110–112, 117, 119, 122, 123,
163, 218, 256
Вишницер М. А. 292
Вишняк М. В. 396
Водовозов В. В. 78, 107
Военский де Браза К. Д. 413
Волынский А. Л. 73, 261, 264, 267,
268
Вольф Г. И. 231
Вольф И. Б. 231
Вольф Л. 49, 50, 97, 322, 389, 399,
413, 420, 421
Воронцов В. П. 77
Врангель П. Н. 391
Выгодский Я. Е. 235, 240
- Высоцкий Д. В. 249
Гайда Ф. А. 26
Гальперин Я. С. 267, 286
Гамбетта Л. М. 440
Ганелин Р. Ш. 4, 25, 313
Ганфман М. И. 45, 103
Гаркави В. О. 139, 235
Гассеншмидт К. 25
Гейден 143, 164
Гейден П. А. 141, 142, 159, 165,
168
Гейне Г. 276
Гельман Н. И. 235
Герценштейн М. Я. 148, 222
Герцль Т. 47, 48, 49, 51, 52, 85,
134
Гершензон М. О. 262
Герье В. И. 43
Гессен В. М. 113, 215
Гессен И. В. 39, 45, 79, 86, 87, 92,
113, 120, 128, 180, 189, 215,
257, 282, 372, 428
Гессен Ю. И. 126–128, 299, 449
Гец Ф. Б. 43, 72
Гинзбург М. С. 290
Гинзбург С. М. 84, 92, 211, 268,
299, 300, 370
Гинцбург А. Г. 318
Гинцбург В. Г. 251
Гинцбург Г. О. 23, 30, 31, 34, 35,
37, 38, 41, 42, 73, 89, 96,
120, 231
Гинцбурги 31, 37, 70, 73, 89, 231
Гиппиус З. Н. 17, 264, 280, 281,
353, 356, 367, 443, 444,
448
Гирш М. 47
Глазунов А. 361
Глантс А. 6
Глантс М. 6
Глантц М. 289

- Гоберман М. П. 77
 Голлербах Е. А. 16
 Гольдберг Б. А. 135, 136, 139, 183, 234
 Гольдберг Г. А. 28, 65, 235, 423, 436, 444, 449
 Гольденвейзер А. А. 79, 423, 448
 Гольденвейзер А. С. 27
 Гольдин С. 329
 Гольдштейн А. В. 174, 282, 283
 Гольдштейн М. Л. 65, 180, 195, 414, 415, 427, 428
 Гольдштейн С. М. 82
 Гольцев В. А. 43, 65
 Гончарк М. 6
 Гончаров И. А. 73
 Горемыкин И. Л. 317, 318
 Горнфельд А. Г. 14, 71, 74, 78, 80, 81, 84, 88, 92, 195, 221, 295, 301, 449
 Горький А. М. 258, 259, 265, 269, 280, 317, 326, 347–355, 361–365, 412, 438
 Гоц А. Р. 46
 Гошиллер М. Л. 412, 416, 417, 422
 Гран М. М. 309
 Грессер П. А. 62
 Гржебин З. И. 349–351, 361
 Гринбаум И. 308, 336, 345
 Гринченко Н. А. 265
 Грузенберг О. О. 59, 78, 83, 92, 101, 180, 251, 252, 267, 299, 324, 326, 345, 428
 Грузенберг С. О. 84
 Гуревич Э. Б. 306, 311
 Гурко В. Й. 219, 220
 Гурлянд И. Я. (Васильев Н. П.) 149, 217
 Гусев-Оренбургский С. 259, 423
 Гутман Е. В. 71
 Гутник С. М. 386
 Данилевский А. Я. 226
 Дан Ф. И. 369
 Дейч Л. Г. 8, 32
 Делевский Ю. 421, 422, 428, 429, 431, 434
 Десянов И. Д. 35
 Демидов П. П. (Сан-Донато) 37
 Деникин А. И. 387, 389–391
 Джаншиев Г. А. 43
 Дионео (Шкловский И. В.) 420, 421, 422, 431
 Добкин А. И. 308
 Добужские 7
 Долбилов Д. М. 56
 Долгоруков В. А. 40
 Дорошевич В. 269
 Достоевский Ф. М. 33, 34, 263
 Драгомиров А. М. 387
 Дрейфус А. 43, 98
 Дубнов С. М. 4, 5, 8, 13, 15, 24, 32, 33, 39, 53, 61, 62, 82, 83, 85, 118, 126, 129, 132, 133, 149, 154, 193, 204, 206–211, 233–236, 241, 242, 245, 255, 257, 285, 292–294, 297, 300–302, 306, 308, 311, 312, 320, 321, 323, 324, 342, 369–372, 403–408, 412, 421, 427, 433, 435, 449
 Думбадзе Н. А. 45
 Думова Н. Г. 26
 Дурново И. Н. 41
 Дурылин С. Н. 265
 Дымов О. 86, 87, 149, 179, 180, 267, 268
 Дымшиц В. А. 5, 369
 Дю-Шайла А. 415, 421, 431
 Елпатьевский С. Я. 87
 Ефройкин И. Р. 311, 338
 Жаботинский В. 29, 30, 136, 138, 139, 150, 172, 174–181,

- 183–186, 188–193, 200, 263,
274, 278, 285, 288, 450
- Жаботинский В. Е. 172, 175, 180,
215
- Жаботинский В. (З.) 6
- Жилкин И. В. 185
- Житловский Х. 293
- Заборовский К. А. 61
- Зайденман 193
- Зайденман А. 136, 197, 199
- Зайденман Л. О. 88, 90, 93
- Зак А. И. 36, 37, 73
- Закревский И. П. 43
- Залкинд А. В. 207, 251
- Залпушин А. С. 297
- Замысловский Г. Г. 330, 333
- Зарудный А. С. 102
- Заславский Д. И. 236, 312, 449
- Засодимский П. 259
- Зигель Ф. Ф. 57
- Зилоти А. 361
- Зильберфарб М. 245
- Зиновьев Г. Е. 369, 372, 414
- Зубатов С. В. 46, 47, 107
- Зусман Н. В. 35
- Зутнер Б. фон 48
- Иванов А. 5
- Иванова Е. 176
- Иванов Вяч. 258, 265, 280, 349,
363, 365
- Иванович Ст. (Португейс С. О.)
343, 429, 431
- Игнатъев Н. П. 35, 36, 39
- Идельсон А. Д. 20, 136, 177, 183,
348
- Иеринг Р. фон 84
- Извольский П. П. 110
- Изгоев А. С. 45, 195
- Иловайский Д. И. 289
- Ильин И. И. 397
- Иоанн Кронштадский 101, 102
- Иоллос Г. Б. 97, 173, 222
- Каблуков С. П. 321
- Кавелин К. Д. 32, 73
- Каган А. 317
- Казовский Г. 293
- Калганова А. 18
- Калманович А. А. 423
- Калманович С. Е. 102, 103, 239,
309, 346, 349, 449
- Калмыкова А. М. 32
- Каменев Л. Б. 369
- Каменецкий С. Л. 14, 114, 183,
186, 194, 206, 326
- Каминка (Каменка) А. И. 78, 79,
318, 449
- Камков Б. Д. 369
- Каннегиссер А. (И.) С. 290
- Кантор Л. О. 235
- Кантор М. Л. 443
- Канторович В. А. 309, 378
- Кан Ц. 97
- Каплан В. Л. 6
- Карабчевский Н. П. 70, 72
- Кареев Н. И. 58, 356
- Карташев А. В. 356, 423, 424
- Катков М. Н. 32
- Кауфман А. А. 78, 215
- Кауфман А. Е. 34, 35, 44, 215, 261
- Кафафов К. Д. 331, 333, 337
- Каценельсон Л. И. 235
- Кац С. 254
- Кельнер Б. 6
- Кельнер Л. (В.) 6
- Кельнер С. В. 7, 21
- Керенский А. Ф. 308, 331, 340,
365, 369, 370, 375, 379, 380,
382, 384
- Кессель Ж. 412
- Кетчер Н. 350
- Кизеветтер А. А. 124, 357, 443

- Кипен А. 354
 Киреев А. А. 48
 Киценко Н. 102
 Клейнборт Л. Н. 273
 Клейнман И. А. 309, 312, 338, 344, 449
 Клиер Дж. Д. 23
 Клячко (Львов) Л. М. 38, 39, 45, 86, 87
 Кобеко Д. Ф. 76, 95, 96
 Ковалевский М. М. 141, 142, 157, 164, 167
 Коген Г. 290
 Койген Д. 424
 Коковцов В. Н. 112, 120, 219, 220
 Кокошкина М. Ф. 378
 Кокошкин Ф. Ф. 108, 141, 142, 155, 157, 163, 168, 343, 348, 370, 373, 376–378, 383
 Колоницкий Б. И. 5, 283
 Колчак А. В. 390, 391, 395
 Колчак Р. А. 395
 Кони А. Ф. 73, 78
 Конопницкая М. 56
 Копельман З. 487
 Корвин-Пиотровская П. 48
 Коркина Е. Б. 308
 Корнилов А. А., историк 374
 Корнилов, ген. 379, 384
 Коробка Н. В. 340
 Коровин К. 289
 Короленко В. Г. 18, 43, 63, 74, 280, 362, 423, 435
 Коростелев О. А. 455
 Котляревский Н. А. 71, 105, 141, 163
 Котляревский С. А. 163
 Крашевский Ю. 56
 Крейнин М. Н. 207
 Кремье И. А. 47
 Крепс М. Л. 254
 Кривошеин А. В. 315, 316, 320
 Кривошеин А. И. 317
 Кроль М. А. 77, 78, 85, 88, 90, 92–94, 98, 100, 103, 112, 114, 115, 121, 128, 139
 Крупская Н. К. 381
 Крутиков М. 267
 Крылов В. А. 100
 Крым С. С. 387, 388
 Крюков Ф. 259
 Кугель А. Р. 148, 149
 Кузнецова Н. М. 7
 Кулишер А. М. 424, 449
 Кулишер М. И. 59, 74, 75, 80, 88, 93, 94, 97, 112, 120, 195, 297, 423, 449
 Куперник Л. А. 34, 103–105, 135
 Куприн А. И. 269, 272, 280, 361, 362
 Куропаткин А. Н. 52, 263
 Кусевицкий С. 361
 Кускова Е. Д. 85, 92, 95, 357, 361, 363, 398, 423, 425, 432
 Лазарев Е.? 432
 Ландау 189, 305
 Ландау А. Е. 61, 83, 84, 87, 94, 115, 117, 168
 Ландау Г. А. 84, 92, 94, 114, 115, 168, 189, 194, 235, 299, 312, 345, 449
 Лебензон А. Б. 22
 Леванда Л. 53
 Левин В. 25
 Левин Д. А. 71, 78, 79
 Левинзон И. Б. 22
 Левин И. О. 297, 298
 Левин М. 300
 Левинсон А. 425
 Левин Ш. Э. 142, 155, 157, 168, 234, 235, 240
 Левитан И. И. 19, 65, 110, 256, 275–278

- Леонтович Ф. И. 32
 Лесков Н. С. 32, 37
 Лещинский Я. 236, 432
 Либер М. И. 369
 Лившиц Б. 257
 Лилиенталь М. 22
 Лилина З. И. 381
 Линдеман К. Э. 67
 Линский (Шлезингер) М. С. 419, 425, 429
 Литвак А. (Гельфанд Х.-Я.) 235, 294, 368, 374, 390, 446
 Литвин М.-И. 236
 Лопатин Г. 357
 Лопухин А. А. 48, 106, 107, 112, 117
 Лукина Н. 6
 Лукин В. 6
 Лунц Г. 422, 425
 Лурье С. В. 65–67, 71, 443
 Лурье Я. С. 315
 Лучицкий И. В. 102, 356
 Львов В. Н. 376
 Львов Г. Е. 366
 Львов Н. Н. 396

 Мазе Я. И. 235, 239, 254
 Маклаков В. А. 11, 92, 170, 216, 217, 226, 328, 332, 333, 341, 342, 346, 348, 374, 396
 Макмилланы 6
 Максимов Е. Д. 48
 Малышев С. В. 347
 Манасеин Н. А. 61
 Мандельберг В. Е. 215
 Мандель В. С. 207, 302, 337, 427
 Мандельштам В. 22
 Мандельштам М. Л. 391
 Мандельштам О. Э. 74, 257, 281
 Маор И. 402
 Марголин А. Д. 103, 180
 Мария Федоровна, имп. 156
 Марков-(второй) Н. Е. 330
 Маркс К. 276
 Мартов Ю. О. 369
 Маршал Л. 399
 Медем В. Д. 245, 293
 Меерович см. Пасманик Д. С.
 Мельгунов С. 357
 Менделеев П. П. 110
 Меньшиков М. О. 43, 44, 77, 217, 277, 280
 Мережковский Д. С. 280, 356, 423
 Мещерский В. П. 35
 Миллер А. И. 56
 Миллер Всеv. 43
 Милюкова А. С. 381
 Милюков П. Н. 14, 18, 26, 43, 75, 87, 94, 95, 114, 120, 163, 170, 173, 174, 210, 216, 228, 229, 269, 273, 274, 279, 325–329, 335, 336, 343, 346, 371–375, 377, 379–381, 384–386, 391–393, 397, 398, 423, 425, 432, 441, 442, 444
 Миндлин А. Б. 41
 Минилов Р. Р. 43
 Минкина О. Ю. 22
 Минор О. С. 46
 Минцлова А. 265
 Миркин-Гецевич (Мирский) Б. 417, 418, 422, 429, 431
 Миронов П. Г. 101
 Михаил Николаевич, вел. кн. 34
 Мицкевич А. 56
 Мовшович Д. Е. 322
 Мольтке Х. фон 428
 Монтефиоре М. 12, 47, 55
 Морозов Н. 357
 Моцкин Л. Е. 97
 Моцкин М. 402
 Мочульский К. 425
 Муратов Н. П. 45
 Муромцев С. А. 43, 151, 423

- Мякотин В. А. 179, 357
- Набоков В. В. 394
- Набоков В. Д. 78, 86, 87, 101, 108, 113, 141, 163, 282, 363, 374–376, 380, 381, 392, 423, 428, 432
- Надсон С. 261
- Наживин И. Ф. 392
- Найдич И. А. 235
- Натан П. 97, 413
- Натанс Б. 5, 6, 23, 25, 42, 81
- Наткович С. 189
- Некрасова А. 6
- Немирович-Данченко В. 357
- Нессельроде А. Д. 422, 431
- Никитин В. Н. 34
- Николай II, имп. 18, 41, 82, 120, 151, 154, 218, 219, 406
- Николай Николаевич, вел. кн. 314
- Никольская В. Г. 71
- Никольский Б. В. 78, 79
- Нилус С. А. 421
- Нисселович Л. Н. 224, 227–231, 298
- Новгородцев П. И. 141, 163
- Новикова (Киреева) О. А. 34, 48
- Новикова О. 6
- Нольде Б. Э. 423
- Нордау М. 48
- Нотович О. К. 44
- Оболенский А. Д. 110
- Оболенский В. А. 151, 153
- Овсяннико-Куликовский Д. 350
- Огановский Н. П. 340
- Ожешко Э. 56
- Орбах А. 25
- Орловский Е. 44
- Оршанский И. Г. 35
- Осоргин М. 423
- Острогорский М. Я. 15, 24, 140, 142, 145, 148, 150, 157, 167, 195, 212, 213, 215, 222
- Павел I, имп. 55
- Пайпс Р. 180, 260
- Пален К. И. 36, 37
- Панина С. В. 383
- Пасманик Д. С. (псевд. Давидсон А., Меерович) 136, 174, 369, 422, 427, 431
- Пассовер А. Я. 27, 69, 70, 77, 81
- Пастернак Б. 265, 266
- Патрикеева О. А. 153
- Пергамент О. Я. 79, 216, 223
- Перельман А. Ф. 86, 96, 224, 233, 236, 241, 287, 296–299, 301–305, 309, 311, 313, 345, 449
- Перетц А. 36
- Перетц Е. А. 34, 36
- Переферкович Н. А. 222
- Перец И.-Л. 294
- Петр I, имп. 167
- Петражицкий Л. И. 141, 163
- Петрункевич А. С. 16
- Петрункевич И. И. 14, 16, 18, 107, 108, 113, 141, 142, 149, 150, 155, 157, 163–165, 326, 387, 392, 396, 427, 432, 436, 440–442, 445
- Пешехонов А. В. 357
- Пешкова Е. П. 269, 349
- Пешкова М. Ф. 353
- Пихно Д. 280
- Плевако Ф. Н. 62
- Плеве В. К. 47–51, 89, 90, 118, 218, 322
- Плеханов Г. В. 32
- Победоносцев К. П. 35, 36, 40, 41
- Познер С. В. 5, 16, 65, 91, 92, 97, 100, 182, 195, 221, 222, 308,

- 310, 349, 350, 357, 362, 364,
365, 412, 430–434, 438, 449
- Половцов А. А. 41
- Поляк М. Г. 416
- Поляков (Литовцев) С. Л. 416,
419, 420, 421, 425, 430, 431
- Поляков М. 189
- Поляковы 31, 37
- Португалов Г. М. 297
- Португейс С. О. (Иванович Ст.)
429, 431
- Поссе В. 272, 273
- Пришвин М. М. 353
- Прокопович С. Н. 357, 398
- Проппер С. М. 361
- Протопопов А. Д. 317, 321
- Пруст Б. 56
- Пуришкевич М. 372
- Пушкин А. С. 8, 55, 262, 437
- Рабинович Г. 235
- Рабинович Л. Г. 215, 240, 241
- Рабинович О. 263
- Рабинович С. 25
- Равницкий И.-Х. 175
- Радлов Э. Л. 76, 110
- Райнис Я. З. 235
- Распутин Г. 319
- Ратаев Л. А. 95
- Ратнер М. Б. 103, 113
- Рафалович А. Г. 42
- Редигер А. Ф. 212, 213
- Рейнак С. 399, 413, 421
- Рейтерн М. Х. 36
- Рец Ю. С. 7, 179
- Римский-Корсаков А. 357
- Родзянко М. В. 335
- Родичев Ф. И. 106–108, 141, 142,
155, 157, 163, 165, 332, 379,
380, 383, 392, 421, 432
- Розанов В. В. 109, 171, 256, 261,
280, 281, 367
- Розенбаум С. Я. 142, 157, 168,
248, 254
- Розен М. 55
- Розов И. А. 308
- Ростовцев М. И. 423
- Ротшильды 31, 47
- Рубакин Н. А. 71
- Рубинштейн 276
- Рубинштейны, бр. 423
- Руднев В. В. 413–419, 421–423,
429, 433
- Рудницкий Ш. 60
- Руманов А. В. 268, 269
- Румянцев Н. Ф. 141, 164
- Рутенберг П. 285
- Рысс П. Я. 391, 422, 429, 431
- Савинков Б. В. 384, 396
- Савич Н. В. 391
- Садовской Б. А. 280
- Сажин В. Н. 6
- Сазонов С. Д. 318, 320
- Сакер Я. Л. 235, 305, 309, 312, 331
- Салтыков-Щедрин М. Е. 32
- Сватиков С. Г. 421
- Свентоховский А. 56
- Свердлов Я. М. 369
- Северянин И. 357
- Сев Л. А. 65, 66, 71, 73, 79, 113,
117, 118, 195, 297, 298,
303–305
- Семенов Ю. Ф. 386
- Серафимович А. 356
- Сеченов И. М. 67
- Симанович А. 319
- Симон Дж. 97
- Скоропадский П. П. 385, 386
- Слиозберг Г. Б. 59, 65, 70, 71, 73,
76, 79, 88–90, 93, 96, 97, 99,
100, 103–105, 112, 120, 180,
188, 195, 204, 210, 231–233,
236–240, 243, 244, 247, 248,

- 251–253, 290, 301, 304, 308,
318–322, 337, 365, 370, 371
- Смирнова-Сазонова С. И. 153
- Соболев А. Л. 349
- Соколова А. В. 5
- Соколов Н. Д. 103, 104, 402
- Соколов Н. П. 456
- Соловьев В. С. 43, 63, 71–73, 423
- Сологуб Ф. К. 280, 325, 326,
348–355, 362, 364, 365
- Сольский Д. М. 36
- Сорин Н. 426
- Соркин И. В. 31
- Сорока-Воробьева М. 5, 102, 157
- Спасович В. Д. 61, 63, 68, 70, 100
- Станиславский М. 48
- Станкевич В. Б. 414
- Стасова Е. Д. 381
- Стасов В. В. 73
- Стасюлевич М. М. 73
- Стахович А. А. 273
- Стахович М. А. 141, 143, 164
- Стеклов Ю. 369
- Степанск 389
- Степанский А. Д. 26, 389
- Степун Ф. А. 189
- Столетов 43
- Столыпин А. А. 217
- Столыпин П. А. 141, 145, 212,
213, 218–220, 230, 298, 316
- Стояновский Н. И. 78
- Струве П. Б. 14, 78, 103, 180, 181,
260, 269–275, 277, 278,
316, 317, 326, 356, 424,
425, 435
- Суворин А. А. 176
- Суворин А. С. 35, 100, 217
- Суворин М. А. 413
- Суворов А. В. 55
- Сулькевич С. 386
- Сыркин М. Г. 80, 84, 128, 195,
299, 315, 431
- Сыркин Н. Г. 65
- Сытин И. Д. 269
- Таганцев Н. С. 78
- Тан-Богораз В. Г. 222, 264
- Таненбаум А. С. 435
- Тарасова Л. 7
- Тарасов Ю. 7
- Тейтель Я. Л. 37, 180, 285, 290
- Темкин В. И. 251
- Теплицкий Г. М. 297
- Теплицкий Я. Н. 297
- Тимирязев К. А. 43, 67
- Тиняков А. И. 280
- Тихон, патр. 426
- Толмачев И. Н. 45, 223
- Толстой 110
- Толстой И. И. 109, 110, 127, 128,
170, 289, 355, 356
- Толстой Л. Н. 32, 43, 63, 67, 262,
415
- Тривус (Шми) М. Л. 118, 195, 210,
245, 251, 252, 296, 297,
303–305, 309, 349, 350, 449
- Троцкий Л. 369, 372
- Трубецкой Е. Н. 348
- Трубецкой П. Н. 171
- Трубецкой С. Е. 348
- Трубецкая Е. Н. 92
- Туган-Барановский М. И. 77, 273
- Тургенев И. С. 31, 73
- Тыркова-Вильямс А. В. 17, 18, 92,
118, 124, 151, 153, 217, 259,
260, 274, 275, 279, 326–328,
363, 386, 391, 420
- Угет Г. 389
- Урицкий М. С. 290, 381
- Урусов С. Д. 48, 141, 163, 164
- Усышкин М. 136, 138, 178, 183,
285
- Утины 73

- Ухтомский Э. Э. 110
- Файнберг Д. Ф. 39
 Файнштейн И. 254
 Фейгельсон А. С. 45
 Фейнберг Д. Ф. 235, 251
 Философов Д. 356
 Фино Ж. 222
 Фирсов С. Л. 426
 Фишман Д. 22
 Флексер Х. (Аким Волынский) 73, 264
 Флоренский П. А. 280, 281
 Флоря Т. Б. 7
 Фойницкий И. Я. 78
 Фондаминский И. И. 46, 146 396
 Фортунатов С. 43
 Фортунатов Ф. 43
 Френкель Й. 25
 Френкель Я. Г. 308
 Фридман Н. М. 223, 224, 227, 229, 231, 235, 238, 240, 306, 307, 311, 318, 323, 325, 328, 332, 333, 341, 342, 344
 Фруг С. Г. 62, 261, 263
 Фрумкин З. Г. 148
 Фрумкин Я. Г. 94, 96, 97, 99, 114, 194, 310, 325, 332, 333, 365
- Хаеш А. И. 6
 Хазан В. 6, 266, 285
 Харитон Б. О. 45
 Хвольсон Д. А. 34
 Хвостов А. Н. 45, 46
 Хейфец И. М. 176
 Хейфиц Я. 361
 Хин-Гольдовская Р. М. 307, 308, 363
 Хишин Г. 66
 Хишины 67
 Хлебников В. 74, 280, 281
 Ходасевич В. 423
- Ходотов Н. Н. 266
 Хоровиц Б. 91, 140
 Хоронжицкий С. И. 207
 Хорошко В. 362
- Цинберг С. Л. 88, 174, 311, 449
- Чайковский Н. В. 357, 396
 Чацкина С. И. 312
 Чеботарева Т. 6
 Чеботаревская А. 349, 353
 Челноков М. В. 282, 348
 Чепарухин В. В. 110
 Червоненкис М. Р. 148
 Чернов В. М. 423
 Черчилль У. 420
 Чехов А. П. 262
 Чириков Е. Н. 259, 266–269, 272, 275, 280, 352, 356
 Чичерин Б. Н. 43
 Членов Е. В. 183, 334
 Чуваков В. Н. 269
 Чуковский К. И. 87, 175, 176, 178, 262, 263, 265
 Чулков Г. 356
 Чупров А. И. 43
 Чхеидзе Н. С. 332, 374
- Шагал М. 19, 64, 152, 256
 Шайкевич А. 267, 268
 Шанявский А. Л. 295
 Шапиро Я. Н. 215
 Шаскольский А. И. 313
 Шаховской Д. И. 118, 357
 Шейнис Л. И. 431
 Шефтель М. И. 14, 28, 59, 96, 195, 212, 247, 249, 297, 308, 341
 Шехтер С. 203
 Шиманский А. 222
 Шингарев А. 279, 346, 351, 375, 383
 Ширбан (Щербань) Н. 6

- Шифф Дж. Г. 47, 50, 122, 203, 204
 Шкловский В. 74
 Шкловский (Дионео) И. В. 420, 431
 Шлейцер Б. 425
 Шляпников А. Г. 317
 Шмаков А. С. 104, 105, 217
 Шнеерсон И. 254
 Шнеерсон Ш.-Д.-Б. 254
 Шолом-Алейхем 39
 Шолохова Л. 6
 Шполянский 417
 Шрейдер Г. И. 381
 Штейнберг А. З. 264
 Штернберг Л. Я. 183, 195, 210, 221, 308
 Штильман Г. 180
 Штильман Н. 180
 Штиф Н. И. 235
 Штюмер Б. В. 317, 318
 Шульгин В. В. 120, 146, 150, 280, 283, 330, 337, 346, 385
 Щегловитов И. Г. 44, 220, 285
 Щеголев П. 349, 350
 Щедрин В. 6, 22
 Щепкин Е. Н. 43, 155, 156
 Щербань Н. см. Щирбан Н. 6
 Щербатов Н. Б. 315, 318–321
 Эрлих Г. 369, 449
 Эстрайх Г. 5
 Эфрон (Литвин) С. К. 100
 Юдин Я. Г. 250
 Юноша К. 56, 222
 Ющинский А. 281
 Якубсон В. Р. 144, 148, 212
 Янжул И. И. 43, 78
 Янсон Ю. Э. 78
 Янушкевич Н. Н. 314, 315
 Ярлыкова (Кирилова) О. 7
 Яхонтов А. Н. 313, 316, 318, 320
 Яшунский И. Х. 21
 Klier J. D. 388
 Lambroza Sh. 388
 Mendelsohn E. 137, 294

SUMMARY

Viktor Kelner

The Shield. Maxim Vinaver and the Jewish Question in Russia in the Late 19th - Early 20th Century

EUSP Press, 2018. — 510 pp., ISBN 978-5-94380-265-2

The book is devoted to the history of the Jewish question in Russia, the Jewish rights and political movement, the role of Jewish parties and organizations in the political and public life of Russia and their efforts to protect and advocate for the national interests of their people. Maxim Vinaver, the prominent politician, lawyer, member of the Central Committee of the Party of People's Freedom (Constitutional Democratic Party) and member of the First State Duma, played a central role in these activities.

The first legal Jewish political organization in Russia, the League for the Attainment of Full Rights for the Jewish People in Russia, was founded in 1905 and led by Maxim Vinaver. With the exception of socialists, representatives of virtually all currents of Jewish political life, such as Zionists, autonomists, liberals and narodniks took part in the work of the League. The ideas of the League were later embodied in the activities of Jewish national public and political structures, such as the Jewish People's Group, Jewish Democratic Group, Folkspartei, and the Zionist movement.

The book attempts to analyze the role of the Jewish question in the evolution of Russian social and public life in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century, including the eve and the period of World War I, the revolutionary events of 1917, Civil War, and emigration. A significant part of this monograph studies the impact of the Jewish liberal movement on the mechanism of decision-making on the Jewish question by various Russian political and state structures.

The book was written based on documents from archives in Russia, the United States and Israel.

Научное издание

Кельнер Виктор Ефимович

**ЩИТ. М. М. ВИНАВЕР И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Редактор, корректор — *Н. А. Славгородская*

Дизайн — *А. Ю. Ходот*

Верстка — *Л. В. Васильева*

Подписано в печать 20.09.18.

Формат 60×84^{1/16}.

Усл. печ. л. 30,56. Тираж 500 экз.

Издательство Европейского университета

в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А

e-mail: books@eu.spb.ru

тел.: +7 812 386 76 27

факс: +7 812 386 76 39

Сайт и Интернет-магазин Издательства

WWW.EUPRESS.RU

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»

192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел./факс (812) 766-05-66.

E-mail: book@renomespb.ru; www.renomespb.ru

Заказ № 217.

М. М. Винавер — молодой петербургский адвокат. Фотопортрет. 1901(?) (Из частного собрания)

Экслибрис домашней библиотеки
М. М. Винавера

Петербургский вокзал в Варшаве. С этого вокзала Мордехай Винавер отправился в Санкт-Петербург, для того чтобы стать Максимом Моисеевичем (РНБ. Отдел эстампов)

Заседание ЦК Партии народной свободы в доме В. Д. Набокова (третий справа — М. М. Винавер, четвертый — П. Н. Милюков, на переднем плане (за столом, в пенсне) — А. В. Тыркова-Вильямс)

Делегаты съезда Союза за достижение полноправия еврейского народа в России. Вильно. 1906
(пятый справа — С. М. Дубнов, четвертый — И. Л. Кантор. Во втором ряду седьмой справа — М. М. Винавер,
шестой — Ш. Левин) (Central Archives Zionism. Jerusalem, Israel)

«К вопросу о еврейском равноправии в России». Карикатура.
(Сатирический журнал «Настоящее жало» (Харьков). 1906. № 34
(Предоставлено Ю. С. Рец).

Надпись на подошве ботинка: «Резолюция»

Депутат Государственной думы
М. М. Винавер. Фотопортрет.
1906 (РНБ. Отдел эстампов)

№ 36-й.

2-й годъ изданія.

1907 г.

2-й годъ изданія.

Цѣна 5 коп.

НАСТОЯЩЕЕ

ЖАЛО

ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЮМОРИСТИКИ.

ОРГАНЪ НЕЗАВИСИМОЙ МЫСЛИ.

Подписка продолжается. Журналъ выходитъ ежедневно. Подписка цѣна въ Харьковѣ 2 р. 50 к. въ годъ. Иногороднымъ въ годъ 3 рубля. Допускается расрочка: при подпискѣ 2 рубля и въ 1-му августу остальныя деньги. Отдѣльныя ММ высылаются за 7-ми коп. марку.—Журналъ за вромій 1906 г., въ переплетѣ, высылается за 2 рубля. Приемъ во дѣлахъ редакціи ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 2—4 ч. дня. Статьи, стихотворенія и проч., доставляемыя въ редакцію, должны быть за подписью автора, съ указаніемъ адреса. Статьи безъ указанія говорара считаются безлатными. Адресъ редакціи: Харьковъ, Кулачечная ул. № 21. Адресъ для писемъ и телеграммъ: Харьковъ—«Жало».

— Кажется, одинъ какой-то тащится съ бюллетенемъ!..

Титульный лист сатирического журнала «Жало»
(Предоставлено Ю. С. Рец)

Из серии почтовых открыток «Дети-политики».
Художник В. А. Турбин. 1917 (РНБ. Отдел эстампов)

В. (З.) Жаботинский.
 Фотопортрет. 1910
 (Central Archives Zionism.
 Jerusalem, Israel)

Неизвестный художник.
 М. М. Винавер. 1919
 (Источник: Черта 1791–1917:
 К 100-летию отмены черты осед-
 лости / под ред. А. Энгельса.
 М.: Точка, 2017)

ЩИТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА, МАКСИМА ГОРЬКАГО и
ВЕДОРА СОЛОГУБА.

ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ
Русскаго Общества для изученія еврейской жизни.

Визитная карточка депутата IV Государственной думы М. Х. (Е.) Бомаша
(Предоставлено В. Бомашем)

Временное правительство. Почтовая открытка. Март 1917
(РНБ. Отдел эстампов)

ЕВРЕЙСКАЯ ТРИБУНА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИНТЕРЕСАМЪ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА	въ годъ		въ 3 мѣс.
	Во Франціи и Колоніяхъ	15 фр.	4 фр.
	Заграницей	18 " 5 "	

РЕДАКЦІЯ И АДМИНИСТРАЦІЯ

3, Rue Washington, Paris (8e) — Téléphone : Élysées 28-21

СОДЕРЖАНІЕ

Историческій опытъ	И. Василевскаго.
Защита культуры	Петра Рысса.
Права меньшинствъ. (Итоги)	Прив.-доц. Миркина-Гецевича.
Русскій ученый и еврейскій вопросъ (Изъ воспоминаній о проф. И. Д. Андреевѣ)	Алексѣя Елаича.
Реакція и евреи	Н.
Еврейскіе кооперативы въ восточной Европѣ	А. Н.
На случайный темы. Священники-специалисты. — Религія или погромъ. — Исторія одной кражи. — О знаменитомъ ученомъ и объ одномъ графѣ. — Псевдонимы	Бень-Якова.
Письмо изъ Латвіи	М. Л.

Обзоръ печати.

Замѣтки и хроника: Совѣщаніе членовъ учредительнаго Собранія. — Погромы въ Бессарабійской Улабій и

прошу. — Р. Р. S. и еврейскій вопросъ. — Еврейскія общины въ Буковинѣ. — Воззваніе американскихъ содѣлать

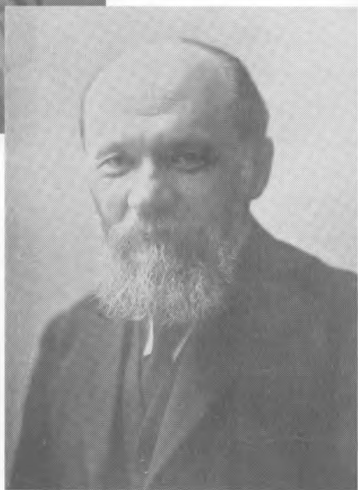
обще-русскійскаго эмигрантскаго, — вовсе не исчерпывается той аналогіей, какая кидается въ глаза при сравненіи паспортныхъ стѣсненій въ области русскихъ визъ съ правилами о чертѣ осѣдлости и правосиительствѣ.

Таргическая аналогія идетъ гораздо дальше. Читатель въ тѣ извѣстія о жизни русскихъ бѣженцевъ, какія поступаютъ со всѣхъ концовъ земного шара (гдѣ теперь нѣтъ русскихъ?), вдумайтесь въ то положеніе, какое создается и съ каждымъ днемъ крѣпнѣетъ на нашихъ глазахъ. Русскихъ бѣженцевъ оскорбляютъ въ Сербіи, унижаютъ въ Болгаріи, избиваютъ въ Румыніи, оплевываютъ въ Польшѣ, не пускаютъ въ Америку, выселяютъ изъ Австріи, издѣваются въ Чехо-Словакии. Ихъ обвиняютъ одновременно и въ большевизмѣ, и въ буржуизмѣ, ихъ презираютъ и за то, что они бѣдны, (понаѣхало нищихъ!) и за то, что они богаты (ишь, какъ разрядились! Брильянтовъ сколько нацѣпили!) Ихъ въ одно и тоже время упрекаютъ и въ бездѣлничествѣ (ничего не дѣлаютъ, только бы паекъ получать!), и въ чрезмѣрной погонѣ за работой (на все кидаются, — только цѣны на работу сбиваютъ!)

Но и этимъ не исчерпывается еще указанная трагическая аналогія. На нашихъ глазахъ создается и разрастается по отношенію къ русскимъ бѣженцамъ то самое «отталасиваніе», каковое, въ отношеніи къ евреямъ, спонсоръ вѣка, извѣстно подъ именемъ антисемитизма.

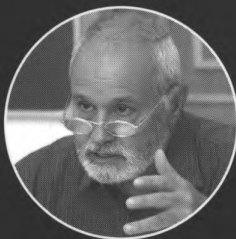

Е. М. Винавер с матерью
Р. Г. Винавер. Фото. 27 мая 1922 г.
Фотография сделана в Оксфорде
в день вручения Е. М. Винаверу
диплома об окончании университета

М. М. Винавер. Фотопортрет. 1925
(Источник: М. М. Винавер и русская общественность
в конце XIX — начало XX века. Париж, 1937)

Книга посвящена истории *еврейского вопроса* в России, еврейского правозащитного и политического движения, роли еврейских партий и организаций в политической и общественной жизни России и их деятельности по защите и продвижению национальных интересов своего народа. В центре этой деятельности стоял известный политик, юрист, член ЦК Партии народной свободы (Конституционно-демократической партии), депутат Первой Государственной думы М. М. Винавер. В книге делается попытка проанализировать роль еврейского вопроса в эволюции общероссийской общественной жизни второй половины XIX — начала XX века, в том числе накануне и в период Первой мировой войны, революционных событий 1917 года, Гражданской войны и эмиграции. Значительное место в работе отведено исследованию воздействия еврейского либерального движения на механизм принятия решений по еврейскому вопросу различными российскими политическими и государственными структурами.

Кельнер Виктор Ефимович —

научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге (Межфакультетский центр «Петербургская иудаика»); профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Основные научные интересы: история евреев в России во второй половине XIX — начале XX в., история еврейского национального и политического движения, история книжного дела в России, история либерального движения в России. Автор более 300 публикаций, в том числе пяти монографий.

ISBN 978-5-94380-265-2

